

Эрнест Хемингуэй

Ernest Hemingway

Зеленые холмы Африки
Проблеск истины

Зеленые холмы Африки. Проблеск истины

Эрнест Миллер Хемингуэй

Аннотация
Эрнест Хемингуэй. Зеленые холмы Африки. Проблеск истины
Зеленые холмы Африки
  Предисловие автора
  Часть первая. Охота и разговоры
    Глава первая
    Глава вторая
  Часть вторая. Память об охоте
    Глава первая
    Глава вторая
    Глава третья
    Глава четвертая
    Глава пятая
    Глава шестая
    Глава седьмая
  Часть третья. Неудачная охота
    Глава первая
    Глава вторая
  Часть четвертая. Радость от охоты

Глава первая
Глава вторая
Проблеск истины
Вступительное слово
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Кто есть кто
Словарь суахили

От переводчика
От редактора
Содержание

Аннотация

Автобиографическая повесть «Зеленые холмы Африки» – одно из произведений, заложивших основу мифа о «папе Хэме» – смелом до безумия авантюристе-интеллектуале, любимце женщин, искателе сильных ощущений и новых впечатлений.

«Проблеск истины» – книга, в которой истина неразделимо смешивается с вымыслом, а автобиографические мотивы – с литературными.

1953 год. Эпоха знаменитых «белых охотников» в Африке уходит в прошлое, Черный континент раздирают восстания и гражданские войны.

Однако Хемингуэй в последний раз пытается вернуть ушедшее. И, продолжая тему «Льва мисс Мэри», он вместе с женой отправляется на свое последнее африканское сафари…

Эрнест Хемингуэй
Зеленые холмы Африки
Проблеск истины

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1999, 1935
© Перевод. В. Бернацкая, 2016
© Перевод. Н. Красников, 2012
Школа перевода В. Баканова, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Зеленые холмы Африки

Дорогой мистер Дж. Ф.[1]

Оповестите всех, что вы вымышленный характер, и не ваша вина в том, что писатель наградил вас такой речью. Мы все знаем, как изящно выражаются хорошо воспитанные люди, но всегда найдутся такие, которые — ужас как! — боятся вульгарности. Вы знаете, как следует поступить с теми, кто назовет вас Старик. И помните, я не списывал Старика с вас. Это полностью вымышленный персонаж. В любом случае эта книга посвящается вам, и нам очень вас не хватает.

Э. Х.

[1] Примечания: 1

Дж. Ф. — известный профессиональный британский охотник Филип Персиваль (его в романе называют Старик, Джексон Филип и Дж. Ф.).

Предисловие автора

В отличие от большинства книг здесь нет ни одного вымышленного героя или события. Если кто-либо из читателей сочтет, что я не уделил любви подобающего места, то этот читатель или читательница вольны наделить героев моей повести теми чувствами, которые сами испытывали бы на их месте. Автор стремился создать абсолютно правдивую книгу, чтобы выяснить, может ли такое правдивое изображение событий одного месяца, а также страны, в которой они происходили, соперничать с творческим вымыслом.

Часть первая
Охота и разговоры
Глава первая

Мы сидели вблизи соляного источника, в укрытии, которое охотники из племени вандеробо сварганили из сучьев и веток, и тут впервые затарахтел мотор грузовика. Пока он был вдали, никто не понимал, что это такое. На какое-то время шум стих, и у нас появилась надежда, что мы ослышались или то просто ветер шумел. Но звук стал опять нарастать, и теперь сомнений не было, мотор почти ревел — все ближе и ближе, пока, захлебываясь перебоями в двигателе, с громкими выхлопами, грузовик не проехал прямо за нашим укрытием к дороге. Один из двух охотников — тот, что любил во все вносить драматизм, — театрально поднялся.

— Все провалилось, — сказал он.

Приложив палец к губам, я жестом усадил его.

— Все провалилось, — повторил он и широко развел руками. Мне он никогда не нравился, а сейчас и подавно.

— Подождем немного, — прошептал я.

М’Кола покачал головой. Я глядел на его лысый черный затылок, а когда он слегка повернулся, мне стали видны в уголках его рта редкие, как у китайца, усики.

— Плохо дело, — сказал он. — *Hapana m’uzuri*[2].

— Давай подождем, — повторил я.

Он снова склонил голову, чтоб не маячить поверх сухих сучьев, и мы сидели в пыльной яме до тех пор, пока не стало так темно, что я уже не мог разглядеть прицел на своем ружье. Антилопы так и не появились. Наш охотник-артист весь издергался. С последними проблесками света он шепнул М’Коле, что в такой тьме уже не постреляешь.

— Да заткнись ты! — одернул его М’Кола. — Бвана[3] стреляет, когда ты уже ни зги не видишь.

Другой охотник, чему-то учившийся, продемонстрировал свою грамотность, нацарапав острой веткой на черной ноге свое имя «Абдулла». Я не выразил восхищения, и М’Кола тоже бесстрастно отнесся к его усилиям. Спустя некоторое время охотник стер написанное.

Бросив последний взгляд на стремительно

---

[2] Примечания: 2
Ничего хорошего *(суахили).*

[3] Примечания: 3
Господин *(суахили).*

уходящий свет, я понял, что толку не будет, даже если до предела раздвинуть ветки.

М'Кола молча ждал.

— Не повезло, — сказал я.

— Да, — согласился он на языке суахили. — Идем в лагерь?

— Идем.

Мы поднялись, вылезли из укрытия и пошли к дороге по твердому песку, нащупывая путь меж деревьями и спутавшимися ветками. В миле отсюда, на дороге, нас ждала машина. Когда мы приблизились, шофер Камау включил фары.

Грузовик все испортил. Днем, оставив автомобиль на дороге, мы осторожно пробрались к солонцу. За день до этого прошел дождь, но не настолько сильный, чтобы затопить солонец, который выглядел как клочок земли меж деревьев, весь изрытый и истоптанный по кругу и с ямками в тех местах, где звери вылизывали соль. Среди прочих следов мы различили вытянутые, сердцевидные свежие следы четырех крупных самцов куду, приходивших лизать соль прошлой ночью, и множество таких же свежих следов антилоп поменьше. Приходил также носорог, и, судя по следам и растоптанным кучкам желтоватого помета, он не пропускал ни одной

ночи. Укрытие соорудили на расстоянии летящей до солонца стрелы, и, сидя там, среди золы и пыли, откинувшись на край ямы, с поднятыми коленями и втянутой в плечи головой, я увидел сквозь тонкие ветви с сухими листьями, как из кустарника вышел и остановился на краю соляного источника небольшой самец антилопы — серый красавец с могучей шеей, его витые рога спиралью сверкали на солнце. Я прицелился ему в грудь, но потом передумал стрелять, боясь спугнуть крупных куду, которые непременно придут в сумерки. Самец услышал шум грузовика раньше нас и мигом скрылся среди деревьев, и все живое, что двигалось в кустах и на равнине или спускалось с холмов, направляясь к солонцу, тоже замерло при звуках металлического лязга и выхлопов. Они придут позже, в темноте, но тогда будет слишком поздно.

И вот теперь автомобиль ехал по плотной песчаной дороге, выхватывая фарами из мрака глаза припавших к земле ночных птиц, они взлетали в панике от надвигавшейся громады, а в стороне жгли костры переселенцы, которые днем тянулись на запад, спасаясь от голода в их местах — тех, что лежали перед нами. Я сидел, упершись прикладом в ботинок и держа ствол

под мышкой левой руки, коленями я сжимал бутыль, из которой наливал в железную кружку виски, передавая ее в темноте через плечо М'Колы, тот подливал туда воды из большой фляги, и я с наслаждением выпивал первую, самую вкусную порцию спиртного за день, глядел на густой темный кустарник, ощущал прохладный ночной ветерок и, вдыхая неповторимые ароматы Африки, чувствовал себя абсолютно счастливым.

Впереди горел большой костер, и, когда мы подъехали ближе и поравнялись с ним, я обратил внимание на стоявший у дороги грузовик. Я попросил Камау остановиться и подать назад, и тут в падающем от костра свете я увидел невысокого, кривоногого мужчину в тирольской шляпе, кожаных шортах и расстегнутой рубашке, он стоял в окружении туземцев у грузовика с открытым капотом.

— Помощь не требуется? — спросил я.

— Только если вы механик, — ответил мужчина. — Не приглянулся я этому грузовику. Как и всем остальным машинам.

— Может, регулировка зажигания отказала. Когда вы проезжали мимо нас, слышалось отчетливое постукивание.

— Думаю, все еще хуже. Стучит просто жутко.

— Попробуйте добраться до нашей стоянки, у нас есть механик.

— А это далеко?

— Миль двадцать.

— Попытаюсь утром. Сейчас, слыша этот адский шум у него внутри, боюсь гнать его дальше. Этот грузовик хочет сдохнуть, потому что я ему не нравлюсь. Я тоже от него не в восторге. Впрочем, если сгину я, ему по барабану.

— Хотите выпить? — Я протянул ему фляжку. — Моя фамилия — Хемингуэй.

— Кандиски, — сказал он и поклонился. — Хемингуэй — я уже слышал эту фамилию. Но где? Где я ее слышал? Ах да. Это *dichter*[4]. Вы о поэте Хемингуэе что-нибудь знаете?

— Где вы его читали?

— В «Квершнитт».

— Это я, — признался я, польщенный. «Квершнитт» — немецкий журнал, опубликовавший несколько моих довольно непристойных стихов и один большой рассказ задолго до того, как мне удалось пристроить кое-что в Америке.

— Это удивительно, — сказал мужчина в тирольской шляпе. — Скажите, а что вы думаете о

---

[4] Примечания: 4
Писатель *(нем.).*

Рингельнаце?[5]

— Он замечательный.

— Так. Рингельнац вам нравится. Хорошо. А как вы относитесь к Генриху Манну?

— Плохой писатель.

— Вы уверены?

— Читать его невозможно — вот все, что могу сказать.

— Он просто ни к черту не годится. Вижу, у нас с вами вкусы сходятся. Что вы здесь делаете?

— Охочусь.

— Надеюсь, ваша цель не слоновая кость?

— Нет. Я охочусь на куду.

— Почему вдруг всем понадобилось охотиться на куду? Зачем вам, интеллигентному человеку, поэту, убивать куду?

— Пока я никого не убил, — ответил я. — Хотя выслеживаем их уже десять дней. Если б не ваш грузовик, мы бы одну антилопу сегодня заполучили.

— Да, этот жалкий грузовик. Нет, надо охотиться круглый год. Тогда вы перебьете здесь все, загрустите и, может, раскаетесь. А преследовать какого-то одного зверя — вздор! Зачем вам это?

---

[5] Примечания: 5

Иоахим Рингельнац (1883–1934) — немецкий писатель, поэт-сатирик, артист и художник.

— Я люблю охоту.

— Ну, если *любите*, тогда конечно. А скажите, что вы думаете о Рильке?

— Я читал только одну его вещь.

— Какую?

— «Корнета».[6]

— Вам понравилось?

— Да.

— А я такого не выношу. Снобизм это все. Вот Валери — да. Валери я понимаю, хотя у него снобизма тоже хоть отбавляй. Что ж, хорошо, что вы, по крайней мере, слонов не убиваете.

— Я бы убил какого побольше.

— Побольше — это как?

— С клыками фунтов на семьдесят. Ну, пусть немного меньше.

— Вижу, мы с вами не во всем согласны. И все же, какая радость встретить человека из блестящего окружения прежнего «Квершнитта»! Расскажите о Джойсе — какой он? Мне не хватило денег на его книгу. Синклер Льюис — ерунда. Я купил его книги. Нет, не надо, ничего не говорите.

---

[6] Примечания: 6

«Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» (1906) — прозаическое произведение Райнера Марии Рильке (1875–1926) — одного из самых влиятельных поэтов-модернистов XX в. Родился в Праге, писал по-немецки.

Расскажете мне завтра. Ничего, если я разобью лагерь поблизости? Вы здесь с друзьями? А белый охотник у вас есть?

— Я здесь с женой. Мы будем вам рады. Да, с нами один белый охотник.

— А почему вы сейчас без него?

— Он считает, что на куду надо охотиться одному.

— Лучше на них вообще не охотиться. А он кто? Англичанин?

— Да.

— Проходимец?

— Нет. Хороший человек. Вам понравится.

— Ну, вам пора. Я не должен вас задерживать. Может, завтра увидимся. Удивительно, что мы встретились.

— Да, — сказал я. — Завтра надо хорошенько проверить грузовик. Мы можем что-нибудь еще для вас сделать?

— Да нет, спасибо. Спокойной ночи, — сказал он. — Счастливого пути.

— Спокойной ночи, — отозвался я. Мы отъехали, и я видел, как он пошел к костру, делая на ходу знаки туземцам. Я не спросил, зачем ему потребовалось двадцать туземцев, не спросил также, куда он едет. Поразмыслив, я понял, что

вообще ничего о нем не узнал. Не люблю задавать вопросы: там, откуда я родом, это считается невежливым. Но здесь мы не видели ни одного белого уже недели две — с тех пор как покинули Бабати и двинулись к югу, и вдруг на богом забытой дороге, где можно встретить — и то случайно — только индийского торговца или переселенцев из голодных районов, я сталкиваюсь с колоритным мужчиной в тирольском костюме, словно сошедшим с карикатуры Бенчли[7], и тут оказывается, что он знает твое имя и величает поэтом, читает «Квершнитт», поклонник Иоахима Рингельнаца, хочет говорить о Рильке — ну, не фантастика?! И словно в довершение этой необыкновенной истории автомобильные фары осветили три конусообразных дымящихся холмика на дороге. Я велел Камау остановиться, и тот, резко затормозив, чуть не въехал в них. Они были в два-три фута вышиной, и, коснувшись одного, я ощутил тепло.

— Тембо, — сказал М'Кола.

Только что перешли дорогу слоны, и на холодном вечернем воздухе от их помета поднимался пар. Прошло немного времени, и мы уже были

[7] Примечания: 7

Роберт Бенчли (1889–1945) — американский журналист и карикатурист, был известен своим едким юмором.

в лагере.

На следующее утро я встал рано и еще затемно был у другого солонца. Пробираясь сквозь деревья, мы увидели самца куду, при нашем приближении он издал громкий звук, похожий на собачий лай, только более высокий и хриплый, и бесшумно исчез. Некоторое время спустя далеко в кустах послышался треск, но самого зверя мы больше не видели. Незаметно подойти к месту было практически невозможно. Деревья плотно окружали солонец, теперь уже звери были как бы в укрытии, и, чтоб добраться до них, приходилось идти по открытому месту. Единственное, что оставалось, — это подползти в одиночку поближе и на расстоянии двадцати метров отыскать среди переплетенных сучьев просвет, достаточный для выстрела. Правда, оказавшись под защитой деревьев, вы были надежно укрыты, а пришедший к солонцу зверь, напротив, оказывался на открытом месте, откуда до ближайшего укрытия было метров двадцать пять. Мы ждали до одиннадцати, но никто из зверей так и не появился. Тогда, аккуратно притоптав землю вблизи солонца, чтобы в следующий раз увидеть новые следы, мы пустились в обратный путь и шли до дороги две мили. Зная, что их выслеживают, звери при-

ходили сюда только по ночам и оставались до рассвета. Один самец задержался, мы его утром спугнули, что окончательно спутало карты.

Уже десятый день мы выслеживали крупных антилоп, но я до сих пор не видел ни одного достойного экземпляра. Оставалось всего три дня: к нам на север с Родезии шли дожди, и, чтобы не пережидать здесь плохую погоду, до прихода дождей следовало оказаться в Хандени. Мы постановили, что 17 февраля — крайний срок для отъезда. Теперь каждое утро небо, прежде чем очиститься, не менее часа оставалось нависшим и хмурым, и мы ощущали скорое приближение дождей так явственно, словно читали прогноз синоптиков.

Приятно выслеживать нужного зверя, когда у тебя достаточно времени — пусть он умудряется перехитрить тебя, обмануть, и в конце каждого дня ты остаешься с носом, но охота продолжается, и, проигрывая, ты знаешь, что это только начало и удача в конце концов улыбнется тебе и подарит шанс, которого ты так долго ждешь. Плохо, когда ты ограничен во времени, и, если не успеешь сейчас прикончить куду, ты можешь никогда его не убить, а то и не увидеть. Это уже не охота. Положение как у мальчишек, которых посылают

на два года в Париж, чтобы они преуспели как писатели или художники, и если за это время они ничего не добьются, то пожалуйте домой — в отцовский бизнес. Настоящий охотник будет ходить с ружьем, выслеживая зверя, пока его носят ноги и пока на земле существуют звери, так же как настоящий художник будет рисовать всю жизнь, если есть краски и холст, а настоящий писатель — писать всю жизнь, были б только карандаши, бумага и чернила или машинка, на которой можно работать, и тема, которая его волнует, — иначе, кроме как дураком, его не назовешь. Но сейчас нас поджимало время года, да и просто время, деньги тоже были на исходе, и то, что могло быть ежедневным удовольствием вне зависимости, приходил ты с трофеем или нет, превращалось в изощренную пытку: необходимость делать что-то наспех, в невозможно короткий срок. Поэтому, поднявшись за два часа до рассвета и вернувшись в полдень ни с чем, зная, что до отъезда остается всего три дня, я занервничал. И тут за столом под обеденным тентом я увидел оживленно болтающего Кандиски в тирольских штанах. Я совсем забыл о нем.

— Привет, привет, — поздоровался он. — Опять ни с чем? Неудача? А где же куду?

— Махнул хвостом и был таков, — сказал я. — Хелло, девчонка.

Жена улыбнулась. Но выглядела она озабоченной. Они оба с рассвета прислушивались, не раздастся ли выстрел. Слушали напряженно все это время — и когда подъехал наш гость, и когда писали письма, и когда читали, и когда Кандиски снова вернулся и стал болтать.

— Так вы его не убили?

— Нет, даже не видел. — По Старику было заметно, что он тоже встревожен и даже слегка нервничает. До моего прихода здесь явно был серьезный разговор.

— Выпейте пива, полковник, — сказал он мне.

— Одного мы спугнули, — стал я рассказывать. — Возможности стрелять не было. Следов там порядочно. Но больше никто не появлялся. Дул слишком сильный ветер. Спросите у проводников.

— Я уже говорил полковнику Филипу, — начал Кандиски, слегка переместив на стуле свой обтянутый кожей зад и закинув одну вспотевшую, волосатую ногу на другую, — что задерживаться вам здесь нельзя. Поймите, грядут дожди. Если польет, на двенадцать миль вокруг будет сплошное месиво. Вы не пройдете.

— Да, он это говорил, — подтвердил Старик. — Кстати, называйте меня просто мистер Филип. Военные звания мы тут используем как прозвища. Если вы сами полковник, прошу не обижаться. — И обращаясь ко мне: — Плюньте на эти солонцы. В другом месте вы скорее подстрелите куду.

— Да, солонец вносит смуту, — согласился я. — Кажется, что там шансов больше — вот-вот и кто-то подвернется.

— Попробуйте поохотиться на холмах.

— Хорошо, попробую.

— Почему вы придаете такое значение убийству одного куду? — спросил Кандиски. — Не относитесь к этому так серьезно. Пустяки. За год вы настреляете их штук двадцать.

— Лучше не говорите такое чиновникам, выдающим лицензии, — сказал Старик.

— Вы меня неправильно поняли, — возразил Кандиски. — Я только говорю, что это возможно. Разумеется, никто такого не захочет.

— Конечно, — согласился Старик. — Если живешь в стране, где водятся куду. На этих просторах живут крупные антилопы, которых и называют куду. Только, когда их ищешь, они почему-то пропадают.

— Как вы понимаете, я никого не убиваю, — сказал Кандиски. — А почему бы вам не поинтересоваться жизнью туземцев?

— Мы интересуемся, — заверила его моя жена.

— Они очень любопытный народ. Послушайте… — И Кандиски углубился в беседу с ней.

— Вот ведь в чем дело, — сказал я Старику. — Когда я брожу по холмам, то уверен, что эти твари внизу, у солонца. Самки сейчас на холмах, но что-то не верится, что самцы тоже там. И следов много вечером на солонце. Видно, что они ходят туда. И, возможно, в самое разное время.

— Может, вы и правы.

— Я не сомневаюсь, что туда ходят все новые самцы. И, возможно, не каждый день. Некоторые, конечно, стали осторожнее: ведь Карл одного убил. Жаль только, что он уложил куду не с первого выстрела, а долго преследовал того чуть ли не по всей округе. Никогда у него не получается как надо. Ну ладно, придут другие куду. Надо только их подстеречь. Не все ведь разобрались, в чем дело. Но Карл, конечно, устроил переполох.

— Он очень эмоциональный, — сказал Старик. — Но парень славный. Помните, как красиво он сразил леопарда? Лучше никто бы не выстрелил. Подождем, скоро куду успокоятся.

— Правильно. На самом деле я на него не сержусь.

— А что, если просидеть в укрытии весь день?

— Когда поднялся чертов ветер и начал кружить, он разнес наш запах повсюду. Какой смысл тогда там сидеть? Вот если бы ветер стих. Абдулла взял сегодня с собой банку с золой.

— Я видел.

— Когда мы подошли к солонцу, было полное затишье. И свет уже пробился — можно стрелять. Абдулла всю дорогу сыпал золу, проверяя, есть ли ветер. Я взял только Абдуллу, остальных оставил на дороге. Мы шли очень тихо, ботинки у меня на каучуковой подошве, и земля там мягкая. Но этот проклятый самец все-таки учуял нас на расстоянии пятидесяти метров.

— Вы разглядели его уши?

— Разглядел ли уши? Да если б я их разглядел, его бы уж давно освежевали.

— Вот твари! — сказал Старик. — Терпеть не могу охоту у солонцов. Эти куду не так уж умны. Просто вы охотитесь на них там, где они настороже. Их всегда там бьют — с тех пор как солонцы существуют.

— Это мне по душе, — признался я. — Мог бы ходить туда хоть месяц. Мне нравится охота в за-

саде. Сидишь — не потеешь. Только ловишь мух и скармливаешь муравьиным львам. Неплохо. Вот только время теряешь.

— Вот именно. Время.

— Это вы обязательно должны увидеть, — говорил между тем Кандиски моей жене. — Большие барабаны нгомы, пляски туземцев на праздниках. Это подлинное национальное искусство.

— Послушайте, — сказал я Старику. — Тот вчерашний солонец мне кажется самым надежным, только вот чертова дорога проходит рядом.

— Охотники говорят, что туда ходят небольшие куду. Да и место далекое. Восемьдесят миль туда и обратно.

— Знаю. Но я там видел следы четырех крупных самцов. И если бы не грохот грузовика… Может, засесть там сегодня ночью? Проведу там ночь и утро, и если все зря — больше туда ни ногой. К солонцу ходит и большой носорог. Следы огромные.

— Что ж, — отозвался Старик. — Пристрелите заодно и носорога. — Старик ненавидел ненужные убийства, эффектные убийства, убийства ради убийства; он признавал право убивать зверя, только когда страсть охотника сильнее его отвращения к смерти или когда тот хочет стать

первым в своем мастерстве. А предложение убить носорога он сделал из желания доставить мне удовольствие.

— Убью, если только он того стоит, — обещал я.

— Ладно, убейте подлеца, — сделал мне подарок Старик.

— Эх, Старик, — только и сказал я.

— Убейте, — повторил Старик. — Встреча один на один доставит вам удовольствие. А рог продадите, если он вам не нужен. По лицензии вам можно убить еще одного.

— Ага, — влез в разговор Кандиски. — Продумали план кампании? Придумали, как лучше обмануть бедных животных?

— Вот именно, — сказал я. — Что с вашим грузовиком?

— Ему конец, — ответил австриец. — И я даже этому рад. Слишком много всего мы с ним перевидали, он уже стал символом. Грузовик — все, что осталось от моей шамбы. Теперь нет ничего, и так намного проще.

— А что значит «шамба»? — спросила моя жена. — Я уже несколько месяцев слышу это слово, но стесняюсь спросить. Вроде все его знают.

— Это плантация, — объяснил Кандиски. — От нее остался только этот грузовик. На нем я перево-

жу работников на шамбу одного индийца, очень богатого, который выращивает мексиканскую агаву[8]. Я у него управляющий. Он извлекает хорошую прибыль из этой плантации.

— Как и из всего остального, — уточнил Старик.

— Да. Там, где мы проиграем, где нас ждет голод, он сумеет нажиться. Этот индиец умный человек. И ценит меня. Я представляю для него европейскую организацию и сейчас возвращаюсь после набора местных рабочих. Это требует времени, но внушает уважение. Я три месяца не видел свою семью. Но теперь дело сделано. Я мог бы управиться за неделю, но тогда впечатление было бы уже не то.

— А где ваша жена? — спросила его моя жена.

— Она вместе с дочерью ждет меня дома, в помещении управляющего.

— Жена вас очень любит?

— Наверное, иначе давно ушла бы от меня.

— А сколько лет вашей дочери?

— Тринадцать исполнилось.

— Наверное, замечательно иметь дочь.

— Вы даже не представляете, как замечатель-

---

[8] Примечания: 8

Из листьев мексиканской агавы вырабатывают сизаль — натуральное грубое волокно.

но. Все равно что иметь вторую жену. Моя жена знает все мои мысли, слова, убеждения, все, что я могу или не могу сделать, все, на что я способен. Я тоже все знаю о своей жене. Но теперь появился кто-то, кого ты толком не знаешь и кто не знает тебя. Такая вот любовь с закрытыми глазами, и это удивительно для обоих. Появился кто-то чудесный — она твоя и одновременно чужая, что делает наши разговоры… как бы это сказать? Похоже на то, что употребляете вы оба… все будто приправлено томатным кетчупом «Хайнз».

— Звучит неплохо, — сказал я.

— У нас есть книги, — продолжал Кандиски. — Книжные новинки мне теперь не по карману, но мы всегда можем поговорить. Обмениваемся интересными мыслями — у нас всегда содержательные беседы. Мы обсуждаем все на свете. Абсолютно все. Интеллектуальная жизнь у нас на высоте. Раньше, когда у нас была шамба, мы выписывали «Квершнитт». Это давало нам чувство причастности к блестящей группе необыкновенных людей. Тех, кого хотелось бы повидать, будь это возможно. Вы ведь знаете этих людей? И даже, наверное, с ними знакомы.

— С некоторыми действительно встречался, — ответил я. — С кем-то в Париже, с кем-то в

Берлине.

Мне не хотелось разрушать иллюзии этого человека, поэтому я не стал рассказывать в деталях об этих «блестящих» людях.

— Они потрясающие, — солгал я.

— Как я вам завидую, что вы с ними знакомы, — восхитился Кандиски. — А кто, на ваш взгляд, сейчас лучший американский писатель?

— Мой муж, — с готовностью ответила жена.

— Понимаю, в вас говорит семейная солидарность. А кто в самом деле? Уж конечно, не Эптон Синклер и не Синклер Льюис. Кто ваш Томас Манн? Кто ваш Валери?

— У нас нет великих писателей, — ответил я. — Что-то происходит с нашими писателями, когда они достигают определенного возраста. Я мог бы попробовать это объяснить, но разговор получится долгий и вам наскучит.

— Объясните, пожалуйста, — взмолился Кандиски. — Я обожаю такие разговоры. Они самое лучшее, что есть в жизни. Игры ума. Это тебе не куду убить.

— Я еще даже не начал говорить, — сказал я.

— А я уже весь в нетерпении. Хлебните пива, это развяжет вам язык.

— Он у меня и так развязан, — возразил я. — Ку-

да уж больше. А вот вы совсем не пьете.

— Я вообще не пью. Плохо для мозгов. В этом нет необходимости. Но рассказывайте же! Пожалуйста!

— Ну, в Америке были замечательные писатели, — сказал я. — Например, Эдгар По. Замечательный писатель, блестящий мастер композиции, но его рассказы мертвы. Были у нас и мастера риторики, они могли кое-что рассказать о живых, настоящих вещах, извлекая их из биографий людей, путешествий, ловли китов, к примеру, но все это тонет в риторике, как сливы в пудинге. Иногда встречаются куски прозы, свободные от риторики, и тогда это здорово. Такое есть у Мелвилла. Однако поклонники восхваляют его именно за риторику, а она у него не главное. А еще ищут мистику, которой просто нет.

— Понимаю вас, — сказал Кандиски. — Но риторика создается работой интеллекта, его способностью творить. Риторика — синие искры от динамо-машины.

— Бывает и так. А иногда синие искры существуют, а в чем работа динамо-машины?

— Ясно. Продолжайте.

— Забыл, на чем остановился.

— Ну уж нет. Перестаньте валять дурака.

— Вы когда-нибудь вставали до рассвета и…

— Да каждый день, — сказал Кандиски. — Продолжайте.

— Хорошо. Были еще другие, которые писали как колонисты, сосланные в Новый Свет из Англии, хотя та не была им родиной. Прекрасные люди с узкой, сухой и благородной мудростью унитариан[9], литераторы, квакеры, но не без чувства юмора.

— И кто это?

— Эмерсон, Готорн, Уиттьер и другие. Эти наши ранние классики не знали, что новая классика не обязательно похожа на ту, что ей предшествовала. Она может использовать все лучшее, что сделано раньше, помимо классиков. Все так и поступают. Некоторые писатели рождаются только для того, чтобы помочь другому написать одну-единственную фразу. Но нельзя заимствовать приемы или быть похожим на предыдущего классициста. Это табу. Все эти писатели, о которых я вам рассказываю, были джентльменами или стремились ими казаться. В высшей степени респектабельные люди. Они не употребляли слов, которыми люди обычно пользуются в каж-

---

[9] Примечания: 9

Унитарианство — движение в протестантизме, отвергающее догмат о Пресвятой Троице.

додневной речи, тех слов, что постоянно живут в языке. Казалось, эти люди лишены плоти. Но интеллект у них был, с этим не поспоришь. Первостепенный, сухой, очищенный от примесей интеллект. Все это довольно скучно, но вы ведь сами просили меня об этом.

— Продолжайте.

— В то время жил один писатель, который, похоже, был по-настоящему хорош. Его фамилия Торо. Боюсь, не смогу много о нем рассказать: я еще не удосужился его прочесть. Но это неважно: я могу читать натуралистов, только если их произведения скрупулезно точны и не грешат литературщиной. Натуралисты должны работать в одиночку, а сопоставлять их открытия должны другие. И писателям нужно работать в одиночку. Общаться им можно только после того, как работа закончена, — и то не часто. Иначе они станут такими же, как их коллеги в Нью-Йорке, — точь-в-точь червяки для наживки, набившиеся в бутылку: там они крадут друг у друга идеи, получают питание от общения и бутылки. Иногда бутылка — это изобразительное искусство, иногда — экономика, а то и религиозная экономика. Тот, кто угодил в бутылку, навсегда остается в ней. Вне бутылки такие люди чувствуют себя

одинокими. А они не хотят быть одинокими. Им страшно остаться наедине со своими убеждениями, и ни одна женщина не полюбит их настолько, чтобы в ней удалось утопить это одиночество, или вместе слиться с ним, или пережить вдвоем то, что сделает все остальное не важным.

— Ну а как же Торо?

— Вам нужно его прочесть. Может, и я прочту — только со временем. Со временем я смогу делать все, что захочу.

— Выпей еще пива, Папа.

— Пожалуй.

— Ну а кто все-таки хорошие писатели?

— Хорошие писатели — это Генри Джеймс, Стивен Крейн и Марк Твен. Порядок перечисления тут не важен. Они все замечательные. У хорошего писателя нет порядкового номера.

— Марк Твен — юморист. А остальных я не знаю.

— Вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена — «Приключения Гекльберри Финна». Если придется ее читать, остановитесь на том месте, где у мальчишек крадут негра Джима. Это и есть настоящий конец. Все остальное — выдумка. Но лучше книги у нас нет. Из нее вышла вся американская ли-

тература. До нее ничего похожего не было. Да и после — тоже.

— Ну а те, остальные?

— У Крейна есть два замечательных рассказа: «Шлюпка» и «Голубой отель». Последний — лучше.

— А что с ним было потом?

— Умер. Ничего удивительного — он умирал с самого рождения.

— А остальные двое?

— Они дожили до преклонного возраста, но с годами мудрее не стали. Трудно понять, к чему они по-настоящему стремились. Ведь мы, американцы, творим с нашими писателями черт-те что.

— Не понимаю вас.

— Мы разрушаем их самыми разными способами. Во-первых, воздействуем экономически. Писатели начинают зарабатывать реальные деньги. Поначалу это связано с везением, хотя хорошие книги всегда в результате приносят доход. С деньгами наши писатели начинают жить на широкую ногу, и вот тут они оказываются в ловушке. Теперь им приходится писать, чтобы поддерживать определенный уровень жизни, содержать жен и все в таком роде. И тут вылезает халтура. Это происходит не специально — просто

писатель теперь пишет второпях. Пишет, когда нечего сказать, когда на дне колодца — ни капли. Ведь в нем говорит честолюбие. Раз предав себя, он старается оправдаться и увязает еще глубже, выдавая новую порцию халтуры. А бывает еще так: писатели начинают читать критику. И если ты веришь, когда тебя называют великим, то веришь и тогда, когда говорят, что ты исписался, и все это кончается потерей веры в себя. У нас есть сейчас два хороших писателя, которые ничего не пишут, изверившись в себе из-за критиков. Продолжай они работать, что-то из написанного было бы у них хорошо, что-то — не очень, что-то — совсем плохо, но то, что хорошо, осталось бы в литературе. Однако, начитавшись критических статей, они решили, что из-под их пера должны выходить только шедевры. Не хуже тех, которые, по уверениям критиков, они создавали раньше. Конечно, и те книги не были шедеврами, но это были достойные книги. А теперь они вообще не могут писать. Критика обрекла их на творческое бесплодие.

— А кто эти писатели?

— Их имена вам ничего не скажут. Кроме того, вдруг за последнее время они что-то написали, опять испугались и обессилели.

— Что же все-таки происходит с американскими писателями? Объясните точнее.

— О прошлом мне рассказывать трудно, тогда меня еще и на свете не было, а сейчас случается разное. В определенном возрасте писатели-мужчины превращаются в Матушек Хаббард[10], а писатели-женщины становятся Жаннами д'Арк, но без ее победного духа. Эти люди претендуют на роль духовных вождей. И неважно, кто их последователи. Если таковых не находится, их придумывают, и тем, кого избрали на эту роль, бессмысленно протестовать, иначе их назовут предателями. А, черт возьми! Чего только не случается с нашими писателями. И это еще не все. Есть такие, которые надеются своими сочинениями спасти душу. Ищут легкого пути. Кого-то губят первые деньги, кого-то — первая похвала, кого-то — первая разгромная рецензия, кого-то страх, что перестала идти работа, а ничего другого он делать не умеет. Бывает, что с испугу они вступают в разные организации, надеясь, что там позаботятся о них. Некоторые просто не знают, чего хотят. Генри Джеймс хотел разбогатеть, но и ему это, конечно, не удалось.

---

[10] Примечания: 10

Персонаж английских детских стишков, суетливая, нелепая старушка; авторство стихов приписывается Саре Кэтрин Мартин (1768–1826).

— А вам?

— Меня интересуют другие вещи. Жизнь у меня сложилась неплохо, но если я не пишу, то не получаю радости от всего остального.

— А что вам нужно?

— Писать настолько хорошо, насколько могу, и постоянно продолжать учиться. И еще жить полной жизнью, той, которая приносит мне радость.

— Вроде охоты на куду?

— Да, охоты на куду и много чего другого.

— А чего — другого?

— Много всего — разного.

— А вы знаете, что вам нужно?

— Да.

— И вам действительно доставляет удовольствие ваше теперешнее бессмысленное занятие — охота на куду?

— Не меньше, чем посещение Прадо.

— Вам это кажется равноценным?

— Мне нужно и то и другое. И еще много чего.

— Естественно. Так и должно быть. Но неужели это занятие что-то дает вам?

— Несомненно.

— И вы знаете, что вам нужно?

— Конечно. И всегда получаю это.

— Такие удовольствия требуют денег.

— Я их всегда могу заработать, а еще мне везет.
— Тогда вы счастливчик.
— Пока не думаю о других людях.
— Выходит, вы думаете о других?
— Да, думаю.
— Но ничего для них не делаете?
— Абсолютно ничего.
— Совсем ничего?
— Ну, может чуть-чуть.
— А как вы думаете, стоит вам писать — по большому счету?
— Да.
— Вы в этом уверены?
— На все сто.
— Такая уверенность радует.
— Еще как! — сказал я. — Это одна бесспорная радость в нашем писательском труде.
— Ваша беседа становится чрезмерно серьезной, — вмешалась жена.
— Но тема действительно серьезная.
— Вот видите, к каким-то вещам он относится серьезно, — сказал Кандиски. — Я чувствовал, что ему не только куду интересны.
— Сейчас каждый готов отрицать важность этого вопроса, избегают даже разговоров на эту тему, а если кто-то все же пытается что-то делать,

уверяют, что он ничего не добьется. А все потому, что добиться чего-то стоящего здесь очень трудно. Тут должны сойтись несколько факторов.

— Вы это о чем?

— О том, как можно писать. О том, насколько значительной может быть проза, если пишешь серьезно и тебе везет. Тут можно достичь и четвертого и пятого измерений.

— Вы действительно в это верите?

— Я это знаю.

— А если писателю такое удастся?

— Тогда ничего больше не имеет значения. Ничего важнее этого писатель сделать не может. Конечно, можно и провалиться. Но шанс на успех есть.

— Вы, наверное, говорите о поэзии.

— Нет. То, о чем я говорю, сложнее поэзии. Такой прозы еще нет. Но написать ее можно — без ухищрений и вранья. Без всего того, что со временем портится.

— А почему никто ее не написал?

— Тут много причин. Во-первых, нужно обладать талантом, большим талантом. Таким, как у Киплинга. Еще самодисциплиной, как у Флобера. Потом четким представлением о том, чего ты хочешь добиться, и совестью абсолютной, как эта-

лон метра в Париже, чтобы не впасть в фальшь. Писатель должен быть также умным и бескорыстным и иметь достаточно сил, чтобы выжить. Попробуйте найти все в одном человеке, который к тому же смог бы противостоять всем влияниям, которым подвергается писатель. Самое трудное: ведь времени так мало — это выжить и довести работу до конца. Хотелось бы иметь у нас такого писателя и прочесть написанное им. Ну как? Не поговорить ли нам о чем-нибудь другом?

— Мне интересно вас слушать. Конечно, я не со всем согласен.

— Естественно.

— А буравчик[11] вам не поможет? — спросил Старик.

— Нет, назовите мне сначала те конкретные вещи, которые губят писателя.

Я устал от этого разговора, который уже превращался в интервью. Ладно, пусть будет интервью, и покончим с этим поскорее. Попытка втиснуть перед ланчем тысячу неуловимых вещей в одно предложение была самоубийственной.

— Политика, женщины, спиртное, деньги, честолюбие. А также отсутствие политики, жен-

---

[11] Примечания: 11
Коктейль из джина и сока лайма.

щин, спиртного, денег и честолюбия, — ответил я глубокомысленно.

— А он проясняет обстановку, — сказал Старик. — Только вот спиртное. С ним непонятно. Пьянство всегда казалось мне глупым занятием. Я считаю это слабостью.

— Глоток спиртного — хорошее завершение дня. Тут есть свои преимущества. Неужели вам никогда не хотелось изменить привычки?

— Так выпьем, — сказал Старик. — М'Венди!

Старик только по ошибке мог выпить перед завтраком, и я понял, что он хочет прийти мне на помощь.

— Давайте все выпьем по буравчику, — сказал я.

— Я никогда не пью, — отказался Кандиски. — Лучше пойду к грузовичку, вытащу свежее масло и принесу его к завтраку. Дивное масло из Кандоа, несоленое. Пальчики оближешь. А вечером мой повар приготовит нам десерт по-венски. Он у него прекрасно получается.

Когда он отошел, жена сказала мне: «Ты что-то сегодня предался глубокомыслию. И что ты там говорил о женщинах?

— О каких женщинах?

— Ты о них говорил.

— Да черт с ними! — сказал я. — Это те женщины, с которыми связываешься в пьяном виде.

— Ах вот, значит, как ты пьяный проводишь время.

— Да я не о себе.

— Я вот ни с кем не связываюсь, когда напиваюсь.

— Потише, потише, — сказал Старик. — Никто из нас никогда не напивался до чертиков. Однако наш гость отчаянный болтун.

— Однако он и слова не мог вставить, когда заговорил бвана М'Кумба.

— У меня случился словесный понос, — признался я.

— А как быть с грузовиком? Можно его вытянуть, не погубив наш?

— Думаю, да, — сказал Старик. — Когда наш вернется из Хандени.

За завтраком под зеленым обеденным тентом, в тени большого дерева, овеваемые ветерком, когда мы наслаждались свежим маслом, котлетами из мяса газели Гранта, картофельным пюре, зеленой кукурузой и консервированными фруктами на десерт, Кандиски рассказал нам, почему здесь много переселенцев из Восточной Индии.

— Видите ли, во время войны сюда переброси-

ли индийские войска, чтобы избежать на родине еще одного мятежа. Ага-хану[12] обещали, что после войны индийцам разрешат тут свободно селиться и вести дела. Нарушить обещание нельзя, и теперь индийцы практически вытеснили отсюда европейцев. Они живут здесь чуть ли не впроголодь, а все деньги отсылают в Индию. Накопят деньжат и возвращаются на родину, а вместо них приезжают бедные родственники и продолжают эксплуатировать эту страну.

Старик молчал. Он никогда не позволял себе спорить с гостем.

— Это все происки Ага-хана, — сказал Кандиски. — Вы американец. Вам не понятны эти ходы.

— Вы воевали под командованием фон Леттова[13]? — спросил его Старик.

— С самого начала кампании и до конца, — ответил Кандиски.

— Настоящий храбрец, — сказал Старик. — Он вызывает у меня восхищение.

---

[12] Примечания: 12

Ага-хан (1877–1957) — основатель и первый президент индийской Мусульманской лиги. Всю жизнь боролся за независимость Индии, отстаивал также национальные интересы Пакистана.

[13] Примечания: 13

Пауль Эмиль фон Леттов-Форбек (1870–1964) — германский генерал-майор, командовал германскими войсками во время Африканской кампании в Первой мировой войне.

— Вы тоже воевали?

— Да.

— А у меня он не вызывает восхищения, — сказал Кандиски. — Да, генерал сражался как лев. Когда был нужен хинин, он приказывал добыть его у противника. Подобный приказ он отдавал, когда мы испытывали нужду в провианте и снаряжении. Но в мирное время все мы перестали для него существовать. После войны я оказался в Германии. Поехал навести справки о возмещении убытков. «Вы австриец, — сказали мне. — Обращайтесь к австрийским властям». Тогда я отправился в Австрию. «А зачем вы вообще воевали? — спросили меня. — Мы не несем ответственности за ваши действия. А вдруг вам захочется повоевать в Китае. Это ваше личное дело. Мы ничем не можем вам помочь». «Но я действовал из патриотических побуждений, — глупо оправдывался я. — И потому сражался где мог, ведь я австриец, и у меня есть представление о долге». «Все это прекрасно, — сказали мне. — Но мы не можем оплачивать ваши благородные чувства». Меня посылали из одного кабинета в другой, но я так ничего и не добился. И все же я люблю эту африканскую страну. Я все здесь потерял, но приобрел больше, чем кто-либо в

Европе. Мне здесь все интересно — и туземцы, и их язык. Я уже исписал несколько блокнотов. И, кроме того, в действительности я здесь король. И это приятно. Утром, проснувшись, я протягиваю ногу, и бой сразу же натягивает на нее носок. Потом протягиваю вторую ногу, и повторяется то же самое. Я вылезаю из-под москитной сетки, и мне тут же подают штаны. Что может быть лучше?

— Да. Замечательно.

— Когда вы приедете в следующий раз, мы поедем с вами изучать жизнь туземцев. Но никаких убийств, разве только для пропитания. А сейчас я покажу вам один местный танец и спою песню. — Пригнувшись к земле, поднимая и опуская локти, с согнутыми коленями, он стал кружить вокруг стола, что-то напевая. Зрелище было любопытное.

— Это один танец из тысячи, — сказал он. — А теперь мне пора идти. Вам надо поспать.

— Это не к спеху. Останьтесь.

— Нет. Вам действительно стоит отдохнуть. Да и мне тоже. Я захвачу масло, положу его на холодок.

— Увидимся за ужином, — напутствовал его Старик.

— А сейчас спите. До встречи.

Когда он ушел, Старик сказал:

— Что-то не верится тому, что он тут наплел про Ага-хана.

— Похоже на правду.

— Конечно, он обижен, — прибавил Старик. — На его месте каждый был бы обижен. Фон Леттов был сущий дьявол.

— Он очень неглуп, — сказала моя жена. — И так хорошо говорит о туземцах. А вот американские женщины ему не нравятся.

— Мне тоже, — подтвердил Старик. — Он хороший человек. А вам и в самом деле надо вздремнуть. Ведь выезжать надо около половины четвертого.

— Велите меня разбудить.

Моло приподнял задник палатки, подпер его колышками, чтобы было больше свежего воздуха, и я улегся с книгой. Легкий, прохладный ветерок ворвался внутрь нагретого брезентом пространства.

Я проснулся перед самым отъездом. Небо затянули дождевые тучи, было очень душно. В ящик из-под виски нам положили консервированные фрукты, пятифунтовый кусок жареной говядины, хлеб, чай, небольшой чайник, несколько банок сгущенного молока и четыре бутылки пива в

придачу. Кроме того, нам дали брезентовый мешок с водой и подстилку, которую можно было использовать как тент. М'Кола положил в машину автомат.

— Не торопитесь возвращаться, — сказал Старик. — Мы будем ждать сколько надо.

— Идет.

— Этого парня мы отправим на грузовике в Хандени. А его люди пойдут впереди пешком.

— А грузовик не подведет? Не берите в расчет, что он мой знакомый.

— Надо помочь ему отсюда выбраться. Грузовик доставят к вечеру.

— А Мемсаиб еще спит? — спросил я. — Может быть, она захочет прогуляться и пострелять цесарок?

— Я проснулась, — послышался голос жены. — Не думай о нас. Надеюсь, сегодня вам повезет.

— Не посылайте за нами людей до послезавтра, — сказал я. — Если дела пойдут хорошо, мы задержимся.

— Удачи!

— Счастливо оставаться, дорогая. До встречи, мистер Дж. Ф.

Глава вторая

Выехав из тенистого лагеря, мы двинулись на запад по песчаной, извивающейся, подобно реке, дороге, словно догоняли вечернее солнце. Вдоль обочины рос густой кустарник, за ним возвышались невысокие холмы, и мы то и дело обгоняли группы людей, стремившихся на запад. На некоторых не было никакой одежды, кроме грязной тряпки, стянутой узлом на плече, — они несли луки и колчаны со стрелами. У других в руках были копья. Те, кто побогаче, прятались под зонтиками, а белая ткань, служившая одеждой, ниспадала с плеч складками. Их жены плелись следом, нагруженные котелками и сковородками. На головах многих покачивались узлы и связки шкур. Все эти люди бежали от голода. Машина шла все дальше на запад, а я, выставив наружу, подальше от раскаленного двигателя, ступни ног и низко надвинув на лоб шляпу, чтобы солнце не било в глаза, глядел на дорогу, на идущих людей и на просветы в кустарнике, где могла скрываться дичь.

Один раз среди выломанного кустарника мы увидели на открытом месте трех небольших

самок куду. Серые, с раздутыми животами, длинными шеями и большими ушами на маленьких головках, они тут же бросились прочь и скрылись в лесу. Выйдя из машины, мы побродили вокруг, но следов самцов так и не обнаружили. Чуть подальше стая цесарок быстро пересекла дорогу, их бег с неподвижно застывшими вскинутыми головками напоминал аллюр рысаков. Когда я выскочил из машины и рванул за ними, они взмыли в воздух, плотно прижав лапки к грузным телам, и, хлопая короткими крыльями, гогоча, полетели в заросли. Я подстрелил двух, они тяжело рухнули на землю и еще трепыхались, когда подбежавший Абдулла, согласно религиозному обряду, отрезал птицам головы, чтобы их можно было есть. Он положил цесарок в машину, где сидел, и беззлобным старческим смехом посмеивался надо мной и над всеми, кто стреляет птиц, М'Кола, он не мог забыть ту серию постыдных промахов, которые я однажды допустил. Сегодня я не промахнулся, но он и тут не упустил шанс посмеяться, как и тогда, когда мы убивали гиену. Каждый раз, когда птица падала на землю, он хохотал, а уж когда я мазал, его радости не было границ — он надрывался со смеху и тряс головой.

— Спросите, над чем он, черт возьми, так потешается? — поинтересовался я раз у Старика.

— Бвана, — сказал М'Кола и затрясся от смеха. — И птички.

— Вы кажетесь ему смешным, — ответил Старик.

— Вот черт! Пусть я смешной. Тогда пусть катится ко всем чертям.

— Вы кажетесь ему очень смешным, — повторил Старик. — Ну а мы с Мемсаиб никогда не стали бы над вами смеяться.

— Теперь будете сами стрелять.

— Нет, стрелок у нас ты. Признанный охотник на птиц, — сказала жена.

Так охота на птиц стала у нас постоянным источником шуток. Если выстрел был меткий, М'Кола смеялся над птицами, он тряс головой, гоготал и показывал руками, как птица, падая, переворачивалась в воздухе. Ну а если я мазал, то весь вечер был на манеже, как клоун: глядя на меня, М'Кола просто содрогался от смеха. Лишь гиены казались ему забавнее.

Его очень веселило, когда гиена, бесстыдно волоча набитое брюхо, бежала средь бела дня по равнине, а после выстрела в зад высоко подпрыгивала, переворачиваясь в воздухе. Особенное

веселье у него вызывала гиена, если она останавливалась вдалеке у щелочного озера, чтобы оглянуться назад, и, раненная в грудь, падала на спину, задрав четыре лапы, с торчащим набитым брюхом. Но апофеоз веселья — выстрел в гиену с близкого расстояния, когда она, остромордая и гнусная, неожиданно выскакивала из высокой травы у донги[14] всего в десяти метрах от нас. Выстрел — и зверь начинал вертеться на месте и бить хвостом, пока не падал замертво.

Радостный смех у М'Колы вызывало убийство гиены почти в упор. Ему доставляли удовольствие как шлепок пули по плоти, так и страх гиены, осознавшей с удивлением, что внутри нее находится смерть. Но выстрел с большого расстояния, когда гиена, окутанная знойным маревом, бежала по раскаленной равнине, забавлял его еще больше: ведь раненая гиена, дернувшись назад, начинала как безумная крутиться, стремясь обогнать залетевшую в нее маленькую никелированную смерть. И все-таки самым любимым зрелищем М'Колы — тогда он махал у лица руками, отворачивался, словно стыдясь за раненого зверя, тряс головой и смеялся — был меткий

[14] Примечания: 14
Неглубокое ущелье в Южной Африке.

выстрел в зад бегущей гиены, после чего та в бешеном кружении грызла и рвала собственное тело в надежде освободиться от пули, а когда из нее вываливались кишки, останавливалась и жадно их пожирала.

— Fisi, — говорил М'Кола, покачивая головой с восхищенным сожалением: есть же на свете такие ужасные создания. Фиси — гиена, гермафродит[15], пожирательница трупов, воровка телят, хищница, легко перегрызающая сухожилия, способная вцепиться спящему человеку в лицо, изводящая всех своим унылым воем, преследующая путников, зловонная, мерзкая тварь, чьи челюсти настолько крепкие, что перекусывают кости, оставшиеся после трапезы льва, тварь, слоняющаяся с отвислым брюхом по высохшей равнине и постоянно оборачивающаяся с выражением умной дворняжки. Ее ничего не стоит подстрелить из маленького «манлихера», и тогда увидеть ее жуткий танец кругами. «Фиси, — смущенно смеялся М'Кола и тряс лысой черной головой. — Фиси. Сама себя ест. Фиси».

Шутки о гиенах были скорее из области черного юмора, а шутки о птицах — добродушные.

---

[15] Примечания: 15

Раньше натуралисты считали гиен гермафродитами, но это оказалось заблуждением, вызванным особенностями строения животного.

Мой виски тоже вызывал у М'Колы смех. Тут было большое поле для насмешек. О некоторых я расскажу позже. Предметом шуток было также магометанство и прочие религии. А заодно — и все верующие. Низкорослый Чаро, второй проводник, серьезный и набожный, во время Рамадана даже слюну до заката не сглатывал, и я сам видел, как он нервничает перед заходом солнца. У него была фляга с напитком вроде чая, и он во время жажды постоянно трогал ее пальцами. М'Кола исподтишка наблюдал за ним. Тут уж было не до шуток. Открыто смеяться над товарищем он не мог, однако осознавал свое превосходство и удивлялся глупости такого поведения. Магометанство тут — модная религия, и наши проводники более высокого социального статуса исповедовали именно ее. Магометанство указывало на принадлежность к определенной касте, давало веру в Бога, и ради этого ощущения собственной избранности стоило раз в году немного помучиться, приняв особые правила в отношении еды. Я это понимал, а М'Кола не понимал и не одобрял, и смотрел, как Чаро следит за солнцем, с тем безразличным выражением, какое появлялось у него на лице, когда он был с чем-то внутренне не согласен. Чаро умирал от

жажды, но, как праведный мусульманин, терпеливо ждал, когда сядет солнце, а светило, как назло, не торопилось. Я взглянул на застывший над деревьями красный шар, подтолкнул Чаро локтем, и он мне улыбнулся. М'Кола торжественно протянул мне флягу с водой. Я отрицательно покачал головой, и тут Чаро вновь улыбнулся. На лице М'Колы опять застыло безразличное выражение. Наконец солнце зашло, Чаро опрокинул флягу, его кадык быстро заходил вверх-вниз, а М'Кола взглянул на него и отвернулся.

Первое время, пока мы не стали друзьями, М'Кола не доверял мне. Когда что-то случалось, он надевал маску безразличия. В то время мне гораздо больше нравился Чаро. Мы понимали друг друга по религиозным вопросам, Чаро восхищался моей меткой стрельбой, и, когда мы убивали что-то редкое, он жал мне руки и улыбался. Мне это льстило и было приятно. А М'Кола относился к нашим ранним успехам как к обычному везению. Приехали — вот и стреляют. Пока выдающихся успехов мы не добились, к тому же М'Кола не был моим носильщиком. Он носил оружие мистера Джексона Филипа, и иногда тот уступал своего ружьеносца мне. Но я ничего для него не значил. Нельзя сказать, что он не любил

меня, но и о привязанности тут речь не шла. К Карлу он относился с вежливым презрением. По-настоящему он любил только Маму.

В тот вечер, когда мы убили первого льва, мы пришли в лагерь в полной темноте. Охота получилась какая-то суматошная и путаная. Договорились, что первой выстрелит Мама, но, так как никто из нас прежде не охотился на львов, да и день клонился к закату — не самое удачное время для охоты на такого хищника, — после первого попадания каждый имел право стрелять сколько хочет. Учитывая время дня, план был неплох: ведь если б раненый лев ушел в чащу, в темноте возникли бы трудности. Мне запомнился этот желтый лев с тяжелой головой, казавшийся особенно огромным на фоне хилого деревца среди кустарника, и жена, вставшая на одно колено и целившаяся в зверя. Я чуть не крикнул ей, чтобы она села для устойчивости. Послышался короткий выстрел из «манлихера», и странно было видеть, как тяжелый зверь побежал влево мягкой, кошачьей походкой. Я выстрелил из «спрингфилда», лев упал, забился, и тогда я выстрелил снова, слишком поспешно, подняв рядом с ним облако пыли. Теперь зверь лежал плашмя на брюхе. Солнце еще стояло над

деревьями, и трава была ярко-зеленой, когда мы приблизились к нему, как поисковый отряд или банда «черно-коричневых»[16], с винтовками наготове, не зная наверняка, убит он или просто оглушен. С близкого расстояния М'Кола швырнул в него камень. Тот попал в бок, и даже по звуку было понятно, что лев мертв. Я не сомневался, что его сразила жена, но обнаружил только одно пулевое отверстие в задней части туловища, под позвоночником — пуля прошла навылет и застряла в складках кожи в груди. Пулю можно было нащупать, и М'Кола сделал надрез и извлек ее. Это была пятнадцатиграммовая пуля от моего «спрингфилда», она сразила его, пробив легкие и сердце.

Меня так удивило, что лев упал замертво от одного выстрела, хотя мы готовились к трудному героическому сражению, что я чувствовал себя скорее обманутым, чем радостным. Опыт охоты на львов у нас отсутствовал — лев был первый, и, конечно, мы ожидали совсем другого. Чаро и М'Кола — оба — пожали руку моей жене, а потом Чаро подошел ко мне и тоже пожал руку.

---

[16] Примечания: 16

Черно-коричневые — так ирландские повстанцы называли членов военизированных английских отрядов, действовавшие в Ирландии в 1920-х гг.

— Хороший выстрел, бвана, — сказал он на суахили. — *Piga m'uzuri*.

— А вы стреляли, Карл? — спросил я.

— Нет. Как раз собирался, но вы уже выстрелили.

— А вы, Старик?

— Тоже нет. Вы бы услышали. — Открыв заднее отверстие в стволе, он вынул два больших патрона четыреста пятидесятого калибра.

— Я уверена, что промазала, — сказала Мама.

— А я не сомневался, что это ты его уложила. И сейчас так думаю, — заверил я жену.

— Мама в него попала, — сказал М'Кола.

— В какое место? — спросил Чаро.

— Говорю тебе, попала, — настаивал М'Кола.

— Вы уложили его наповал, — сказал мне Старик. — Он свалился, как кролик.

— До сих пор не верится.

— Мама *piga. Piga Simba*[17], — сказал М'Кола.

Когда в темноте впереди нас проступили огни лагеря, М'Кола вдруг пронзительным голосом стал выкрикивать отдельные, певучие слова на языке племени вакамба, прокричав в конце «лев». Кто-то из лагеря ему ответил.

---

[17] Примечания: 17
Мама убила. Убила льва *(суахили).*

— Мама! — прокричал М'Кола. И опять полились неведомые слова. И в конце: — Мама! Мама!

Из темноты выступили все носильщики, повар, свежевальщик, слуги и старший над всей командой.

— Мама! — вопил М'Кола. — Мама *piga Simba.*

Туземцы шумно радовались, приплясывали, отбивали такт ладонями, из груди у них вырывались гортанные, похожие на кашель звуки: «Вот так Мама! Ай да Мама! Вот так Мама!»

Свежевальщик с восторженными глазами подхватил жену на руки, к нему присоединились тучный повар и слуги, остальные толпились вокруг, стремясь тоже поддержать героиню или хотя бы прикоснуться к ней. С песнями и танцами они обнесли жену вокруг костра и подошли к нашей палатке.

— Вот так Мама! Ха-ха-ха! Вот так Мама! Ха-ха-ха! — Они исполняли танец и песню льва, подражая его глухому рычанию. У палатки они поставили жену на землю, и все поочередно, с благоговением пожали ей руку, причем слуги говорили: «*M'uzuri*, Мемсаиб», а М'Кола и носильщики — «*M'uzuri,* Мама», делая акцент на слове «Мама».

Позже, когда мы сидели на стульях у костра и выпивали, Старик сказал моей жене: «Запомните, вы застрелили льва. М'Кола убьет всякого, кто с этим поспорит».

— У меня такое чувство, будто я и вправду его застрелила, — отозвалась жена. — Если б такое случилось на самом деле, не представляю, как смогла бы это вынести. Гордость меня бы захлестнула. Разве не чудесно чувствовать, что ты победила?

— Добрая, славная Мама, — сказал Карл.

— А я верю, что ты его убила, — подхватил я.

— Давайте не будем об этом, — предложила жена. — Мне радостно от одного предположения, что такое могло быть. Ведь раньше меня никогда не носили на руках.

— В Америке не имеют представления о хороших манерах, — сказал Старик. — Некультурный народ.

— Мы будем носить тебя на руках в Ки-Уэст, — обещал Карл. — Добрая славная Мама.

— Может, хватит об этом, — попросила жена. — Мне ведь следует вознаградить их, правда?

— Они делали это не для награды, — возразил Старик. — Но, думаю, будет справедливо дать им что-то ради праздника.

— О, мне хочется отблагодарить их по-царски, — сказала жена. — Как же приятно чувствовать себя героиней.

— Добрая славная Мама, — вмешался я. — Ты действительно его убила.

— Нет, не я. Не лги мне. Дай просто насладиться триумфом.

В общем, М'Кола долго не доверял мне. Пока не истек срок действия лицензии Мамы, она была его фавориткой, а все остальные — людьми, которые путаются под ногами и мешают Маме охотиться. Но с окончанием действия лицензии она выпала из участников охоты, и он утратил к ней интерес. Потом мы начали преследовать куду, и тогда Старик оставался в лагере, посылая с нами охотников — Чаро с Карлом, а М'Кола со мной. Тогда М'Кола утратил к Старику былое уважение. Естественно — на время. Он был носильщиком Старика, его отношение к участникам охоты менялось каждый день, и для того, чтобы сложились прочные отношения, многое надо было пережить вместе. Но что-то между нами изменилось.

Часть вторая
Память об охоте
Глава первая

Это было в то время, когда с нами охотился Друпи. Я как раз вернулся из больницы в Найроби, и мы с Друпи пешком отправились в лес охотиться на носорогов. Красавец Друпи был настоящий дикарь, нависшие веки почти закрывали ему глаза, он обладал особым изяществом, был отличным охотником и следопытом. По виду ему было лет тридцать пять, а из одежды на нем был только кусок ткани, стянутый узлом на плече, да подаренная кем-то из охотников феска. Он никогда не расставался с копьем. М'Кола носил старый мундир американской армии цвета хаки с полным комплектом пуговиц, который изначально предназначался Друпи, но тот как раз тогда отсутствовал. Старик дважды привозил мундир Друпи, пока М'Кола не сказал решительно: «А отдай-ка его мне».

Старик отдал, и с тех пор М'Кола всегда его носил. Этот мундир, шорты, ворсистая шерстяная шапочка и вязаный армейский свитер (носив-

шийся, пока стирался китель) — вот и вся одежда старого охотника. Потом я отдал ему куртку, в которой охотился на птиц. Из старых автомобильных шин он вырезал себе сандалии. У него были красивые, стройные ноги с точеными лодыжками, как у Бейба Рута[18], и, помнится, я был поражен, когда увидел под кителем дряблое, старческое тело. Как на фотографиях Джеффриса и Шарки[19] спустя тридцать лет после их знаменитых боев — уродливые старческие бицепсы и впалая грудь.

— Сколько лет М'Коле? — спросил я у Старика.

— Должно быть, шестой десяток пошел, — ответил Старик. — У него в туземной резервации семья и взрослые дети.

— А какие у него дети?

— Ни на что не годятся. Лодыри. Отец не может с ними совладать. Мы пробовали одного взять в носильщики, но ничего из этого не вышло.

Друпи не вызывал зависти у М'Колы. Он понимал, что тот как охотник его превосходит,

---

[18] Примечания: 18

Бейб Рут (1895–1948) — профессиональный американский бейсболист, выступавший 22 сезона (1914–1935) в Главной лиге.

[19] Примечания: 19

Том Шарки (1873–1953) — американский боксер ирландского происхождения, провел два боя с чемпионом в супертяжелом весе Дж. Джеффрисом (1875–1953), уступил ему только по очкам.

быстрее находит след и вообще все делает в лучшем виде. Он восхищался Друпи не меньше, чем мы, гордился, что носит его китель, помнил, что прежде, чем стать ружьеносцем, был носильщиком, а потом у него началась новая жизнь, и мы стали охотиться вместе, а Друпи возглавлял нашу группу.

То была отличная охота. В первый же день мы удалились от лагеря на четыре мили, двигаясь по глубокой носорожьей тропе, которая гладко и ровно, словно спланированная инженерами, шла меж травянистых холмов с заброшенными, по виду фруктовыми, деревьями. С этой утоптанной тропы глубиной в фут мы свернули, когда она пошла вниз по развилке между холмами, похожей на высохший оросительный канал. Обливаясь потом, мы вскарабкались на невысокий крутой холм справа, сели там, привалившись к вершине, и стали обозревать в бинокль местность. Приятная, зеленая равнина, холмы у подножия обращенной к нам лесистой стороны горы, склон которой изрезан руслами речушек, сбегавших из глубины лесной чащи. Местами лес спускался к самому подножию, и вот там, на краю леса, мы высматривали носорога. Если отвести взгляд от лесистого горного склона, можно следить за

течением ручьев, бегущих сперва по холмистой местности, а затем по равнине с бурой, выжженной солнцем травой к долине Рифт-Велли и сверкающим водам озера Маньяра.

Мы лежали на склоне холма и следили, не покажется ли носорог. Друпи, сидя на корточках на противоположной стороне склона, напряженно вглядывался в даль. М'Кола расположился ниже. Дул свежий восточный ветерок, шевеля траву волнами. По небу плыли большие белые облака, высокие деревья на горном склоне росли так близко друг к другу, что густая листва переплеталась, и, казалось, по их вершинам можно шагать. За горой было ущелье, затем еще одна гора, тоже вся покрытая лесом, казавшимся на расстоянии темно-синим.

До пяти часов все было без изменений. Затем я невооруженным глазом заметил какое-то движение по краю долины к лесу. В бинокль я отчетливо разглядел красноватого от вечерних лучей солнца носорога, он торопился, и в его повадках было что-то от таракана. Затем из леса вышли еще три экземпляра, казавшиеся в тени деревьев темнее, двое из них затеяли около кустов бой, угрожающе выставив вперед рога. Пока мы наблюдали за ними в бинокль, стало смеркаться. Было слишком

темно, чтобы успеть спуститься вниз, пересечь долину, подняться по узкому горному проходу и подойти к носорогам на расстояние выстрела. Поэтому мы решили вернуться в лагерь. Спустились в сумерках, нащупывая ногами наши следы, а потом, почувствовав под собой гладкую тропу, вьющуюся среди темных холмов, пошли по ней, пока не увидели меж деревьев огни лагеря.

Весь вечер мы не могли успокоиться, оттого что видели носорогов, а рано утром за завтраком прибежал Друпи с сообщением, что на краю леса в двух милях от лагеря пасется стадо буйволов. Еще ощущая во рту вкус кофе и копченой сельди, с бьющимся сердцем мы направились к указанному месту, и туземец, оставленный там Друпи для слежки за буйволами, показал нам место, где звери перешли глубокий овраг и выбрались на открытую лесную поляну. По его словам, в стаде было больше дюжины голов, и среди них — два больших самца. Осторожно шагали мы по звериным следам и, раздвигая ветви, видели все новые следы и кучки свежего помета, но, хотя мы углубились довольно далеко в лес, густой и неудобный для охоты, и сделали большой круг, буйволов нигде не было. Только раз услышали мы взволнованный щебет птиц и увидели, как

они взлетели, — и больше ничего. В лесу было много носорожьих следов и помета соломенного цвета, но встретились нам только несколько обезьян и зеленые вяхири, и, когда мы, до пояса мокрые от росы, выбрались на поляну, солнце стояло уже высоко. День намечался жаркий, и, сомнений не было: пока не поднимется ветер, носороги и буйволы заберутся поглубже в чащу, чтобы в холодке переждать жару.

Все, кроме меня и Друпи, вернулись в лагерь, в том числе Старик и М'Кола. У нас закончилось мясо, и я решил пойти кружным путем в надежде что-нибудь подстрелить. После перенесенной дизентерии ко мне возвращались силы, и для меня было наслаждением бродить по холмистой местности и, если повезет, поохотиться, добыть мяса. К тому же мне был по душе Друпи, было приятно смотреть даже, как он ходит. Он шагал свободно, как бы слегка паря над землей, и мне нравилось смотреть на него и одновременно чувствовать траву под мягкими подошвами ботинок, ощущать приятную тяжесть ружья, приклад которого я держал в руке, а ствол закинул за плечо; получать удовольствие от солнца, высушившего росу на траве и заставившего нас обливаться потом, а потом наслаждаться ветерком, и тогда казалось,

что мы идем по заброшенному саду где-нибудь в Новой Англии. Я чувствовал, что могу снова хорошо стрелять, и хотел, чтобы Друпи это увидел.

С одного бугра мы заметили примерно в миле от нас двух конгони[20], казавшихся желтыми на фоне холма. Я знаком дал понять Друпи, что надо следовать за ними. Так мы и сделали и в овраге спугнули водяных козлов — самца и двух самок. Водяной козел был одним из немногих местных зверей, мясо которого несъедобно, к тому же у меня уже был один такой трофей — лучше этого. Пока козел улепетывал, я держал его под прицелом, но, помня о том, что его мясо никуда не годится, а хорошие рога у меня уже есть, так и не выстрелил.

— Не стреляешь куро? — спросил Друпи на суахили. — Думи сана — хороший самец.

Я постарался ему объяснить, что один экземпляр у меня уже есть, а на вкус мясо козла отвратительно.

Он заулыбался.

— Пига конгони м’узури.

«Пига» — впечатляющее словечко. Так должна звучать команда «стреляй» или возглас «попал».

---

[20] Примечания: 20
Вид антилопы.

М’узури означает «хорошо», «отлично», «лучше», и мне долгое время казалось, что я слышу название одного из наших штатов, поэтому я частенько составлял про себя предложения на суахили со словами «Арканзас» и «Миссури». Теперь это слово стало привычным, оно больше не звучало для меня странно, как и остальные слова этого языка; такими же естественными и нисколько не отвратительными казались теперь оттянутые мочки ушей, украшавшие мужчин, особые племенные шрамы и копья в руках воинов. Напротив, племенные шрамы и татуировки выглядели в моих глазах естественными и красивыми, и я сожалел, что у меня их нет. Все мои шрамы были случайными, неровными, лишенными формы — обыкновенные рубцы. Один шрам был на лбу, и меня до сих пор спрашивали, не стукнулся ли я где головой. А у Друпи один шрам красиво шел вдоль скулы, а другие симметрично украшали грудь и живот. У меня тоже был один неплохой шрам, по форме напоминавший нарядную рождественскую елку, но он был на пятке правой ноги, и пользы от него не было никакой — только носок быстрее изнашивался. Пока я об этом думал, мы спугнули парочку болотных антилоп. Они рванули в лес и, отбежав метров на шестьде-

сят, остановились. Стройный, грациозный самец обернулся — тут я выстрелил и попал в бок, ниже лопатки. Он подскочил и мгновенно скрылся.

— Пига, — улыбнулся Друпи. Мы оба слышали удар пули.

— Куфа, — сказал я. — Убит.

Когда мы подошли к нему, он лежал на боку, и, хотя по всем признакам был мертвый, его сердце продолжало биться. Друпи не взял с собой охотничьего ножа, а у меня был только перочинный. Рядом с передней ногой я нащупал бьющееся под шкурой сердце, всадил в него нож, но тот был слишком коротким и прошел мимо, только коснувшись сердца. Я взял в руки это горячее и упругое сердце и, повернув нож, перерезал артерию. Жаркая кровь брызнула и залила мне пальцы. Я стал потрошить зверя маленьким ножиком, стараясь произвести впечатление на Друпи: аккуратно извлек печень и, отрезав желчный пузырь, выбросил его, а печень и почки положил на траву.

Друпи попросил у меня нож. Ему тоже хотелось продемонстрировать свое умение. Он ловко разрезал и вывернул наизнанку желудок, вывалив из него траву, хорошенько встряхнул, положил внутрь печень и почки, срезал веточку с дерева,

под которым лежала антилопа, и скрепил веточкой желудок, превратив его в ладный мешочек. Затем вырезал палку, подвесил на один конец свободно болтавшийся мешочек и перекинул палку через плечо, как во времена моего детства поступали бродяги со своими пожитками, завернутыми в носовой платок, их еще изображали на рекламе мозольного пластыря «Блю Джей». Мне понравился этот способ, и я подумал, что надо будет как-нибудь показать его Джону Стейбу из Вайоминга, и сразу представил себе его улыбку глухого человека (услышав рев быка, приходилось бросать в Джона камушки, чтобы он остановился) и его слова: «Ей-богу! Эрнест, это здорово!»

Друпи передал мне палку, снял с себя кусок ткани, заменявший ему одежду, обвязал тушу и закинул себе на спину. Желая помочь, я предложил ему жестами срезать большой сук, подвесить антилопу и нести вдвоем, но он отказался. Так мы и шли к лагерю — я с мешочком на палке, перекинутой через плечо, и с ружьем за спиной, а впереди, пошатываясь, Друпи, обливавшийся потом под тяжестью туши. Я предложил подвесить антилопу на дерево, а после прислать за ней двух носильщиков. Мы уже запихнули было тушу меж

стволов, но, когда Друпи сообразил, что я готов скорее уйти, чем разрешить ему надрываться под тяжестью, вновь взвалил антилопу на плечи. Когда мы вошли в лагерь, слуги у костра чуть не надорвали животы со смеху при виде меня с мешочком, болтавшимся за спиной.

Вот такую охоту я любил! Никаких автомобилей, ходьба по холмистой местности вместо плоских равнин — это делало меня счастливым. Я перенес серьезную болезнь и теперь ощущал с радостью, что крепну день ото дня. За время болезни я исхудал, изголодался по свежему мясу и теперь ел все подряд. Все, что мы выпивали, сидя вечером у костра, выходило потом на следующий день под жаркими лучами солнца, и я старался в такое время устроиться с книгой в тени деревьев и читать, овеваемый ветерком, радуясь тому, что могу не писать и что в четыре часа мы снова отправимся на охоту. Я даже писем не писал. Единственный, необходимый и дорогой человек, не считая детей, был со мной, и больше мне ни с кем не хотелось делиться этой чудесной жизнью — хотелось только жить ею, быть полностью счастливым и испытывать к концу дня сладкую усталость. Я знал, что метко стреляю, ощущал полноту бытия и уверенность в своих силах и

радовался, что переживаю такое сам, а не только узнаю от других.

Так сложилось, что лагерь мы покинули вскоре после трех с тем, чтобы в четыре быть уже на холме. Но первого носорога мы увидели только около пяти часов, он неуклюже перебегал через гребень холма почти там же, где мы видели и вчерашнего носорога, и скрылся в лесу недалеко от того места, где вчера дрались двое его собратьев. Мы спустились с холма, перешли заросший овраг и стали подниматься по крутому склону к колючему дереву с желтыми цветами — именно там носорог вошел в лес.

Сопротивляясь поднявшемуся ветру, я старался идти как можно медленнее и заткнул носовой платок под ленту внутри шляпы, чтобы пот не заливал очки. Я понимал, что, возможно, уже в следующую минуту придется стрелять, и потому нарочно замедлял шаг, чтобы сердце билось ровно. Когда бьешь крупного зверя, нельзя промахнуться, если ты хороший стрелок и знаешь, куда стрелять, — разве только ты запыхался от бега или от крутого подъема, или очки разбились, или запотели, а у тебя нет клочка тряпки или бумаги, чтобы их протереть. С очками у меня всегда была проблема, и я носил с собой четыре

носовых платка и, когда они намокали от пота, перекладывал из кармана в карман.

Мы приблизились к усеянному желтыми цветками дереву осторожно, словно к выводку перепелок, на который указали собаки, но носорога в поле зрения не было. Пройдя краем леса, мы обнаружили много носорожьих следов и свежего помета — но самого носорога не было. Солнце садилось, смеркалось, время для охоты было упущено, а мы все бродили по лесистому склону в надежде встретить носорога на открытом месте. Когда стрелять было уже поздно, Друпи вдруг остановился и припал к земле. Знаками он подозвал нас. Мы подползли ближе и увидели крупного носорога и рядом малыша, они стояли по грудь в зарослях на другой стороне небольшой долины, разделявшей нас.

— Самка с детенышем, — сказал тихо Старик. — Нельзя стрелять. Дай-ка я гляну на ее рог. — И он взял бинокль у М'Колы.

— Они нас видят? — спросила Мама.

— Нет.

— До них далеко?

— Примерно пятьсот метров.

— Какая же она огромная, — прошептал я.

— Да, самка крупная, — согласился Старик. —

Знать бы, где самец. — При виде зверей его охватило радостное возбуждение. — Стрелять темно — разве только он окажется совсем рядом.

Носороги неспешно повернулись и все так же мирно щипали траву. Похоже, эти животные не умеют спокойно передвигаться — они либо бегут, либо стоят.

— А почему они такие красные? — спросила Мама.

— Вывалялись в глине, — ответил Старик. — Надо поторапливаться, пока совсем не стемнело.

Солнце село, когда мы вышли из леса и увидели внизу холм, откуда раньше высматривали в бинокль дичь. Нам следовало спуститься вниз, перейти овраг и вернуться в лагерь тем же путем, но нам вдруг пришла в голову нелепая мысль пройти краем леса прямо по горному склону. Придерживаясь четко намеченной линии, мы в полумраке преодолевали одно из другим глубокие ущелья, издали казавшиеся небольшими рощицами, скользили по склонам, цепляясь за лозы, спотыкались, карабкались и снова скользили вниз, все ниже и ниже, а потом с немыслимыми усилиями взбирались по крутому склону — и все это под аккомпанемент ночных звуков и рычания леопарда, охотившегося на бабуинов. К

тому же я боюсь змей и каждый раз испытывал страх, прикасаясь неожиданно в темноте к корню или ветке.

Буквально на четвереньках мы преодолели два глубоких ущелья, а потом при свете луны вышли к крутому горному отрогу, на который взбирались мелкими шажками, лишь изредка позволяя себе увеличить шаг, или карабкались, почти прижавшись к земле, смертельно усталые, изнемогая под тяжестью ружей. Перевалив гуськом через хребет, мы почувствовали облегчение. Перед нами в сиянии луны расстилалась равнина. И опять начались спуски и подъемы, но теперь это были небольшие холмы, и хотя мы валились от усталости, но впереди уже замаячили огни нашего лагеря.

И вот ты уже сидишь у костра, поеживаясь от вечерней прохлады, пьешь виски с содовой в ожидании, когда брезентовая ванна наполнится на четверть горячей водой.

— Ванна готова, бвана.

— Черт побери, никогда больше не смогу охотиться на горных баранов, — говорю я.

— А я и раньше не могла, — говорит Мама. — Это все вы меня заставляли.

— Да ты держишься в горах увереннее, чем

любой из нас.

— Как вы думаете, Старик, пойдем мы снова охотиться на баранов?

— Даже не знаю, — ответил Старик. — Думаю, все зависит от обстоятельств.

— Ужаснее всего езда на этих чертовых машинах.

— Если б мы каждый вечер проходили такое расстояние, как сегодня, то прошли бы весь путь за три перехода и даже не почувствовали бы этого.

— Да. Но я все равно не перестану бояться змей, даже если целый год буду ходить на такие расстояния.

— Со временем привыкли бы.

— Нет, — сказал я. — Боюсь их до ужаса. Помните мою реакцию, когда мы соприкоснулись руками за деревом?

— Еще бы! — отозвался Старик. — Вы отпрыгнули на два метра. Вы действительно так сильно их боитесь или это всего лишь разговоры?

— Ужасно боюсь, — признался я. — И всегда боялся.

— Что с вами случилось, мужчины? — спросила Мама. — Почему сегодня нет разговоров о войне?

— Мы слишком устали. А вы воевали, Старик?

— Куда уж мне! — сказал Старик. — Ну, где же этот парень? Почему не несет виски? — И позвал притворно слабым фальцетом немощного человека: — Кейти… Где ты, Кейти-и?

— Пора ванна, бвана, — повторил Моло тихо, но настойчиво.

— Сил нет.

— Может, тогда Мемсаиб ванна? — с надеждой спросил Моло.

— Я пойду, — сказала Мама. — А вы поскорее заканчивайте с виски. Есть хочется.

— Ванна? — спросил сурово Кейти у Старика.

— Сам лезь в ванну, — огрызнулся Старик. — Не приставай.

Кейти отвернулся, и в свете костра была видна его кривая улыбка.

— Ну ладно, ладно, — сказал Старик. — Выпьем еще? — спросил он.

— Давайте по одной, и — в ванну, — предложил я.

— Ванна, бвана М'Кумба, — сказал Моло.

Мама подошла к костру в голубом халатике и высоких сапогах от москитов.

— Идите же, — сказала она. — Никто не мешает вам выпить еще после ванны. Вода великолепная — теплая и мутная.

— Чувствую, от нас не отвяжутся, — погрустнел Старик.

— Помнишь тот случай, когда мы охотились на баранов, у тебя слетела шляпа и чуть не повисла у одного из них на рогах? — спросил я жену, улетев мыслями под действием виски в Вайоминг.

— Иди прими ванну, — сказала Мама. — А я приготовлю себе коктейль.

Утром мы собрались еще до рассвета, позавтракали и вышли на охоту. Мы прошли по краю леса, осмотрели глубокие долины, где Друпи видел буйволов перед восходом солнца, но сейчас там никого не было. После долгих бесплодных поисков мы вернулись в лагерь и решили послать грузовики за носильщиками, чтобы самим пешком отправиться к тому месту, куда стекал горный ручей и где должна быть вода; недалеко от того места мы за день до этого видели носорогов. Там мы разобьем лагерь и начнем осваивать новые места у края леса.

С грузовиками должен был приехать Карл из того лагеря, где он охотился на куду. Похоже, ему там все надоело или даже опротивело, и мы подумали, что Карлу не помешает на следующий день отправиться в Рифт-Велли — подстрелить что-нибудь на обед и поохотиться на сернобы-

ка. Если нам попадется приличный носорог, мы тут же пошлем за ним. Попусту мы решили не стрелять, чтобы не спугнуть носорогов. Но наши мясные запасы подходили к концу, и тут нам очень мог помочь Карл. Носороги, похоже, пугливые звери, а я знаю еще по Вайомингу, что все пугливые звери покидают территорию, на которой ты охотишься, — будь то долина, или гряда холмов — после первых редких выстрелов. Мы все обдумали, Старик посоветовался с Друпи, и только тогда мы отправили грузовики во главе с Дэном нанимать носильщиков.

Ближе к вечеру грузовики вернулись с Карлом, его снаряжением и сорока мбулусами, красивыми туземцами во главе с напыщенным вождем, единственным, кто носил шорты. Карл похудел, у него был землистый цвет лица и усталый взгляд — казалось, он пал духом. В горном лагере, охотясь на куду, он провел восемь дней, и рядом не было никого, с кем он мог бы хоть словом перекинуться по-английски. В результате они видели только двух самок антилоп и спугнули одного самца, не успев подойти к нему на расстояние выстрела. Проводники уверяли, что видели и второго самца, но Карл не сомневался, что второй был конгони, а может, они сами сказали, что он

конгони, — словом, Карл не выстрелил. От этого на душе у него было скверно — в общем, охота не удалась.

— Рогов я не видел. Не думаю, что это был самец, — сказал он. Теперь охота на куду была для Карла больным местом, и мы старались эту тему не затрагивать.

— Убьет сернобыка — и успокоится, — заверил нас Старик. — Естественно, что сейчас он расстроен.

Карлу понравился наш план по освоению нового места, и он не возражал стать на время добытчиком мяса.

— Как скажете, — повторял он. — Все, что хотите.

— Надо дать ему пострелять, — сказал Старик. — И он опять обретет форму.

— Мы убьем носорога. А потом вы тоже убьете своего. Кто уложит первого, может отправиться на равнину за сернобыком. А вам, Карл, сернобык, возможно, попадется завтра же, когда пойдете за дичью.

— Как скажете, — повторил Карл. Его разум не мог смириться с восемью пустыми днями, когда он, выходя до рассвета из лагеря, весь день до темноты карабкался по холмам под палящим

солнцем, преследуя зверя, название которого даже выговорить не мог на языке суахили, в обществе следопытов, в умение которых не верил, а вернувшись в лагерь, ел в одиночестве без всяких собеседников, тоскуя по жене, в разлуке с которой уже три месяца на расстоянии девяти тысяч миль, лезли ему в голову и другие мысли: как там его собака, и что там с его работой, и какого черта он здесь торчит, и не промахнулся ли он, когда стрелял, нет, не мог, никогда не промахиваешься, когда все поставлено на кон, в это он свято верил — а вдруг все же от волнения промазал? И почему писем нет… но проводник сказал тогда, что это конгони, и остальные тоже сказали, значит, так и есть. Однако всем этим Карл с нами не поделился, сказал только: «Как скажете», но в голосе звучала вселенская скорбь.

— Не вешайте нос, старина, — сказал я.

— У меня все в порядке. О чем вы?

— Хлебните виски.

— Не хочу виски. Хочу куду.

Позже Старик сказал:

— Он сам справится. Не надо его торопить или волновать. Все у него будет в порядке. Он молодец.

— Думаю, он хочет, чтоб ему точно сказали,

что делать, а потом оставили в покое, — сказал я. — Для него испытание — стрелять на глазах у других. Он не любит хвастаться — не то что я.

— Тот выстрел, которым он уложил леопарда, был великолепным, — заметил Старик.

— Он уложил его двумя выстрелами, — поправил я. — И второй был не хуже первого. Да, черт возьми, он здорово стреляет. Никто из нас ему в подметки не годится. Но он на этом зациклен, а я его все время подгоняю и только делаю хуже.

— Вы иногда суровы к нему, — сказал Старик.

— Но он ведь меня знает. И знает, как я к нему отношусь. Он не обижается.

— Из него выйдет толк, — сказал Старик. — Надо просто поверить в себя. Он способный стрелок.

— Он ведь убил лучшего буйвола, лучшего водяного козла и лучшего льва, — сказал я. — Куда уж лучше!

— Лучшего льва убила Мемсаиб, дружище. Не забывайте об этом.

— Я этому рад. Но лев, которого пристрелил Карл, был тоже не плох. Не говоря уж о крупном леопарде. Все у него хорошо. И времени впереди полно — не о чем беспокоиться. И что он нос повесил?

— Завтра надо выйти пораньше, чтобы добрать-

ся до места до жары, — надо поберечь Мемсаиб.

— Да она в лучшей форме, чем все мы.

— Она чудесная. Ловкая, как маленький терьер.

Днем мы поднялись на холмы и оглядели окрестности, но не увидели ничего интересного. Вечер после ужина мы провели в палатке. Маме очень не понравилось, что ее сравнили с терьером. Ей вообще не хотелось сравнений с собакой, но в крайнем случае она предпочла бы поджарого, длинноногого, породистого волкодава. Храбрость ее была естественной, как дыхание, она никогда не думала об опасности и, кроме того, знала, что от опасности нас оберегает Старик, а к нему она питала абсолютное доверие, смешанное с обожанием. Он был для нее идеалом мужчины: смелый, великодушный, ироничный, сдержанный, не хвастун и не нытик, терпимый, понимающий, умный и выпить не дурак, как и подобает настоящему мужчине, и еще, по ее мнению, красавец.

— Разве ты не находишь Старика красивым?

— Нет, — ответил я. — Вот Друпи — это да.

— Друпи великолепен. Но неужели ты правда не видишь, что Старик красив?

— Нет, конечно. Он не хуже остальных, но кра-

сивый — это не про него.

— А мне он кажется очень симпатичным. Ты ведь знаешь, как я к нему отношусь.

— Еще бы! Я и сам люблю этого сукиного сына.

— Но красивым не считаешь?

— Нет, не считаю.

Спустя некоторое время спросил уже я:

— Ну а кто нравится тебе?

— Бельмонте[21] и Старик. И еще ты.

— Давай без лести. А из женщин?

— Гарбо.

— Теперь она уже не та. То ли дело — Джози. Или Марго.

— Да, они красивые. Не то что я.

— Ты прелесть.

— Давай поговорим о мистере Дж. Ф. Мне не нравится, что ты называешь его Стариком. Это как-то неуважительно.

— Мы с ним на равных.

— А вот я отношусь к нему с уважением. Он ведь необыкновенный, правда?

— Да, и ему не приходится читать книжки, написанные вздорной бабенкой, которой помог напечататься, а она в ответ назвала тебя продаж-

---

[21] Примечания: 21

Хуан Бельмонте (1892–1962) — испанский матадор, один из самых известных матадоров своего времени.

ным писакой.

— Она просто завистливая злючка. Не надо было ей помогать. Некоторые люди этого не прощают.

— Обидно, когда талант растрачивают на злобу, всякую ерунду и саморекламу. Чертовски обидно. И еще обидно: пока такая, как она, открыто себя не проявит, ее не раскусишь. Кстати, забавная вещь: ей совсем не удавались диалоги. Они были ужасны. Она научилась у меня и применила это в своей книжке. Раньше у нее так не выходило. Она не смогла простить, что ей пришлось похитить у меня умение, и боялась, что читатели заметят это, и решила нанести удар первой. Забавная история. А ведь раньше, пока в ней не проснулось честолюбие, она была очень милая. Не сомневаюсь, тогда она понравилась бы тебе.

— Может быть, хотя вряд ли, — сказала Мама. — Нам ведь хорошо здесь, правда? Без всех этих людей.

— Провалиться мне на этом месте, если не так. Насколько помню, нам каждый год хорошо.

— А мистер Дж. Ф. чудесный, правда?

— Правда. Чудесный.

— Какой ты милый, что так говоришь. Бедный Карл!

— Почему бедный?
— Он здесь один, без жены.
— Да, — согласился я. — Бедный Карл.

Глава вторая

И вот утром мы вышли раньше носильщиков и зашагали по холмистой местности, потом перешли глубокий, лесистый овраг, долго поднимались на взгорье, заросшее высокой, путавшейся под ногами травой, и так — все дальше, изредка устраивая привалы в тени деревьев, и снова вперед — то в гору, то с горы, и теперь уже постоянно прокладывали путь сквозь высокую траву под палящими лучами солнца. Нас было пятеро, шли мы гуськом, обливаясь потом. Друпи и М'Кола несли каждый по тяжелому ружью, кроме того, вещевые мешки, фляжки с водой и фотоаппараты, у нас со Стариком тоже были винтовки, а Мемсаиб, сдвинув набекрень широкополую шляпу, шла, стараясь подражать походке Друпи, вне себя от радости, что принимает участие в таком путешествии и что ботинки не жмут. Наконец мы подошли к колючим зарослям над ущельем, которое тянулось от гребня горы до ручья, там прислонили ружья к стволам деревьев, а сами

заползли в густую тень и легли на землю. Мама извлекла из вещевого мешка книги, и они со Стариком стали читать, а я спустился краем ущелья к ручью, бежавшему с горы, и там обнаружил свежие львиные следы и множество носорожьих ходов, проложенных в высокой, выше человеческого роста траве. Взбираться обратно по песчаному косогору было трудно из-за жары, и я испытал наслаждение, когда смог наконец привалиться к дереву и открыть «Севастопольские рассказы» Толстого. Эта книга молодого человека, в ней есть одно потрясающее описание боя, когда французы идут на штурм редута, и я задумался о Толстом и о том, как много дает писателю непосредственное участие в войне. Война — одна из важнейших тем в литературе, и писать о ней правдиво труднее всего, и не побывавшие на войне писатели из зависти пытаются принизить значение военного опыта, называя произведения о войне противоестественными или даже больными, хотя им просто не удалось испытать того, чего ничем не заменишь. От «Севастопольских рассказов» мысль моя переметнулась на «Бульвар Севастополь» в Париже, на велосипедную поездку под дождем домой из Страсбурга, скользкие трамвайные рельсы и трудности езды по

мокрому асфальту и булыжным мостовым в часы пик, тогда мы чуть не поселились на «Бульвар дю Тампль» — я даже помню это место, мебель, обои, но вместо него мы сняли квартирку под крышей в доме на Нотр-Дам де Шан, во дворе которого находилась лесопилка (*неожиданный визг пилы, запах стружек, каштан над крышей и сумасшедшая, жившая на нижнем этаже*), в том году мы особенно страдали от безденежья (*все, что я писал, возвращалось обратно с почтой, которую опускали в прорезь в дверях лесопилки, с комментариями, в которых мои отвергнутые опусы назывались анекдотами, скетчами, сказками, но никак не рассказами. Ничего не печаталось, и мы питались луком и пили кагор с водой*), но фонтаны на площади Обсерватории были прекрасны (*сверкание воды, волнами стекающей по бронзовым конским гривам, бронзовые торсы и плечи, позеленевшие под тонкими струйками воды*), а в Люксембургском саду, там, откуда кратчайший путь на улицу Суффло, поставили памятник Флоберу (*тот, кому мы так верили, кого любили, не помышляя о критике, стоял теперь перед нами грузный и каменный, как и подобает идолу*). Писатель не воевал, но он был свидетелем революции и Коммуны, а это многого стоит, если

только вы не фанатик и не говорите на одном языке с толпой. Гражданская война больше всего дает писателю, она в этом смысле совершенна. Стендаль участвовал в войне, и Наполеон научил его писать. Тогда он учил всех подряд, но больше никто не выучился. Сибирь создала Достоевского. Несправедливость закаляет писателя, как кузнец закаляет сталь. Интересно, стал бы Том Вулф настоящим писателем, сократил бы неистощимый поток слов и обрел бы чувство пропорции, если б его сослали в Сибирь или на острова Драй-Тортугас[22]. Может, и стал бы, а может, нет. Он всегда казался печальным, как Карнера[23]. Толстой был небольшого роста. Джойс — среднего и почти слепой. Помнится, в ту последнюю ночь, когда я был пьян, Джойс повторял слова Эдгара Кине[24]: «*Fraich et rose comme au jour de la bataille*»[25]. Думаю, что могу и ошибиться. При встрече он мог возобновить беседу, прерванную три года назад.

---

[22] Примечания: 22
Небольшая группа островов в Мексиканском заливе.

[23] Примечания: 23
Примо Карнера (1906–1967) — боксер-профессионал из Италии, чемпион мира в супертяжелом весе.

[24] Примечания: 24
Эдгар Кине (1803–1875) — французский историк.

[25] Примечания: 25
Свеж и румян, как в день битвы *(франц.)*.

Приятно видеть в наши дни великого писателя.

Все, что мне надо было делать, — это работать. Я особенно не задумывался, что из этого выйдет. Свою жизнь я больше не воспринимал всерьез, жизни других — да, но не свою. Все стремились к тому, что я мог получить, не добиваясь, при условии упорной работы. Работа — единственное, что мне нужно, она всегда приносит удовлетворение, а жизнь, в конце концов, моя, и я волен проживать ее так, как вздумается. Здесь, в Африке, мне все было по душе. Небо здесь лучше, чем в Италии. Нет, черта с два! Самое красивое небо в Италии, Испании и в Северном Мичигане осенью и над Мексиканским заливом близ Кубы, тоже осенью. Небо здесь не самое лучшее, зато места краше не найдешь.

Все, чего мне сейчас хотелось, — снова вернуться в Африку. Мы еще не уехали отсюда, а я, просыпаясь по ночам, лежал, прислушивался к ночным звукам и уже тосковал по ней.

Глядя в просвет между деревьями на небо и на белые облака, уносимые ветром, я испытывал от любви к этой стране ту радость, какую испытываешь после близости с женщиной, которую любишь по-настоящему, когда, опустошенный, чувствуешь, что желание снова накатывает на

тебя, и вот уже накатило, и ты никогда не насытишься, но сейчас это твое, а тебе нужно еще и еще — иметь, быть, жить в этом, обладать вечно, пока вечность неожиданно не обрывается, и время не замирает, иногда надолго, и тогда ты вслушиваешься, не пришло ли оно в движение, но оно не торопится. Однако ты не одинок: ведь если ты любил ее радостно и без трагедий, она будет любить тебя всегда — с кем бы ни была, куда бы ни уехала, тебя она будет любить больше всех. Так что, если ты любил в своей жизни женщину или страну, ты счастливый человек, и умирать тебе не страшно. И сейчас, находясь в Африке, я хотел взять от нее как можно больше — пережить смену времен года и период дождей, когда не надо много путешествовать, испытать для большей реальности разные жизненные неудобства, узнать названия незнакомых деревьев, мелких зверюшек и птиц, изучить язык, жить не торопясь и во все вникая. Всю жизнь я любил страны — страны всегда лучше, чем люди. Я могу испытывать одновременно симпатию только к небольшому числу людей.

Жена спала. Приятно смотреть на нее спящую — она спит спокойно, свернувшись клубком, как зверек, — ничего общего с мертвецки спящим

Карлом. Старик тоже спал спокойно, но было видно, что его душе тесно в теле. Оно уже не было ему впору. С возрастом оно изменилось, утратило четкость линий, здесь прибавилось, тут убавилось, но в душе он оставался молодым, стройным, высоким и крепким, как в те дни, когда на равнине близ Вами преследовал львов и мешков под глазами еще не было. Спящим я видел его таким, каким Мама видела всегда. М'Кола и во сне оставался просто пожилым человеком — без собственной истории и загадки. Друпи не спал. Сидя на корточках, он всматривался в даль.

Носильщиков мы увидели издалека. Сначала над высокой травой показались ящики, а уж потом их головы. На какое-то время, спускаясь в овраг, туземцы исчезли, оставив сверкать на солнце только кончик копья, но вскоре опять появились, и я смотрел, как они, гуськом поднимаясь на взгорье, направляются в нашу сторону. Они взяли немного влево, и Друпи помахал им рукой. Когда туземцы стали разбивать лагерь, Старик предупредил их, что шуметь нельзя, и мы, удобно расположившись под тентом, беседовали в ожидании обеда. Вечером вышли на охоту, но никого не встретили. Утром снова отправились на разведку, но вернулись опять ни с чем. Ве-

чером произошло то же самое. Прогулки были приятные, но без всякого результата. Дул сильный восточный ветер, короткие гряды холмов подходили к самому лесу, и, если б мы перевалили через них, животные сразу учуяли бы наш запах. Вечером солнце било в глаза, не позволяя ничего толком рассмотреть, а когда оно садилось на западе за холмы, густая тень окутывала место, где носороги обычно выходили из леса, так что западная часть была недоступна для охоты, а в других местах ничего не попадалось. Посланные к Карлу носильщики вернулись с мясом. Они принесли пропыленные окорока антилоп, солнце высушило мясо, и носильщики, сидя на корточках вокруг огня, радостно жарили его на палочках. Старик недоумевал: куда подевались все носороги? С каждым днем их следы встречались нам все реже, и мы задавались вопросом, не в полнолунии ли загвоздка? Не выходят ли они в это время из леса по ночам и ночью же возвращаются, а может, они все же учуяли нас или услышали шум и из-за своей пугливости прячутся в глубине леса? Или что-то еще? Выдвигал теории обычно я, а Старик остроумно критиковал их, хотя некоторые выслушивал из вежливости или даже с интересом — вроде предположения о

связи поведения животных с полнолунием.

Спать мы легли рано, ночью прошел дождь — даже не дождь, а короткий ливень с гор. Встав до рассвета, мы взобрались на крутой, поросший травой гребень горы, откуда хорошо виднелись наш лагерь, долина ручья, противоположный высокий берег, а также близлежащие холмы и край леса. Когда над нами пролетела гусиная стайка, еще не совсем рассвело, и даже в бинокль край леса был плохо виден. На вершинах трех холмов сидели наши дозорные, и мы ждали рассвета, чтобы в случае чего увидеть их сигналы.

Вдруг раздался голос Старика: «А ну-ка взгляните на этого мерзавца!» — и он крикнул, чтобы М'Кола принес ружья. Тот мигом скатился с холма, и тут все мы увидели, как прямо напротив нас по дальней стороне ручья торопливо бежит носорог. На наших глазах он ускорил бег и, срезав угол, повернул к воде. Носорог был бурого цвета, с четко вырисовавшимся большим рогом, его быстрые целенаправленные движения никак не увязывались с его несомненной тяжеловесностью. От возбуждения меня охватила дрожь.

— Он перейдет ручей, — сказал Старик. — Вполне доступная мишень.

М'Кола передал мне «спрингфилд». Я открыл

винтовку, желая убедиться, что она заряжена. Сейчас носорога не было видно, но о его присутствии говорило колыхание высокой травы.

— Сколько до него?

— Метров триста.

— Я уложу этого мерзавца.

Пристально всматриваясь в шевелящуюся траву, я сознательно сбрасывал внутреннее напряжение, перекрывая, словно клапаном, нервозность, дабы обрести бесстрастное состояние, необходимое при стрельбе.

Но вот носорог вновь показался — он ступил в неглубокий ручей с каменистым дном. Понимая, что моя позиция идеальна для выстрела и нужно только упредить движение носорога, я прицелился, затем взял чуть вперед и выстрелил. Я слышал удар пули и видел, как носорог содрогнулся. Шумно фыркая, он рванулся вперед, расплескивая воду. Я выстрелил еще раз, подняв позади него фонтанчик воды, а потом еще, когда он скрылся в траве, — и, похоже, опять промазал.

— Пига, — сказал М'Кола. — Пига!

Друпи был с ним согласен.

— Вы попали в него? — спросил Старик.

— Это точно, — ответил я. — И думаю, ему конец.

Друпи побежал к носорогу, а я перезарядил винтовку и побежал следом. Половина нашего лагеря уже рассыпалась по ближайшим холмам, кричала и размахивала руками. Носорог промчался прямо под лагерем по долине, подступавшей к самому лесу.

Подошли Старик и Мама. Старик нес автомат, а М'Кола — мое ружье.

— Друпи отыщет носорога, — сказал Старик. — М'Кола клянется, что вы в него попали.

— Пига! — убежденно произнес М'Кола.

— Он пыхтел, как паровоз, — сказала Мама. — Но как он был прекрасен, когда бежал.

— И все-таки домой опоздал, — заметил Старик. — Так вы не сомневаетесь, что ранили его? Ведь он был чертовски далеко.

— Сомневаюсь? Да я уверен, что попал. И рана смертельная.

— Если так, никому об этом не говорите, — посоветовал Старик. — Вам никто не поверит. Только взгляните. Друпи напал на кровавый след.

Друпи вырвал что-то из высокой травы и поднял вверх. Затем, согнувшись, пошел по кровавому следу.

— Пига! — повторял М'Кола. — М'узури!

— Поднимемся наверх, оттуда будет видно, ес-

ли он собьется с пути, — сказал Старик. — Только взгляните на Друпи.

Друпи стащил с головы феску и держал ее в руке.

— Вот все, что ему нужно для защиты, — сказал Старик. — Мы берем с собой пару надежных винтовок, а Друпи идет на носорога с головным убором.

Мы увидели, как Друпи и сопровождавший его туземец остановились. Друпи поднял руку.

— Они его услышали, — сказал Старик. — Ускорим шаг.

Мы стали спускаться. Друпи пошел нам навстречу и что-то сказал Старику.

— Носорог здесь, — шепнул мне Старик. — Они услышали волоклюев. Один из туземцев говорит, что слышал и «фаро». Давайте приблизимся с подветренной стороны. Вы ступайте с Друпи вперед. А Мемсаиб пусть идет за мной. Возьмите мою двустволку. Вот так. Хорошо.

Носорог лежал где-то за кустами, в высокой траве. Подойдя, мы услышали звук, похожий на глухой, протяжный стон. Друпи оглянулся на меня с улыбкой. Звук повторился, в конце его носорог словно вздохнул, захлебываясь кровью. Друпи засмеялся. «Фаро», — прошептал он и поло-

жил себе под щеку ладонь, как будто укладывался спать. Из кустов вспорхнула стайка волоклюев и улетела. Теперь мы точно знали, где лежит носорог, и, медленно раздвинув траву, увидели его. Он лежал на боку мертвый.

— Стоит выстрелить еще раз — чтоб уж наверняка, — посоветовал Старик.

М'Кола передал мне «спрингфилд». Я заметил, что затвор взведен, бросил на М'Колу убийственный взгляд, стал на колено и выстрелил носорогу в шею. Зверь не пошевелился. Друпи пожал мне руку, за ним подошел и М'Кола.

— Представьте, у него был взведенный курок, — сказал я Старику. Меня приводила в ярость мысль об опасности за моей спиной.

М'Кола никак не реагировал на мои слова. Со счастливым видом он поглаживал рог убитого зверя, измерял его расставленными пальцами, искал место, куда вошла пуля.

— Отверстие на другом боку, — подсказал я.

— Видели бы вы, как он оберегал Маму, — сказал Старик. — Потому и курок взвел.

— Разве он умеет стрелять?

— Нет, но все же выстрелил бы, — ответил Старик.

— Зад бы мне продырявил, — проворчал я. —

Вот чертов романтик!

Когда все сошлись у туши, мы общими усилиями повернули носорога так, что казалось, он стоит на коленях, и примяли вокруг траву, чтобы сделать несколько снимков. Пуля попала в спину, чуть ниже легких.

— Вот это выстрел, — сказал Старик. — Чудо, а не выстрел. Никогда не рассказывайте о нем.

— Придется вам выдать мне свидетельство.

— Тогда лгунами будут считать нас обоих. А все-таки эти носороги странные твари.

Вот оно передо мной — длинное, тяжеловесное доисторическое животное, с кожей как вулканизированная, будто просвечивающая резина, с незажившей, нанесенной чьим-то рогом раной, которую еще больше разбередили птицы. Хвост толстый, круглый, на конце заостренный, по коже ползают плоские клещи с множеством лапок, уши волосатые, крошечные, свиные глазки, у основания рога поросший мох. М'Кола осмотрел носорога и покачал головой. Слов не было. Великолепный самец.

— Как вам рог?

— Совсем неплох, — отозвался Старик. — Но ничего особенного. А вот сразивший его выстрел — из ряда вон.

— М’Кола тоже доволен, — сказал я.

— Да ты и сам вне себя от радости, — заметила Мама.

— Не скрою, я в восторге, — признался я. — Просто потерял голову от радости. Но лучше не позволяйте мне говорить об этом. И не спрашивайте, что я сейчас чувствую. Как-нибудь ночью проснусь и буду думать об этом сколько захочу.

— А еще вы отличный следопыт и меткий стрелок по птицам, — сказал Старик. — И что там еще?

— Отвяжитесь от меня. Я сказал это только раз, когда был пьян.

— Ничего себе раз, — вступила жена. — Да он каждый вечер это повторяет.

— Бог мой! Но я правда хорошо бью влет.

— Поразительно, — сказал Старик. — Никогда бы не подумал. А что еще вы умеете?

— Да пошли вы к черту!

— Нельзя, чтобы он осознал, что это был за выстрел, а то станет совсем невыносим, — сказал Старик моей жене.

— Мы с М’Колой сами все знаем, — отреагировал я.

Подошел М’Кола.

— М’узури, бвана, — сказал он. — М’узури сана.

— Он считает, что такой выстрел случайным быть не может, — объяснил Старик.

— Так не разубеждайте его.

— Пига м'узури, — продолжил М'Кола. — М'узури.

— Похоже, вы с ним переживаете сходные чувства, — сказал Старик.

— Он мой друг.

— Это заметно, — согласился Старик.

Когда мы шли по равнине к лагерю, я с расстояния двухсот метров, особенно не прицеливаясь, застрелил болотного козла, перебив ему шею у основания черепа. М'Кола обрадовался, а Друпи пришел в восторг.

— Надо его остановить, — сказал Старик моей жене. — Скажите правду, куда вы целились?

— В шею, — солгал я. На самом деле я целился под лопатку.

— Красиво получилось, — сказала Мама. Пуля издала хлопок, похожий на тот, что издает бейсбольная бита при сильном ударе о мяч, и козел рухнул как подкошенный.

— Все-таки он неисправимый лгун, — продолжал подсмеиваться Старик.

— Великие стрелки никогда не получают награды при жизни. Зато после смерти… Сами

увидите.

— По-моему, он хочет, чтобы его несли на руках, — заметил Старик. — Этот носорог вскружил ему голову.

— Ладно. Теперь глядите в оба. Черт возьми, я всегда стрелял хорошо.

— А мне вот вспоминается один случай, — поддразнивал меня Старик.

Да я и сам его помнил. Тогда я все утро преследовал одну антилопу, но постоянно мазал, одурев от жары, потом забрался на огромный муравейник и стал стрелять по другой антилопе, значительно хуже первой, но и здесь промахнулся с пятидесяти метров. Когда я увидел, что антилопа все еще стоит неподвижно и смотрит на меня, я выстрелил ей в грудь. Она попятилась, но, как только я шагнул к ней, метнулась и отбежала в сторону, пошатываясь от усталости. Я сел, подождал, когда она остановится, не в силах бежать дальше, и тогда, упершись ружьем в плечо, стал стрелять ей в шею — медленно, внимательно, и однако промахнулся восемь раз, хоть и целился, потеряв голову от бессильной злобы, в одно и то же место. Все ружьеносцы чуть не попадали со смеху, а с подъехавшего грузовика на нас удивленно и весело пялились негры. Старик и Мама молчали, а я

сидел, решив, в холодной ярости, не подниматься с места, пока не прострелю антилопе шею, хотя надо было, напротив, подняться и прогнать животное с этой раскаленной солнцем, пышущей жаром равнины. Все молчали. Я протянул руку к М'Коле за новой обоймой, старательно прицелился, опять промахнулся и только с десятого раза прострелил эту чертову шею. Я отвернулся, даже не посмотрев на убитую антилопу.

— Бедный Папа, — сказала жена.

— Виной всему свет и ветер, — сказал Старик. Тогда мы с ним еще не были близко знакомы. — Все пули попали в одно место. Я видел, как взметнулась пыль.

— Я вел себя как упрямый идиот, — признался я.

Во всяком случае, сейчас я стреляю неплохо. До сих пор мне всегда везло.

Завидев лагерь, мы громко закричали, но никто не вышел нам навстречу. Наконец из своей палатки выглянул Карл, но при виде нас тут же скрылся, потом появился снова.

— Эй, Карл, — заорал я.

Он помахал рукой и опять вернулся в палатку. И только потом пошел к нам. Карл дрожал от волнения, и я увидел, что он не до конца смыл

с рук кровь.

— Чья это?

— Носорога, — ответил Карл.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного. Мы его застрелили.

— Отлично. И где он?

— Вон за тем деревом.

Мы пошли за Карлом и увидели только что отсеченную голову носорога, но какого… Судя по увиденному, он был раза в два больше моего. Маленькие глазки были закрыты, а в уголке одного застыла, словно слеза, свежая капля крови. Из огромной головы торчал красиво изогнутый рог. Шкура в дюйм толщиной свисала складками на шее, и край ее был такой же белый, как только что извлеченная мякоть кокоса.

— Какой длины рог? Дюймов тридцать будет?

— Нет, тридцати не будет, — уверенно заявил Старик.

— Но носорог стоящий, мистер Джексон, — сказал Дэн.

— Не спорю, — согласился Старик.

— Где вы его убили?

— Совсем недалеко от лагеря.

— Он стоял в кустарнике. И мы услышали фырканье.

— Подумали было, что это буйвол, — сказал Карл.

— Стоящий носорог, — повторил Дэн.

— Я очень рад за вас, — сказал я. Так мы и стояли втроем. Мы искренне желали поздравить своего друга с победой над этим носорогом, чей маленький рог был длиннее того, какой добыли мы, над огромным носорогом с застывшей в уголке глаза слезой, чья отсеченная царская голова высилась горой перед нами, но вместо этого разговаривали, словно пассажиры корабля перед приступом морской болезни или люди, понесшую крупную финансовую потерю. Нам было стыдно, но мы ничего не могли поделать. Мне хотелось сказать Карлу что-нибудь приятное и доброе, но вместо этого я спросил:

— Сколько раз вы в него стреляли?

— Даже не знаю. Мы не считали. Думаю, пять или шесть.

— Пять, — сказал Дэн.

Бедняга Карл, видя кислые лица поздравлявших его друзей, чувствовал, что радость от победы понемногу покидает его.

— Мы тоже убили носорога, — сказала Мама.

— Замечательно. Он крупнее моего? — спросил Карл.

— Вовсе нет. По сравнению с вашим он жалкий карлик.

— Мне очень жаль, — сказал Карл, и в его голосе звучало искреннее сочувствие.

— О какой жалости может идти речь, когда вы подстрелили такого гиганта? Настоящий красавец. Сейчас схожу за фотоаппаратом и сделаю несколько снимков.

Я пошел за фотоаппаратом. Мама шла рядом, держа меня за руку.

— Папа, постарайся вести себя по-человечески, — сказала она. — Бедный Карл! Из-за вас он не чувствует никакой радости. Это ужасно.

— Знаю. Я стараюсь как могу.

Старик услышал нас и покачал головой.

— Никогда не чувствовал себя такой сволочью. — Но это был словно удар под ложечку. — На самом деле я рад за него.

— И я. Пусть бы он превзошел меня. Ну, вы понимаете. Я говорю правду. Ведь мог бы этот рог быть на дюйм, два или даже на три длиннее? Так нет, он подстрелил такого носорога, рядом с которым мой выглядит просто смешной пародией.

— Зато вы никогда не забудете свой выстрел.

— Плевать я хотел на выстрел. Какая неудача! Ну до чего хорош этот его носорог!

— Пойдемте соберемся с духом и попробуем вести себя как цивилизованные люди.

— Мы вели себя ужасно, — сказала Мама.

— Знаю, — признал я. — Смешно, но я все время старался быть любезным.

— И у вас обоих это отменно получалось, — не без иронии сказала Мама.

— А вы обратили внимание на поведение М'Колы? — спросил Старик.

М'Кола мрачно взглянул на носорога, покачал головой и отошел.

— Замечательный носорог, — сказала Мама. — Надо вести себя прилично, и тогда у Карла поднимется настроение.

Но было уже поздно. Нам не удалось привести Карла в хорошее расположение духа, и потому мы сами ходили как в воду опущенные. Тем временем подошли носильщики, и все гурьбой сразу направились туда, где в тени лежала голова носорога. Туземцы стояли молча. Только свежеватель не мог скрыть своей радости при виде такой головы.

— М'узури сана, — сказал он мне. И, измерив рог растопыренными пальцами, прибавил: — Кубва сана.

— Ндио. М'узури сана, — согласился я.

— Это бвана Кабор его убил?
— Да, бвана Карл.
— М'узури сана.
— Да, — опять согласился я. — Прекрасный рог.

Единственным джентльменом среди нас оказался свежеватель. Обычно соперничество на охоте не поощрялось. Мы с Карлом всегда старались предоставить друг другу лучший шанс. Карл, самоотверженный и лишенный эгоизма, мне очень нравился. Я знал, что стреляю лучше, чем он, да и пройти могу намного больше, и все-таки его охотничьи трофеи всегда были более впечатляющими. Я сам видел, как он сделал несколько скверных выстрелов, в то время как я промазал лишь дважды — по той злосчастной антилопе, о которой рассказывал, и по дрофе на равнине, но добыча у него была всегда больше. Вначале мы шутили по этому поводу, но я нисколько не сомневался, что в конце концов победа будет моя. Однако весы так и не склонились в мою сторону. И вот теперь, охотясь на носорога, я получил реальный шанс. Карла мы отправили добывать мясо, а сами пошли на новое место. Мы никогда ни в чем его не ущемляли, но и не баловали — и вот он опять меня обставил. И не просто обставил — это бы еще полбеды. Мой носорог был рядом с

его гигантом таким жалким, что теперь я не мог выставить на всеобщее обозрение его голову в том небольшом городке, где мы оба жили. Карл с легкостью уничтожил мой успех. Оставалось лишь вспоминать о том редкостном выстреле, который никто не мог у меня отнять, но выстрел был настолько хорош, что со временем я мог начать сомневаться, а вдруг это была всего лишь случайная удача и у меня нет никакого повода для гордости. Да, старина Карл всех нас на уши поставил своим носорогом. Сейчас он в своей палатке писал письмо.

Сидя под тентом в ожидании обеда, мы со Стариком обсуждали, как действовать дальше.

— В любом случае носорога он уже убил, — сказал Старик. — Это сэкономит нам время. Но теперь вам нельзя ограничиться сегодняшней добычей.

— Естественно.

— Наше место иссякло. С ним что-то неладно. Друпи уверяет, что знает хорошие места: до них три часа езды на грузовике и еще час ходьбы с носильщиками. Мы можем отправиться туда сегодня днем налегке, потом отослать грузовики назад, а Карл с Дэном могут поохотиться в районе Муту-Умбу на сернобыка.

— Прекрасная мысль.

— Кроме того, у Карла есть возможность приманить леопарда на тушу носорога уже сегодня вечером или завтра утром. Дэн говорит, что слышал его рычание. А мы постараемся добыть носорога в тех местах, о которых рассказывает Друпи, и тогда вы все втроем с легким сердцем будете охотиться на куду. Постараемся, чтобы на это осталось достаточно времени.

— Отлично.

— Даже если сернобык сразу не попадется, со временем вы на него наткнетесь.

— Если и не наткнусь — черт с ним. Как-нибудь в другой раз. А вот куду очень хочется добыть.

— Ну, и добудете. Не сомневайтесь.

— Пусть всего одного, но хорошего. И никого больше не надо. Носороги меня не интересуют, хотя охотиться на них интересно. Но, конечно, хотелось бы убить такого, который не выглядел б карликом рядом с этим колоссом.

— Здесь вы правы.

Мы поведали наш план Карлу.

— Я не возражаю. И желаю вам добыть носорога вдвое больше моего. — Он говорил это вполне искренне. И настроение у него улучшилось, как и у всех нас.

Глава третья

Заветное место Друпи, куда мы приехали вечером после изнурительной поездки среди красноватых, поросших кустарником холмов, выглядело отвратительно. Оно было на краю зоны, где все деревья окольцевали для борьбы с мухой цеце. Мы разбили лагерь напротив пропыленной, грязной деревушки. Почва здесь была красная и такая разъеденная атмосферными явлениями, что казалось, ее может сдуть самый легкий ветерок. Наш лагерь стоял на самом ветру в сомнительной тени от нескольких засохших деревьев над ручьем и глиняными хижинами туземцев. Еще до темноты мы с Друпи и двумя местными проводниками, оставив деревню сбоку, поднялись на высокий каменистый гребень горы, с которого открывался вид на глубокую долину, почти каньон. В нее с противоположной стороны круто сбегали изломанные боковые долины. На дне долин с травянистыми склонами росли густые рощи, а горную вершину покрывал бамбуковый лес. Каньон спускался к Рифт-Велли и, по-видимому, сужался к концу, где он разрывал скалистую стену. Дальше, за зелеными кряжами

и склонами высились поросшие непролазным лесом холмы. Не очень-то подходящая для охоты местность.

— Если мы увидим носорога на противоположном склоне, нам придется спуститься на самое дно каньона, а потом лезть вверх через густые заросли и эти чертовы овраги. Зверя мы, скорее всего, потеряем из виду, а то и шею себе свернем. Здесь очень крутой подъем. Эти безобидные на первый взгляд овраги похожи на те, которые доставили нам однажды большие неприятности, когда мы возвращались домой.

— Похоже, место гиблое, — согласился Старик.

— Как-то я охотился на оленей в похожей местности — на южном склоне Тимбер-Крик в Вайоминге. Здесь склоны тоже слишком уж крутые. Кошмарные склоны! Они не только крутые, но и неровные. Завтра мы поплатимся за свое неблагоразумие.

Мама молчала. Сюда нас привел Старик, он нас и выведет отсюда. А ее забота — следить, чтобы ботинки не натирали ноги. Она уже ощущала легкую боль, и только это ее волновало.

Я продолжал говорить о трудностях, которые нас здесь поджидают, и уже в темноте мы вернулись в лагерь мрачные и враждебно настроенные

против Друпи. Костер ярко пылал на ветру, мы сидели у огня, смотрели на восход луны и слушали вой гиен. После нескольких стаканчиков спиртного нам стало казаться, что здесь не так уж плохо.

— Друпи клянется, что это хорошее место, — сказал Старик. — Он хотел повести нас дальше, но уверяет, что и здесь не плохо.

— Мне Друпи нравится, — сказала Мама. — И я ему полностью доверяю.

Друпи подошел к костру, а с ним двое туземцев с копьями.

— Так что там слышно? — спросил я.

Туземцы заговорили между собой, а потом Старик сказал:

— Один из этих охотников-любителей клянется, что только сегодня его преследовал огромный носорог. Впрочем, в такой ситуации любой носорог покажется огромным.

— Спросите, какой длины был рог?

Туземец вытянул руку, показывая, что не меньше. Друпи усмехнулся.

— Ладно, идите себе, — сказал Старик.

— А где это произошло?

— Скажут: да вон там, — неодобрительно отозвался Старик. — Сами понимаете. Ответ один:

вон там. В том месте, где всегда случаются подобные вещи.

— Вот и славно. Мы как раз туда и собираемся.

— Друпи не впал в уныние, — заметил Старик. — Это хороший знак. Он держится уверенно. Ведь это его предложение.

— Да, но карабкаться по горам придется нам с вами.

— Попробуйте поднять ему настроение, — посоветовал Старик моей жене. — Он даже меня вгоняет в депрессию.

— Может, вспомним, какой он отличный стрелок?

— Нет, еще рано. И я вовсе не унываю. Просто бывал в таких местах раньше. В конце концов все это только на пользу. А вы, дружище, вели бы себя скромнее.

На следующий день я понял, насколько заблуждался, ругая это место.

Мы позавтракали засветло и уже до рассвета гуськом поднимались на холм за деревушкой. Впереди шел проводник из местных с копьем в руке, затем Друпи с моим автоматом и флягой, за ним я со «спрингфилдом», Старик с «манлихером», Мама, довольная, что может ничего не нести, М'Кола с двустволкой Старика и еще одной

флягой. Замыкали шествие два местных жителя, которые несли копья, брезентовые мешки с водой и ящик с провизией. Мы собирались переждать полуденную жару где-нибудь в тени и не возвращаться в лагерь до темноты. Прохладным утром идти в гору было намного приятнее, чем карабкаться на нее на закате, как было вчера, когда камни и земля отдают накопившийся за день жар. Мы шли тропой, по которой регулярно гоняли скот, но сейчас сухую пыль под ногами увлажнила утренняя роса. Вокруг было много следов гиен, а когда тропа вывела нас на серый гребень горы, откуда открывался вид на глубокое ущелье, и потом повела нас по его краю, мы заметили в пыли за скалами свежий след носорога.

— Он только что прошел, — сказал Старик. — Должно быть, они ходят здесь ночью.

Внизу, на дне каньона, мы видели вершины высоких деревьев, а в просвете между ними сверкала вода. Противоположный крутой склон был изрезан оврагами, которые мы видели накануне. Друпи о чем-то перешептывался с проводником — тем, за которым гнался носорог. Потом они стали спускаться по крутой тропе, которая вела изгибами на дно ущелья.

Мы остановились. До сих пор я не замечал, что

жена хромает, а когда это увидел, между нами завязалась шепотом перепалка, в ней каждый считал себя правым, она шла еще из прошлого — и всегда из-за обуви, которую ей нельзя было носить, а теперь — из-за конкретных ботинок, которые терли ноги. Боль уменьшилась, когда обрезали спереди толстые и короткие шерстяные носки, надетые поверх обычных, а потом и вовсе их сняли. Теперь ботинки вроде можно было носить. Но на крутом спуске эти испанские охотничьи ботинки стали опять жать в пальцах, и тогда разгорелся давний спор относительно размера ботинка и того, прав ли был сапожник, сторону которого я принял сначала беспечно, будучи переводчиком, а потом сознательно, поверив в его теорию, что проблема будет решена, если увеличить задник ботинка. Но сейчас его логика была посрамлена: ботинки натирали ноги, и ситуацию нельзя было исправить доводом, что новые ботинки всегда жмут несколько недель, пока не разносятся. Теперь, когда толстые носки сняли, она пробовала ступать осторожно, примериваясь, не давит ли кожа на пальцы, спор наш прекратился: ей не хотелось выглядеть неженкой, а напротив, хотелось держаться уверенно, чтобы мистер Дж. Ф. был ею доволен, и мне стало

стыдно за свою грубость, за свое негодование, в то время как ей было больно, вообще стыдно за всякое негодование — и в прошлом тоже, и я, остановившись, шепнул ей об этом, и мы оба улыбнулись, мир был восстановлен, и ботинки вроде не жали без толстых носков, а я теперь ненавидел всех идиотов, негодующих истины ради, особенно одного отсутствующего американского друга, хотя сам только что перестал быть таким идиотом, и дал себе слово, что никогда уже больше не буду таковым, и следил за идущим впереди Друпи, и вот мы уже достигли дна каньона с толстыми и высокими деревьями, и это дно, казавшееся сверху узкой щелью, расширилось, открыв меж деревьев речку.

Мы остановились в тени деревьев с крепкими гладкими стволами и идущими понизу узловатыми корнями, которые лезли вверх, как артерии; сами же стволы зеленовато-желтым цветом напоминали деревья во Франции зимой после дождя. Но здесь кроны были роскошнее, листва пышнее, а внизу, из ручья, подобно папирусу, тянулся к солнечным лучам тростник высотой футов в двенадцать, густой, как пшеница в поле. Вдоль ручья шел звериный след, и Друпи, склонившись, его изучал. Подошел М'Кола, и они вдвоем прошли

немного вперед, всматриваясь в следы, а потом вернулись к нам.

— Ньяти, — прошептал М'Кола. — Буйвол.

А Друпи шепнул что-то Старику, и тот тихо произнес своим хрипловатым от виски голосом:

— Вниз по реке прошли буйволы. Друпи говорит, среди них есть крупные самцы. Обратно они не возвращались.

— Так пойдем за ними, — сказал я. — Лучше еще один буйвол, чем носорог.

— Одно другому не мешает. Буйвол не отменяет носорога, — заметил Старик.

— Боже, куда я попал! Какие-то сказочные места! — воскликнул я.

— Великолепные места, — согласился Старик. — Такое и представить трудно.

— Деревья как на картинах Андре[26], — сказала Мама. — Как красиво! Только взгляни на этот зеленый цвет. Настоящий Массон[27]. Жаль, что хороший художник не может этого видеть.

— Как твои ботинки?

— Не жмут.

По следу буйволов мы шли очень медленно и

---

[26] Примечания: 26
Жюль Андре (1807–1869) — французский художник, пейзажист.

[27] Примечания: 27
Андре Массон (1896–1987) — французский живописец и график.

осторожно. Ветра не было, но мы знали: когда он поднимется, то будет дуть с востока нам в лицо. Следы вели нас вдоль ручья, и с каждым шагом трава становилась все выше. Дважды приходилось ползти, а тростник рос так густо, что в двух футах уже не было ничего видно. Друпи обнаружил в иле свежий след носорога. Что будет, подумал я, если огромный носорог потопает назад по нашему туннелю, и что будет делать каждый из нас? Мысль о таком волнующем сюрпризе меня не радовала. Это похоже на западню, а со мной жена. У изгиба ручья мы выбрались из высокой травы на берег, и там я отчетливо уловил запах зверя. Я не курю и, охотясь в родных краях, несколько раз чувствовал близость лосей во время гона, еще не видя их, и узнавал по запаху, где залег в лесу старый самец, распространявший резкий мускусный запах, довольно, впрочем, приятный. Но этот запах у ручья был мне незнаком.

— Я чую их, — шепнул я Старику.

Он сразу мне поверил.

— Чей это запах?

— Не знаю, но запах сильный. Разве вы его не чувствуете?

— Нет.

— Спросите у Друпи.

Друпи кивнул и заулыбался.

— Местные нюхают табак, — сказал Старик. — Не знаю, различают они звериные запахи или нет.

Здесь опять рос тростник выше человеческого роста, мы шли тихо, бесшумно переступая с ноги на ногу, движения наши были как во сне или при замедленной киносъемке. Запах я ощущал постоянно и все отчетливее — то сильнее, то слабее. Мне это совсем не нравилось. Теперь мы шли рядом с берегом, а звериная тропа уводила нас прямиком в болото, где тростник был еще более высокий.

— Этот запах прямо в нос ударяет. Они совсем рядом, — тихо сказал я Старику. — Я не шучу. Так и есть.

— Я вам верю, — ответил Старик. — Может, стоит подняться на берег и обойти это место. Оно будет как раз под нами.

— Согласен. — А наверху я сказал ему: — Мне как-то не по себе среди этих высоких зарослей. Не хотелось бы тут охотиться.

— А что, если б вам пришлось охотиться в этом тростнике на слона? — тихо спросил Старик.

— Никогда не стал бы этого делать.

— Неужели в таких местах охотятся на слонов? — спросила Мама.

— А как же! Становишься другому на плечи и стреляешь, — ответил Старик.

«С такими удальцами мне не сравниться», — подумал я.

Мы двинулись по травянистому, слегка выступавшему вперед правому берегу через открытое место, огибавшее тростниковое болото. На противоположном берегу росли могучие деревья, а за ними возвышалась крутая стена ущелья. Ручья отсюда не было видно. Справа шел ряд холмов, поросших редким кустарником. Впереди, где кончалось тростниковое болото, русло суживалось, и ветви деревьев почти скрывали ручей. Вдруг Друпи схватил меня за руку, и мы оба припали к земле. Сунув мне двустволку, он сам взял «спрингфилд». За излучиной ручья я увидел голову носорога с длинным, великолепным рогом. Зверь качал головой, и я видел настороженно торчавшие уши и маленькие, свинячьи глазки. Я снял ружье с предохранителя и знаком приказал Друпи лечь. Но тут раздался голос М'Колы: «Тото! Тото!» — и он удержал мою руку. «Манамуки! Манамуки! Манамуки!» — быстро зашептал Друпи, тоже уговаривая меня не стрелять. Это была

самка носорога с детенышем. Я опустил ружье, и тут самка фыркнула, и все семейство скрылось в камышах. Детеныша я так и не увидел. По ходу их движения колыхался тростник, потом все стихло.

— Не повезло, — пробормотал Старик. — А рог был на славу!

— А я уж готовился ее уложить, — сказал я. — Не разглядел, что это самка.

— М'Кола видел детеныша.

М'Кола что-то зашептал Старику, энергично кивая при этом головой.

— Он говорит, что поблизости есть еще один носорог, — пересказал мне Старик. — Он слышал фырканье.

— Поднимемся выше, оттуда мы увидим, если кто-то появится. Можно бросить что-то в тростник, — предложил я.

— Хорошая мысль, — согласился Старик. — Может, самец как раз там.

Мы поднялись чуть выше по берегу, откуда открывалось все тростниковое болото. Старик держал наготове двустволку, я тоже взвел курок. М'Кола бросил палку туда, откуда донеслось фырканье. В ответ раздалось еще более шумное фырканье и никакого движения, даже тростник

не колыхнулся. Затем вдали раздался шумный треск, и тростник яростно закачался: кто-то мчался сквозь него к противоположному берегу, но кто именно, мы не видели. Затем я разглядел черную спину, широко разведенные, заостренные рога буйвола, взбегавшего вверх по крутому склону. Он бежал, вытянув в одну линию шею и голову с тяжелыми рогами, его холка напряглась, как у разъяренного быка. Я прицелился ему под лопатку, но Старик остановил меня.

— Самец мелкий, — тихо проговорил он. — Я не стал бы его убивать — разве только на мясо.

Мне же буйвол показался большим. Сейчас он стоял боком, повернув к нам голову.

— В моей лицензии еще три буйвола, а нам скоро отсюда уезжать, — сказал я.

— Мясо у него, конечно, очень вкусное, — пробурчал Старик. — Тогда действуйте. Кончайте с ним. Но после выстрела ждите появления носорога.

Я присел, ощущая непривычно большой вес двустволки, прицелился буйволу под лопатку, нажал на курок, но выстрела не последовало. Вместо легкой, послушной работы «спрингфилда» спусковой механизм двустволки словно заклинило. Все это напоминало ночной кошмар, когда

хочешь выстрелить, но не можешь. Я постарался справиться с собой, задержал дыхание и снова нажал на курок. На этот раз я добился успеха, ружье выстрелило со страшным грохотом, а когда я очухался, буйвол все еще был на ногах и уходил от нас влево по склону. Тогда я выстрелил из второго ствола, подняв у его задних ног фонтан из каменных осколков и комьев земли. Не успел я перезарядить ружье, как буйвола уже и след простыл, но тут мы все услышали фырканье и тяжелый топот еще одного носорога, мчавшегося из дальних тростниковых зарослей к раскидистым деревьям на нашем берегу, он лишь на секунду мелькнул у нас перед глазами.

— Это самец, — сказал Старик. — Он ушел вниз по ручью.

— Ндио. Думи! Думи! — Друпи тоже подтверждал, что это был самец.

— Я ведь попал в этого чертова буйвола, — заявил я. — Куда — не знаю. Как же неудобны эти тяжелые двустволки. Спуск слишком тугой.

— Из «спрингфилда» вы бы его убили, — сказал Старик.

— Или хотя бы знал, куда ранил. Я думал, что из «четыреста семидесятого» можно или убить, или промахнуться, — сказал я. — Вместо этого я

его всего лишь ранил.

— Он старается держаться, — сказал Старик. — Дадим ему время.

— Боюсь, я попал в брюхо.

— Трудно сказать. Хоть он и мчался во весь дух, но мог рухнуть через сто метров.

— К черту этот «четыреста семидесятый», — решительно заявил я. — Не могу из него стрелять. Спусковой крючок — как консервный нож, открывающий банку сардин.

— Не унывайте, — сказал Старик. — Здесь бродит несметное число носорогов.

— А как же мой буйвол?

— И до него доберемся. Дадим ему время. Потеряет силы — и свалится.

— Хорошо, что мы выбрались из тростника, пока все эти звери оттуда не повыскакивали.

— Что правда, то правда, — согласился Старик.

Мы говорили между собой шепотом. Я взглянул на жену. Вид у нее был как у человека, получавшего удовольствие от хорошего мюзикла.

— Ты не заметила, куда он ранен?

— Не заметила, — прошептала она. — Ты думаешь, там еще кто-то есть?

— Видимо-невидимо, — ответил я. — Так что будем делать, Старик?

— Ваш буйвол может быть где-то за излучиной, — сказал Старик. — Пойдем посмотрим.

До крайности возбужденные, мы зашагали по берегу, а дойдя почти до конца тростниковых зарослей, услышали, что какой-то зверь грузно пробирается сквозь высокие стебли. Я вскинул ружье и ожидал, кто появится. Никого не было, а тростник по-прежнему раскачивался. М'Кола сделал знак рукой, чтобы не стреляли.

— Детеныш, — сказал Старик. — Должно быть, их двое. Но где же чертов буйвол?

— Как вы узнали, что это детеныши?

— По площади колышущегося тростника.

Мы стояли, глядя на бегущий внизу ручей, всматривались в тени под ветвями больших деревьев и уходящее вдаль русло ручья, как вдруг М'Кола указал на холм справа от нас.

— Фаро, — прошептал он и вручил мне бинокль.

На холме грудью вперед, глядя в нашу сторону, стоял, насторожив уши и поводя мордой, словно принюхивался к ветру, черный крупный носорог. В бинокль он показался мне просто огромным. Старик тоже разглядывал его в свой бинокль.

— Он не лучше вашего предыдущего, — сказал он тихо.

— Сейчас я могу попасть точно в шею, — прошептал я.

— По лицензии вы имеете право убить еще только одного, — шепнул мне в ответ Старик. — Вам нужен очень хороший носорог.

Я протянул бинокль Маме.

— Мне и без бинокля видно, какой он огромный, — сказала она.

— Носорог может напасть, — предупредил Старик. — Вот тогда вам поневоле придется стрелять.

Тем временем из-за высокого дерева с пышной кроной вышел еще один носорог — поменьше.

— Бог мой, да это детеныш, — вырвалось у Старика. — Выходит, перед нами самка. Счастье, что вы не выстрелили. Схватки б нам не избежать.

— Это все та же самка?

— Нет, у той был огромный рог.

От такого ненормального переизбытка дичи нас всех охватило нервное возбуждение, как у впавшего в эйфорию пьяницы. Такое состояние обычно возникает, когда редкие звери или рыбы вдруг начинают попадаться в немыслимом количестве.

— Взгляните на нее. Она чувствует близость опасности, хотя не видит и не чует нас.

— Но она слышала выстрелы.

— То, что люди близко, она понимает, но не знает точно — где.

Самка стояла на самом виду — такая огромная и смешная, что на нее было приятно смотреть. Я прицелился ей в грудь.

— Отличная мишень.

— Лучше не бывает, — сказал Старик.

— Так что же мы будем делать? — спросила практичная Мама.

— Обойдем ее, — ответил Старик.

— Если будем держаться ниже, не думаю, что она учует наш запах.

— Как знать! — сказал с сомнением Старик. — Встреча с ней не сулит ничего хорошего.

Но самка, не проявив агрессии, просто опустила голову и пошла вверх по холму со своим уже почти взрослым детенышем.

— Теперь, — сказал Старик, — пошлем Друпи вперед — пусть поищет следы самца. А мы пока посидим в тени.

Мы устроились под деревом, а Друпи и проводник пошли вдоль ручья, каждый по своей стороне. Вскоре они вернулись с сообщением, что носорог ушел вниз по ручью.

— Кто-нибудь видел его рог? — спросил я.

— Друпи говорит — большой.

М'Кола сделал несколько шагов по холму, потом вдруг пригнулся к земле и жестом подозвал нас.

— Ниати, — сказал он, глядя из-под руки.

— Где? — спросил Старик.

М'Кола указал, пригнулся еще больше, а когда мы подползли к нему, передал мне бинокль. Звери были далеко от нас, ниже по течению, на одном из выступов крутого склона. Сначала мы разглядели шесть, а потом и восемь буйволов — черных, с массивными загривками и блестящими рогами. Некоторые щипали траву, а другие были настороже.

— Вон тот — самец, — сказал Старик, не отрывая глаз от бинокля.

— Который?

— Второй справа.

— Мне все они кажутся самцами.

— Слишком большое расстояние. Но этот самец хорош. Теперь нам надо перейти ручей, обойти их и подкрасться сверху.

— А они не уйдут?

— Не должны. Если станет жарко, могут спуститься к ручью.

— Тогда пойдем.

Мы перешли ручей, ступая с одного бревна на

другое, а на берегу почти сразу попали на хорошо утрамбованную звериную тропу, которая тянулась вдоль берега в тени раскидистых деревьев. Шли мы довольно быстро, но ступали осторожно, а ручей позади нас почти сразу терялся за завесой ветвей. Было все еще раннее утро, однако поднявшийся ветерок шевелил листья над нашими головами. Мы преодолели спускавшийся с горы овраг и укрылись в густом кустарнике, прячась от зверей, а потом, пригнувшись, пробрались меж деревьев и оказались на небольшой опушке, откуда, используя край оврага как прикрытие, взобрались выше по склону и, оказавшись над буйволами, могли подойти к ним сверху. Мы остановились за скалой; я уже обливался потом и, засунув платок под широкополую шляпу, послал Друпи на разведку. Он вернулся с сообщением, что буйволы скрылись. Сверху их не было видно, и потому мы миновали овраг и склон холма в надежде, что перехватим буйволов на пути к воде. Следующий холм был выжжен, его подножие утопало в горелом кустарнике. В пепле явственно проступали следы буйволов, идущих к густым зарослям у ручья. Мы не могли следовать за ними сквозь увитую лианами непролазную чащу. Вниз по ручью следов не было, из чего мы заключили,

что буйволы находятся в том месте, которое мы видели со звериной тропы. Старик сказал, что здесь к ним подхода нет. Деревья растут слишком густо, и, даже если мы вспугнем буйволов, стрелять все равно не сможем. Мы просто не отличим одного от другого, сказал он. Перед нами промчится черная туча. Старого буйвола еще можно распознать по седой шкуре, но те, что помоложе, такие же черные, как самки. Нет смысла поднимать зверей здесь.

Было уже десять часов утра, на открытых местах солнце палило нещадно, а ветер поднимал и носил пепел с выжженных мест. Теперь все живое попрячется в чаще. Мы сами тоже решили найти тенистое место, устроиться поудобнее, почитать в прохладе, потом позавтракать и так провести жаркое время дня.

Обойдя погорелое место, мы вышли к ручью и устроили привал в тени могучих гигантов. Вынули из тюков наши кожаные куртки и плащи и расстелили их на траве под деревьями, чтобы можно было сидеть и читать, прислонившись к стволам. Мама достала книги, а М'Кола развел небольшой костер и вскипятил воду для чая.

Ветер усилился и шумел в высоких кронах. В тени было прохладно, но стоило выглянуть на

солнце или подставить открытый участок тела горячим лучам, пробивающимся кое-где меж ветвей, как жара сразу давала о себе знать. Друпи ушел вниз по ручью на разведку, а мы лежали и читали. Я ощущал, как прибывает зной, высыхает роса, нагреваются листья и сверкает под раскаленными лучами вода в ручье.

Мама читала «Испанское золото» Джорджа Бирмингема[28] — по ее словам, роман никуда не годился. Я продолжал читать «Севастопольские рассказы» Толстого, в том же томике была его повесть «Казаки» — очень хорошая. В ней был летний зной, комары, лес в разные времена года, река, через которую татары переправлялись при набеге, и снова погружался в Россию того времени.

Я думал, насколько же реальна для меня Россия времен нашей Гражданской войны, реальна, как любое другое место — Мичиган, например, или прерии к северу от нашего города и леса вокруг зверофермы Эванса, и что благодаря Тургеневу я жил в описываемых им местах, как жил и у Будденброков, и лазил к возлюбленной в окно,

---

[28] Примечания: 28

Джордж Бирмингем (наст. имя и фамилия Джеймс Оуэн Хэнни) род. в 1865-м. Английский писатель, известен по авантюрному роману «Испанское золото» (1908).

как в «Красном и черном», и видел, как мы вошли в Париж через городские ворота, когда на Гревской площади, привязав к лошадям, разрывали на части Сальседа[29]. Все это я видел будто собственными глазами. И это меня не вздернули на дыбу, потому что я был исключительно вежлив с палачом, когда казнили нас с Коконасом, и я помню Варфоломеевскую ночь, когда мы ловили гугенотов, и как меня заманили в ловушку в ее доме, и то неподдельное чувство при виде закрытых ворот Лувра или при виде его тела под водой после падения с мачты. И всегда Италия — страна лучше любой книги, помню, как я лежал в каштановой роще, а туманной осенью ходил мимо Собора через весь город к Оспедале Маджоре[30], сапоги, подбитые гвоздями, постукивали по мостовой, а весной случались внезапные ливни в горах, и армейский запах стоял во рту медной монетой. В жару поезд остановился в Дезензано,

---

[29] Примечания: 29

Сальсед — герой романа А. Дюма «Сорок пять» — последнего из трилогии, куда входят еще «Королева Марго» и «Графиня Монсоро». Далее — ряд отсылок к этой трилогии, когда автор видит себя то гугенотом, то католиком.

[30] Примечания: 30

Оспедале Маджоре — здание в центре Милана, где располагалась одна из первых (XVI в.) общественных больниц; в начале XX в. передана Миланскому университету. В Первую мировую войну Хемингуэй еще лечился в этом госпитале.

где рядом было озеро Гарда, а те войска оказались Чешским легионом, когда я был там в следующий раз — шел дождь, а в следующий — мы проезжали там в темноте, а еще в следующий — тряслись на грузовике, а потом ехали еще раз, не помню точно, откуда возвращаясь, однажды я шел мимо него в сумерках из Сермионе. Во всех этих местах мы были в книгах и не в книгах — а где побывали мы, то, если мы на что-то годимся, там сможете побывать и вы. Земля в конце концов разрушается, ветер разносит пыль, все люди умирают, не оставляя следа, если только они не художники, но сейчас и они хотят прекратить работать, потому что они слишком одиноки, их труд тяжел и вышел из моды. Люди не хотят больше заниматься искусством, ведь тогда они будут не в моде, а от вшей, ползающих по книгам, похвалы не дождешься. А хлеб этот тяжелый. И что тогда? А ничего. Я стану продолжать читать о переправе татар через реку, о пьяном старике охотнике, о девушке и о том, какая там природа в разные времена года.

Старик читал «Ричарда Карвелла»[31]. Мы скупили в Найроби все книги, и вот теперь они

---

[31] Примечания: 31
«Ричард Карвелл» — роман У. Черчилля (1899).

подходили к концу.

— Я читал это раньше, — сказал Старик. — Но книжка хорошая.

— Я ее плохо помню. Но мне нравилась.

— Очень хорошая. Жаль, что я уже ее читал.

— А у меня хуже не бывает, — сказала Мама. — Ты бы не смог ее читать.

— Возьми мою.

— Какой красивый жест, — улыбнулась она. — Ладно уж, сама дочитаю.

— Бери, тебе говорят.

— Я скоро верну.

— М'Кола, как насчет пива? — спросил я.

— Ндио, — выразительно произнес он и вытащил из ящика, что нес на голове один из туземцев, бутылку немецкого пива, оплетенную соломой, — одну из тех шестидесяти четырех бутылок, что Дэн привез из немецкого магазина. Горлышко бутылки было обернуто серебряной фольгой, а на желто-черной этикетке гарцевал всадник в латах. После ночи пиво еще не успело стать теплым, и, открытое консервным ножом, оно запенилось в трех кружках — тяжелое и густое.

— Мне не надо, — сказал Старик. — Плохо для печени.

— Да ладно вам!

— Ну, так и быть.

Все выпили, но, когда М'Кола открыл вторую бутылку, Старик решительно отказался.

— Пейте сами. Вы его больше любите. А я, пожалуй, вздремну.

— А ты как, Мама?

— Выпью немного.

— Что ж, мне больше достанется, — сказал я.

М'Кола с улыбкой покачал головой.

Прислонившись к дереву, я смотрел, как ветер гонит облака, и медленно потягивал пиво прямо из бутылки. Так это превосходное пиво дольше остается прохладным. Вскоре Старик и Мама заснули, а я вернулся к Толстому и стал перечитывать «Казаков». Замечательная повесть.

Когда они проснулись, мы позавтракали холодным мясом с горчицей и хлебом, открыли банку консервированных слив и выпили третью, последнюю бутылку пива. Потом еще немного почитали и на этот раз все трое завалились спать. Я проснулся от нестерпимой жажды и, когда откручивал крышку у фляжки, услышал фырканье носорога у ручья и треск кустарника. Старик уже не спал и тоже это услышал. Мы молча взяли ружья и пошли на шум. М'Кола нашел след: носорог шел вверх по ручью. Очевидно, метрах

в тридцати он почуял нас и сменил маршрут. Из-за направления ветра мы не могли идти по его следам, а сделав крюк, вернулись к выжженному месту, чтобы обойти носорога и, продираясь к ручью сквозь густой кустарник, приблизиться к нему с подветренной стороны. Но носорога не было уже и там. После долгих поисков Друпи отыскал место, где тот перешел на противоположную сторону ручья и скрылся в холмах. Судя по следам, носорог не был особенно крупным.

От лагеря мы удалились далеко: чтобы вернуться, нам потребовалось бы по меньшей мере четыре часа, причем идти пришлось бы почти все время в гору; кроме того, надо еще отыскать раненого буйвола. Так что, вернувшись к обгоревшему месту, мы решили захватить с собой Маму и идти дальше. Солнце еще было жарким, хотя понемногу клонилось к закату, однако большая часть нашего пути проходила по тенистой звериной тропе на высоком берегу ручья. Мама притворилась рассерженной тем, что мы оставили ее одну, хотя на самом деле она просто дразнила нас.

Итак, мы пустились в путь. Друпи и туземец с копьем вели нас по тропе, на которую лишь изредка падали те солнечные лучи, которым

удавалось пробиться сквозь густую листву. Однако вместо свежего лесного запаха нам в нос бил мерзкий запах, как от кошачьего туалета.

— Откуда эта вонь? — спросил я Старика.

— От бабуинов, — ответил он.

Перед нами здесь прошло целое стадо бабуинов, их помет был повсюду. Мы подошли к тому месту, где из тростника выбежали буйвол и носорог, и я прикинул, где находился буйвол в момент моего выстрела. М'Кола и Друпи рыскали вокруг, как ищейки, и мне показалось, что они метров на пятьдесят поднялись выше, чем надо, но в это время Друпи поднял какой-то лист.

— Он увидел кровь, — сказал Старик.

Мы поднялись к ним. Трава рядом с ними была повсюду забрызгана уже почерневшей кровью, и кровавый след вел дальше. Друпи и М'Кола пошли по нему, каждый по своей стороне, и методично указывали длинным стеблем на новые кровавые пятна. Я всегда думал, что по следу лучше медленно идти одному, а другому — вести поиски впереди, но у этих был другой метод: они двигались, опустив головы, по обе стороны следа, отмечая стеблем каждую каплю крови, а иногда, сбившись со следа, возвращались назад, снова его находили и срывали каждую травинку, на кото-

рой было темное пятнышко. Следом за ними шел я, держа наготове «спрингфилд», за мной — Старик, и замыкала шествие Мама. Друпи нес мою двустволку, свою — Старик не доверял никому и нес сам. За спиной у М'Колы висел «манлихер» Мамы. Все шли молча, понимая, что дело может принять серьезный оборот. В высокой траве кровь была на самых кончиках травинок: значит, пуля прошла навылет. Трудно было определить первоначальный цвет крови, в какой-то момент у меня промелькнула надежда, что я прострелил зверю легкие. Но дальше на камнях стал попадаться помет с кровью, и такой же помет буйвол оставлял там, где карабкался в гору. Возможно, пуля пробила ему желудок или кишки. Все это время я испытывал чувство стыда.

— Если он неожиданно выскочит, не беспокойтесь о Друпи и остальных, — тихо сказал Старик. — Они успеют спрятаться. Стреляйте сразу.

— Постараюсь попасть прямо в нос.

— Только прошу без всяких фокусов, — предупредил Старик. След неуклонно вел вверх, потом дважды описал круг и какое-то время петлял между скалами. Потом вдруг повел нас к ручью, пересек его, вновь вернулся на прежний берег и

тянулся среди деревьев.

— Похоже, мы найдем его уже мертвым, — шепнул я Старику. Это бесцельное шатание показывало, как медленно зверь плетется, тяжело раненный, готовый в любой момент свалиться.

— Надеюсь, — отозвался Старик.

Но след вел дальше, трава мельчала, редела, поиски становились все труднее. Сам я не видел следов копыт, мог только угадать направление, куда шел раненый зверь, и через некоторое время мои догадки подтверждались высохшими темными пятнами крови на камнях. Несколько раз мы, казалось, совсем сбивались со следа, и тогда все трое кружили вокруг, потом тот, кто вновь находил след, тихо говорил «Даму», указывал направление, и мы шли дальше. Наконец след привел нас по скалистому откосу, освещенному закатным солнцем, прямо к ручью с густыми зарослями необычайно высокого сухого тростника. Он был выше и суше того, что рос на болоте, откуда утром выбежал буйвол, и мы заметили, что сюда подходило несколько звериных троп.

— Не стоит Мемсаиб заходить туда, — сказал Старик.

— Пусть остается здесь с М'Колой, — поддержал я.

— Не стоит Мемсаиб заходить туда, — повторил Старик. — И зачем только мы взяли ее с собой!

— Она подождет нас здесь. Друпи хочет продолжить поиски.

— Правильно. Надо посмотреть, что к чему.

— А ты жди нас здесь с М'Колой, — шепнул я жене через плечо.

Вслед за Друпи мы вошли в заросли тростника — футов на пять выше нас — и медленно, пригнувшись, двинулись по тропе, затаив дыхание. Мне вспомнился буйвол, один из трех, которых мы недавно убили: старый самец выскочил тогда, пошатываясь, из кустарника, и я увидел его рога, вытянутую морду, маленькие глазки, складки жира и мускулов на покрытой короткой и редкой седой шерстью шее — в нем ощущались такая мощь и ярость, что он вызвал у меня восхищение и уважение, но бежал он уже медленно, и я видел, как выпущенные в него пули достигают цели, и скоро ему пришел конец. На этот раз все иначе. Этого буйвола не осыпали пулями на открытом месте, и, если сейчас он выскочит из зарослей, мне придется хладнокровно выстрелить. Он, конечно, сразу пригнет голову и выставит вперед рога, как делают все быки, и тем самым откроется, а я всажу в него пулю и отскочу, и, если ружье

дрогнет в моих руках, мне на помощь придет Старик. Но я не сомневался, что все у меня получится, надо только дождаться, когда буйвол опустит голову. Я знал, что сумею все сделать как надо и выстрел будет смертельным. Но сколько еще ждать? В этом все дело. Сколько еще ждать? Надо двигаться вперед — зверь там. Я ощущал внутренний подъем — прекрасное чувство перед схваткой, в которой тебе отведена решающая роль: ты должен убить и остаться живым, убить, не ощущая ни опасности, ни ответственности, — просто сделать то, что ты, вне сомнений, можешь сделать. Я шел за Друпи, стараясь не потерять его из вида, и время от времени протирал от пота очки, но вдруг услышал позади шум и, обернувшись, увидел Маму и М'Колу.

— Какого черта! — воскликнул Старик. Он был вне себя от ярости.

Мы вывели мою жену из тростника и строго внушили ей не двигаться с места. Оказалось, она не поняла, что от нее требуется. Из нашего перешептывания она решила, что ей надо идти за М'Колой.

— Как я перепугался! — сказал я Старику.

— Она бежит за нами, как маленький терьер, — отозвался он. — Но так нельзя.

Мы глянули вперед поверх тростника.

— Друпи хочет продолжить поиски, — сказал я. — Остается идти за ним, пока он не скажет: хватит. В конце концов это я прострелил брюхо зверю.

— Только без глупостей.

— Я убью его с первого выстрела. Пусть только покажется — я сразу выстрелю.

Я так перепугался из-за жены, что чуть не кричал.

— Ладно, идем, — сказал Старик. Мы шли вслед за Друпи, но делать это становилось все труднее. Не знаю, как Старик, а я на полпути сменил ружье на двустволку и держал руку на спуске. К тому времени, когда Друпи остановился, покачал головой и прошептал: «Хапана», нервы у меня совсем разошлись.

Видно было на расстоянии фута — не больше, а тропа все время петляла. Дело было плохо, а солнце освещало теперь только склон холма. Но мы чувствовали удовлетворение, что Друпи прекратил погоню сам, и теперь могли вздохнуть с облегчением. Мой фантастический план оказался бы в этих условиях полной глупостью, и оставалось только надеяться, что после того, как я промазал бы из своей не очень хорошей

винтовки, правда с оглушительным боем, его пристрелил Старик из своей отличной двустволки.

Мы уже возвращались, когда услышали с холма крики носильщиков, и бросились бежать вверх прямо через тростник в надежде, что оттуда будет удобно стрелять. Носильщики махали руками и кричали, что буйвол вышел из тростника и пробежал мимо; М'Кола и Друпи тоже куда-то указывали, а Старик, схватив меня за рукав, потащил за собой, откуда я и увидел освещенных последними лучами солнца двух буйволов на фоне скалистого утеса. При солнечном свете их черная шерсть казалась особенно блестящей, один буйвол был значительно крупней другого, и, помнится, я подумал, что это мой буйвол, встретивший подружку, за которой пошел из последних сил. Друпи передал мне «спрингфилд», я продел руку в ремень и, вскинув ружье, увидел в глазок всего буйвола. Я весь похолодел, прицелился ему под лопатку, но стоило мне нажать на спуск, как буйвол бросился бежать, однако пуля его догнала. Я видел, как он нагнул голову, взвился на дыбы, потом метнулся вниз по холму, и, когда он уж скрывался, я послал вслед еще одну пулю. Какое-то чувство мне говорило, что

я его прикончил. Мы с Друпи побежали за ним, и тут я услышал низкий рев. Остановившись, я крикнул Старику:

— Слышите? Я уложил его. Говорю вам — уложил.

— Вы его ранили, — сказал Старик. — Тут не поспоришь.

— Черт побери, да я его убил. Разве вы не слышали предсмертный рев?

— Нет.

— Так слушайте! — Мы стояли, внимательно прислушиваясь, и тут протяжный, жалобный, ни с чем не сравнимый рев раздался снова.

— А вы правы, — сказал Старик, заслышав этот тоскливый звук.

М'Кола схватил меня за руку, Друпи хлопнул по спине, все смеялись и продолжали смяться, когда, обливаясь потом, взбегали на холм, продираясь сквозь кустарник и перелезая через скалы. Я остановился, чтобы перевести дыхание, сердце мое бешено билось, я утирал с лица пот и протирал очки.

— Куфа! — произнес с особой выразительностью М'Кола слово, означающее, что буйвол мертв. — Ндио! Куфа!

— Куфа! — повторил Друри с улыбкой.

— Куфа! — с удовольствием еще раз произнес М'Кола.

Мы снова пожали друг другу руки и продолжили подъем. И вот впереди наконец мы увидели его — буйвол лежал на спине, вытянув шею, он почти повис на рогах, застрявших в коре дерева. М'Кола сунул палец в пулевое отверстие у лопатки и радостно потряс головой.

Подошли Старик и Мама, за ними носильщики.

— А он оказался лучше, чем мы думали, — сказал я.

— Это другой буйвол. Царь-буйвол! Возможно, с ним был как раз наш.

— А я думал, с ним самка. Хотя на таком расстоянии не разберешь.

— Да, до них было метров четыреста. Клянусь Богом, вы в самом деле умеете стрелять этих зверюшек.

— Когда он пригнул голову и встал на дыбы, я понял, что ему не уйти. Освещение было прекрасное.

— Я видел, что вы не промахнулись, и понимал, что это другой буйвол. И решил про себя, что теперь мы имеем дело с двумя ранеными буйволами. Рева я еще не слышал.

— Грандиозный рев, — сказала Мама. — И такой невыразимо печальный. Словно звук одинокого горна в лесу.

— А мне он показался веселым, — сказал Старик. — По этому поводу следует выпить. Выстрел был что надо. Почему вы от нас скрывали, что умеете стрелять?

— Идите к черту!

— Вам известно, что он и следопыт отличный, и безошибочно бьет птиц влет? — обратился Старик к моей жене.

— А какой красавец этот буйвол! — восхитилась Мама.

— Отличный экземпляр. Не в годах, но голова великолепная.

Мы хотели сфотографировать буйвола, но у нас был только ящичный фотоаппарат, и к тому же заклинило затвор, из-за чего возник яростный спор, а тем временем свет угасал, я стал нервничать, ко всем придирался, обвиняя каждого, что аппарат не работает, грубил, и все из-за того, что нельзя сфотографировать зверя. Трудно долго оставаться в таком возбуждении, какое я испытал в тростнике, да и, убив живое существо, пусть даже буйвола, чувствуешь себя опустошенным. Убийство — не тема для разговора и не то,

чем можно поделиться, и потому я, выпив воды, сказал жене только, что сожалею о том, как себя вел, и тогда мы вместе, чувствуя нежность друг к другу, стали смотреть, как М'Кола делает надрезы на голове буйвола, чтобы освежевать, и все стало ясно — и мое негодование из-за камеры, и все остальное. Я выпил виски, не почувствовав ни вкуса, ни опьянения.

— Налейте мне еще, — попросил я. Вторая порция подействовала.

В лагерь нас повел тот туземец с копьем, за которым гнался носорог, а Друпи и другие остались, чтобы освежевать голову буйвола, разрубить тушу на части и подвесить куски на деревьях, чтобы те не достались гиенам. Туземцы боялись идти в темноте, и я разрешил Друпи взять мою двустволку. Он заверил меня, что умеет стрелять. Я вынул патроны, поставил затвор на предохранитель и передал ему ружье. Друпи приложил ружье к плечу, зажмурил не тот глаз и с силой нажал на курок. Потом — еще и еще. Я объяснил ему, как пользоваться предохранителем, заставил его поупражняться и несколько раз щелкнуть затвором. Видя мучительную борьбу Друпи с предохранителем, М'Кола поглядел на него высокомерно, и Друпи, казалось, даже стал меньше ростом. Я

оставил ему ружье и две обоймы, и туземцы занялись разделкой туши, а мы вслед за проводником двинулись по следу второго буйвола — на этом следу не было ни капли крови, — поднялись на вершину холма, а оттуда уже шла дорога к лагерю. Мы карабкались по склонам, преодолевали овраги и наконец вышли к основному хребту, который в темноте казался особенно холодным и мрачным. Луна еще не взошла, и мы брели в темноте полумертвые от усталости. Один раз М'Кола, который нес двустволку Старика, несколько фляг с водой, бинокли и сумку с книгами, крикнул что-то звучащее как ругательство идущему впереди проводнику.

— Что он сказал? — спросил я Старика.

— Сказал, чтобы тот не ставил рекорды скорости, ведь среди нас есть пожилой человек.

— Интересно, кого он имел в виду — вас или себя?

— Думаю, обоих.

Когда над бурыми холмами встала дымчато-красная луна, мы как раз шли по деревне, мерцавшей тусклыми огоньками. Дома были наглухо заперты, в воздухе стоял запах хлева. Перейдя ручей, мы поднялись по голому склону, где нас ждал костер, горевший перед нашими

палатками. Ночь была холодная и ветреная.

Утром мы снова отправились на охоту, вышли на звериную тропу у ручья и, напав на след носорога, преследовали его по высокогорью, утопавшему в цветущих деревьях, потом по долине, круто уходящей в каньон. Становилось очень жарко, и тесные ботинки, как и день назад, жали жене ноги. Она не жаловалась, но я видел, что ей больно. От усталости наши тела сладостно ныли.

— Пропади они пропадом, эти носороги, — сказал я Старику. — Не хочу больше убивать, разве только носорог будет огромным. А такого можно и за неделю не найти. Достаточно и того, которого мы подстрелили, снимемся с лагеря и присоединимся к Карлу. Будем охотиться на сернобыков, добывать шкуры зебр, а там, глядишь, и до куду доберемся.

Мы сидели под деревом на вершине холма, под нами раскинулась вся окрестность с каньоном, идущим к Рифт-Велли и озеру Маньяра.

— Хорошо бы взять с собой только легкое снаряжение и носильщиков и поохотиться в этой долине, двигаясь к озеру, — сказал Старик.

— Прекрасная мысль. А грузовики могли бы ждать нас у этого места — как бишь оно называется?

— Майи-Мото.

— А почему бы нам так не сделать? — спросила Мама.

— Надо расспросить Друпи, что он знает про эту долину?

Друпи ничего не знал, но туземец с копьем заверил нас, что долина каменистая и почти непроходимая в том месте, где ручей низвергается в ущелье. Вряд ли мы сможем переправить там наш груз. Пришлось отказаться от этой затеи.

— Но именно так надо путешествовать, — сказал Старик. — Бензин нынче дороже носильщиков.

— Может, после этой охоты мы так и сделаем? Поохотимся пешком? — Маме явно понравилась эта мысль.

— А почему бы и нет? — поддержал ее Старик. — Но в поисках крупного носорога надо идти на гору Кения. Там можно встретить настоящего красавца. А здесь и куду — редкая находка. Другое дело в Калале, в Кении. Отправимся туда, и у нас еще останется время спуститься в Хандени и поохотиться на черных антилоп.

— Что ж, пора, — сказал я, не двигаясь с места.

Мы уже давно не испытывали никакой зависти к удаче Карла. И радовались, что ему удалось

убить такого прекрасного носорога, так что все стало по-прежнему. Возможно, он уже уложил и сернобыка. Я надеялся, что это так. Карл — замечательный парень, и то, что ему везет больше других, только справедливо.

— Как ты себя чувствуешь, моя бедная, усталая Мама?

— Прекрасно. Хотя перед походом с удовольствием дала бы ногам отдохнуть. Но мне нравится такая охота.

— Тогда вернемся, поедим и к вечеру отправимся на равнину.

Вечером мы добрались до нашего старого лагеря в Муту-Умбо под большими деревьями недалеко от дороги. Как раз тут мы разбили наш первый лагерь в Африке. Деревья здесь были все такие же высокие, раскидистые и зеленые, ручей такой же кристально чистый и быстрый, а само место было так же хорошо, как и в прошлый раз. Правда, были и отличия: ночи стали жарче, дороги утопали в пыли, а мы за это время повидали много новых мест.

Глава четвертая

Чтобы добраться до Рифт-Велли, мы сначала проехали по песчаной красноватой дороге через плоскогорье, преодолели несколько поросших кустарником холмов, по лесистому склону подъехали к краю ущелья, откуда открылся вид на равнину, густой лес и длинное, обмелевшее по краям озеро Маньяра, одна сторона которого была розовой из-за полумиллиона крошечных точек — там обитали фламинго. Отсюда дорога круто сбегала вниз, терялась в лесу, потом шла по ровному дну долины мимо возделанных участков зеленого маиса, бананов и каких-то невероятных плодовых деревьев, мимо индийской лавки в окружении многочисленных хижин, переехали два моста над хрустально-чистыми, быстрыми ручьями, снова въехали в лес, теперь уже не такой густой, в нем были и открытые места, потом свернули на пыльную, ухабистую дорогу, которая привела нас через заросли кустарника к тенистому лагерю Муту-Умбо.

Вечером, после ужина, мы услышали, как улетали фламинго. Этот шум напоминал шум утиных крыльев, когда стая летит на рассвете, но

был протяжнее, гораздо громче и размеренней. Мы со Стариком немного выпили. Мама выглядела очень усталой, а Карл был мрачнее тучи. Мы испортили ему радость победы над носорогом, и сейчас, когда это событие ушло в прошлое, он боялся не совладать с сернобыком. Кроме того, тогда вместо леопарда к туше носорога пришел великолепный, черногривый лев, отступать он не собирался, а стрелять было запрещено: здесь находился львиный заповедник.

— Вот не повезло, — посочувствовал я не слишком искренне — хорошее настроение не позволяло проникнуться чужой бедой. Мы со Стариком не чувствовали под собой ног от усталости, сидели, пили виски и болтали ни о чем.

На следующий день мы пошли на охоту за сернобыками в сухую и пыльную долину Рифт-Велли и заметили стадо довольно далеко — за лесистыми холмами, выше масайской деревни. Можно было бы принять их за масайских ослов, если б не великолепные, расположенные под косым углом черные рога. Присмотревшись, я увидел, что два или три самца были заметно лучше остальных. Сидя на траве, я выбрал одного, показавшегося мне лучшим, и, когда стадо разбрелось, прицелился и выстрелил. Я слышал удар пули и видел,

как сернобык, отделившись от остальных, стал описывать круги все быстрее и быстрее. Понимая, что ему пришел конец, я больше не стрелял.

Оказалось, я убил как раз того сернобыка, которого наметил себе Карл. Этого я знать, конечно, не мог, но сознательно выбрал лучшего, эгоистически стремясь хоть на этот раз преуспеть в добыче. Впрочем, Карлу удалось, прежде чем стадо унеслось, подняв облако серой пыли, убить другого сернобыка, ничем не хуже моего. Если б не великолепные рога, охота на них представляла бы не больше интереса, чем охота на ослов. Как только подъехал грузовик, а М'Кола и Чаро освежевали головы убитых сернобыков и разделали туши, мы отправились домой сквозь застилающую глаза, облепившую наши лица серую пыль, а долина преобразилась в бесконечное знойное марево.

В этом лагере мы провели два дня. Мы обещали друзьям на родине привезти в подарок зебровые шкуры, а чтобы должным образом их обработать, требовалось время. Охота на зебр радости не приносила: после холмов равнина с высохшей травой выглядела скучной, изнурительно жаркой и пыльной. В памяти сохранилось, как я сижу у муравейника, а вдалеке, в серой, знойной дымке проносится, вздымая пыль, стадо зебр, а за

ним по выжженной равнине — еще и еще одно. Оглянувшись, вижу, как к нам спешит пропыленный грузовик с туземцами, которые должны разрубить мясо и отвезти в деревню. Из-за жары я сделал несколько неудачных выстрелов по газели Гранта, которую туземцы попросили убить на мясо; промахнувшись три или четыре раза, я ранил ее на бегу, а потом носился за ней по равнине почти до полудня, прежде чем настиг ее и убил.

В тот день мы поехали по дороге, которая вела через деревню, мимо лавки индуса, посылавшего нам с порога льстивые улыбки незадачливого торговца, в которых были и братское сочувствие, и надежда на успех, свернули налево на дорогу, ведущую к густому лесу, потом переехали по сомнительному деревянному мостику через ручей, за которым лес редел, и очутились на травянистой саванне, тянувшейся до поросшего тростником озера, наполовину высохшего — только вдали поблескивающую воду оживляли розовым цветом фламинго. В тени деревьев скрывались рыбачьи шалаши, дальше ветер шевелил траву саванны, а высохшее дно озера было бело-серым от множества небольших животных, которые всполошились от появления нашего автомобиля. Это были болотные антилопы, которые издали в

движении казались нелепыми и неуклюжими, а вблизи, когда стояли неподвижно, — стройными и грациозными. Мы съехали с густой, короткой травы на высохшее дно озера и покатили дальше; со всех сторон — и справа и слева — на сухое дно стекали ручьи, образуя тростниковое болото с рядом протоков, над ними летали утки; мы видели также большие стаи гусей, устроившихся на травянистых кочках посреди болота. Сухая тропа, по которой мы ехали, была плотная и твердая, но дальше она стала сырая и мягкая, и тогда мы остановили грузовик и договорились, что Карл с Чаро пойдут по одной стороне дороги, а мы с М'Колой — по другой, стреляя и поднимая птиц, а Старик и Мама доберутся до высокого тростника у левого берега озера, где впадавший ручей тоже создавал болотце, куда, по нашему представлению, и должны были прилететь утки.

Мы видели, как они шли по открытому месту — грузная фигура в выцветшей вельветовой куртке и рядом крошечная — в брюках, куртке цвета хаки, ботинках и широкополой шляпе. Затем, пригнувшись, они скрылись в сухом тростнике, и только тогда мы тронулись с места. Но уже у ручья поняли, что наш план не выдерживает никакой критики. Как бы осторожно мы ни ступали, ноги

вязли в иле по самые колени, а когда ила стало меньше и открылись окруженные водой кочки, я несколько раз провалился по пояс. Утки и гуси взлетали раньше, не подпуская нас на нужное для выстрела расстояние, и, когда первая стая полетела туда, где затаились в тростнике наши товарищи, мы услышали резкий, короткий дуплет из ружья Мамы 28-го калибра и увидели, как стая стремительно метнулась к озеру, а стайки поменьше и гуси тоже перебрались к открытой воде. Стая черных ибисов, похожих загнутыми клювами на крупных кроншнепов, перелетела с той стороны ручья, где шел Карл, покружилась высоко над нами и потом снова опустилась в тростник. На нашем пути всюду попадались бекасы, черные и белые кулики, и в конце концов, к неудовольствию М'Колы, поняв, что к уткам не подберешься, я стал палить по бекасам. Мы прошли все болото, после чего мне пришлось перебраться через ручей по шею в воде, держа над головой ружье и охотничью куртку с патронами в кармане. Надеясь выйти к Маме и Старику, я наткнулся на еще один глубокий и быстрый ручей, над которым летали чирки, и подстрелил трех. Уже смеркалось, когда я увидел Старика и Маму на другом берегу этого ручья, у самого озе-

ра. Ручей был слишком глубокий, чтобы перейти его вброд, и дно довольно мягкое, но я увидел старый след бегемота, который вел в ручей, и, идя по этому следу, почувствовал под ногами твердую породу и продолжал по нему идти, хотя вода плескалась у груди. Выбравшись на траву, я стоял, ожидая, пока с меня стечет вода, и тут надо мной пролетела стая чирков. Я, не задумываясь, выстрелил. Старик поступил так же, и три птицы тяжело плюхнулись в высокую траву у берега. Мы настойчиво искали птиц в сумерках и нашли всех. Стремительный полет отнес их дальше, чем мы предполагали, и теперь, почти в темноте, мы по высохшему дну озера торопились к машине, с меня капала вода, в ботинках тоже хлюпало. Жена радовалась добытым уткам, которых мы не ели с Серенгетти, но хорошо помнили, какое вкусное у них мясо. Наконец мы увидели машину — издали она казалась очень маленькой, за ней тянулась полоса засохшей грязи, затем травянистая саванна и лес.

На следующий день мы вернулись с охоты на зебр взмокшие от пота и покрытые пылью, которую поднимал грузовик и разносил по равнине ветер. Мама и Старик не ездили с нами — зачем зря глотать пыль? А мы с Карлом про-

вели на солнцепеке целый день, это вызывало наше раздражение, которое иногда выливалось в перепалку:

— Что случилось? Не узнаю вас.

— Они слишком далеко.

— Надо ловить момент.

— Говорю вам — они были слишком далеко.

— Теперь, когда их спугнули, будут проблемы.

— Стреляли бы сами.

— С меня хватит. Нам нужно только двенадцать шкур. Теперь ваш черед.

Потом кто-нибудь, разозлившись, нарочно стреляет раньше времени, всем своим видом показывая, что его об этом просили, встает из-за муравейника и, демонстративно отвернувшись, подходит к товарищу, который самодовольно спрашивает: «Так в чем же дело?»

— Слишком далеко — я же говорил. — В его голосе звучит отчаяние.

Второй снисходительно замечает:

— А ну-ка взгляните сюда.

Отбежавшие зебры, увидев приближающийся грузовик с туземцами, описали круг и теперь стоят боком совсем близко.

Невезучий охотник молчит, он слишком зол, чтобы стрелять.

— Что ж, стреляйте вы, — предлагает он.

Но второму соглашаться мешает принципиальность:

— Нет уж, стреляйте сами.

— С меня довольно, — говорит неудачник, понимая, что в таком состоянии стрелять бессмысленно, и одновременно чувствует во всем этом какой-то подвох. Что-то постоянно мешает ему: то приходится действовать в необычных условиях, то даются указания без учета обстоятельств, то нужно стрелять на глазах у людей, то в крайней спешке.

— У нас уже есть одиннадцать шкур, — говорит удачливый охотник, начиная чувствовать раскаяние. Он понимает, что не должен был торопить товарища, надо было оставить того в покое, а не подзадоривать. Словом, он опять вел себя как самодовольный, упрямый осел.

— Мы в любое время можем убить еще одну зебру. Эй, Бо, мы едем в лагерь.

— Нет уж, стреляйте сейчас. Убейте ее.

— Нет, едем.

Грузовик подъезжает, вы едете по пыльной равнине, раздражение уходит, и остается только ощущение быстротечности времени.

— О чем вы сейчас думаете? — спрашиваешь

ты. — О том, какой я сукин сын.

— О сегодняшнем вечере, — отвечает он, улыбаясь, и от этого на его пропыленном лице обозначаются морщинки.

— И я о нем думаю, — говоришь ты.

И вот этот вечер приходит, и снова — в путь.

На этот раз ты надеваешь высокие брезентовые сапоги, которые легко вытащить из грязи, перескакиваешь с кочки на кочку, прокладывая путь через болото, утопаешь в протоках, а утки, как и в прошлый раз, улетают на озеро, но теперь ты берешь далеко вправо и выходишь точно к озеру; здесь убеждаешься, что дно твердое, и, шагая по колено в воде, подбираешься к большим стаям, раздается выстрел, ты и М'Кола пригибаетесь, все вверху заполняется утками, ты бьешь двух, потом еще двух, потом одну высоко над тобой, потом упускаешь утку, пролетевшую направо над самой водой, и тут стая возвращается, она проносится так быстро, что ты не успеваешь заряжать и стрелять; затем, используя раненых уток как подсадных, бьешь как бог на душу положит: ты ведь знаешь, что здесь их можно настрелять сколько хочешь, сколько сможешь унести. Ты целишься в утку, пролетающую высоко, прямо над головой, стреляешь, сильно откинувшись назад,

это просто *coup de roi*[32], и большая черная птица падает в воду рядом с М'Колой, тот смеется, а тут уплывают четыре подранка, и ты решаешь лучше добить их и взять с собой. Приходится бежать по колено в воде, чтобы добраться до последней раненой утки, ты скользишь и падаешь лицом вниз, наслаждаясь тем, что наконец полностью вымок; ты сидишь в грязи, вода холодит спину, протираешь очки, выливаешь воду из ружейного ствола, соображая, удастся ли расстрелять все патроны, пока еще возможно. М'Колу все это только смешит: его охотничья куртка полна утками. Вдруг он наклоняется: стая гусей пролетает совсем низко, и ты пытаешься затолкнуть в ружье мокрый патрон. Наконец это удается, ты стреляешь, но гуси уже далеко впереди, или ты далеко позади, но при звуке выстрела с воды вспархивает облачко фламинго, окрашивая горизонт нежно-розовым цветом. Потом они снова садятся. Но после каждого выстрела, обернувшись, мы видим, как в воздух быстро взлетает, а потом медленно оседает это сказочное облако.

— М'Кола, — зову я, показывая на птиц.

— Ндио, — говорит он и следит за ними взгля-

---

[32] Примечания: 32
Королевский выстрел *(франц.).*

дом. — Музури. — И передает мне патроны.

Мы хорошо поохотились, но самая удачная охота была на озере, и мы еще три дня в пути ели холодных чирков, которые вкуснее остальных диких уток, мясо у них нежное, сочное. Ели мы их с острой приправой, запивая красным вином из Бабати, ели, сидя у дороги в ожидании грузовиков, потом ели на тенистой веранде небольшой гостиницы в Бабати, и, наконец, когда грузовики приехали, мы ужинали в доме отсутствующего друга наших друзей, на холмах, в эту холодную ночь мы сидели за столом в куртках и так много выпили в ожидании грузовика, сломавшегося по дороге, что опять жутко захотели есть. Мама танцевала под граммофон с управляющим кофейной плантацией и с Карлом, а я, измученный тошнотой и страшной головной болью, сидя на веранде со Стариком, пытался вылечиться с помощью виски с содовой. Было темно, дул сильный ветер, и тогда на столе снова появились дымящиеся чирки со свежими овощами. Цесарки тоже великолепны, я положил одну в контейнер для ланча и припрятал на вечер в машине, но чирки — царское блюдо!

Из Бабати мы поехали через холмы и равнину к подножию горы, где среди деревьев скрывались

деревушка и миссионерская станция. Здесь мы разбили лагерь для охоты на куду, которые, по слухам, водятся на лесистых холмах и в низинах.

Глава пятая

Для лагеря это место было жарковато, деревья здесь окольцевали, чтобы избавиться от мухи цеце, и они постепенно засохли. В поросших кустарником, изломанных, с крутыми склонами холмах охотиться трудно. Другое дело — лесистые низины, где можно расхаживать, как по оленьему заповеднику. Но повсюду нас преследовали мухи цеце, они роились вокруг, больно жаля в шею, затылок и плечи, и рубашка их не останавливала. Я носил с собой ветку, отмахиваясь от этих мух все пять дней, что мы охотились, выходя до зари и возвращаясь в сумерки, смертельно усталые, но радуясь прохладе и темноте, когда цеце прекращали свое гнусное дело. Мы охотились поочередно — то на холмах, то на равнине, и Карл становился все угрюмее, хотя ему удалось убить великолепную чалую антилопу. У него сложилось чрезвычайно сложное личное отношение к охоте на куду, и, как всегда, когда он был растерян, он винил во всех своих неудачах других

— проводников, тех, кто выбрал место. В холмах ему не повезло, и в успех здесь он не верил. Каждый день я надеялся, что сегодня ему повезет и атмосфера разрядится, но его особое отношение к куду осложняло охоту. Карл с трудом взбирался в гору, и охотиться в холмах для него было сущим наказанием. Я старался брать осмотр холмов на себя, но он, устав от пустых поисков, видимо, решил, что куду водятся именно на холмах, а внизу он просто теряет время.

За эти пять дней я встретил дюжину, а то и больше куду, все самки, кроме одного молодого самца во главе стада. Самки, крупные, серые, с полосатыми боками, до смешного маленькими головами и большими ушами, легко и стремительно скрывались в лесу, прячась от опасности. У самца на рогах появились первые завитки, но пока еще короткие и невыразительные, и, когда он промчался в темноте мимо нас по краю опушки — третий в стаде из шести самок, ему было так же далеко до настоящего самца, как лосенку до крупного, взрослого лося с мощной шеей, темной гривой, изумительными рогами и темно-рыжей шерстью.

В другой раз, когда мы на заходе солнца возвращались в лагерь долиной между холмами,

проводники обратили наше внимание на двух серых в белую полоску антилоп, которые так быстро промчались против солнца по вершине холма, что только расписные бока мелькнули среди деревьев, и сказали, что то были самцы куду. Мы не успели рассмотреть их рога, а когда поднялись на вершину холма, солнце уже село, и нам не удалось увидеть следов на каменистой почве. Но даже по беглому взгляду было заметно, что ноги у них длиннее, чем у самок, так что не исключено, что то действительно были самцы. Мы дотемна лазили по каменной гряде, но так ничего и не обнаружили, как и Карл, которого мы направили сюда на следующий день.

Мы часто нарушали покой водяных антилоп и как-то раз, охотясь на каменистой гряде над глубоким ущельем, набрели на антилопу-самца, который услышал, но не увидел нас. М'Кола схватил меня за руку, мы замерли на месте, наблюдая за ним. Самец находился всего в метрах десяти от нас — красивый, с темным воротником вокруг шеи, он весь дрожал и раздувал ноздри, пытаясь определить, что это за запах такой и откуда идет. М'Кола усмехался, крепко сжимая мое запястье, и мы следили, как крупный самец трепещет от предчувствия опасности, которая неизвестно

откуда грозит. Затем вдалеке грохнуло старое ружье местного охотника, и антилопа подпрыгнула и пробежала почти рядом с нами, устремившись вверх по гряде.

На другой день мы с женой вдвоем охотились на лесистой равнине, и где-то на ее краю, где росли невысокий кустарник и сансевиерия, мы услышали низкие, гортанные звуки. Я взглянул на М'Колу.

— Симба, — сказал он с недовольным видом.

— Вапи? — прошептал я. — Где?

Он показал.

— Это лев, — тихо сказал я жене. — Возможно, это его мы слышали рано утром. Отойди к тем деревьям.

Львиный рев мы слышали до рассвета, когда проснулись.

— Можно я останусь с тобой?

— Старику это не понравилось бы, — сказал я. — Подожди там.

— Хорошо. Только будь осторожен.

— Я буду стрелять стоя, и только наверняка.

— Хорошо.

— Идем, — приказал я М'Коле. По его хмурому виду я понял, что ему все это не нравится.

— Вапи симба? — спросил я.

— Там, — произнес он угрюмо и показал на островки густой колючей зелени. Я отправил одного из проводников назад с Мамой, и мы не двигались с места, пока они не отошли метров на двести к лесу.

— Теперь пошли, — сказал я.

М'Кола покачал головой без тени улыбки, но повиновался. Мы медленно двинулись вперед, вглядываясь в заросли, однако ничего не видели. Но вот послышалось рычание — впереди и правее.

— Нет, — прошептал М'Кола. — Хапана, бвана!

— Пойдем, не бойся, — сказал я и, приставив указательный палец к шее и согнув большой, добавил «Куфа», давая этим понять, что прострелю льву шею. М'Кола снова затряс головой, на его несчастном лице проступил пот. «Хапана», — повторил он шепотом.

Впереди был высокий муравейник, мы вскарабкались на это сложное сооружение из глины и осмотрелись. Но разглядеть что-либо в зеленых колючках, сродни кактусу, не представлялось возможным. Зря я надеялся, что мы увидим льва с муравейника, и, спустившись, нам пришлось пройти еще шагов двести сквозь колючий кустарник. Впереди снова послышалось рычание, а

через несколько шагов — могучий и низкий рык. Я уже стал терять запал. До этого времени я верил, что смогу с близкого расстояния сделать точный выстрел и, если мне удастся справиться с львом без Старика, у меня долгое время будет ощущение победителя. Я решил, что буду стрелять только наверняка, у меня уже имелся некоторый опыт — на моем счету были три льва, но на этот раз я волновался, как никогда раньше. Мне позволялось убить льва в отсутствие Старика при благоприятных обстоятельствах, но сейчас пахло бедой. По мере нашего приближения он отступал, но медленно. Ему явно не хотелось двигаться; должно быть, утром, когда мы слышали его рычание, он пожирал добычу, и теперь у него было одно желание — отлежаться.

М'Коле все это не нравилось. Трудно сказать, испытывал ли он ответственность перед Стариком за мою жизнь или предчувствовал неудачу в этой опасной охоте. Не знаю. Но выглядел он очень удрученным. Наконец он положил руку мне на плечо, приблизил почти вплотную лицо и три раза яростно потряс головой.

— Хапана! Хапана! Хапана, бвана! — В его голосе звучали протест, печаль и мольба.

В конце концов нет никакого смысла тащить

его дальше, если стрелять все равно нельзя, да мне и самому хотелось вернуться.

— Ладно, — сказал я.

Мы повернули назад и вернулись тем же путем. Пересекли открытое место и добрались до деревьев, где нас ждала Мама.

— Ну как? Видели его?

— Нет, — ответил я. — Только слышали три или четыре раза его рев.

— Страшно было?

— Немного, под конец, — ответил я. — Но с каким бы удовольствием я его пристрелил, передать не могу.

— А я рада, что вы вернулись, — сказала она. — Я вытащила из кармана словарь и составила предложение на ломаном суахили. Нужно было отыскать слово «нравится».

— М'Коле нравится симба?

Теперь М'Кола снова мог улыбаться, и китайские усики в уголках его рта задвигались.

— Хапана, — сказал он и отрицательно помахал рукой перед лицом. — Хапана.

— «Хапана» означает «нет».

— Поохотимся лучше на куду? — предложил я.

— Хорошо, — ответил на суахили М'Кола с чувством. — Это лучше. Намного лучше. Тендалла,

да. Тендалла.

Но, живя в этом лагере, мы ни разу не встретили самца куду, а спустя два дня перебрались в Бабати, оттуда в Кондоа, а затем через всю страну в Хандени, на побережье.

Мне никогда не нравился этот лагерь, не нравились проводники, да и сама местность. Она казалась опустошенной, где вся дичь перебита. Мы знали, что куду здесь водятся и принц Уэльский именно здесь застрелил куду, но в нынешнем сезоне здесь уже побывали три охотничьи партии, охотятся здесь и местные жители, якобы защищая свои поля от бабуинов, но, когда встречаешь вооруженного мушкетом туземца в десяти милях от его деревни, кажется странным, что он охотится на бабуинов в холмах, где водятся куду. Поэтому я настаивал, чтобы ехать на новое место и попытать счастья около Хандени, где не бывал никто из нас.

— Что ж, едем, — согласился Старик.

Новые места показались нам подарком судьбы. Куду паслись на открытых местах, а мы выжидали, когда появятся самые крупные, выбирали лучшие головы и тогда стреляли. По соседству водились еще и черные антилопы, и мы сошлись на том, что первый, кто убьет самца куду, начнет

охоту за ними. От всего этого я пришел в восторг, да и Карл повеселел в этой дивной местности, где звери были такими доверчивыми, что даже стрелять в них было совестно.

Мы тронулись в путь с рассветом, оставив позади носильщиков, которые должны были собрать лагерь и следовать за нами на двух грузовиках. Добравшись до Бабати, мы остановились в небольшой гостинице над озером, закупили еще острых приправ, выпили холодного пива и двинулись на юг по кейптаунской дороге. Здесь она, ухоженная и ровная, аккуратно пролегала между лесистыми холмами над бескрайними масайскими степями и дальше — через сельскохозяйственные угодья, где высохшие старухи и изможденные старики с впалой грудью трудились на маисовых полях; одна за другой пролетали пыльные мили, и наконец, миновав выжженную солнцем долину, где ветер вздымал над истерзанной почвой тучи песка, мы въехали в скрытый деревьями, симпатичный, свежевыкрашенный, образцовый немецкий гарнизонный городок Кандоа-Иранджи.

Мы оставили М'Колу на пересечении дорог ждать грузовики, поставили свою машину в тень и отправились на военное кладбище. Мы наме-

ревались нанести визит местным властям, но они обедали, и мы, не желая никого беспокоить, после посещения живописного кладбища, содержащегося в образцовом порядке, где мертвецам не хуже, чем в другом месте, выпили в тени под деревом пива, казавшегося еще холоднее после жарких лучей солнца, обжигавших шею и плечи, а потом сели в машину и доехали до перекрестка, чтобы оттуда вместе с грузовиками направиться на восток, к новым местам.

Глава шестая

Для нас места эти были новые, но они несли отпечатки древних стран. Мы двигались по скалистой дороге, исхоженной караванами и скотом, она шла узкой тропой по бездорожью между двумя рядами деревьев и терялась в горах. Эта местность была так похожа на Арагон, что мне казалось, мы вновь в Испании, пока вместо вьючных мулов мы не встретили дюжину босоногих, с непокрытыми головами туземцев, вся одежда которых состояла из куска белой материи, собранной у плеча вроде тоги. Однако, как только они скрылись, высокие деревья рядом с тропой, идущей по скалам, вновь стали Испанией, и ка-

залось, я снова еду верхом вместе с остальными в ряд и снова с отвращением вижу, как круп лошади впереди облепили слепни. Точно таких же мух мы видим здесь на львах. В Испании, если такая муха заберется тебе за шиворот, приходится стаскивать рубашку, чтобы ее убить. Иначе она пролезет за воротник, поползет по спине, заберется под мышку, оттуда на живот и к пупку — ее не поймать: она движется стремительно и ловко, да еще эта тварь такая плоская, что убить ее можно только раздевшись.

В тот день, глядя на эту гнусную мошкару, забравшуюся лошади под хвост, и зная по опыту, что это такое, я пережил ужас, равный тому, что испытал в госпитале, лежавший там с открытым переломом правой руки между плечом и локтем, разорванными костью бицепсами. Плоть загнивала, опухала, лопалась, и оттуда вытекал гной. Наедине с болью, пятую неделю без сна, я вдруг подумал, каково бывает лосю, когда попадаешь ему в лопатку и он уходит подранком. В ту ночь я лежал и все это чувствовал, начиная от удара пули и до самого конца, и, будучи немного не в себе, подумал, что мои муки — это наказание, которое выпадает всем охотникам. А выздоровев, решил, что если это было наказание, то я его выдержал

и отныне мои поступки будут сознательными. Я поступал так, как поступали со мной. Меня подстрелили, меня изувечили, и я ушел подранком. Я всегда ожидал, что меня что-то убьет, и даю честное слово, что теперь принял бы это безропотно. А так как по-прежнему любил охоту, я принял решение, что буду убивать наповал, а как только утрачу эту способность, с охотой завяжу навсегда.

Если ты в молодые годы отдавал себя обществу, демократии и подобным вещам, а затем решил отвечать только за себя, тогда на смену приятному, поддерживающему духу товарищества приходит нечто другое, что можно испытать только в одиночестве. Я не смогу дать точное определение этому чувству, но оно возникает, когда ты о чем-то пишешь хорошо и правдиво и беспристрастно оцениваешь написанное, и, если тем, кому платят за то, чтобы они это прочитали и высказали свое мнение, не нравится твоя тема и они говорят, что все это фальшь, тебя не сбить: ты точно знаешь, чего это стоит; или когда ты занят чем-нибудь, что принято считать несерьезным, ты точно знаешь, что это важно и всегда было важным наряду с общепринятым; в море ты тоже один на один с ним и знаешь, что Гольфстрим,

который для тебя как жизнь, которую ты знаешь, продолжаешь узнавать и любить, течет, как тек еще до появления человека, и омывает этот длинный, прекрасный и несчастный остров с давних времен, еще до прихода сюда Колумба, и все, что ты узнаешь о нем, и то, что живет в его глубинах, имеет непреходящую ценность, потому что этот поток будет течь и дальше, когда индейцы, испанцы, англичане, американцы, все кубинцы, все системы правления, богатства, бедность, муки, жертвы, продажность, жестокость сгинут, как отбросы, которые сбрасывают в море с баржи, которая кренится на бок и вываливает мусор всех цветов радуги вместе с белым в голубую воду, и, после того как груз распределится по поверхности, вода на глубину в двадцать-двадцать пять футов становится бледно-зеленой: все тяжелое идет ко дну, а на поверхности остаются пальмовые ветки, пробки, бутылки, перегоревшие электрические лампочки, изредка презерватив, набухший корсет, обрывки листов из ученической тетради, собака с раздувшимся брюхом, дохлая крыса, разложившаяся кошка, а вокруг на лодках снуют мусорщики, они вылавливают длинными шестами свою добычу и делают это не с меньшей заинтересованностью, деловитостью

и точностью, чем историки, — у них своя точка зрения. Когда в Гаване дела идут хорошо, Гольфстрим, течение которого неуловимо для глаз, принимает такой груз пять раз в день, и все же миль на десять дальше вдоль побережья вода в нем такая же чистая, голубая и спокойная, какой была до встречи с баржей, и пальмовые ветви наших побед, перегоревшие лампочки наших научных открытий и использованные презервативы наших великих влюбленностей — такие ничтожные на фоне единственной непреходящей вещи — Гольфстрима.

Так, сидя на переднем сиденье и думая о море и о стране, я незаметно выехал из «Арагона», и наша машина спустилась к песчаному берегу реки шириной в полмили, обрамленной зелеными деревьями. По золотистому песку были разбросаны лесистые островки, вода в этой реке текла ниже песка, поэтому дичь приходила на водопой по ночам, выкапывала острыми копытами в песке ямки, которые заполнялись водой, и животные из них пили. Когда мы переправились через реку, день уже начал клониться к вечеру, а на пути нам то и дело встречались люди, бежавшие из голодных мест, лежавших впереди. Теперь вдоль дороги тянулись невысокие деревья

и густой кустарник, потом дорога пошла вверх, и мы въехали в страну голубых холмов — старых выветренных холмов, где росли деревья, похожие на буки, и были кучками разбросаны хижины, из которых тянулся дымок, пастухи гнали домой коров, овец и коз, кое-где встречались участки, засеянные маисом.

— Похоже на Галисию, — сказал я жене.

— Очень, — согласилась она. — Сегодня мы побывали в трех испанских провинциях.

— Вы серьезно? — удивился Старик.

— Никакой разницы, — ответил я. — Только дома отличаются. А та местность, куда нас привел Друни, напоминает Наварру. Те же известняки, тот же рельеф, те же деревья у ручьев и рек.

— Удивительно, как человек может полюбить страну, — сказал Старик.

— Вы оба — настоящие философы, — сказала Мама. — Но где же мы разобьем лагерь?

— Можно здесь, — отозвался Старик. — Или еще где-нибудь. Это неважно. Главное — около воды.

Мы расположились в тени деревьев, вблизи трех больших родников, куда ходили за водой местные женщины, и мы с Карлом, бросив жребий, кому где охотиться, отправились в сумерках бродить около двух холмов через дорогу от лагеря

над деревушкой.

— Это земля куду, — сказал Старик. — Вы можете встретить их повсюду.

Но мы никого не встретили, кроме масайского стада в лесу, и вернулись в лагерь в темноте, радуясь прогулке после дня езды в машине. Старик и Мама в пижамах сидели у костра, а Карла все еще не было.

Вернулся он раздраженный — видимо, не встретил куду — бледный, усталый и молчаливый.

Позже, сидя у костра, он спросил, куда мы ходили, и я ответил, что мы охотились вокруг нашего холма, а когда наш проводник услышал их голоса, перевалили через холм и вернулись в лагерь.

— Что вы имеете в виду, говоря, что слышали нас?

— Так сказал проводник. И М'Кола тоже.

— Мне казалось, мы тянули жребий, где кому охотиться.

— Так и есть, — ответил я. — Только мы не подозревали, что вышли на ваш участок, пока не узнали, что вы поблизости.

— А лично вы нас слышали?

— Что-то слышал, — объяснил я. — Когда проводник стал говорить с М'Колой, я приложил ладонь к уху и услышал, как М'Кола сказал: «Бва-

на». «Который Бвана?» — спросил я, и он ответил: «Бвана Кабор», то есть вы. Тогда мы сочли, что нельзя забираться на чужую территорию, и отправились назад.

Карл молчал, но вид у него был по-прежнему сердитый.

— Не держите на нас зла.

— Я не держу. Просто устал, — ответил он.

Ему нельзя было не поверить, потому что я не знал человека более отзывчивого, самоотверженного, чем Карл, но куду стали для него наваждением, и он утратил покой.

— Скорее бы он добыл себе куду, — сказала Мама, когда Карл ушел принимать ванну.

— Вы действительно забрались на его участок? — спросил меня Старик.

— Да нет же.

— Там, куда мы едем, он убьет своего куду, — сказал Старик. — И может, у того рога будут в пятьдесят дюймов.

— Буду рад за него, — отозвался я. — Но, не скрою, я тоже не прочь добыть такого же.

— И добудете, дружище, — пообещал Старик. — Даже не сомневайтесь.

— Черт возьми! Осталось всего десять дней.

— Обещаю, мы еще и черных антилоп настре-

ляем. Удача еще придет к нам.

— Бывало так, что вы и в хороших местах подолгу на них охотились?

— Бывало, до трех недель мотались по холмам и уходили ни с чем. А бывало, что уже в первый день они лезли под пулю. В охоте никогда ничего не знаешь наверняка, особенно если охотишься на крупного зверя.

— Мне такая охота по душе, — сказал я. — Только не хочется, чтобы этот парень меня обскакал. Ведь подумайте, Старик, он убил лучшего буйвола, лучшего носорога, лучшую водяную антилопу…

— А ты убьешь лучшего сернобыка.

— Это несопоставимо.

— Его голова здорово украсит ваш дом.

— Да я шучу.

— У вас лучше импала и антилопа канна тоже. Еще великолепная водяная антилопа. Ваш леопард не хуже, чем его. Но когда речь идет об удаче, он впереди. Ему чертовски везет, и он замечательный. А сейчас он даже аппетит потерял.

— Я сам к нему прекрасно отношусь, и вы это знаете. Не хуже, чем к другим. Но хотелось бы, чтоб он был повеселее. Какое удовольствие от охоты, если так расстраиваться по всякому поводу!

— Все меняется. На следующей стоянке он прикончит куду и будет вне себя от счастья.

— Я просто несносный придира.

— Не без этого, — сказал Старик. — А не выпить ли нам?

— Прекрасная мысль, — согласился я.

Вышел Карл, теперь он был спокойный, дружелюбный и, как всегда, деликатный.

— Скорей бы добраться до нового места, — сказал он.

— Скорей бы, — поддержал я.

— Мистер Филип, расскажите мне о тех местах, — попросил он Старика.

— Я там не охотился, — сказал Старик. — Но, по слухам, охота там славная. Говорят, что антилопы пасутся на открытых местах. Один старый голландец уверял меня, что там встречаются замечательные экземпляры.

— Надеюсь, у вашего куду будут рога в шестьдесят дюймов, — сказал мне Карл.

— Этот вам достанется.

— Нет, — протестовал Карл. — Не смейтесь надо мной. Я буду рад любому.

— Думаю, вы добудете нечто выдающееся, — сказал Старик.

— Все бы вам смеяться, — повторил Карл. —

Мне и так все время везло. Меня устроит любой куду, неважно какой.

Добрый по натуре, Карл видел тебя насквозь, но понимал и прощал.

— Славный вы, Карл, — сказал я, разомлев от виски и впав в сентиментальное настроение.

— А здорово мы проводим здесь время, правда? — воодушевился Карл. — А где наша славная Мама?

— Я здесь, — раздался голос моей жены из темноты. — Сижу как мышка. Я человек тихий.

— С этим не поспоришь, — согласился Старик. — Однако умеете, когда нужно, быстро поставить на место супруга.

— За это женщин и ценят, — сказала ему Мама. — Я жду от вас еще комплиментов, мистер Джексон.

— А еще вы смелая, как маленький терьер. — К этому времени мы со Стариком крепко накачались.

— Как мило! — Мама сидела, откинувшись в кресле и обхватив руками колени. Она сидела в своей стеганой голубой пижаме, и я видел, как блики от костра играют на ее черных волосах. — Мне нравится, когда вы начинаете сравнивать меня с маленьким терьером. Значит, скоро нач-

нутся разговоры о войне. Кстати, джентльмены, кто-нибудь из вас участвовал в войне?

— Я не участвовал, — откликнулся Старик. — А вот ваш муж участвовал, этот отчаянный смельчак, который прекрасно бьет птиц влет и следопыт что надо.

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, — сказал я.

— Давайте ужинать, — предложила Мама. — Я умираю с голоду.

Чуть забрезжил свет, мы уже ехали в машине, миновали деревню и густой кустарник и очутились на краю равнины, затянутой предрассветной дымкой; далеко впереди паслась антилопа канна, при раннем утреннем свете она казалась огромной и серой. Мы остановили машину у кустарника, вышли, устроились на земле и увидели в бинокль целое стадо конгони, рассеянных между нами и антилопой канна. С ними был и единственный сернобык, похожий на раскормленного, с темно-сливовой шерстью масайского ослика — только с великолепными, длинными и черными, откинутыми назад рогами, которые поражали воображение всякий раз, как он поднимал голову над травой.

— Хотите заняться им? — спросил я Карла.

— Нет. Лучше вы.

Мне было известно, что он не любит подкрадываться к жертве и стрелять у всех на глазах, и потому я сказал: «Ладно. Так и быть». Стрелять меня гнал эгоизм, которого лишен Карл. Кроме того, мы остро нуждались в мясе.

Я двинулся по дороге, не глядя в сторону зверей и стараясь выглядеть незаинтересованным, повесил винтовку на левое плечо, чтобы антилопы ее не видели. Казалось, они не обращают на меня внимания, но постепенно отходили пастись подальше. Однако я знал, что, стоит мне сделать шаг в их сторону, они тут же сорвутся с места и бросятся бежать, поэтому когда уголком глаза я заметил, что сернобык опустил голову и щиплет траву, то решил, что момент наступил. Я сел на землю, пропустил руку через ремень, и, когда самец, что-то почувствовав, рванул в сторону, я прицелился ему в загривок и выстрелил. Обычно охотник не слышит удара пули, но в этот раз я его услышал, и тут сернобык бросился бежать по равнине вправо, а сама равнина, озаренная солнцем, заходила ходуном от мечущихся животных: длинноногие, смешные конгони, похожие на игрушечных лошадок, подпрыгивали на бегу, антилопа канна мчалась раскачиваясь, а рядом

бежал второй сернобык, которого я раньше не заметил. Но вся эта всколыхнувшаяся жизнь и паника были для меня лишь фоном для моего сернобыка, бежавшего боком, высоко задрав рога. Я встал, чтобы выстрелить по нему на бегу, навел ружье, в прорези прицела сернобык казался совсем маленьким, прицелился в шею, подался вперед и выстрелил, и тогда он упал, дрыгая ногами, раньше, чем я услышал треск пули, раздробившей кость. Еще один, более точный выстрел попал в заднюю ногу.

Я побежал, но потом осторожно перешел на шаг, чтобы не быть сбитым, если сернобык вдруг вскочит, но тот был недвижим. Он рухнул так внезапно, а пуля издала такой треск, что меня охватил страх, как бы я не раздробил ему рога, но при ближайшем осмотре выяснилось, что первый выстрел, угодивший в спину, был смертельным, а когда я перебил ему ногу, он упал. Подошли остальные, и Чаро воткнул в сернобыка нож, чтобы мясо можно было есть по закону.

— Куда вы целились во второй раз? — спросил Карл.

— Никуда. Взял чуть выше и вперед.

— Красивый выстрел, — сказал Дэн.

— Вечером он будет рассказывать, что простре-

лил ногу нарочно и что это один из его любимых приемов, — вмешался Старик. — Вы никогда не слышали, как он об этом говорит?

Пока М'Кола свежевал голову сернобыка, а Чаро разделывал мясо, подошел длинный, худой масай с копьем, поздоровался и постоял на одной ноге, глядя на работу. Потом он произнес довольно пространную фразу, и я позвал Старика. Масай повторил ее Старику.

— Он хочет знать, будете ли вы еще охотиться? — ответил Старик. — Ему нужны шкуры, но не шкура сернобыка. По его словам, она почти ничего не стоит. Он спрашивает, не хотите ли вы убить парочку конгони или антилопу канни. Их шкуры ему больше нравятся.

— Скажите, что только на обратном пути.

Старик торжественно перевел мои слова. Масай пожал мне руку.

— Передайте ему, что он может всегда найти меня в нью-йоркском баре «У Гарри», — сказал я.

Масай сказал что-то еще и почесал одной ногой другую.

— Он спрашивает, почему вы стреляли два раза? — сказал Старик.

— Скажите ему, что по утрам в нашем племени принято стрелять дважды. Днем мы убиваем за

один выстрел. А вечером сами полумертвые. И скажите, что он всегда может найти меня в Нью-Стэнли или у Торра.

— Он спрашивает, что вы делаете с рогами?

— Скажите, что по обычаям нашего племени мы дарим рога самым богатым друзьям. Это очень волнующее событие, и иногда за членами нашего клана гоняются люди с незаряженными пистолетами. Скажите, что он может найти меня в моей книге.

Старик что-то сказал масаю, мы снова пожали руки и расстались довольные друг другом. В дымке над равниной мы разглядели других масаев, с коричневыми шкурами на плечах они шли на полусогнутых ногах, и их копья сверкали на солнце.

Но вот мы едем в машине. Голова сернобыка завернута в мешковину, мясо, очищенное от крови и пыли, подвешено на рейке, равнину мы проехали и теперь снова катим по дороге с красноватым песком, к которой подступает кустарник, после нескольких холмов въезжаем в деревушку Кибайя, где есть беленькая гостиница, магазин и много обработанных участков. Здесь Дэн как-то, сидя на копне сена, ждал, не забредет ли куду полакомиться побегами маиса, но вместо

куду явился лев и чуть его не загрыз. С тех пор эта деревушка нам особенно запомнилась, и, так как было еще прохладно и солнце еще не высушило росу, я предложил распить по бутылке немецкого пива с горлышком в серебряной фольге и желто-черной этикеткой с изображением всадника в доспехах. Так и место лучше запомнится, и ценить его будем больше. Возражений, естественно, не последовало. Узнав, что впереди приличная дорога, мы оставили для шоферов грузовиков сообщение — следовать за нами на восток, и, покинув примечательную деревушку, направились к побережью, в страну куду.

Долгое время, за которое солнце успело подняться высоко и началась жара, мы ехали по местности, которую Старик, на мой вопрос, как она называется, ответил: «Миллион проклятых миль Африки». Дорогу по сторонам ограничивал густой, по виду непроходимый и колючий кустарник.

— Здесь попадаются очень крупные слоны, — сказал Старик. — На них особо не поохотишься. Вот почему они такие огромные. Ясно, не так ли?

После долгой поездки по «стране миллиона миль» местность изменилась, теперь нас окружали сухие, песчаные, окаймленные кустарником

равнины, превратившиеся от солнца в настоящие пустыни с редкими островками растительности там, где была вода. По словам Старика, так выглядели северные провинции Кении. Мы высматривали геренуков или жирафовых газелей, длинношеих антилоп, которые своими повадками напоминали жуков-богомолов и мелких куду, которые, по нашим сведениям, водились в этих унылых местах, но солнце стояло высоко, и все звери попрятались. Наконец дорога постепенно пошла вверх, опять к холмам, низким, голубым, лесистым холмам, отделенным друг от друга целыми милями редкого кустарника, а впереди высились два огромных, крутых, лесистых холма, которые хотелось назвать горами. Они стояли по обеим сторонам дороги, и, когда мы подъехали к месту, где красная дорога сужалась, нам повстречалось стадо в несколько сот голов, которое гнали на побережье скупщики скота из Сомали; главный среди них шагал впереди — высокий, красивый туземец в белом тюрбане и национальном костюме, он нес зонтик как символ власти. С трудом пробившись сквозь стадо, мы стали петлять вокруг живописных зарослей, потом проехали меж двух гористых холмов и в полумиле от них въехали в деревушку из гли-

няных, крытых соломой хижин, стоявшую на низком плато. Отсюда две горы со склонами, поросшими лесом, осыпавшимися известняковыми породами, опушками и лугами казались очень красивыми.

— Это здесь?

— Да, — ответил Дэн. — Надо найти место старого лагеря.

Из глиняной хижины вышел очень старый, сморщенный чернокожий дед с седой щетиной на лице, на нем был один, когда-то белый, а теперь просто грязный, кусок ткани, собранный на плече на манер римской тоги; он повел нас назад по дороге, а потом свернул влево и вывел к месту, хорошо подходящему для лагерной стоянки. Вид у старика был очень унылый, а после того, как Старик и Дэн с ним поговорили, он с еще более унылым видом пошел за проводниками, чьи имена Дэн записал по рекомендации своего друга, голландского охотника, бывшего здесь год назад.

Мы вынули из машины сиденья, чтобы использовать их как стол и скамейки, расстелили куртки для завтрака в тени большого дерева, выпили пива, а затем в ожидании грузовиков занялись кто чем — кто спал, кто читал. До приезда грузовиков вернулся наш дед с самым тощим, самым

голодным и жалким представителем племени вандеробо, он стоял на одной ноге и чесал в затылке, с собой он принес лук, колчан со стрелами и копье. На вопрос, тот ли это проводник, чье имя мы назвали, старик признался, что не тот, и с еще более несчастным видом отправился за настоящими проводниками.

Когда мы проснулись, дед уже стоял с двумя профессиональными проводниками, одетыми в хаки, и еще с двумя деревенскими жителями — можно сказать, почти голыми. Начались долгие переговоры, и старший из проводников предъявил бумагу, адресованную «всем заинтересованным лицам», где говорилось, что предъявитель сего хорошо знает страну, надежный человек и опытный следопыт. Удостоверение было подписано каким-то охотником. Проводник в хаки назвал автора удостоверения Бвана Симба — «Убийца львов», чем нас страшно разозлил.

— Какой-нибудь задавака, который раз в жизни случайно убил льва, — сказал Старик.

— Скажите ему, что я — Бвана Физи, «Убийца гиен», — попросил я Дэна. — Бвана Физи душит их голыми руками.

Дэн сказал ему что-то другое.

— Спросите, не хотят ли они познакомиться

с Бваной Жабой, родоначальником всех жаб, и Мамой Тзигги, повелительницей саранчи.

Дэн меня не слушал. Похоже, они обсуждали денежный вопрос. После того как о поденной плате договорились, Старик обещал им за каждого убитого с их помощью куду пятнадцать шиллингов.

— Я так понимаю, что речь идет о фунте, — уточнил старший проводник.

— Похоже, они разбираются в ценах, — сказал Старик. — Должен признаться, что я не в восторге от этого парня, несмотря на похвалы Бваны Симбы.

Кстати, потом мы узнали, что Бвана Симба прекрасный охотник и репутация на побережье у него самая высокая.

— Будем тянуть жребий, — предложил Старик. — Каждому достанется один голый и один в штанах. Лично я предпочитаю голых проводников.

Но когда мы предложили двум одетым проводникам с рекомендацией выбрать себе по голому партнеру, стало ясно, что из этого ничего не выйдет. Главный спорщик, как оказалось, не только разбирался в финансах, но обладал и актерскими способностями. Он представил нам в лицах, как Бвана Симба убил в последний раз

куду, но тут прервал спектакль, чтобы заявить: он будет охотиться только с Абдуллой, плюгавым, большеносым грамотеем, который отличный следопыт. Они всегда охотятся вместе. Сам он по следу не ходит. Высказавшись, он возобновил представление, где теперь, кроме Бваны Симбы, действовали Бвана Доктор и рогатые звери.

— Тогда придется тянуть другой жребий: двое оксфордцев против двух дикарей, — предложил Старик.

— Меня воротит от этого шута, — сказал я.

— Может, он хорош в деле, — с сомнением произнес Старик. — Во всяком случае, вы и сами отличный следопыт. По словам деда, два других — хорошие проводники.

— Что ж, благодарю. Ладно. Доставайте свои чертовы соломины.

Старик зажал в кулаке две соломины.

— Длинная — Дэвид Гаррик[33] и его дружок, — пояснил он. — Короткая — двое голых молодцов.

— Хотите тянуть первым?

— Давайте вы, — сказал Карл.

Я вытянул Дэвида Гаррика и Абдуллу.

— Черт, попался этот комедиант.

---

[33] Примечания: 33

Гаррик Дэвид (1717–1779) — знаменитый английский актер и драматург.

— Может, еще будете им довольны, — утешил меня Карл.

— Хотите, махнемся?

— Нет, но он может оказаться лучшим из лучших.

— Теперь разыграем место охоты. Кто вытащит длинную соломину, выбирает место первым, — объяснил Старик.

— Тяните вы.

Карл вытянул короткую.

— А какие разыгрываются места? — спросил я Старика.

Последовал длинный разговор, во время которого Дэвид прикидывался, что убил с полдюжины куду из разных засад, или подкрадываясь на открытом месте, или выгоняя зверей из кустов.

Наконец Старик сказал:

— Говорит, здесь есть соляной источник, куда звери приходят лизать соль, и их убивают тысячами. Кроме того, бродя вокруг холма, этих бедолаг можно стрелять на открытом месте. А физически хорошо подготовленные могут взбираться на скалы и бить их оттуда, когда те пасутся.

— Я выбираю солонец.

— Не забывайте — стрелять в самых крупных, — сказал Старик.

— Когда выходим? — спросил Карл.

— На солонце надо быть рано утром, — ответил Старик. — Но вы, старина Хем, можете осмотреть место уже сегодня вечером. Надо проехать миль пять по дороге, а дальше пешком. Берите машину и отправляйтесь первым. А вы, Карл, можете опять навестить холмы, как только спадет дневная жара.

— А что с Мемсаиб? — спросил я. — Могу я ее взять с собой?

— Не думаю, что это разумно, — произнес серьезно Старик. — Чем меньше людей принимают участие в охоте на куду, тем лучше.

В тот вечер М'Кола, Комедиант, Абдулла и я вернулись в сумерки к костру очень взволнованные. Почва на соляном источнике оказалась взрытой, на ней были свежие следы куду, и среди них несколько следов крупных самцов. Там было замечательное укрытие, и я не сомневался, что на следующее утро убью куду, словно мне предстояло стрелять из надежного убежища уток с изрядным количеством подсадных и в прохладную погоду, не сомневаясь, что они прилетят.

— Это просто верняк. Плевое дело. Даже совестно. Этот Комедиант… как его? Бут, Баррет, Мак-Каллоф… вы понимаете, о ком я говорю…

— Чарльз Лоутон, — предложил Старик, потягивая трубку.

— Вот-вот. Фред Астор. Танцор, мировая знаменитость. Он — ас в своем деле. Нашел укрытие и прочее. Знал точно, где солонец. Определил направление ветра, подбросив в воздух пригоршню пыли. Он просто чудо. Бвана Симба здорово их натренировал. Считайте, что куду уже у нас в контейнере. Главное — не испортить мясо и выбрать наиболее крупных самцов. Завтра на этом солонце я убью двух самцов. Друзья мои, я в восторге.

— Откройте нам, что вы пили?

— В том-то и дело, что ничего. Позовите Гаррика. Скажите, что он будет работать в кино. Найдем ему роль. Я кое-что придумал по дороге домой. Конечно, это может не сработать, но сюжет мне нравится. Отелло, или Венецианский мавр. Как вам? Идея хороша. Этот негр — назовем его Отелло — влюбляется в девушку, никому не известную, поэтому назовем ее Дездемона. Подходит? Меня уже сто лет просят написать сценарий, но мне мешает сегрегация. Пусть сыграет он и прославится. Гарри Виллс — не подходит. Паулино побил его. Шарки побил его. Демпси побил Шарки. Карнера его нокаутировал. Что, никто

не видел этот удар? Где, черт подери, были мы, Старик? Гарри Греб[34], кстати, умер.

— Мы как раз въезжали в Кейптаун, — сказал Старик. — Тебя еще чем-то забрасывали, и мы не могли понять почему.

— Я помню, — сказала Мама. — Как это вы не заставили его провести сегрегационную линию?

— Я тогда чертовски устал.

— А вид у вас был бодрый, — сказала Мама. — Так что будем делать с этим болтуном?

— Вольем в него стаканчик и посмотрим, что будет.

— Все, молчу, — пообещал я. — Но, клянусь, у меня отличные предчувствия относительно завтрашнего дня.

И кто, вы думаете, в тот момент появился в лагере в обществе двух голых дикарей и благоверного мусульманина коротышки-ружьеносца Чаро? Конечно же, Карл. Он снял широкополую шляпу, и при свете костра лицо его имело желтовато-землистый оттенок.

— Кого-нибудь подстрелили? — спросил он.

— Нет. Но живность там есть. А как ваши дела?

---

[34] Примечания: 34

Хемингуэй перечисляет боксеров-тяжеловесов из разных стран, каждый из которых в разное время был чемпионом мира. Из них только Гарри Виллс — темнокожий американец.

— Ходил по этой проклятой дороге. Разве может пастись куду у дороги, где полно скота, хижин и людей?

На нем лица не было, и я решил, что он заболел. Но от вида убитого горем человека, вошедшего, когда мы вовсю забавлялись, мне стало не по себе.

— Мы ведь тянули жребий, — сказал я.

— Знаю, — горько подтвердил он. — Мы охотились у дороги. Чего тут можно ожидать? Разве там можно увидеть куду?

— Но утром на солончаке вы обязательно убьете куду, — весело произнесла Мама.

Я выпил стакан виски с содовой и услышал, как бы со стороны, свой бодрый голос:

— Нет сомнений — утром на солончаке вас ждет куду.

— Но ведь там охотитесь вы, — удивился Карл.

— Нет. Теперь ваша очередь. Я был сегодня вечером. Будем чередоваться. Такой был уговор. Правда, Старик?

— Чистая правда, — ответил Старик. Мы избегали смотреть друг на друга.

— Выпейте виски с содовой, Карл, — предложила Мама.

— Спасибо.

Мы молча поужинали. Уже в постели я спросил:

— Кто тебя дернул за язык сказать, что завтра он будет охотиться на солонце?

— Даже не знаю. Я совсем не то хотела сказать. Просто перепутала. Давай не будем об этом.

— Я вытянул эту чертову соломину. Мне повезло. Против жребия не идут. Это единственный способ уравнять шансы.

— Не надо больше об этом.

— Мне кажется, Карл нездоров, он сам на себя не похож. Мысль о куду его доконала, и, боюсь, на солонце он может такое натворить, что туда больше ни один зверь не заявится.

— Пожалуйста, не будем об этом говорить.

— Хорошо.

— Спасибо.

— Во всяком случае, мы его успокоили.

— Не уверена. Но, пожалуйста, давай прекратим об этом говорить.

— Уже прекратил.

— Вот и хорошо. Спокойной ночи.

— Ерунда все это, — сказал я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Глава седьмая

Утром Карл со своей командой отправился на солонец, а Гаррик, Абдулла, М'Кола и я, перейдя дорогу, обогнули деревню и двинулись в тумане вверх по сухому руслу. Мы лезли в гору по гальке, обходя валуны, а сухое дно так заросло вьющимися растениями и кустарником, что часто приходилось идти, согнувшись, словно по туннелю. Я так вспотел, что и рубашка, и белье были хоть выжимай, но, когда мы остановились на горном уступе, глядя вниз на плывущие над долиной облака, мне стало зябко от утреннего ветра, и я набросил плащ. Взмокший от пота, я не мог сидеть на месте и дал знак Гаррику продолжать путь. Мы преодолели один склон горы, повернули назад, поднявшись чуть выше, и перевалили на другой, находящийся в тени склон. К этому времени солнце высушило мою рубашку, и мы шли вдоль зеленых долин, останавливаясь над каждой и внимательно осматривая ее в бинокль. Наконец нам попалась чашевидная долина, по форме напоминающая амфитеатр, по дну ее, заросшему ярко-зеленой травой, бежал ручей, а дальний склон и всю нижнюю часть занимал

лес. Сидя в тени скал, защищавших нас от ветра, мы разглядывали в бинокли противоположные, освещенные солнцем склоны и разглядели там двух самок куду с детенышем, они паслись на опушке, торопливо пощипывая молодую поросль, потом внезапно подняли головы, напряженно вглядываясь в даль и прислушиваясь, как делают все животные, когда пасутся в лесу. На равнине у них широкий обзор, и потому они чувствуют себя уверенно и пасутся спокойно — не так, как в лесу. Мы видели вертикальные белые полосы на серых боках и чувствовали удовлетворение: так приятно было созерцать антилоп с высоты гор ранним утром. Но вдруг раздался грохот, как от обвала. Сначала я подумал, что рухнул и покатился большой камень, но тут М'Кола тихо сказал:

— Бвана Кибор! Пига!

Мы прислушались, не раздастся ли второй выстрел, но его не было, и я решил, что Карл убил-таки куду. Самки, за которыми мы наблюдали, замерли, услышав выстрел, но через некоторое время снова принялись щипать траву. Однако они держались все время рядом с лесом. Мне припомнилась одна старая пословица индейских охотников: «Один выстрел — мясо твое. Два выстрела — еще неизвестно. Три выстрела — ищи

ветра в поле». С помощью словаря я перевел ее М'Коле. Похоже, пословица его развеселила, он засмеялся и затряс головой. Мы осматривали долину в бинокли, пока солнце не накрыло нас, и тогда перешли на другой склон, и там в такой же восхитительной долине нам показали место, где один бвана, его называли Бвана Доктор, убил замечательного самца куду. В это время в долине показался какой-то масай, и я притворился, что собираюсь в него выстрелить. Гаррик чрезвычайно разволновался, повторяя: это человек, человек!

— А что, в человека стрелять нельзя?

— Нельзя, нельзя! — воскликнул он, прикладывая руку ко лбу.

Я с подчеркнутой неохотой опустил ружье, желая рассмешить М'Колу, который широко улыбался.

Стало жарко, и мы пошли по лугу, трава там была выше колен и буквально кишела крупной, розоватой, с прозрачными крыльями саранчой, она тучами вилась вокруг нас и жужжала, как косилка. Потом, преодолев несколько невысоких холмов, мы спустились по длинному крутому склону и направились долиной, где вилась такая же крупная саранча, в лагерь, куда уже вернулся

Карл со своей добычей.

Проходя мимо палатки свежевальщика, мы увидели отрезанную голову самца куду, с которой капюшоном свисала шкура, тяжелая и мокрая от крови, еще капающей с того места, где череп отсекли от позвоночника. Вид у этого куду был странный и жалкий. Только морда от глаз до ноздрей, гладко-серая с нежными белыми пятнышками, да длинные, изящные уши были красивы. Уже затянувшиеся пленкой глаза облепили мухи, а рога были тяжелые, грубые и, вместо того чтобы извиваться спиралью, расходились в стороны. Это была необычная голова — массивная и уродливая.

Старик сидел под обеденным тентом, курил и читал.

— Где Карл? — спросил я.

— Думаю, у себя в палатке. А вы где были?

— Лазил по холмам. Видел двух куду.

Я просунул голову в палатку Карла:

— Ужасно рад за вас. Как все было?

— Мы сидели в укрытии, потом проводники сказали мне пригнуть голову, а когда я поднял голову, куду стоял совсем близко. Мне он показался огромным.

— Мы слышали ваш выстрел. Куда попала

пуля?

— Первая, кажется, в ногу. Потом мы преследовали его, и я стрелял еще, пока не прикончил.

— Я слышал только один выстрел.

— Нет, их было три или четыре.

— Думаю, горы заглушили шум, если вы погнали его в другую сторону. Ствол у него мощный, и рога раскидистые.

— Спасибо, — сказал Карл. — Надеюсь, вам достанется куду еще лучше. Говорят, там был еще один самец, но я его не видел.

Я вернулся к обеденному тенту, где сидели Старик и Мама. Они явно не были в восторге от куду.

— Что у вас такой расстроенный вид? — спросил я.

— Ты видел эту голову?

— Конечно.

— Жуткое зрелище!

— Все-таки это куду. Там видели еще одного — надо съездить.

— Чаро и проводники говорят, что там действительно был еще один самец — крупный, с великолепной головой.

— Вот и отлично. Этот будет мой.

— Если только он там теперь появится.

— Хорошо, что Карлу наконец повезло, — заметила Мама.

— Могу поспорить, что он еще убьет самого крупного куду на свете, — сказал я.

— Я отправлю его с Дэном за черными антилопами, — сказал Старик. — Такой был уговор. Первый, кто убьет куду, едет добывать антилоп.

— Что ж, справедливо.

— Мы все туда двинемся, как только и вы добудете себе куду.

— Идет.

Часть третья
Неудачная охота
Глава первая

Казалось, с тех пор прошел год. И вот теперь мы едем в машине на солонец за двадцать восемь миль от лагеря после того, как я подстрелил цесарку. Солнце бьет нам в глаза, последние пять дней нам страшно не везло — и на солонце, где Карл добыл куду, и в холмах — высоких и низких, и на равнине, а в довершение всего нам сорвал охоту грузовик этого австрийца. А ведь до отъезда оставалось всего два дня! М'Кола тоже об этом помнил, теперь мы охотились вместе, позабыв о всякой субординации. Досаду вызывали только недостаток времени и незнание местности, из-за чего мы целиком зависели от наших чудаковатых проводников.

Наш шофер Камау был из племени кикуйю, этот спокойный человек в поношенном коричневом твидовом пиджаке, оставленном каким-то охотником, с огромными, уже протертыми заплатами на коленях брюк, в застиранной рубашке каким-то образом ухитрялся выглядеть чуть ли

не элегантным. Скромный, тихий Камау был отличным шофером; и сейчас, когда мы выехали из зарослей на открытую, пустынную равнину, я взглянул на него, как всегда восхитившись элегантностью облика, достигаемого с помощью старой куртки, застегнутой английской булавкой, его скромностью, приветливостью и мастерством, и вспомнил, что во время нашей первой поездки он едва не умер от лихорадки, и если б он умер тогда, я не испытал бы особых чувств — только разве страх остаться без шофера. А случись такое сейчас, я бы очень переживал. Отогнав мысли о далекой и маловероятной смерти Камау, я подумал, какое б было удовольствие всадить заряд дроби в зад Дэвида Гаррика, чтобы увидеть истинное выражение его лица, а не маску великого следопыта. И вот тут мы подняли еще одну стаю цесарок. М'Кола протянул мне ружье, но я покачал головой. Он энергично закивал, повторяя: «Хорошо. Очень хорошо», но я приказал Камау ехать дальше. Это вызвало взволнованную речь Гаррика. Разве нам не нужны цесарки? Вот же они. И какие замечательные! Но я видел по спидометру, что до солонца оставалось около трех миль, и мне не улыбалось спугнуть выстрелом антилоп, как случилось, когда мы сидели в укры-

тии на солонце и шум грузовика испугал куду.

Грузовик мы оставили среди чахлых деревьев в двух милях от солонца и пошли по песчаной дороге к первому солонцу, расположенному на поляне слева от тропы. Мы шагали гуськом, абсолютно молча, и так прошли около мили — впереди ученый Абдулла, затем я, потом М'Кола и Гаррик, пока не увидели впереди размытую дорогу. Там, где песок лежал тонким слоем поверх глины, были лужи — прошел сильный дождь, и такая же слякоть ждала нас впереди. Я не понимал, чем это грозит, но Гаррик театрально развел руками, посмотрел на небо и яростно оскалил зубы.

— Плохо дело, — прошептал М'Кола.

Гаррик заговорил во весь голос.

— Заткнись, дуралей! — осадил его я и приложил палец к губам. Он продолжал громко говорить, и я стал искать в словаре слово «заткнись», а он все указывал то на небо, то на размытую дождем дорогу. Подходящее слово я так и не нашел и тогда плотно зажал Гаррику рот ладонью, и тот от удивления замолчал. — М'Кола, — позвал я.

— Да?

— Что он там говорит?

— Говорит, на солонце плохо.

Вот оно что. А я-то думал, что дождь как раз

помощник следопыта.

— Когда шел дождь?

— Этой ночью.

Гаррик опять хотел было заговорить, но я снова зажал ему рот.

— М'Кола!

— Да?

— А другой солонец, — я показал в сторону лесного холма, где был расположен значительно выше другой солонец, — как он, хорош?

— Может быть.

М'Кола что-то тихо сказал Гаррику, который, видимо, был глубоко обижен, но рот, однако, не открывал, и мы пошли по дороге, обходя лужи, к глубокой впадине, наполовину заполненной водой. Гаррик порывался и здесь произнести речь, но М'Кола оборвал его.

— Вперед, — скомандовал я, и мы пошли вслед за М'Колой в сторону верхнего солонца по сырому, песчаному дну старого речного русла.

Вдруг М'Кола замер на месте, наклонился, вглядываясь в сырой песок, а потом шепнул мне: «Человек». След был четкий.

— Шенци, — сказал он, что означало «местный».

Мы пошли по следу, медленно пробираясь

между деревьями, и, дойдя до солонца, засели в укрытии. М'Кола покачал головой.

— Нехорошо, — сказал он. — Пойдем.

Мы вышли на солонец. Все здесь было предельно ясно. На мокром пригорке мы увидели следы трех больших самцов куду, спускавшихся к солонцу. Потом следы стали другими — глубоко впечатанные в землю, словно вырезанные ножом — это куду бросились бежать, когда зазвенела выпущенная стрела, на подъеме следы стали расплывчатые и растворились в чаще. Мы проследили следы всех трех, но следов человека не обнаружили. Лучник упустил добычу.

— Шенци, — повторил М'Кола со злобой.

Мы немного прошли по следу человека и увидели, что он вернулся на дорогу. Потом засели в укрытии и ждали до темноты, пока не стал накрапывать мелкий дождь. Никто из зверей не пришел. До грузовика мы добирались под дождем. Какой-то дикарь охотился на наших куду, спугнул их, и теперь они вряд ли придут к солонцу.

Камау из большой брезентовой подстилки соорудил палатку, укрепил мою москитную сетку и поставил раскладушку. М'Кола внес под навес продукты.

Гаррик и Абдулла развели костер и вместе с Камау и М'Колой занялись стряпней. Они решили спать в грузовике. Моросил дождь. Укрывшись в палатке, я разделся, надел теплую пижаму и сел на раскладушку с жареной грудкой цесарки, запивая еду двумя кружками виски с водой.

Вошел М'Кола, серьезный и внимательный, оказавшийся внутри палатки довольно неуклюжим, он взял мою одежду, которую я сложил, соорудив из нее подушку, развернул ее, сложил очень небрежно заново и сунул под одеяло. Он принес три банки с консервами и спросил, не открыть ли их.

— Не надо.

— Чаю?

— К черту чай!

— И чай не надо?

— Виски лучше.

— Да, — согласился он с чувством. — Лучше.

— Чай будем пить утром. На рассвете.

— Хорошо, бвана М'Кумба.

— Спи здесь. На улице дождь. — И я указал на брезент, за которым дождь шумел ласково, и люди, часто ночующие под открытым небом, редко такое слышат. Звук был приятный, хотя не сулил ничего хорошего.

— Хорошо.

— Ну, иди. И поешь.

— Хорошо. Чаю не надо?

— Я же сказал — к черту чай!

— А виски? — спросил он с надеждой.

— Виски кончился.

— Виски, — произнес он уверенно.

— Ладно, — сдался я. — Ступай поешь. — Налив в кружку виски пополам с водой, я забрался под москитную сетку, нащупал под одеялом свои вещи, снова положил их себе в изголовье и, лежа на боку, медленно, опираясь на локоть, выпил виски, потом поставил кружку на землю, нащупал под койкой «спрингфилд», положил рядом с собой фонарик и заснул под шум дождя. Я ненадолго проснулся, когда вошел М'Кола, разобрал себе постель и лег. Второй раз я проснулся уже ночью и услышал рядом его сонное дыхание. Но утром он встал раньше меня и приготовил чай.

— Чай, — сказал он, стягивая с меня одеяло.

— Проклятый чай, — проворчал я и сел в постели, еще до конца не проснувшись.

Утро было серое и сырое. Дождь прекратился, но над землей повис туман, солонец был весь затоплен, и вокруг никаких следов. Обойдя мокрый кустарник, мы вышли на равнину в надежде

увидеть след на влажной земле и идти по нему, пока не найдем куду. Но следов не было. Мы перешли через дорогу и двинулись вдоль кустарника, обходя болотистый участок. Я надеялся встретить носорога, но, хотя нам попадался свежий носорожий помет, следов после дождя не осталось. Раз мы услышали крики клещеедов и, подняв головы, увидели, как они в своем рваном полете толчками пролетели над нами к северу вдоль кустарников. Мы описали большой круг, но ничего не нашли, кроме свежих следов гиены и самки куду. М'Кола указал мне на череп куду с великолепным, большим, витым рогом, вонзившимся в ствол дерева. В траве мы нашли второй рог, и я воткнул его в череп животного.

— Шенци, — сказал М'Кола и изобразил человека, натягивающего лук. Череп был совершенно чистый, но в полых рогах скопилось какое-то вещество, которое отвратительно пахло; я с самым невинным видом, словно не чувствую вони, протянул рог Гаррику, который быстро, ничем не проявив себя, сунул его Абдулле. Абдулла сморщил плоский нос и потряс головой. От рогов действительно омерзительно пахло. Мы с М'Колой рассмеялись, а Гаррик продолжал хранить невозмутимое выражение.

Мне пришла в голову мысль проехать вдоль дороги на машине, выглядывая куду, а особенно подозрительные места обследовать. Мы так и сделали, вернулись в машину и по дороге осмотрели без всякого результата несколько полян. Тем временем взошло солнце, и дорогу наводнили путники — одни в белой одежде, другие почти голые, и мы решили вернуться в лагерь. На пути мы сделали остановку и проверили еще один солонец. Там мы увидели антилопу импалу, бока которой горели красным там, где солнечные лучи падали на нее, пробиваясь сквозь деревья. Вокруг было много следов куду. Мы их заровняли и двинулись дальше, но тут над нами нависла туча саранчи, летевшей на запад, отчего небо мерцало розоватым светом — все это напоминало старые фильмы, только там цвет серый. Навстречу нам вышли моя жена и Старик, их лица выражали разочарование. У них дождя не было, и они были уверены, что мы вернемся не с пустыми руками.

— Как мой литературный друг — отбыл?

— Да, отправился в Хандени, — сказал Старик.

— Он много поведал мне об американских женщинах, — сказала Мама. — Бедный Папа, я была уверена, что сегодня все получится. Проклятый дождь!

— И что же он рассказал про американских женщин?

— Что они ужасны.

— А он не глуп, — сказал Старик. — Теперь расскажите, как все было.

Мы уселись под обеденным тентом, и я им все рассказал.

— Это проделки вандеробо, — не сомневался Старик. — Они отвратительные стрелки. Что ж, не повезло.

— А я подумал, что это один из тех бродячих туземцев, которых встречаешь с луком у дороги. Увидел поблизости солончак, а потом добрался и до второго.

— Маловероятно. Они носят с собой лук и стрелы для самозащиты. Они не охотятся.

— Кто бы он ни был, но навредил здорово.

— Да, не повезло. И еще дождь. Я поставил часовых на обоих холмах, но они ничего не видели.

— Не будем ныть до завтрашнего вечера. Когда нам уезжать?

— Послезавтра.

— Вот чертов дикарь!

— Карл, наверно, уже перестрелял всех черных антилоп.

— Мы не успеем заехать в прежний лагерь за

рогами. Ты ничего не слышал?

— Нет.

— Я дала обет полгода не курить, если ты убьешь куду, — сказала Мама. — И уже бросила.

Мы поели, а потом я залез в палатку, прилег и стал читать. Я знал, что утром нам может повезти на солонце, и старался не волноваться. Но на самом деле я волновался и делал все, чтобы не заснуть, потому что после сна человек становится вялым и туповатым, поэтому я вышел из палатки, сел под тент в брезентовое кресло и стал читать биографию Карла Второго, поминутно отрываясь, чтобы посмотреть на саранчу. Наблюдать за ней было интересно, и я никак не мог привыкнуть к этому зрелищу.

В результате я все же заснул в кресле, поставив ноги на ящик из-под консервов, а когда проснулся, то первым делом увидел Гаррика в большой мягкой шляпе из черных и белых страусовых перьев.

— Пошел прочь, — сказал я по-английски.

Он продолжал стоять, глупо улыбаясь, потом повернулся, чтобы я мог посмотреть на него в профиль.

В это время из палатки вышел Старик с трубкой в зубах.

— Взгляните-ка на это чудо, — крикнул я ему.

Он взглянул, сказал: «О боже! — и снова скрылся в палатке.

— Идите сюда! — позвал я. — Не будем обращать на него внимания.

Старик снова вышел с книгой, и мы сидели и разговаривали, не глядя в сторону Гаррика, а он вертелся перед нами, желая привлечь внимание к шляпе.

— По-моему, этот мерзавец еще и пьян, — сказал я.

— Возможно.

— От него несет спиртным.

Старик тихим голосом сказал Гаррику несколько слов, не глядя в его сторону.

— Что вы ему сказали?

— Велел нормально одеться и быть готовым к работе.

Гаррик отошел, покачивая перьями.

— Не время для этих перьев, — сказал Старик.

— Некоторым такой головной убор нравится.

— В том-то и дело. Фотографируют их в таком виде.

— Безобразие!

— Не то слово, — подтвердил Старик.

— В последний день, если опять ничего не до-

будем, всажу-ка я Гаррику пулю в зад. Что мне за это будет?

— Могут быть большие неприятности. Тогда придется и во второго стрелять.

— Нет, только в Гаррика.

— Тогда лучше оставить эту затею. Отдуваться все равно придется мне.

— Это всего лишь шутка, Старик.

Появился Гаррик, уже без шляпы, и Абдулла, и Старик переговорил с ними.

— Они предлагают охотиться у холма на новом месте.

— Прекрасно. Когда?

— Когда угодно. Похоже, будет дождь. Надо поторапливаться.

Я послал Моло за ботинками и плащом, М'Кола принес «спрингфилд», и мы зашагали к машине. Небо было почти все время затянуто облаками, солнце ненадолго выглянуло только утром и в полдень. Надвигались дожди. Вот и сейчас заморосило, и саранча притихла.

— Я от сна осовел, — сказал я Старику. — Надо выпить.

Мы стояли под большим деревом возле кухонного костра, и мелкий дождик стучал по листьям. М'Кола принес флягу с виски и торжественно

вручил ее мне.

— Хотите? — предложил я Старику.

— Думаю, вреда от этого не будет.

Мы выпили, и Старик сказал: «Черт с ними!»

— Черт с ними, — повторил я.

— Вы еще можете наткнуться на следы.

— Приложим все силы.

Сев в машину, мы свернули вправо на дорогу, миновали глиняные хижины туземцев, а потом свернули налево, выехав на твердую, красноватую, глинистую тропу, огибавшую холмы и с обеих сторон зажатую деревьями. Дождь усилился, и мы ехали медленно. Видимо, глина была изрядно смешана с песком, и наша машина не буксовала. Неожиданно сидевший на заднем сиденье Абдулла взволнованным голосом попросил Камау остановиться. Нас немного занесло при резком торможении, мы вылезли из машины и прошли немного назад. На сырой глине отчетливо проступали свежие следы куду. Антилопа прошла здесь не больше пяти минут назад: края отпечатков были не размыты, а взрыхленная копытами земля еще не расплылась под дождем.

— Думи, — сказал Гаррик, откинул назад голову и широко развел руки, чтобы показать, какие огромные, уходящие за загривок рога у этого

зверя. «Кубва Сана!» Абдулла подтвердил, что это самец, и преогромный.

— Пошли, — скомандовал я.

Идти по следу было легко, и мы знали, что зверь близко. Когда идет дождь или снег, подойти к животным проще, и я был уверен, что сегодня удастся поохотиться. След вел через густой кустарник, потом вывел нас на поляну. Я остановился, чтобы протереть очки и продуть прицел «спрингфилда». Дождь уже переходил в ливень, и я надвинул шляпу на глаза, чтобы предохранить очки. Мы обошли поляну, и тут впереди раздался треск, и я увидел серое с белыми полосами животное, проламывающее путь через кустарник. Я вскинул было ружье, но М'Кола схватил меня за руку. «Манамуки!» — шепнул он. Это была самка куду. Мы осмотрели место, где она только что прошла, но других следов не нашли. Все это время мы шли, вне всяких сомнений, по следу самки.

— Ну и где твой «думи кубва сана»? — с издевкой и отвращением спросил я Гаррика, изобразив гигантские рога, уходящие к загривку.

— Манамуки кубва сана, — произнес он с печальным сожалением. — Какая огромная самка!

— Эх ты, клоун в страусовых перьях! — сказал я по-английски. — Манамуки! Манамуки! Ма-

намуки!

— Манамуки, — подтвердил М'Кола, качая головой.

Я вытащил словарь, тщетно пытался подобрать слова и наконец жестами объяснил М'Коле, что надо вернуться кружным путем к дороге и посмотреть, нет ли других следов. Совершив круг под дождем, мы вымокли до нитки, но ничего не нашли и вернулись к машине. Так как дождь стал стихать, а дороги по-прежнему оставались проходимыми, было решено ехать дальше до наступления темноты. После дождя склоны холмов затянуло дымкой, с листьев капала вода, мы всматривались в даль, но ни на открытых полянах, ни в редких зарослях кустарника, ни на зеленых склонах — нигде зверей не было. Наконец стемнело, и мы вернулись в лагерь. Когда мы вышли из машины, мой «спрингфилд» был очень мокрый, и я попросил М'Колу хорошенько его вычистить и смазать. Он обещал все сделать, а я вошел в палатку, где горел фонарь, снял одежду, вымылся в брезентовой ванне и вышел к костру, удовлетворенный и отдохнувший, в халате, наброшенном на пижаму, и в сапогах от москитов.

Мама и Старик сидели в креслах у огня. Мама встала, чтобы налить мне виски с содовой.

— М’Кола мне все уже рассказал, — произнес, не вставая, Старик.

— Просто огромная самка, — сказал я. — Чуть не выстрелил в нее. Куда нам направиться утром, как думаете?

— Наверно, на солонец. Наши ребята облазили оба холма. Помните деда из деревни? Он помешался на куду и ищет их где-то за холмами. Он и с ним еще один, вандеробо. Они ушли три дня назад.

— А почему бы нам не пойти на солонец, где повезло Карлу? День на день не приходится.

— Верно.

— Конечно, у нас остался последний день, и солонец может быть затоплен. В этом случае соли там нет — одна грязь.

— Это правда.

— Но мне так хочется увидеть куду.

— Если встретите куду, не спешите, пусть подойдет поближе. Не спешите и стреляйте наверняка.

— Это как раз меня не беспокоит.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — сказала Мама. — От этого разговора меня трясет.

— Жаль, что уехал мистер Кожаные Штаны, — сказал Старик. — Вот у кого язык без костей. Он и

вашего муженька разговорил. Хотим снова услышать болтовню про современных писателей.

— Идите к черту!

— Почему у нас нет никакой интеллектуальной жизни? — спросила Мама. — Почему вы, мужчины, не спорите о мировых проблемах? Почему мне ничего не известно о том, что творится в мире?

— В мире черт знает что творится, — заявил Старик.

— Просто кошмар.

— А что происходит в Америке?

— Если б я знал! Какой-нибудь съезд «молодых христиан». Идеалистически настроенные бездельники тратят деньги, а кому-то придется за это платить. В нашем городе все забросили работу и живут на пособие. Рыбаки пошли в плотники. Похоже на Библию, только наоборот.

— А как обстоят дела в Турции?

— Хуже не бывает. Отказались носить фески. Повесили много людей. Исмет[35] пока держится.

— А во Франции вы были в последнее время?

— Мне там не понравилось. Уныло, как в преисподней. Недавно там произошла гнусная

---

[35] Примечания: 35

Мустафа Исмет (1884–1973) — второй президент Турции (1938–1950).

история.

— Да, — сказал Старик, — должно быть, произошла, если верить газетам.

— Уж если они затевают бунт, то так оно и будет. Это у них такая традиция.

— Вы были в Испании во время революции?

— Нет, я опоздал. Потом мы ждали еще двух, но они так и не случились. А потом одну прозевали.

— А на Кубе революцию видели?

— С самого начала.

— Ну и как?

— Замечательно. А потом гадко. Вы даже не можете представить, до чего гадко.

— Перестаньте, — сказала Мама. — Все это я и сама знаю. Когда в Гаване стреляли, я пряталась за мраморным столиком. Вооруженные люди ездили на автомобилях и убивали всех подряд. Я прихватила с собой спиртное и гордилась тем, что не расплескала ни капли. Дети сказали: «Мама, можно нам выйти посмотреть, как стреляют?» Революция настолько вскружила им голову, что нам пришлось перестать говорить на эту тему. Бэмби, тот просто жаждал крови мистера М., по ночам его мучили кошмары.

— Невероятно, — сказал Старик.

— Не смейтесь надо мной. Я просто не хочу

ничего слышать о революциях. Революции — вот все, что мы постоянно видим и о чем слышим. Меня тошнит от всего этого.

— А вашему муженьку они, похоже, нравятся.

— Они мне тоже осточертели.

— А я вот ни одной не видел, — сказал Старик.

— Это великолепно. Действительно великолепно. Но только какое-то время. А потом — хуже не бывает.

— Да, зрелище завораживающее, — согласилась Мама. — Надо признать. Но мне они надоели. Теперь мне до них дела нет.

— Я какое-то время пытался в них вникнуть.

— И к чему пришли? — спросил Старик.

— Все революции разные, но кое-что их объединяет. Я хочу попытаться написать об этом.

— Может быть чертовски интересно.

— Если материала хватит. Нужно нарыть массу фактов. Трудно написать правду о том, чему не был свидетелем: ведь победители всегда лгут, а тем, кто потерпел поражение, затыкают рот. Можно доискаться до сути только в тех странах, язык которых знаешь. Это сужает круг исследования. Именно поэтому я никогда не поеду в Россию. Если не вникаешь в разговоры, толку не будет. Получишь только официальные версии

да осмотришь достопримечательности. А тот, кто знает иностранный язык, наврет тебе с три короба. Только от самих людей узнаешь все самое важное, а если ты не можешь с ними говорить и подслушать тоже не можешь, всей твоей информации грош цена.

— Тогда вам стоит получше заняться суахили.

— Я стараюсь.

— Но даже тогда вам не удастся подслушать: ведь они все говорят на разных наречиях.

— Если я когда-нибудь возьмусь писать об Африке, это будет скорей всего пейзажная зарисовка — то, что я узнал. Вообще первое впечатление от страны очень важно. Возможно, в первую очередь оно важно для тебя. Но все равно надо постараться о нем написать, проговорить это вслух. Неважно, используешь этот материал где-нибудь или нет.

— Большинство книг о сафари невыносимо скучно читать.

— До зевоты.

— Мне понравилась только книга Стритера. Как он ее назвал? «Другая Африка»? Он заставляет почувствовать, что к чему. Лучшей книги я не читал.

— А мне нравится книга Чарли Кертиса. Она

написана честно и дает живое представление о стране.

— А у Стритера есть забавные места. Помните, как он подстрелил конгони?

— Да, очень смешно.

— И все-таки я никогда не читал ничего такого, что заставило бы меня почувствовать то же самое, что чувствовал автор. Все описывают вольную жизнь в Найроби или рассказывают байки, как они убили зверя с рогами на полдюйма длиннее, чем кто-то еще. Или смакуют опасные ситуации.

— Я постараюсь написать о стране и животных и как все это видится новому человеку со стороны.

— Попробуйте. Вреда от этого не будет. А вы знаете, я тоже вел дневник во время поездки на Аляску.

— Хотелось бы мне его прочитать, — сказала Мама. — А я и не знала, что вы писатель, мистер Дж. Ф.

— На это не претендую, — сказал Старик. — Но если вам интересно, могу послать за ним. Там я описываю каждый день, а также какой Аляска представляется англичанину из Африки. Вам будет скучно.

— Не будет, если написали вы.

— Ваша женушка делает нам комплименты, — сказал Старик.

— Не мне. Вам.

— То, что писал мой муж, я читала, — сказала Мама. — Мне интересно прочесть, что пишет мистер Дж. Ф.

— А что, он и правда писатель? — спросил ее Старик. — Что-то не верится. Вы уверены, что он не зарабатывает на жизнь отслеживанием зверей и охотой?

— Нет. Он пишет. Когда дела идут хорошо, с ним очень легко. Но пока не распишется, от него лучше держаться подальше. Перед началом работы он должен разозлиться. Если заходит разговор о конце писательской деятельности, я знаю, что дело пойдет.

— Пусть тогда поговорит с нами о литературе, — сказал Старик. — Кожаные Штаны ведь сумел его разговорить. Расскажите нам какие-нибудь литературные анекдоты.

— Ладно, слушайте. Это было в наш последний вечер в Париже. За день до этого я охотился у Бена Галлахера в Солони, он соорудил *fermee* — такой загончик, и, когда кролики выходили утром кормиться, мы на них охотились, а днем выезжали охотиться на фазанов, и еще я подстрелил

косулю.

— А при чем тут литература?

— Всему свое время. В последний вечер к нам пришли на обед Джойс с женой, к обеду подали фазана и седло косули, и мы с Джойсом крепко выпили, потому что назавтра мы уезжали в Африку. Ну и вечерок был!

— И это называется литературный анекдот, — сказал Старик. — И кто такой Джойс?

— Замечательный малый, — отозвался я. — Написал «Улисса».

— «Улисса» написал Гомер, — возразил Старик.

— А кто написал Эсхила?

— Тоже Гомер, — сказал Старик. — Не пытайтесь меня поймать. Ну а еще какой-нибудь литературный анекдот рассказать можете?

— Что-нибудь знаете о Паунде?

— Нет, — сказал Старик. — Абсолютно ничего.

— Могу рассказать смешные анекдоты о Паунде.

— Что-нибудь о том, как вы ели какого-нибудь зверя с диковинным названием, а потом вдрызг напились?

— Такое случалось не раз.

— Вижу, у писателей веселая жизнь. Как считаете, у меня могло бы получиться?

— Вполне.

— Забросим охоту и будем оба писателями, — сказал Старик моей жене. — Ну, рассказывайте дальше.

— А кто такой Джордж Мур[36], знаете?

— Это про него написали: «Скоро в путь! За Джорджа Мура я прощальный кубок пью?»

— Про него самого.

— И что с ним?

— Он умер.

— Мрачновато для анекдота. Нельзя ли что-нибудь повеселее?

— Как-то я встретил его в книжном магазине.

— Это уже лучше. Выходит, ваш муж все-таки умеет рассказывать?

— Я однажды навестила его в Дублине, — сказала Мама. — С Кларой Данн.

— И как прошла встреча?

— Его не было дома.

— Ах, черт! Да, литературную жизнь ни с чем не сравнить. Это что-то!

— Терпеть не могу Клару Данн, — сказал я.

— И я тоже, — поддержал меня Старик. — А что она писала?

---

[36] Примечания: 36

Джордж Мур (1852–1933) — ирландский поэт, прозаик, драматург и критик.

— Письма, — сказал я. — Знаете такого писателя Дос-Пассоса?

— Никогда о таком не слышал.

— Мы с ним зимой всегда пили горячий кирш.

— И что из того?

— А потом на нас все ополчились.

— Я был знаком только с одним писателем — Стюартом Эдвардом Уайтом, — сказал Старик. — Всегда восхищался его книгами. Замечательные книжки! А потом познакомился с ним самим. Но он мне не понравился.

— Вы делаете успехи, — сказал я. — Литературные анекдоты — дело простое.

— А почему он вам не понравился? — спросила Мама.

— К чему рассказывать? Разве анекдот не получился? Ваш муж рассказывает именно так.

— И все-таки расскажите.

— Старался изображать из себя знатока. Его глаза якобы привыкли к бесконечным просторам и тому подобное. Хвастался, что убил много львов. Кто этому поверит? Может, просто гонялся за ними. Невозможно стольких убить. Скорее, они тебя задерут. Пишет отличные статьи в «Сатердей ивнинг пост» про этого — как его? — Энди Бернетта. Здорово пишет. А сам мне совсем не

понравился. Видел его в Найроби, там его глаза, видимо, привыкали к необозримым просторам. В городе одевался как нельзя хуже. Но как стрелка его хвалили.

— Вы и сами будто из литературной компании, — сказал я. — Анекдот — первый сорт.

— Мистер Дж. Ф. — просто чудо, — восхитилась Мама. — А есть мы когда-нибудь будем?

— Я думал, мы уже поели, — сказал Старик. — Ох уж эти анекдоты. Конца им нет.

После ужина мы посидели немного у костра и пошли спать. Но одна мысль, видимо, не давала покоя Старику, и он остановил меня у входа в палатку: «Вы так долго этого ждали, поэтому завтра не торопитесь стрелять. У вас хорошая реакция, и спешить вам не надо. Помните — не надо торопиться».

— Хорошо.

— Я велю вас рано разбудить.

— Хорошо. У меня глаза уже слипаются.

— Спокойной ночи, мистер Дж. Ф., — послышался из палатки голос жены.

— Спокойной ночи, — отозвался Старик. Он направился к своей палатке, держась до смешного прямо, словно был откупоренной бутылкой, которая боялась расплескаться.

Глава вторая

Моло разбудил меня, стянув одеяло. Но по-настоящему я проснулся, только когда оделся и смыл сон с глаз. Было еще совсем темно, но я увидел у костра темный силуэт Старика. Я направился к нему с чашкой горячего чая с молоком, дожидаясь, пока чай немного остынет.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе утро, — ответил он хриплым тихим голосом.

— Как спали?

— Хорошо. Как самочувствие?

— Все в порядке. Только спать немного хочется.

Я выпил чай и выплюнул листья в огонь.

— Могли бы погадать на них.

— Нет необходимости.

Мы позавтракали при свете фонаря холодными, скользкими абрикосами, подогретым рагу с острым томатным соусом, яичницей из двух яиц и горячим, крепким кофе. После третьей чашки Старик с трубкой в зубах, задумчиво глядя перед собой, сказал: «Слишком рано для меня так начинать день».

— А вы уже выпили?

— Немного.

— У меня есть некоторый опыт, — сказал я. — И я не волнуюсь.

— Чертовы анекдоты, — сказал Старик. — Мемсаиб, должно быть, считает нас недоумками.

— Я припомню что-нибудь получше.

— Нет ничего лучше выпивки. Не понимаю, почему от нее становится плохо.

— Вам плохо?

— Не слишком.

— Может, принять немного «Иноза»?[37]

— Все из-за этой тряски в машинах.

— Сегодня решающий день.

— Помните: не надо спешить.

— Надеюсь, вы за меня не беспокоитесь?

— Немного.

— Не стоит. Я совершенно спокоен. Честное слово.

— Вот и хорошо. Поезжайте.

— Только загляну кое-куда.

Стоя у нашей брезентовой походной уборной, я смотрел, как делал каждое утро, на неясные очертания звезд, которые романтические астро-

---

[37] Примечания: 37

Средство против расстройства желудка.

номы назвали Южным Крестом. Каждое утро в это время я созерцал Южный Крест, что стало для меня уже ритуалом.

Старик стоял возле машины. М'Кола вручил мне «спрингфилд», и я влез на переднее сиденье. Комедиант и его следопыт сидели сзади. М'Кола пристроился рядом с ними.

— Удачи! — напутствовал нас Старик.

Кто-то шел к нам от палатки. Это была Мама в голубом халате и сапогах от москитов.

— О да! Удачи! — воскликнула она. — Непременно удачи!

Я помахал рукой, и мы отъехали. Зажженные фары освещали дорогу. Мы оставили машину в трех милях от солонца, и, когда осторожно туда подошли, там никого не оказалось. За все утро так никто и не появился. Скорчившись, мы сидели в укрытии, каждый сквозь ветви обозревал свой участок, а я постоянно ждал чуда: вот-вот из леса, сквозь кустарник выйдет прекрасный и величественный самец куду и подойдет к изрытому и истоптанному множеством копыт солонцу. К солонцу вело из леса много троп, и самец мог бесшумно прийти отовсюду. Но он не показывался. Когда вышло солнце и мы согрелись после холодного и туманного утра, я сполз

пониже и, привалившись к плотному пласту, дал отдых пояснице и плечам и одновременно мог продолжать глядеть сквозь отверстие. Положив «спрингфилд» на колени, я заметил ржавчину на стволе. Медленно я поднял ружье повыше и осмотрел дуло. Оно было в свежей ржавчине.

«Негодяй не почистил ружье после вчерашнего дождя», — мелькнуло у меня в голове. Рассердившись, я вытащил затвор; М'Кола следил за мной, пристыженный. Двое других продолжали смотреть в щели. Я поднял ружье, чтобы он заглянул в дуло, потом снова вставил затвор и осторожно протолкнул его вперед, держа палец на спуске.

М'Кола видел ржавый ствол. Выражение его лица не изменилось, я тоже ничего не сказал, хотя испытывал к нему презрение, так что обвинение, предъявление вещественных доказательств и приговор не потребовали ни единого слова. Так мы и сидели: он с низко опущенной головой, так что видна была только его лысина, а я, откинувшись назад и глядя сквозь просвет, но мы уже не были товарищами и добрыми друзьями. И на солонец никто не выходил. В десять часов зародившийся на востоке ветер поменял направление, и стало ясно, что больше ждать бесполезно. Наш запах распространился по солонцу

и, без сомнения, распугал животных не меньше, чем прожектор распугал бы их в темноте. Мы вышли из укрытия и пошли на солонец посмотреть следы. Дождь намочил их, но не размыл, и мы увидели несколько следов куду, оставленных, видимо, вечером, и один след крупного самца — длинный, узкий, сердцевидный, четко впечатанный.

Мы шли по этому следу на сырой красноватой земле часа два через густой кустарник, напомнивший мне подлесок в родных местах. В конце концов кустарник превратился в непроходимую чащу, и преследование пришлось прекратить. Я продолжал злиться на М'Колу за невычищенное ружье и в то же время в счастливом нетерпении предвкушал, что вот-вот мы настигнем куду в зарослях. Однако мы никого не встретили и, обогнув трижды при усиливавшейся жаре холмы, вышли наконец на луг, где пасся низкорослый масайский скот, и тогда, оставив мысли о тени, мы под палящим солнцем быстро зашагали к машине.

Выяснилось, что сидевший в машине Камау видел самца куду где-то в ста метрах от себя. Около девяти часов тот направлялся к солонцу, но, когда изменившийся ветер донес до него наш запах,

он повернул обратно в холмы. Усталый, мокрый от пота и скорее подавленный, чем злой, я сел в машину рядом с Камау, и мы поехали к лагерю. Оставался только один вечер, и не было никакой надежды, что нам повезет. Когда мы подъехали к лагерю и оказались в живительной прохладе деревьев, я вытащил из «спрингфилда» затвор и передал ружье без затвора М'Кола, не говоря ни слова и даже не глядя на него. Затвор я швырнул на свою койку, даже не входя в палатку.

Старик и Мама сидели под тентом.

— Не повезло? — мягко спросил Старик.

— Не то слово. Просто во всем не везет. Куду прошел мимо машины в сторону солонца. Должно быть, его спугнули. Где мы только не ходили!

— Неужели совсем ничего не видели? — спросила жена. — А нам послышался звук выстрела.

— Гаррик рта не закрывал. Трещал всю дорогу. А ваши дозорные что-нибудь заметили?

— Ничего. Хотя обошли оба холма.

— От Карла есть новости?

— Будто сквозь землю провалился.

— Хоть бы что-нибудь попалось, — вырвалось у меня. Я страшно устал, и во мне росло чувство горечи. — Пропади все пропадом. Какого черта он в первое же утро угробил охоту на солонце,

подстрелив дрянного куду, а потом гонялся за ним, распугивая всю дичь к чертовой матери?

— Вот свиньи, — сказала жена, поддерживая меня, как всегда, даже в минуты безрассудства. — Сукины дети.

— Спасибо тебе, — отозвался я. — Со мной все в порядке. Или будет в порядке.

— Просто обидно за тебя, — сказала она. — Бедный Папа.

— Выпейте чего-нибудь, — предложил Старик. — Это вам сейчас необходимо.

— Я охотился от души, Старик. Клянусь Богом! Получал от охоты удовольствие и не волновался до сегодняшнего дня. Я был так уверен в себе. Повсюду следы! А что, если мне так и не попадется куду? Откуда мне знать — может, мы никогда сюда не вернемся?

— Вернетесь, — сказал Старик. — Об этом не думай. Выпейте лучше.

— Я всего лишь ворчун и нытик, но, клянусь, такого не было до сегодняшнего дня.

— От этого надо побыстрее избавляться, — сказал Старик.

— Как насчет обеда? — спросила Мама. — Ты, наверно, страшно голоден.

— К черту еду! Дело в том, Старик, что мы ни-

когда не видели антилоп на солонце вечером и не видели самца в горах. Остался один вечер. Похоже, всему конец. Три раза я уже настигал их, но мне помешали Карл, австриец и вандеробо.

— Ну, день еще не закончился, — сказал Старик. — Пейте.

Мы очень хорошо пообедали, а потом пришел Кейти и сказал, что Старика хотят видеть. Две тени сначала появились на стене палатки, а потом переместились к входу. Один из них был встретившийся нам в первый день старый фермер, но теперь он выглядел как охотник с длинным луком и колчаном со стрелами.

Он казался еще старше и более изможденным, а охотничий вид его не внушал доверия — так он хотел произвести на нас впечатление. С ним был тощий и грязный вандеробо с разрезанными и закрученными кверху мочками ушей, он стоял на одной ноге, а пальцами другой чесал колено. Голову он склонил на одну сторону, его вытянутое лицо имело глупое и неприятное выражение. Фермер что-то серьезно говорил Старику, глядя тому в глаза, без всякой мимики.

— Чего это он так вырядился? Хочет слупить с нас денег? — спросил я.

— Имейте терпение, — сказал Старик.

— Только взгляните на эту парочку, — не успокаивался я. — Тупой вандеробо и старый плут. Что он вам плетет, Старик?

— Он еще не кончил, — сказал Старик.

Наконец туземец закончил и стоял, опираясь на свой лук. Лица у обоих были очень усталые, но, помнится, тогда я видел в них только хитрых обманщиков.

— Он говорит, — начал Старик, — что они нашли место, где водятся куду и черные антилопы. Он провел там три дня. Им известно, где прячется крупный самец куду, и они оставил человека следить за ним.

— Вы ему верите? — Я почувствовал, что мгновенно трезвею, усталость как рукой снимает, а волнение, напротив, захлестывает.

— Кто знает! — сказал Старик.

— А как далеко это место?

— Один день пути. На машине, думаю, можно добраться за три-четыре часа, если она там пройдет.

— А как он считает — пройдет машина?

— Туда никто не ездил, но думает — пройдет.

— Когда он оставил сторожа при куду?

— Сегодня утром.

— А черные антилопы где?

— Там, в холмах.

— Как туда попасть?

— Не скажу вам. Знаю, что надо пересечь равнину, обогнуть вон ту гору и дальше держаться к югу. По их словам, там никогда не охотились. Этот дед охотился там в молодости.

— Вы ему верите?

— Туземцы любят приврать, но этот говорит убедительно.

— Я еду.

— Тогда не теряйте времени. Как можно дальше добирайтесь на машине, а там пользуйтесь ею как базой, а сами начинайте охоту. Мемсаиб и я завтра утром снимем лагерь и вместе с проводниками и снаряжением поедем к Дэну и мистеру Т. Как только снаряжение окажется по ту сторону черных земель, дождь нам не страшен. Вы присоединитесь к нам позже. Если вам придется задержаться, мы пошлем за вами автомобиль через Кондоа, в крайнем случае — грузовики в Танга и дальше.

— Вы не хотите к нам присоединиться?

— Нет. Лучше ехать одному. Чем больше людей, тем меньше дичи. На куду надо выходить одному. Я перевезу снаряжение и присмотрю за маленькой Мемсаиб.

— Ладно, — согласился я. — А Гаррика или Абдуллу не брать?

— Ни в коем случае. Возьмите М'Колу, Камау и этих двоих. Я велю Мало упаковать ваши вещи. Идите налегке.

— Черт возьми, Старик. Неужели это может быть правдой?

— Вполне, — ответил Старик. — Надо рискнуть.

— Как, говорите, на их языке черная антилопа?

— Тарагалла.

— Похоже на «Валгаллу» — запомню. А у самок есть рога?

— Конечно, но ошибиться нельзя: самцы черные, а самки коричневые.

— М'Кола их видел?

— Не думаю. У вас лицензия на четырех. Если увидите что-то подходящее, не теряйтесь.

— А убить их легко?

— Они живучи, в отличие от куду. Если раните такую антилопу, осторожно к ней подходите.

— Сколько у меня времени в запасе?

— Нам пора отсюда уезжать. Если получится, возвращайтесь завтра к вечеру. Действуйте по ситуации. Мне кажется, настал решительный момент. Вы убьете куду.

— Знаете, что мне это напоминает? — сказал я. — Еще мальчишками мы услышали о реке, в которой никогда не ловили рыбу, она текла в черничных зарослях между Стерджеоном и Пиджеоном.

— И что случилось?

— Вот послушайте. Трудно передать, чего нам стоило туда добраться, пришли мы к вечеру и увидели глубокий омут и текущую дальше ровной полосой реку. Вода была такая холодная, что руки сразу леденели, а когда я бросил в нее окурок, выскочила большая форель, а за ней другие, они хватали и выплевывали его, пока он не распался.

— Форель была крупная?

— Невероятно. Другой такой я больше не видел.

— Боже! И что было дальше? — спросил Старик.

— Я закинул удочку, было уже темно, над нами летала сова, холод был зверский, и я поймал трех рыб одну за другой, они клевали, как только наживка касалась воды.

— И вы их вытащили?

— Всех трех.

— А не заливаете?

— Клянусь Богом!

— Да верю я. Расскажете остальное, когда вернетесь. Так форели были крупные?

— Как я сказал, крупнее не бывает.

— Вот ведь как! — сказал Старик. — И куда вы убьете. Поторапливайтесь!

В палатке я рассказал жене последние новости.

— Не может быть!

— Говорю — как есть.

— Тогда живей! — заторопилась она. — Не болтай! Собирайся.

Я взял плащ, запасные ботинки, носки, халат, пузырек с хинином, средство от москитов, записную книжку, карандаш, обоймы с патронами, фотоаппарат, набор для оказания первой помощи, нож, спички, запасную рубашку и нижнее белье, книгу, две свечи, деньги, флягу…

— Что еще?

— Мыло взял? Возьми расческу и полотенце. Носовые платки положил?

— Да.

Моло сложил все в рюкзак, я тем временем разыскал свой полевой бинокль, М'Кола взял большой полевой бинокль Старика, а Кейти принес ящик с провизией.

— Возьмите больше пива, — сказал Старик. — Можете оставить его в машине. Виски мало, но для вас бутылка осталась.

— А как же вы?

— Не беспокойтесь. В другом лагере виски есть. Мы послали туда две бутылки с мистером К.

— Мне хватит одной фляжки, — сказал я. — Давайте разольем бутылку.

— Тогда возьмите больше пива. У нас большой запас.

— А это еще что такое? — спросил я, указывая на Гаррика, который залезал в машину.

— Он говорит, что вы с М'Колой не сможете объясниться с местными. Вам нужен переводчик.

— Этот комедиант меня достал.

— Но вам так или иначе потребуется человек, чтобы переводить на суахили с местных наречий.

— Ладно. Только скажите ему, чтобы не разыгрывал представлений и держал язык на замке.

— Мы проводим вас до вершины холма, — сказал Старик. Вандеробо вскочил на подножку, и машина тронулась. — За дедом заедем в деревню.

Все из лагеря вышли нас проводить.

— Соли у нас достаточно?

— Да.

Мы стояли у машины на дороге, дожидаясь, пока Гаррик выведет деда из хижины. День был в разгаре, но небо затянули тучи, а я смотрел на жену, такую очаровательную, спокойную и изящную в защитном костюме и сапожках и надетой набекрень широкополой шляпе, а потом переводил взгляд на Старика, высокого, грузного, в выцветшей вельветовой безрукавке, ставшей почти белой от стирки и солнца.

— До свидания! Будь хорошей девочкой!

— Не беспокойся за меня. Жаль, что я не могу поехать с тобой.

— Здесь работа для одного, — сказал Старик. — Нужно сделать это грязное дело быстро и поскорее убраться. У них и так большой груз.

Вышел дед и сел на заднее сиденье с М'Колой, на проводнике была моя старая безрукавка защитного цвета, в которой я охотился на перепелов.

— М'Кола надел вашу куртку, — сказал Старик.

— Ему нравится таскать в охотничьей куртке разные вещи, — ответил я.

М'Кола понял, что мы говорим о нем. Я совсем забыл про нечищеное ружье, но теперь вспомнил и попросил Старика: «Спросите, откуда у него новая куртка?» М'Кола заулыбался и что-то

ответил.

— Говорит, что она его собственная.

Я тоже улыбнулся, и он потряс своей лысой головой, и нам обоим стало ясно, что история с ружьем забыта.

— Где этот болван Гаррик? — спросил я.

Наконец пришел и он со своим одеялом и тоже сел сзади рядом с М'Колой и дедом. Вандеробо уселся впереди, между мной и Камау.

— У тебя очень симпатичный сосед, — сказала Мама. — Смотри, тоже будь молодцом.

Я поцеловал ее на прощание, и мы шепотом обменялись несколькими словами.

— Ну вот, пошли нежности, — сказал Старик. — Хоть глаза закрывай.

— До свидания, старый ворчун.

— До свидания, чертов тореадор.

— До свидания, милая.

— До свидания и удачной охоты.

— У нас много бензина — мы оставим кое-что вам, — крикнул вслед Старик.

Я помахал рукой, и мы, миновав деревню, спустились вниз по холму и поехали узкой дорогой по сухой, поросшей редким кустарником равнине, разделявшей два высоких голубых холма.

Когда мы съезжали вниз, я оглянулся и увидел

две фигурки — одну высокую и тучную, а другую — маленькую и изящную, они в одинаковых широкополых шляпах возвращались в лагерь. Потом я перевел взгляд на расстилавшуюся впереди сухую равнину.

Часть четвертая
Радость от охоты
Глава первая

Дорога была просто убогим проселком, а вид равнины вызывал уныние. В пути мы видели несколько худых газелей Гранта, мелькнувших белыми пятнами на фоне выжженной рыжей травы и серых деревьев. При виде этой бескрайней равнины, где никогда не водится много дичи, мое возбуждение угасло, и вся затея стала казаться какой-то романтической фантазией. От вандеробо жутко пахло, и я стал рассматривать растянутые, а потом аккуратно закрученные мочки его ушей и все его странное, с тонкими губами лицо, совсем не негритянское. Увидев, что я изучаю его лицо, вандеробо дружески улыбнулся и почесал грудь. Я оглянулся. М'Кола спал. Гаррик сидел очень прямо, изображая бдительность, а дед следил за дорогой.

Собственно, дороги как таковой уже давно не было, а была протоптанная скотом тропа, но мы уже подъехали к краю равнины. Теперь равнина осталась позади, а впереди показались высокие

деревья, и мы оказались в красивейшем уголке Африки, такого я здесь еще не видел. Трава была такая зеленая и ровная, как молодая поросль на недавно скошенном лугу, под могучими, высокими деревьями не было подлеска, а только гладкий зеленый дерн, как в оленьем парке, и мы ехали в тени, перемежавшейся иногда солнечными пятнами, по еле заметной тропе, которую указывал вандеробо. У меня не укладывалось в голове, как это мы вдруг перенеслись в эту дивную страну. Такое может присниться лишь в прекрасном сне, и, чтобы убедиться, что я не сплю, я протянул руку и дотронулся до уха вандеробо. От неожиданности он подскочил, а Камау захихикал. В эту минуту М'Кола слегка подтолкнул меня локтем и показал туда, где на открытом месте между деревьями меньше чем в двадцати метрах от машины стоял, подняв голову и ощетинившись, огромный дикий кабан с загнутыми кверху длинными крепкими клыками, настороженно глядя на нас горящими глазами. Я сделал знак Камау остановиться, так мы и сидели, глядя со зверем друг на друга. Я поднял ружье и прицелился ему в грудь. Он смотрел на нас и не двигался. Я знаком велел Камау ехать, мы объехали кабана, но он по-прежнему не двигался и не выказывал

никакого страха.

Я видел, что Камау взволнован, а М'Кола одобрительно кивал. Никто из нас никогда не видел дикого кабана, который не бросился бы бежать от людей во всю прыть, задрав хвост. Это была заповедная страна, укромный уголок среди огромной Африки, где не ступала нога охотника. Я был готов разбить лагерь хоть тут же.

Это было чудесное место, но мы продолжали ехать все дальше между огромными деревьями по мягко колыхающейся траве. Но вот впереди справа показался высокий частокол масайской деревни. Это была большая деревня, и из нее посыпались длинноногие, смуглые, ловко двигающиеся мужчины, все они были примерно одного возраста, с волосами, заплетенными в тяжелые косички, болтавшиеся при беге за спиной. Они подбежали к машине и окружили ее, смеясь, улыбаясь и непрерывно болтая. У этих рослых, белозубых людей волосы были покрашены в красновато-коричневый цвет и челками спадали на лоб. В руках у этих веселых красавцев были копья, они нисколько не походили на угрюмых и высокомерных северных масаев и хотели знать, куда мы едем. Вандеробо, очевидно, сказал, что мы охотимся на куду и очень спешим. Масаи плотно

окружили машину, и мы не могли двигаться. Один из них что-то сказал, трое или четверо его поддержали, и Камау объяснил мне, что сегодня они видели на тропе двух самцов куду.

«Невероятно, — сказал я про себя. — Этого не может быть».

Я велел Камау трогаться, и машина медленно двинулась сквозь толпу туземцев, а они смеялись, пытались остановить нас, рискуя угодить под колеса. Эти масаи были самыми высокими, стройными и красивыми людьми из всех, что я видел, и самым жизнерадостным и счастливым народом в Африке. Наконец, когда мы поехали, мужчины пустились бежать наравне с машиной и, смеясь, показывали, как легко они могут соперничать с ней, а когда машина прибавила скорость и двинулась по ровной долине ручья, началось настоящее соревнование. Один за другим бегуны выбывали из него, махали нам вслед и улыбались, и только двое, длинноногие и ловкие, лучшие из всех, легко бежали рядом с машиной. Потом нам пришлось взять вправо и сменить ровную зеленую равнину на холмистую местность, и, когда мы сбросили скорость, деревенские весельчаки снова настигли нас, они смеялись, делая вид, что нисколько не устали.

Мы проехали мимо куста, из-за которого выскочил маленький кролик и испуганно заметался. Масаи поймали кролика, самый рослый бегун приблизился к машине и протянул его мне. Держа кролика в руках, я чувствовал, как под мягкой, теплой, пушистой шерсткой бьется его сердечко. Я погладил зверька, а масай похлопал меня по плечу. Взяв кролика за уши, я передал его масаю обратно. Но тот запротестовал: это подарок. Тогда я отдал кролика М'Коле, но тот не отнесся к этому серьезно и передал зверька другому масаю. Мы ехали, а они все так же бежали за нами. Масай с кроликом остановился, поставил его на землю, и, когда зверек дал деру, все весело рассмеялись. М'Кола покачал головой. Нам всем понравились эти масаи.

— Хороший масай, — сказал растроганный М'Кола. — У масай много скота. Не надо убивать, чтобы есть. Масай убивает только врага.

Вандеробо похлопал себя по груди.

— Вандеробо — масай, — гордо произнес он, объявляя о родстве с масаями. Мочки его ушей были закручены так же, как и у них. Глядя, как бегут эти красавцы и как они радуются, развеселились и мы. Я никогда не встречал такого бескорыстного дружелюбия и таких славных людей.

— Хороший масай, — повторил М'Кола, выразительно качая головой. — Хороший, хороший масай.

Только Гаррик, похоже, думал по-другому. И я подумал, что, несмотря на защитный костюм и письмо от Бваны Симбы, масаи напугали его. Они были наши друзья — не его. Да, конечно, они были наши друзья. Возникло то братское отношение, какое не выразишь словами, тебя просто сразу принимают за своего, откуда бы ты ни был родом. Такое отношение свойственно лучшим из англичан, лучшим из венгров и самым лучшим из испанцев; такое отношение — отличительная черта аристократии, когда она еще существовала. Это свойство чистых сердец, такие люди встречаются не часто, и мало есть на свете вещей приятнее общения с ними.

Теперь рядом с нами бежали только двое мужчин, но угнаться за машиной становилось все труднее, и они стали отставать. Масаи по-прежнему бежали быстро и легко, но соревноваться с машиной было им не под силу. Поэтому я велел Камау резко увеличить скорость, зная, что такой рывок не может обидеть бегунов, гордящихся своей выносливостью. Они тоже увеличили скорость, но, не догнав нас, рассмеялись, мы,

высунувшись из машины, махали им, а они, опершись на копья, махали нам в ответ. Теперь мы снова остались одни и ехали по бездорожью, представляя только общее направление движения — вперед, через рощу и зеленую долину.

Через некоторое время деревья стали расти гуще, сказочная страна осталась позади, и мы теперь ехали по еле заметной тропе через густой молодой лес. Порой нам приходилось останавливаться, выходить из машины и убирать с дороги бревно, а то и рубить дерево, преграждавшее путь. Порой приходилось задним ходом выбираться из зарослей и искать окружной путь, чтобы снова выехать на тропу, расчищая дорогу длинными охотничьими ножами, называемыми «панга». Вандеробо работал из рук вон плохо, да и Гаррик не намного лучше. М'Кола управлялся с ножом отлично, он орудовал пангой быстро и даже с каким-то особенным напором. Я рубил неумело. Здесь главная роль отводится запястью, привыкнуть к этому трудно — рука быстро устает, клинок кажется неимоверно тяжелым. Я с нежностью вспоминал свой мичиганский двусторонний топорик, острый как бритва, который очень помог бы мне быстро снести этот кустарник. Прорубая дорогу, когда иначе не проедешь, лавируя, где воз-

можно, мы благодаря Камау, который безупречно знал машину и хорошо чувствовал местность, преодолели тяжелую часть пути и снова выехали на открытую равнину, справа от которой виднелась цепь холмов. Но здесь недавно прошел сильный дождь, и надо было особенно осторожно вести себя в низинах: здесь колеса, зарываясь в скользкую грязь, буксовали. Мы рубили кустарник, дважды брались за лопаты и подкладывали его под колеса, но в конце концов выбрались на высокий участок равнины и снова углубились в лес. Сделав несколько кругов по лесу, в поисках удобного пути, мы оказались на берегу ручья, тут его преграждала запруда, видимо, сооруженная бобрами. По другую, крутую сторону ручья за колючей изгородью был посажен маис, посреди посадок торчало много пней, рядом несколько, похоже, заброшенных краалей — огороженных участков с мазанками, а правее, поверх живой изгороди виднелись конусообразные соломенные крыши хижин. Мы все вылезли из машины, потому что ручей был серьезным препятствием, да и подняться можно было только через усеянное пнями маисовое поле.

Дед заверил нас, что дождь прошел только сегодня. Еще утром, когда они здесь проходили,

вода не поднималась до запруды. Я был просто раздавлен. Мы только что были в прекрасном лесу с вековыми деревьями, где по тропам бродят куду, и вот теперь заперты у ручья на чужом маисовом поле. Наткнуться здесь на маисовое поле я не ожидал и был в бешенстве. Я подумал: если удастся переправиться через ручей и въехать на крутой берег, придется получать разрешение проехать через маисовое поле. Сняв ботинки, я ступил в ручей проверить почву. Сваленный кустарник и молодые деревца были на дне плотно утрамбованы, и я не сомневался, что тут можно проехать, если взять хороший разгон. М'Кола и Камау согласились со мной, и мы полезли на высокий берег, чтобы посмотреть, как там обстоят дела. Земля была рыхлая, но под сырым верхним слоем она осталась сухой, и я решил, что мы расчистим путь лопатами — только бы машина прошла среди пней. Но прежде ее надо разгрузить.

Со стороны хижин к нам шли двое мужчин и мальчик. Когда они приблизились, я сказал им «Джамбо», они тоже ответили «Джамбо», а потом дед и вандеробо стали с ними разговаривать. М'Кола покачал головой. Мы с ним не понимали ни слова. Я думал, они просят разрешения про-

ехать по полю. Когда дед замолчал, мужчины подошли к нам, и мы обменялись рукопожатиями.

Они не походили на негров, которых я встречал раньше. Их кожа была гораздо светлее, а у старшего, мужчины лет пятидесяти, были тонкие губы, почти греческий нос, высокие скулы и большие, смышленые глаза. Держался он с большим достоинством и производил впечатление очень умного человека. Тот, что помоложе, лет тридцати пяти, чертами лица напоминал этого мужчину, и я решил, что они братья. По-девичьи красивый мальчик казался застенчивым и глуповатым. В первый момент я принял его за девочку: ведь здесь все носят какое-то подобие римской тоги из неотбеленной ткани, скрепляя ее на плече. Такая одежда скрывает формы тела.

Мужчины продолжали разговаривать, и, глядя на них, я уловил сходство морщинистой физиономии деда с классическими чертами хозяина шамбы; так и наш вандеробо был жалкой, но угадываемой карикатурой на красавцев масаев, которых мы встретили в лесу.

Потом мы вместе спустились к ручью, и мы с Камау обвязали шины веревками вместо цепей, а старший «римлянин» с остальными разгрузи-

ли машину и внесли самые тяжелые вещи на крутой берег. С разгона, подняв кучу брызг, мы проскочили ручей и затем все вместе втащили машину до середины склона, но тут она застряла. Мы рубили кустарник, подкапывали землю и наконец втащили машину наверх, но впереди было еще маисовое поле, и я не понимал, куда дальше ехать.

— Куда нам теперь ехать? — спросил я старшего «римлянина».

Перевод Гаррика никто не понял, и ясность внес только дед.

Римлянин указал влево на живую изгородь у края леса.

— Но машина там не пройдет.

— Лагерь, — сказал М'Кола, подразумевая, что мы устроимся там на ночлег.

— Жуткое место, — возразил я.

— Лагерь, — твердо произнес М'Кола, и все дружно закивали.

— Лагерь! Лагерь! — подхватил дед.

— Здесь будет наш лагерь, — торжественно объявил Гаррик.

— Да пошел ты! — беззлобно произнес я.

Я направился в сторону предполагаемого лагеря вместе с Римлянином, говорившим без умолку

на непонятном языке. М'Кола пошел со мной, остальные погрузили вещи в машину и поехали вслед за нами. Я вспомнил совет никогда не разбивать лагерь близ покинутых туземных селений из-за риска подхватить клещей и прочих паразитов и, вспомнив это, решил поменять место. Мы пролезли через отверстие в изгороди и увидели за ней постройку из бревен и молодых деревьев, воткнутых в землю и переплетенных ветвями. Постройка напоминала большой курятник. Римлянин указал на него рукой, как бы приглашая располагаться, и продолжал болтать.

— Клопы, — сказал я М'Кола на суахили тоном резкого неодобрения.

— Нет, — возразил он. — Никаких клопов.

— Кусаются. Много клопов. Зараза.

— Никаких клопов, — упорно повторял он.

М'Кола настоял на своем, и вскоре, под нескончаемую болтовню Римлянина, подъехала машина и остановилась под огромным деревом метрах в пятидесяти от изгороди. Началась выгрузка всего необходимого для устройства лагеря. Мою палатку с брезентовым полом поставили между деревом и одной стороной «курятника», а я, усевшись на бачок с бензином, завел разговор об охоте с Римлянином, дедом, Гарриком, пока

Камау и М'Кола разбивали лагерь, а вандеробомасай, разинув рот, стоял на одной ноге.

— Где были куду?

— Вон там. — Римлянин машет рукой.

— Большие?

Римлянин разводит руки, чтобы показать неимоверную величину рогов, затем снова заводит свою тарабарщину.

С трудом составляю фразу по словарю:

— Где тот куду, за которым вас оставили следить?

Ответа я не получаю, затем опять долгая речь, из которой можно понять, что они следили за всеми куду разом.

День клонился к вечеру, и небо затянули тучи. Я промок до пояса, а мои носки пропитались жидкой грязью. Кроме того, я вспотел, толкая машину и работая топором.

— Когда начнем? — спросил я.

— Завтра, — ответил Гаррик, не удосужившись перевести мой вопрос Римлянину.

— Нет, — сказал я. — Сегодня.

— Завтра, — упорствовал Гаррик. — Сегодня поздно. До темноты остался час. — И он показал на мои часы.

Я порылся в словаре.

— Пойдем на охоту сегодня. Последний час — лучший час.

Гаррик предположил, что куду слишком далеко. Сопровождая речь жестами, он настаивал, что мы не успеем вернуться, и закончил категорически:

— Охота завтра.

— Ах ты, бездельник, — сказал я по-английски.

Все это время Римлянин и дед молча стояли. Я поежился: солнце скрылось за тучами, и стало холодно, несмотря на испарения от земли после дождя.

— Дед! — позвал я.

— Что, господин? — откликнулся дед.

Внимательно выбирая слова из словаря, я сказал:

— Охота на куду сегодня. Последний час — лучший час. Куду близко?

— Может быть.

— Охота сейчас?

Они переговорили между собой.

— Охота завтра, — вставил Гаррик.

— Заткнись, комедиант, — бросил я. — Можно немного поохотиться, дед?

— Можно, — сказал дед, а Римлянин прибавил:

— Только немного.

— Хорошо, — сказал я и пошел за сухой рубашкой, нижним бельем и носками.

— Охота сейчас, — сообщил я М'Коле.

— Хорошо, — ответил он. — М'узури.

С приятным ощущением на теле сухого белья, свежих носков, сменив ботинки, я сидел на бачке с бензином и в ожидании Римлянина пил разбавленный виски. У меня была уверенность, что сегодня я буду стрелять по куду, и я пил, чтобы успокоиться. А также чтобы согреться. А еще я пил виски просто потому, что люблю его вкус, и хотя настроение у меня было превосходное, от виски оно становилось еще лучше.

Увидев подходящего Римлянина, я застегнул молнии на ботинках, проверил патроны в магазине «спрингфилда», снял с мушки защиту и продул прицел. Затем выпил то, что осталось в жестяной кружке, стоявшей на земле у бачка, и встал, убедившись, что в карманах рубашки лежат два носовых платка.

Подошел М'Кола с охотничьим ножом и полевым биноклем Старика.

— А ты оставайся здесь, — велел я Гаррику. Он не возражал. Такую позднюю вылазку он считал глупостью и мечтал доказать свою правоту. Вандеробо же вызвался идти с нами.

— Слишком много людей, — сказал я и сделал деду знак остаться. Из крааля мы вышли в таком составе: впереди Римлянин с копьем, затем я, следом М'Кола с биноклем и заряженным «манлихером», и замыкал шествие вандеробо-масай, тоже с копьем.

Было уже больше пяти, когда мы пересекли маисовое поле и, спустившись к ручью, переправились через него по высокой траве в ста метрах выше дамбы, медленно и осторожно взобрались на противоположный берег, промокнув до пояса, шагая по высокой траве и папоротнику. Не прошло и десяти минут, как Римлянин, схватив меня за плечо, с силой прижал к земле рядом с собой. Машинально я сразу дернул затвор ружья. Затаив дыхание, он указал на противоположный берег ручья, где вдали, среди деревьев я увидел большое серое животное с белыми полосами на боках и огромными витыми рогами. Зверь стоял к нам боком, подняв голову, и прислушивался. Я поднял ружье, но между нами рос кустарник. Чтобы выстрелить, нужно было встать.

«Пига», — прошептал М'Кола. Я пригрозил ему пальцем и пополз вперед, обогнул куст, боясь спугнуть зверя и помня наставление Старика: «Не торопитесь». Когда между нами преград не

осталось, я встал на колено, взял куда на мушку, потрясенный его величиной, и, помня, что об этом думать нельзя, что это рядовой случай и рядовой выстрел, прицелился чуть ниже лопатки и нажал курок. При звуке выстрела куда дернулся с места и скрылся в кустах, но я знал, что его ранил. Я выстрелил еще раз по мелькавшему между деревьями серому пятну, и М'Кола закричал: «Пига! Пига! что означало: «Попал! Попал!» Римлянин хлопнул меня по плечу, а потом, обмотав тогу вокруг шеи, побежал нагишом, и мы, все четверо, мчались за ним во весь дух, как гончие, поднимая фонтаны воды, а потом, не останавливаясь, взлетели вверх по откосу: впереди Римлянин, он продирался голый сквозь кустарник, потом неожиданно остановился и, подняв лист, обагренный кровью, шлепнул меня по спине, а М'Кола все повторял: «Даму! Даму! (кровь, кровь). Глубокий след уводил вправо, я перезарядил ружье, и мы снова побежали — уже в сумерках, и Римлянин, сбившийся было со следа, вдруг вновь увидел кровь и потянул меня за руку, заставив лечь. У всех перехватило дыхание, когда мы увидели зверя, стоявшего на поляне в ста метрах от нас; тяжело раненный, он то смотрел на нас, то оглядывался, насторожив уши, огромный, серый,

с белыми полосами и чудесными рогами. Теперь, подумал я, надо стрелять наверняка, пока совсем не стемнело, и я, задержав дыхание, прицелился зверю в лопатку. Мы услышали удар пули, и куду тяжело встал на дыбы. М'Кола закричал: «Пига! Пига!», но куду скрылся из вида, и мы побежали опять, как гончие, и чуть не упали, споткнувшись о что-то. Это был наш огромный красавец куду, он лежал мертвый на боку, и его рога изгибались огромными темными спиралями; он упал в пяти метрах от того места, где его настиг мой последний выстрел, он лежал большой, длинноногий, гладко-серый, с белыми полосами и огромными, витыми рогами орехового цвета с концами словно из слоновой кости, большими ушами и великолепной густой гривой на красивой шее, с белыми отметинами между глаз и на морде. Нагнувшись, я дотронулся до него, чтобы убедиться в том, что это наяву. Он лежал на той стороне, куда вошла пуля, вся шкура была целехонька, а запах от него шел здоровый и приятный, как дыхание скота или запах чабреца после дождя.

Римлянин обнял меня за плечи, М'Кола что-то кричал не своим высоким голосом нараспев, а вандеробо-масай хлопал меня по плечу и прыгал от радости. Потом все пожали мне руку странным

образом: сжав в кулаке большой палец, они трясли и тянули его, потом снова с силой сжимали, все время упорно глядя мне в глаза.

Мы не выпускали из виду нашего куду, а М'Кола, встав на колени, провел по рогам пальцем, измерил руками их размах, напевая при этом: «Оо-оо-ии-ии», издавая восхищенные возгласы и поглаживая куду по морде и гриве.

Я хлопнул Римлянина по спине, и он снова начал церемонию тряски и поглаживания большого пальца, причем теперь и я отвечал ему тем же. Я обнял вандеробо-масая, тот с силой потряс и потянул мой большой палец, а потом ударил себя в грудь и гордо произнес: «Вандеробо-масай — лучший проводник».

— Вандеробо-масай — парень что надо, — сказал я.

М'Кола все тряс головой, не спуская глаз с куду, и повизгивал. Потом произнес: «Думи, думи, думи! Бвана Кабор кидого, кидого». Это означало, что перед нами лежит великий куду, а Карл убил обычного.

Мы все понимали, что я убил двух куду, приняв второго за первого, и первый лежит где-нибудь неподалеку, сраженный с первого выстрела, но теперь это ничего не значило: ведь перед нами

было настоящее чудо. Но мне хотелось увидеть и первого.

— Пошли, там куду, — сказал я.

— Он мертв, — возразил М'Кола. — Куфа.

— Ну, идем скорей.

— Этот самый лучший.

— Пошли.

— Надо мерить, — умолял М'Кола.

Я натянул стальную рулетку по изгибу рога. М'Кола помогал, придерживая снизу. Мы намерили больше пятидесяти дюймов. М'Кола с нетерпением ждал результата.

— Большой! Большой! — воскликнул я. — В два раза больше, чем у бваны Кабора.

— Иии-иии, — снова затянул он.

— Ну, идем, — сказал я. Римлянина уже не было видно.

Мы поспешили туда, где я видел куду перед первым выстрелом, и сразу заметили следы крови на уровне груди, оставленные на кустарнике. В сотне метров от этого места лежал мертвый куду. Он был поменьше нашего великана. Рога такие же длинные, но узкие, хотя и он был очень красив. Куду лежал на боку, подмяв под себя куст, на который свалился.

Мы снова обменялись рукопожатиями с вы-

тягиванием большого пальца, что, видимо, выражало крайний восторг.

— Это аскари, — объяснил М'Кола. — Что-то вроде охранника того, что покрупнее. Видимо, он был в лесу, когда мы увидели первого куду, побежал вместе с ним, а потом остановился, не понимая, куда тот делся.

Мне хотелось сфотографировать добычу, и я велел М'Коле вместе с Римлянином вернуться в лагерь и принести два аппарата — «Графлекс» и кинокамеру, а также вспышку. Я знал, что мы на том же берегу, что и лагерь, и надеялся, что Римлянин знает короткий путь и вернется до захода солнца.

Они ушли, и тут в конце дня солнце ненадолго вышло из-за туч, ярко осветив все вокруг, и мы с вандеробо-масаем осмотрели второго куду, измерили рога, вдыхая его запах, еще более приятный, чем запах антилопы канна, погладили его морду, шею, восхитились величиной ушей, гладкостью и чистотой шкуры, осмотрели копыта — такие длинные, узкие и упругие, что он, наверно, ходил на цыпочках, нашли под лопаткой пулевое отверстие. После этого мы еще раз пожали друг другу руки, вандеробо-масай еще раз рассказал, какой он великий человек, а я назвал его своим другом

и подарил лучший нож с четырьмя лезвиями.

— Пойдем взглянем на первого куду, вандеробо-масай, — сказал я по-английски.

Вандеробо-масай сразу понял меня и согласно кивнул, и мы вернулись туда, где на краю полянки лежал большой куду. Мы обошли вокруг, восхищаясь его красотой, а потом вандеробо-масай просунул под него руку, в то время как я слегка приподнял куду и, найдя пулевое отверстие, сунул туда палец. Коснувшись окровавленным пальцем лба, он произнес целую речь на тему «Вандеробо-масай — лучший проводник!».

— Вандеробо-масай — король проводников! — воскликнул я. — Вандеробо-масай — мой друг!

Я весь вспотел и надел плащ, который М'Кола захватил для меня и, уходя, оставил здесь на полянке, и поднял воротник. Я постоянно следил за солнцем, боясь, как бы оно не зашло до того, как принесут аппараты. Вскоре мы услышали шум в кустах, и я крикнул, давая знать, что мы здесь. М'Кола ответил, мы стали перекрикиваться, было слышно, как они разговаривают, продираясь сквозь кусты, а я не спускал глаз с солнца, которое быстро катилось вниз. Наконец я увидел их и крикнул М'Коле: «Скорей! Скорей!», показывая на солнце, но ребята уже выбились из сил. Они и

так быстро одолели крутой подъем и пробились сквозь густые заросли. Когда я взял аппарат и открыл диафрагму до предела, и навел фокус на куду, солнце освещало только вершины деревьев. Я сделал полдюжины снимков и использовал камеру, пока остальные перетаскивали куду на более освещенное место. Затем солнце село, снимать стало невозможно, я положил камеру в футляр и погрузился в счастливое безделье, только приглядывал, чтобы М'Кола, свежуя голову куду, полностью сохранил «воротник». М'Кола великолепно владел ножом, и мне всегда нравилось смотреть, как он свежует зверя, но сегодня, указав, где сделать первые надрезы — над копытами, на нижней части груди и на холке, я отошел: мне хотелось вспомнить, как я впервые увидел этого самца, и сохранить его в памяти. Потом я побрел в сумерках ко второму куду и стоял там, пока не подошли туземцы с фонарем. Я подумал, что обычно сам свежевал свою добычу или смотрел, как это делают другие, и, однако, помнил каждого зверя живым. Выходит, одно воспоминание не вытесняет другое, и то, что сегодня я не слежу за свежеванием, — просто лень, увиливание от работы. Пока М'Кола работал над вторым самцом, я светил ему фонарем, и усталость не мешала мне

получать удовольствие от его быстрых, точных, красивых движений. Откинув «воротник», он отделил череп от позвоночника, а потом, держась за рога, оттащил голову, с которой тяжело свисала мокрая от крови кожа, — все это, и еще его окровавленные руки и грязный защитный мундир, откровенно показывал фонарь. Оставив вандеробо-масая, Гаррика, Римлянина и его брата разделывать тушу при свете керосиновой лампы, остальные — М'Кола с головой куду, дед — с другой головой и я с электрическим фонариком и двумя ружьями — направились к лагерю.

В темноте дед упал, и М'Кола рассмеялся, затем грива головы куду размоталась, залепила ему лицо, и он чуть не задохнулся, и тут мы с дедом расхохотались. Потом М'Кола свалился — новый взрыв хохота. Немного погодя я угодил в какую-то западню, шлепнулся прямо на лицо и услышал, как фыркает от смеха М'Кола и хихикает дед.

— Что это? Комедия Чаплина? — сердито сказал я по-английски. Но оба продолжали посмеиваться, прикрываясь отрезанными головами. Наконец после жуткого пути через лес мы добрались до изгороди и увидели горящий костер. Пробираясь в темноте сквозь колючие ветки, дед снова упал, чем привел в восторг М'Колу, и,

когда старик поднимался, не в силах удержать голову куда и страшно ругаясь, я посветил ему фонариком, указывая путь.

Мы подошли к костру, и, когда дед положил голову куда рядом с хижиной, я увидел, что лицо у него все в крови. М'Кола тоже положил голову, которую нес, и, показывая на деда, покатывался от хохота и тряс головой. Тот был совсем измучен, его исцарапанное лицо покрывал слой грязи и крови, но он добродушно хихикал.

— Бвана упал, — сказал М'Кола, изобразив, как я провалился.

Я шутливо замахнулся на него со словами: «Шенци!»

Он снова показал, как я падал, но тут появился Камау. Он с большим уважением пожал мне руки, говоря: «Хорошо, бвана! Очень хорошо!» Потом подошел к головам, глаза у него засверкали, он опустился на колени, гладил рога, ласкал уши и затянул то же монотонное песнопение, как и М'Кола: «Ооо-ооо! Еее-еее!»

Я вошел в темную палатку — ведь фонарь мы оставили свежевальщикам, — снял мокрую одежду и, нащупав в темноте рюкзак, вытащил оттуда пижаму и халат. К костру я вышел в этой одежде и в ботинках с защитой от москитов. Мо-

крую одежду и обувь я принес к костру, и Камау развесил все на жердях, а башмаки насадил на колья, воткнув их на некотором расстоянии от огня, чтобы не покоробилась кожа.

Я присел на бачок с бензином, прислонясь спиной к дереву, а Камау принес фляжку и налил в кружку виски, я подлил туда воды и, глядя на огонь, потягивал спиртное и испытывал абсолютное счастье, ни о чем не думая и чувствуя, как по телу разливается тепло и все во мне расправляет, как расправляют простыню перед сном. Камау тем временем принес банки с консервами и спросил, что я предпочитаю на ужин. У нас было три банки особого рождественского фарша, три банки лосося и три — консервированного компота, а также много шоколада и коробка специального рождественского сливового пудинга. Я отослал все обратно, гадая, зачем Кейти положил нам фарш. А пудинг этот мы искали вот уже два месяца.

— А где мясо? — спросил я.

Камау принес хлеб и толстое жареное филе газели Гранта, которую Старик подстрелил на равнине, когда мы охотились на дальнем солонце.

— А пиво?

Камау принес литровую бутылку немецкого пива и открыл ее.

Сидеть на бачке было не очень удобно, поэтому я расстелил на высохшей земле перед костром свой плащ, прислонился спиной к деревянному ящику и вытянул ноги. Дед жарил на палочке мясо. Этот кусок он прихватил с собой, завернув в тогу. Вскоре один за другим появились остальные туземцы с мясом и шкурами, я лежал на земле, потягивал пиво и смотрел на огонь, а туземцы болтали и жарили на прутиках мясо. Холодало, ночь была ясная, пахло жареным мясом, дымом, прелой кожей от моих башмаков, и к этому присоединялся запах нашего дорогого вандеробо-масая. Но я не мог забыть особенный запах куду, лежавшего в лесу.

Кто-то из мужчин жарил на пруте большой кусок мяса, кто-то несколько маленьких, они поворачивали прутья, следили, как жарится мясо, и непрерывно болтали. Из деревни пришли еще двое незнакомых мужчин и с ними мальчик, которого мы видели днем. Я ел кусок горячей жареной печени, который снял с вертела вандеробо-масая и недоумевал, куда делись почки. Печенка таяла во рту. Я размышлял, стоит ли встать и залезть в словарь, чтобы узнать насчет

почек, но тут М'Кола спросил:

— Пива?

— Давай.

Он принес пиво, откупорил бутылку, и я залпом осушил ее до половины, запивая печенку.

— Да, так жить можно! — сказал я по-английски.

Он заулыбался и спросил на суахили:

— Еще пива?

Мое обращение к нему на английском он воспринимал как привычную шутку.

— Смотри, — сказал я, приставил бутылку ко рту и осушил ее единым духом. Этому я научился в Испании, где так пили из мехов — не глотая. Это произвело большое впечатление на Римлянина. Он подошел, присел на корточки и заговорил. Говорил он долго.

— Все верно, — сказал я ему по-английски. — И катись ты своей дорогой.

— Еще пива? — спросил М'Кола.

— Вижу, ты хочешь меня споить?

— Н'дио — да, — ответил он, делая вид, что понимает по-английски.

— Смотри, Римлянин. — Я стал заливать в себя пиво, но, увидев, что тот пытается повторить мои движения, чуть не поперхнулся и опустил

бутылку.

— На сегодня хватит. Больше двух раз за вечер не рекомендуется. Вредно для печени.

Римлянин продолжал говорить на своем языке. Я услышал, как он дважды произнес слово «симба».

— Симба здесь?

— Нет, — ответил он. — Там, — и махнул куда-то в темноту. Я ничего не понял. Но впечатление было внушительным.

— Я убил много симба, — сказал я. — Настоящий убийца симба. М'Кола подтвердит. — Я чувствовал, как на меня накатывает желание похвастаться, но рядом не было Старика и Мамы. Когда тебя не понимают, хвастаться не так интересно, но все же лучше, чем ничего, особенно после пива.

— Поразительно, — сказал я Римлянину, продолжавшему свой бесконечный рассказ. На дне бутылки оставалось немного пива.

— Дед, — позвал я.

— Что, бвана? — отозвался старик.

— Выпей немного пива. Ты старый человек, оно тебе не повредит.

Я видел глаза деда, когда пил, и понял, что ему тоже хочется пива. Он осушил бутылку до послед-

ней капли и склонился над прутьями с мясом, любовно прижимая к себе бутылку.

— Еще пива? — спросил М'Кола.

— Да, — ответил я. — И патроны.

Римлянин все еще говорил. Его истории были длиннее даже тех, что мне рассказывал Карлос на Кубе.

— Все это очень интересно, — сказал я ему. — Ты классный парень. Мы оба классные парни. Вот послушай… — М'Кола принес пиво и мою охотничью куртку с патронами в кармане. Я глотнул пива, заметил жадный взгляд деда и извлек из кармана шесть патронов. — Сейчас буду хвастаться, — предупредил я. — Придется вам потерпеть! — Поочередно я дотронулся до каждого патрона. — Симба, симба, фаро, ньяти, тендалла, тендалла. Что вы об этом думаете? Хотите верьте — хотите нет. Смотри, М'Кола! — И я снова перечислил патроны: лев, лев, носорог, буйвол, куду, куду.

— Айии, — восхитился Римлянин.

— Н'дио, — сказал М'Кола. — Это правда.

— Айии, — воскликнул Римлянин и схватил меня за большой палец.

— Богом клянусь, — сказал я. — Хоть в это и трудно поверить.

— Н’дио, — повторил М’Кола и стал заново перечислять: симба, симба, фаро, ньяти, тендалла, тендалла.

— Можешь это рассказать им всем, — сказал я по-английски. — Есть чем похвастать. А с меня на сегодня хватит.

Римлянин снова заговорил со мной, я слушал его внимательно и жевал второй кусок жареной печенки. М’Кола занялся обработкой голов, освежевал одну и показал Камау, как начать работать с другой. Это и для двоих большая работа, надо тщательно и осторожно при свете костра очистить глаза, нос и уши, удалить все мясо с головы, не повредив шкуры, и все это они делали аккуратно и бережно. Не помню, как я лег спать, и не уверен, что вообще ложился в ту ночь.

Смутно помню, что полез в словарь и велел М’Коле спросить у мальчика, есть ли у него сестра, и М’Кола твердо отказал мне в этом, сказав: «Нет, нет».

— Я спрашиваю без всяких порочных целей — просто из любопытства.

Но М’Кола был непоколебим.

— Нет, — сказал он и потряс головой. — Хапана. — Это было сказано тем же тоном, что и в тот день, когда мы преследовали льва в роще.

На этом наш разговор оборвался, и я стал искать почки. Брат Римлянина поделился со мной, и я, нанизав почки между двумя кусками печени, стал жарить их на костре.

— Отличный получится завтрак, — произнес я вслух. — Не чета этому фаршу.

Потом мы долго беседовали о черных антилопах. Римлянин не называл их «тарагалла», он никогда не слышал такого слова. Путаница произошла из-за того, что он называл их «ньяти», и я решил, что речь идет о буйволах, но Римлянин просто хотел сказать, что они черные, как буйволы. Чтобы разобраться, мы стали рисовать животных на золе от костра, и тогда стало ясно, что он говорит именно о черных антилопах. Рога ее изогнуты, как турецкая сабля, и концами касаются загривка.

— Самцы? — спросил я.

— И самцы, и самки.

С помощью деда и Гаррика я выяснил, что поблизости ходят два стада.

— Завтра?

— Да, завтра, — ответил Римлянин.

— М'Кола, — сказал я. — Сегодня — куду. Завтра — черная антилопа, буйвол, симба.

— Хапана буйвол! — сказал он, качая голо-

вой. — Хапана симба!

— Мы с вандеробо-масаем пойдем на буйволов, — объявил я.

— Да! — воскликнул восторженно вандеробо-масай. — Да!

— Здесь поблизости бродят крупные слоны, — заметил Гаррик.

— Завтра — на слонов! — сказал я, дразня М'Колу.

— Хапана слоны! — Он понимал, что я шучу, но даже в шутку не выносил таких слов.

— Слоны, — сказал я. — Буйволы, львы, леопарды.

Вандеробо-масай восторженно кивал.

— Носорог, — добавил он.

— Хапана, — затряс головой М'Кола. Его лицо выражало страдание.

— На этих холмах много буйволов, — перевел дед основную идею Римлянина, который в сильном возбуждении указывал куда-то за хижины.

— Хапана! Хапана! Хапана! — решительно заявил М'Кола. — Еще пива? — И он отложил нож.

— Ладно тебе. Я пошутил, — сказал я.

М'Кола присел рядом и заговорил, пытаясь что-то объяснить. Я услышал имя Старика — видимо, М'Кола хотел сказать, что Старику бы такой план

не понравился. Он такое не одобрял.

— Да я просто пошутил, — сказал я по-английски. Потом добавил на суахили: — Так завтра на черных антилоп?

— Да, — подтвердил он радостно. — На антилоп.

После этого мы долго говорили с Римлянином — я на испанском, он бог знает на каком, но у меня сложилось убеждение, что мы выработали план кампании на следующий день.

Глава вторая

Не помню, ложился ли я спать в ту ночь, вставал ли, помню только, что сидел у костра в предрассветной мгле с кружкой горячего чая в руке, а мой завтрак на вертеле, весь в золе, выглядел совсем не аппетитно. Римлянин, стоя, произносил речь, простирая руки к востоку, где должно было показаться солнце, и я, помнится, подумал: а вдруг он проговорил всю ночь?

Шкуры с голов куду были разложены и густо посыпаны солью, а черепа с рогами прислонены к бревенчатой стене хижины. М'Кола уже сворачивал шкуры. Камау принес мне консервы, и я велел ему открыть банку с фруктами. Ночной холод

еще не рассеялся, и потому я быстро управился с консервированными фруктами в прохладном сладком сиропе, выпил еще чашку чая, пошел в палатку, переоделся, сунул ноги в сухие ботинки. Все были готовы выходить. Римлянин сказал, что до обеда мы вернемся.

Проводником у нас был брат Римлянина. Насколько я понял, Римлянин собирался выследить одно стадо антилоп, а нам предоставил отыскать другое. Мы выступили гуськом: впереди шел брат Римлянина в тоге и с копьем, затем я со «спрингфилдом» за спиной и небольшим цейсовским биноклем в кармане, дальше М'Кола с биноклем Старика на одном плече, флягой с водой на другом, с охотничьим ножом, точильным камнем, запасной коробкой патронов, плитками шоколада в карманах и с двустволкой за спиной, дед с фотоаппаратом, Гаррик с кинокамерой и вандеробо-масай с копьем, луком и стрелами.

Попрощавшись с Римлянином, мы преодолели колючую изгородь, и в этот миг из-за холмов выглянуло солнце, озарив маисовое поле, хижины и голубые холмы. День обещал быть великолепным.

Брат повел нас через густой кустарник, где мы сразу вымокли, потом по редкому лесу и сразу

— на крутой подъем, пока мы не достигли холма, который высился у края того поля, где мы разбили лагерь. Здесь мы встали на ровную тропу, которая вела через холмы, еще не освещенные солнцем. Я наслаждался ранним утром, хотя еще не до конца проснулся и шагал автоматически, однако меня беспокоило, что нас много и при всей осторожности мы все же могли спугнуть дичь. И тут мы увидели двоих людей, которые шли нам навстречу.

Впереди шел высокий, красивый мужчина, чем-то напоминавший Римлянина, но с менее благородной наружностью, он был в тоге, с луком и колчаном; за ним шла его жена, очень хорошенькая, скромная, женственная, в одежде, сшитой из коричневых шкурок, с ожерельем из медных колец и с такими же кольцами на руках и лодыжках. Мы остановились, сказали «джамбо», и брат заговорил с мужчиной, видимо, соплеменником, у которого был вид делового человека, идущего на службу в городской офис. Они обменивались быстрыми вопросами и ответами, а я тем временем разглядывал его юную жену, стоявшую в полупрофиль, так что я мог видеть красивые грушевидные груди и стройные, шоколадные ноги, мог любоваться ее милым про-

филем. Но тут муж заговорил с ней неожиданно резко, потом добавил ей что-то тихим повелительным тоном, и тогда она обошла нас, потупив глаза, и пошла одна по той дороге, откуда мы пришли, а мы все смотрели ей вслед. Похоже, муж присоединился к нам. Сегодня утром он видел черных антилоп и теперь с легким недоверием, явно недовольный тем, что пришлось оставить без присмотра красавицу жену, которую все мы пожирали глазами, повел нас вправо по другой ровной тропе через лес. Вокруг все напоминало мне осенний пейзаж в родной стране, где у тебя из-под ног могла вспорхнуть куропатка и улететь на соседний холм или камнем упасть в долину.

Мы действительно спугнули перепелок, и, глядя им вслед, я подумал, что природа — всюду природа и охотники везде одинаковы. Рядом с тропой мы увидели свежий след куду, а пройдя подальше, в утреннем лесу, без подлеска, где первые лучи солнца пробивались сквозь вершины деревьев, мы набрели на настоящее чудо — слоновьи следы. Каждый след — в целый обхват, а глубиной — не меньше фута. Глядя на следы, тянувшиеся через живописный лес, я подумал, что когда-то на земле жили мамонты и оставляли точно такие же следы на холмах Южного Илли-

нойса. Но в Америке, древней стране, крупная дичь перевелась.

Некоторое время мы двигались по живописному плато, потом подошли к концу холма, за которым лежали долина и большой луг, заканчивавшийся лесом, а дальше шло кольцо холмов, слева от которых тянулась еще одна долина. Мы остановились на лесной полянке, оглядывая ближайшую долину, которая у холмов заканчивалась обрывистой, травянистой впадиной. Слева от нас поднимались крутые, поросшие лесом холмы с известняковыми отложениями, они тянулись до самого начала долины, а там начиналась другая цепь холмов. Ниже и правее нас местность была грубая и неровная, там холмы чередовались с полянами, а дальше начинался лесистый спуск, шедший до голубых холмов, которые мы видели на западе, за хижинами, где жил со своей семьей Римлянин. По моим расчетам, наш лагерь располагался прямо под нами, и добираться до него пять миль лесом в северо-западном направлении.

Муж красавицы, остановившись, разговаривал с братом, и по его жестам было понятно, что он видел черных антилоп, пасущихся на дальнем краю луга, и сейчас животные направились либо

вверх, либо вниз по долине. Мы расположились в тени деревьев, послав вандеробо-масая в долину искать следы. Вернувшись, он рассказал, что никаких следов под нами и к западу нет, это говорило о том, что антилопы ушли вверх по долине.

Теперь проблема сводилась к тому, чтобы, используя особенности ландшафта, определить местонахождение животных и незаметно подобраться к ним на расстояние выстрела. Над холмами вставало солнце, освещая нас, сама долина тонула в тени. Я велел всем оставаться в лесу за исключением мужа красавицы и М'Колы, которых я взял с собой, чтобы подняться, скрываясь за деревьями, повыше и оттуда осмотреть в бинокль местность за поворотом.

Вы спросите, как могли мы обсудить все это и прийти к общему решению, несмотря на языковой барьер, но, поверьте, мы понимали друг друга так легко и свободно, как будто были конным патрулем и говорили на одном языке. Все мы были охотниками, кроме разве Гаррика, и план разработали и довели до ума каждого при помощи лишь указательного пальца и предостерегающего жеста. Оставив своих спутников, мы осторожно углубились в лес с намерением подняться как можно выше. Пройдя довольно

большое расстояние, мы забрались на каменистый выступ. Укрывшись за скалой, я прикрыл бинокль от солнца шляпой, чем вызвал одобрительное хмыканье М'Колы, и стал обозревать дальний конец луга и впадину у начала долины — там действительно паслись антилопы. М'Кола увидел их раньше, чем я, и дернул меня за рукав.

— Н'дио, — сказал я и, затаив дыхание, стал наблюдать за ними. Все показались мне черными, крупными, с могучими шеями. У всех загибались назад рога. Расстояние до них было большое. Некоторые лежали. Один стоял. Мы насчитали семь голов.

— А который самец? — прошептал я.

М'Кола протянул левую руку и загнул четыре пальца. Значит, самец среди тех, кто лежит в высокой траве, на вид он был крупнее, и размах рогов более внушительный. Но в глаза нам било утреннее солнце, и точно разглядеть мы не могли. Позади стада прямо к холму подходил овраг, замыкавший долину.

Теперь мы знали, что делать. Нужно вернуться, перейти луг в дальнем конце, чтоб нас не заметили антилопы. Войти в лес и подняться под прикрытием деревьев выше расположения стада. Первым делом надо убедиться, что в лесу или на

лугу нет других антилоп.

Я послюнил палец и поднял его вверх. Ветер дул вниз по долине. М'Кола подобрал с земли несколько сухих листьев, измельчил их и подбросил в воздух. Они полетели в нашу сторону. Это была удача; теперь нужно было внимательно осмотреть в бинокль опушку леса и приступать к делу.

— Хапана, — сказал наконец М'Кола. Я тоже ничего не обнаружил, от восьмикратного бинокля у меня заболели глаза. У нас был шанс пройти лесом. Правда, оставался риск набрести на какого-нибудь зверя и спугнуть стадо, но другой возможности обойти антилоп и подкрасться сверху не было.

Мы спустились обратно, к своим товарищам, и все им рассказали. Отсюда можно было пересечь долину незаметно для антилоп. Я снял шляпу, и мы, пригнувшись, зашагали по мокрой траве через луг, а потом перешли вброд глубокий ручей, протекавший по самой его середине; дальше путь наш лежал по каменистому уступу, а затем вверх по травянистому противоположному берегу, держась края долины и тени деревьев. Отсюда мы уже шли, пригнувшись, гуськом — надо было подняться лесом выше антилоп.

Двигались мы быстро, но бесшумно. Я часто подкрадывался к крупным рогатым животным, и не раз они успевали перейти в другое место, пока я обходил какой-нибудь горный уступ, поэтому у меня не было твердой уверенности, что черные антилопы останутся на месте, а из леса мы не могли за ними наблюдать. Было важно выйти на них как можно скорее и в то же время не запыхаться и сохранять хладнокровие.

Фляга с водой, которую нес М'Кола, позвякивала в его кармане, где также лежали патроны, поэтому я остановил его и велел передать флягу вандеробо-масаю. Для охоты людей было много, но все они двигались бесшумно, как змеи, и я верил, что антилопы не заметят нас и не учуют.

Наконец я решил, что мы находимся достаточно высоко и антилопы немного впереди или немного позади, где солнце освещало лесную лужайку, и внизу, у подножия холма. Я проверил, достаточно ли чист прицел, протер очки, стер пот со лба и положил использованный платок в левый карман, запомнив это, чтобы случайно не воспользоваться им вторично. М'Кола, я и муж красавицы стали пробираться к опушке, вскоре мы подползли к самому краю гряды. Между нами и лугом росли редкие деревья; мы притаились за

кустом и поваленным деревом и, когда подняли головы, увидели антилоп метрах в трехстах от себя, в тени они выглядели очень крупными и темными. Нас разделял только залитый солнцем лесок и узкое ущелье. Вдруг две антилопы встали и, казалось, уставились прямо на нас. Я мог бы выстрелить, но расстояние было слишком большим, и я не хотел рисковать. Тут я почувствовал чье-то прикосновение — это подполз Гаррик и хрипло прошептал: «Пига! Пига! Бвана! Думи!», что означало: стреляй, это самец. Я оглянулся, здесь присутствовал весь мой отряд, одни лежали вытянувшись, другие припав на четвереньки, вандеробо-масай весь дрожал от нетерпения, как спаниель. Я был в ярости и знаком велел им лечь.

Значит, там есть самец и он гораздо крупнее, чем тот, которого мы с М'Колой недавно видели. Две антилопы глядели в нашу сторону, и я опустил голову. А что, если они заметили блеск моих очков? Когда я снова осторожно, прикрыв глаза ладонью, взглянул на них, обе антилопы спокойно паслись. Но одна из них вдруг опять нервно вскинула голову, это была крупная антилопа с рогами как турецкие сабли.

Раньше я никогда не видел черных антилоп и

ничего о них толком не знал. Такое ли острое у них, как у горного барана, зрение, ведь он всегда увидит охотника, или слабое, как у лося, который, если не двигаться, не заметит тебя и за двести метров. Не знал я и подлинных размеров этих животных, но мне казалось, что до них не меньше трехсот метров. Я знал, что не промахнусь, если буду стрелять с колена или лежа, но вот в какое попаду место, уверен не был.

Гаррик завел свое: «Пига! Бвана! Пига!» Я повернулся, готовый хорошенько ему врезать. С какой радостью я сделал бы это! Я нисколько не волновался, когда впервые увидел антилоп, но от Гаррика меня трясло.

— Далеко? — шепнул я М'Коле, который подполз ко мне.

— Да.

— Стрелять?

— Нет. Посмотрим.

Мы осторожно наблюдали за животными в бинокли. Я видел только четырех антилоп. А ведь их было семь. Если Гаррик не ошибся и указал на самца, то и все остальные тогда были самцы. В тени все они казались одного цвета. И рога у всех были одинаково большие. Я знал, что горные бараны до конца зимы держатся вместе и только

весной присоединяются к овцам, а лоси еще в конце лета перед течкой ходят отдельно, но потом все снова собираются в одно стадо. В Серинее мы видели стадо самцов палу голов в двадцать. Ну что ж, здесь тоже могут быть одни самцы, но мне нужен хороший, самый лучший, и я пытался вспомнить все, что я читал о черных антилопах, но на ум шла только одна глупая история о человеке, который каждое утро видел одного и того же зверя на одном и том же месте и никак не мог до него добраться. И еще вспоминалась пара великолепных рогов, которые мы видели у егеря в Аруше. И вот сейчас передо мной были живые черные антилопы, и я хотел подстрелить лучшую из них. Но мне даже в голову не приходило, что Гаррик тоже впервые видел черных антилоп и знал о них не больше, чем М'Кола или я.

— Слишком далеко, — сказал я М'Коле.

— Да, — согласился он.

— Тогда вперед! — сказал я, велел знаком другим не двигаться, и мы с М'Колой поползли к подножию холма.

Мы залегли под деревом, и я огляделся. Отсюда в бинокль были хорошо видны их рога, и я разглядел трех остальных. Лежащая антилопа была значительно крупнее остальных, а ее рога, как

мне показалось, были выше и загибались круче. Глядя на них, я был слишком взволнован, чтобы радоваться, но тут послышался шепот М'Колы: «Бвана».

Я опустил бинокль и повернулся: к нам, без всяких мер предосторожности, полз на четвереньках Гаррик. Я сделал ему рукой предостерегающий знак, но он, не обратив на это внимания, продолжал ползти и был так же заметен, как человек, передвигающийся на четвереньках по городской улице. Одна антилопа уже смотрела в нашу сторону, точнее, в сторону Гаррика. Потом поднялись еще три. И наконец — самая большая, она стояла боком, повернув голову к нам. А подползший Гаррик шептал: «Пига! Бвана! Пига! Думи! Думи! Кубва Сана!»

Выбора не было. Звери встревожились, и я лег, продел руку сквозь ремень, закрепился на локтях, уперся в землю носком правой ноги и спустил курок, целясь антилопе в лопатку. Но когда раздался выстрел, я понял, что не попал. Пуля пролетела выше. Все антилопы вскочили и стояли, не понимая, откуда этот звук. Я снова выстрелил в самца, пуля подняла пыль у его ног, и стадо обратилось в бегство. Я вскочил на ноги, выстрелил снова, и самец упал. Затем он под-

нялся, я опять выстрелил, и он бросился к стаду. Стадо пронеслось мимо него, я выстрелил и промахнулся. Еще один выстрел, теперь самец еле передвигал ноги, и я понял, что он мой. М'Кола подавал мне патроны, а я их с трудом засовывал в чертов магазин «спрингфилда», не спуская глаз с антилопы, перебегавшей ручей и поднявшей там целый столб брызг. Но теперь ей не уйти! Я видел, как ослабел зверь. Остальные антилопы скрылись в лесу. На другом берегу при солнечном свете шерсть их казалась гораздо светлее, и у раненной мной антилопы тоже. У всех она была скорее светло-каштановая, а у моего самца почти черная. И все же это был не настоящий черный цвет, и у меня зародились сомнения. Я вставил в магазин последнюю обойму, и Гаррик уже торопился схватить меня за руку и поздравить, когда под нами, на открытое место выскочил испуганный самец и бросился стремительно бежать.

Боже милостивый, подумал я. Они все похожи одна на другую, и я старался выбрать ту, что побольше. И эти похожие животные бежали стадом, и тут вдруг появился настоящий самец. Даже в тени я видел, что он совсем черный, на солнце его шкура лоснилась и блестела, а высокие рога круто загибались назад, огромные и темные,

почти касаясь концами середины спины. Это был настоящий самец! И какой!

— Думи, — шепнул мне на ухо М'Кола. — Думи!

Я выстрелил, и самец упал. Но я видел, как он поднялся и бросился за стадом, которое бежало врассыпную, иногда сбиваясь в кучу. Я на время потерял его из виду, но потом увидел снова — он бежал вверх по долине в высокой траве. Я вторично выстрелил и снова его потерял. Сейчас черные антилопы мчались вверх по холму над долиной, все выше и стремительней, чтобы укрыться в лесу. После того как я увидел самца, я знал, что остальные самки, включая ту, что я ранил. Я не сомневался, что мы найдем его там, где он упал, — в высокой траве.

Все туземцы уже вскочили, пожимали мне руки, тянули за палец. Потом мы заторопились мимо деревьев через овраг, к лугу. Мои глаза, мой мозг и все мое существо наполняла эта дивная чернота самца, изгиб его длинных рогов, и я благодарил Бога, что перезарядил ружье до его появления. Но это была эмоциональная охота, и я не испытывал гордости. Я был до такой степени возбужден, что целился не в определенную часть животного, а просто в него. Мне было стыдно, но этого никто не замечал, успех опьянил всех.

Я предпочел бы идти медленно, но остальных нельзя было удержать, они неслись вперед, как свора собак. Когда мы пересекли луг, на котором впервые увидели антилоп, и подошли к тому месту, где исчез самец, трава там неожиданно оказалась очень высокой, выше человеческого роста, и мы стали двигаться медленнее. К ручью спускались два размытых, незаметных издали оврага в десять-двенадцать футов глубиной, и то, что на расстоянии представлялось гладкой, травянистой чашей, вблизи оказывалось неровной, хитро устроенной западней, где трава была по пояс, а то и накрывала с головой. Кровавые следы мы обнаружили сразу, они вели нас влево, через ручей и дальше по склону холма к началу долины. Я решил, что это следы первой антилопы, но круг был явно шире того, какой она описала, когда мы смотрели на нее сверху. Я поискал следы большого самца, но не смог их вычислить среди множества прочих следов.

Все хотели идти по кровавому следу, и остановить их было так же трудно, как плохо натренированную собаку заставить искать мертвую птицу, а не рваться вслед улетевшей стае.

— Думи! Думи! — сказал я. — Кубва Сана! Самец. Большой самец.

— Да, — согласились все. — Вот! Вот! — Через ручей шел кровавый след.

Наконец я с ними согласился, надеясь отыскать обоих, понимая, что самка ранена тяжело, а самец может еще продержаться. Кроме того, вдруг я ошибаюсь, и тот крупный самец свернул в высокую траву и пересек здесь ручей, пока мы бежали по склону. Ведь я и раньше ошибался.

Мы быстро поднялись на холм и в лесу увидели обильные следы крови, свернули вправо и, карабкаясь по крутому откосу, среди скал спугнули черную антилопу. Она большими скачками понеслась по камням. Мне сразу стало ясно, что она не ранена, и, несмотря на темные, загнутые назад рога, я понял по темно-каштановому цвету шерсти, что это самка. Понял как раз вовремя: я уже поднял ружье, чтоб нажать на спуск.

— Манамуки, — сказал я. — Самка.

М'Кола и два местных проводника это подтвердили. А ведь я чуть было не выстрелил. Не прошли мы и пяти метров, как спугнули еще одну антилопу. Но эта трясла головой и не могла скакать по скалам. Она была тяжело ранена, и я, тщательно прицелившись, выстрелил и избавил ее от мук, перебив шею.

Мы приблизились к антилопе. Она лежала

на камнях, большая, темно-коричневая, почти черная, с красиво изогнутыми черными рогами, с белым пятном на носу и отметинами у глаз и белым брюхом. Но это был не самец.

Чтобы отмести все сомнения, М'Кола ощупал маленькие, недоразвитые соски, сказал: «Мана-муки» — и печально потряс головой.

Это была та первая антилопа, которую Гаррик принял за самца.

— Самец там, внизу, — сказал я.

— Да, — согласился М'Кола.

Я решил, что надо выждать, пока раненый самец ослабеет, и тогда спуститься и найти его. За это время М'Кола сделает нужные надрезы, чтобы дед без него мог освежевать голову, а мы тем временем пойдем вниз искать самца.

Я сделал несколько глотков воды из фляги. После бега и карабканья по холмам я испытывал сильную жажду, да и солнце поднялось уже высоко и основательно припекало. Мы спустились по противоположному склону долины и внизу, в высокой траве, разбившись на группы, стали искать след самца. Но его нигде не было.

Сначала антилопы бежали стадом, и все следы перепутались или стерлись. Мы обнаружили пятна крови на траве там, где я ранил самца, потом

они исчезли, потом появились снова там, где другой кровавый след — самки — свернул в сторону. Но дальше все следы расходились веером — звери врассыпную бежали вверх по долине и холмам, и разобраться здесь в следах было невозможно. Наконец я нашел брызги крови на травинке в пятидесяти метрах вверх по долине и сорвал ее. Это было ошибкой. Нужно было привести сюда остальных. Кроме М'Колы, никто уже не верил в раненого самца.

Его нигде не было. Он исчез. Растворился. Может, он никогда и не существовал? Как доказать, что это действительно был самец? Если б я не сорвал травинку со следами крови, я еще мог бы их убедить. Растущая — она была доказательством. Сорванная — она никому не интересна, кроме меня и М'Колы. Но больше я нигде не нашел следов крови, и следопыты работали без особой охоты. Единственный путь: обшарить каждый фут высокой травы, каждый фут земли в оврагах. Жара усилилась, и все работали без энтузиазма.

Подошел Гаррик.

— Все самки, — сказал он. — Никакого самца. Просто большая самка. Вы убили большую самку. А та, что поменьше, убежала.

— Слушай ты, безмозглый кретин, — сказал я и

стал доказывать ему на пальцах. — Семь самок. Потом пятнадцать самок и один самец. Самец ранен. Тебе ясно?

— Все самки, — упорствовал Гаррик.

— Ранена одна большая самка. И один самец.

Я говорил таким уверенным тоном, что со мной согласились и возобновили поиски, но я видел, что вера в самца понемногу сходит на нет.

«Была бы со мной собака, — подумал я. — Всего одна хорошая собака».

Опять подошел Гаррик.

— Все коровы, — сказал он. — Очень большие коровы.

— Сам ты корова, — не выдержал я. — Очень большая корова.

Мои слова вызвали смех у вандеробо-масая, который до этого выглядел совсем убитым. Брат Римлянина вроде бы еще верил в существование самца. Муж красавицы, похоже, разочаровался во всех нас. Думаю, теперь он не верил и в убийство куда прошлой ночью. Впрочем, после моей сегодняшней стрельбы я не осуждал его.

Подошел М'Кола.

— Хапана, — сказал он мрачно. И прибавил: — Бвана, ты попал в этого самца?

— Да, — ответил я. На какое-то мгновение я

даже усомнился, а был ли то бык? Но потом снова вспомнил густую, лоснящуюся черноту его шерсти, высокие рога, которые при беге он откинул назад, вспомнил, как он бежал, выделяясь среди всего стада, черный, как уголь, и М'Кола вслед за мной тоже увидел его в своем воображении, преодолев туман недоверия, обычного для дикаря.

— Да, — признал М'Кола. — Я видел. Ты его ранил.

Я все повторил:

— Семь самок. Убил самую крупную. Пятнадцать самок, один самец. Ранил самца.

На короткое время все опять поверили мне и продолжили поиски, но вера умерла под палящими лучами солнца среди колыхавшейся высокой травы.

— Все самки, — принялся за свое Гаррик. Вандеробо-масай кивнул с открытым ртом. Я чувствовал, что спасительное равнодушие овладевает и мной. Насколько легче отказаться от поисков под жгучим солнцем в этом голом овраге и не бродить по крутому скату. Я сказал М'Коле, что мы облазим долину с обеих сторон, кончим свежевать голову, а потом уж спустимся вдвоем вниз и найдем самца. Нельзя заставить других идти с нами, если они не верят в смысл поисков. У меня

не было ни возможности, ни права приучить их к дисциплине. Я не мог пойти против закона и пристрелить Гаррика; в этом случае остальные продолжили бы поиски или разбежались. Думаю, продолжили бы поиски. Гаррика не любили. Он был по натуре вредитель.

Мы с М'Колой снова спустились в долину, обыскали ее вдоль и поперек, как охотничьи собаки, проверили все следы. Меня терзали жара и жажда. Солнце пекло не на шутку.

— Хапана, — сказал М'Кола. Мы не нашли его. Самец то был или самка, но наши поиски ни к чему не привели.

«Может, то была самка. Может, мы зря тратим время», — утешал я себя. Мы решили осмотреть еще один холм справа от нас, а после, покончив с поисками, взять голову в лагерь и узнать, что разведал Римлянин. Я умирал от жажды и выпил всю флягу. Мы знали, что в лагере воды достаточно.

Когда мы поднимались по холму, я спугнул в кустах антилопу. Я успел увидеть, что это самка, прежде чем выстрелил. А они умеют прятаться, подумал я. Надо созвать людей и еще раз все осмотреть. Но тут раздался громкий возглас деда.

— Думи! Думи! — пронзительно кричал он.

— Где? — заорал я и бросился к нему.

— Там! Там! — кричал он, указывая на лес по другую сторону долины. — Там! Там! Вот он бежит!

Мы помчались со всех ног, но зверь уже скрылся в лесу на склоне холма. По словам деда, самец был огромный, черный, с громадными рогами и пробежал он в десяти метрах от него. Он бежал быстро, несмотря на раны в брюхе и спине, пересек долину и через валуны взбежал на холм.

Выходит, я ранил его в брюхо, а когда он убегал, то получил еще пулю сзади. Он упал, и мы его не заметили. Самец поднялся, когда мы прошли дальше.

— Вперед! — скомандовал я. Все были возбуждены и готовы следовать за мной хоть на край света, а дед, продолжая болтать о промчавшемся самце, сложил шкуру с головы антилопы, а голову водрузил на свою собственную, и мы, пробираясь через камни, стали тщательно обследовать холм.

Там, куда указывал дед, мы увидели очень большой след широких копыт антилопы, следы вели в лес, и крови было много.

Мы торопливо шли по этому следу, надеясь нагнать самца и добить. Идти в тени деревьев, ориентируясь по свежим пятнам крови, было нетрудно. Но самец продолжал бежать по хол-

му все выше. Удивительно, кровавые следы не успевали подсохнуть, а мы никак не могли его нагнать. Я смотрел не на землю, а вперед, надеясь увидеть его, если он оглянется, или упадет, или вдруг решится спуститься с холма лесом; М'Кола и Гаррик шли по следу, им помогали все, кроме деда, который плелся в конце и, пошатываясь, нес на своей седой голове череп и шкуру антилопы. М'Кола повесил на него еще пустую флягу, а Гаррик — кинокамеру. Тяжелая ноша для старика.

Один раз мы вышли на место, где самец отдыхал, и видели след его задних копыт, а за кустами, где он стоял, разлилась лужица крови. Я проклинал ветер, который разносил наш запах далеко вперед. Ветер дул с нашей стороны, и у нас не было никаких шансов нагрянуть неожиданно: человеческий запах распугает всех зверей на нашем пути. Я думал пойти с М'Колой в обход, оставив остальных идти по следу, но мы двигались быстро, кровь на камнях, на опавших листьях и траве была по-прежнему яркая, а склоны слишком крутые, чтобы идти в обход. Я решил, что потерять самца мы не можем.

Потом он вывел нас на каменистую возвышенность, изрезанную оврагами, где след часто терялся, и двигались мы с трудом. Здесь, подумал

я, мы поднимем его в каком-нибудь овражке, но пятна крови, уже не такие яркие, вели нас все выше через камни и скалы, привели к крутому уступу и здесь пропали. Отсюда ему путь был только вниз. Выше подняться он не мог — уступ был слишком крут. Оставалось одно — спускаться, но каким путем, по какому оврагу? Послав людей обследовать три возможных пути, сам я остался на уступе в надежде увидеть его сверху. Сначала следов не обнаруживалось, а потом вандеробо-масай крикнул, что справа под нами видит кровь. Спустившись, мы тоже увидели ее на скале и продолжали находить подсыхающие капли до самого луга. Я воспрянул духом, когда самец вошел в густую по колено траву, где выслеживать его стало легче: брюхом он задевал травинки, и кровь сразу бросалась в глаза — не надо было сгибаться в три погибели, чтобы разглядеть следы. Но она уже высохла и потемнела — мы потеряли много времени у уступа.

Наконец след пересек русло высохшего ручья, откуда мы впервые увидели утром луг, и привел нас на почти голый склон другого берега. Небо было без единого облачка, и солнце палило вовсю. Но меня мучил не только зной, а невыносимая тяжесть в голове, страшно хотелось пить. Жара

была нестерпимая, но дело было не в ней, а в этой жуткой тяжести в голове. Тяжесть солнца.

Гаррик прекратил серьезные поиски и лишь при нас с М'Колой с театральными ужимками демонстрировал свои успехи — найденные где-то капли крови. Он бросил заниматься черной работой, а предпочитал отдыхать, время от времени изображая рвение. Вандеробо-масай был в нашем деле человеком бесполезным, и я посоветовал М'Коле хотя бы дать ему нести тяжелое ружье. Брат Римлянина был явно не охотник, а мужу красавицы тоже не было особенно интересно. Похоже, и он не был охотником. Пока мы медленно шли по следу, кровь проступала черными пятнами на твердой, высушенной солнцем земле, поросшей низкой травой, а в это время наши товарищи один за другим останавливались и устраивались в тени.

Солнце жгло немилосердно, а так как мы шли по следу, пригнувшись и с опущенной головой, то, несмотря на прикрывавший шею платок, голова моя раскалывалась от боли.

М'Кола шел по следу медленно, неторопливо, целиком поглощенный этим занятием. На его непокрытой, лысой голове проступил пот, и, когда тот стекал в глаза, он срывал пучок травы

и, перекладывая его из руки в руку, утирал лоб и лысое черное темя.

Мы двигались медленно. Я всегда уверял Старика, что не уступаю в мастерстве М'Коле, а то и превосхожу, но теперь понял, что в прошлом, подобно Гаррику, только прикидывался следопытом, случайно находя потерянный след. А вот теперь, в этом упорном поиске, когда солнце раскалило все вокруг не на шутку и голова не выдерживала такой жары, когда след надо было искать среди короткой травы на твердой почве, где пятнышко крови, превратившееся в высохший черный волдырь, трудно было заметить на сухой травинке, тем более что следующее было где-нибудь через двадцать метров, один охотник стоял на месте, пока второй не находил следующее кровавое пятно, потом они, избегая лишних слов, шли по обе стороны следа, указывая травинками на кровь, а потеряв след, искали вокруг, не упуская из виду последнее пятнышко, и подавали друг другу знаки; и вот, когда из пересохшего горла нельзя было выдавить ни единого звука, когда зной плыл над землей и приходилось с трудом разгибаться, чтобы дать отдых затекшей шее и оглядеться по сторонам, я понял, что М'Кола превосходит меня не только как человек, но и как

следопыт. Надо будет сказать об этом Старику, подумал я.

И тут М'Кола вздумал пошутить. Во рту у меня пересохло, как в пустыне.

— Бвана, — сказал М'Кола в тот момент, когда я выпрямился и откинул голову назад, чтобы расправить шею.

— Что?

— Может, виски? — и он протянул флягу.

— Ах ты мерзавец, — сказал я по-английски, и он захихикал и затряс головой.

— Хапана виски?

— Ты дикарь, — сказал я на суахили.

Мы возобновили поиски, но М'Кола еще долго тряс головой, довольный своей шуткой. Вскоре трава стала выше, и это сулило облегчение. Мы прошли все редколесье, которое видели утром с холма, и, спустившись вниз, снова попали в высокую траву. Здесь я обнаружил, что, прищурив глаза, могу видеть, где самец прокладывал путь, и я, к удивлению М'Колы, быстро пошел вперед, не разыскивая больше следов крови, но скоро мы снова вышли на каменистую почву с редкой, низкой травой, и искать следы стало еще труднее.

Самец теперь терял меньше крови: жара и солнце, должно быть, подсушили его раны, и

небольшие звездчатые брызги на каменистой почве попадались теперь редко. Подошел Гаррик, показал на парочку своих «ценных находок» и снова сел под дерево. Под другим деревом расположился бедный вандеробо-масай, выполнявший в первый и последний раз обязанности ружьеносца. Еще под одним сидел дед, весь обвешанный ружьями, голова антилопы лежала рядом, словно атрибут «черной мессы». Мы с М'Колой медленно и с трудом продвигались по длинному и каменистому склону, обследовали соседний луг, поросший редкими деревьями, прошли его и увидели длинное поле в конце, заваленное крупными камнями. Посреди поля след пропал, и мы кружили вокруг около двух часов, прежде чем снова нашли следы крови.

Их обнаружил дед за камнями в полумиле правее от нас. Он пошел туда, исходя из собственного представления, куда мог пойти самец. Да, дед был настоящим охотником.

Затем мы медленно из-за твердой каменистой почвы одолели еще милю. Но дальше путь кончался. На твердом грунте следы не оставались, а крови нигде не было. Все высказывали разные предположения, куда мог пойти самец, но путей было много, а нам не везло.

— Дрянь дело, — сказал М’Кола.

Я наконец разогнул спину и присел отдохнуть в тени большого дерева. Казалось, я погрузился в водную прохладу, ветерок охлаждал кожу сквозь мокрую рубашку. Я непрестанно думал о самце. Лучше бы я промахнулся. А то ранил — и потерял. Он имел полное право уйти отсюда. Не в его правилах кружить на месте или возвращаться. К вечеру он умрет, и его сожрут гиены, или еще хуже — они нападут на него еще живого, перегрызут ему поджилки, потом вырвут внутренности. Первая же гиена, напавшая на кровавый след, не остановится, пока не нагонит раненого зверя. Потом созовет на пир остальных. Я чувствовал себя последним негодяем, ранив антилопу и не добив ее. Совесть моя спокойна, если я убиваю животное без промаха. Всем им предстоит умереть, и мое участие в ночной и сезонной охоте, происходящей во все времена, ничтожно, и я не ощущал своей вины. Мы съедали мясо и уносили шкуры и рога. Но этот самец черной антилопы вызвал у меня чувство вины. Кроме того, мне хотелось добыть его, страстно хотелось. Хотелось больше, чем я в этом себе признавался. Мы упустили его в самом начале, когда он упал. Нет, раньше. Лучшая возможность, о какой только

может мечтать охотник, представилась мне, когда нужно было точно стрелять, а я послал пулю наугад. Это грубейшая ошибка. Только сукин сын мог прострелить зверю брюхо. Так бывает, когда человек слишком уверен в себе и пренебрегает тем, без чего хорошо дело не сделаешь. Что ж, мы потеряли этого самца. Да и собаку такую не найти, чтоб выследила его в этом пекле. Но это был единственный шанс. Я вытащил словарь и спросил деда, есть ли у них собаки.

— Нет, — ответил дед. — Хапана.

Мы описали большой круг, а брата и мужа красавицы я послал в другую сторону. Никаких следов и крови никто из нас не нашел, и я сказал М'Коле, что пора возвращаться в лагерь. Брат и муж отправились в долину за мясом убитой самки. Мы признали себя побежденными.

М'Кола и я впереди, а за нами и все остальные пересекли по самому солнцепеку равнину, потом сухое русло и, поднявшись по склону, очутились в прохладной тени леса. Мы шли по ровной, пружинистой лесной тропе в веселых бликах солнечного света и, когда свернули, чтобы идти к лагерю напрямик, увидели примерно в сотне метров стадо черных антилоп, стоявших меж деревьев и смотрящих на нас. Я приготовился

выстрелить и только высматривал лучшие рога.

— Думи, — прошептал Гаррик. — Думи кубва сана.

Я глянул в ту сторону, куда он указывал. Там стояла большая темно-каштановая антилопа с белыми пятнами на морде, белым брюхом, крепкая, с красивым изгибом рогов. Она стояла боком и, повернув морду, смотрела на нас. Я внимательно оглядел стадо, состоящее из одних самок, — видимо, это было то самое стадо, в котором я смертельно ранил самца, они перевалили через холм и снова обосновались здесь.

— Идем в лагерь, — сказал я М'Коле.

Когда мы тронулись, антилопы дружно побежали через тропу впереди нас. Каждый раз при виде хороших рогов Гаррик восклицал: «Самец, бвана. Большой, большой самец. Стреляй, бвана! Стреляй же, стреляй!

— Одни самки, — сказал я М'Коле, когда антилопы испуганно промчались сквозь пронизанную солнцем рощу.

— Да, — согласился он.

— Эй, дед! — позвал я. Он подошел. — Передай голову проводнику, — потребовал я.

Дед опустил на землю голову антилопы.

— Я не понесу, — запротестовал Гаррик.

— Нет, понесешь, — сказал я. — Еще как понесешь!

Мы продолжили путь к лагерю лесом. Настроение у меня постепенно улучшалось. За все это время я ни разу не вспомнил о куду. А ведь они меня ждали в лагере.

Путь обратно показался мне очень долгим, хотя обычно, когда возвращаешься новой дорогой, он кажется короче. Я валился от усталости, голова была как вареная, а от жажды все внутри пересохло. Но вдруг стало прохладнее — солнце спряталось за тучи.

Мы вышли из леса, спустились на равнину и увидели колючую изгородь. Солнце так и не выходило, а вскоре все небо заволокли тяжелые, свинцовые тучи. Может, это был последний солнечный жаркий день перед дождями. Сначала я подумал: «Вот если б после дождя земля сохранила следы, мы могли бы выслеживать этого самца беспрепятственно», но, глядя на мохнатые тучи, так быстро затянувшие небо, вспомнил, что, если мы хотим догнать своих и провести машину десять миль по черным землям до Хандени, надо торопиться. Я указал на небо.

— Плохо, — согласился М’Кола.

— Поедем в лагерь бваны М’Кубва?

— Хорошо. — Потом энергично поддержав решение: — Н'Дио. Н'Дио.

— Едем, — решил я.

Добравшись до колючей изгороди и хижины, мы быстро сложили палатки. Посыльный из прежнего лагеря принес нам записку от Мамы и Старика перед их отъездом и мою москитную сетку. В записке сообщалось только то, что они уезжают, и пожелания удачи. Я напился воды, сел на бачок с бензином и взглянул на небо. Рисковать было нельзя. Если хорошо польет, мы и до дороги не доберемся. Если дождь застигнет нас в пути, мы не попадем на побережье до конца дождей. Об этом меня предупреждали и австриец, и Старик. Нужно ехать.

Решено так решено, и нет никакого смысла думать, как бы мне хотелось остаться. Дневная усталость помогла мне в этом. Наши вещи грузили в машину, и туземцы стали снимать мясо с палок, натыканных в золе.

— Ты не хочешь есть, бвана? — спросил меня Камау.

— Нет, — ответил я. И прибавил по-английски: — Слишком устал.

— Надо есть. Ты голоден.

— Позже. В машине.

Мимо прошел М'Кола с вещами, его большое, плоское лицо было опять непроницаемым. Оно оживало только во время охоты или от какой-нибудь шутки. Отыскав у костра железную кружку, я попросил его принести виски, и неподвижное лицо тут же расплылось в улыбке. Он вытащил флягу из кармана.

— Лучше с водой, — сказал он.

— Ах ты, черномазый китаец.

Все работали быстро; две женщины вышли из хижины и стояли в стороне, наблюдая, как носят и упаковывают вещи. Обе были красивые, стройные, смотрели робко, но заинтересованно. Римлянин еще не вернулся. Мне было неприятно уезжать, не объяснив причины отъезда. Римлянин мне нравился, и я питал к нему большое уважение.

Я пил виски с водой и глядел на две пары рогов куду, прислоненных к стене курятника. Рога плавными спиралями поднимались над белыми, хорошо вычищенными черепами, и эти спирали, расходясь в стороны, делали изгиб, потом еще изгиб, а потом заканчивались гладкими, словно выточенными из слоновой кости концами. Одна пара имела не такой большой размах, но была повыше. Другая, почти такая же высокая,

была шире и тяжелее. Темно-каштановый цвет был очень красив. Я подошел и поставил свой «спрингфилд» к стене между рогами, и концы их оказались выше дула. Когда Камау возвращался от машины, я попросил его принести фотоаппарат и постоять около рогов, пока я сделаю снимок. Потом Камау по одной перенес головы к машине, такие они были тяжелые.

Гаррик громко и свысока говорил с женщинами. Насколько я мог понять, он предлагал им на что-то обменять наши пустые бачки от бензина.

— Иди сюда, — крикнул я ему. Когда он подходил, с его лица еще не сошло нагло-самоуверенное выражение. — Послушай, — сказал я по-английски. — Если до конца поездки я не набью тебе морду, это будет чудом. Но если уж ударю, знай, у тебя не останется ни одного зуба.

Гаррик не понял ни единого слова, но тон мой был достаточно ясен. Я встал и жестом дал понять женщинам, что они могут взять безвозмездно бачки из-под бензина и ящики. Я бы, наверное, здесь все разнес, если б Гаррик стал к ним приставать.

— Полезай в машину, — велел я ему. — Нет, в машину, — повторил я, когда увидел, что он собирается сам отнести один бачок. Он покорно

направился к машине.

Мы все сложили и были готовы ехать. Привязанные к багажу витые рога торчали над задним сиденьем. Я оставил для Римлянина деньги и одну из шкур куду. Потом мы все забрались в машину. Я сел впереди с вандеробо-масаем. Сзади сели М'Кола, Гаррик и гонец, оказавшийся из одной придорожной деревни с дедом. Сам дед примостился на багаже, под самой крышей.

Помахав всем на прощание, мы проехали мимо дома Римлянина, там пожилые, некрасивые туземцы жарили куски мяса на костре у тропы, которая шла через маисовое поле к ручью. Мы легко переправились через ручей — вода ушла, и берега заметно подсохли. Я оглянулся, взглянув последний раз на поле, хижины, ограду, у которой мы разбили лагерь, на голубые холмы, потемневшие под пасмурным небом, и снова почувствовал досаду, что не увидел Римлянина и не объяснил, почему мы так скоропалительно уезжаем.

Потом мы ехали лесом, по той же дороге, стремясь попасть на открытое место до темноты. Дважды мы застревали в болоте, и тогда Гаррик принимался истерически командовать, пока остальные рубили кусты и копали землю, и довел меня до того, что я не сомневался: придется

ему врезать. Телесное наказание было ему так же необходимо, как трепка расшалившемуся ребенку. Камау и М'Кола открыто смеялись над ним. Он разыгрывал удачливого вождя, возвращающегося с охоты. Да, страусовые перья были ему к лицу.

Один раз, когда мы застряли и я работал лопатой, расчищая путь, он, увлеченный ролью советчика и командира, склонился, и тогда я как бы нечаянно сильно ткнул его черенком лопаты в живот — он даже присел. Я не оглянулся, и М'Кола, Камау и я старались не смотреть друг на друга, боясь рассмеяться.

— Больно, — с удивлением сказал он, поднимаясь.

— Никогда не подходи близко к человеку с лопатой в руках, — сказал я по-английски. — Чертовски опасно.

— Больно, — повторил Гаррик, держась за живот.

— Потри его, — сказал я и показал, как это делается. Когда мы снова сели в машину, мне стало жаль этого бедного, смешного бездельника, и я попросил у М'Колы бутылку пива. Он достал бутылку из-под багажа, откупорил ее, и я стал медленно пить. Мы проезжали по местности,

похожей на олений заповедник. Оглянувшись, я увидел, что с Гарриком все в порядке и он опять трещит без умолку. Потирая живот, он, похоже, хвастался, что все ему нипочем и он даже не почувствовал боли. Я заметил взгляд деда, тот следил сверху, как я пью пиво.

— Дед, — позвал я.

— Что, бвана?

— Это тебе. — И я протянул ему бутылку, в которой осталось немного пива и пена.

— Еще пива? — спросил М'Кола.

— Конечно, черт дери, — сказал я.

При мысли о пиве я вернулся в ту весну, когда мы шагали по горной дороге в Бэн-де-Альес и участвовали в пивном конкурсе, где призом был не доставшийся нам теленок, а домой возвращались ночью в обход горы и любовались растущими в лугах нарциссами, залитыми лунным светом, и еще вспоминал, как мы были пьяны, когда говорили о том, как передать лунную бледность и коричневость пива, сидя за деревянными столами под зелеными побегами глицинии в Эгле после того, как пересекли долину Роны, где рыбачили, и цвели конские каштаны, а мы с Чинком опять говорили о литературе и спорили, можно ли их цветки сравнить с восковыми кан-

делябрами. Черт возьми, какие же остроумные литературные разговоры мы вели, после войны мы с ума сходили по литературе, а потом пили отличное пиво у Липпа в полночь после споров в «Маскар-Леду» у цирка, и в «Рути-Леду», и после других словесных баталий, откуда возвращались охрипшие и слишком возбужденные, чтобы сразу завалиться спать; но больше всего пива сразу после войны мы выпили с Чинком в горах. Флаги — стрелкам, скалы — альпинистам, а английским поэтам — пиво, и для меня покрепче. Чинк тогда, помнится, цитировал Роберта Грейвса. Мы вырастали из одних стран и устремлялись в другие, но пиво везде оставалось чудом. Дед это тоже знал. Я понял это по его глазам еще в первый раз, когда он смотрел, как я пью.

— Пива, — сказал М'Кола. Он открыл бутылку, а я глядел на места вокруг, похожие на заповедник, от мотора сильно нагрелись ботинки, рядом, как всегда, сидел сильный вандеробо-масай, Камау внимательно вглядывался в следы колес на зеленом дерне, а я высунул ноги в ботинках наружу в надежде, что они остынут, и пил пиво и мечтал, чтоб рядом оказался Чинк, капитан Эрик Эдвард Дорман Смит, кавалер Военного креста из пятого стрелкового полка Его Величества. Окажись он

здесь, мы могли бы поспорить, как лучше описать эти места, похожие на олений заповедник, и можно ли их просто назвать оленьим заповедником. Старик и Чинк очень похожи. Старик старше и терпимей для своих лет, а отношения у нас почти одинаковые. У Старика я учусь, а с Чинком мы вместе открывали мир, а потом наши пути разошлись.

Мне не давал покоя черный самец. Я должен был его сразить, но он бежал, когда я выстрелил. Он весь был мишень. Ну ладно, тут еще можно поспорить, но как же самка, стоявшая к тебе боком, в нее ты промазал дважды. Она что, тоже бежала? Нет. Если б я выспался, то ничего такого не было бы. А если б не поленился протереть замасленный ствол ружья, первая пуля не пролетела бы слишком высоко. Тогда я не взял бы так низко во второй раз, и пуля не прошла бы у нее под брюхом. Нет, это ты во всем виноват, черт бы тебя побрал. Я воображал, что стреляю из дробовика лучше, чем оказалось, и я потратил кучу денег, чтобы поддержать в себе это мнение, и все же, если говорить холодно и беспристрастно, крупную дичь я стреляю не хуже другого сукина сына. Провалиться мне на этом месте! И что из того? Я прострелил брюхо черному самцу и упу-

стил его. Так ли хорошо я стреляю, как думаю? Конечно. Тогда почему я промазал, стреляя по самке? Да, черт возьми, такое с каждым может случиться. Но тут не было никаких уважительных причин. Да кто ты такой, чтоб во все лезть? Моя совесть? Послушай, у меня с совестью все в порядке. Я знаю, каким сукиным сыном могу быть, и знаю, что именно могу делать хорошо. Если б не пришлось срочно уезжать, я добыл бы самца черной антилопы. Я знаю, Римлянин настоящий охотник. Было еще одно стадо. Почему я пробыл там только один вечер? Какая это охота? Да никакая. Вот появятся у меня настоящие деньги, и тогда мы снова вернемся сюда, доедем на грузовиках до деревни деда, наймем носильщиков, чтобы не трястись из-за этой проклятой машины, потом отошлем носильщиков обратно, разобьем лагерь в лесу у ручья, выше деревни Римлянина, и будем охотиться в этих местах не торопясь, каждый день ходить на охоту, иногда я буду брать передышку и писать неделю, или полдня, или через день, и изучу то место так, как изучил места вокруг озера, куда нас привезли. Я увижу, где живут и пасутся буйволы, а когда через холмы пойдут слоны, мы будем смотреть, как они ломают ветви, и нам не надо будет стрелять, и я

буду лежать на опавших листьях и смотреть, как щиплют траву куду, и не подниму ружья, если только не увижу голову лучше тех, что везем мы, и, вместо того чтобы весь день искать черного самца с простреленным брюхом, я буду лежать за скалой и смотреть, как антилопы пасутся на склоне холма, и буду смотреть так долго, чтобы они навечно остались в моей памяти. Надеюсь, Гаррик не привезет сюда своего бвану Симба и они не перестреляют все зверье. Но если они здесь появятся, я уйду еще дальше, вон за те холмы, там тоже есть места, где можно жить и охотиться, если, конечно, у тебя есть время жить и охотиться. Такие проберутся всюду, где пройдет машина. Но всюду существуют заповедники вроде этого, о которых никто не знает, и машины проходят мимо. Эти люди всегда охотятся на тех же местах.

— Пива? — спросил М'Кола.

— Да, — сказал я.

Конечно, прожить здесь трудно. Все так говорят. Набегает саранча и пожирает посевы, и муссон может задержаться, и дождей нет, и все засыхает и гибнет. От клещей и мух гибнет скот, москиты приносят лихорадку и малярию. Скот мрет, а за кофе не дают настоящую цену. Нужно быть индийцем, чтобы продавать сизаль не в

убыток, а на побережье каждая кокосовая плантация означает, что кто-то разорился, пытаясь делать деньги на копре[38]. Белый охотник работает три месяца в году, а пьянствует круглый год, а правительство разоряет страну к выгоде индийцев и туземцев. Так мне рассказывали. Все так и есть. Но я не стремился здесь делать деньги. Я хотел только жить здесь и охотиться не торопясь. Я здесь уже подхватил одну болезнь и теперь должен был каждый день промывать мыльной водой трехдюймовый кусочек моих длинных кишок, а потом вправлять их на место. Это средство излечивает от этой болезни, и стоит потерпеть, учитывая то, что я видел и где побывал. К тому же я подхватил ее на грязном пароходе, когда плыл из Марселя. Жена не болела ни дня. Карл тоже. Я любил Африку и чувствовал себя здесь как дома, а если человек в другой стране чувствует себя как дома, туда ему и нужно ехать. Во времена моего деда Мичиган был охвачен малярией. Ее называли лихорадкой и трясучкой. А на острове Тортугас, где я провел много месяцев, желтая лихорадка однажды унесла тысячу жизней. Новые континенты и острова стараются запугать вас

[38] Примечания: 38
Мякоть кокоса.

болезнями, как змея — шипением. Но змеи тоже бывают ядовитые. Их убивают. Черт возьми, но ведь то, что случилось со мной месяц назад, убило бы меня в прежние времена, когда не существовало нужное лекарство. Могло убить, но я мог и выздороветь.

Насколько легче жить в нормальной стране, соблюдая простые меры предосторожности, чем притворяться, что страна, дела которой плохи, все еще держится на плаву.

С нашим появлением континенты быстро дряхлеют. Местные люди живут в гармонии с ним. Но иностранцы все разрушают, рубят деревья, истощают водные источники, что приводит к дефициту воды, и за короткое время почва, чей травяной покров перепахивают, начинает сохнуть, потом выветривается, что произошло во всех старых странах, такой процесс на моих глазах начался в Канаде. Земля устает от постоянной эксплуатации. Она быстро изнашивается, если человек и его животные не отдают ей отходы своей жизнедеятельности. Стоит только человеку заменить животное машиной, и земля быстро побеждает его. Машина не может создавать себе подобных, она не способна удобрять почву, а работать может только на том, что человек не

способен вырастить. Страна должна оставаться такой, какой мы впервые ее увидели. Мы чужаки и после нашей смерти можем оставить загубленную страну, но все же она останется, и, кто знает, какие ее ждут перемены. Думаю, все кончат как Монголия.

Я еще буду приезжать в Африку, но не для заработка. Для заработка мне нужны всего два карандаша и пачка дешевой бумаги. Я вернусь сюда, потому что мне нравится здесь жить — жить полной грудью, а не влачить существование. Наши предки ехали в Америку, потому что тогда только туда и следовало ехать. Эту прекрасную страну мы превратили черт знает во что, и теперь меня тянет всегда в какое-нибудь другое место, ведь у нас всегда было право ехать куда захотим, что мы и делали. А вернуться — никогда не поздно. Пусть другие едут в Америку, не зная, что они переезжают слишком поздно. Наши предки видели ее в пору расцвета и сражались за нее, когда она того стоила. А я уж поеду в другое место. Прежде мы много путешествовали, а хорошие места и сейчас есть.

Хорошую страну от плохой я всегда отличу. В Африке много всякого зверья, много птиц, и здешний народ мне нравится. Здесь я могу охо-

титься и рыбачить. Это и еще писать, читать и видеть окружающий мир — все, что мне надо. И увиденные картины запоминать. Мне интересно наблюдать и другое — то, что я любил делать сам. Например, кататься на лыжах. Но теперь у меня ноги уже не те, да и жалко тратить время на поиски хорошего снега. Теперь развелось слишком много лыжников.

Машина обогнула излучину реки, пересекла зеленый луг, и перед нами открылась масайская деревня.

Завидев нас, масаи выбежали за изгородь и окружили машину. Были здесь молодые воины, которые в прошлый раз соревновались с нами в скорости, а теперь навстречу вышли и женщины с детьми. Ребятишки все были маленькие, а мужчины и женщины казались одного возраста. И совсем не было стариков! Масаи встретили нас как старых друзей, и мы устроили для них настоящий пир, угостив их хлебом, который они ели с веселым смехом — сначала мужчины, потом женщины. Потом я велел М'Коле открыть две банки мясного фарша и сливовый пудинг, разделил все это на порции и дал каждому. Я слышал и читал, что масаи питаются только кровью скота, смешанной с молоком, а кровь берут из шейной

вены, пустив в нее стрелу с небольшого расстояния. Однако эти масаи с большим удовольствием ели хлеб, мясо и пудинг, много смеялись и шутили. Один очень высокий и красивый мужчина настойчиво просил меня о чем-то, потом к нему присоединились еще пять-шесть человек. Видимо, им чего-то очень хотелось. Наконец высокий мужчина скорчил странную гримасу и издал звук, похожий на предсмертный визг свиньи. Наконец я сообразил, чего они хотят, и нажал кнопку клаксона. Дети с криком разбежались, воины умирали со смеху, а когда Камау, повинуясь общей просьбе, нажимал и нажимал клаксон, я увидел на лицах женщин выражение такого восторга и экстаза, что, захоти этого Камау, ни одна женщина из племени не устояла бы перед ним.

Наконец пришло время ехать, и, после того как были розданы пустые бутылки, этикетки и крышки от бутылок, собранные М'Колой в машине, мы тронулись в путь под звуки клаксона, вызвав восторг женщин, испуг детей и веселье мужчин. Воины довольно долго бежали с нами, но нам надо было спешить, тем более что дорога через «заповедник» была хорошая, и наконец мы помахали на прощание последним из них — они стояли высокие и стройные, с волосами, убран-

ными в косы, в коричневых шкурах, опираясь на копья, и улыбки не сходили с их раскрашенных красно-коричневой краской лиц.

Солнце близилось к закату, и я, не зная дороги, уступил гонцу свое место рядом с вандеробо-масаем, который мог помочь Камау, а сам пересел к М'Коле и Гаррику. Оставив заповедные места, мы еще засветло выехали на сухую, с редким кустарником равнину, я достал еще бутылку немецкого пива и, глядя по сторонам, заметил, что все деревья усеяны белыми аистами. Я не знал, то ли они отдыхали во время перелета, то ли охотились за саранчой, но в сумерках они выглядели чудесно, и я, расчувствовавшись, отдал деду бутылку, в которой оставалось пива еще на добрых два пальца.

Следующую бутылку я выпил, позабыв о деде. (Аисты все еще сидели на деревьях, по правую сторону дороги паслись газели Гранта. Шакал, как серая лисица, перебежал дорогу.) Я попросил М'Колу открыть еще бутылку, а мы тем временем миновали равнину и поднимались к дороге и деревне по отлогому склону, откуда были видны две горы. Уже смеркалось и стало прохладно, когда я передал бутылку деду, и он под крышей нежно прижал ее к себе.

В темноте мы остановились на дороге у деревни, и я заплатил гонцу, сколько было сказано в записке. Деду я тоже дал столько, сколько велел Старик, добавив кое-что от себя. Дальше разгорелся спор. Гаррику нужно было ехать с нами в главный лагерь, чтобы получить там деньги. Абдулла тоже хотел ехать, боясь, что Гаррик его надует. Вандеробо-масай жалобно просил взять и его. Он был уверен, что эти двое присвоят часть его доли, что я не исключал. Кроме того, был бензин, который нам оставили на случай необходимости, а если такового не будет, его следовало привезти обратно. Мы были перегружены и не знали, какая впереди дорога. Но Абдулла и Гаррик в машине помещались, можно было втиснуть и вандеробо-масая. Но о деде речь идти не могла. Ему заплатили, он остался доволен, но выходить из машины не хотел. Скорчившись, он сидел поверх груза, держался за веревки и повторял: «Я поеду с бваной».

М'Кола и Камау были вынуждены силой вытащить деда из машины, чтобы перераспределить груз, а он все кричал: «Хочу ехать с бваной!»

Пока они перекладывали в темноте вещи, дед держал меня за руку и что-то тихо говорил мне на непонятном языке.

— Ты получил свои деньги, — сказал я.

— Да, бвана, — ответил он. Значит, речь шла не о деньгах. Там все было в порядке.

Когда мы садились в машину, он рванулся с места и снова стал карабкаться наверх. Гаррик и Абдулла вытащили его.

— Тебе нельзя. Места нет.

Дед вновь заговорил со мной, голос звучал жалобно и умоляюще.

— Нет места.

У меня был маленький перочинный ножик, я достал его из кармана и протянул ему. Но он сунул мне нож обратно.

— Нет, — сказал дед. — Нет.

Он затих и молча стоял у дороги. Но когда мы тронулись, он побежал за машиной, и в темноте слышался его крик: «Бвана! Хочу ехать с бваной!»

Мы ехали по дороге, и в свете фар после всех наших приключений она казалась нам чем-то вроде бульвара. В полной темноте мы проехали по этой дороге благополучно пятьдесят пять миль. Я не спал, пока мы не одолели самую трудную часть пути — равнину, изрытую колеями, где при свете фар приходилось отыскивать дорогу через кустарники, а когда дело пошло лучше, я заснул и,

когда пробуждался, видел то освещенные фарами ряды высоких деревьев, то крутой склон, то, когда мы медленно ползли вверх, столбы электрического света от наших фар.

Наконец, когда спидометр показывал пятьдесят миль, мы остановились у какой-то хижины, и М'Кола, разбудив хозяина, спросил, как проехать к лагерю. Я снова заснул и проснулся, когда мы сворачивали с дороги, и впереди между деревьями виднелись костры лагеря. Когда огонь фар осветил наши зеленые палатки, я завопил от радости, ко мне присоединились остальные, заревел клаксон, я выстрелил в воздух, раздался грохот, и вспышка осветила темноту. Машина остановилась, и я увидел, как Старик торопится к нам из своей палатки в халате, высокий и грузный, и он обнял меня со словами: «Ах ты, проклятый истребитель быков!», а я хлопал его по спине.

А потом я сказал:

— Взгляните на рога, Старик.

— Я уже видел, — сказал он. — Они занимают полмашины.

Потом я крепко обнял жену, она казалась такой маленькой в стеганом просторном халате, и мы шептали нежные слова друг другу. Потом вышел

Карл.

— Привет, Карл, — сказал я.

— Я так рад за вас, — сказал он. — Замечательные рога.

М'Кола уже вытащил рога из машины, и они с Камау держали их так, чтобы всем было видно при свете костра.

— А у вас как дела?

— Убил еще одного из этих… Как они называются? Тендалла.

— Отлично, — похвалил я. Зная, что лучших рогов, чем у моей антилопы, быть не может, я надеялся, что и у него неплохие. — Сколько дюймов?

— Пятьдесят семь, — ответил Карл.

— Можно взглянуть? — Внутри у меня все похолодело.

— Они вон там, — сказал Старик, и мы подошли ближе. Это были самые огромные, самые раскидистые и затейливо изогнутые, самые темные и массивные, самые прекрасные рога во всем мире. Стрела зависти пронзила мое сердце. Я больше не хотел видеть свою добычу — никогда, никогда.

— Великолепно! — Я хотел произнести это весело, но у меня вырвались какие-то хриплые звуки. Я попытался исправить положение: — Действи-

тельно великолепно. Как это вам удалось?

— Их было трое, — сказал Карл, — и все такие же большие. Я не мог решить, кто самый крупный. Трудно пришлось. Я стрелял в него четыре или пять раз.

— Он чудесен, — подтвердил я. Похвала на этот раз далась мне чуточку лучше, но я понимал, что никого не одурачил.

— Я очень рад, что вы добыли-таки своих куду, — сказал Карл. — Такие красавцы! Надеюсь, утром вы мне все расскажете. Думаю, сейчас вы с ног валитесь. Спокойной ночи.

Он, как всегда, деликатно удалился, чтобы дать нам возможность поговорить наедине.

— Давайте выпьем, — крикнул я ему вслед.

— Нет, спасибо. Я лучше лягу. Голова раскалывается.

— Спокойной ночи, Карл.

— Спокойной ночи. Спокойной ночи, Мама.

— Спокойной ночи, — отозвались мы хором.

Сидя у костра, мы пили виски с содовой, и я рассказал им все наши приключения.

— Может, самца еще отыщут, — сказал Старик. — Предложим награду за рога. Пусть передадут их в охотничью инспекцию. Сколько дюймов в тех рогах, что подлиннее?

— Пятьдесят два.

— Над изгибом?

— Может, чуть больше.

— Лишний дюйм ничего не значит, — сказал Старик. — Ваши куду чертовски хороши.

— Конечно. Но почему он всегда вырывается вперед?

— Ему везет, — ответил Старик. — Боже, ну и куду! Я только раз в жизни видел рога длиннее пятидесяти дюймов. Это было в Калале.

— Мы узнали о том, что Карл убил куду, еще до отъезда из прежнего лагеря. Водитель грузовика рассказал нам, — сказала Мама. — Я все время молилась за тебя. Спроси у мистера Дж. Ф.

— Вы не представляете, что мы почувствовали, когда машина подкатила к костру с этими торчащими здоровенными рогами, — сказал Старик. — Ну, вы и каналья!

— Они чудесные! — восхитилась Мама. — Пойдемте взглянем на них еще раз.

— Вам навсегда запомнится эта охота. А это самое главное, — сказал Старик. — А куду первоклассные.

Но меня не оставляла досада, и она не проходила всю ночь. А утром досада ушла. Ушла и никогда больше не возвращалась.

Еще до завтрака мы со Стариком пошли взглянуть на рога. Утро было пасмурное и холодное. Приближался сезон дождей.

— Три чудесных трофея, — сказал Старик.

— Сегодня утром мои рога смотрятся неплохо даже на фоне добычи Карла, — сказал я. Так и было, как это ни странно. Я примирился с победой Карла и был рад за него. А стоящие рядом рога все выглядели хорошо. Действительно хорошо.

— Я рад, что вы успокоились, — сказал Старик. — И мне стало легче.

— Я по-настоящему рад за него, — искренне произнес я. — Мне и своего хватит.

— Все мы бываем во власти первобытных инстинктов, — сказал Старик. — Невозможно избавиться от духа соперничества. А он все портит.

— Я с ним справился, — заявил я. — Теперь все снова в порядке. А поездка была очень интересная.

— Не сомневаюсь.

— Старик, скажите, что значит, когда при рукопожатии берут твой большой палец и тянут его.

— Вас как бы признают кровным братом. А кто тянул вас за палец?

— Все, кроме Камау.

— Вот это да! — пришел в восторг Старик. —

Вы становитесь здесь своим человеком. Вас признали. А скажите, вы в самом деле такой необыкновенный следопыт и меткий стрелок?

— Идите к черту!

— А М'Кола тоже проделывал с вами такую штуку?

— Да.

— Ясно. А что, если нам разбудить маленькую Мемсаиб и позавтракать? — предложил Старик. — Хотя я не очень проголодался.

— А я очень. Почти два дня ничего не ел, — признался я.

— Но пиво, надеюсь, пили?

— Это конечно.

— Пиво — та же еда, — сказал Старик.

Мы позвали маленькую Мемсаиб и Карла и весело позавтракали.

* * *

Месяц спустя Мама, Карл и жена Карла, присоединившаяся к нам в Хайфе, сидели на солнце у каменной стены на берегу Галилейского[39] моря, завтракали, пили вино и смотрели на птиц на озере. Горы отбрасывали тень на воду, которая

---

[39] Примечания: 39

Теперь его чаще называют Тивериадским озером.

была такой спокойной, что казалась стоячей. Стая птиц, которых называют поганками, совершала круги по воде. Я пытался их сосчитать и задумался, почему они никогда не упоминаются в Библии. И в конце концов решил, что писавшие Библию не были натуралистами.

— Не собираюсь я ходить по воде, — сказал Карл, глядя на унылое озеро. — Один раз это произошло — и достаточно.

— Знаете, — сказала Мама. — А я его уже не помню. Не помню лица мистера Дж. Ф. А он так прекрасен. Я все думаю и думаю о нем, но представить себе не могу. Это ужасно. На фотографии он совсем другой. Еще немного, и я совсем забуду его лицо. Уже сейчас я представляю его смутно.

— Вы не должны его забывать, — сказал Карл моей жене.

— А вот я его прекрасно помню. Напишу для тебя как-нибудь повесть об Африке и расскажу там о старине Джексоне.

Проблеск истины

В Африке что на заре правда, то к полудню ложь, не стоящая ни гроша, как то волшебное, в обрамлении спелых трав, лазурное озеро на окоеме пропеченного солончака; его только что протопал от края до края и ясно понимаешь, что никакого озера нет, а оглянись – вот оно, живое и прекрасное.

Эрнест Хемингуэй

Вступительное слово

В этой истории место и время действия имеют огромное значение — по крайней мере для меня. В Восточной Африке я провел первую половину сознательной жизни — за чтением хроник и литературы европейских переселенцев, главным образом выходцев из Британии и Германии, история существования которых на Африканском континенте не насчитывает и трех поколений.

За сюжетом первых пяти глав сегодняшнему читателю следить тяжело, поэтому необходимо пояснить, какой была Кения в зиму с 1953 на 1954 год.

Джомо Кениата, чернокожий африканец из племени кикуйю, был женат на англичанке, получил неплохое образование и повидал мир. Вернувшись в родную Кению, он организовал и возглавил движение мау-мау, или, если пользоваться терминологией британской колониальной администрации того времени, подбил чернокожих работников на вооруженную борьбу против европейских землевладельцев, якобы присвоивших земли племени кикуйу. Почти как в жалобе Калибана из шекспировской «Бури»:

А остров – мне принадлежит по праву,
Как сыну Сикораксы! Ты ж обманом
Его присвоил: пел, юлил, ласкался,
Поил меня дурманным соком ягод,
Помог назвать великий свет и малый,
Что светят днем и ночью. Я поверил,
Открыл тебе земли моей секреты:
Где соль, где родники, где сушь, где пашня…

Движение мау-мау сильно отличалось от того панафриканского движения за независимость, что сорок лет спустя привело к переходу власти в руки чернокожего большинства на территориях к югу от Сахары. Специфика мау-мау определялась главным образом антропологией племени кикуйю. Каждый член этого племени, решивший участвовать в мау-мау, давал страшную мистическую клятву, навсегда прощался с нормальной жизнью и превращался в черного камикадзе, в неутомимый и безжалостный автомат, работающий на уничтожение главного врага — европейского фермера. Наиболее популярным сельскохозяйственным орудием того времени была панга — тяжелый тесак, штампованный

из листовой стали на заводах Средней Англии и одинаково хорошо справлявшийся с рубкой кустарника, рытьем ям и убийством. Панга имелась практически у каждого батрака.

Я, конечно, не антрополог, и мое описание маумау может не соответствовать действительности, однако оно отражает взгляды приезжих европейских фермеров, их жен и детей. По-своему печален тот факт, что жертвами этой прикладной антропологии становились главным образом не европейцы и их семьи, а местные жители, сотрудничавшие с колониальными властями либо отказавшиеся принять клятву.

Земли, которые племя кикуйю считало исконно своими и на которых в момент написания романа оседали европейские переселенцы, назывались Белыми Высотами. Благодаря приподнятости и обилию воды сельскохозяйственные условия здесь были лучше, чем на равнине, где проживало другое племя, камба. Несмотря на их более чем близкое языковое родство, образ жизни камба сильно отличался от образа жизни кикуйю. Камба были кочующими охотниками и собирателями, а кикуйю — оседлыми земледельцами. Белому человеку культурные различия этих народов проще всего понять на примере двух

соседей по Пиренейскому полуострову, испанцев и португальцев. Мы знаем их достаточно хорошо и не удивляемся, что определенные вещи для одних благо, а для других смерть. С мау-мау сложилась похожая ситуация: камба в отличие от кикуйю не видели в ней толку — к счастью для семьи Хемингуэй, иначе и Эрнеста, и Мэри в одну прекрасную ночь зарубили бы пангами их собственные слуги, которым они безраздельно доверяли.

К началу шестой главы тоскливое предчувствие, что на лагерь Хемингуэя вот-вот нападет шайка вооруженных до зубов головорезов мау-мау, улетучивается, как предрассветная дымка под первыми лучами солнца, и читатель наконец обретает возможность без помех наслаждаться повествованием.

Мне как второму сыну выпало счастье много видеть отца, когда он был женат сперва на Марте Геллхорн, а потом на Мэри Уэлш. Помню, летом на Кубе, будучи тринадцати лет от роду, я забрел в небольшой домик, который Марта снимала для них с отцом, и застал родителей сплетенными в одну из тех атлетических поз, что рекомендуются брачными методичками для внесения разнообразия в супружескую жизнь. Я тихонько

ретировался, и вряд ли они что-либо заметили. Пятьдесят шесть лет спустя, редактируя роман, я наткнулся на пассаж, где папа называет Марту симулянткой, и та картина встала передо мной чрезвычайно ярко, словно и не было полувекового забвения. Вот уж действительно симулянтка.

В безымянной рукописи Хемингуэя около двухсот тысяч слов, по крайней мере половина из которых — чистый вымысел, так что дневником ее назвать невозможно. Надеюсь, Мэри не очень рассердится, что я столько внимания уделил Деббе, которая в супружеском спектакле Хемингуэев сыграла роль своеобразного черного антипода самой Мэри, образцовой белой жены, всегда и во всем защищавшей интересы мужа и ответившей на его смерть эффектным актом ритуального самосожжения длиной в двадцать пять лет, топливом которому вместо сандалового дерева послужил джин.

В сердце этих мемуаров поет контрапункт между правдой и вымыслом; автор пользуется им охотно и со знанием дела; читатель, любящий подобную музыку, без сомнения получит массу удовольствия.

Я довольно много времени провел в лагере сафари у Киманы и знал в лицо всех его обита-

телей, черных, белых и загорелых; царившая там атмосфера, сам не знаю почему, напоминает мне лето 1942-го на яхте «Пилар», где мы с братом Грегори провели упоительный месяц в обществе настоящих морских волков, подобно тринадцатилетнему сыну генерала Гранта Фреду, дружившему с ветеранами во время осады Виксбурга. Радистом у нас был профессиональный морской пехотинец, ранее служивший в Китае. В то лето у него наконец дошли руки до «Войны и мира», неизвестно каким ветром занесенного в корабельную библиотечку, и он читал запоем, благо должность радиста не требовала практически ничего, кроме присутствия в рубке. Помню, он говорил, что роман проще понять тем, кому довелось повращаться в Шанхае среди русских белоэмигрантов.

Хемингуэй не закончил и первого черновика рукописи: ему помешали и продюсер Лелэнд Хейярд, чья жена увековечена в книге в обнимку с международным телефоном, и прочие голливудские деятели, занимавшиеся съемками фильма «Старик и море». Поддавшись на их уговоры, отец поехал в Перу ловить киногеничного марлина. Грянувший вслед за этим Суэцкий кризис заблокировал канал, и на возвращении в Восточную

Африку пришлось поставить крест. Видимо, поэтому рукопись и осталась незавершенной. С другой стороны, из романа мы знаем, что Хемингуэй постоянно думал о Париже в контексте «старых добрых времен», так что рукопись могла быть заброшена еще и потому, что с огоньком писать о любимом городе отцу было куда проще, чем о Восточной Африке, которая, несмотря на всю свою живописность и праздничность, всего за несколько месяцев успела изрядно его потрепать, наградив сперва амебной дизентерией, а затем двумя авиакатастрофами.

Будь сейчас жив Ральф Эллисон, это предисловие я с легким сердцем поручил бы ему, потому что в своем сборнике эссе «Тень и действие» он писал:

«Вы до сих пор не поняли, отчего Хемингуэй для меня важнее, чем Райт? Вовсе не оттого, что он был белым или более признанным. Просто Хемингуэй умел ценить вещи, которые я тоже люблю и которых Райт, будучи человеком увлеченным, в чем-то ограниченным и отчасти неопытным, толком не знал: погоду, оружие, собак, лошадей, любовь и ненависть, невероятные ситуации, из которых люди отважные и целеустремленные выходят с честью и с пользой

для себя. Хемингуэй рассказывал об обыденной жизни с такой потрясающей точностью, что во время рецессии 1937 года мы с братом выжили только благодаря его описанию стрельбы влет. Он понимал разницу между искусством и политикой и как писатель мог кое-что рассказать об их взаимосвязи. И наконец, все, что он писал, было насыщено тем духом истинной трагедии, что очень близок мне, ибо он сродни блюзу, ставшему в Америке главным инструментом трагической экспрессии».

Я убежден, что Хемингуэй прочел «Человека-невидимку» Эллисона. Это помогло ему взять себя в руки после двух авиакатастроф, что едва не убили его и Мэри, и в пятьдесят с лишним лет снова взяться за перо. Так началась африканская рукопись, хотя со времени событий, на которых она основана, прошло уже больше года. Упоминая о писателях, ворующих друг у друга, отец скорее всего имел в виду именно Эллисона с его рассказом про умалишенных, один эпизод которого очень напоминает сцену с ветеранами в баре на Ки-Уэст из романа «Иметь или не иметь».

Эллисон написал свое эссе в начале шестидесятых, вскоре после смерти Хемингуэя. Конечно же, он не читал неоконченной африканской ру-

кописи, которую я вытащил на свет, назвал «Что на заре правда» и, надеюсь, не очень испортил своим вылизыванием. Фактически я взял текст, написанный отцом на заре, и к полудню попытался сделать с ним примерно то, о чем говорит Светоний в «Жизни замечательных людей»:

«Согласно преданию, Вергилий, работая над поэмой «Георгики», с утра пораньше надиктовывал стихи в изрядном объеме, а потом целый день ужимал этот объем, остроумно замечая при этом, что поступает подобно медведице, вылизывающей новорожденного медвежонка».

Никто, кроме самого Хемингуэя, не сумел бы превратить африканскую рукопись в того грозного гризли, эмбрионом которого она, несомненно, является. Под названием «Что на заре правда» я предлагаю вашему вниманию уютного плюшевого медвежонка; каждую ночь я беру его с собой в кроватку, в одеяло завернусь, засыпаю и молюсь: Боженька, храни меня, ну а если не проснусь, — Боженька, возьми меня.

Покойся с миром, папа.

Патрик Хемингуэй
Боземан, штат Монтана
16 июля 1998 г.

Глава первая

Сафари в этот раз складывалось непросто, потому что ситуация в Восточной Африке сильно изменилась.

Белый Охотник уже много лет был моим другом. Я уважал его больше, чем родного отца, а он мне доверял, хотя я этого не заслуживал; в общем, было куда расти. Он учил меня так: давал полную свободу и ждал, когда я ошибусь, после чего поправлял, вкратце объясняя, в чем дело. В следующий раз, если я не повторял ошибки, объяснения делались подробнее. В душе он был бродягой и в конце концов оставил нас: позвали дела на «ферме», как в Кении называют скотоводческое ранчо в двадцать акров. У него был непростой характер, сотканный из чистейшей отваги, всех мыслимых человеческих слабостей и тонкого, чрезвычайно критичного знания людей. Безраздельная преданность семье и очагу сочеталась в нем с непреодолимым желанием жить в одиночестве. Жену и детей он очень любил.

— Вопросы есть?

— Боюсь, со слонами напортачу.

— Разберешься.

— Еще что скажешь?

— Тут каждый знает больше тебя. А ты должен принимать решения и стоять на своем. Хозяйство предоставь Кейти. В общем, выкручивайся.

Некоторые обожают командовать, приходят в ажиотаж, если выпадает случай заместить начальника, даже формальностями пренебрегают. Я и сам люблю быть командиром: идеальный сплав свободы и рабства. Наслаждаешься свободой, сколько душе угодно, а как чувствуешь, что пошел вразнос, прячешься за чувство долга. Я уже несколько лет никем не командовал, кроме самого себя; даже начало приедаться: сильные и слабые струны своей души я неплохо изучил, и чувству долга было где разгуляться, зато на долю свободы не осталось почти ничего. Кстати, в последнее время я довольно часто (и с неизменным отвращением) натыкаюсь на различные варианты собственной биографии, написанные людьми, прекрасно осведомленными о моей личной жизни, целях и взглядах. Это как если бы о сражении, в котором ты участвовал, рассказывали знатоки, всю войну просидевшие в тылу, а то и вообще родившиеся после победы: в их речах звенит абсолютная уверенность, основанная на скрупулезном изучении материала; уверенность,

о которой я могу только мечтать.

В то утро я дорого бы отдал, чтобы мой замечательный друг и учитель Филипп Персиваль не общался со мной в той стенографически сдержанной манере, что сделалась нашим официальным языком. Я дорого бы отдал за свободу расспросить его о вещах, обсуждать которые было между нами не принято. Больше всего на свете мне хотелось получить подробный и исчерпывающий инструктаж, какой получают новобранцы в британской армии. Увы, правила игры, сложившиеся между мной и Филиппом Персивалем, были не менее строги, чем племенной закон камба. Мы раз и навсегда условились, что борьба с моим невежеством — дело рук самого невежды, однако в отсутствие учителя ошибки было некому исправлять, и в то утро мне было очень одиноко, несмотря на переполнявшее меня радостное нетерпение поскорее занять пост начальника.

Мы с давних пор называли друг друга «Отец». Познакомившись с Филиппом Персивалем около двадцати лет назад, я сразу начал звать его Отцом; правда, с глазу на глаз, чтобы не нарушать приличий. Когда мне перевалило за пятьдесят и по

африканским меркам я сделался мзи[40], он тоже перешел на эту лестную для меня форму обращения — своего рода повышение в звании. Не могу себе представить ситуацию — точнее, не саму ситуацию, а ее убийственные последствия, — когда я в лицо назвал бы его мистером Персивалем или он обратился бы ко мне по имени.

Итак, в то утро у меня было много вопросов и тревожных предчувствий. Мы, однако, обходили их традиционным молчанием. Я чувствовал себя одиноким, и Отец это понимал, конечно.

— Да ладно, без проблем какое веселье! — говорил он. — Ты, слава богу, не механик, как остальные. Одно название, что белые охотники, а на деле механики; язык выучили, а ходят по натоптанным дорогам. Ты в языке ноль — ну и что? Зато сам дороги протаптываешь, и парни помогают. Не знаешь, как сказать кикамба, — говори по-испански. Они это любят. Или пусть мемсаиб говорит, у нее лучше получается.

— Иди ты знаешь куда?!

— Следом за тобой.

— Скажи лучше про слонов.

— Не бери в голову. Что слоны? Тупые горы

---

[40] Примечания: 40

Здесь и далее см. суахильско-русский словарь в приложении.

мяса. Каждый знает, что они безобидные. Ты вроде вон каких хищников валил! Мастодонты, шерсть до земли, бивни штопором! А у слонов разве бивни?

— Кто тебе наплел?

— Кейти. Мол, ты их пачками клал, даже когда не сезон. Саблезубых тигров — это само собой. Бронтозавров — по мелочи.

— Вот же сукин сын!..

— Ну почему? Он сам наполовину верит в то, что говорит. У него есть старый журнал, там на обложке эта публика очень натуралистично изображена. Полагаю, у него день на день не приходится: когда верит, а когда и не очень. Зависит от того, как ты отстрелялся, сколько цесарок добыл.

— Я помню эту статью. О жизни доисторических животных, с иллюстрациями.

— Да еще с какими! А ты молодец, знаешь, как репутацию белого охотника поддержать. В первый же день популярно людям объяснил, что в Африку приехал, потому что дома закончилось разрешение на отстрел мастодонтов. А на саблезубых у тебя аннулировано за жестокость. Я поддержал, конечно. Мол, чистая правда: ты известный добытчик слоновой кости из штата

Вайоминг, это такой американский аналог анклава Ладо, только вместо слонов мастодонты. А сюда ты приехал, во-первых, из уважения ко мне, потому что я тебя босоногим мальчишкой подобрал и к делу приспособил, а во-вторых, чтобы руку набивать, пока тебе на родине новое разрешение оформляют.

— Отец, ну скажи что-нибудь по делу! Ты же знаешь, слоны начнут безобразничать, мне придется разгребаться.

— Техника охоты примерно та же, что и на мастодонта. Старайся держать ствол параллельно воображаемой оси канала, образованного витками левого бивня.

Попадешь аккурат в меридиан смерти, то есть в седьмую складку на хоботе, если считать вниз от первой лобной шишки. Переносье у них широкое, не промахнешься. Если не уверен в себе, подходи и стреляй в ухо. Не так эстетично, зато надежно и практично.

— Дельный совет, спасибо.

— За мемсаиб я не волнуюсь, ты за ней присмотришь. А вот за тобой присматривать некому. Старайся быть послушным мальчиком.

— Ты тоже.

— Уже сколько лет стараюсь, — ответил Отец.

И закончил классической формулой: — Теперь ты за главного.

Вот так я и остался за главного — в безветренное утро последнего дня предпоследнего летнего месяца.

Со столовой я перевел взгляд на свою палатку, затем на остальные палатки, затем на людей, снующих возле костра, на охотничий джип и грузовики, словно поседевшие от обильной росы, — и наконец остановился на парящей за деревьями грандиозной вершине, чьи роскошные снега сверкали в то утро особенно свежо и казались совсем близкими.

— Не застрянешь на грузовике?

— Ничего, дорога сухая.

— А то возьми джип, я обойдусь.

— Не настолько ты крутой, — усмехнулся Отец. — Я тебе хороший грузовик пришлю, а этот сдам. Парни говорят, барахлит.

Парни — так он называл местных, вату. Раньше в ходу был термин «пацаны». Для Отца они и сейчас остались пацанами: он помнил детьми либо их самих, либо их родителей. Двадцать лет назад я тоже звал их пацанами, и ни у кого даже мысли не возникало оспаривать мое право. Да и сейчас, пусти я в ход это обращение, они бы не возража-

ли. Времена, однако, изменились: у всех теперь были имена и четкие обязанности. Не знать, как зовут твоих людей, во-первых, было невежливо, а во-вторых, говорило о небрежности. Бытовали также разнообразные клички — уменьшительные, ласкательные, насмешливые, обидные и безобидные. Отец иногда устраивал парням разносы — либо по-английски, либо на суахили; они это обожали; я никогда бы не решился поднять на них голос. Еще у всех до единого имелись секреты, существовали вещи, о которых было принято говорить лишь в узком кругу, как повелось со времен экспедиции Магади. Количество секретов постоянно росло, они дробились на подклассы, на полусекреты и правила, понятные без слов. Иные были с душком, иные до того потешные, что, бывало, увидишь, как один из оруженосцев ни с того ни с сего согнется от смеха, и тут же все поймешь, и тоже начинаешь хихикать, и вот уже вы оба изо всех сил стараетесь сдержать хохот, а потом полдня диафрагма болит.

Утро выдалось свежее и живописное. Мы выехали на равнину; вершина и рощица, где был разбит лагерь, остались позади. Впереди в зеленой траве паслись в изобилии газели Томпсона, а ближе к кустарнику бродили стада антилоп

гну и газелей Гранта. Вот и импровизированная взлетная полоса — ее соорудили, когда трава еще не поднялась, погоняв взад-вперед пару машин и расчистив с одной стороны кустарник. Мачта, срубленная из молодого деревца, понурила голову после вчерашнего ветра, а старый мешок из-под муки, игравший роль ветрового конуса, безвольно повис. Мы заглушили мотор, я вышел и осмотрел мачту: она стояла крепко, хоть и криво, и ветровому конусу хватило бы легчайшего ветерка, чтобы вернуться к жизни. Высоко в небе клубились штормовые тучи, красиво рифмуясь с зеленью травы и белизной вершины, царившей над горизонтом.

— Хочешь пощелкать? — спросил я жену. — Пейзаж в цвете, со взлетной полосой.

— Все уже было, и даже лучше, чем сегодня. Пойдем большеухую лису посмотрим. И льва.

— Он сегодня не покажется, слишком поздно.

— Мало ли…

И мы поехали старой колеей в сторону солончака. По левую руку простиралась равнина, окаймленная неровным частоколом высоких деревьев с желтыми стволами и изумрудной листвой — там начинался лес, где водились буйволы. Высоко вздымалась старая сухая трава, и

повсеместно лежали деревья, выкорчеванные либо слонами, либо ветром. Впереди виднелись ярко-изумрудные луга, а справа шли болота с островами густого зеленого кустарника, из которого торчали редкие крупные деревья с плоской кроной. Повсюду паслась дичь. При нашем приближении животные отбегали — кто галопом, кто ленивой трусцой — и опять принимались за еду. Если мы проезжали вот так, транзитом, или если Мэри щелкала фотоаппаратом, они уделяли нам не больше внимания, чем сытому льву: под ногами не путались, но и не боялись.

Я изучал следы на дороге, перегнувшись через борт джипа; мой оруженосец Нгуи, сидевший сзади, занимался тем же. Мтука вел машину и поглядывал по сторонам. Из нас у него были самые зоркие и быстрые глаза. Аскетичное узкое лицо Мтуки светилось умом, на щеках красовались ритуальные шрамы племени камба в виде наконечников стрел. Он был старше меня на год и слегка глуховат. Сын М'Колы, в отличие от отца, не был мусульманином. Он обожал охоту и водил машину как бог. Не помню случая, чтобы он проявил небрежность или безответственность — это при том, что Нгуи, Мтука и я традиционно считались главными возмутителями спокойствия.

Меня и Мтуку с давних пор связывала тесная дружба. Однажды я спросил его о происхождении глубоких ритуальных шрамов: у остальных охотников они были заметно меньше.

Он рассмеялся и ответил:

— О, это была такая нгома! Ты понимаешь? Девчонке голову закружить.

Нгуи и оруженосец Мэри по имени Чаро тоже рассмеялись.

Чаро, истый мусульманин, отличался патологическим неумением лгать. Собственного возраста он, конечно, не знал; Отец полагал, что ему уже хорошо за семьдесят. Даже в чалме он был сантиметров на пять ниже Мэри, и сейчас они стояли рядом, наблюдая за водяными козлами, что нехотя уходили к лесу в наветренную сторону, причем замыкавший движение вожак с великолепными рогами то и дело оглядывался, и я подумал, что животным они, верно, кажутся весьма странной парочкой. Ни одна живая тварь не испытывала перед ними страха — мы неоднократно имели случай в этом убедиться. Напротив, при виде миниатюрной блондинки в зеленом плаще и еще более миниатюрного негра в голубой куртке животные проявляли интерес, словно им довелось попасть на цирковое пред-

ставление или столкнуться с забавным курьезом; хищники, во всяком случае, явно были не прочь познакомиться с ними поближе.

С самого утра нам было покойно и легко. В этой части Африки каждый день готовит что-нибудь необычное — прекрасное или ужасное. Просыпаешься с таким чувством, словно сегодня стартуешь в гигантском слаломе или в гонках на болидах. Знаешь наверняка, что происшествия не заставят себя ждать, причем не позднее одиннадцати. Я много времени провел в Африке и не припомню такого утра, чтобы я проснулся без ощущения счастья. Потом, конечно, на ум приходили неоконченные дела, и картина корректировалась. Однако сегодня мы дружно наслаждались чувством временной безответственности, обусловленной сменой руководства, и я радовался, что поблизости нет буйволов, традиционно служивших источником головной боли. Инициатива принадлежала им: чтобы ситуация обострилась, они должны были прийти к нам, а не наоборот.

— Куда теперь?

— Перегоним машину к большой воде, проверим следы. Затем съездим в лес, где выход к болоту. Потом домой. Слоны будут с подветрен-

ной стороны; может, удастся их увидеть. Хотя вряд ли.

— А давай на обратном пути проедем через страну геренуков?

— Как хочешь. Жаль, поздно раскачались, пока Отца провожали, то-се…

— Хочу в Гиблое место заглянуть. Заодно обстановку разведаю на предмет рождественской елки. Думаешь, мой лев там?

— Возможно. Но в такой местности искать бесполезно.

— Вот ведь умная сволочь этот лев! Почему мне не дали застрелить того другого, под деревом? Такой был красавец! И сидел как на ладони. Женщины только так и охотятся.

— Это верно. Добивают такого красавца с черной гривой, когда в нем уже сорок дырок. Потом фотографируются рядом, все дела. А потом живут с этим грузом и до конца дней всем врут, включая себя.

— Жаль, я тогда промахнулась. Помнишь, в Магади?

— Чего жалеть? Гордиться надо.

— Не знаю, откуда это во мне… Я должна его добыть, понимаешь? По правде, без дураков!

— Мы его слегка перетравили, солнце. Теперь

надо выждать, чтобы он страх потерял. Чтобы ошибку совершил.

— Этот лев вообще не делает ошибок. Он еще умнее, чем ты и Отец, вместе взятые.

— Дорогая, Отец хотел, чтобы все было честно. Либо ты правильно добудешь правильного зверя, либо вообще не стоит браться. Он тебя любит, иначе махнул бы рукой, и стреляй первого попавшегося.

— Ладно, хватит. Хочу подумать про Рождество. У нас будет чудесная елка.

Мтука заметил, что Нгуи повернул обратно, и подогнал машину. Мы погрузились, и я указал в направлении полоски чистой воды на той стороне болота. Мы с Нгуи дружно перегнулись через борта и занялись следами. Старая колея была истоптана копытами: звери ходили на водопой к тростниковым болотам. Попадались следы антилопы гну, зебры и газели Томпсона.

Когда подъехали к лесу, колея свернула, и мы увидели следы человека. Затем еще одного, в ботинках. Люди прошли здесь до дождя, и мы притормозили, чтобы разглядеть получше.

— Мы с тобой, — сказал я Нгуи.

— Точно, — ухмыльнулся он. — У этого большая нога. И походка вялая.

— А у босого такая походка, будто он ружье вот-вот уронит. Глуши мотор.

Мтука остановил машину. Мы вышли.

— Смотри-ка, — сказал Нгуи, — обутый криво идет, наверное, старый совсем. И глаза слепые.

— А босой, смотри, ковыляет, как будто у него пять жен и двадцать коров и все деньги на пиво уходят.

— Хорошая парочка. Обутый, смотри, скоро упадет замертво. Ноги так и заплетаются.

— Куда они идут, интересно?

— Откуда я знаю? Смотри, обутый вроде посвежел. — Нгуи ухмыльнулся. — Наверное, о Шамбе подумал.

— Квенда на Шамба?

— Ндио, — кивнул Нгуи. — Как думаешь, сколько лет обутому?

— Не твое дело.

Джип подъехал; мы сели, и я указал Мтуке на лес. Он вывернул руль, смеясь и покачивая головой.

— Зачем вы собственные следы разглядывали? — спросила Мэри. — Я понимаю, это, наверное, смешно, потому что все смеялись. Но как-то глупо.

— Дурачились.

В этом месте в лесу мне всегда не по себе. Понятно, что слонам надо есть, и лучше, чтобы они ели деревья, а не опустошали окрестные фермы. Однако масштаб разрушений и ничтожное соотношение действительно съеденного к бездумно выкорчеванному производили тягостное впечатление. Слоны были единственным видом африканских животных, численность которого в последнее время неуклонно возрастала. Дошло до того, что перед местным населением встала реальная проблема и слонов начали истреблять, причем били всех без разбора. Нашлись люди, получавшие от этого наслаждение. Безжалостно уничтожали старых и молодых, самцов, телок и телят, искренне гордясь своей работой. Процесс следовало взять под контроль, но сейчас, глядя на чудовищный бурелом, на вывороченные с корнем деревья и зная, во что может превратить местную шамбу стадо слонов, я понимал, что с контролем будут проблемы.

Пока ехали, я все искал следы двух знакомых слонов. Эти следы мы видели ранее, и они вели сюда, в лес. Парочка была хорошо известна, и я примерно знал, куда они направляются, однако хотел увидеть следы и убедиться наверняка, чтобы не сидеть как на иголках, пока Мэри будет

здесь прогуливаться в поисках рождественской елки.

Мы остановились; я взял большое ружье и помог Мэри выбраться из машины.

— Спасибо, сама обойдусь, — сказала она.

— Послушай, дорогая, ты же все понимаешь. Мне надо быть рядом, на всякий случай, с большим ружьем.

— Я просто хочу выбрать подходящее деревце.

— Знаю. Но мало ли кто тут бродит. Уже были прецеденты.

— Ну, пускай Нгуи со мной пойдет. Или Чаро.

— Солнце, за тебя отвечаю я.

— Вот зануда!

— Еще какая! — ухмыльнулся я и позвал: — Нгуи!

— Да, бвана?

Время шуток прошло.

— Пойди поищи следы двух слонов, что вошли в лес. Дальше тех камней не ходи.

— Ндио.

Он зашагал через поляну, поглядывая под ноги и держа «спрингфилд» в правой руке.

— Сегодня хочу только выбрать, — сказала Мэри. — Потом приедем как-нибудь с утра, выкопаем его и пересадим в лагере, пока прохладно.

— Да, конечно.

Я следил за Нгуи. Тот замер и некоторое время прислушивался, затем осторожно двинулся вперед. Следуя в двух шагах за Мэри, которая ходила от одного деревца с серебристой колючей листвой к другому, выбирая форму и размер, я то и дело посматривал на Нгуи. Он вновь замер, прислушался и, оглянувшись, указал на густые заросли слева. Я знаком приказал ему вернуться. Он пошел назад со всей поспешностью, на какую был способен, только что не бегом.

— Где они? — спросил я.

— Пересекли поляну, ушли в чащу. Я отлично слышал. Двое: старый бык и его аскари.

— Ну и хорошо…

— Тихо! — шепнул он и указал на заросли справа. — Фаро.

Я ничего не слышал.

— Мзури машин, — сказал он, что, в общем, означало «быстро все в машину».

— Приведите Мэри.

Я всматривался в чащу, куда указал Нгуи, но не видел ничего, кроме серебристых кустов, зеленой травы и стены высоких деревьев, обвитых лианами. Затем раздался шум, похожий на резкое густое урчание. Такой звук получится, если подне-

сти кончик языка к нёбу и сильно дунуть, чтобы язык завибрировал, как трость гобоя. Шумело как раз там, куда я смотрел, однако по-прежнему ничего не было видно. Я сдвинул предохранитель на штуцере калибра 0,577 и посмотрел налево. Мэри шла к нам по дуге с таким расчетом, чтобы оказаться у меня за спиной; Нгуи поддерживал ее под локоть; она ступала осторожно, как по минному полю. Сзади шел Чаро.

Тут я снова услышал рык — и Нгуи сразу отстал, направив «спрингфилд» на заросли, а его место занял Чаро, подхватив Мэри под руку. Они уже поравнялись со мной и теперь приближались к машине. Я подумал, что наш водитель Мтука глух и не слышит носорога, но по их виду должен все понять. Оглядываться я не хотел; только краем глаза видел, как Чаро подталкивает Мэри к машине. Нгуи замыкал шествие со «спрингфилдом» наготове, то и дело оборачиваясь. Я не хотел лишать носорога жизни, но выбора не было: вздумай он напасть, его пришлось бы застрелить. Первый заряд пустишь в землю, инструктировал я себя, прямо перед ним; если не остановится, убьешь из второго ствола. Спасибо, так и сделаю. Чего уж проще.

Тут у меня за спиной заревел мотор: джип

подъезжал, газуя на низкой передаче. Я начал пятиться, рассудив, что лишние ярды не помешают, — и с каждым шагом чувствовал себя лучше. Джип лихо подрулил и замер рядом; я толкнул предохранитель и прыгнул на подножку, ухватившись за левый поручень — как раз в тот момент, когда из чащи в фонтане щепок и обрывков лиан вылетел носорог. Это была крупная самка; на открытом месте она сразу взяла в галоп. Сзади несся маленький теленок; из машины они выглядели весьма забавно.

Несколько секунд самка пыталась сократить дистанцию, затем начала отставать. Впереди показалась широкая прогалина, Мтука резко взял влево. Носорожиха по инерции пронеслась прямо — и перешла на трусцу. Теленок смешно трусил следом.

— Успела сфотографировать? — спросил я жену.

— Не было возможности. Она шла за нами по пятам.

— Как она из кустов выломилась, тоже не снята?

— Знаешь, как-то не пришло в голову. Зато я елочку выбрала.

— Теперь, надеюсь, ясно, зачем я тебя прикры-

вал? — спросил я как последний идиот.

— Можно подумать, ты знал, что она появится.

— Она здесь живет. И на водопой все время ходит к ручью, что впадает в болото.

— Главное, все сразу такие серьезные. То шутки шутили, а то вдруг бац!.. Первый раз вижу.

— Дорогая, представляешь, если бы пришлось ее убить? Тут веселого мало. И за тебя я испугался.

— Такие все серьезные, — повторила Мэри. — И каждый норовит под локоть принять, как будто я сама до машины не дойду. Совсем не обязательно было тащить меня за руку.

— Дорогая, они просто следили, чтобы ты не споткнулась о сусличью норку или еще о какую-нибудь дрянь. Все время под ноги глядели. Носорожиха рядом была и могла в любую минуту напасть. А убивать ее нельзя.

— Откуда же вы знали, что это была мать с теленком?

— Здравый смысл. Она здесь уже месяца четыре ошивается.

— Обязательно надо ошиваться именно там, где растут наши рождественские елочки!

— Добудем мы тебе елку, не волнуйся.

— Только и знаешь, что обещать… Все гораздо

лучше, когда рядом мистер П.

— Безусловно. И когда рядом Джи-Си, жизнь тоже приятна и легка. Но сейчас мы здесь одни. И вообще, давай закончим. Еще в Африке не хватало ругаться.

— А кто ругается? Я и сама не хочу. Просто не люблю, когда всякие записные остряки ни с того ни с сего становятся серьезными праведниками.

— Ты когда-нибудь видела, как убивают носорога?

— Можно подумать, ты видел.

— Нет, не видел. И не горю желанием. Кстати, мистер П. тоже не видел.

— Мне не понравилось, как все вдруг посерьезнели, будто невесть что случилось.

— Я же объясняю: все оттого, что ее нельзя убивать. Когда убивать можно, тогда совсем другая история. И потом, я же за тебя переживаю.

— А вот и не надо. Лучше переживай насчет рождественской елки.

Я почувствовал, что во мне закипает праведное возмущение, и действительно пожалел, что рядом не было П. с его умением изящно выруливать из подобных разговоров.

— Надеюсь, ты не передумал на обратном пути заехать в страну геренуков.

— Обязательно заедем. Сейчас вон там у камней свернем направо, потом через грязь у тех кустов, видишь, куда только что бабуин убежал, потом через поле на восток, до другого носорожьего водопоя. Затем возьмем на юг к старой маньятте — и мы у геренуков.

— Здорово, конечно, — сказала она, — но я все равно скучаю по Отцу.

— Я тоже.

В детстве у всех есть волшебная страна, а потом мы вырастаем — и помним ее до самой смерти; даже иногда возвращаемся туда во сне. Страна эта прекрасна, как бывает прекрасна летняя ночь, когда ты еще ребенок, и в реальности туда вернуться невозможно, как ни старайся, однако с заходом солнца к самым счастливым из нас приходят правильные сны, и невозможное становится возможным.

В Африке мы жили на опушке дремучего леса под сенью огромных деревьев, покрытых шипами, на берегу реки, впадающей в тихое болотце, у подножия грандиозной горы: практически в волшебной стране. По возрасту мы давно уже были взрослыми и к проявлениям детства относились с презрением, хотя вели себя во многом как дети.

— Прекрати ребячиться, дорогая.

— Сам прекрати! Папочка нашелся.

Что ни говори, а хорошо иногда пожить в таких условиях, когда точно знаешь, что никто из твоего окружения не скажет: «Ты взрослый человек, веди себя серьезно, прояви уравновешенность».

Африка, эта древнейшая из земель, всех своих гостей, за исключением профессиональных захватчиков и браконьеров, превращает в детей. В Африке не услышишь, чтобы кто-то кому-то говорил: «Пора взрослеть». Здесь и люди, и животные, прожив на свете год, становятся на год старше, а некоторые на год опытнее. Те, чья жизнь короче, учатся быстрее. Молодая газель к двум годам уже взрослое, серьезное и уравновешенное существо. Она и после первых четырех недель весьма серьезна и уравновешенна. Здешние люди — вечные дети по сравнению со своей землей, и, как в армии, старшинство и маразм идут рука об руку. Детство в душе — это не зазорно. Наоборот, почетно. При этом ты всегда должен оставаться мужчиной. Драться старайся на выгодных для себя условиях, но если припрет, то дерись вопреки любому раскладу и без мысли о конце. Уважай племенной закон, соблюдай его по мере сил, а если сил не хватит, с достоинством прими наказание. И никто никогда не упрекнет

тебя за детскую чистоту, детскую честность и благородство.

Остается загадкой, зачем Мэри понадобилось убивать геренука. Самцы этих странных длинношеих газелей наделены тяжелыми изогнутыми рогами, выступающими далеко вперед. Мясо их приятно на вкус, однако мясо газели Томпсона или импалы не в пример вкуснее.

Получилось как со львом, по поводу которого ни у кого не возникало вопросов: все понимали, почему Мэри должна его убить. Правда, старожилы, прошедшие не одну сотню сафари, никак не могли взять в толк, зачем это делать таким старомодным способом, но правильные пацаны ни на минуту не сомневались, что причина носит чисто религиозный характер. Геренука тоже следовало убить не так, как принято у нормальных людей, а непременно в полдень, иначе, по-видимому, ритуал лишался смысла.

К концу утренней охоты гереноки обычно уходят в густой кустарник. В тех редких случаях, когда одного из них удавалось застать на открытом месте, наши попытки выглядели следующим образом. Мэри и Чаро вылезали из машины и пытались подобраться на расстояние выстрела. Геренук замечал их и отбегал подальше. Точ-

нее, замечал он меня и Нгуи, потому что мы неизменно двигались чуть позади и не особо осторожничали. После нескольких попыток всем становилось жарко и мы возвращались к машине. Насколько мне известно, в процессе такого рода охоты на геренука ни один геренук не пострадал.

— Черт бы побрал этого геренука! — сказала Мэри. — Смотрел мне прямо в глаза. Все, что я видела, — это его рога и морду. А потом раз — и скрылся за кустом. И уже не разберешь, самка там шебуршится или самец. А потом начал в догонялки играть. Я могла бы его подстрелить, но боялась ранить.

— Ничего, в другой раз получится. Сегодня ты очень грамотно охотилась, молодец.

— Тебе и твоему дружку совсем не обязательно ходить за мной хвостом.

— Ты ведь понимаешь, солнце, так полагается.

— Достало уже. Сейчас, я полагаю, в Шамбу поедете?

— Нет, вернемся прямо в лагерь. Выпьем чего-нибудь холодненького.

— Не знаю, почему меня все время сюда тянет. Я и против геренуков ничего не имею.

— Это как такой островок, оазис среди песков.

Чтобы сюда попасть, надо пересечь пустыню. В этом всегда есть очарование.

— Жаль, что я плохо умею бить навскидку. Да еще и коротышка. В тот раз, помнишь, даже льва не увидела. Ты видел, все видели, а я нет.

— Там место неудачное.

— Кстати, недалеко отсюда.

— Не сюда, — сказал я водителю. — Квенда на лагерь.

— Спасибо, что не поехал в Шамбу. Иногда ты правильно себя ведешь.

— Это ты молодец. И все понимаешь.

— Не всегда. Нет, я не против, чтобы ты туда ездил, даже наоборот. Надо изучать, собирать материал.

— Я не собираюсь ехать без дела. Позовут — поеду.

— Ну, за этим не станет, можешь не сомневаться.

Если не заезжать в Шамбу, то обратная дорога в лагерь очень живописна: одна поляна сменяет другую, а между ними посверкивают озера в обрамлении деревьев, и повсюду мелькают газели Гранта — либо их квадратные белые крупы, либо бело-коричневые тела, вытянутые в легком беге. Особенно красивы самцы с отброшенными назад

рогами. Затем машина описывает плавную дугу, огибая заросли кустарника, и впереди, на фоне парящей в дымке вершины, показываются зеленые палатки среди редких желтых деревьев.

Сегодня, кроме нас, в лагере никого не было — неслыханная редкость. Я сидел в столовой под навесом, в тени большого дерева, поджидая Мэри, которая пошла умыться, и думал, что хорошо бы перед обедом чего-нибудь выпить. Дурные вести уже спешили к нам со всех ног, однако пока все было тихо, и зловещие фигуры посыльных не сидели вокруг костра. Грузовики, уехавшие за дровами, еще не вернулись. Я знал, что вместе с дровами они привезут воду, а быть может, и весточку из Шамбы. Умывшись, я переоделся в свежую рубашку, шорты и мокасины, уселся в тени и почувствовал себя совсем хорошо.

Задний полог палатки был расстегнут, и со стороны вершины тянуло ветерком с примесью едва уловимой свежести снега.

Мэри вошла в палатку и воскликнула:

— О, ты себе еще не налил!.. Сейчас исправим.

На ней был выцветший тщательно выглаженный сафари-костюм, смотревшийся очень выигрышно. Разлив кампари и джин по высоким стаканам и оглядываясь в поисках брезентовой

фляги с сифоном, она сказала:

— Наконец-то мы по-настоящему одни. Как в Магади, только лучше.

Она протянула стакан, и мы чокнулись.

— Знаешь, я, конечно, люблю Персиваля, и жаль, что он уехал, но вдвоем с тобой, как сейчас, — это лучше всего. Можешь заботиться обо мне, сколько душе угодно, я больше не буду злиться. Сделаю все, что ты захочешь, только со Стукачом не буду дружить.

— Ты у меня молодец. Мне тоже хорошо с тобой. Я, бывает, веду себя как идиот, ты просто не обращай внимания.

— Ты не идиот. Природа здесь гораздо лучше, чем в Магади, и мы можем делать что хотим. Все будет замечательно, вот увидишь.

Снаружи раздалось покашливание. Я сразу догадался, кто пожаловал, и мысленно сопроводил догадку речевыми оборотами, не подходящими для печати.

— Ну ладно, заходи.

В палатку вошел официальный осведомитель местного охотоведческого хозяйства, в просторечии Стукач.

Это был высокий статный мужчина в приличных брюках и темно-голубой свежевыстиранной

рубашке с белыми полосками по бокам; плечи его были укрыты дамской шалью, а на голове красовалась войлочная шляпа с полями. Все детали туалета, судя по всему, он получил в подарок. Похожий платок я раньше видел в дешевой индийской лавочке в Лойтокитоке. Темно-коричневое лицо с выдающимися чертами сохранило признаки былой привлекательности. По-английски Стукач говорил медленно, очень старательно, с книжными оборотами и весьма сложным акцентом.

— Сэр, — сказал он, — имею честь тебе сообщить, брат, что я изловил убийцу.

— Какого именно?

— Убийцу из масаи. Он тяжело ранен, с ним отец и дядя.

— Кого же он убил?

— Своего двоюродного брата. Разве ты не помнишь? Ты сам обработал ему раны.

— Так он не умер! Лежит в больнице.

— Значит, покушение на убийство. Так или иначе, я его поймал. Не забудь занести это в рапорт, брат. Я знаю, ты не забудешь. Время не ждет, сэр, убийца истекает кровью и хочет, чтобы ты его перевязал.

— Ладно, пойду посмотрю. Извини, дорогая.

— Ничего, дорогой.

— Налей мне выпить, брат, — попросил Стукач. — Я утомлен неравной борьбой.

— Не ссы в уши, — ответил я. — Извини, дорогая.

— Ничего, дорогой.

— Я не имел в виду алкоголь, — произнес Стукач с достоинством. — Я имел в виду глоток воды.

— Будет тебе вода.

Вся троица — потенциальный убийца, его отец и дядя — являла собой жалкое зрелище. Я поздоровался с ними за руку. Потенциальный убийца был молодым придурком, иначе говоря, воином. Он и еще один придурок решили устроить шутливый поединок на копьях — по словам отца, без всякой причины. В процессе поединка второй придурок был случайно ранен. Рассвирепев, он сделал ответный выпад — и тоже попал. Затем оба придурка окончательно потеряли голову и принялись драться взаправду. После оживленного обмена ударами наш паренек увидел, что противник ранен весьма серьезно. Отрезвев, он бежал с поля боя и спрятался в лесу, так как был уверен, что убил человека. Отсидевшись, он вернулся к семье и заявил, что хочет сдаться. Историю поведал отец, а сам герой молча кивал

в знак согласия.

Я объяснил отцу через переводчика, что другой парнишка лежит в больнице и уже пошел на поправку. Насколько мне известно, в его семье никто из мужчин не держит зла и не собирается предъявлять обвинений. Отец подтвердил, что так оно и есть.

Из столовой принесли аптечку, и я перевязал незадачливого бойца. У него были колотые раны на шее, груди и плечах — уже изрядно нагноившиеся. Я каждую из них очистил, промыл перекисью водорода, чтобы убить заразу и порадовать публику шипучими пузырьками, затем обработал края меркурохромом, особое внимание уделив ране на шее и добившись интенсивного цветового эффекта, к удовольствию всех присутствующих, и, наконец, хорошенько натрамбовал раневые каналы серой, накрыл марлей и залепил пластырем.

Задействовав Стукача как переводчика, я донес до старших свою позицию. По мне лучше, заявил я, чтобы молодежь упражнялась с копьями, чем сосала шерри «Голден джип» в Лойтокитоке. Но я не представитель закона, поэтому отец должен отвести своего сына в ближайший полицейский участок, а также проследить, чтобы ему перевя-

зали раны и сделали укол пенициллина.

Выслушав мое заявление, оба старика переговорили между собой, а затем обратились ко мне. Я внимал их речи, время от времени издавая особое горловое урчание, переходящее на повышенные тона, в знак того, что все сказанное ими имеет огромное значение.

— Они хотят, сэр, чтобы ты выдал им свой вердикт, и они поступят в точности, как ты велишь. Они говорят, что теперь ты знаешь все: они сказали тебе чистую правду, а с мужчинами-мзи потерпевшей стороны ты уже беседовал.

— Передай, что они должны сдать бойца в полицию. Скорее всего последствий не будет, так как другая семья заявления не подавала. Пусть непременно отведут его в два места: в полицию и в больницу. И не забудут про пенициллин. Вот такой вердикт.

Я пожал руки старикам и юному придурку. Он был симпатичным пареньком, худеньким и очень стройным; усталость валила его с ног, и раны болели нестерпимо, однако во время перевязки он даже не поморщился.

Стукач увязался за мной и проводил до самой палатки, где я тщательно вымыл руки.

— Слушай меня внимательно, — сказал я. — В

полиции ты должен слово в слово повторить все, о чем я говорил со стариками. Если вздумаешь хитрить, знаешь, что будет.

— Как ты мог подумать, брат, что я могу тебя предать? Разве я могу нарушить свой долг? Разве может брат сомневаться в брате? Одолжи десять шиллингов, брат! Я отдам в конце месяца, клянусь.

— Десять шиллингов не решат твоих проблем.

— Я знаю, сэр. Но десять шиллингов — это десять шиллингов.

— Вот, держи.

— Не желаешь ли, чтобы я передал от тебя подарки в Шамбу?

— Я сам привезу.

— Ты прав, брат. Ты всегда прав и справедлив, и очень, очень щедр…

— Заткни фонтан. И проваливай к своим, покуда не уехали. Надеюсь, ты не напьешься в дрова и еще успеешь отыскать Вдову.

Мэри ждала в палатке, почитывая «Нью-Йоркер» и потягивая кампари с джином.

— Ну что раны, серьезные?

— Да не очень. Нагноились просто, особенно одна.

— Ничего удивительного. Помнишь, какие в

Маньятте были мухи? Ужас просто.

— Считается, что мушиные личинки очищают раны. А вообще я не очень доверяю червям. Очищать-то они очищают, но и здоровой плотью не брезгуют. Рана увеличивается, ничего хорошего. А у него на шее такая дыра, что увеличивать уже некуда.

— Второму мальчишке вроде больше досталось.

— Да, но его сразу отвели к врачу.

— Ты сам лучше любого врача, набил руку. Может, и себя вылечишь?

— От чего?

— От того, что на тебя иногда находит.

— Ты о чем?

— Я случайно услышала, как вы со Стукачом говорили про Шамбу. Я не подслушивала, не думай. Просто вы стояли рядом с палаткой, а он на ухо туговат, поэтому ты голос повышаешь, ну и все слышно.

— Извини, дорогая. Я сказал что-нибудь плохое?

— Да нет. Подарки какие-то обсуждали. Ты часто даришь своей невесте подарки?

— Не очень. Мафуту для дома, сахар, разные мелочи. Самое необходимое. Мыло, лекарства.

Шоколадку иногда.

— Ту же, что и мне?

— Не знаю. Может быть. Здесь всего три вида, и все одинаково хорошие.

— А по-крупному ничего?

— Ну, платье, я не знаю…

— Красивое, кстати.

— Дорогая, хватит уже, наверное…

— Ладно, не буду. Мне просто интересно.

— Хочешь, я больше никогда к ней не пойду? Только скажи.

— Не хочу. Я думаю, это прекрасно, что твоя девчонка не может ни читать, ни писать, поэтому не посылает тебе любовных писем. Это прекрасно, что она понятия не имеет, чем ты занимаешься, и вообще не представляет, что значит писатель… Но ты ведь ее не любишь, правда?

— Мне нравится ее непосредственность.

— Мне тоже, — сказала Мэри. — Может, она тебе нравится, потому что она похожа на меня? Такое возможно.

— Ты мне нравишься больше. Тебя я люблю.

— А она что обо мне думает?

— Она тебя очень уважает. И боится до смерти.

— Почему же?

— Мне тоже интересно. Она говорит, потому

что у тебя есть ружье.

— Тут она права. А что она тебе дарит взамен?

— Кукурузу главным образом. Ну и ритуальное пиво. Ты же знаешь, пиво здесь как валюта.

— Что у вас может быть общего, не понимаю.

— Африка, судя по всему. Еще своеобразное взаимное доверие. Словами не объяснить.

— Да, вы живописная пара… Пойду закажу обед. Ты где будешь обедать, здесь или в столовой?

— Здесь гораздо лучше.

— А еще лучше, поди, у мистера Сингха в Лойтокитоке?

— Точно. Но тебя же туда не вытащишь, все время занята.

— У меня там тоже есть друзья. И вообще, я люблю за тобой наблюдать, как ты сидишь с мистером Сингхом в задней комнате, обедаешь, газету читаешь, сплетни слушаешь…

Я действительно любил обедать у мистера Сингха. Мне нравились его дети и жена, про которую говорили, что она туркана — красивая, добрая, тактичная и очень, очень опрятная. Арап Майна, мой самый близкий друг после Нгуи и Мтуки, ее боготворил. Достигнув возраста, когда наслаждение женщиной сводится к ее созерцанию, он не раз заявлял мне, что миссис Сингх самая пре-

красная женщина в мире, не считая мисс Мэри. Арап Майна, которого я на протяжении многих месяцев звал Араб Младший (Майнор), искренне полагая, что это его настоящее имя, наподобие тех, что носят ученики элитных британских школ, был лумбва — это племя, родственное племени масаи; представители его пользуются славой отличных охотников и собирателей. Ходили слухи, что, перед тем как сделаться егерем, Майна (так его звали друзья) был неплохим добытчиком слоновой кости; по крайней мере в этом качестве он много поездил и даже посидел за решеткой. Ни я, ни сам Майна не знали точно его возраста; скорее всего ему было между шестьюдесятью пятью и семьюдесятью. Он был отважный, опытный охотник и отвечал за контроль популяции слонов в округе, когда его начальник Джи-Си отлучался. Майну все любили. Когда он был трезв или, наоборот, сильно пьян, в его повадке отчетливо проявлялась военная выправка. Редко кто отдавал мне честь с такой яростной лихостью, как это делал Арап Майна, в сотый раз объявив, что на свете есть только два человека, за любовь которых он готов без колебаний расстаться с жизнью: мисс Мэри и я. Однако, прежде чем дозреть до подобных заявлений, обычно сопровождае-

мых различными видами демонстрации своей неувядающей гетеросексуальной активности, он весьма продолжительное время пребывал в состоянии опьянения умеренного, молча сидя со мной за столом в задней комнате и наблюдая, как миссис Сингх обслуживает посетителей: он предпочитал любоваться ею в профиль.

Пока Арап Майна наблюдал за миссис Сингх, я с удовольствием наблюдал за Арапом Майной, а заодно изучал покрывающие стены олеографии, где в разных ракурсах был изображен родоначальник всех Сингхов, одной рукой удушающий льва, а другой львицу. Помню, я однажды обратил внимание, что для удушения льва родоначальник всех Сингхов неизменно пользуется правой рукой, и спросил хозяина, не связано ли это с тем, что левая рука почтенного пращура была слишком слаба для столь ответственной задачи. Мистер Сингх отвечал, что предание уходит корнями в глубокую древность и об истине можно только догадываться, однако он склонен объяснять поведение героя кодексом мужской чести, согласно которому гордого зверя не подобает душить левой рукой.

Арап Майна, когда я довел до его сведения ответ мистера Сингха, заметил, предусмотрительно

отвернувшись от миссис Сингх, что мы, современные охотники, лишены подобных предрассудков и для удушения зверя пользуемся обеими руками в равной степени.

Если мне требовалась абсолютная ясность в общении с семьей Сингх или масайскими старейшинами, я прибегал к услугам переводчика, в роли которого обычно выступал какой-нибудь выпускник миссионерской школы, стоявший в дверном проеме с бутылкой кока-колы в руке. Происходило это нечасто: я старался ограждать обращенных в веру мальчишек от тлетворного влияния нашего круга. Арап Майна считался мусульманином, однако я давно приметил, что всякий раз, когда он готовит халяльное мясо, то есть с именем Аллаха режет животному горло, истинные мусульмане почему-то теряют аппетит. Однажды, здорово перебрав, он рассказал людям, что мы с ним совершили паломничество в Мекку. Все мусульмане понимали, что это неправда. Около двадцати лет назад Чаро пытался обратить меня в ислам; я даже постился с ним в Рамадан. Из его затеи ничего не вышло, однако никто, кроме меня, не знал наверняка, бывал я в Мекке или нет. Стукач, охотно веривший всякой небылице, был убежден, что я там бывал неоднократно.

Мулат Уилли, которого я по наивности нанял шофером, потому что он выдал себя за сына некоего знаменитого оруженосца, рассказывал каждому встречному под строжайшим секретом, что мы вдвоем скоро едем в Мекку.

Кончилось тем, что Нгуи загнал меня в угол в ходе теологического спора, и, хотя прямых вопросов не последовало, я честно признался, что в Мекке никогда не бывал и ехать туда не собираюсь. Он выслушал меня с явным облегчением.

После обеда Мэри ушла подремать в палатку, а я уселся в тени с книжкой, но не столько читал, сколько думал о Шамбе и Лойтокитоке. О Шамбе думать не следовало: такие раздумья заканчивались тем, что я находил повод и уезжал. Мы с Деббой практически не общались на людях, если не считать моего нейтрального «джамбо ту», в ответ на которое она с достоинством склоняла голову, когда рядом находился кто-то еще, помимо Нгуи и Мтуки, а если были только мы — смеялась вместе со всеми, после чего Нгуи и Мтука отходили в сторонку, а мы с ней отправлялись на прогулку, разговаривая о пустяках. Совместное времяпровождение она принимала только в форме поездок на переднем сиденье джипа, между Мтукой и мной. Во время этих поездок она сидела

ровно, как истукан, и смотрела на людей так, словно видела их впервые. Отцу и матери она иногда кланялась, но чаще просто не замечала. Из-за такого неподвижного сидения платье, что я ей купил в Лойтокитоке, уже порядком выгорело, да и ежедневные стирки не способствовали сохранению цвета.

Мы договорились, что я куплю ей новое платье либо на Рождество, либо когда добуду своего леопарда. Леопардов в лесу было много, но меня интересовал вполне определенный — в силу некоторых причин. Он был так же важен для меня, как новое платье для Деббы.

— Когда купишь второе платье, я перестану каждый день стирать первое, — объяснила она.

— Не перестанешь. Тебе просто нравится играть с мылом.

— Может, так. Когда мы поедем в Лойтокиток?

— Скоро.

— Скоро? Этого мало.

— Все, что у меня есть.

— Ненавижу твое «скоро». Ты и скоро — два брата-лжеца.

— Ах вот как? Тогда мы с братом никуда не поедем.

— Нет, поедем втроем: и ты, и я, и скоро.

— Ну хорошо.

Сидя рядом со мной на переднем сиденье, она любила ощупывать узор, вытисненный на моей старой кожаной кобуре: сперва осторожно водила пальцами по цветочному орнаменту, уже практически стертому, затем убирала руку, прижималась к кобуре бедром — и сидела с деревянной спиной, не двигаясь. Я пальцем касался ее губ, пытаясь рассмешить, и Мтука отпускал шуточки на языке камба, но она лишь теснее прижимала ногу к кобуре. Прошло много времени, прежде чем я наконец узнал, что она пыталась перевести орнамент себе на кожу.

Поначалу я говорил с ней только по-испански. Она все схватывала на лету: выучила части тела, простые глаголы, разную еду, эмоции, названия зверей и птиц. Английским я вообще не пользовался. Мы знали несколько слов на суахили, но в основном общались на смеси испанского и камба. Нашим курьером был Стукач: вдова рассказывала ему о чувствах дочери, а он считал своим долгом как можно подробнее информировать меня. В этом испорченном телефоне было мало хорошего, хотя случались интересные и даже приятные моменты.

Стукач говорил:

— Мой долг, брат, сообщить тебе, что любовь твоей девушки очень, очень сильна, даже чересчур. Когда ты к ней приедешь?

— Передай, что юной девушке не годится любить безобразного старика, а тем паче рассказывать об этом тебе.

— Ты шутишь, брат, а дело очень серьезное. Ты не знаешь, насколько серьезное. Она хочет, чтобы ты взял ее в жены — по закону ее племени либо по закону твоего. Все бесплатно, и выкупа не надо. Только одно условие: чтобы Мемсаиб, твоя женщина, приняла ее в семью. Она понимает, что Мемсаиб — первая жена, поэтому нужно согласие. О, как она ее боится! Все очень, очень серьезно, брат!

— Да уж, догадываюсь.

— Что там со вчерашнего дня делается, ты не представляешь. Она на все согласна, просит только, чтобы ты оказал должные знаки уважения ее семье, отцу и матери, — вот до чего дошло! О выкупе и речи не идет, только элементарная вежливость. Ну, пиво, конечно, надо проставить.

— Зачем ей старый муж, да еще с такими привычками?

— Очень, очень тебя любит, брат! Я такое могу рассказать!.. Так все серьезно, не до шуток.

— За что же она меня любит? — спросил я, делая ошибку.

— Вчера вспоминала случай, когда ты в деревне ловил петухов и укладывал их спать у порога ее жилища. (И он, и я избегали слова «хижина».) Такого здесь никто не видел, и я не спрашиваю, что за колдовство тут замешано, не мое дело. Но она говорит, ты прыгал на них этак по-особенному, неуловимым скоком, будто леопард. С того дня она сама не своя. В жилище все стены обклеены картинками из журнала «Лайф» — и самые крупные звери Америки, и стиральные машины, и кухонные машины, и чудо-печи, и холодильные машины.

— Ах, черт… Это я виноват.

— Поэтому она платье стирает каждый день. Хочет быть как стиральная машина, чтобы тебе угодить. Боится, что ты загрустишь по своей стиральной машине и уедешь назад. Брат, это трагедия, вот что это такое, сэр. Ты должен дать ей добрый знак, поддержать.

— Сделаю все, что в моих силах. А ты запомни: чтобы усыплять петухов, никакого колдовства не нужно.

Это фокус, понимаешь? А уж поймать петуха вообще каждый дурак сможет.

— Брат, ее любовь очень сильна.

— Передай ей, что нет такого слова: «любовь». И слова «жалость» тоже нет.

— Хорошо, брат, пусть так. Пусть нету слова. Но любовь есть.

— Мы с тобой почти ровесники, все и так понятно. К чему столько болтовни?

— Я рассказываю тебе, потому что все очень серьезно.

— Слушай, я не могу нарушать закон.

— Какой закон, брат! Ты не понимаешь. Закона нет! Разве Шамба здесь законно? Это ведь не земля камба. Шамбу тридцать пять лет назад приказали снести, а она стоит как ни в чем не бывало. Даже единого обычая нет, в каждой деревне свой закон.

— Говори, я слушаю.

— Спасибо, брат. Так вот, для людей Шамбы закон один: ты и бвана старший егерь. Но ты главнее, потому что старше. И потом, он все время в отъезде со своими аскари, а у тебя здесь много верных людей и даже воинов, как Нгуи. И у тебя есть Арап Майна. Каждому известно, что ты его отец.

— Это неправда.

— Брат, пожалуйста, не делай вид, будто не

понимаешь. Ты знаешь, в каком смысле я употребляю слово «отец». Арап Майна сам говорит, что ты его отец. Ты вернул ему жизнь, когда он умер в самолете. Он лежал мертвый в палатке Бваны Мышонка, а ты его оживил, это всем известно. От людей не утаишь.

— Если бы еще не перевирали…

— Брат, разреши мне выпить.

— Наливай, только чтоб я не видел.

— Твое здоровье! — сказал он и выбрал канадский джин вместо «Гордона», к моему немалому облегчению. — Ты должен меня простить, брат. Я всю жизнь прожил с бванами. Рассказать еще или ты устал от меня?

— Кое от чего устал, кое-что еще интересно. Расскажи про историю Шамбы.

— Я немного знаю, они ведь камба, а я масай, что само по себе о многом говорит. Будь это нормальная шамба, разве смог бы я там жить? Они все ненормальные, брат, ты и сам видишь. Непонятно, зачем они сюда пришли. Это же так далеко от земли камба. Даже племенного закона не признают, не говоря уже о другом. А масаи? Ты видел, в каких условиях живут масаи?

— Об этом тоже поговорим, только не сейчас.

— Хотелось бы, брат, ибо ситуация скверная. Ты

прав, нужен отдельный разговор. Слушай же, что я скажу тебе про Шамбу. Помнишь, ты приехал туда рано утром и через меня гневно говорил про постыдную нгому, когда гуляли целую ночь и все до единого перепились? Люди говорят, ты был так зол, что у тебя в глазах стояли огненные виселицы. Только один воин ничего не понимал, он с ночи был пьян, поэтому его отнесли к горному ручью и держали в ледяной воде, пока не протрезвел. Он все понял и в тот же день пешком через перевал ушел в соседний округ. А ты говоришь, закон. Единственный закон, который они признают, — это ты.

— Да, Шамба небольшая, но очень живописная… Ты знаешь, кто продал им сахар? Из которого сварили пиво для той нгомы?

— Не знаю, но могу узнать.

— А я знаю.

И я сообщил ему то, что он и сам прекрасно знал. Сердиться не стоило: в конце концов, он был по жизни стукачом, и его поезд ушел много лет назад. Не исключено, что виноваты были белые люди, хотя он во всем винил сомалийскую жену. На периферии его драматических рассказов то и дело мелькала фигура весьма известного бваны, благородного лорда и большого друга масайского

народа, юным представителям которого он, если верить Стукачу, оказывал покровительство весьма определенного свойства. Этот бвана, по словам Стукача, его и погубил. Никто доподлинно не знал, где в этих рассказах правда, а где вымысел, однако всякий раз, когда Стукач поминал благородного лорда, в его голосе звучала взрывоопасная смесь обожания и горечи, и над многими мутными местами его судьбы рассеивался туман. Лично я, правда, ни от кого не слышал, чтобы выдающийся и во всех отношениях достойный бвана имел склонность к налаживанию культурных связей нетрадиционным способом, поэтому к удивительным историям Стукача относился с известной долей недоверия.

— Злые языки любят рассказывать небылицы, — рассуждал тем временем Стукач, чья потребность стучать обострилась после канадского джина. — Утверждают, будто я агент мау-мау, и в это легко будет поверить после всего, что я тебе наговорил про любовь через задние ворота. Не слушай их, брат! Я белых людей безмерно уважаю и почитаю за образец. Жаль, все великие бваны уже мертвы, за исключением одного или двух, да и мне уже поздно начинать новую жизнь. Но от одной мысли о великих мертвых бванах мне

хочется измениться, стать лучше и добрее… Еще можно?

— Последнюю, в качестве лекарства.

При слове «лекарство» Стукач заметно оживился. У него было симпатичное, даже отчасти благородное лицо, в рисунке морщин которого читались и легкий нрав, и щедрость, и здоровая склонность к кутежу. Такое лицо никак нельзя было назвать аскетичным или мученическим. Это было лицо далеко не самого худшего представителя масаи, которого погубили порочные бваны и сомалийская жена; он жил на птичьих правах в забытой богом деревеньке камба, играя сомнительную роль покровителя бедной вдовы и за восемьдесят шесть шиллингов в месяц предавая всех, кого только можно. Красивое, жизнерадостное, слегка потасканное лицо. Я симпатизировал Стукачу, хотя и считал его деятельность омерзительной и даже пару раз на полном серьезе пригрозил, что в один прекрасный день повешу его, как собаку.

— Брат, такие лекарства просто обязаны существовать. Иначе зачем бы доктор с голландской фамилией писал о них в столь уважаемом печатном органе, как «Ридерз дайджест»?

— Они существуют, только у меня их нет. Могу

попросить, чтобы прислали.

— Брат, твоя девушка — с ней все очень, очень серьезно.

— Еще раз поднимешь эту тему, буду считать тебя дураком. Повторяешь одно и то же, как все пьяные.

— Я откланяюсь, с твоего позволения.

— Ступай, брат. Обещаю, что пришлю тебе лекарство. А ты раскопай что-нибудь интересное из истории Шамбы.

— Что-нибудь кому-нибудь передать?

— Ничего.

Я не переставал удивляться, что Стукач мой ровесник. Родились мы, правда, не в один год, но достаточно близко, и это удручало, конечно. Зато у меня была жена, которую я любил, и она меня тоже любила, и прощала мои ошибки, и назвала местную девчонку моей невестой, и терпела мои выкрутасы, потому что по большому счету я был неплохим мужем, а она была великодушной, доброй и деликатной женщиной и хотела, чтобы я узнал об этой стране больше, чем мне было положено по праву. Из каждого дня мы выкраивали для себя несколько счастливых часов, и каждая ночь была нашей безраздельно; сейчас, лежа рядом под москитной сеткой и глядя

через открытый полог палатки на мерцающие угли костра, над которыми танцевала роскошная чернота африканской ночи, то отлетая, когда ветер тормошил уснувшее пламя, то наваливаясь вновь, — мы были вполне счастливы.

— Везет же нам, — говорила Мэри. — Я так люблю Африку! Не могу представить, что когда-то придется уезжать.

Ночь выдалась прохладной, с вершины тянуло ветерком; под теплым одеялом было уютно. Начинался обычный для этого часа концерт: сперва подала голос первая гиена, затем вступили ее подруги. Улыбаясь, мы отслеживали движение хора по периметру лагеря — до того места, где рядом с кухней висело на дереве мясо. Гиены не могли его достать, но продолжали обсуждать варианты.

— Если ты умрешь, — шептала Мэри, — а мне не повезет и я останусь жить, и меня спросят, что мне запомнилось лучше всего, я скажу: с ним было просторно в одной кровати. В самом деле, дорогой, куда ты помещаешься?

— Да вот, на краешке. Здесь еще много места.

— В холодную ночь мы вдвоем запросто поместимся в такой кровати, где и одному тесно.

— Верно, ночь должна быть холодной.

— Хочешь, задержимся здесь до весны?

— Почему бы нет? Если денег хватит…

Через ночь прокатился глухой удар львиного кашля: зверь вышел охотиться на поляну возле реки.

— Ш-ш-ш! Слышишь? — шепнула Мэри. — Обними меня крепче и слушай… Он вернулся.

— Не факт, что это он.

— Меня не обманешь. Я его столько раз слышала. Он вернулся из маньятты, где зарезал двух коров. Арап Майна знал, что он вернется.

Мы слушали, как раскаты львиного рыка перемещаются через луг в направлении взлетной полосы.

— Утром разберемся, — сказал я. — Мы с Нгуи знаем его следы.

— Я тоже.

— Ладно, сама разберешься.

— Ну что ты сразу. Я только хотела сказать, что знаю его следы.

— Огромные такие… — У меня слипались глаза, и я подумал, что, если завтра утром мы выйдем на льва, сейчас надо хорошенько выспаться. Мы с Мэри достаточно давно знали друг друга, и были ситуации, когда она могла читать мои мысли.

— Пойду к себе в кровать. Тебе надо как следует выспаться.

— Ерунда, оставайся.

— Нет, пойду, так будет лучше.

— Спи здесь.

— Перед охотой я должна спать одна.

— Не строй из себя крутого воина.

— А кто же я, по-твоему? Я твоя жена, и любовница, и твой младший брат-воин.

— Ну хорошо. Спокойной ночи, младший брат-воин.

— Поцелуй своего брата-воина.

— Так. Или уходи, или оставайся.

— А если и то и другое?

В ночи разговаривал лев, комментируя свою охоту, и мисс Мэри покойно дышала во сне. Я лежал с открытыми глазами, думая о нескольких вещах сразу, но главным образом о нашем льве и о моем долге перед Отцом, и перед бваной егерем, и перед другими, а про Мэри почти не думал, только про ее рост в метр пятьдесят семь, и про высокую траву, и про заросли кустов, и что на верхнюю одежду табу, каким бы прохладным ни было утро, потому что у «манлихера» калибра 6,5 слишком длинный ствол и накладные плечи могут все испортить, если придется стрелять второпях. А еще я думал о том, как поступил бы на моем месте Отец, и о том, как нелепо он ошибся в

последний раз, хотя до этого добыл столько львов, сколько мне и не снилось.

Глава вторая

В предрассветных сумерках ветер теребил седые хлопья, подернувшие угли костра. Я набросил халат, обул высокие ботинки мягкой кожи и пошел будить Нгуи.

Он спросонья был угрюм и знать меня не хотел; я вспомнил, что до восхода он улыбаться не способен, а иногда и к полудню не возвращается из тех мест, куда люди улетают во сне.

Мы сели у мертвого седого костра.

— Слышал ночью льва?

— Ндио, бвана.

Его вежливость была на самом деле грубостью, и мы оба это знали, так как не раз обсуждали формулу «ндио, бвана», которой африканцы пользуются, чтобы закончить надоевший разговор с белым человеком.

— Сколько их было?

— Один лев.

— Мзури, — сказал я со значением: мол, теперь я действительно верю, что ты слышал льва.

Нгуи сплюнул, открыл кисет с жевательным табаком, угостился сам и предложил мне. Я заправил щепотку под верхнюю губу.

— Думаешь, это был большой лев Мемсаиб?

Табак нежно покусывал десну и кожицу под верхней губой.

— Хапана, — ответил Нгуи, использовав самую категоричную форму отрицания.

К костру подошел Кейти, демонстрируя свою знаменитую скептическую ухмылку, похожую на горизонтальный разрез. Судя по незаправленному хвостику, чалму он наматывал в темноте. Глаза его тоже искрились насмешкой. О серьезном настрое на охоту не могло быть и речи.

— Хапана симба кубва сана, — сказал Кейти, одарив меня взглядом лукаво-извиняющимся и в то же время абсолютно убежденным: он прекрасно знал, что ночной лев не был тем исполином, чей голос мы слышали много раз. — Нанаке, — добавил он, обращая дело в шутку. Это означало: лев достаточно взрослый, чтобы воевать и заводить детей, но пить ему еще рано. Такая шутка на языке камба была знаком дружеского расположения, особенно ценным в час рассвета, когда температура дружбы далека от точки кипения. Кейти давал мне понять, что видел мои попытки выучить язык и относился к ним с пониманием, хотя моим учителем был отпетый шалопай и даже не мусульманин.

Пресловутые львы сидели занозой в моей голове, сколько я себя помнил — в Африке это где-то около месяца, если темп жизни высок. Наши темпы зашкаливали постоянно. Львы нарушали спокойствие и в Саленге, и в Магади, и у нас водились разбойники, повинные в четырех нападениях на скот, и вот теперь объявился новенький, на которого пока не было досье. Однако попробуй докажи мисс Мэри, что все эти львы не имеют ничего общего с тем официально объявленным в розыск кровожадным исполином, на которого она так долго охотилась и по чудовищным следам которого мы столько раз ходили, неизменно утыкаясь либо в высокую траву, либо в камыши у болота, либо в непроходимый кустарник на границе страны геренуков, у старой маньятты по пути к холмам Чулу. Грива его была так темна, что казалась черной; опустив огромную голову, он с достоинством уходил в дебри, куда мисс Мэри дороги не было; за ним охотились уже много лет, и он определенно не был заурядным львом.

Я оделся и поджидал Нгуи, попивая чай возле ожившего костра. Нгуи шел через поле с копьем на плече, аккуратно ступая по росе; заметив меня, он свернул к костру, оставляя на траве серебри-

стый след.

— Симба дими кидого, — сообщил он, что означало: лев был мелким самцом. И по примеру Кейти добавил: — Нанаке. Хапана мзури для Мемсаиб.

— Спасибо, — кивнул я. — Не буду ее будить.

— Мзури. — Он отошел и присел у огня.

Арап Майна должен был вот-вот появиться с новостями о черногривом гиганте; последний раз его видели масаи из маньятты в Восточных холмах, где он зарезал двух коров, одну из которых бросил. Масаи уже давно страдали от его безобразий. Нигде подолгу не задерживаясь, он шел от убийства к убийству и, в отличие от нормальных львов, никогда не возвращался к оставленной добыче. У Арапа Майны была теория, что однажды он вернулся и поел мяса, отравленного егерями, после чего едва не отдал концы и накрепко усвоил урок. Теория худо-бедно объясняла, почему льву не сидится на месте, однако причины, по которым он выбирал для набега ту или иную маньятту, оставались загадкой.

Сейчас, после ноябрьских проливных дождей, леса, поля и солончаки буквально кишели дичью, и Арап Майна не без оснований ожидал, что наш лев спустится из холмов в долину и будет

охотиться возле болота, как он делал уже неоднократно.

Масаи любят упражняться в сарказме, и Стукач однажды настучал на одного из вождей, который якобы весьма изобретательно высмеивал тот факт, что я дважды имел случай застрелить проклятого льва, но оба раза предпочел доверить дело женщине. В ответ я велел передать остроумному вождю, что если бы его собственные мужчины не сосали с утра до вечера шерри «Голден джип» в Лойтокитоке, а взяли дело в свои руки, то никому не пришлось бы приставать ко мне с унизительными просьбами, поэтому пускай он пришлет своих лучших воинов, и мы вместе выйдем на охоту с копьями, либо пускай приходит сам, и мы все спокойно обсудим.

Масайский вождь появился в лагере через пару дней, рано утром, в сопровождении троих старейшин, и я послал за Стукачом, чтобы тот переводил. Мы славно поговорили. Вождь заявил, что Стукач, как водится, переврал его слова. В здешних местах, объяснил он, львами-беспредельщиками с давних пор занимался бвана старший егерь Джи-Си, причем делал это с неизменной отвагой и искусством, снискав безусловное доверие и любовь местного населения. Не далее как в по-

следнюю засуху, например, бвана старший егерь застрелил излишне дерзкого льва, а чуть позже, уже с моей помощью, печально известную львицу, которая наделала немало вреда.

Я отвечал, что эти факты каждому известны и что бвана старший егерь, а в его отсутствие я считаем своим прямым долгом отстреливать львов, терроризирующих коров, ослов, овец, коз и людей. Так было и так будет. Однако в данном случае Мемсаиб из религиозных соображений обязана собственноручно убить конкретного отдельно взятого льва, причем не позже того дня, когда родился малютка Иисус. Мы прибыли из далекой страны, обычаи которой повелевают, чтобы было так и не иначе. По возвращении мы должны будем предъявить шкуру убитого льва в день рождения малютки Иисуса.

После такой речи у меня, как водится, остался неприятный осадок, усугубленный спонтанно взятыми обязательствами. Получалось, что мисс Мэри происходит из весьма воинственного племени, коль скоро она, будучи женщиной, должна собственноручно прикончить кровожадного льва-мародера ко дню рождения малютки Иисуса. Счастье, что я не объявил это ежегодным ритуалом.

Кейти охотно поверил в сакральное значение Рождества, так как побывал на многих сафари с участием убежденных и даже фанатических христиан, большая часть которых, правда, слишком дорожила драгоценными днями, влетевшими им в немалую копеечку, чтобы прерывать охоту из-за Рождества. В канун праздника не обходилось без застолья с вином или даже с шампанским. В этом году все было проще: мисс Мэри готовилась к Рождеству весьма серьезно, уделяя особое внимание ритуальной части, и Кейти, любивший порядок и церемонии, охотно участвовал в подготовке. Ему особенно импонировала концепция рождественской елки, ибо в религии, которую он исповедовал прежде, чем принять ислам, деревьям отводилась одна из ведущих ролей.

Языческий контингент лагеря в целом склонялся к мнению, что мисс Мэри принадлежит к радикальному крылу своей секты, ибо ей полагалось убить геренука, победить в поединке огромного льва и, наконец, поклониться ряженому дереву, на роль которого ее угораздило выбрать именно ту породу, из чьих колючек масайские воины традиционно готовили отвар для поднятия боевого духа перед войной и охотой. Не уверен, что последнее обстоятельство было

известно Кейти, но о нем знали по крайней мере пятеро из нас и, разумеется, хранили это в строжайшем секрете.

По поводу привязки поединка со львом к Рождеству, впрочем, единого мнения не было: мисс Мэри охотилась на него уже много месяцев. Нгуи выступил с теорией, что черногривого льва необходимо убить в течение года, без конкретной даты, и мисс Мэри, памятуя о неудобствах, которые высокая трава доставляет низкорослым охотникам, решила начать дело в сентябре, чтобы успеть аккурат ко дню рождения малютки Иисуса.

Чаро относился к этой теории скептически, так как на своем веку повидал достаточно белых женщин, желавших убить льва. В данном случае, однако, его смущал тот факт, что мисс Мэри намеревалась обойтись без посторонней помощи, в отличие, например, от мисс Полины, которой, как он помнил, я активно помогал. Чаро догадывался, что Мэри была женой из особого племени и для нее не годились обычные мерки. В пользу этого говорили ее ритуальные шрамы: несколько параллельных насечек на щеке и едва различимые горизонтальные линии на лбу — следы работы одного из лучших пластических хирургов Кубы, к

которому она обратилась после автокатастрофы. Заметить их мог только специалист по ритуальным шрамам, каковым, например, являлся Нгуи.

Однажды он между делом спросил, принадлежит ли мисс Мэри к моему племени.

— Нет, — ответил я. — Она из племени Северного Рубежа под названием Миннесота.

— Я понял по ритуальным шрамам, — кивнул Нгуи.

Чуть погодя, за беседой о религии и родовых обычаях, он осведомился, собираемся ли мы после праздника сделать отвар из колючек рождественской елки. Я сказал, что вряд ли.

— Мзури, — ответил он с облегчением.

— Почему?

— Вам джин, нам пиво, нормальный ход вещей. А отвар мисс Мэри лучше не пить, если вера позволяет.

— Если добудет льва, отвар точно не понадобится.

— Мзури, — сказал он. — Мзури сана.

В это утро я решил не будить жену: пусть выспится как следует, с запасом на будущее. По поводу льва я не переживал, просто все время думал о нем и о Мэри.

Разница между диким львом-мародером и

позирующим перед туристами живописным гривастым красавцем из заповедника примерно та же, что между матерым гризли, который шутя обходит твои капканы, подкапывает заимки и разоряет схроны с провизией, и медведем-попрошайкой, выходящим к дороге в Йеллоустонском парке. Попрошайки, впрочем, ежегодно калечат туристов, которым не хватает ума отсидеться в машине, да и машина не всегда спасает, если зверя разозлить.

Бывает, что львы из заповедника, привыкшие к фотоаппаратам и подачкам туристов, покидают охраняемую территорию и ввиду отсутствия естественного страха перед человеком становятся легкой добычей так называемых спортсменов и их жен, которым почти всегда помогает профессиональный охотник. Наша задача, однако, состояла не в том, чтобы обсуждать и критиковать мошеннические способы убийства львов, а в том, чтобы выследить для Мэри умного, жестокого и бывалого хищника, которого она могла бы убить, соблюдая если не религиозный ритуал, то хотя бы элементарные этические правила. Для меня эти правила уже давно сделались нормой. С точки зрения Чаро, они были слишком жесткими, и он мало-помалу начинал проявлять

нетерпение. Будучи дважды трепан леопардами, он полагал, что я подвергаю мисс Мэри ненужному риску. Однако правила придумал не я. Они перешли ко мне от Отца, который при охоте на опасных хищников следовал старому кодексу чести, бытовавшему в Африке до тех пор, пока охоту не опошлили «гребаные джипы».

Льву уже дважды удалось нас провести, и оба раза я легко мог бы его уложить, не будь он предназначен мисс Мэри. Второй раз провинился Отец. Он очень хотел, чтобы Мэри до его отъезда успела добыть льва, — и ошибся, как бывает со всяким, кто слишком старается.

В тот вечер мы сидели у костра. Отец молча покуривал трубочку, а Мэри сосредоточенно вела дневник, куда она заносила свои секреты, чаяния, огорчения, новые впечатления, усвоенные уроки и победы, которые не хотела пачкать публичной похвальбой. Ей светил газовый рожок, висевший на брезентовой стене столовой, а мы с Отцом сидели рядом в халатах и противомоскитных сапогах.

— Умный, сволочь, этот лев, — сказал Отец. — Будь Мэри чуть повыше… Я сам виноват.

Мы избегали говорить о его ошибке; все было понятно без слов.

— Мэри его в конце концов возьмет, ясное дело. Тут важно другое. Наш лев, конечно, не самый храбрый. Умный — да. Однако, если его ранить, станет храбрым. И до этого лучше не доводить.

— Я теперь сносно стреляю.

Отец помолчал, что-то обдумывая.

— Сносно — это скромно сказано. Слишком нос не задирай, но и не прибедняйся. Будь уверен в своих силах. Рано или поздно он ошибется, и ты его убьешь. А если появится львица с течкой, то вообще голыми руками бери. Жаль, они сейчас беременные ходят.

— А как он ошибется?

— Как-нибудь ошибется, не сомневайся. Жаль, что я уезжаю… Присматривай за Мэри, следи, чтобы спала как следует. Она уже вон сколько времени на взводе. И льву передышку дайте, не гоняйте зря. Он должен потерять страх.

— Что-нибудь еще?

— Продолжай ее тренировать, пусть охотится, мясо добывает. Руку надо набивать.

— Я думаю так: подвести Мэри на пятьдесят ярдов. Если не получится, второй заход сократить до двадцати.

— А что еще остается?

— Вот именно. Хоть время будет, чтобы при-

целиться.

— Стреляет она, конечно, дьявольски метко. Жаль, день на день не приходится. И непонятно, отчего зависит.

— Да вроде понятно.

— Я тоже думал, что понятно… Короче, как бы там ни было, на двадцать ярдов ее не подводи.

Двадцать с лишним лет назад мы с Отцом сидели у такого же костра и обсуждали теорию и практику охоты на опасных хищников. Отец тогда с брезгливым недоверием отзывался об «охотниках на сурков», упражняющихся в тире.

— Мячик для гольфа на козлы кладет — и за милю сшибает! Только козлы не живые, а деревянные. Раз за разом бьет, и рука не дрогнет, пока не доведется в настоящего зверюгу с двадцати ярдов стрелять. Тут герой не то что в мячик, в Килиманджаро не попадет! Ствол ходуном, колени ходуном, все вокруг приседают, чтоб пулей не задело… — Отец молчал, пыхтел трубкой. — Никому не доверяй на охоте, пока не подведешь к опасному зверю хотя бы на пятьдесят ярдов. Пока не увидишь, как бьет с двадцати, — на работу не бери. На коротких дистанциях внутренняя сущность наружу выходит. Никудышный стрелок либо мажет, либо в брюхо лепит, чтоб

наверняка.

Я вспоминал этот разговор и старые добрые дни — и думал, что сафари проходит здорово и будет чертовски жаль, если мы с Отцом никогда больше не пойдем на охоту, когда к костру вышел Арап Майна и лихо взял под козырек. Он всегда отдавал честь на загляденье четко, с оттяжкой, в конце движения едва удерживаясь от улыбки.

— Доброе утро, Майна.

— Джамбо, бвана. В Маньятте говорят, большой лев опять приходил. Корову в кусты уволок. Поел и бросил, больше не возвращался. К болоту пошел на водопой.

— Лев со шрамом на лапе?

— Да, бвана. Теперь сюда спустится, надо полагать.

— Добро. Еще что слышно?

— Говорят, мау-мау из тюрьмы бежали. Те, что в Мачакосе сидели. Теперь сюда идут.

— Когда это случилось?

— Вчера.

— Кто рассказал?

— Один масаи, я его на дороге встретил. Он ехал на грузовике, сказал, что работает в индийской лавке. Где лавка, я не спросил.

— Пойди поешь чего-нибудь. Позже погово-

рим.

— Ндио, бвана. — Ствол винтовки сверкнул в утренних лучах, Арап Майна снова отдал честь. В Шамбе он переоделся в новую форму, выглядел весьма импозантно и сиял от радости, потому что принес две хорошие, по его мнению, вести. Он был охотником, и теперь нам предстояла охота.

Я решил сходить к палатке и проверить, проснулась ли Мэри. Если нет, тем лучше.

Мисс Мэри проснулась, но не до конца. Если она просила разбудить ее к определенному часу, скажем, к половине пятого или к пяти, то вставала быстро, сердясь на любую задержку. Сегодня, однако, было по-другому.

— В чем дело? — спросила она сонно. — Почему меня никто не разбудил? Солнце уже вон где. Что случилось?

— Это был другой лев, малыш. Я дал тебе выспаться.

— Точно выяснили?

— Нгуи проверил.

— А где наш лев?

— Еще не спустился со склона.

— Откуда ты знаешь?

— Арап Майна принес известия.

— Пойдешь сегодня за буйволом?

— Нет, дорогая. На сегодня все отменяется. У нас небольшая проблема.

— Я могу помочь?

— Нет, малыш. Спи.

— Может, и посплю еще чуть-чуть. Такие сны хорошие снились…

— Ну вот и возвращайся, пока они не улетели. Как проснешься, прикажи подать чакулу.

— Да, посплю капельку. Очень необычные сны.

Я умылся в тазу, протер глаза борной кислотой, причесался при помощи полотенца (короткая стрижка не нуждалась ни в щетке, ни в расческе), оделся и наконец, ступив правой ногой в петлю кобуры, подтянул и пристегнул к ремню оружие. В старые времена мы пистолетов не носили, а сейчас надеть кобуру было так же естественно, как застегнуть ширинку. У меня в правом кармане куртки всегда лежали две запасные обоймы в целлофановом пакете, и был еще запас патронов в широкогорлой бутылке из-под таблеток для печени. В эту бутылку с крышкой на резьбе раньше помещалось пятьдесят красно-белых капсул, а теперь — шестьдесят пять патронов «дум-дум». У Нгуи тоже была такая.

Пистолет пользовался всеобщим уважением: из него можно было бить цесарок, малых дроф,

бешеных шакалов и даже гиен. Нгуи и Мтука любили гавкающий звук выстрелов, и фонтанчики пыли перед носом, припадающей к земле, убегающей гиены, и жалобный скулеж, когда гиена начинала кружиться волчком, — тогда Нгуи лез мне в карман и подавал новую обойму, и снова были пылевые фонтанчики, и скулеж, и гиена валилась на спину, задрав к небу лапы.

Я пошел к периметру, чтобы поговорить с Кейти. Отозвав его в сторонку, я сказал, что разговор серьезный, с глазу на глаз. Он стоял передо мной по стойке «вольно» и смотрел с мудрой насмешкой, приправленной крупицей недоверия.

— Вряд ли сюда пойдут. Это же камба мау-мау. Они знают, что их здесь ждут.

— Ну а если все-таки пойдут? — спросил я. — Куда они заявятся в первую очередь?

— Не пойдут.

— Уверен?

— Я бы не пошел.

— Так это ты, опытный матерый старик. А они просто мау-мау.

— Не все мау-мау дураки.

— Согласен. Но ведь они попались, когда пришли в заказник агитировать за мау-мау. Если они такие умные, почему дали себя поймать?

— Потому что пьяные. Орали, хвастали.

— Правильно. А если придут сюда? В Шамбе тоже вакамба, они опять захотят выпить. А потом захотят добавить и пойдут искать. Люди не меняются, один раз их уже повязали пьяными.

— Теперь они другие, осторожные. Бежали из тюрьмы.

— Пойдут туда, где есть выпивка.

— Возможно. Но не сюда. Они же камба.

— Я должен принять меры.

— Слушаю.

— Подробный план сообщу позже. Что в лагере, порядок? Больные есть?

— Порядок, все здоровы.

— Что с мясом?

— Сегодня надо добыть.

— Антилопа гну сойдет?

Он медленно покачал головой и подарил мне кривую ухмылку:

— Многие не станут есть.

— Сколько человек станет?

— Девять.

— А что годится остальным?

— Импала годится.

— Импал в округе предостаточно. В крайнем случае есть запас, две туши. К вечеру свежее мясо

будет. Сделать надо так: дичь убить на заходе солнца, чтобы ночной холод с вершины остудил мясо. Тушу завернуть в марлю, чтобы не испортили мухи. Мы здесь в гостях, и за все отвечаю я. Ничто не должно пропасть. Сколько надо, чтобы добраться сюда из Мачакоса?

— Три дня. Но они сюда не пойдут.

— Прикажи приготовить мне завтрак.

Я вернулся к столовой и сел за стол, наугад выбрав книгу из деревянных коробок, приспособленных под книжные полки. В то время была популярна тема побега из нацистских лагерей, и в моих руках тоже оказалась история побега. Я вернул ее на место и взял другую, под названием «Последнее пристанище»: она показалась мне более уместной. Я открыл книгу посередине — и тут раздался вой мотора, и через просвет в заднем пологе палатки я увидел, как в лагерь на полной скорости влетел полицейский «лендровер». Осадив тучу пыли прямо на свежевыстиранное белье, он затормозил возле палатки с лихим заносом, как на гонках по бездорожью. Молоденький полицейский, высокий парень с бесперспективным лицом, выпрыгнул из машины, по-военному отдал честь и протянул мне руку.

— Доброе утро, бвана! — сказал он, снимая

фуражку.

— Завтракать будешь?

— Не время, бвана.

— Что случилось?

— Тревога, бвана, готовность номер один. Их четырнадцать, бвана. Четырнадцать отъявленных головорезов.

— Вооружены?

— До зубов.

— Бежали из тюрьмы в Мачакосе?

— Да, бвана. Откуда вы знаете?

— Егерь доложил сегодня утром.

— Мы вновь должны объединить усилия, губернатор!

Эта форма обращения была чистой лестью и не имела ничего общего с управлением губернией.

— Полиция может на меня рассчитывать.

— Каков план совместной операции, губернатор?

— Это твое шаури. Я здесь по части охоты.

— Войдите в положение, бвана. Помогите парню. Вы и бвана старший егерь меня всегда выручали. В трудные времена мы должны действовать сообща. Будем держаться до последней черты.

— Это замечательно. Но я не полицейский.

— Зато вы охотник на опасных хищников! Объединим усилия. Что бы вы сделали на моем месте, губернатор? Я с вами до последней черты.

— Надо организовать кордон, — сказал я.

— Могу я попросить стакан пива?

— Открой бутылку, я составлю компанию.

— Глотка пересохла от дорожной пыли.

— В следующий раз потрудись не вздымать ее возле нашего белья.

— Простите, губернатор. Глубочайшие извинения. Мой ум был занят нашими проблемами; к тому же недавно был дождь.

— Позавчера. Все уже давно высохло.

— Вернемся к делу, губернатор. Итак, организуем кордон?

— Да, — ответил я. — Здесь неподалеку шамба, где живут камба.

— Мне об этом ничего не известно. Знает ли старший егерь?

— Знает. В общей сложности в округе четыре шамбы, где варят пиво.

— Это нарушение закона.

— Обычное дело для Африки. Предлагаю во все четыре послать наблюдателей. Если беглецы объявятся, мне сразу сообщат. Мы поднимем людей, окружим шамбу и возьмем их.

— Живыми или мертвыми!

— Даже так?

— Никак иначе, губернатор. Отъявленнейшие головорезы.

— В этом еще надо убедиться.

— Ни к чему сомнения, губернатор. Слово чести! Но как наблюдатели с вами свяжутся?

— Мы предвидели подобный оборот событий и создали разветвленную сеть сарафанного радио. Его эффективность выше всяких похвал.

— Отличный ход. Рад, что вы об этом позаботились. Надеюсь, сеть достаточно широка?

— Более чем. Во главе стоит девушка выдающихся организаторских способностей, прирожденная подпольщица.

— Могу я с ней встретиться?

— Попытаюсь устроить. Только форму не надевай.

— Подполье — это здорово, — сказал полицейский. — Я всегда мечтал о подрывной работе в тылу врага.

— Почему бы нет? Когда эта история закончится, попрошу прислать пару старых парашютов. Порепетируем высадку десанта.

— Давайте займемся деталями, губернатор. Итак, наблюдательный кордон. Здравая мысль.

Но что дальше?

— Дальше вот что. Я собираю в лагере мобильную группу быстрого реагирования. По первому сигналу выступаем в сторону той шамбы, где появятся беглецы. А ты сейчас возвращайся в бому и организуй оборону. Далее, предлагаю устроить заставу на дороге у поворота, в десяти милях отсюда. Расстояние определишь по спидометру. На ночь заставу следует передвигать ближе к болоту. Помнишь, где мы охотились на бабуинов?

— Никогда не забуду, бвана.

— В случае тревоги я с тобой свяжусь. Только смотри не постреляй мирных жителей. Там ночью движение оживленное.

— Да вроде никто не ездит.

— Еще как ездят. На твоем месте я бы повесил предупреждающие знаки на каждой дуке: мол, вводится комендантский час, соблюдение которого строго обязательно. Это не повредит.

— Дадите мне людей, бвана?

— Только если ситуация выйдет из-под контроля. Не забывай, наблюдение будут вести мои люди. Могу предложить следующее. Я сейчас напишу телефонограмму, попрошу самолет. Ты ее отправишь через Нгонг. Самолет мне так или иначе нужен.

— Отлично, бвана. Могу я надеяться, что вы возьмете меня в полет?

— Вряд ли, — ответил я. — Ты необходим на земле.

Я написал телефонограмму, попросил завтра после обеда прислать самолет с грузом свежей почты из Найроби и добавил, что мне потребуется два часа полетного времени.

— А теперь отправляйся в бому, — сказал я. — Ради бога, парень, в следующий раз не влетай в лагерь по-ковбойски. Теперь у нас везде пыль: и на еде, и в палатках, и на чистом белье.

— Глубочайшие извинения, губернатор. Больше не повторится. Еще раз спасибо за помощь.

— Может, вечером увидимся в городе.

— Хорошо.

Он осушил пиво, отдал честь и принялся громко звать водителя.

В палатку вошла Мэри, по-утреннему свежая и сияющая.

— Кто этот мальчик? Он из полиции? Что-то случилось?

Я рассказал ей о побеге из тюрьмы в Мачакосе, не поскупившись на детали. Это произвело должное впечатление.

За завтраком она спросила:

— Вызвать самолет — это же очень дорого?

— Мне так или иначе нужна почта из Найроби. Да и с буйволами пора уже закончить. На болоте их нет, надо проверить окрестности Чулуса; самолет пригодится.

— Жаль, я еще не добыла льва. Могла бы слетать в Найроби за всякой рождественской всячиной.

— Думаю, мы его добудем очень скоро. Надо только дать передышку и тебе, и ему. Арап Майна считает, что он со дня на день спустится к нам.

— Мне не нужна никакая передышка.

— Ну хорошо, только ему. Он должен потерять страх и совершить ошибку.

— Скорее бы.

Около четырех я вызвал Нгуи и приказал ему вместе с Чаро приготовить ружья и дробовик, а Мтуке передать, чтобы пригнал машину. Мэри в палатке писала письма. Нгуи привел Чаро, и они принялись вынимать из-под кровати зачехленное оружие и считать патроны для «спрингфилда» и «манлихера». Нгуи приготовил тяжелую артиллерию: «штуцер» калибра 0,577. Это был первый из приятных моментов предстоящей охоты.

— На кого идем? — спросила Мэри.

— Нам нужно мясо. В качестве подготовки к

охоте на льва я хочу проделать опыт, о котором говорили мы с Отцом. Ты должна убить антилопу гну с двадцати ярдов. Чаро тебя подведет.

— Вряд ли мы сумеем подойти так близко.

— Сумеете. Только свитер не надевай. Возьми с собой, на обратном пути наденешь, если замерзнешь. И рукав закатай заранее, прямо сейчас. Я серьезно.

У мисс Мэри была привычка перед выстрелом закатывать правый рукав; иногда это сводилось просто к подворачиванию манжеты. Так или иначе, начиная с дистанции в сто ярдов звери неизменно пугались.

— Ты же знаешь, я так больше не делаю.

— Ну и отлично. Про свитер я сказал, потому что он фактически удлиняет приклад.

— А если будет холодно, когда мы пойдем на льва?

— Я просто хочу посмотреть, имеет ли это значение.

— Все всегда на мне экспериментируют. Я что, не могу просто пойти и убить антилопу?

— Конечно, можешь. Вот прямо сейчас.

Мы проехали аэродром, затем рощу выкорчеванных деревьев. На одной из полян я заметил две группы антилоп гну: самки паслись, а старый

бык лежал в тени под кустами. Я указал на него Мтуке и сделал круговой жест, означавший, что надо подъехать слева и сзади, чтобы не было видно за деревьями.

Машина остановилась, Мэри и Чаро вышли; у последнего на шее висел бинокль. Мэри передернула затвор «манлихера», дослала патрон и поставила оружие на предохранитель.

— Что теперь? — спросила она.

— Видишь, лежит старый бык?

— Вижу. А в кустах, кажется, еще два.

— Вы с Чаро попробуете подобраться к нему как можно ближе. Ветер правильный, до опушки дойдете без проблем. Видишь, где начинается просвет?

В просвете лежал старый самец антилопы гну: черный уродливый зверь с огромной головой, загнутыми книзу рогами и буйной гривой. Когда Мэри и Чаро приблизились, он поднялся, сделавшись еще чернее и уродливее. Охотников он не видел: стоял к ним боком, глядя на нас. Антилопа гну — очень странное животное, мы к ним просто привыкли и принимаем как должное. Уникальный, замечательный зверь, хотя благородным его не назовешь. Какое счастье, думал я, наблюдать это чудо природы и двух неотвратимо приближа-

ющихся к нему осторожных охотников.

Мэри была уже на опушке и могла стрелять; мы видели, как Чаро опустился на колени, а она подняла ружье и склонила голову. Мы слышали выстрел, практически слившийся с глухим ударом пули в кость, и черный исполин, встав на дыбы, тяжело завалился на бок. Остальные антилопы ударились в галоп. Рявкнул мотор, и машина помчалась к охотникам. Когда мы подъехали, Мэри и Чаро уже стояли над черной тушей. Чаро был счастлив, как ребенок, и сжимал в руке нож. Все говорили наперебой: «Пига мзури! Пига мзури сана, Мемсаиб! Мзури, мзури сана!»

— Добить его в лоб, вот сюда?

— Нет, лучше за ухо.

Мэри знаком велела всем отойти, сняла предохранитель и медленно подняла ружье. Глубокий вдох, выдох, вес на левую ногу — выстрел. Пуля проделала аккуратную дырочку у основания черепа. Старый бык вытянул передние ноги и тихо повернул голову; его смерть была благородна. Я обнял жену за плечи и увлек прочь, чтобы она не видела, как Чаро вонзает нож в должное место, превращая добычу в халяль, годную для мусульманина пищу.

— Понравилось тебе, как я его убила? И подкра-

лась, и прицелилась, и попала, как полагается. Гордишься своим котенком?

— Ты у меня чудо. Выстрел красивый, наповал с первой пули. Он ничего не успел понять и нисколько не мучился.

— Знаешь, он казался таким огромным… Даже свирепым.

— Котенок, поди в машину, посиди, отхлебни из «Джинни». А я помогу погрузить тушу.

— Пойдем выпьем вместе. Я только что восемнадцать человек накормила одним выстрелом. Это надо обмыть. А здорово мы подкрались, да?

— Грамотно подошли, ни отнять ни прибавить.

«Джинни» была полулитровой флягой джина «Гордон». Ее купили в Султан-Хамуде и назвали в честь той легендарной серебряной фляги, что прошла со мной сотни километров по дорогам войны и в один прекрасный день распаялась по швам в заднем кармане, на минуту заставив своего хозяина поверить, будто он получил пулю в зад. Новая походная фляга сделалась наследницей старой боевой подруги, на чьей серебряной пробке было выгравировано девичье имя, но не было названий фронтов, где она побывала, и не было имен тех, кто из нее пил, а потом погиб, — и

хорошо, что не было, иначе названия и имена покрыли бы всю поверхность, даже если гравировать мелким шрифтом. Пузатая наследница, на вид столь же невзрачная, успела обрести статус амулета.

Мэри отхлебнула и передала флягу мне.

— Знаешь, я много где бывала, но только в Африке джин пьется как вода.

— Есть немного.

Джин и впрямь шел замечательно: чистый вкус, приятное тепло, ничего общего с водой. Я протянул жене водяную флягу, она хлебнула и сообщила:

— Вода тоже восхитительна, даже сравнивать нечестно.

Оставив ее наедине с «Джинни», я пошел помогать парням, грузившим в кузов тушу. Мы не стали ее разделывать, чтобы не огорчать любителей потрохов. Зверь уже не выглядел благородно, просто лежал со стеклянными глазами и раздутым животом, неестественно повернув голову и вывалив серый, как у удавленника, язык. Нгуи указал на аккуратную дырочку над самым плечом. Я кивнул. Мы подняли задний бортик, и я забрал у Мэри водяную флягу, чтобы вымыть руки.

— Выпей еще, Папа, — сказала она. — Чего ты кислый?

— Вовсе не кислый. Но выпить не откажусь. Еще хочешь пострелять? Нам надо добыть газель Томпсона или импалу — для Кейти, Чаро, Мвинди и для нас с тобой.

— Лучше импалу. Но стрелять я больше не хочу, чтобы не портить впечатление. И так уже попадаю куда целюсь.

— А куда ты целилась, котенок? — спросил я между глотками, стараясь не переборщить с невинностью вопроса.

— Прямо по центру плеча, не выше и не ниже. Ты же видел рану.

В центре плеча была не рана, а большая капля крови, вытекшая из неприметного отверстия, что располагалось много выше, у самого позвоночника. Я хорошо это разглядел, когда стоял над черным умирающим зверем, передняя половина которого еще жила, а задняя уже нет.

— Молодчина, котенок.

— Дай-ка мне фляжку. Стрелять уже все равно не буду. Я так рада, что не подвела тебя! Жаль, Отец не видел, как я стреляла.

Да, думал я, хорошо, что Отец не видел, как ты практически в упор лупанула на четырнадцать

дюймов выше, чем целилась, уложив зверя красивым выстрелом в позвоночник!

Мы ехали через перелесок навстречу ветру, солнце светило в спину. Прямо по курсу я видел, как белыми квадратами сверкают задницы газелей Гранта и трепещут хвостики на задницах газелей Томпсона — и те и другие бросались бежать, заслышав звук мотора. Нгуи уже знал, что сейчас будет. Чаро тоже. Первый повернулся ко второму:

— «Джинни»?

Чаро протянул фляжку. Нгуи отвернул пробку и передал фляжку мне. Я отхлебнул. Ничего похожего на воду. Когда мы с Мэри охотились на льва, я не пил, потому что сознавал ответственность, но сейчас джин помогал расслабиться после эпизода с антилопой гну, напрягшего всех, кроме главной героини, которая чувствовала себя легко и радостно.

— Они хотят, чтобы ты повыпендривался? — сказала Мэри. — Ну давай, покажи класс. Я тоже хочу.

— Добро, — кивнул я. — Еще глоток.

— Хапана! — Нгуи покачал головой и отстранил фляжку. — Мзури.

Впереди на поляне паслись два самца газели

Томпсона. У обоих были точеные, геометрически правильные головы, хвосты исправно щелкали вправо-влево. Мтука кивнул и поставил машину в укромное место, чтобы я мог подобраться к добыче без помех. Вынув из «спрингфилда» картечь, я зарядил его двумя патронами, закрыл затвор и медленно двинулся к кустам, с демонстративной рассеянностью поглядывая по сторонам. Я шел не сгибаясь, потому что, во-первых, кусты были достаточно высоки, а во-вторых, опыт подсказывал, что, когда дичи вокруг много, подкрадываться лучше во весь рост, не выказывая интереса, иначе какой-нибудь зверек тебя заметит и спугнет добычу. Мисс Мэри просила повыпендриваться, и я левой рукой хлопнул себя по шее, показывая, куда намерен попасть. В отношении такой быстроногой добычи, как газель Томпсона, это было верхом легкомыслия, однако я рассудил, что если попаду, то изрядно подниму боевой дух, а если промахнусь, то все отнесутся с пониманием. Прогулка по высокой траве, оживленной брызгами белых цветочков, была приятна; винтовку я держал чуть на отлете, стволом вниз. В пустой голове одиноко танцевали две мысли: как хорош ранний вечер и как здорово, что я в Африке. Теперь следовало бы двигаться ползком, однако трава

была слишком густа, и белые цветочки радовали глаз, и очки могли слететь, и я был слишком стар, чтобы ползать на брюхе. Поэтому я оттянул затвор, придерживая пальцем спусковой крючок, чтобы избежать щелчка, дослал патрон, проверил апертуру прицела и вышел из-за кустов.

Две газели пустились бежать, изо всех сил работая маленькими копытами. Я поднял винтовку, перенес вес на левую ногу, поймал заднюю газель на мушку и секунду вел, а затем чуть обогнал и с упреждением выстрелил. Отдача толкнула в плечо, донесся сухой удар, и я увидел взметнувшиеся четыре ноги и белый промельк живота. Дослав второй патрон, я пошел к добыче, молясь, чтобы пуля не попала в зад или в голову. Сзади гудел мотор приближающейся машины. Чаро соскочил на ходу и бросился к газели, в руке у него сверкал нож. Добежав, он замер. Я подошел и сказал:

— Халяль.

— Хапана, — ответил он, указав острием ножа на мертвый зрачок.

— Да ладно тебе. Халяль!

— Хапана.

Я никогда не видел, чтобы Чаро плакал, но сейчас он, казалось, едва сдерживал слезы: для старого и очень религиозного человека это был

не пустяк.

— Ну, что поделаешь, — сказал я, — Нгуи, займись.

Все молчали, сочувствуя Чаро. Он вернулся в машину, и возле мертвого зверя остались одни неверные. Мтука пожал мне руку и прикусил губу. Он думал о своем отце, которому теперь не достанется мяса газели. Нгуи украдкой посмеивался. Оруженосец Отца с лицом как у смуглого эльфа сокрушенно схватился за голову, а затем хлопнул себя по шее. Молоденький носильщик улыбался, как дурачок; ему было приятно находиться в обществе настоящих охотников.

— Куда ты попал? — спросила Мэри.

— Боюсь, что в шею.

Нгуи показал ей пулевое отверстие. Мтука с носильщиком подняли газель и забросили в кузов.

— Колдовство какое-то, — сказала Мэри. — Ты, конечно, выпендривайся, но знай меру.

Мы въехали в лагерь на тихом ходу, чтобы не поднять пыли, и Мэри выбралась из машины.

— Всем спасибо за чудесный день!

Она ушла в палатку, где Мвинди уже наверняка подогрел воду для ванны. Я смотрел ей вслед и разделял ее радость от удачного выстрела, и был уверен, не без помощи «Джинни», что все про-

блемы как-нибудь решатся, и что лев достаточно крупная мишень, и, в конце концов, что такое четырнадцать дюймов вертикальной ошибки на двадцати пяти ярдах? К черту четырнадцать дюймов!

Машина тихо отъехала к кухне, где обычно разделывали добычу. Кейти вышел навстречу.

— Мемсаиб добыла антилопу гну, — объявил я, выйдя из машины. — Отличный выстрел.

— Мзури.

В свете фар парни приступили к разделке. Нгуи взял лучший из моих ножей и подключился к свежеванию антилопы. Я хлопнул его по плечу и отозвал в темноту. Ему не терпелось продолжать, но он отнесся с пониманием и внимательно слушал.

— Сделай хорошую вырезку со спины, от шеи до попы. — Я показал на нем. — Отдадим в Шамбу.

— Ндио.

— Заверни в желудок, когда вычистите потроха.

— Хорошо.

— Пусть свежего мяса поедят.

— Слушаю.

Мне хотелось дать им больше, но это было бы нечестно по отношению к охотникам; я успокоил

совесть тем фактом, что провизия нужна для боевых действий, и приказал Нгуи вдобавок к свежему мясу отправить в Шамбу тушенки.

Затем я ушел от светового потока фар к скромному костру под деревом, где сидели Вдова с маленьким сыном и Дебба. На женщинах были выцветшие, некогда нарядные платья. Мальчишка подбежал ко мне и боднул головой в живот; я поцеловал его в макушку.

— Как поживаешь, Вдова?

Она молча кивнула.

— Джамбо ту, — сказал я Деббе и тоже поцеловал ее в макушку.

Дебба засмеялась. Подняв руку, я погладил ее шею и затылок, наслаждаясь упрямой, упругой теплотой; она дважды боднула меня в сердце, и я ответил еще одним поцелуем. Вдова напряглась и сказала:

— Квенда на Шамба.

Дебба промолчала. Присущий женщинам камба гонор отлетел, она стала мягкой, как воск; я гладил ее шею, едва касаясь тайных мест за ушами, а она украдкой трогала мои шрамы.

— Подождите, Мтука вас подвезет. Возьмите мяса для семьи. Я с вами не поеду. Джамбо ту. — Я старался быть одновременно и нежным, и гру-

бым, и кратким, чтобы не разводить канитель.

— Когда приедете? — спросила Вдова.

— Не знаю. Когда потребуется моя помощь.

— Съездите с нами в Лойтокиток перед днем рождения малютки Иисуса?

— Конечно.

— Квенда на Шамба, — сказала Дебба.

— Мтука вас отвезет.

— Поехали с нами?

— No hay remedio.[41]

Это была одна из первых заученных ею испанских фраз; ничего печальнее этой фразы я не знал и рассудил, что чем раньше она ее выучит, тем лучше. Она думала, что это цитата из наших молитв. Значения фразы я не объяснил, просто сказал, что это важно знать.

— No hay remedio, — повторила она старательно и гордо.

— У тебя красивые руки, — сказал я по-испански, — особенно мозольки. — Это была наша старая шутка, одна из первых, что мне удалось перевести более-менее адекватно.

— No hay remedio, — ответила она скромно. И скороговоркой добавила: — No hay remedio, no

---

[41] Примечания: 41
Случай безнадежен (*исп.*).

hay remedio, no hay remedio.

— No hay remedio ту, — кивнул я. — Забирайте мясо и уходите.

Проснувшись ночью в палатке, слушая, как гиены спорят над кухонными отходами, и глядя на костер сквозь проем в пологе, я думал о Мэри, которая спала счастливым сном после удачной охоты, и пытался представить, чем занимается гигантский лев. Скорее всего по пути к болоту он будет охотиться. Затем я стал думать о Шамбе и о том, что простого решения нет. Мне было досадно, что я ввязался в эту паутину, но теперь уже *no hay remedio*, да и с самого начала, пожалуй, другого пути не было. Не я все начал. Оно само началось. Затем я еще немного подумал о нашем льве и о мау-мау из племени камба, которых следовало ждать не раньше завтрашнего вечера. Затем ночные звуки разом стихли, и повисла абсолютная тишина, и я подумал, твою мать, это мау-мау окружают, пока я тут прохлаждаюсь. Сердце ударило в галоп, рука потянулась к «винчестеру», заряженному крупной дробью; я замер с открытым ртом, чтобы лучше слышать. Пару секунд спустя у реки кашлянул леопард: странный звук, словно по басововой струне провели драчовым напильником. Ночь ожила, на разные голоса

обсуждая охоту леопарда; я отложил «винчестер» и начал засыпать, думая о жене, и гордясь ею, и очень ее любя, и думая о Деббе, и гордясь ею, и молясь, чтобы у нее все было хорошо.

Глава третья

Встав на рассвете, я пошел в столовую: следовало проверить линию обороны. Мы с Кейти по-армейски тщательно проинспектировали лагерь, причем даже такой педант, как Кейти, не нашел к чему придраться. Мясо было аккуратно завернуто в марлю и подвешено; его с лихвой хватило бы на три дня. Кое-что уже пошло на шашлыки: ранние пташки толпились у костра, поджаривая завтрак. Мы обсудили план действий в случае нападения мау-мау на лагерь или на одну из четырех шамб.

— Хороший план, — сказал Кейти. — Только они не придут.

— Слышал, ночью был момент, когда все затихло?

— Слышал, — улыбнулся он. — Леопард охотился.

— Не пришло в голову, что это они?

— Пришло. Но это не они.

— Добро, — сказал я. — Передай Мвинди, что я жду у костра.

У костра, возрожденного из вчерашних головешек, я налил чаю и уселся поджидать Мвинди.

Чай уже остыл, но догадливый Мвинди пришел со свежим чайником. Он был не менее консервативен и педантичен, чем Кейти, и шутили они одинаково, только Мвинди был грубее. Немолодой и лицом похожий на китайца, английский он знал неплохо, хотя понимал больше, чем мог сказать. Его обязанности заключались в уборке кроватей, приготовлении ванн, уходе за обувью и стирке. Он также был ключником и имел доступ к моим деньгам. Деньги хранились в жестяной коробке под замком. Мвинди нравилось, что ему доверяют, как доверяли слугам в старину. Он учил меня языку камба, причем его интерпретация сильно отличалась от того, чему учил меня Нгуи. Ему казалось, что я и Нгуи дурно влияем друг на друга, но он был слишком стар и слишком циничен, чтобы огорчаться из-за вещей, не мешавших его работе. Свою работу он любил, подходил к ней ответственно, и благодаря его стараниям жизнь в лагере была приятной и упорядоченной.

— Бвана звал? — спросил Мвинди торжественно, даже хмуро.

— У нас в лагере слишком много ружей и слишком мало патронов.

— Никто не знает. Ты привозишь тайно из Найроби. В Китанге люди ничего не видят. Мы всегда

прячем, на виду ничего. Никто не видит, никто не знает. Ты спишь всегда с пистолетом.

— Верно. Но на месте мау-мау я непременно напал бы на лагерь ночью.

— Ты бвана, они мау-мау.

— Тоже верно. Тем не менее, когда отлучаешься из палатки, кто-то должен остаться вместо тебя. Надежный человек с оружием.

— Поставь снаружи, бвана. Только не внутри. Пусть охраняют снаружи. Внутри отвечаю я.

— Хорошо, будут охранять снаружи.

— Если пойдут к лагерю, кругом открытое место. Люди заметят, бвана.

— Я и Нгуи раза три подходили к лагерю, рядом с фиговым деревом, и по лагерю ходили из конца в конец. Никто не заметил.

— Я заметил.

— Правда?

— Дважды.

— Почему же не сказал?

— Разве надо говорить, когда вижу тебя и Нгуи?

— Ладно, добро. Ты понял насчет часового? Если меня и Мемсаиб в палатке нет, а тебе надо отлучиться, — ставь часового. Если Мемсаиб в палатке одна, а тебе надо отлучиться — ставь

часового.

— Ндио, бвана. Почему чай не пьешь? Остывает.

— Сегодня устрою ловушки вокруг палатки. А на дерево повешу фонарь.

— Мзури. Вечером будет большой костер. Кейти сейчас прикажет, привезут дрова, потом шофера отпустит. Только эти люди, мау-мау, — они не придут.

— Почему ты так уверен?

— Потому что глупо. Зачем лезть в ловушку? Мау-мау не дураки, они камба.

Я сидел у костра и не спеша потягивал чай. Масаи были мирными крестьянами, реже воинами, но только не охотниками. А камба, наоборот, занимались преимущественно охотой; лучших следопытов, чем они, я не встречал. Однако их охотничьи угодья разорил и опустошил белый человек, и теперь им приходилось охотиться на масайских землях, так как их собственную землю заняли под плантации, и в засуху, когда гиб урожай, скоту негде было пастись.

Прихлебывая чай, я размышлял о линии раскола, здорового, доброкачественного раскола, проходившего в нашем лагере вовсе не между верующими и неверующими и даже не между

старыми и молодыми или плохими и хорошими. Люди делились на истинных охотников — и остальных. Кейти стоял особняком. Он был отважным воином и великолепным следопытом, на его опыте, знаниях и авторитете держался порядок, и в то же время он был зажиточным человеком, землевладельцем и консерватором, а во времена перемен консерваторам всегда тяжело. Молодежь, которая и в войне не успела поучаствовать, и охотиться не выучилась, потому что в здешних местах перевелась дичь, и собирательством заниматься не хотела, потому что считала себя выше, и скот воровать не могла, потому что некому было научить, — эта молодежь боготворила Нгуи и остальных ветеранов, с боями прошедших Абиссинию и Бирму. Молодежь в целом поддерживала нас, однако в первую очередь была предана Кейти, Отцу и своей работе. Мы даже не пытались ее переубедить, перекупить или переманить на нашу сторону. Парни помогали нам добровольно. Нгуи с самого начала обрисовал мне расклад и все разложил по полочкам племенного долга. Мне было ясно, что нас, настоящих охотников, связывают вещи, уходящие корнями в глубокое прошлое. Но сейчас, потягивая чай и наблюдая, как буквально

на глазах желтеет листва под палящими лучами солнца, я думал, сколько всего изменилось за последние несколько лет.

Допив чай, я вернулся к палатке и заглянул внутрь. На блюдечке под москитной сеткой стояла пустая чашка: Мэри тоже попила чай, а потом, видимо, задремала. Я полюбовался контрастом между белоснежной подушкой и милым загорелым лицом, обрамленным светлыми волосами. Мэри слегка шевелила полуоткрытыми губами. Мне захотелось заглянуть в ее сны. Вытащив из-под одеяла дробовик, я вынес его на свет и разрядил, подумав, что сегодня Мэри, слава богу, опять выспится как следует.

Вернувшись в столовую, где занимался уборкой Нгуи, я попросил себе завтрак: бутерброд с хорошо прожаренным яйцом, ветчину или бекон, лук колечками, фрукты, какие найдутся, и бутылку пива «Таскер».

Мы с Джи-Си почти каждое утро пили пиво, если, конечно, не охотились на льва. Пиво на завтрак — отличная штука. Правда, от него садится реакция — немного, на какие-то тысячные доли секунды, — зато мир кажется светлее и дружелюбнее, особенно если накануне хорошо посидел и мучаешься утренним гастритом.

Нгуили открыл бутылку и доверху наполнил стакан, не пролив ни капли: ему нравилось ловить момент, когда пена вот-вот перевалит через край. Он был красив нежной, чуть ли не девичьей красотой, без малейшего намека на женственность, и Джи-Си постоянно его дразнил на предмет якобы выщипанных бровей — скорее всего заслуженно, ведь люди примитивной организации обожают изменять и прихорашивать свою внешность, что не имеет ничего общего с гомосексуальностью. По-моему, Джи-Си слегка перегибал палку. Нгуили был скромным, вежливым и преданным слугой, отлично знавшим свое дело. Он боготворил охотников и ветеранов. Мы часто брали Нгуили с собой, слегка подтрунивая над его наивной восторженностью и незнанием повадок животных. Раз за разом, однако, он набирался опыта, и в наших шутках не было зла. Так уж повелось, что в нашем кругу любые травмы, падения и прочие неудачи становились предметом самого жестокого осмеяния, коль скоро они не угрожали жизни, и нежному юноше было тяжело это принять. Он хотел быть воином, настоящим охотником, а вместо этого торчал на кухне. Не достигнув еще возраста, когда молодым людям, согласно закону племени, разрешается

пить пиво, он довольствовался тем, что с замечательной точностью наполнял стаканы старших товарищей.

— Слышал ночью леопарда? — спросил я его.

— Нет, бвана. Я слишком крепко сплю.

Он отошел, чтобы заказать бутерброд, затем вернулся и долил мне пива.

Другого помощника по кухне звали Мсемби. Высокий, красивый и брутальный, он носил зеленую униформу с таким видом, словно вырядился на маскарад. Достигалось это особым залихватским углом, под которым Мсемби заламывал берет, и неуловимыми манипуляциями с лацканами куртки; все вместе как бы говорило, что при должном уважении к своей работе он не может игнорировать ее комизм.

Я понимал, что если брать в расчет только меня и Мэри, то два помощника на кухне — это перебор, однако повар собирался отъехать в гости к семье, и в его отсутствие готовить должен был Мсемби. Как и все в лагере (за исключением меня), Мсемби не переносил Стукача, и сейчас, когда последний появился у столовой, возвестив о своем прибытии деликатным покашливанием, он выразительно поднял бровь, поклонился и вышел из палатки.

— Заходи, Стукач! — позвал я. — Что расскажешь?

— Джамбо, брат! — Стукач был плотно укутан шалью, а шляпу держал в руке. — К тебе гости, человек издалека, дальше Лойтокитока. Утверждает, что его шамбу разорили слоны.

— Ты знаешь его?

— Нет, брат.

— Пусть войдет. А ты подожди снаружи.

Владелец шамбы с порога поклонился:

— Доброе утро, сэр!

Я отметил характерную прическу мау-мау: косой выбритый пробор. Это, конечно, еще ни о чем не говорило.

— Значит, слоны? — спросил я.

— Явились прошлой ночью и разорили мою шамбу. Я понимаю, что ваша задача — за ними присматривать. Я хочу, чтобы вы сегодня приехали и убили одного слона, остальным будет урок.

Ага, подумал я, а лагерь останется без надзора.

— Спасибо за информацию. Скоро сюда прилетит самолет. Мы вместе слетаем на разведку: оценим ущерб, нанесенный твоей шамбе, и попытаемся найти слонов. Ты покажешь нам участки, что пострадали больше всего.

— Сэр, я никогда не летал.

— Вот и полетаешь. Уверяю, это очень интересно и поучительно.

— Но я же никогда не летал, сэр! Боюсь, меня сблюет.

— Стошнит. Правильно будет «стошнит», а не «сблюет». Следует уважать язык, на котором разговариваешь. Тебе дадут бумажный пакет. Неужели не интересно посмотреть на свою шамбу с высоты?

— Да, сэр.

— Ну, вот видишь. Это как очень подробная карта, только лучше. Все как на ладони: топография местности, растительность, контуры границ. Уникальный шанс.

— Да, сэр.

Меня слегка покусывала совесть, однако следовало считаться с прической и с тем фактом, что лагерь был лакомой добычей для шайки головорезов, особенно если меня, Нгуи и Арапа Майну угнать в тридесятую саванну на поиски слонов.

Он сделал еще одну попытку, не сознавая, что с каждым разом его легенда выглядит все плачевнее.

— И все же, сэр, я хотел бы остаться на земле, с вашего позволения.

— Послушай, — сказал я, — у нас в лагере вон

сколько людей, и каждый либо уже летал, либо ждет не дождется, когда выпадет такая возможность. Я оказываю тебе услугу, понимаешь? Увидишь свою землю с высоты птичьего полета. Ты никогда не завидовал птицам? Тебе никогда не хотелось стать орлом или, к примеру, ястребом?

— Никогда, сэр, — ответил он. — Но сегодня я полечу с вами.

И я подумал, что даже если он враг, или мошенник, или просто хочет добыть слона на мясо, — его выдержка заслуживает уважения. Выйдя из палатки, я сообщил Арапу Майне, что наш гость находится под негласным арестом, пока не прилетит самолет. Попытки покинуть территорию лагеря следует пресекать, равно как и попытки совать нос в палатки.

— Будем охранять, — кивнул Арап Майна. — А мне можно в полет?

— Ты в прошлый раз летал. Сегодня полетит Нгуи.

— Мзури, сана! — осклабился Нгуи.

Арап Майна тоже улыбнулся. Я сказал ему, что владелец шамбы сейчас выйдет и поступит в его распоряжение. Нгуи было велено проверить флюгер на аэродроме и согнать зверей со взлетной полосы.

Из палатки вышла Мэри. На ней был свеженький комбинезон, выстиранный и выглаженный верным Мвинди, и сама она была свежей, как утро. Конечно же, она сразу обратила внимание, что я пью на завтрак пиво.

— Я думала, ты только за компанию с Джи-Си себе позволяешь.

— Ну почему. Я часто пью пиво по утрам, когда ты еще спишь. Ловлю момент, пока прохладно. Я ведь сейчас не пишу.

— Ты этих людей, что сейчас приходили, расспросил про моего льва?

— Мы говорили о другом. Про льва никаких известий. Он этой ночью не подавал голоса.

— Зато ты подавал. Говорил с какой-то девчонкой, мол, безнадежный случай, все такое.

— Извини, я иногда говорю во сне.

— По-испански повторял *no hay remedio*.

— Ну, значит, и вправду безнадежно. Извини, не помню, что мне снилось.

— Во сне ты не обязан хранить мне верность. На льва охотиться пойдем?

— Дорогая, ну в самом деле. Мы же договорились. Даже если он к самому лагерю подойдет, мы его не тронем. Надо дать ему передышку, пусть потеряет страх.

— А если он вообще уйдет?

— Он не идиот, солнце. Без движения не сидит, но и оттуда, где есть добыча, не уходит. И чем больше охотится, тем больше наглеет, теряет бдительность. Я бы именно так себя вел на его месте.

— Ты и на своем не теряешься.

— Дорогая, поди позавтракай, а? Бекон, газелья печенка…

Она вздохнула, позвала Нгуили и заказала завтрак в самых изысканных выражениях.

— О чем ты улыбалась во сне? — спросил я. — Когда задремала после чая?

— Ах, такой был замечательный сон! Ко мне приходил лев — вежливый, обаятельный, настоящий джентльмен. Рассказал, что учился в Оксфорде. Голос как у диктора Би-би-си. Я спрашиваю: мы с вами раньше не встречались? А он — раз! — и съел меня.

— М-да… В непростое время живем. Наверное, ты улыбалась до того, как он тебя съел.

— Наверное. Прости, я с утра не в духе. Он так внезапно меня съел… Даже намека не было. И не рычал, как тот лев в Магади.

Я поцеловал ее. Нгуили принес завтрак: золотистые кусочки печенки, красиво покрытые

ленточками бекона, жареную картошку, кофе с консервированным молоком и вазочку абрикосового варенья.

— Хочешь кусочек печенки, дорогой? Или возьми варенья. У тебя будет трудный день, да?

— Надеюсь, нет.

— Я смогу полетать?

— Вряд ли. Может, позже, если время останется.

— Работы много?

Я рассказал ей, чем мы собираемся заняться.

— Прости, что я на тебя злилась. Это все лев: проглотил меня ни с того ни с сего. Поешь печенки, допей пиво. Скоро самолет прилетит. Все будет хорошо. Случай вовсе не безнадежный, даже во сне так не думай.

— Ты сама не думай разные глупости. Лев ее, видите ли, съел.

— Я наяву никогда так не думаю. Не в моем репертуаре.

— Безнадежность тоже не в моем репертуаре.

— Когда как. Теперь, правда, ты гораздо счастливее, чем когда мы впервые встретились.

— Конечно. Мне с тобой очень хорошо.

— У тебя и с остальными порядок. Ах, как хочется поскорей увидеть Уилли!

— Вот уж у кого все в порядке. Не то что у нас.

— Мы тоже стараемся.

Никто не знал, когда прилетит самолет и прилетит ли вообще. Подтверждения запроса, который должен был послать полицейский, мы не получили. При хорошем раскладе самолет ожидали не раньше полудня, хотя из-за скверной погоды над Чулусом или над восточным склоном горы Уилли мог вылететь пораньше. Я встал и посмотрел на небо. Над Чулусом собирались тучки, но над вершиной было ясно.

— Так хочется сегодня полетать!

— Дорогая, еще полетаешь много раз. Сегодня у нас рутина.

— И над Чулусом пролетим?

— Непременно. Куда захочешь, туда и полетим.

— Когда я добуду льва, давай слетаем в Найроби. Надо кое-чего купить для Рождества. Потом вернемся, нарядим елочку. Подходящее дерево уже выбрали, и носорог не помешал. Все будет очень красиво, я должна еще купить пару пустяков. Ну и подарки для всех.

— Когда добудем льва, Уилли прилетит на «сессне», и ты посмотришь Чулус, и к вершине поднимемся, если хочешь. А потом полетишь с

ним в Найроби.

— Нам хватит денег?

— Конечно.

— Я хочу, чтобы ты узнал что-то новое, интересное, чтобы тебе была польза, а не просто деньги на ветер. Не важно, что тебя интересует, лишь бы ты был счастлив. И любил меня больше всего на свете.

— Я тебя люблю больше всего на свете.

— Я знаю. Только не делай другим людям больно.

— Каждый кому-то делает больно.

— А ты не делай. Занимайся чем угодно, мне все равно, только никому не причиняй боль, не ломай ничьих жизней. И не говори, что случай безнадежен. Это слишком просто. Мне нравится, как ты и твои друзья вечно все выдумываете и живете в воображаемом мире; иногда я даже над вами смеюсь. Но это не мое, я выше воображаемой чепухи. Ты должен понять, я же, можно сказать, твой брат. А вот Стукач тебе не брат.

— Это он сам придумал.

— А потом фантазия вдруг становится реальнее жизни, как будто тебе руку отрубили: хрясь! Взаправду отрубили, не во сне. Знаешь, как Нгуи рубит мясо своей пангой. Нгуи, кстати, действи-

тельно твой брат.

Я ничего не сказал.

— И с этой девчонкой ты разговариваешь так… резко. Как Нгуи разделывает тушу. Совсем не похоже на привычную жизнь, когда всем хорошо и все друг друга любят.

— Разве тебе не хорошо?

— Конечно, хорошо. Я никогда не была счастливее. Теперь я стреляю как следует, и ты за меня спокоен, и я уверена в себе… Только боюсь, это скоро пройдет.

— Не пройдет.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Все хорошо, и вдруг какое-то жуткое железо проглядывает сквозь завесу милой фантазии, сквозь сказочный и добрый мир, каким он был в детстве. Мы живем у подножия вершины, как в раю, и каждый день красив невыразимо, и вы с вашими шуточками забавны и милы, и все вокруг счастливы, и любят меня, и я их тоже очень люблю. И вдруг — хрясь…

— Понимаю, котенок. Но и ты пойми: все просто только на первый взгляд. Я ведь девчонке не грублю. Просто соблюдаю здешние приличия.

— Пожалуйста, не говори с ней резко в моем присутствии.

— Не буду.

— А со мной в ее присутствии?

— Тоже не буду.

— И на самолете ее кататься не повезешь?

— Конечно нет, дорогая. Обещаю.

— Я так скучаю по Отцу… Хоть бы уже Уилли скорее прилетел.

— Да. — Я опять привстал, чтобы проверить погоду. Тучи над Чулусом сгустились, однако вершина была по-прежнему отчетливо видна.

— Надеюсь, вы не собираетесь этого беднягу сбросить с самолета? С тебя и Нгуи станется.

— О боже! Ну что ты говоришь? Мне бы такое и в голову не пришло.

— А мне пришло, когда я слушала ваш разговор.

— И у кого из нас после этого скверные мысли?

— Дело не в том, какие у кого мысли. Просто вся ваша компания… вы делаете все с какой-то чудовищной спонтанностью, словно и не думая о последствиях.

— Дорогая, я постоянно думаю о последствиях.

— Не знаю… Эта ваша внезапность, бездушность… И шуточки дурацкие. В каждой шутке запах смерти. Я хочу, чтобы было как раньше, когда все друг друга любили.

— Осталось потерпеть совсем чуть-чуть. Сумасшедший дом продлится максимум два-три дня. Этих людей поймают, куда бы они ни пошли. А сюда они вряд ли сунутся.

— Помнишь, как здорово было раньше? Мы каждое утро просыпались с ожиданием чуда. Ненавижу, когда охотятся на людей.

— Дорогая, никто ни на кого не охотится. Слава богу, ты не видела, как это бывает. На севере — другое дело. А здесь все с нами дружат.

— Только не в Лойтокитоке.

— Их скоро поймают, это же ясно. Не стоит из-за них переживать.

— Я переживаю за вас. Не люблю ваши жестокие игры. Отец не был жестоким.

— Хм… Ты уверена?

— По крайней мере не так, как ты или Джи-Си. Даже вы с Уилли, когда сходитесь, начинаете друг друга подстрекать.

Глава четвертая

Я вышел из палатки, чтобы еще раз проверить погоду. Тучи над Чулусом становились все гуще, но над восточным склоном было ясно. Мне показалось, что в небе еле слышно звенит мотор. Через несколько секунд сомнения развеялись, и я послал за джипом. Мэри села рядом со мной; мы выехали из лагеря и направились к взлетной полосе по колее, заросшей новой травой. Дичь лениво убегала с дороги. Самолет прозвенел над нами и пошел на посадку — серебристо-голубой, с посверкивающими крыльями. Уилли улыбался через плексиглас.

Машина села, развернулась и вперевалку, как журавль, побежала в нашу сторону, гоня пропеллером ветер.

Уилли открыл дверцу.

— Здорово, парни! Мисс Мэри, что твой лев? Уже можно поздравить?

Его негромкий голос ритмично гулял вверх-вниз с экономной грацией профессионального боксера, качающего маятник; тон был мягкий, исполненный неподдельного добродушия, однако мне доводилось слышать, как тем же тоном

произносились нокаутирующие вещи.

— Увы, Уилли, — ответила Мэри. — Сидим и ждем, когда он к нам пожалует.

— Досадно. Ну ладно, у меня для вас гостинцы. Нгуи, помоги-ка разгрузить. Во-первых, почта. Мешок для мисс Мэри и несколько счетов для Папы. Лови! — Он запустил в меня увесистым коричневым пакетом, который я поймал. — Смотри-ка, старик, а рефлексы еще остались! Джи-Си передает приветы. Говорит, скоро вернется.

Я передал почту Мэри, и мы принялись разгружать самолет, укладывая пакеты и коробки в джип.

— Ты бы лучше постоял в сторонке, Папа, — говорил Уилли. — Еще перетрудишься. Побереги силы для гала-концерта.

— Может, не будет никакого концерта.

— Никто не отменял, насколько мне известно. Хотя билеты я бы и даром не взял.

— Вот видишь? — сказала Мэри. — Даже вы с Уилли! Слезай, Уилли, поедем в лагерь.

— Слушаюсь и повинуюсь, мисс Мэри.

Уилли спустился на землю. На нем были белая рубашка с закатанными рукавами, голубые шорты и грубые походные ботинки. Одарив Мэри обворожительной улыбкой, он взял ее под руку:

темноволосый, хорошо сложенный, скромный без тени неловкости, с веселыми глазами на живом загорелом лице; пожалуй, самый естественный и обходительный из моих друзей. Летчиком он был изумительным, от Бога, но без тени заносчивости; просто занимался любимым делом в любимой стране.

Мы друг друга никогда ни о чем не спрашивали. Исключением были мои вопросы про самолеты и пилотаж; считалось, что все остальное и так понятно. Исходя из его безупречного знания суахили и умения находить общий язык с местными, я с самого начала заключил, что он родился в Кении, однако мне бы и в голову не пришло напрямую спросить, откуда он родом, так что на деле он вполне мог приехать сюда ребенком.

Мы вползли в лагерь на тихом ходу, чтобы не поднять пыль, и остановились под большим деревом между палатками и периметром. Мисс Мэри тотчас же отправилась на поиски повара Мбебиа, чтобы распорядиться насчет обеда, а мы с Уилли проследовали в столовую. Я достал из висящей на дереве холщовой сумки пару еще холодных бутылок пива и опорожнил их в высокие стаканы.

— Рассказывай, Папа.

Я рассказал.

— Тот тип, за которым Арап Майна приглядывал? — уточнил Уилли. — Да, судя по виду, один из них.

— Проверим его шамбу. Может, действительно землевладелец и про слонов правду сказал.

— Проверим и слонов.

— Правильно, сэкономим время. Пролетим над шамбой, потом парня высадим и осмотрим местность на предмет главной проблемы. Еще Нгуи с собой возьмем. Если и правда слоны бедокурят — решим вопрос. Арап Майна там каждую тропинку знает, втроем справимся. Заодно и разведку проведем.

— Разумно, — кивнул Уилли. — Я вижу, вам тут скучать не приходится. А вот и мисс Мэри!

Мэри подошла и принялась с энтузиазмом описывать предстоящий обед:

— Сегодня у нас печень газели Томпсона, картофельное пюре и салат. Подадут с минуты на минуту. Плюс еще сюрприз!.. Уилли, ты чудо, спасибо за кампари! Я прямо сейчас пропущу стаканчик. Составишь компанию?

— Спасибо, мисс Мэри. Мы с Папой лучше по пиву.

— Жаль, я с тобой не полечу. Ну, что подела-

ешь. Составлю список покупок, выпишу чеки, отвечу на письма. А когда добуду льва, мы с тобой полетим в Найроби. Надо ведь к Рождеству подготовиться.

— Ты, я вижу, стреляешь как богиня. На всех деревьях окорока висят.

— Один окорочок для тебя. Специально попросила, чтобы в тени держали целый день, а перед отлетом завернули как следует.

— Как дела в Шамбе, Папа? — спросил Уилли.

— У тестя хронические боли в груди и в животе. Я его пользую мазью марки «Слоан». Когда первый раз помазал, он был в шоке.

— Нгуи ему сказал, что это Папин религиозный обряд, — сообщила Мэри. — У них теперь на все один ответ: религиозный обряд. Кошмар какой-то! Все как один с утра едят консервированную селедку, запивают пивом и говорят, что это обряд. Уилли, хоть бы ты остался и объяснил бедной девушке, что происходит! У них от меня какие-то чудовищные секреты.

— Наш лозунг прост, Уилли: великий Маниту превыше всего, — пояснил я. — Это своеобразный концентрат. Мы выбрали лучшее из целого ряда племенных ритуалов и составили свод правил, следовать которым легко и приятно. Мисс Мэри

этого не понять, она родилась у северных рубежей, в глуши под названием Миннесота, и даже в Скалистых горах не удосужилась побывать, пока мы не поженились.

— Папа всех подсадил на Маниту, — жаловалась Мэри. — Только мусульмане еще держатся. Этот дух — самый мерзкий персонаж во всей истории мифологии. Наши теоретики, конечно, вуалируют, напускают тумана — Папа, Нгуи и прочие. Только суть не спрячешь. Я уже сама боюсь великого духа.

— Уилли, поверь, я пытаюсь держать его в узде, — оправдывался я. — Но Маниту сильнее человека.

— А как он относится к самолетам? — осведомился Уилли.

— Я не вправе обсуждать этот вопрос в присутствии жены. Поднимемся в воздух, тогда расскажу.

— Понятно. Мисс Мэри, можешь на меня рассчитывать. Я всецело на твоей стороне.

— Ну так оставайся с нами! А то все разъехались: и Джи-Си, и мистер Пэ. Бросили меня, можно сказать, на произвол судьбы. Я, между прочим, еще никогда не присутствовала при рождении новой религии. Мало ли что у них на уме.

— Держу пари, тебе уготована роль Белой Богини. Такие дела не обходятся без Белой Богини.

— Сомневаюсь. Видишь ли, одним из краеугольных камней их религии является постулат, что ни я, ни Папа на самом деле не белые.

— Остроумно.

— Мы просто проявляем терпимость к белым людям, хотим жить с ними в мире — но только на наших условиях. То есть на условиях Папы, Нгуи и Мтуки. Это, вообще говоря, старая Папина религия. Он ее адаптирует к кенийским реалиям.

— Уилли, ты не представляешь, какой это драйв! Я никогда раньше не был миссионером. Мне повезло, что рядом вулкан Килиманджаро, духовный, можно сказать, побратим хребта Уинд-Ривер, на отрогах которого мне впервые было явлено Откровение.

— Папаша, пожалуйста, расскажи про хребет Уинд-Ривер! — попросил Уилли. — В школе нас очень плохо учили.

— Мы называем эту горную систему Отцом Гималаев, — скромно начал я. — Ее низшая часть, для сравнения, по высоте примерно равна той горе, забыл название, на вершину которой известный шерп Тенцинг в прошлом году втащил на закорках некоего талантливого новозеланд-

ского пасечника.

— Возможно, учитель имеет в виду Эверест? — робко предположил Уилли. — О похожем инциденте писала газета «Восточно-Африканский стандарт».

— Верно, друг мой! Речь идет именно об Эвересте. Вчера во время вечерней мессы я безуспешно пытался вспомнить название.

— Каков же все-таки герой этот пасечник! Позволить невесть кому нести себя на хребте, да еще и на огромную высоту — на это мало кто отважится. Интересно, как ему пришла в голову такая идея?

— Никто доподлинно не знает, — отвечал я. — Участники событий предпочитают хранить молчание.

— Вот за что я всегда уважал альпинистов. Из них клещами слова не вытянешь: молчуны, как на подбор, под стать старине Джи-Си. Или тебе, Папа.

— Что есть, то есть.

— Тем и сильны, — кивнул Уилли. — Как там насчет обеда, мисс Мэри? А то нам с Папой скоро в путь.

— Лете чакула.

— Ндио, Мемсаиб.

Самолет набрал высоту, обогнул вершину горы, и под нами распахнулся грандиозный болотистый ковер, по которому разбегались от шума мотора зебры, казавшиеся сверху очень жирными. Уилли взял курс на большую дорогу, чтобы сориентировать нашего гостя, сидевшего подле него. Позади осталась дорога, пересекающая болото, а спереди уже надвигалась деревня: показались аккуратные деревья вдоль главной улицы, затем центральный перекресток, магазинчики, бензоколонка и окруженное колючей проволокой белое здание полицейской бомы, над которым вяло болтался флаг.

— Куда теперь? — прокричал я гостю на ухо.

Тот показал направление. Уилли заложил над бомой вираж и взял курс на едва видневшиеся вдали конические здания и кукурузные поля, лежавшие зелеными заплатками на красно-бурой земле.

— Видишь свою шамбу?

— Да. — Он указал вниз.

Шамба накатила и расстелилась под нами во всем своем зеленом великолепии: богатая, ухоженная, обильно орошенная.

— Хапана тембо, — прогудел мне на ухо Нгуи.

— А следы?

— Хапана.

— Это точно твоя шамба? — спросил Уилли.

— Да.

— Что-то я, Папа, никакой потравы не вижу! — крикнул он через плечо. — Пролетим еще разок.

— Давай пониже и не так быстро.

Поля снова прошли под крылом — гораздо ближе и медленнее. Ни ущерба, ни слоновьих следов заметно не было.

— Смотри мотор не заглуши.

— Все под контролем, Папа. Зайдем с другой стороны?

— Добро.

На этот раз поля надвинулись плавно, чуть под углом, словно услужливый слуга демонстрировал нам, слегка поворачивая, огромный диск, украшенный зеленым орнаментом. Ни ущерба, ни следов. Мы свечой взмыли вверх, чтобы сравнить шамбу с соседними.

— Ты точно уверен, что это твоя шамба?

— Да. — Его самообладанием нельзя было не восхищаться.

Лицо Нгуи окаменело. Посмотрев вниз сквозь плексиглас фонаря, он аккуратно провел себе по горлу указательным пальцем.

— Ну что, закругляемся? — сказал я.

Нгуи взялся за ручку дверцы и сделал вид, будто поворачивает ее. Я покачал головой. Он засмеялся.

Самолет приземлился и подрулил к джипу, стоявшему возле мачты с ветровым конусом. Наш гость вылез первым. С ним никто не разговаривал.

— Нгуи, присмотри, — сказал я и отозвал Арапа Майну в сторонку.

— Слушаю, бвана.

— Он, наверное, хочет пить. Принеси ему чая.

В лагере я остановил джип возле палаток. Мы с Уилли сидели впереди, а Арап Майна и арестованный — сзади. Нгуи с моим «спрингфилдом» остался охранять самолет.

— Ты прав, Папа, — резюмировал Уилли, — дело нечисто. Когда же ты принял решение?

— В смысле сбросить его или нет? Перед вылетом.

— Разумно, одобряю. А то сидеть бы старому Уилли без выходного пособия. Кстати, мисс Мэри не хочет прокатиться на самолете? Полетим все вместе, получится интересно, забавно и поучительно, и сделаешь то, что собирался. А потом я полечу обратно.

— Да, Мэри не откажется.

— Полюбуемся на Чулус, поищем буйволов и других животных. Может, слонов удастся обнаружить, обрадуем Джи-Си.

— Возьмем Нгуи? Он начинает входить во вкус.

— А он тверд в новой вере?

— Еще бы. Его отец однажды видел, как я превратился в змею. Причем не в абы какую, а в змею неизвестного вида. На членов нашего религиозного кружка это произвело неизгладимое впечатление.

— Не сомневаюсь. А скажи, что вы с Нгуи-старшим пили, когда свершилось это чудо?

— Абсолютно ничего. Только пиво «Таскер» да старый добрый джин «Гордон».

— А змея, ты утверждаешь, неизвестного науке вида?

— Как же я могу что-либо утверждать, если видение было явлено не мне, а отцу Нгуи.

— Действительно. Что ж, примем меры предосторожности. Попросим Нгуи не смотреть перед взлетом на флюгер, чтобы тот, не дай бог, не превратился в стаю бабуинов.

Мэри, конечно же, с радостью приняла приглашение полетать. Ее настроение еще улучшилось, когда на заднем сиденье джипа она увидела на-

шего гостя, живого и невредимого.

— Его шамба сильно пострадала? — спросила она. — Вам придется туда ехать?

— Нет. Никакого ущерба не обнаружили и никуда не поедем.

— Как же он доберется домой?

— Полагаю, автостопом.

Мы выпили чаю, после чего я сделал себе кампари с «Гордоном» и капелькой содовой.

— Красиво живете, — прокомментировал Уилли. — Жаль, что не могу присоединиться. Как кампари, мисс Мэри?

— То, что надо.

— Ладно, подожду до пенсии. Ты никогда не видела, как Папа превращается в змею?

— Никогда, слово чести.

— Вечно мы с тобой пропускаем самое интересное. Куда полетим? Приказывай.

— В Чулус.

И мы полетели в Чулус. Миновали по пути Львиный холм, пересекли личную пустыню мисс Мэри, прошли над Большим болотом, распугивая уток и прочую болотную птицу. Все предательские и непроходимые места были видны как на ладони; мы с Нгуи видели наши прошлые ошибки и могли подумать о новых маршрутах. Еще

были дальние равнины и стада винторогих канн, сизых в белую полоску, чьи огромные самцы при виде нас с тяжкой грацией бросались в галоп, отрываясь от нерасторопных самок, похожих на коров в антилопьих шкурах.

— Надеюсь, тебе не было скучно, мисс Мэри? — спросил Уилли. — Я старался лететь на цыпочках, чтобы не спугнуть Папину дичь и твоего льва.

— Все было чудесно, Уилли.

Потом он улетел. Сперва пробежал вприпрыжку по заросшей колее, затем подпрыгнул — растопыренные колеса чиркнули по траве, мотор взревел, и серебристая птица ушла в небо под углом, от которого заныло сердце.

— Спасибо, что покатали, — промолвила Мэри, не отрывая глаз от исчезающей искорки. — Пойдем теперь в лагерь и не будем ссориться. Будем любить друг друга и Африку, как она есть. Я люблю ее больше всего на свете.

— Я тоже.

Ночью мы лежали, обнявшись; снаружи потрескивал костер, и фонарь, повешенный на ветку у входа, давал достаточно света, чтобы стрелять. Мэри посапывала умиротворенно, чего не скажешь обо мне: вокруг нашей палатки было столько ловушек и сигнальных нитей, что я чув-

ствовал себя пауком. Прижавшись ко мне, Мэри прошептала:

— Здорово сегодня полетали, правда?

— Да, Уилли отличный летчик. Очень осторожный. И к животным с пониманием относится.

— Только когда улетал, такую свечку сделал… Я даже испугалась.

— Просто хотел показать, на что он способен. К тому же летел без груза.

— Забыли ему мясо отдать.

— Не забыли. Мтука принес.

— Надеюсь, долетит без проблем. Он такой счастливый и добрый. У него, наверное, прекрасная жена. Когда у человека скверная жена, это с первого взгляда видно.

— А как насчет скверного мужа?

— Тоже видно, но не сразу, потому что женщины смелее и лояльнее. Во имя Святого Котенка, может, хоть завтра будет нормальный день, без всяких тайн и мерзостей!

— Что значит «нормальный»? — спросил я, любуясь сочетанием танцующего света костра с неподвижным светом фонаря.

— Это значит лев.

— Старый добрый нормальный лев. Интересно, где он сейчас?

— Давай спать. И пусть он будет так же счастлив, как и мы.

— Он никогда не казался мне особенно счастливым.

Потом она уснула, слегка посапывая, а я сложил подушку вдвое, чтобы лучше видеть вход в палатку. Ночь бормотала привычными голосами, людей поблизости явно не было. Я знал, что Мэри скоро станет тесно во сне и она, не просыпаясь, переберется на свою раскладушку, где уже готова постель под москитной сеткой; я же надену свитер, высокие ботинки и плотный халат и буду до рассвета сидеть у входа, подкармливая костер.

Перед нами стояло много чисто технических задач, но сейчас, в присутствии костра, ночи и звездного неба, почти все они казались мелкими. Пара-тройка проблем, однако, тревожила меня всерьез, и, чтобы не думать о них, я сходил в столовую, плеснул в стакан виски примерно на четверть, разбавил водой и вернулся к костру. Потягивая коктейль, я скучал по Отцу, с которым мы столько раз сиживали вот так у ночного костра; хотелось, чтобы он меня успокоил. Наш лагерь со всем барахлом, несомненно, кому угодно показался бы заманчивым объектом для рейда, а в окрестностях Лойтокитока было полно мау-мау,

это знали и я, и Джи-Си. Последний даже сигнализировал в полицию около двух месяцев назад, но от него отмахнулись. Я считал, что Нгуи прав и мау-мау из племени камба не полезут в лагерь, однако горстка беглых головорезов была лишь верхушкой айсберга. Мау-мау вели активную агитацию как среди масаев, так и среди кикуйу, валивших лес на склонах Килиманджаро; о формировании боевых отрядов пока не было слышно, но такую возможность не следовало исключать. Я же был всего лишь егерем без полицейских полномочий и опасался, быть может ошибочно, что если дело дойдет до столкновений, то поддержки мне не видать. Моему положению не позавидовал бы и помощник шерифа на Диком Западе.

Джи-Си прибыл в лагерь после завтрака — берет набекрень, красно-серое от пыли лицо, парочка боевых поджарых парней на заднем сиденье «лендровера»… все как обычно.

— Доброе утро, генерал! — приветствовал он. — А где войска?

— На охране главного объекта.

— Мисс Мэри, что ли? Понятно. Тебя не очень изнурила осада?

— Ты сам, я вижу, измотан боями.

— Я, кстати, на самом деле замотался. Однако

доложу тебе, дело движется к развязке. Наших приятелей в Лойтокитоке вот-вот повяжут.

— Каковы мои инструкции, командор Джин-Синяк?

— Продолжать учения. А я освежусь холодненьким, поздороваюсь с мисс Мэри и опять в дорогу.

— Что, всю ночь за рулем?

— Не помню. А где Мэри?

— Сейчас позову.

— Как у нее с меткостью?

— Бог ее знает, — честно ответил я.

— Пока не забыл, давай обговорим условный сигнал. Если они попадут в наши сети, я сообщу: «Бандероль пришла».

— Если появятся здесь, я сигнализирую то же самое.

— Если пойдут к тебе, я и так узнаю. — Москитный полог на нашей палатке раскрылся. — О, мисс Мэри! Очаровательны, как всегда.

— Ах, и Чунго здесь! — улыбнулась Мэри. — Вот кого я люблю. Платонически, разумеется.

— Мемсаиб госпожа мисс Мэри! — Джи-Си поклонился и поцеловал ей руку. — Вы наш почетный главнокомандующий. Спасибо, что провели смотр войскам, для нас это высокая честь. Не соблаговолите ли проскакать перед

строем амазонкой?

— Уже выпил, что ли?

— Безусловно, Мемсаиб. И позвольте мне добавить, что платоническая любовь прекрасной дамы к бедному помощнику старшего егеря по имени Чунго не подпадает под определение метисации, а посему его непосредственный начальник, то есть я, согласен закрыть на это глаза.

— Квасите вдвоем с утра, да еще и смеетесь над бедной женщиной.

— Отнюдь, — возразил я. — Мы тебя очень любим.

— Стало быть, по поводу «квасите с утра» возражений нет. Так я и думала. Что вам заказать?

— Нет лучшего завтрака, Мемсаиб, чем бутылка холодного «Таскера».

— Ладно, секретничайте на здоровье. Или пиво дуйте, мне все равно.

— Дорогая, я все понимаю, — сказал я. — Было время, ты писала о войне. И большие люди, управлявшие ее ходом, постоянно держали тебя в курсе всего, что должно произойти. Но сейчас Джи-Си сообщает мне лишь то, что сочтет нужным, да и сам наверняка обладает далеко не полной информацией. И потом, ты жила в тихом Лондоне, а не в самом сердце потенциально враждебной

страны. Подумай, каково тебе будет расхаживать одной, зная о грозящих опасностях.

— Когда это я расхаживала одна? Надо мной все трясутся, опекают, как ребенка, и шагу не дают ступить. Короче, меня утомили твои разглагольствования и дурацкие игры в военную тайну. Ты просто пьян с утра и бедного Джи-Си сбиваешь с толку, а твои люди, похоже, забыли, что такое дисциплина. Я сегодня видела четверых, явно пили всю ночь: смеются, орут, даже к утру не протрезвели. А чего еще ожидать под твоим руководством?

Снаружи донеслось глухое покашливание. Выйдя из палатки, я увидел Стукача, импозантного и серьезного, как никогда, увенчанного войлочной шляпой, укутанного в неизменную шаль и пьяного в стельку.

— Докладываю, брат: главный персональный Стукач явился в твое полное распоряжение. Дозволь войти в столовую, чтобы засвидетельствовать глубочайшее почтение мисс Мэри и пасть к ее ногам.

— Мисс Мэри беседует с бваной старшим егерем. Закончат с минуты на минуту.

Бвана старший егерь вышел из палатки, и Стукач поспешно поклонился. Глаза Джи-Си, обычно

веселые и добрые, прижмурились, как у кота, и содрали со Стукача защитную пленку опьянения, как шелуху с луковицы.

— Что говорят в городе, Стукач? — спросил я.

— Сетуют, что твой самолет не прошел на бреющем полете над центральной улицей. Простые люди всегда рады случаю полюбоваться военными британскими силами.

— Силами на букву «ры», — буркнул Джи-Си.

— Прошу извинить за огрехи в произношении, — поклонился Стукач. — Люди понимают, что бвана Мзи был занят поисками слонов-мародеров и времени на воздушные фокусы у него не было. Говорят также, что владелец шамбы, ранее обучавшийся в церковной школе, прибыл в деревню вечером, полетав на самолете бваны. К нему приставлен соглядатай, смышленый мальчик из ресторана чернобородого Сингха. Соглядатай должен брать на заметку все контакты подозреваемого. На сегодняшний момент в деревне и ее окрестностях находится от ста пятидесяти до двухсот активных членов мау-мау.

Арап Майна прибыл в деревню следом за летавшим на самолете владельцем шамбы и немедля предался любимым занятиям, а именно пьянству и небрежению служебным долгом. В разговорах с

собутыльниками данный Арап Майна не скупится на истории из жизни бваны Мзи, милостиво слушающего сейчас мой доклад. Согласно одной из наиболее популярных историй, бвана играет в Америке ту же роль, что Ага-хан в мусульманском мире. В Африку он приехал, чтобы исполнить ряд ритуальных обязательств, которые он и Мемсаиб госпожа мисс Мэри на себя взяли. Одно из обязательств заключается в том, что мисс Мэри должна не позднее дня рождения малютки Иисуса повергнуть во прах льва-убийцу, выбранного масайским народом. От успеха этого предприятия зависит дальнейшее благополучие многих народов. Я уведомил определенные круги, что по исполнении обета мы с бваной Мзи совершим паломничество в Мекку на его самолете. Говорят также, что некая индийская девушка погибает от любви к бване старшему егерю. Говорят, что…

— Заткни фонтан! — прервал Джи-Си. — Слова-то какие знает: соглядатай, небрежение…

— С вашего позволения, я стараюсь посещать кинематограф, насколько позволяет мое скромное жалованье. Весьма поучительное занятие, особенно для осведомителя.

— Ладно, прощаю. А скажи, жители деревни считают, что бвана Мзи в своем уме?

— При всем уважении к бване, в деревне его считают умалишенным в лучшем смысле слова, сродни великим святым. Говорят также, что если Ее Высочество мемсаиб госпожа мисс Мэри не победит преступного льва ко дню рождения малютки Иисуса, то ей придется совершить самосожжение. Вопрос уже согласован с администрацией Британской Индии, и для погребального костра выбраны и срублены специальные деревья — той самой породы, что используются масайским народом для приготовления эликсира, известного обоим бванам. Говорят, что на ритуал приглашены все окрестные племена, а по его завершении будет устроена великая нгома на целую неделю, после чего бвана Мзи возьмет в жены женщину из племени камба. Невеста уже выбрана.

— Ты закончил с новостями?

— Почти, — скромно ответил Стукач. — Еще говорят о ритуальном убийстве леопарда.

— Свободен! — сказал Джи-Си, и Стукач с поклоном отступил в тень. — Да уж, Эрни. Теперь молись, чтобы мисс Мэри попала в чертова льва.

— Последние дни только это и делаю.

— Неудивительно, что она слегка на нервах.

— Еще бы.

— Речь уже не о чести Империи. И даже не о престиже белой расы, поскольку на данный момент ты практически отрекся от нас. Теперь следует подумать о личной безопасности. Кстати, у нас еще лежат те пятьсот контрабандных патронов, которые прислал твой поставщик. Рассудил, что лучше от них избавиться, чем болтаться в петле. Так вот, если их положить в погребальный костер, получится здоровский фейерверк. Это ведь не противоречит духу ритуала?

— Я уточню у мистера Сингха.

— Короче, мисс Мэри придется попотеть.

— Когда займутся дрова.

— Ей ведь надо не просто убить льва, а сделать это благородно, вежливо, не уронив его достоинства.

— По крайней мере таков план.

Мы еще немного поговорили, пошутили, и Джи-Си с людьми уехал: машина вырулила за периметр и обогнула лагерь по широкой дуге, чтобы не напылить. Затем мы с Кейти обсудили положение в лагере. Кейти был весел и оптимистичен, из чего я заключил, что дела обстоят нормально. Утром он прогулялся по свежей росе до реки, пересек дорогу, но никаких следов не обнаружил. Нгуи по его приказу провел развед-

ку вокруг аэродрома и тоже не заметил ничего подозрительного. Наши люди доложили, что не видели чужих ни в одной из шамб.

— Все, наверное, думают, что я беспечный дурачок, — сказал он, — вторую ночь подряд отпускаю людей пьянствовать. На всякий случай велел им говорить, что у меня лихорадка. Бвана, вам надо сегодня выспаться.

— Хорошо. Только сперва поговорю с Мемсаиб, узнаю, чем она хочет заняться.

Мэри сидела на своем любимом стуле под большим деревом и писала в дневник. Увидев меня, она улыбнулась:

— Извини, что я сердилась. Джи-Си рассказал немного о твоих проблемах. Надо же им было бежать как раз перед Рождеством! Обидно.

— Мне тоже. Я хотел, чтобы ты отдохнула и развлеклась, а тебе приходится мириться со всей этой ерундой.

— Ну почему, я отлично провожу время. Смотри, утро такое чудесное, я тут сижу, смотрю на птичек, нахожу знакомых. Вон сизоворонка, например.

В лагере было тихо, жизнь постепенно приходила в норму. Я понимал, что Мэри досаждает наша постоянная опека, но ничего не мог поделать.

Для меня уже давно не было загадкой, почему белые охотники так хорошо зарабатывали. Они и лагерь сюда перенесли, чтобы сподручнее было обхаживать клиентов. Отец, конечно, исключение, он никогда не повел бы Мэри охотиться в эти места, его не интересовали подобные фокусы. Но я не раз был свидетелем, как на сафари женщины без памяти влюблялись в своих инструкторов, и надеялся, что с нами произойдет нечто похожее, некая романтическая ситуация, где мне удастся выступить героем, а не надоедливым бесплатным телохранителем, и законная жена разглядит во мне отважного охотника и полюбит его. Увы, такие ситуации по жизни возникают нечасто, а если и возникают, то гасятся очень быстро: никому не интересно доводить до черты. Пусть уж лучше клиент считает тебя ленивым занудой. И тебе приходится день ото дня и терпеть упреки, и играть унылую роль, весьма далекую от столь любимой женщинами роли бледнолицего супермена со стальными нервами.

Я задремал на стуле в тени большого дерева, а когда проснулся, тучи уже отступили от Чулуса и вели фланговую атаку на вершину. Хотя солнце светило по-прежнему безмятежно, в поднявшемся ветре чувствовалось дыхание дождя. Я

принялся звать Мвинди и Кейти. Когда дождь ворвался в лагерь, пройдя белой стеной через равнину и деревья, все лихорадочно забивали в землю колья, натягивали и ослабляли оттяжки, расправляли навесы — и прятались. Хлестало здорово, и ветер не отставал. Одно время казалось, что главную спальную палатку унесет, но мы насажали кольев с наветренной стороны, и она выстояла. Вскоре дождь перестал рычать и забарабанил ровно и методично. Поливало всю ночь и почти весь следующий день.

В первый вечер дождя в лагерь пришел местный полицейский с запиской от Джи-Си: «Бандероль пришла». Он вымок до нитки, пока шел к лагерю от грузовика, оставленного выше по дороге: река разлилась и сделалась непроходимой.

Я подивился оперативности Джи-Си. Очевидно, по пути в деревню он встретил разведчика с донесением и сразу отправил ко мне своего человека на грузовике из индийской лавки. Так или иначе, проблемы больше не существовало; я надел плащ и под интенсивным дождем пошел к периметру, утопая в глубокой грязи и перешагивая мутные потоки, чтобы сообщить новость Кейти. Он, конечно, обрадовался и тоже был удивлен, что сигнал получен так быстро. Держать лагерь

на военном положении под проливным дождем ему не улыбалось. Я попросил его передать Арапу Майне, если тот вернется, что дежурство отменяется и можно спать в палатке. Кейти ответил, что Арап Майна слишком умен и вряд ли вернется в лагерь, имея в перспективе ночную вахту у костра под дождем.

Арап Майна тем не менее вернулся — мокрый и продрогший после прогулки от Шамбы до лагеря в разгар ливня. Я налил ему выпить и предложил переодеться и заночевать, однако он заявил, что вернется в Шамбу, где у него есть сухая одежда: дождь наверняка продлится несколько дней, и пережидать его сподручнее там. Я поинтересовался, знал ли он о перемене погоды. Он ответил, что о дожде не знал никто и всякий, утверждающий обратное, — лжец. Приметы появились неделю назад, и с тех пор ничего не менялось, а потом вдруг полило. Я одолжил ему старый свитер, который он натянул на голое тело, и короткую лыжную куртку с двумя бутылками пива в заднем кармане. Арап Майна залпом допил стакан и ушел. Я смотрел ему вслед и думал, что он хороший человек, и жалел, что мы не выросли вместе. Сценарий получился бы интересный. Пару эпизодов я даже проработал в деталях.

Мы все были избалованы хорошей погодой; особенно досадовали на затяжной дождь старики. Дело осложнялось тем, что, будучи мусульманами, они не жаловали спиртное и, промокнув, не могли принять стаканчик для согрева.

В лагере живо обсуждали, захватил ли дождь племенные земли под Мачакосом, и поначалу сходились во мнении, что не захватил, однако к концу второго дня стала преобладать точка зрения, что северные земли тоже не остались сухими.

В большой палатке было уютно, по брезенту барабанило; я проводил время за чтением, потихоньку потягивая джин и ни о чем не тревожась. Непогода лишила меня власти, связала по рукам и ногам. Я с предсказуемой радостью принял отставку и предался восхитительному бездействию, когда не надо стоять на страже, преследовать, интриговать, убивать, поддерживать, а можно наконец всласть почитать. Наш мешок с книгами, правда, был изрядно истощен, но в нем еще оставались кое-какие самородки вперемешку с обязательным чтивом, плюс двадцать нетронутых томов Сименона на французском. Когда проливной африканский дождь на несколько дней загоняет тебя в палатку, нет чтения лучше,

чем Сименон. С двадцатью томами в арсенале я готов был ждать сколько угодно. Известно, что у Сименона из каждых пяти романов удобоваримы в лучшем случае три, но истинного фаната такая статистика не пугает, особенно если по палатке колотит дождь. Я брал все подряд, с первых же страниц определял, повезло или нет (промежуточных вариантов у Сименона не бывает), и откладывал книгу либо направо, либо налево; отобрав таким образом полдюжины годных, принимался с наслаждением читать, перепоручая свои тревоги комиссару Мегрэ, деля с ним тяготы крестового похода против людской тупости, гуляя по набережной Орфевр, наслаждаясь сокровенными тайниками французской души, куда знаменитый комиссар проникал с присущими ему мастерством и уверенностью — искусство, доступное лишь человеку его национальности, ибо коренные французы, в силу некоего туманного закона природы, не способны себя понять даже sous pienne des travaux forcés à la perpétuité[42].

Мисс Мэри тоже покорилась дождю, отступила перед его непреклонной методичностью и, забросив письма, запоем читала то, к чему

[42] Примечания: 42
Под страхом приговора к пожизненным каторжным работам (*фр.*).

лежала душа, то есть «Государя» Макиавелли. Я пытался представить, что с нами будет, продлись дождь еще три или четыре дня. Моих запасов Сименона с лихвой хватило бы на месяц, если смаковать каждый абзац и делать передышки между книгами. Перспектива истощения запасов спиртного тоже не пугала: на крайний случай можно было разжиться снаффом у Арапа Майны или испробовать на себе целебное действие местных «растений силы».

Глядя на лежавшую с книгой Мэри, на ее красивое умиротворенное лицо и спокойную позу, я задавался вопросом: что будет с человеком, духовной пищей которому с младых ногтей служили потрясения журналистской профессии, проблемы светской жизни Чикаго, разрушение европейских цивилизаций, бомбежки крупных городов, уверенность наносящих ответные удары лидеров, большие и малые супружеские войны с их победами, поражениями, неизменными жертвами и потерями, боль которых можно лишь на время заглушить примитивной мазью, коктейлем из новых актов насилия, перемены мест, впечатлений, занятий прикладными искусствами, погоней за интересными людьми, животными и ощущениями, — что будет с та-

ким человеком после шести недель проливного дождя? Затем я вспомнил, какой честной и отважной она была все эти годы, сколько невзгод перенесла, и подумал, что не мне с ней тягаться. Тут Мэри отложила книгу, надела плащ, мягкую шляпу с полями и смело шагнула под отвесные струи, чтобы оценить боевой дух гарнизона.

Я еще утром убедился, что с боевым духом в лагере порядок. Палатки у всех были в приличном состоянии, лопат для рытья дренажных канав хватало, и вообще на памяти гарнизона этот дождь был отнюдь не первым. Кабы я хотел сохранить свою палатку сухой, в первую очередь не пускал бы туда оценщиков боевого духа в мокрых плащах и сапогах. Помощи от них никакой, разве что распорядятся прислать местного грога, а вот разрухи много. С другой стороны, сафари — вещь серьезная, и решения компаньонов надо уважать — во имя мира и согласия. К тому же иного занятия, кроме оценки боевого духа, я жене предложить не мог.

Когда Мэри вернулась, я подождал, пока она стряхнет шляпу, повесит плащ на стойку и переобуется в тапочки, а затем осведомился, каково состояние боевого духа.

— Все чувствуют себя отлично. Соорудили на-

весик над кухонным костром, очень умно!

— По стойке «смирно» не вставали?

— Не ехидничай. Я просто хотела посмотреть, как они готовят под дождем.

— И как же они готовят?

— Ну пожалуйста, перестань. Надо жить дружно и радоваться жизни, раз уж случился такой дождь.

— Я только «за». Давай думать, как здорово будет, когда выглянет солнце.

— А мне и так хорошо. В вынужденном бездействии есть своя прелесть. У нас до сих пор хватало приключений, каждый день что-нибудь новое, и наконец выпала передышка, чтобы все переварить и оценить по достоинству. Вот увидишь, еще будем жалеть, что дождь так скоро кончился.

— Ты сейчас ведешь дневник? Помнишь, мы перечитывали перед сном? Про походы по снежной целине вокруг Монпелье, на востоке Вайоминга, и про метель, и следы на снегу, и орлов, и как мы устраивали гонки с курьерским, и про «желтую угрозу», а потом по Техасу вдоль границы, и ты все время за рулем… Ты здорово тогда писала. Помнишь, как орел поймал опоссума, такого жирного, что не смог унести?

— Теперь мне все время хочется спать. А тогда

мы рано останавливались на ночлег, и в каждом мотеле была лампа, и можно было писать. Сейчас все сложнее. Встаешь с рассветом, в кровати не попишешь, поэтому идешь на воздух, а там всякие жуки, мухи, да еще неведомой породы. Если бы хоть знакомые, я бы не так отвлекалась.

— Подумай о Тёрбере, о Джойсе. Они под конец сами не могли прочесть, что писали.

— Я тоже свои каракули еле разбираю. А кроме меня, вообще никто не разберет. И слава богу. Иногда такое напишешь…

— Ну, какова жизнь, таковы и шутки.

— Угу, особенно у вас с Джи-Си. И Отец не отстает. Даже я иногда грешу, хотя по сравнению с вами — земля и небо.

— В Африке все иначе. Никто за ее пределами не понимает наших соленых приколов. Для этого надо знать и страну, и животных, и что такое хищники. Человек, не имевший дела с хищниками, никогда тебя не поймет. Как и тот, кто не добывал пропитание охотой, не жил среди аборигенов, не знает естественного порядка вещей… Я сейчас путано говорю, но когда-нибудь все опишу как надо. А то носишь в себе правду, а рассказать не можешь, потому что просто не поймут. Абсолютное большинство живет совершенно другой

жизнью.

— Это точно, — кивнула Мэри. — А еще есть книги, написанные лжецами. Поди-ка поспорь с лжецом, который пишет, как застрелили льва, повезли его в лагерь, а лев взял и ожил. Или опровергни знатока, написавшего, что Большая Руаха «кишела крокодилами».

— А зачем? Я к ним спокойно отношусь. Каждый писатель, по сути, не кто иной, как прирожденный лжец. Выдумывает, основываясь на собственном опыте и на опыте других людей. Я сам такой же лжец, составляю истории из обрывков: где-то услышал, где-то прочитал.

— Но ты никогда не станешь врать о том, что сделал леопард или лев.

— Мой случай особый. Я стараюсь врать, чтобы ложь была правдоподобней истины. Этим хорошие писатели отличаются от плохих. Жаль, критикам не объяснишь. Если вещь написана от первого лица, они бросаются доказывать, что автор ничего похожего не пережил. Полная чушь! Даниель Дефо никогда не был на необитаемом острове? Значит, «Робинзон Крузо» дерьмо!.. Извини, разошелся. В дождливый день тянет поговорить.

— Мне нравится, когда ты говоришь. О книгах,

о сочинительстве, о своих методах, о том, во что веришь. Жаль, это бывает только в дождливый день.

— Я знаю, котенок. Сейчас время такое.

— В старые времена, когда ты охотился с Отцом, наверное, все было по-другому.

— Ну, не такие уж они и старые. Сейчас даже интереснее… в некотором смысле. Тогда и в заводе не было всего этого панибратства. Отец бы просто не допустил. Помню, когда я и М'Кола побратались, нас никто не одобрил, просто закрыли глаза. А сейчас все иначе. Отец рассказывает тебе вещи, каких я в старые времена от него не слышал.

— Верно. И я ему благодарна, и горжусь этим.

— Дорогая, тебе не скучно меня слушать? Я могу просто лежать, читать и радоваться, что не мокну под дождем. Тебе, наверное, тоже надо письма писать.

— Ну что ты, я люблю с тобой говорить. Мы так редко бываем наедине! Разве что по ночам. Днем постоянно что-то происходит, толпятся какие-то люди… Конечно, ночью все восхитительно, ты говоришь мне нежности, я их потом вспоминаю и улыбаюсь. Но так, как сейчас, — это совсем другое.

Дождь по-прежнему ровно барабанил по брезенту, заполняя вселенную, вытесняя остальные звуки, ни на йоту не сбиваясь с ритма.

— Лоуренс пытался об этом рассуждать, — сказал я, — только понять его непросто, слишком много церебрального мистицизма. Я не верю, что он когда-нибудь спал с индейской женщиной. Скорее всего даже не притронулся. Впечатлительный журналист, вдохновленный индейскими пейзажами… остальное дело заскоков, теорий и предрассудков, которых у него хватало. Писал он, конечно, изумительно. Однако красота его слога опиралась на злость, и время от времени ему нужен был самоподзавод. Многие его шаги, впрочем, заслуживают уважения, и, прежде чем погрязнуть в своих теориях, он вплотную подобрался к постижению истины, о которой абсолютное большинство понятия не имеет…

— Ясно, — перебила мисс Мэри, — но при чем тут Шамба? Твоя невеста мне очень нравится, у нас с ней много общего. Из нее вышла бы идеальная вторая жена, если тебе одной мало. Зачем оправдываться ссылками на какого-то писателя? Кстати, какого Лоуренса ты имел в виду, Дэвида Герберта или Томаса Эдварда?

— Ну все, все, — сказал я. — Ты права, очень

умно, возражений не имею. Сижу вот, Сименона читаю.

— Кто тебе мешает поехать в Шамбу, я не понимаю? И пережидай там дождь.

— Я хочу здесь.

— Она ведь такая хорошая, отзывчивая. Это даже невежливо, в конце концов. Подумает, что ты дождя испугался.

— Может, помиримся?

— Угу.

— Я перестану нести чушь про Лоуренса с его темными тайнами, будем сидеть вдвоем, слушать дождь, и к черту Шамбу. Думаю, Лоуренсу там не понравилось бы.

— Он любил охоту?

— Нет. Что, слава богу, не умаляет его достоинств.

— Значит, твоей девушке он бы не понравился.

— Пожалуй. Что тоже не умаляет.

— Вы с ним были знакомы?

— Нет. Я один раз видел, как он с женой стоял под дождем перед книжным магазином Сильвии Бич на рю де л'Одеон. Они смотрели на витрину и что-то обсуждали, но внутрь не вошли. Жена такая крупная, вся в твиде, а он в мешковатом пальто, с бородой, и глаза сверкают. Я еще поду-

мал, что он нездоров и не стоит ему мокнуть. А в магазине было уютно и тепло.

— Отчего же они не вошли?

— Понятия не имею. В те времена люди еще не имели привычки заговаривать с незнакомцами, тем более выпрашивать автографы.

— Как же ты его узнал?

— В магазине висел портрет. Мне очень нравился его сборник «Прусский офицер», и роман «Сыновья и любовники» был весьма хорош. И об Италии он красиво писал.

— Ну, об Италии любой грамотный человек может писать красиво.

— Казалось бы. На самом деле даже у самих итальянцев не выходит. У них, кстати, получается хуже всего. Исключения есть, но немного. Про Милан лучше всех написал Стендаль.

— Недавно говорил, что все писатели безумцы. Сегодня заявляешь, что они лжецы.

— Разве я говорил, что они сумасшедшие?

— А Джи-Си тебе поддакивал.

— И Отец присутствовал?

— Да. Он заявил, что главные безумцы — это егеря, и белые охотники не лучше, причем последних свели с ума егеря, которых свели с ума писатели, гоняющие по саванне на джипах.

— Умеет же сказать человек.

— Еще он предупредил, что на тебя с Джи-Си не надо обращать внимания, потому что вы оба безумцы.

— Так и есть. Только никому не рассказывай.

— Ты правда считаешь, что все писатели безумцы?

— Хорошие — да.

— А помнишь, ты злился на человека, который написал книгу, как ты сошел с ума?

— Потому что он не разобрался ни в ситуации, ни в механизме ее развития. Да еще и писал отвратительно.

— Все это очень сложно.

— Словами я не объясню. Вот напишу, тогда все поймешь.

Какое-то время я перечитывал «Дом у канала» и размышлял о животных, мокнущих под дождем. Гиппопотамы, по-видимому, чувствовали себя отлично, а вот остальным, особенно семейству кошачьих, было невесело. У травоядных, впрочем, и без погоды хватало забот, и страдали только те, для кого дождь был в новинку, то есть молодняк, родившийся после прошлого дождя. Интересно, думал я, охотятся ли крупные кошки под таким ливнем? Голод-то не тетка. С одной

стороны, подкрадываться удобнее, дождь все заглушает; с другой стороны, кругом вода, которую ненавидят и львы, и леопарды, и гепарды. Последним, конечно, легче: они происходят от собак, шкура приспособлена к сырой погоде. Дождь заливает норы, поэтому змей сейчас полным-полно, как и летучих муравьев.

Я был благодарен судьбе, что в этот раз мы жили на одном месте достаточно долго и перезнакомились со здешними животными, знаем все змеиные норы и живущих там змей. Во время первого сафари мы постоянно куда-то спешили, переезжали с места на место в погоне за охотничьими трофеями. Если и видели какую-нибудь кобру, то случайно, как гремучую змею на шоссе в Вайоминге. А теперь мы знали все места, где жили кобры. Специально их, разумеется, не искали, натыкались между делом, но они были соседями, к ним ничего не стоило сходить в гости, и если кто-то случайно убивал кобру, то не абстрактную змею, а конкретную кобру из конкретной норы, залезшую куда не следует. Благодарить за эту роскошь надо было, конечно, не судьбу, а Джи-Си — именно он подарил нам возможность разбить постоянный лагерь, и наслаждаться замечательным уголком Африки, и заниматься делом,

оправдывающим наше пребывание здесь.

Меня уже давно не интересовали охотничьи трофеи. Я по-прежнему любил стрелять, ценил чистое красивое попадание, но убивал в целях сугубо практических: чтобы добыть мясо, или подстраховать Мэри, или уничтожить объявленного вне закона хищника, или избавить крестьян от вредителей. В Магади я добыл в качестве охотничьего трофея одну импалу и сохранил голову взятого на мясо сернобыка, чьи рога мне приглянулись, да застрелил в целях самозащиты буйвола и оставил его рога как напоминание о пережитой опасности. Я и сейчас думаю о том случае с улыбкой: ценный вклад в сокровищницу памяти, одна из тех ситуаций, детали которых можно смаковать перед сном, или вспоминать, проснувшись среди ночи, или прокручивать в голове, когда тебя пытают.

— Котенок, помнишь того буйвола, на рассвете?

Мэри посмотрела мне в глаза.

— Не спрашивай об этом. Я сейчас думаю про льва.

Спать легли рано, удовлетворясь неразогретым ужином. Весь вечер, под монотонные барабаны дождя, Мэри писала в дневник. Несмотря на плот-

ную шумовую защиту, я спал скверно и дважды просыпался в поту тяжелого кошмара. Второй раз был особенно мучительным. Выпростав руку из-под москитной сетки, я нашарил бутыль с водой и фляжку джина. В темноте приходилось действовать на ощупь. Я свернул подушку валиком, подмостил под спину, чтобы было повыше, добавил сверху крошечную ароматическую подушечку, набитую сосновыми иголками, нащупал пистолет возле правого бедра, фонарь возле левого — и открутил колпачок.

Первый глоток, крепкий, как рукопожатие друга, придал мне смелости: кошмар выдался качественный, из худших, а они у меня бывают такие, что не дай бог. Я знал, что не могу напиваться, пока Мэри охотится на льва, но завтра охоты не светило. Таких ночей не случалось уже давно, я даже успел избаловаться и начал думать, что с кошмарами покончено. Ну что ж, будем знать. Наверное, сыграла роль духота в закупоренной палатке или тот факт, что я весь день просидел без движения.

Второй глоток пошел легче и по вкусу напоминал лучшие клопоморы моей юности. Не такой уж и страшный кошмар, подумал я. Бывали и хуже. Просто сработал фактор неожиданности:

я действительно отвык от настоящих, серьезных кошмаров, после которых просыпаешься в холодном поту, и каждую ночь видел обычные сны, иногда плохие, но большей частью хорошие.

В темноте раздался голос Мэри:

— Папа, ты пьешь?

— Пью. А что?

— Дай и мне капельку.

Я высунул фляжку из-под сетки и встретился с ее рукой.

— А вода есть?

— Держи. — Я передал воду. — У тебя же своя рядом с кроватью.

— Ты не велел зажигать ночью свет.

— Бедный котенок. А что ты не спишь?

— Я спала. А потом стала сниться всякая дрянь, даже рассказывать не хочу.

— Мне тоже.

— Держи свою «Джинни», — она вернула фляжку, — может, еще понадобится. А теперь возьми меня за руку… вот. Сожми крепко-крепко. Никто не умер, правда? Ни ты, ни Джи-Си, ни Отец.

— Нет, котенок. Все живы.

— Спасибо. Постарайся заснуть. Ты ведь никого не любишь, кроме меня? Белых, я имею в виду.

— Ни черных, ни белых, ни загорелых.

— Спи спокойно. Бог тебя храни. Спасибо, что угостил джином.

— Спасибо, что разогнала кошмары.

— Моя прямая обязанность.

Потом я лежал с открытыми глазами, вспоминая разные страны и трудные времена, думая о природе кошмаров, надеясь, что завтра распогодится, — и незаметно задремал, и опять проснулся в мокром диком ужасе, и долго еще слушал спокойное дыхание Мэри, еле различимое сквозь шум дождя, прежде чем отважился на новую попытку заснуть.

Глава пятая

Утро было холодным. Вершину закрывали тяжелые тучи, и порывами налетал ветер, принося ливневые заряды, зато обложной непрерывный дождь прекратился. Я пошел к периметру, чтобы переговорить с Кейти, и застал его в прекрасном расположении духа. На нем были плащ и старая фетровая шляпа; к завтрашнему дню, заявил он, погода установится. Я попросил его не начинать возню с ослаблением оттяжек, пока не проснется Мемсаиб. Он похвалил грамотно вырытые дренажные канавы, благодаря которым столовая и спальные палатки остались сухими. Насчет костра уже распорядились, и в целом настрой был бодрый. Я рассказал Кейти, что видел сон про ливень над заказником. Это была ложь, но я рассудил, что Отец скорее всего пришлет добрые вести, к которым на хвост не помешает прицепить увесистую ложь. Если берешься прорицать, то лучше делать это с высокими шансами на успех.

Кейти выслушал мой сон внимательно, с деланым уважением, а затем рассказал свой, в котором проливные дожди накрыли всю терри-

торию до реки Тана, что на границе с пустыней, и шесть лагерей сафари оказались отрезанными от мира на несколько недель. Мой сон, таким образом, был посрамлен. Я знал, однако, что он запротоколирован и будет подвергнут тщательной проверке. Ложь следовало подкрепить правдой, и я добавил, что во сне мы также повесили Стукача, причем описал экзекуцию в деталях: где, когда, при чьем участии, как держал себя приговоренный, кто вытащил его из петли и куда именно отвезли на охотничьем джипе тело, чтобы бросить на съедение гиенам.

Кейти ненавидел Стукача уже много лет, и мой рассказ пришелся ему по душе, хотя он счел должным предупредить, что у него во сне ничего похожего не происходило. Я присовокупил еще парочку аппетитных штрихов, вызвав довольную улыбку, после чего Кейти заявил мечтательно и в то же время на полном серьезе:

— Не делай так.

— Да кто же позволит! Сон был — и достаточно.

— Не надо делать вуду.

— Я не занимаюсь вуду. Ты хоть раз видел, чтобы я навредил человеку?

— Я не говорю: ты колдун. Я говорю: колдовать

не надо. Негоже такому случиться, чтобы повесили Стукача.

— Хочешь его спасти? Что ж, сон можно забыть.

— Хороший сон, — сказал Кейти. — Только хлопот не оберешься.

Первый ясный день после дождя — идеальное время для религиозной пропаганды, ибо ум человеческий, на время дождя уходящий в себя, с первым проблеском неба вновь раскрывается навстречу красоте истинной веры. Сидя у костра и потягивая чай, я наслаждался свежевымытым пейзажем. Мисс Мэри самозабвенно спала, потому что солнце, обычно выступающее в роли будильника, еще не показалось. К костру подошел Мвинди со свежим чайником и долил мне кипятка.

— Добрый дождь, — улыбнулся он. — Прошел и кончился.

— Помнишь, Мвинди, как говорил Махди? — сказал я назидательно. — Он говорил: «Мы ясно видим, наблюдая закон природы, что дождь проливается с небес во времена нужды. Зелень и плодородие земель наших зависят прямо и строго от небесного дождя. Верхний слой земляной пересыхает без него, лишаясь влаги. Понятно

каждому, что связаны нерушимо воды небесные и воды земные. Так промысел человека сродни промыслу божественному, как земная вода сродни небесной».

— Слишком много дождя для лагеря. В самый раз для Шамбы, — резюмировал Мвинди.

— «Как с уходом дождя небесного земля теряет влагу свою, — продолжал я, — так и разум человеческий с уходом небесного откровения теряет силу и чистоту».

— А кто такой Махди?

— Спроси Чаро.

Мвинди ухмыльнулся: Чаро, несмотря на свою набожность, не пользовался репутацией теолога.

— Если вешать Стукача, — сказал он, — надо звать полицию. Кейти просил передать.

— Это просто сон.

— Сон бывает очень сильный. Может убить не хуже бундуки.

— Я расскажу Стукачу. Тогда сон потеряет силу.

— Учави, — сказал Мвинди. — Учави кубва сана.

— Хапана учави.

Мвинди вдруг отвернулся и сухо осведомился, хочу ли я еще чая. Его древний азиатский про-

филь был обращен к периметру. Я проследил его взгляд: к нашему костру направлялся Стукач.

Выглядел он жалко. Стильная галантность не то чтобы сошла, но была здорово подмочена. Приблизившись, он продемонстрировал кашель, в аутентичности которого нельзя было усомниться.

— Здравствуй, брат! Хорошо ли пережил непогоду? Здорова ли моя госпожа?

— Да, нас слегка помочило.

— Я очень болен, брат.

— Температура есть?

— Да.

Он говорил правду: пульс у него был сто двадцать.

— Сядь попей чаю. Прими аспирин. Я дам тебе лекарство, потом ступай домой и ложись. Дорога в порядке? Джип проедет?

— Да. Вода ушла в песок, а лужи можно объехать.

— А что Шамба?

— Шамбе не нужен дождь, все поля орошены. Сейчас там сырость и уныние, и холодный ветер с вершины. Даже куры тоскуют. Со мной пришла девушка, ее отцу нужно лекарство для больной груди. Ты знаешь, о ком я говорю.

— Хорошо, я пошлю лекарство.

— Она грустит, потому что ты не приезжаешь.

— У меня есть обязанности. Она здорова?

— Здорова, но грустна.

— Передай, что я навещу Шамбу, когда у меня будут там дела.

— Брат, а что насчет твоего сна, где меня повесили?

— Верно, я видел такой сон. Но я не должен тебе рассказывать, пока не позавтракаю.

— Другим, однако, рассказал.

— Не знать подробностей — в твоих же интересах. Сон не официальный.

— Меня нельзя вешать. Я не переживу.

— Мы не собираемся тебя вешать.

— А если злые люди превратно истолкуют мои действия?

— Никто тебя не повесит, если не будешь иметь дела с посторонними.

— Но я постоянно имею дело с посторонними!

— Ты понял, что я хотел сказать. А теперь отправляйся к костру и обогрейся. Я приготовлю лекарство.

— Ты мой брат.

— Я твой друг.

Стукач удалился. Я открыл аптечку, где лежа-

ли атабрин, аспирин, мази, сульфаниламиды и леденцы от кашля, и приготовился дать бой ночному вуду. Бой предстоял нелегкий: сцена экзекуции составляла добрую половину кошмара, тяжелые подробности накрепко врезались в память, и мне было неловко за свое мрачное воображение. Я рассказал Стукачу, как принимать лекарства и что передать отцу моей девушки. Затем мы прогулялись к периметру, и я передал Деббе две жестянки рыбных консервов и стеклянную банку леденцов, а Мтуке велел подвезти гостей до Шамбы и сразу же возвращаться. Дебба принесла мне подарок: четыре кукурузных початка. Пока мы разговаривали, она ни разу не подняла глаз. Перед тем как сесть в машину, она слегка боднула меня в грудь, как ребенок, а потом, уже устроившись рядом с водителем, свесила руку через борт и украдкой сжала мне бедро. К черту осторожность, подумал я и поцеловал ее в затылок. Она рассмеялась дерзко и заразительно, даже Мтука не сдержал улыбки, выруливая к выезду. Песчаная дорога успела вобрать воду, только кое-где блестели лужицы; джип удалился в направлении рощи, почти не буксуя, и никто из пассажиров не оглянулся.

Я сообщил Нгуи и Чаро, что мы отправимся на

разведку, едва Мэри проснется и позавтракает, и постараемся пройти как можно дальше на север. Оружие следует приготовить заранее, винтовки осмотреть и почистить после дождя, особое внимание уделить стволам, чтобы в них не осталось ружейного масла. Солнце спряталось за облака, было свежо, и дул сильный ветер. Дождь перестал окончательно, хотя короткие ливни не исключались. Люди вели себя серьезно, никто не дурачился.

За завтраком Мэри была счастлива: после ночного пробуждения она спала отлично и видела светлые сны. Суть ее кошмара заключалась в том, что меня, Джи-Си и Отца убили. Подробностей она не помнила; кто-то принес дурные вести, что-то насчет засады. Меня подмывало спросить, не видела ли она, как повесили Стукача, но это противоречило бы политике невмешательства, да и значения не имело; главное, Мэри проснулась веселой и готовой во всеоружии встретить новый день. Будучи человеком достаточно грубым и, в общем, пропащим, я охотно совал нос в непонятные мне африканские дела, однако жену старался не вовлекать. Она и сама вовлекалась более чем достаточно: постоянно ошивалась на периметре, изучала местную музыку, барабанный бой, слова

песен, привечала каждого встречного, и все были от нее без ума. В старые добрые времена Отец никогда бы этого не допустил. Впрочем, старые добрые времена давно миновали, и Отец понимал это лучше, чем кто бы то ни было.

Позавтракав и дождавшись возвращения джипа, мы с Мэри отправились на север. Ехали, пока позволяла проходимость. Земля уже начала подсыхать, однако затяжной дождь давал себя знать, и джип буксовал там, где завтра проехал бы уверенно; не помогала даже старая затвердевшая колея. Дальше к северу начинался глинозем, соваться туда не стоило.

Все ровные участки уже покрыла новая изумрудная трава, и дичь паслась, не обращая на нас внимания. Масштабного наплыва травоядных пока не наблюдалось, однако дорогу пересекали свежие следы слонов, ведущие к болоту. Это стадо мы видели с самолета; у самца след был огромный, даже учитывая расползание жидкой грязи.

Небо оставалось серым, над открытыми местами тянуло ветром. У слоновьих следов, озабоченно порхая и чирикая, подъедались зуйки. Я насчитал три вида, только один из которых годился в пищу, да и к нему наши мусульмане не притронулись бы, так что не стоило тратить

картечь. Ближе к болоту наверняка обретались кроншнепы, но на них можно было поохотиться в другой раз.

— Давай проедем чуть дальше, — предложил я. — Впереди будет сухая возвышенность, там развернемся.

— Хорошо, дорогой.

Тут налетел ливень, и я рассудил, что лучше возвращаться, пока не застряли в какой-нибудь луже.

На подъезде к лагерю, когда сквозь дымку между деревьями уже мелькали бело-зеленые палатки и гостеприимно тянуло запахом костра, мы с Нгуи спешились, чтобы настрелять к обеду рябков, слетевшихся на водопой к небольшим лужам. Мэри уехала в лагерь. Рябки возились у воды и в зарослях репейника; бить их влет было проще простого. Они походили на диких пустынных голубей, загримированных под попугаев. Я любил смотреть, как они разгоняются, подобно соколам, и начинают красиво работать длинными заломленными назад крыльями. В сухой сезон, когда рябки на рассвете длинными вереницами опускаются к воде, охотиться на них не в пример интереснее; мы с Джи-Си, помнится, били только верхних птиц и платили друг

другу шиллинг, если одним выстрелом валили нескольких. Стреляя рябков влет, ты лишаешься удовольствия послушать тот гортанный прерывистый клик, что они издают, заходя на посадку. По мере возможности я избегаю охотиться рядом с лагерем, поэтому в этот раз ограничился четырьмя парами, рассудив, что нам с Мэри хватит на два добрых обеда, а если кто-нибудь заглянет в гости, то на один.

Наши люди не жаловали рябков. Я и сам предпочитал малую дрофу, чирка, бекаса или, на худой конец, шпорцевого чибиса. Но на закуску перед сном годились и рябки. Налетевший было дождь сразу прекратился, и тучи легли туманом к подножию вершины.

Мэри сидела в столовой, потягивая кампари с содовой.

— Сколько настрелял?

— Восемь штук. Вспомнил, как мы стреляли голубей в клубе «Казадорес дель Серро».

— Голуби гораздо тяжелее на подъем.

— Думаю, так только кажется, потому что рябки на взлете крыльями молотят. И размером они поменьше. А по стартовой скорости с хорошим спортивным голубем мало кто сравнится.

— Здорово, что мы здесь, а не в клубе!

— Это точно. Сомневаюсь, что смогу туда вернуться.

— Сможешь, конечно.

— Как знать.

— Есть много вещей, к каким я вряд ли уже смогу вернуться.

— Хорошо бы вообще не возвращаться. Ни собственности, ни обязательств. Только лагерь сафари, хороший джип, пара грузовиков…

— А я была бы лучшей в мире палаточной домохозяйкой. Вижу как наяву: к нам прилетают клиенты на частных самолетах и говорят, сходя с трапа: «Угадай, кто я такой! Спорим, не вспомнишь?» А я в ответ: «Чаро, подай-ка бундуки». И бдыщ ему между глаз!

— А Чаро бежит горло резать, чтоб халяль.

— Они же не едят человечины!

— Племя камба не брезговало. В то, что вы с Отцом называете «старые добрые времена».

— Ты, можно сказать, наполовину камба. Смог бы съесть человека?

— Сомневаюсь.

— Ты знаешь, я за всю жизнь никого не убила. Помнишь, мы уговорились, что я ничего не буду от тебя скрывать? А потом мне было стыдно, что я не убила ни одного фрица, и все меня жалели…

— Отлично помню.

— Хочешь послушать речь, которую я произнесу, перед тем как пристрелить свою соперницу?

— Сделаешь кампари с содовой?

— Сделаю. А потом скажу речь. — Она плеснула в стакан красного кампари, добавила джина, пшикнула сифоном содовой. — Джин — это награда за то, что согласился послушать речь. Я знаю, ты уже сто раз слышал, но лишний раз не повредит.

— Добро.

— Ну-ну, — начала мисс Мэри. — Значит, решила, что будешь моему мужу лучшей женой? Ну-ну. Возомнила, что вы идеально подходите друг другу и от тебя ему будет больше пользы? Ну-ну. Полагаешь, что вам будет хорошо вдвоем и в кои-то веки ему достанется женщина, знающая толк в коммунизме, психоанализе и настоящей любви? Да что ты знаешь о настоящей любви, старая потасканная ведьма? Что ты знаешь о моем муже и о вещах, которые нас объединяют?

— Истинно! Истинно!

— Не перебивай… Слушай же, жалкая особь, тщедушная там, где надо быть плотной, и заплывшая жиром там, где следует явить признаки расы и породы; слушай, несчастная слабачка! Я с пер-

вого выстрела убила молодого невинного оленя на расстоянии трехсот сорока ярдов, если округлить в меньшую сторону, и ела его мясо без тени сожаления. Я застрелила прекрасного сернобыка, чье тело грациозней, чем тело любой женщины, а рога длиннее, чем у любого мужчины. Я прервала больше жизней, чем ты соблазнила мужей, и я говорю тебе: никшни и заглохни, и сверни незаконную деятельность, и подбери кукурузную патоку лживых речей, и убирайся к черту за границу, не то, клянусь Богом, я тебя пристрелю.

— Отлично сказано. Надеюсь, ты не собираешься перевести это на суахили?

— Мою речь ни к чему переводить на суахили. — После монолога мисс Мэри чувствовала себя как Наполеон под Аустерлицем. — Она предназначена для белых женщин. Твоя невеста может быть спокойна. С каких это пор добропорядочный любящий муж не имеет права завести молодую невесту, не претендующую ни на что, кроме роли вспомогательной жены? Против такого расклада я ничего не имею. Моя речь адресована грязным белым шлюхам, которые уверены, что лучше меня понимают, как тебя осчастливить выше пояса.

— Прекрасная речь. С каждым разом ты все

острее оттачиваешь слог.

— В ней каждое слово правда, от сердца. Я постаралась очистить ее от грубости и сальности. Ты ведь не подумал, что кукурузная патока лживых речей — это намек на давешнюю кукурузу?

— Упаси бог.

— Ну и хорошо. Початки, что она тебе подарила, просто загляденье. Надо будет запечь их в золе. Обожаю печеную кукурузу.

— Почему бы нет.

— А в том, что початков четыре, есть какой-нибудь смысл?

— Никакого. Два тебе, два мне.

— Здорово, когда тебя кто-то любит и носит подарки!

— Слушай, тебе каждый день носят подарки. Пол-лагеря занято на заготовке зубных щеток.

— Верно, зубных щеток у меня уже мешок, да еще с Магади запас остался. А твоя невеста очень мила. Все у нее так просто, естественно. И у остальных тоже. Рай у подножия вершины. Всегда бы так.

— На самом деле все живые люди со своими сложностями. Нам просто везет.

— Я понимаю. Именно поэтому мы должны делать друг другу добро. Везение надо отрабаты-

вать… Ах, скорее бы пришел мой лев! Надеюсь, мне хватит роста, чтобы разглядеть его в траве. Ты не представляешь, как мне важно его добыть.

— Это всем известно.

— Некоторые, верно, считают, что я сумасшедшая. Но ведь в старые времена люди искали Святой Грааль, золотое руно, и это никому не казалось глупым. А тут живой лев, покруче любых плошек и овечьих шкур, даже самых золотых. У каждого человека есть объект абсолютного вожделения. Для меня это лев. И на данный момент ничего важнее нет. Я знаю, тебя уже достало, и всех остальных тоже. Вы со мной так терпеливы. Ну ничего, дождь прошел, теперь я его добуду. Скорее бы уже ночь! Так хочется опять услышать его рев.

— Да, ревет он великолепно. Вы уже скоро увидитесь.

— Посторонним этого не понять. Ну ничего, он мне за все заплатит.

— Только не надо его ненавидеть.

— Наоборот, я его люблю! Он прекрасен и умен, и я никому не обязана объяснять, зачем мне понадобилось его убить.

— Никто и не требует.

— Отец понимает. Он мне сам объяснил. И

рассказал про ту ужасную женщину, для которой готовили льва. Всадили в него сорок восемь пуль… Даже говорить про это не хочу. Все равно никто не поймет.

Я, однако, все понимал. Мы были вместе, когда впервые увидели следы исполинского льва: после легкого дождя, в увлажненной пыли, удивительно отчетливые — вдвое больше, чем обычные львиные следы. Мы охотились на конгони, лагерю нужно было мясо, и, когда я показал следы Нгуи, у того на лбу выступил пот. Подошла Мэри, открыла рот, да так и застыла. На своем веку она повидала много львиных следов, нескольких львов добыла сама, но такого не видела никогда. Нгуи тряс головой, как заведенный, а я чувствовал, как в подмышках и в паху становится мокро от пота. Мы прошли по следам, как гончие собаки, и увидели мутный ручей, из которого лев напился, прежде чем уйти в чащу вверх по течению. В илистой грязи у воды следы казались еще внушительнее. Я никогда в жизни ничего подобного не видел.

Мне сразу расхотелось охотиться на конгони. Я боялся, что ружейная пальба спугнет льва-великана и он навсегда уйдет отсюда. Но в лагере ждали мяса, а дичь в ту пору была скудной, да еще

и пугливой из-за обилия хищников. Зебры сделались осторожными, как пустынные сернобыки, и у тех, кого удавалось добыть, на холке были черные шрамы от львиных когтей. В этих местах безраздельно хозяйничали буйволы, львы, леопарды и носороги, на которых никто не хотел охотиться, кроме таких корифеев, как Отец и Джи-Си, хотя и у Отца иногда пошаливали нервы. Что до Джи-Си, то он свое уже давно отнервничал и в любой ситуации хладнокровно пускал пулю за пулей, не думая об исходе. Отец, охотившийся здесь задолго до Джи-Си, когда джипов и в помине не было, говорил, что сафари в этих местах никогда не кончались добром, а ведь он исходил все окрестные леса и болота и даже ночью, бывало, пересекал выжженные солончаки, где днем в тени жара достигает ста двадцати градусов по Фаренгейту.

Я вспоминал об этом, разглядывая львиные следы, которые потом горели у меня перед мысленным взором, словно выжженные каленым железом, пока мы гонялись за конгони. Я знал: Мэри видела достаточно львов, чтобы по следам определить размеры зверя, и сейчас пытается представить великолепного льва-исполина, идущего по тропе к водопою. Мы наконец добыли

юную конгони, неуклюжую, смуглую, с лошадиной мордой и нежнейшим мясом, невинную, как сама невинность, и Мэри прикончила ее выстрелом в основание черепа — отчасти чтобы потренировать глаз, отчасти потому, что кому-то надо было это сделать.

Сейчас, в палатке, вспоминая о том дне, я подумал, что у записных вегетарианцев мои зарисовки наверняка вызовут приступ омерзения, однако каждый, кому довелось отведать мяса, должен понимать, что животное сперва надо убить, и, коль скоро Мэри взяла на себя эту ношу, ей следовало научиться убивать, причиняя как можно меньше страданий, а для этого нужно практиковаться. Я убежден, что люди, которые за всю жизнь не выудили ни одной рыбы, пусть даже из консервной банки, и тормозят на шоссе, если дорогу переходит кузнечик, и не знают вкуса мясного бульона, — такие люди не имеют права осуждать тех, кто испокон веков охотился, чтобы не умереть с голоду, и рачительно следил за поголовьем здешней дичи, пока ее не присвоил себе на потеху белый человек. Разве мы знаем, что чувствует морковь, или свежая редиска, или перегоревшая лампочка, или изношенный виниловый диск, или яблоня под снегом? Что творится

на душе у списанного самолета, у жевательной резинки, у окурка, ввинченного в пепельницу, у старой книги, источенной червями? Ни один из этих случаев не описан в своде инструкций для практикующего егеря. Нет там и указаний, как лечить фрамбезию и венерические болезни, хотя мне приходится этим заниматься чуть не ежедневно. Не говорится ни о падающих деревьях, ни о пылевых бурях, ни о кусачих мухах, за исключением мухи цеце, в разделе «Мухи».

Белые охотники, которым мы выдаем лицензии, охотятся в отведенное время на отведенных участках масайских земель, что прежде назывались заказниками, а теперь превратились в зоны регулируемого отстрела, где каждому виду назначено время умирать, и весьма небольшие деньги, которые нам платят за это удовольствие, мы передаем масайскому народу. Однако люди камба, что в старые времена с риском для жизни добывали мясо в стране масаи, теперь не имеют права здесь охотиться. Их преследуют и притесняют егеря, набранные преимущественно из того же племени камба и вопреки наивной убежденности Мэри отнюдь не пользующиеся всеобщей любовью.

С егерями тоже все непросто. За редким ис-

ключением они отважные воины и потомки старых охотничьих родов камба. Земледелием камба занимались по старинке, однако по мере увеличения населения вынуждены были чаще вводить в севооборот залежные земли, которые в старые времена отдыхали на протяжении целого поколения. Неизбежным результатом, как и повсюду в Африке, явилась эрозия. Камба участвовали во всех британских военных кампаниях — в отличие от масаи, которые не участвовали ни в одной, хотя неизменно пользовались покровительством и защитой метрополии, внушали белым людям незаслуженный страх и служили объектом обожания гомосексуалистов, подобных служившему в Кении Тессинджеру, поскольку масайские мужчины отличаются редкой красотой. Воины они были, конечно, липовые, зато наркоманы и алкоголики — самые настоящие. Охоте они предпочитали животноводство, и причиной конфликтов между камба и масаи всегда был угнанный скот, а не охотничьи угодья.

Камба ненавидели масаи, считая их зажравшимися позерами и любимчиками колониальных властей; женщин презирали за неверность, а мужчин — за абсолютное неумение охотиться, ввиду того что глаза их поражены дурной бо-

лезнью, разносимой мухами, а скверные копья ломаются после первого же броска; главным же образом презирали за показное бесстрашие, проявляющееся лишь под воздействием алкоголя и наркотиков.

В отличие от масаи, чьей излюбленной тактикой на поле боя была массовая истерия, подогретая расширителями сознания, мужчины камба знали толк в войне и, если приходилось сражаться, делали это грамотно и отважно. Сейчас, однако, большая их часть жила за чертой бедности: охотникам, на которых они всегда полагались, было просто негде охотиться. К выпивке они подходили как к войне, то есть со знанием дела. Правила потребления алкоголя жестко регламентировал племенной закон. Пьяницами становились немногие, и наказание за хмельную безответственность было суровым. Мясо служило краеугольным камнем рациона, и браконьеры пользовались не меньшей популярностью, чем британские контрабандисты, снабжавшие Америку спиртным во время «сухого закона».

Когда я охотился здесь много лет назад, дела обстояли гораздо лучше. Камба оказывали всестороннюю поддержку британским колониальным властям, и даже юные хулиганы были

настроены лояльно, несмотря на низкий уровень жизни. К движению мау-мау в целом относились с презрением, потому что его организаторами были кикуйю, чьи кровавые клятвы и обряды вызывали у камба тошноту. Исключения, однако, имели место. В своде инструкций для практикующего егеря указаний на этот счет не было. Джи-Си советовал руководствоваться здравым смыслом и утверждал, что проблемы с местными бывают только у полных отморозков. Испытывая известные сомнения относительно своей принадлежности к классу последних, я старался как можно чаще руководствоваться здравым смыслом. Мои многолетние попытки породниться с племенем камба наконец дали результат: пала последняя преграда, и я был принят в семью. Альянсы между племенами испокон веков заключались именно этим способом.

Я знал, что теперь, после дождя, дело пойдет веселее. Когда есть мясо, люди с уверенностью смотрят в завтрашний день. Мясо дает мужчине силу, в это верят даже старики. Из всех стариков в нашем лагере, пожалуй, только Чаро был импотентом, да и то не факт. Теоретически я мог бы осведомиться у Нгуи, который знал наверняка, но Чаро был моим другом, и подобные расспросы ис-

ключались. Известно, что среднестатистический мужчина племени камба, регулярно питающийся мясом, сохраняет половую активность до семидесяти пяти лет. И это не предел, многое зависит от сортов мяса. В последнее время я постоянно об этом думаю, сам не знаю почему. Похоже, все началось с того дня, когда мы подстрелили конгони и впервые увидели следы исполинского льва.

— Как насчет того, чтобы добыть немного мяса, мисс Мэри?

— Нам нужно мясо?

— О да.

— О чем ты думал?

— О племени камба. И о мясе.

— О тех бандитах?

— Нет, отвлеченно.

— Ну и слава богу. И что же ты надумал?

— Что надо добыть мяса.

— Хорошо, пойдем за мясом.

— Для прогулки самое подходящее время.

— Обожаю прогулки! Как вернемся, приму ванну, переоденусь и сяду у костра.

Импала оказались на привычном месте, возле переправы, и Мэри подстрелила старого однорогого быка, пасшегося на отшибе. Бык был крепок и жирен, и совесть моя была спокойна: он не

представлял ценности для охотоведческого хозяйства, да и как производитель не годился, ибо стадо его изгнало. Мэри уложила быка красивым выстрелом под лопатку, как и намеревалась, — к вящей гордости Чаро, успевшего халяльно перерезать зверю горло. На данный момент все сходились во мнении, что точность стрельбы мисс Мэри всецело находится в руках Божьих, а поскольку боги у нас были разные, Чаро отнесся к удачному выстрелу как к своей личной заслуге. И я, и Отец, и Джи-Си уже имели счастье наблюдать, как Мэри на голубом глазу кладет пули в цель с нечеловеческой точностью; теперь и Чаро выпал случай лицезреть божественное чудо.

— Мемсаиб пига мзури сана! — уважительно сказал он.

— Мзури, мзури, — согласился Нгуи.

— Спасибо! — просияла Мэри. — Видишь, третий подряд, — обратилась она ко мне. — Теперь я верю в свои силы! Интересно все же работает человеческий ум.

Я задумался о том, как работает человеческий ум, и забыл ответить.

— Понятно, что убивать грех, — продолжала она. — Однако добывать мясо для людей — это ведь доброе дело? Странно, что мясо играет в

нашей жизни такую важную роль.

— Так было всегда. Мясо — одна из древнейших и важнейших вещей. Сейчас по всей Африке население страдает от нехватки дичи. А если бы все охотились, как голландцы в ЮАР, то вообще ничего бы не осталось.

— Но мы ведь охраняем дичь для местных, правда? В этом главная задача охотоведческих хозяйств?

— Главная задача — делать деньги. К примеру, продавать белым охотникам доступ к дичи, чтобы поддержать экономику масайского народа.

— Я хочу, чтобы диких зверей охраняли, потому что убивать грех. Остальное меня мало интересует.

— На самом деле все непросто. Африка — чрезвычайно запутанная страна.

— Ты и твои дружки ничем не лучше.

— Кто бы спорил.

— Но наедине с собой — ты все видишь ясно?

— Увы, не всегда. День на день не приходится.

— И все-таки мне здесь нравится. Мы приехали не для того, чтобы наводить порядок.

— Нет, конечно. Мы приехали, чтобы пощелкать фотоаппаратом и сочинить броские подписи к снимкам. И отдохнуть. А если повезет, чему-ни-

будь научиться.

— И все равно впутались по уши.

— Главное, чтобы нравилось.

— Никогда в жизни не была счастливее.

Нгуи остановился и указал на правую обочину.

— Симба.

Следы были огромными. Даже не верилось, что они настоящие.

Левая лапа отпечаталась ясно, и виден был старый шрам. Лев, похоже, пересек дорогу, когда Мэри стреляла в быка. Чрезвычайно умный, неторопливый, рассудительный лев. Солнце почти скрылось, небо затянули тучи; все понимали, что через пять минут будет слишком темно, чтобы стрелять.

— Вот, теперь все просто и понятно, — радостно сказала Мэри.

— Отправляйся в лагерь за машиной, — велел я Нгуи. — Мы пойдем назад, к Чаро. Будем ждать возле туши.

В эту ночь, лежа в кроватях и еще не успев заснуть, мы услышали, как ревет лев. Звук донесся с севера: густой, плавно сошедший на низы и разрешившийся вздохом.

— Я к тебе, — сказала Мэри.

Обнявшись, мы лежали в темноте под москит-

ной сеткой и слушали, как он ревет.

— Это точно он, голос ни с чем не перепутаешь, — говорила Мэри. — Хорошо, что ты рядом.

Лев переместился на северо-восток, негромко порыкивая, — и опять взревел во всю силу.

— Зовет львицу? Или просто не в духе? Чем он занимается?

— Не знаю, дорогая. Возможно, сердится, что кругом сыро.

— Он и в сухую погоду не меньше ревел. Помнишь, когда мы его в кустах заметили?

— Я пошутил, дорогая. Откуда мне знать, почему он ревет? Завтра найдем место, где он ночевал, осмотрим следы когтей.

— Не шути над ним, он слишком благороден.

— Иначе нельзя. Раз уж я взялся тебя прикрывать… Или лучше, чтобы я кудахтал и беспокоился?

— Просто молчи и слушай.

Мы лежали, обнявшись, и слушали. Описывать львиный рев бесполезно. Он ревел, а мы слушали — вот и все, что можно сказать. Ничего общего с тем звуком, что издает голливудский лев на заставке фильмов студии «Метро-Голдвин-Майер». Ударяет сначала в пах, а потом идет волной по всему телу.

— Как будто у меня внутри пусто… — шептала Мэри. — Вот что значит: повелитель ночи.

Звук удалялся, смещаясь на северо-восток, и последний раскат завершился кашлем.

— Пожелай ему удачной охоты, — сказал я. — Спи спокойно, не думай о нем.

— Как можно не думать? Это же мой лев, не хочу думать ни о чем другом! Я его люблю. Я его уважаю. Я должна его убить. Он для меня важнее всего на свете, если не считать тебя и еще нескольких близких людей. Ты и сам знаешь.

— Еще бы не знать. Тем не менее, дорогая, тебе надо выспаться. Он небось специально ревет, чтобы ты не спала.

— Что ж, его право. Невеликая цена за то, что я его убью. Пусть ревет. Мне все хорошо, что бы он ни делал.

— Он обидится, если ты будешь сонная.

— Ему на меня плевать. А мне на него — нет. Именно поэтому я должна его убить, понимаешь?

— Понимаю. Но надо выспаться, котенок. Завтра утром начнется твоя охота.

— Хорошо, я усну… Только пусть он еще раз подаст голос.

Она говорила уже сквозь дрему. Я лежал и

думал, что вот живет себе девчонка, никому не хочет смерти, не испытывает желания убивать, и тут бац — война, встречаются на пути дурные люди, — и вот девчонка начинает охотиться на львов, травит их с пугающей целеустремленностью, причем ясно, что без грамотной поддержки профессионала такой образ жизни, какой здоровым не назовешь, рано или поздно закончится плачевно, и первые звоночки уже налицо. Лев снова проревел и трижды кашлянул в самую землю, так что отдалось в дно палатки.

— Ну вот, теперь можно спать, — сказала Мэри. — Надеюсь, он кашлял просто так. У львов ведь не бывает простуды?

— Не знаю, дорогая. Спокойной ночи.

— Уже сплю. Обещай, что разбудишь меня до рассвета, как бы крепко я ни спала. Обещаешь?

— Обещаю.

Потом она спала, а я лежал, прислонившись к стенке палатки, и слушал тихое посапывание, а затем вытащил затекшую руку из-под ее головы и устроился поудобнее на краешке кровати. До трех часов было тихо. Потом лев кого-то убил — и сразу заговорили гиены, а он начал есть, грозно порыкивая. Обе львицы хранили молчание. Одна из них, насколько я знал, была на сносях и

самцов на дух не переносила. Я думал, что утром скорее всего будет слишком сыро для охоты. Но попробовать стоило.

Глава шестая

Солнце еще не взошло, когда Мвинди разбудил нас, явившись со своим чайником.

— Ходи! — Он оставил чай на столе у входа.

Я отнес чашку жены в палатку, взял вещи, вышел и оделся. Небо затянули тучи, звезд не было.

Из темноты вынырнули Нгуи и Чаро и принялись готовить ружья. Захватив чашку, я пошел к столовой, где уже возился с костром один из поварят. Мэри, еще не до конца проснувшаяся, умывалась и одевалась. Выйдя на открытое место, где возле трех кустов белел слоновий череп, я попрыгал: земля за ночь подсохла, но оставалась сырой. Джип мог и не проехать к тому месту, где, по моим расчетам, охотился лев, — рядом было болото.

Местность, которую мы называли болотом, на самом деле состояла из собственно болота — настоящего, папирусного, в четыре мили длиной и полторы шириной — и окаймляющих его высоких деревьев, большей частью весьма живописных и образующих довольно широкую лесополосу, местами совершенно непроходимую из-за слоновьей потравы. В этом лесу жили носо-

роги и пара-тройка слонов; впрочем, последних иногда собиралось целое стадо. Время от времени туда забредали буйволы. В самой глуши жили леопарды, совершая по ночам охотничьи вылазки. Наш лев, привлеченный обильной дичью низины, тоже нашел там приют.

Этот лес представлял собой западную границу роскошной равнины, богатой дичью и пастбищами. С севера равнину окаймляли солончаки и россыпи вулканического камня, за которыми до самых холмов Чулу простиралось сплошное болото; с востока к ней примыкала миниатюрная пустыня, носившая название «страна геренуков», а дальше начинались поросшие кустарником холмы, постепенно переходящие в предгорья Килиманджаро. В реальности ландшафт был, конечно, более сложным, однако если изучать карту или глазеть по сторонам, стоя в центре равнины, то описанная мной картина давала неплохое представление.

Лев имел привычку по ночам охотиться на равнине, а после еды уходить в лесополосу и отсиживаться в течение дня. Наш план заключался в том, чтобы подкрасться к нему на рассвете, когда он ест, или перехватить по пути в лес, а если он осмелеет и решит остаться на открытом месте,

то достать его там, где он расположится на отдых после водопоя.

Пока Мэри одевалась и ходила к периметру, где среди кустов пряталась зеленая кабинка туалета, я думал про льва. При удачном стечении обстоятельств мы просто обязаны были его добыть: Мэри стреляла достаточно стабильно и верила в свои силы. Тем не менее я решил, что если он заподозрит неладное и уйдет в высокую траву, где у моей низкорослой супруги не будет шансов, то мы на время оставим его в покое, дадим набраться смелости. В глубине души я надеялся, что, пока мы доберемся до места его трапезы, он уже поест, напьется из лужи, недостатка в которых после дождя не было, и уйдет спать в лесополосу или в одну из небольших, но практически непроходимых рощиц.

Когда Мэри вернулась, машина была готова, Мтука ждал за рулем, а я заканчивал проверку оружия. Заметно рассвело, но еще не настолько, чтобы можно было стрелять. Низкие тучи заволокли вершину, солнце не показывалось. Я посмотрел в прицел на слоновий череп: нет, слишком темно. Чаро и Нгуи стояли рядом, серьезные и деловые.

— Как себя чувствуешь, котенок?

— Замечательно, а как же еще.

— Глаза закапала?

— Разумеется. А ты?

— Да. Ждем, когда рассветет как следует.

— По мне уже достаточно светло.

— А по мне — нет.

— Тебе надо проверить зрение.

— Я сказал людям, что мы вернемся к завтраку.

— Ну, головная боль обеспечена.

— Мы захватили кое-чего перекусить, в коробке на заднем сиденье.

— Лучше скажи, захватил ли Чаро патронов для меня.

— Спроси его.

Мэри обратилась к Чаро, который заверил ее, что приготовил «минги рисаси».

— Не хочешь ли закатать рукав? — сказал я. — Ты просила, чтобы я напомнил.

— Только не таким хамским тоном.

— Ты бы лучше свою злость переключила на льва.

— На него-то за что?.. Ну, теперь тебе достаточно светло?

— Квенда на симба, — сказал я Мтуке. — Нгуи, садись сзади, посматривай по сторонам.

Машина хорошо держала подсохшую дорогу. Я

сидел боком, выставив ботинки в дверной проем; с вершины тянуло утренней прохладой; ружье радовало руку надежной тяжестью. Я несколько раз прицелился: даже в очках с желтыми стеклами света было маловато, однако до места оставалось еще минут двадцать, и рассвет с каждой минутой набирал силу.

— Света должно хватить, — заметил я.

— Как я и сказала. — Мэри сидела с гордо поднятой головой и жевала резинку.

Мы миновали импровизированный аэродром. Дичь паслась повсеместно, и молодая трава была по крайней мере на дюйм выше, чем вчера. Проклюнулись и белые цветочки, украсив поля равномерным снежным крапом. Кое-где в глубоких колеях еще стояла вода, и я велел Мтуке съехать с дороги. Цветущая трава скользила под шинами. Рассвет продолжал набирать силу.

Мтука указал вправо: чуть поодаль, за двумя полянами, возвышались два дерева, и на каждом сидела тяжелая птица. Это означало, что лев еще не закончил трапезу. Нгуи хлопнул по борту, мы остановились. Я с удивлением подумал, что Мтука заметил стервятников первым, хотя Нгуи был значительно выше. Нгуи тем временем спрыгнул и пошел рядом с машиной, чуть пригнувшись,

чтобы не выделяться на ее фоне. Схватив меня за ногу, он указал в сторону лесополосы.

Исполинский темногривый лев уходил в высокую траву: его тело казалось практически черным, плечи и огромная голова покачивались в такт неспешному бегу.

— Видишь? — спросил я тихо.

— Вижу, — кивнула Мэри.

Лев уже добрался до травы, виднелись только плечи и голова; затем только голова. Трава расступалась перед ним, как вода. Очевидно, его спугнул звук мотора. А может, на пути к лесу он заметил машину и решил сделать крюк через траву.

— Нет смысла туда соваться, — сказал я.

— Знаю, знаю, — ответила она. — Выехали бы раньше, застали бы его на голом месте.

— Раньше было слишком темно, а стрелять надо наверняка. Если ты его ранишь, мне придется лезть за ним в чащу.

— Не тебе, а нам.

— Ага, сейчас.

— Как же, по-твоему, мы его добудем? — Мэри, конечно, сердилась, но это была лишь досада, что долгожданная охота сорвалась, а не слепая ярость, в угаре которой она, чего доброго, стала

бы всерьез требовать, чтобы ей позволили, при ее-то росточке, гоняться по высокой траве за раненым львом.

— Подождем, пока он к нам привыкнет, потеряет страх. Понимаешь, при виде джипа он не должен убегать, бросив добычу… — Я прервался, чтобы сделать распоряжения: — Нгуи, в машину! Мтука, давай вперед, поли-поли! — И продолжил, черпая поддержку в молчаливом присутствии братьев: — Думаешь, Отец на моем месте поступил бы иначе? Полез бы за ним? Через траву, через валежник? Взял бы с собой тебя, хотя видимость ноль, потому что трава тебе выше макушки? У нас какая задача вообще? Кого мы пытаемся угробить, тебя или льва?

— Прекрати на меня орать! Перед Чаро неудобно.

— Я не ору.

— Послушал бы себя со стороны.

— Мэри, включи голову… — зашептал я.

— Вот только избавь меня, пожалуйста, от своих замечательных присловий! И не шипи на ухо. Надо же, включи голову! Что там на очереди? Ничьей вины нет? Так карта легла? Играем в открытую?

— М-да. С тобой охотиться — сплошное удо-

вольствие. Скажи, а кто тебе до сих пор мешал прикончить чертова льва?

— Кто мешал? Пожалуйста! Ты мешал. Отец мешал. Джи-Си наверняка помешает, не упустит случая. И вообще, если ты такой обалденный специалист по львам, объясни глупой женщине, почему он ушел, а стервятники не спустились?

— Потому что там осталась львица. Или даже обе.

— Ах вот как? И что, можем подъехать убедиться?

— Конечно! Если не будем шуметь. Надо, чтобы они все потеряли страх.

— Ты достал уже этой фразочкой: потеряли страх. Если не можешь изменить свои мысли, старайся хотя бы варьировать способ их изложения!

— Давно ли ты охотишься на львов, дорогая?

— Такое ощущение, что целую вечность. А могла бы еще три месяца назад его добыть, если бы не вы с Джи-Си. У меня был стопроцентный шанс, а вы помешали.

— Мы сомневались, что это тот самый лев. Скорее всего это был совсем другой лев, который пришел сюда из Амбосели, из-за засухи. У Джи-Си, чтоб ты знала, есть совесть.

— Ага, совесть. Что у тебя, что у него. Ведете себя как малолетние раздолбаи… Ну, где твои львицы? Показывай.

— Пожалуйста. Проедем еще триста ярдов, и будут тебе львицы. Справа по курсу, направление сорок пять градусов.

— А поправка на ветер?

— Поправка семнадцать. Дорогая, кровожадность — хорошая вещь, я все понимаю. Но уже немного зашкаливает.

— Знаешь, я имею право — после всего, что было. Лев — это тебе не шутки. Я к нему очень серьезно отношусь.

— Я тоже. Только не болтаю об этом при каждом удобном случае — в отличие от тебя.

— О, еще как болтаешь! Знаешь, кто такие ты и твой Джи-Си? Парочка совестливых убийц! Приговариваете божьих тварей к смертной казни и приводите приговор в исполнение. Только у Джи-Си совести побольше и люди дисциплинированные.

Я хлопнул Мтуку по бедру, чтобы он остановил машину.

— Посмотри, дорогая: вот все, что осталось от зебры. И рядом две львицы. Мир?

— А я ни с кем не ссорилась. Ты просто не понял

— как обычно. Дай биноклик, пожалуйста.

Я протянул полевой бинокль, и Мэри полюбовалась на хищниц.

Беременную львицу так разнесло, что она сделалась похожа на безгривого самца. Вторая скорее всего была ее дочерью, а может, младшей подружкой. Обе лежали в тени под кустом: одна спокойная, царственная, отягощенная материнством, с темными от крови челюстями; другая мелкая, юная, тоже перемазанная в крови.

От зебры мало что осталось, однако добычу они охраняли. По ночным звукам я затруднялся определить, как было дело: то ли они убили зебру для льва, то ли он убил ее сам, а они присоединились позже. Две птицы терпеливо сидели на двух щуплых деревцах, а в кроне большого дерева, окруженного островком кустарника, наверняка ждала еще сотня. Стервятники — тяжелые, с покатыми плечами — готовы были в любой момент спикировать на обглоданный скелет, но львицы лежали слишком близко. В кустах показался опрятный красивый шакал, похожий на лису, потом еще один. Гиены еще не подтянулись.

— Не будем их пугать, — сказал я. — По мне, так лучше вообще не приближаться.

Мы с Мэри опять были друзьями; при виде

львов у нее неизменно повышалось настроение.

— Как думаешь, кто добыл зебру, они или лев?

— Скорее всего лев. Убил и съел, сколько смог, а они позже подошли.

— А стервятники ночью слетятся?

— Вряд ли.

— Их чудовищно много. Вон, смотри, крылья сушат, прямо как наши грифы.

— Они слишком безобразны для королевской дичи. Да еще коровью чуму своим пометом разносят. И прочую заразу. В здешних местах их определенно слишком много. Насекомые, гиены и шакалы — гораздо более эффективные санитары. Любую падаль подчищают без остатка. Гиены к тому же больных животных убивают — и съедают на месте, а не разносят заразу по округе…

Львицы, лежащие в тени, омерзительные стервятники на деревьях — все это развязало мне язык. Сказалось и то, что мы так стремительно помирились и что до завтрашнего утра можно было не думать, как бы удачнее стравить мою любимую мисс Мэри и льва. Стервятников я, конечно, и без того ненавидел и полагал, что их роль санитаров саванны сильно преувеличена. В один прекрасный день какой-то идиот решил, что они первые мусорщики Африки, после чего

их тут же причислили к королевской дичи, тем самым сильно затруднив контроль популяции. И даже тот аргумент, что они являются главными разносчиками инфекции, разбивался о магические слова «королевская дичь». Охотники камба смеялись над ситуацией и называли стервятников король-птица.

Сейчас нам, правда, было не до смеха: стервятники нагло нависали над останками зебры, и картина не радовала глаз. Большая львица зевнула, поднялась и подошла к мясу. В тот же момент две крупные птицы спикировали вниз. Вторая львица, взмахнув хвостом, атаковала их, пытаясь хлопнуть лапой, как котенок, — они тяжко поднялись и уселись опять на ветку. Обе львицы легли рядом и принялись есть, а стервятники выжидали, из последних сил сдерживая голод.

Было ясно, что львицы быстро прикончат все, что осталось от зебры, и я сказал Мэри, что лучше их не тревожить, а проехать мимо, будто мы ничего не заметили. Прямо по курсу паслось небольшое стадо зебр, а дальше видны были антилопы гну и еще зебры.

— Обожаю за ними наблюдать, — ответила Мэри, — но если ты считаешь, что лучше оставить их в покое, то давай поедем к солончакам. Может,

буйволов увидим.

Мы съездили к солончакам, однако буйволов не увидели. Солончаки еще не просохли, машина местами пробуксовывала. Мы обнаружили свежие следы двух львиц, идущие в направлении убитой зебры. Было трудно определить, когда они здесь прошли, и тем не менее я склонялся к мысли, что зебру убил лев. Нгуи и Чаро со мной согласились.

— Может, если вернемся той же дорогой, он нас увидит и перестанет бояться, — сказала Мэри. — Позавтракать бы не мешало, а то голова разболится.

Я надеялся, что рано или поздно она это предложит.

— Если не будем стрелять, он наверняка… — Я осекся, чуть было не ляпнув «потеряет страх».

— Он подумает, вот ездит машина взад-вперед, ничего страшного, — закончила за меня Мэри. — А мы сейчас славно позавтракаем, потом я на письма отвечу, и вообще будем пай-детками.

— Ты и так у меня пай-детка.

— Поедем не спеша, как туристы, будем любоваться изумрудным простором. А здорово предвкушать завтрак, да?

Когда мы вернулись в лагерь, нас ожидал не

только завтрак, но и молоденький полицейский в заляпанном грязью «лендровере». Машина стояла в тени под деревом. Увидев нас, паренек вышел из машины; на его лице лежала печать заботы и ответственности.

— Доброе утро, бвана! Доброе утро, Мемсаиб! Ходили в дозор с утра пораньше?

— Позавтракаешь с нами?

— Если не помешаю. Обнаружили что-нибудь интересное, губернатор?

— Осмотрели владения. Что говорят в боме?

— Повязали голубчиков, губернатор. Схватили на другой стороне, к северу от Наманги. Можно отменять комендантский час.

— Сдались без боя?

— Подробности пока неизвестны.

— Жаль, нам с тобой не довелось поучаствовать.

Мэри посмотрела на меня встревоженно. Ей не улыбалось завтракать в обществе офицера полиции, но она знала, что он одинок, и нетерпимость к людской тупости боролась в ней с жалостью к уставшему пареньку в забрызганной грязью машине.

— Для меня это была бы большая честь, губернатор. Мы ведь составили идеальный план. Лучше

не придумаешь. Единственное, о чем я беспокоился, — это безопасность нашей Мемсаиб. Пусть мадам меня простит, но война не женское дело.

— Мое участие в ваши планы не входило, — сказала Мэри. — Почки с беконом?

— Ну отчего же, вам отводилось место в заградительном кордоне. Непременно упомяну об этом в рапорте. Это, конечно, не то же самое, что участие в боевых действиях, но ваше имя не будет забыто. Все, кто сражался за Кению, могут по праву гордиться.

— Я заметила, что после войны люди становятся нестерпимыми занудами, — сказала Мэри.

— Только те, мадам, кто не участвовал в боях, — возразил полицейский. — Настоящие ветераны — и ветеранки, с вашего позволения — состоят в нерушимом братстве.

— Выпей-ка пива, — предложил я. — Когда следующий бой?

— Вам, губернатор, я сообщу прежде, чем кому-либо другому.

— Правильно, славы хватит на всех.

— Не могу не согласиться. Знаете, губернатор, вы и я — последние зодчие великой Империи. Можно сказать, Сесиль Родс и доктор Ливингстон.

— В некотором смысле.

Вечером я поехал в Шамбу. Было прохладно: солнце заволокло тучами, и с высот, где прошедший дождь превратился в снега, тянуло стылым ветром. Шамба находилась на отметке шесть тысяч футов — чуть меньше двух километров, — и царящая над ней вершина была постоянным источником сильных ветров и злых коротких снегопадов. Крестьянские домики, которые мы договорились не называть лачугами, прятались от непогоды в складках поднимавшегося над полем склона. В тот вечер суровая погода дала о себе знать в полной мере, и запах подмерзающего навоза мешался с кристальной ледяной свежестью. Скот и домашняя птица сидели взаперти.

Человек, которого мисс Мэри звала моим тестем, страдал хронической простудой и ревматизмом. Я дал ему лекарство и растер мазью. Мы, камба, не верили, что он отец Деббы, однако по племенному закону она считалась его дочерью, и мне надлежало оказывать ему уважение. Пока я его пользовал, Дебба стояла в сторонке, держа на руках ребенка сестры. Она была одета в подаренные мной свитер и рыбацкую фуражку; последняя досталась мне от приятеля, который выгравировал на околыше мои инициалы, — важная

для Деббы деталь. Я был рад, что она выпросила у меня фуражку: инициалы вызывали чувство неловкости. Под свитером было стираное-перестираное платьице из Лойтокитока. Этикет не позволял мне заговаривать с женщиной, держащей на руках ребенка. Ей тоже не следовало смотреть, как я растираю мазью ее отца, поэтому она стояла с опущенными глазами.

Человек, которого называли моим тестем, переносил процедуру растирания без должного стоицизма. Нгуи, неоднократно подвергавшийся подобным процедурам и с презрением смотревший на трусливых мужчин Шамбы, следил, чтобы я не делал тестю поблажек, и указывал капли мази, попавшие не по назначению. Мтука, светясь украшенным ритуальными шрамами лицом, с удовольствием наблюдал из уютного кокона своей глухоты, как никчемный старый камба страдает во имя правого дела. Я, однако, удерживал процедуру растирания в разумных этических рамках, и в конце концов все зрители, включая дочь, потеряли интерес.

Перед уходом я сказал Деббе:

— Джамбо ту.

– *No hay remedio*, — ответила она, подняв глаза и выпятив грудь.

Мы сели в машину. Никто ни с кем не попрощался, холодная погода соответствовала ритуальной сдержанности. Продрогшая и затаившаяся Шамба произвела на нас тягостное впечатление.

— Нгуи, — спросил я, — почему тут такие жалкие мужчины и такие замечательные женщины?

— Через Шамбу прошло множество выдающихся мужчин, — ответил Нгуи. — Здесь раньше пролегала дорога на юг. — Он был зол, потому что никчемные мужчины Шамбы бросали тень на репутацию камба.

— Думаешь, Шамбу стоит захватить?

— Непременно. Ты, я и Мтука. Еще молодых привлечем.

В Африке мы жили в волшебном мире, армированном вполне реальным скелетом. Это был не зыбкий мир грез и фантазий; напротив, довольно безжалостный и логичный мир, крепко скроенный из фрагментов искаженной реальности. В самом деле, если здесь обитали такие фантасмагоричные и нелепые существа, как носороги, стоило ли чему-то удивляться? Я и Нгуи могли говорить с ними на их языке, и они нам отвечали, а когда я бранил их по-испански, оскорблял и

прогонял прочь, они уходили, обиженно понурив головы, что в контексте их сказочного облика и в декорациях африканского пейзажа было вполне логичным и непротиворечивым. Испанский считался языком племени, к которому принадлежали я и Мэри; это был обыденный язык для каждодневного общения в стране, откуда мы прибыли, то есть на Кубе. Известно было также, что у нас есть особый, тайный язык. С британцами нас ничего не объединяло, кроме цвета кожи и взаимной терпимости. Когда с нами жил мой друг Мейито Менокаль, его тоже считали одним из нас. Мейито пользовался глубочайшим уважением за низкий рокочущий голос, запах, вежливость и безупречное знание суахили, на котором он говорил с сильным камагуэйским акцентом, что в совокупности с внушительными шрамами и бычьей внешностью, верно отражавшей внутреннюю суть, превращало его чуть ли не в божество.

Любопытным я пояснил, что, когда нашей родиной правили короли, Мейито был сыном одного из них. Я подробно описал принадлежавшие ему тысячи акров земли, бессчетные стада, горы производимого им сахара. Поскольку вакамба считали сахар фундаментальным продуктом,

уступавшим по ценности только мясу, а также ввиду того, что за правдивость моей истории поручился сам Отец, а Мейито зарекомендовал себя опытнейшим скотоводом, который говорит строго по существу могучим басом, напоминающим львиный рык, и при этом никогда не опускается до грубости, угроз или хвастовства, — любовь к нему была горячей и искренней.

За время моего пребывания в Африке я солгал о Мейито всего один раз: по поводу его семейного положения. Мвинди, будучи горячим почитателем Мейито, спросил меня впрямую, сколько у него жен. Вопрос был деликатный, не из числа тех, что можно походя задать Отцу, хотя ответ на него интересовал многих. Мвинди выглядел хмуро; очевидно, вопросу предшествовала дискуссия, которую ему поручили разрешить.

Тщательно обдумав необычный вопрос и взвесив возможные последствия, я ответил, как подобает настоящему мзи:

— У него на родине никому бы не пришло в голову их пересчитывать.

— Ндио, — кивнул Мвинди и отошел так же хмуро, как и подошел.

На самом деле у Мейито была одна-единственная жена, очаровательнейшая женщина.

Сегодня, возвращаясь из продрогшей Шамбы, мы с Нгуи занимались тем, чем обожают заниматься все мужчины: планировали операцию, которая никогда не состоится.

— Решено, — сказал я. — Шамба будет нашей.

— Отлично.

— Кто возьмет Деббу?

— Бери ты. Она и так твоя невеста.

— Годится. Как будем держать позицию, когда на штурм будут брошены подразделения КАР?

— Свяжемся с Мейито, он пришлет подкрепление.

— Мейито сейчас в Гонконге.

— У нас есть самолет.

— Слишком мал. Как будем справляться без Мейито?

— Уйдем в горы.

— Слишком холодно, не сезон. Да и Шамбу потеряем.

— Война — дерьмо!

— Кто бы спорил.

Мы обменялись улыбками.

— Давай по-другому, — сказал я. — Будем брать Шамбу постепенно, день за днем. Куда торопиться? У нас есть то, что старики надеются получить, когда умрут. Мы славно охотимся, едим доброе

мясо. Выпить тоже можем, только надо дождаться, когда Мемсаиб убьет льва. После смерти нас ожидают Счастливые Охотничьи Угодья. Будем радоваться, пока живы.

Глухой Мтука не слышал наш разговор. Он походил на отличный движок, от которого отсоединили приборы. Такие случаи описаны в литературе. Зрение у него было лучше, чем у нас всех, вместе взятых; машину он водил как бог; экстрасенсорным восприятием, если такая вещь действительно существует, обладал удивительным. Когда мы подъехали к лагерю, он сказал, резюмируя разговор, из которого не слышал ни слова:

— Да, так гораздо лучше.

Его глаза светились состраданием и любовью ко всему живому: добрейший человек, которому я даже в свои лучшие минуты в подметки не годился. Он протянул мне табакерку: обычный, в общем, снафф, за исключением пары фирменных добавок Арапа Майны. Я захватил в щепоть добрую порцию и отправил под верхнюю губу.

Ни один из нас с утра не пил. Мтука от холода горбил спину и хохлился, как журавль. Небо затянули низкие облака. Я вернул Мтуке табакерку, и он сказал:

— Вакамба ту.

Мы оба это знали, и добавить было нечего; он принялся укрывать машину, а я ушел к палатке.

— Как Шамба? — спросила мисс Мэри.

— В порядке. Холодно у них.

— Моя помощь нужна?

«Ах ты мой добрый котенок», — подумал я и ответил:

— Нет, спасибо. На днях привезу Вдове аптечку, научу пользоваться. А то у детей глаза гноятся, позор для вакамба.

— И для кого угодно.

— Пойду переговорю с Арапом Майной. Передай, пожалуйста, Мвинди, чтобы приготовил ванну.

Я рассказал Арапу Майне, как лев сегодня утром уходил в лес с набитым брюхом. Арап Майна заключил, что в эту ночь лев на охоту не выйдет, да и львицы тоже, хотя насчет их уверенности не было. Я признался, что подумывал подстрелить какую-нибудь дичь и подбросить тушу льву в качестве приманки. Арап Майна возразил, что лев для таких фокусов слишком умен.

В Африке люди большую часть времени проводят в разговорах. Так обстоят дела везде, где грамотность невысока. Однако стоит начаться

охоте, и болтовня прекращается, все понимают друг друга без слов; к тому же язык в жару присыхает к гортани, особо не поболтаешь. Накануне вечером, правда, все говорят весьма оживленно, строят планы, которые чем детальнее, тем меньше от них пользы.

Ночью, когда все уже спали, лев показал, чего стоят наши планы. Сперва он подал голос к северу от аэродрома, затем начал неторопливо перемещаться. Чуть погодя к нему присоединился лев помельче. Некоторое время было тихо, а потом вдруг заговорили гиены, и по их хохочущим голосам я понял, что львы не остались без ужина. Визгливый хор сменился звуками короткой схватки — очевидно, львы делили добычу — и тут же возобновился с новой силой.

— А вы с Арапом Майной говорили, что сегодня он на охоту не пойдет, — пробормотала Мэри сквозь сон.

— Да, кто-то кого-то загрыз, — ответил я.

— Утром расскажете друг другу об этом. А сейчас мне надо выспаться, а то опять буду не в духе.

Глава седьмая

Я еще управлялся с ветчиной, яйцами, жареным хлебом, кофе и джемом, а Мэри уже приканчивала вторую чашку кофе; настроение у нее было боевое.

— Мы когда-нибудь сдвинемся с мертвой точки?

— Сдвинемся.

— Он каждое утро нас дурачит и может вечно продолжать.

— Не может. Будем выманивать его все дальше и дальше; он ошибется, и ты его убьешь.

После обеда мы провели операцию против бабуинов. Они разоряли окрестные шамбы, и в наши обязанности входил контроль их популяции. Делали мы это весьма дурацким способом: настигали бабуинские банды в чистом поле и вели по ним беспорядочный огонь, пока они улепетывали в ближайшую чащу. Детали я опущу, чтобы не бесить защитников животных. Скажу только, что эти злобные твари не имели шанса на нас напасть, и когда я к ним приближался, их внушительные собачьи челюсти были сведены судорогой смерти.

Вернувшись в лагерь с четырьмя обезображенными трупами, мы обнаружили, что Джи-Си уже прибыл — запыленный, изможденный и довольный жизнью.

— Добрый день, генерал! — Он заглянул в кузов и улыбнулся. — Бабуинчики? Ну-ну. Две парочки. Красавцы! Закажешь чучела у Роланда Уорда?

— Конечно, групповую инсталляцию. В центре мы с тобой, по краям они.

— Как поживаете? Как мисс Мэри?

— Ты что, ее не видел?

— Она ушла на прогулку с Чаро.

— У нее все в порядке. Нервничает из-за льва, но боевой дух на высоте.

— А у меня нет. Выпьем?

— Самое дело после бабуинов.

— Планируем устроить на них большую облаву. — Джи-Си снял пыльный берет и достал пухлый конверт из кармана. — Вот, ознакомься и заучи свою роль.

Пока я читал план операции, он подозвал Нгуи и распорядился насчет выпивки. Я проглядел бумаги по диагонали, пропуская все, что не имело отношения к нам или требовало работы с картой.

— Разумный план.

— Ничего подобного, — возразил Джи-Си. — Хотя мой боевой дух упал не из-за этого. Такие вещи его только поддерживают.

— Чем же обусловлен упадок? Трудностями морально-этического плана?

— Скорее трудностями социальной адаптации.

— Могу поспорить, ты был эталоном трудного подростка. У тебя тараканов больше, чем у персонажей Генри Джеймса.

— Да уж, Гамлет отдыхает. Кстати, в детстве я был пай-мальчиком. Веселый общительный толстячок.

— Мэри сегодня тебя вспоминала. Хорошо бы, говорит, Джи-Си вернулся к обеду.

— Мудрая женщина.

Две фигурки одинакового роста как раз возвращались в лагерь, пересекая зеленую лужайку: черный как ночь Чаро в старом засаленном тюрбане и синей куртке и фарфоровая блондинка Мэри в защитном комбинезоне, слишком темном на фоне свежей травы. Мэри шла налегке, весело щебеча; Чаро нес ее ружье и толстый справочник по орнитологии. Вместе они напоминали пару коверных из цирка Медрано.

Джи-Си вышел из умывальной без рубашки; его торс казался белоснежным в сравнении с

буро-розовой кожей шеи и лица.

— Посмотри на них! Обворожительная парочка.

— Это мы привыкли, а представляешь, как на свежий взгляд?

— Через неделю их в траве не будет видно. Сейчас уже по колено.

— Не наезжай на траву, ей всего три дня.

— Привет, мисс Мэри! — прокричал Джи-Си. — Что новенького?

— Да вот, антилопу гну застрелила. — Мэри гордо выпятила грудь.

— Неужели? И кто тебе разрешил?

— Чаро. Он сказал: пристрели ее. У нее нога была сломана, жуткий перелом.

Чаро сунул справочник под мышку и похлопал себя по бедру, показывая, где перелом.

— Мы подумали: вам же все равно нужна приманка, — продолжала Мэри. — Ты сам говорил. Она вон там осталась, рядом с дорогой. Мы даже слышали, как ты проехал, только не видели из-за травы.

— Правильно сделала, что пристрелила ее. И приманка нам действительно нужна. Только зачем ты охотишься в одиночку?

— Ничего я не охотилась. Просто птичек на-

блюдала, у меня целый список. Чаро меня бы и не повел туда, где водятся злобные звери. И вдруг смотрю: антилопа гну! Глаза такие печальные, и нога в ужасном состоянии, кость наружу торчит. Чаро сказал: пристрели ее. Ну, я и пристрелила.

— Мемсаиб пига. Куфа!

— Попала точно за ухо.

— Пига! Куфа! — повторил Чаро, и они с мисс Мэри гордо переглянулись.

— Первый раз я убила кого-то сама, без тебя, Папа, или Отца.

— Отважная мисс Мэри, позвольте вас поцеловать! — сказал Джи-Си.

— Конечно. Только я вся потная…

Мэри поцеловалась сначала с Джи-Си, потом со мной.

— Я бы и Чаро поцеловала, — вздохнула она, — но понимаю, что не положено. Представляете, импала нас облаяли, прямо как собаки! Нас с Чаро ни одна живая тварь не боится. — Она пожала Чаро руку, и тот удалился к нашей палатке с книгой и ружьем. — Пойду умоюсь. Джи-Си, ты душка! Спасибо, что не стал ругать за антилопу.

— Сейчас пошлем за тушей грузовик, отвезем куда нужно.

Джи-Си ушел переодеваться, я тоже направился

к себе. В палатке Мэри умылась мылом «сафари» и переодевалась, предварительно понюхав свежую рубашку, выстиранную мылом другого сорта и высушенную на солнце. Обычно мы любили наблюдать друг за другом во время купания, но сейчас в лагере был Джи-Си, и я испытывал нечто вроде неловкости. Усевшись у входа на стуле, я стал читать. Мэри подошла сзади и обняла меня.

— Все в порядке, дорогая?

— Нет… Знаешь, я так горжусь собой, и Чаро тоже гордится. Всего один выстрел, и звук такой — шлеп! — как мячик по стене, когда в сквош играешь. Бедняжка, наверное, ничего не услышала. Чаро мне пожал руку… Ты должен понимать, для меня это много значит: впервые что-то сделать без подстраховки, со всей ответственностью. Поэтому Джи-Си меня и поцеловал.

— Тебя каждый рад поцеловать.

— Если я позволю. И вообще, это разные вещи. Одно дело самой напроситься, а другое — вот так, спонтанно.

— А почему ты грустишь, котенок?

— Сам знаешь. Не делай вид, что не знаешь.

— Понятия не имею, — солгал я.

— Я ведь целилась в плечо, прямо в центр. Она стояла всего в двадцати ярдах: большая, черная,

аж глянцевая. Вот так, вполоборота. И глаза такие печальные, как будто вот-вот заплачет. В жизни ничего печальнее не видела. И эта нога ужасная… И морда такая длинная, грустная… Я ведь не обязана рассказывать Джи-Си?

— Нет, конечно.

— Я и тебе могла не говорить. Но нам с тобой на льва охотиться, а я теперь опять в свои силы не верю, все псу под хвост.

— Перестань, ты отлично стреляешь. Для меня честь ходить с тобой на охоту.

— Самое ужасное в том, что я ведь могу стрелять как надо. Ты прекрасно знаешь.

— Котенок, я каждый твой удачный выстрел помню. Во всем Эскондино с тобой никто не мог сравниться!

— Я опять должна поверить в свои силы. А ты должен помочь. Правда, времени совсем мало.

— Уверенность вернется, куда денется. А Джи-Си мы ничего не скажем.

Мы отправили грузовик за убитой антилопой. Когда он вернулся, Джи-Си и я залезли в кузов, чтобы осмотреть тушу. Мертвые антилопы гну довольно-таки неприглядны, и эта не была исключением: пыльная, бесформенная груда с нелепыми серыми рогами.

— Выстрел красивый, но крайне пижонский, — комментировал Джи-Си.

У антилопы изо рта торчал язык, тоже весь пыльный, и глаза подернулись глянцем. Небольшое отверстие виднелось аккурат за ухом, у самого основания черепа.

— Интересно, куда она целилась на самом деле…

— Говорит, там и двадцати ярдов не было. Имела право целиться куда угодно.

— По идее, должна была стрелять в плечо.

Я промолчал. Пудрить Джи-Си мозги было бесполезно, даже пытаться не стоило: он бы не простил.

— А что перелом? — спросил я.

— Может, машина ночью ударила. Кто знает.

— По-твоему, давно?

— Дня два минимум. Вон, уже черви завелись.

— Значит, где-то выше по склону случилось. Здесь ночью никто не проезжал, мы бы услышали. Снизу она бы точно не поднялась, на такой-то ноге.

— Не суди по себе, — сказал Джи-Си. — Это антилопа, а не человек.

Грузовик подогнали к большому дереву, служившему коновязью. Джи-Си переговорил со

старшим егерем и объяснил, куда отвезти приманку. Тушу следовало подвесить на дереве недалеко от дороги, чтобы львы могли дотянуться, а гиены нет. По пути ее следовало протащить мимо того места, где львы последний раз кормились. Джи-Си велел своим людям поторапливаться и по исполнении возвращаться в лагерь. Мои люди управились с приманкой для бабуинов, и я попросил Мтуку хорошенько вымыть машину. Он ответил, что уже съездил к ручью и все сделал.

Потом мы по очереди приняли ванну. Первой помылась Мэри; я помог ей управиться с большим полотенцем и подал противомоскитные сапоги. Она набросила халат поверх пижамы и пошла к костру, чтобы выпить за компанию с Джи-Си, прежде чем повара начнут готовить ужин. Я присоединился к ним. Мвинди выглянул из палатки и позвал:

— Ванна, бвана!

Я принес в палатку недопитый стакан, сбросил одежду, погрузился в горячую воду и расслабился. Мвинди готовил пижаму, халат и противомоскитные сапоги.

— Что говорят старики? — спросил я. — Что лев будет делать сегодня ночью?

— Кейти говорит, лев либо возьмет приманку,

либо нет. А что скажет бвана?

— То же, что и Кейти.

— Кейти говорит, ты мганга, делаешь учави на льва.

— Только самую малость, чтобы понять, когда он умрет.

— И когда он умрет?

— В следующие три дня. Точной даты не видно.

— Мзури. Может, завтра.

— Не думаю. Хотя не исключено.

— Кейти тоже не думает.

— А что он думает?

— В следующие три дня.

— Мзури. Полотенце, пожалуйста.

— У тебя под рукой. Хочешь, подам?

— Извини, — сказал я. И подумал, что в языке суахили нет слова «извини».

— Хапана извини. Просто говорю, где полотенце? Хочешь, вытру спину?

— Спасибо, не надо.

— Здоровье хорошо?

— Да, а что?

— Хапана что. Спросил, чтобы знать.

— Чувствую себя отлично.

Я выбрался из ванны и стал вытираться. Мне

хотелось сказать, что я чувствую себя хорошо, расслабленно и немного сонливо, что разговаривать мне лень, что свежее мясо я люблю больше, чем спагетти, но для этого, увы, приходится убивать; что я беспокоюсь о троих своих сыновьях, а еще о Шамбе, и чуть-чуть о Джи-Си, и очень сильно о Мэри; что я никакой не колдун, а просто шарлатан, хотя и не больший, чем все остальные; что мистер Сингх, дай Бог, будет вести себя осторожнее, и наши рождественские планы осуществятся, и я раздобуду патронов с пулями весом 220 гран, и Сименон начнет писать медленнее и лучше. Не знаю, о чем беседовали Кейти и Отец, когда последний принимал ванну. Очевидно, Мвинди просто хотел поддержать дружеский разговор, против чего я обычно не возражал, но сегодня я чувствовал необъяснимую усталость, и от Мвинди это не ускользнуло.

— Спроси меня кикамба, — сказал он.

Я поспрашивал его, как будет то и это на языке камба, и постарался запомнить новые слова, а потом поблагодарил его и пошел к костру, и сидел там в старой пижаме из Айдахо, в противомоскитных сапогах из Гонконга, в халате из Пендлтона, штат Орегон, со стаканом виски и содовой, причем виски было налито из бутылки,

подаренной мне на Рождество мистером Сингхом, а содовая приготовлена из кипяченой воды, взятой в горном ручье на склоне Килиманджаро и газированной при помощи сифонного баллончика, сделанного в Найроби.

Я пил и думал, что всегда останусь иностранцем в этой стране. Но виски сказало «нет», и спорить было глупо. Виски тоже может ошибаться, да еще как, однако в этот вечерний час оно говорило правду: я не был здесь иностранцем. Так или иначе, противомоскитные сапоги я повсюду таскал с собой, потому что они были сделаны из страусиной кожи, и я вспомнил, как нашел эту кожу в одной из сапожных мастерских Гонконга. Хотя нет, первым ее нашел не я, а другой человек, и я стал думать о нем и о тех временах, а заодно и о женщинах, которые были со мной в Африке, и как мне везло на женщин, искренне любивших Африку. Я, впрочем, знавал и других, скверных женщин, что приезжали сюда для галочки, а также чистокровных стерв и настоящих алкоголичек, которым Африка служила удобной декорацией для стервозности и пьянства.

Африка всех приняла и постаралась изменить. И те, кто не смог измениться, возненавидели ее.

* * *

Мы с Мэри были рады, что в лагерь вернулся Джи-Си. Он и сам радовался, потому что мы успели сродниться и скучали друг без друга. Он любил свою работу и верил в ее нужность чуть ли не до фанатизма. Еще он любил диких зверей и пытался их защитить. Больше он, пожалуй, ни во что не верил, если не считать довольно жесткой и сложной системы морально-этических ценностей.

Джи-Си был чуть младше моего старшего сына, и если бы двадцать лет назад я поехал, как и собирался, в Аддис-Абебу, чтобы пожить там год и написать книгу, то наверняка встретил бы его двенадцатилетним подростком, потому что его лучший друг был сыном моих знакомых, у которых я намеревался остановиться. Но поездка сорвалась, вместо меня в Аддис-Абебу отправились войска Муссолини, и человека, предлагавшего мне кров, перебросили на другой дипломатический пост, поэтому с Джи-Си я познакомился гораздо позже. К тому времени у него за плечами уже была, во-первых, длинная, тяжелая и крайне безотрадная война, а во-вторых, утраченный британский протекторат, в котором началась его блестящая карьера. На войне он

был командиром ополчения — дрянной расклад, если у тебя есть совесть. Выиграешь сражение с малыми потерями, нанеся противнику значительный урон, — и командование обвинит тебя в неоправданной жестокости; ценой большой крови разобьешь превосходящие силы противника — и прослывешь мясником, которому не жаль своих людей.

Честному человеку на посту командира ополчения не светит ничего, кроме неприятностей; остаться в живых — и то большая удача, и еще не факт, что не позавидуешь погибшим.

Когда я впервые встретил Джи-Си, он уже преуспел на новом поприще в другой британской колонии и не жалел о прошлом. За спагетти и красным вином он рассказал, как один свеженазначенный британский чиновник отчитал его за грубое слово, произнесенное в присутствии дамы, которая впоследствии оказалась чиновничьей супругой. Мне было досадно, что Джи-Си приходится иметь дело с подобными людьми. На первых поколениях «джентльменов в пробковых шлемах» кто только не топтался, однако новую формацию этих господ толком не описал никто, за исключением Оруэлла в «Днях в Бирме» и отчасти Ивлина Во в «Черной напасти». Я

посетовал, что Оруэлла нет в живых, и рассказал Джи-Си, как встретил его в Париже в 1945 году, после Арденнской операции. Оруэлл явился ко мне в гражданской одежде, в 117-й номер гостиницы «Ритц», где я держал небольшой арсенал, и попросил взаймы пистолет, потому что «они» за ним следили. Он хотел что-нибудь миниатюрное, незаметное под одеждой, и я удовлетворил его просьбу, предупредив, что человек, в которого он выстрелит, в конце концов, наверное, умрет, но ждать придется долго. Тем не менее пистолет есть пистолет да и Оруэллу, я полагал, он был нужен скорее как талисман.

Оруэлл выглядел изможденным и взвинченным, и я пригласил его отобедать. Он отказался, сославшись на спешку. Я предложил ему в охрану пару крепких парней. Он поблагодарил и сказал, что, кроме пистолета, ему ничего не надо. Мы обменялись парой слов об общих знакомых, и Оруэлл откланялся. Я поручил двум парням провести его от гостиницы и проверить, есть ли слежка. На следующий день мне доложили:

— Папа, за объектом слежки нет. Он довольно подвижен и отлично знает Париж. Мы навели справки у такого-то и у брата такого-то — похоже, объект никого не интересует. У него есть связи в

британском посольстве, однако ничьим агентом он не является. Информация неофициальная, но надежная. Хотите подробную сводку перемещений?

— Ни к чему, — сказал я. — Надеюсь, он весело проводит время?

— Да, Папа.

— Я рад за него. Наблюдение снимите. Пистолет у него теперь есть.

— Да, знатный пистолет, — хмыкнул один из парней. — Впрочем, вы его предостерегли.

— Верно, мог бы взять что-нибудь посерьезнее.

— Ручной пулемет, например.

— Да ну, — сказал второй парень. — Пулемет слишком заметен. Пистолетик в самый раз.

На этом тема была закрыта.

Джи-Си страдал от бессонницы и, случалось, читал всю ночь напролет. Дома в Каджиадо у него была отличная библиотека. Я, в свою очередь, привез в лагерь здоровенную холщовую сумку, набитую книгами — их впоследствии расставили по импровизированным полкам, сделанным из пустых коробок. Кроме того, в Найроби при отеле «Нью-Стэнли» был неплохой книжный магазин, а в нескольких кварталах — еще один, и каждый раз, приезжая в город, я закупал ин-

тересные новинки. Для Джи-Си чтение было идеальным средством, от бессонницы, увы, не излечивающим, и фонарь в его палатке зачастую горел до утра. Высокий официальный статус и классическое воспитание не позволяли ему путаться с местными женщинами. Он, впрочем, никогда не находил их привлекательными, и они, насколько я знал, платили ему тем же. Была, однако, девушка, мусульманка индийского происхождения, милейшее и нежнейшее создание, которая любила его искренне и безнадежно. Она убедила Джи-Си, что в него влюблена ее сестра, которую домашние держали в строжайшем затворничестве, и от имени сестры писала ему записки и передавала подарки. Это был грустный и очень целомудренный расклад, которому сопереживали все, кроме Джи-Си; он, конечно, был приветлив с несчастной девушкой, когда приходил в лавку ее родителей, но не более того. В Найроби у него хватало белых подружек; впрочем, я с ним на эту тему не разговаривал; может, с Мэри он был более откровенен, хотя никто из нас троих по большому счету не имел привычки сплетничать о сердечных делах.

В Шамбе ситуация была иной: книг не читали, радио не слушали, оставалось только чесать

языки. Я неоднократно спрашивал у Вдовы и у ее дочери, которая решила, что хочет быть моей женой, почему они не любят Джи-Си. Сперва они отмалчивались, а потом Вдова заявила, что об этом неприлично говорить. В конце концов выяснилось, что дело в запахе. Все люди с моим цветом кожи, по мнению местных, жутко воняли.

Помню, мы сидели под деревом на берегу реки, поджидая бабуинов, что должны были появиться с минуты на минуту.

— Но бвана старший егерь совсем не воняет! — протестовал я. — От него пахнет очень даже приятно.

— Хапана! — упорствовала Вдова. — Ты другой. От тебя пахнет шамбой. От тебя пахнет копченой кожей. От тебя пахнет помбе.

Я ненавидел запах помбе и сомневался, что готов принять это за комплимент.

Дебба прислонилась к моей просоленной от пота рубашке, потерлась головой о плечо, затем передвинулась вперед и подставила макушку для поцелуя.

— Видишь? — продолжала Вдова. — Ты пахнешь как Нгуи.

— Нгуи, это правда?

— Я не знаю, как от меня пахнет. Ни один чело-

век не знает. А от тебя пахнет как от Мтуки.

Нгуи сидел по другую сторону дерева, привалившись головой к стволу и высоко подняв колени. Его копье лежало рядом. Он внимательно наблюдал за ручьем.

— Вдова, поговори с Нгуи.

— Нет, — ответила она. — Я смотрю за дочерью.

Ее дочь играла моей кобурой, положив голову мне на колени. Ей хотелось, чтобы я провел пальцами по ее носу, очертил губы, подбородок, коснулся лба и висков вдоль линии волос, подбритых в квадратную скобку, затем погладил уши и макушку. На большее можно было не рассчитывать, когда рядом сидела Вдова, но и это было большим счастьем. Дебба тоже могла меня трогать, если осторожно.

— Мозольки у тебя красивые.

— Буду хорошей женой.

— Скажи, чтобы Вдова ушла.

— Нет.

— Почему?

Она объяснила, и я опять поцеловал ее в макушку. Ее рука нежно подняла мою и положила куда нужно. Я придвинулся и положил туда же вторую руку.

— Нет, — сказала Вдова.

— Хапана ту. — Дебба перевернулась на живот и пробормотала что-то непонятное на кикамба. Нгуи смотрел на ручей вниз по течению, а я вверх. Вдова улеглась под деревом, излучая волны неутолимой скорби. Я дотянулся до прислоненной к стволу винтовки и положил ее у правой ноги.

— Спи, ту, — сказал я.

— Нет. Спать буду ночью.

— Спи сейчас.

— Не хочу. Можно трогать?

— Можно.

— Как вторая жена?

— Как жена с красивыми мозольками.

Она опять сказала что-то непонятное, и Нгуи ответил:

— Квенда на лагерь.

— Мне нельзя уходить, — заявила Вдова, однако поднялась и пошла вслед за Нгуи, который удалялся своей беспечной походкой, отбрасывая длинную тень. Нагнав его, она переговорила с ним на кикамба, затем вернулась и заняла пост тремя деревьями ниже по течению.

— Ушли? — спросила Дебба.

Я кивнул. Она придвинулась ближе, мы обня-

лись и стали целоваться, медленно и осторожно. Ей нравилось играть, исследовать, наблюдать за моей реакцией, рассматривать шрамы, сжимать мочки ушей в тех местах, где ей хотелось, чтобы у меня были серьги. Ее уши тоже не были проколоты, и она просила меня показать, где их лучше проколоть, и я целовал те места и тихонько покусывал.

— Сильнее, — шептала она. — Кусай, как собака.

— Нет.

Она слегка прикусила мне мочку, намечая место; это было очень приятно.

— Почему не проколоты?

— Не знаю. У нас не принято.

— Лучше проколоть. Честнее.

— Все еще впереди.

— И позади много хорошего. Я хочу быть настоящей женой, полезной. Не игрушечной, не временной, которую бросают.

— Кто же тебя бросит?

— Ты.

Я уже отмечал, что в языке камба не существует таких слов, как «люблю» и «прости». Поэтому я перешел на испанский и сказал, что люблю ее сильно-сильно, от ступней до макушки, и мы

посчитали все местечки на этом пути, и каждому из них я признался в любви, не солгав ни единой буквой, и нам обоим было очень хорошо.

Мы лежали под деревом, прислушиваясь, не идут ли к ручью бабуины, и незаметно задремали — и я проснулся от того, что Вдова шептала мне на ухо:

— Ньяньи…

Отряд бабуинов готовился форсировать поток в мелком месте. Мы лежали в тени; бабуины нас не видели и не чуяли. Они бесшумно выкатились из кустов и приступили к переправе. Впереди двигались три крупных матерых самца во главе с исполинским вожаком. Головы бабуинов со скошенными лбами, вытянутыми мордами и тяжелыми челюстями качались из стороны в сторону; я видел могучие мускулы, грузные плечи и вялые хвосты на крепких жирных задах. Самки и молодняк держались позади и только начали выходить из кустов.

Дебба очень медленно и тихо откатилась прочь. Я осторожно поднял винтовку и оттянул курок, придерживая спусковой крючок, чтобы не было щелчка.

Прицелившись под лопатку старому вожаку, я нежно потянул спуск — и услышал, как пуля

шмякнула в мясо. Зевать было некогда: перекатившись, я вскочил на ноги и открыл огонь по оставшимся самцам. Они улепетывали друг за другом, перепрыгивая с камня на камень. Я сперва повалил первого, затем второго, когда тот перепрыгивал через труп, — и повернулся посмотреть, что с вожаком. Он лежал в воде ничком. Самец, которому досталась последняя пуля, истошно верещал; я выстрелил и прикончил его. Остальные уже скрылись в кустах. Пока я перезаряжал, подошла Дебба и попросила подержать винтовку. Я разрешил. Она взяла на караул, пародируя Арапа Майну, и сказала:

— Была холодная, а стала горячая.

На выстрелы пришли обитатели Шамбы, среди них были Стукач и Нгуи; последний держал копье, и пахло от него характерно. Стало быть, в лагерь не пошел, подумал я, узнав запах помбе.

— Три трупа, — комментировал Нгуи. — Всё важные генералы. Генерал Бурма. Генерал Корея. Генерал Малайа. Буона нотте.

Выражение «буона нотте» он выучил, когда служил в КАР в Абиссинии. Дебба хмуро разглядывала лежавшие в воде трупы бабуинов — зрелище было не из приятных. Нгуи подошел и забрал у нее винтовку, которую она держала с

рассеянной небрежностью. Я велел Стукачу организовать людей, чтобы вытащить трупы из ручья и усадить в живописных позах у забора. Позже их можно было подвесить на шестах в назидание другим либо использовать в качестве приманки.

Стукач принялся распоряжаться. Дебба отрешенно следила, как люди волокут и сажают у ограды тяжелые тела с длиннющими руками, безобразными животами, свирепыми мордами и жуткими челюстями. Один труп запрокинул голову, как беспечный мечтатель; два других сгорбились, словно пригорюнившись. Полюбовавшись на них, мы направились к Шамбе, где ждала машина. Впереди шагали я и Нгуи; винтовку он вернул мне. Стукач держался сбоку и чуть позади, а за ним шли Вдова и Дебба.

— Знатные генералы, — говорил Нгуи. — Важные генералы. Квенда на лагерь?

— Стукач, старина, как самочувствие? — спросил я.

— Что самочувствие, брат? У меня разбито сердце.

— Как так?

— Вдова.

— Замечательная женщина.

— Это верно. Однако она хочет, чтобы ее покро-

вителем был ты. А меня третирует и унижает. Хочет жить у тебя с малышом, о котором в стране Майито я заботился, как родной отец. Хочет быть с Деббой, когда та станет вспомогательной женой при леди мисс Мэри. Об этом каждому известно, и Вдова не скрывает.

— Плохо дело.

— Деббе не следовало нести твою винтовку.

При этих словах Нгуи посмотрел на него.

— Она не несла, просто подержала.

— Ей не следует трогать.

— Это чье мнение? Твое?

— Что ты, брат! Нет, конечно. Об этом говорят в деревне.

— Так передай, чтоб заткнулись, а то сниму опеку. — Я понимал, что заявлениям такого рода грош цена, но Стукачу, по большому счету, цена была не выше. — И потом, не прошло и получаса, у тебя не было времени узнать, что говорят в деревне. Не пытайся быть интриганом.

А то закончишь как интриган, подумал я.

Мы вошли в Шамбу и увидели ладные хижины, красную землю и большое священное дерево. Сын Вдовы подбежал, уткнулся мне в живот и ждал поцелуя в макушку. Я погладил его и вместо поцелуя дал ему шиллинг. Тут мне пришло на

ум, что Стукач получает шестьдесят восемь в месяц и один шиллинг — это почти половина его дневного заработка. Подозвав его, я пошарил в нагрудном кармане, выудил несколько слипшихся от пота десятишиллинговых банкнот, отделил две и протянул ему:

— Вот, возьми. И не болтай чепухи, кто там что держит. Здесь такие мужчины, что и ночного горшка не удержат.

— А разве я говорил, что удержат, брат?

— Купи подарок Вдове. И докладывай все, что происходит в городе.

— Сегодня уже поздно ехать.

— Иди к дороге, дождись англо-масайского грузовика.

— А если не дождусь, брат?

Я отдал должное его служебному рвению. Обычно в таких случаях он говорил: «Слушаю, брат!» А на следующий день: «Грузовик не пришел, брат».

— Тогда поедешь на рассвете.

На душе у меня скребли кошки: было жаль и Вдову, и Стукача, и всех жителей Шамбы с их надеждами и чаяниями. Мы сели в машину и уехали, не оглядываясь.

Это было за несколько дней до дождя, когда еще не вернулся лев; я вспомнил об этом лишь пото-

му, что мне стало жалко Джи-Си, который, в силу привычки, или морального кодекса, или просто по желанию, жил на сафари в одиночестве и всю ночь напролет читал.

Одной из его настольных книг был роман Алана Патона «Слишком поздно, бекас». Я эту книгу прочел с трудом: ее библейский выспренний стиль и чудовищная концентрация набожности вызывали у меня чуть не физиологическое отторжение. Складывалось впечатление, что набожность автору подвозили в бетономешалке и подавали по лесам в тяжелых ведрах, а он щедро заливал ею тщедушный сюжетный каркас; речь шла уже не о привкусе или легком душке, а о жирном радужном пятне, которое расплывалось на душе читателя после первых же страниц, как после крушения танкера. Джи-Си, однако, утверждал, что книга стоящая, и я мужественно ломился сквозь нее, решительно не понимая, зачем я трачу время на этих тупых, фанатичных, чудовищных патоновских персонажей, снедаемых жгучим стыдом из-за запрета на межрасовые браки, введенного в ЮАР в 1927 году. И, только перевернув последнюю страницу, я осознал, что Джи-Си был прав: изначальная цель Патона заключалась в том, чтобы показать нам таких вот набожных уродцев

во всем их безобразии, но, поскольку собственной набожности ему было не занимать, он не мог им не сочувствовать и так упорно и изобретательно пытался их оправдать, что в конце концов выдал им полный карт-бланш.

Джи-Си и Мэри увлеченно говорили о городе под названием Лондон, который я знал большей частью понаслышке и с которым вживую познакомился при весьма аномальных обстоятельствах, поэтому я слушал их разговор и думал о Париже — он, слава богу, был мне знаком при всех мыслимых и немыслимых обстоятельствах. Я любил его безмерно и знал настолько хорошо, что избегал о нем говорить, делая исключение только для близких друзей, живших в Париже в старые добрые времена. В те времена у каждого из нас имелось свое кафе. Туда можно было пойти и спокойно посидеть в одиночестве, потому что тебя никто не знал, кроме официантов. У всех, кто любил Париж, было два или три таких секретных кафе — очень удобно. В одном из них ты работал. Туда тебе доставляли почту, которую ты не хотел получать на домашний адрес. Туда можно было прийти рано утром и выпить на террасе эспрессо с бриошью, а когда в углу возле окна приготовят стол, переместиться туда и работать, пока офи-

цианты скребут, драят и полируют кафе. Хорошо, когда рядом трудятся другие, это настраивает на рабочий лад. Время идет, кафе понемногу заполняется клиентами; ты расплачиваешься за полбутылки «Виши» и направляешься по набережной в другое секретное кафе, где пьешь аперитив и обедаешь. Если хочется пообщаться, идешь в кафе или ресторан, где собираются знакомые.

Самые лучшие секретные местечки отыскивал француз Майк Уард. Он прекрасно знал Париж и любил его, как никто другой. Обнаружив новое кафе, он тотчас устраивал там вечеринку, чтобы отметить столь важное событие. Мы с ним отыскивали места, балансирующие на грани банкротства, с подходящим винным погребом и хорошим поваром, чаще всего алкоголиком; успешные заведения с большой клиентурой не годились на роль секретных кафе. Чарли Суини постоянно совершал эту ошибку. Стоило ему обнаружить новое место, как оно начинало бешено набирать обороты, и скоро уже приходилось стоять в очереди, чтобы получить столик. В целом, однако, Чарли свято соблюдал этикет секретных кафе и хранил чужие тайны.

Существовали также вспомогательные кафе,

служившие местом полуденных встреч, деловых или дружеских. Иногда такие встречи проходили на твоей территории, иногда кафе выбирала другая сторона. На встречу можно было прийти с подружкой; разумеется, по предварительной договоренности. Подружкам надлежало иметь постоянную работу, иначе их никто не принимал всерьез. Только полные идиоты содержали своих подружек. Отягощенные проблемами бездельницы никому не были нужны, днем у людей и так хватало забот. Если девушка имела надежный заработок и хотела быть твоей подружкой — это считалось нормальным. Она давала тебе ночи, а ты кормил ее по вечерам, одаривал безделушками и помогал, если требовалось. Я нечасто приводил своих подружек на встречи с Чарли. Он, напротив, постоянно являлся с красивыми скромными девушками, неизменно работающими, безукоризненно вымуштрованными. В то время моей подружкой была моя консьержка. Я никогда прежде не состоял в связи с консьержкой, и новизна ситуации меня вдохновляла. Главным достоинством моей подружки было то, что она не могла отлучиться с работы даже по вечерам. Когда я снял квартиру в доме, где она работала, к ней захаживал офицер Республиканской

гвардии: усищи, медали, плюмаж на шлеме, все как положено. Его казарма была в двух шагах от дома, и свою возлюбленную он навещал в строго определенные часы. Чрезвычайно достойный человек. Мы обращались друг к другу не иначе как «месье».

Я не был влюблен в свою консьержку; просто мне было очень одиноко по ночам, и, когда она впервые поднялась в мою мансарду (я оставил ключ в замочной скважине), сбросила туфли на мягкой войлочной подошве, улеглась на кровать, стоявшую у окна, из которого открывался чудесный вид на кладбище Монпарнас, и спросила, люблю ли я ее, я вежливо ответил:

— Разумеется.

— Я так и знала, — ответила она. — Только не могла осмелиться.

Она быстро разделась. Я стоял у окна и смотрел на залитое луной кладбище. Консьержка не пахла, как пахнут женщины Шамбы, но была чистоплотна, и хрупкость ее скорее всего объяснялась скудным питанием. Потом мы отдали должное волшебному пейзажу, на который перед этим не обращали внимания, хотя он каждую ночь стоял у меня перед глазами, и внизу хлопнула дверь (вернулся последний жилец, комментировала

она), и мы лежали, обнявшись, и она клялась, что никогда по-настоящему не любила красивого офицера Республиканской гвардии. Я сказал, что офицер производит впечатление мужественного и порядочного человека, *un brave homme et treàs gentil*, и, судя по всему, отлично смотрится верхом на лошади. Консьержка ответила, что она не лошадь, и вообще все гораздо сложнее.

Итак, Мэри и Джи-Си говорили о Лондоне, а я вспоминал о Париже и думал, что мы все воспитаны по-разному, хотя каким-то чудом находим общий язык, и что Джи-Си очень одинок, особенно по ночам, и что иметь в женах такую замечательную женщину, как Мэри, — большое счастье, и что я непременно распутаюсь с Шамбой и постараюсь быть хорошим мужем.

— Что отмалчиваешься, господин генерал? — спросил Джи-Си. — Тебе с нами скучно?

— Мне не бывает скучно с молодежью. Слушаю вашу беззаботную болтовню и забываю, что сам уже стар и никому не нужен.

— Чушь! — сказал Джи-Си. — В самом деле, о чем ты думал с таким сосредоточенным видом? Уж не о том ли, что день грядущий нам готовит?

— Если бы я об этом думал, у меня в палатке целую ночь горел бы свет, тебе ли не знать.

— Гребаную чушь пороть изволите, господин генерал.

— Ах, не надо таких слов! — воскликнула Мэри. — Мой муж деликатный человек и не переносит резкого обращения.

— Ну вот, хоть чем-то его можно пронять. Приятно обнаружить в пропащем человеке светлую черточку.

— Он ее тщательно скрывает. О чем ты думал, дорогой?

— Об офицере Республиканской гвардии.

— Вот видишь! — воскликнул Джи-Си. — Я всегда говорил, что в нем есть что-то деликатное, даже нежное. Человек раскрывается в самый неожиданный момент. Это такая прустианская черта. Скажи, он хорошенький? Не стесняйся, мы толерантные люди.

— Кстати, Папа и Пруст жили в одной гостинице, — заметила Мэри. — Правда, Папа утверждает, что в разное время.

— Как знать, может, там все и началось.

Джи-Си был в ударе, от давешнего уныния не осталось и следа, и Мэри с ее редким даром забывать о насущных проблемах тоже была вполне счастлива. Такой очаровательной и аутентичной избирательной памяти, как у нее, я никогда преж-

де не встречал. Мы могли разругаться вдрызг, а уже через пару дней она начисто и совершенно искренне об этом забывала. Правда, механизм избирательности не всегда работал в ее пользу: Мэри прощала не только себя, но и оппонента. Она была странной женщиной, и я ее очень любил. Из недостатков я мог отметить только два: во-первых, маленький рост, не позволявший охотиться на льва в высокой траве, а во-вторых, излишняя жалость к животным, из-за которой она дергала спуск, допуская нелепые промахи. Последний недостаток меня ничуть не раздражал, я даже находил его привлекательным. Мэри, однако, это здорово мешало. Умом она понимала, зачем мы убиваем животных, и соглашалась с необходимостью, и даже научилась находить в этом удовольствие, убедив себя, что никогда не поднимет руку на красивых созданий, например импалу, а ограничится убийством безобразных или опасных чудовищ. После шести месяцев ежедневной охоты она искренне полюбила это по большому счету постыдное и в то же время, если соблюдать определенный этикет, весьма благородное занятие, однако некая часть ее подсознания была слишком добра и раз за разом заставляла ее дергать спуск. Я любил Мэри за

это, и моя любовь была той же природы, что и антипатия, которую вызывали у меня женщины, работающие на бойне или усыпляющие собак и покалеченных скаковых лошадей.

— Как же звали того кавалериста? — спросил Джи-Си. — Альбертин?

— Его звали Месье.

— Папа водит нас за нос, мисс Мэри.

Они опять заговорили про Лондон. Я тоже задумался об этом городе — в сущности, неплохом, но слишком шумном и извращенном. Он был мне чужим. Мысли вновь перескочили на Париж — тут я мог до бесконечности смаковать каждую деталь. На самом деле и я, и Джи-Си просто волновались за Мэри и ее льва, только выражалось это по-разному. В такого рода охоте не было ничего сложного или экстраординарного, но Мэри гонялась за своим львом слишком долго, и мне хотелось, чтобы сага поскорее закончилась.

Наконец, когда ночные дуды, как мы собирательно называли жучков, паучков, бабочек, комаров и прочих насекомых, устелили пол палатки густым слоем, так что при ходьбе раздавался легкий хруст, мы отправились спать.

— Насчет завтра не волнуйся, — сказал я Джи-Си на прощание.

— Погоди минутку.

Мы остановились на полпути к его палатке; Мэри уже ушла к себе.

— Куда она метила, когда убивала несчастную антилопу гну?

— Разве она не сказала?

— Нет.

— Иди спать, Джи-Си. Наш выход во втором акте, в любом случае.

— А нельзя как-нибудь попроще? Типа, нормальные муж и жена?

— Никак. Чаро об этом уже месяц просит.

— Твоей супругой нельзя не восхищаться. Ты и сам иногда заслуживаешь восхищения.

— Короче, все в восхищении. Королева в восхищении.

— Спокойной ночи, адмирал.

— Придвинь подзорную трубу к моему слепому глазу, Харди, и поцелуй меня в задницу.

— Линия фронта с другой стороны, адмирал.

В этот момент заревел лев. Мы с Джи-Си обменялись рукопожатием.

— Возмущается, что ты неточно процитировал адмирала Нельсона, — сказал он.

— Его достали разговоры о Лондоне.

— Он сегодня в голосе. Спать, адмирал.

Ночью лев ревел еще несколько раз. Потом я провалился в сон — и Мвинди уже дергал одеяло:

— Чай, бвана.

Снаружи было темно, кто-то возился с костром. Я разбудил Мэри, предложил ей чаю. Она чувствовала себя отвратительно: тошнота, спазмы.

— Может, отменим?

— Нет, ерунда. После чая все пройдет.

— Дадим ему лишний день отдыха. И нам не помешает.

— Просто подожди чуть-чуть, я приду в норму.

Я пошел в умывальную, обмылся холодной водой, протер глаза борным спиртом, оделся и вернулся к костру. Джи-Си брился у входа в свою палатку.

— Мэри чувствует себя неважно, — сообщил я.

— Бедняжка.

— Все равно хочет ехать.

— Кто бы сомневался.

— Как спалось?

— Нормально. А тебе?

— Отлично выспался. Как думаешь, почему он рычал?

— Не знаю. Обходил владения, пробовал голос.

— Разговорчивый зверь. Пиво будешь?

— Не повредит.

Я пошел за пивом и стаканами и по пути увидел Мэри — она выбралась из палатки и спешила в туалет. Я решил подождать. Она вышла, но через несколько шагов вернулась обратно.

— Как себя чувствуешь, малыш? — спросил я, когда она пришла к костру с чашкой чая.

— Отвратительно. У нас есть лекарства?

— Они все вызывают сонливость. Есть террамицин. Помогает хорошо, но будешь ходить как вареная.

— И почему именно сейчас, когда лев рыщет в двух шагах?!

— Не переживай, мисс Мэри, — сказал Джи-Си. — И ты поправишься, и он страх потеряет.

— Я хочу его добыть сегодня!

Она была совсем не в форме; я видел, как ее накрывают волны боли.

— Дорогая, серьезно, давай отменим. И лев отдохнет. Это всем пойдет на пользу. Расслабишься, поправишься. Джи-Си задержится на пару дней.

У нее за спиной Джи-Си помотал ладонью в знак отрицания.

— Это же твой лев, — продолжал я, — куда ему деться. Отдохни, наберись сил, чтобы не промахнуться. Он с каждым днем будет все смелее. Если

поедем сегодня, можем все испортить.

Я сходил к джипу и сказал, что охота отменяется. Затем разыскал Кейти у общего костра. Кейти был в курсе, но из деликатности молчал.

— Мемсаиб больна, — сообщил я.

— Знаю.

— Наверное, вчерашнее спагетти. Или дизентерия.

— Думаю, спагетти.

— Мясо старое.

— Может, один кусочек, в темноте.

— Подождем, пока Мемсаиб поправится, оставим льва в покое. Пускай осмелеет.

— Мзури, — сказал Кейти. — Поли-поли. Ты добывай свежее мясо, лучше птица, квали или канга. Мбебия вари бульон для Мемсаиб.

Выждав несколько часов, чтобы у льва — если он взял приманку — была возможность насытиться и уйти в чащу, мы с Джи-Си выехали на разведку на «лендровере».

Я поставил машину в тени под деревом и попросил у Нгуи бутылку. Она была завернута в мокрую тряпицу и с ночи не успела нагреться. Мы по очереди пили из горлышка, поглядывая на покрытую засохшей грязью равнину, где бродили миниатюрные газели Томпсона и плавно двига-

лись черные антилопы гну, и зебры, сделавшиеся бледно-серыми в утреннем свете, пересекали грязевой простор, направляясь к пастбищам у подножия холмов Чулу, что темно-синей массой громоздились на горизонте и казались сегодня особенно далекими. Великая вершина, напротив, казалась особенно близкой, словно нависшей над лагерем, и ее снега тяжко сверкали на солнце.

— Может, поставим Мэри на ходули? — сказал я. — Не будет мешать высокая трава.

— Охотничий регламент не запрещает.

— А еще лучше, пусть Чаро ходит за ней со стремянкой. Знаешь, как в библиотеке, чтобы книжки с верхних полок доставать.

— Отличная мысль, — одобрил Джи-Си. — Перила обмотаем чем-нибудь мягким, будет облокачиваться при стрельбе.

— Не слишком громоздко?

— Это уже проблемы Чаро.

— Зрелище, конечно, захватывающее. Надо еще вентилятор установить.

— Лучше всю конструкцию сделать в виде гигантского вентилятора, — вдохновился Джи-Си. — Правда, тогда ее классифицируют как транспортное средство, — нарушение закона.

— А мы будем катить, — предложил я. — А мисс

Мэри пускай бежит внутри, как белка. Это тоже незаконно?

— Все, что катится, подпадает под определение транспортного средства.

— Я при ходьбе тоже перекатываюсь с боку на бок.

— Значит, ты транспортное средство. Подлежишь изъятию. Я обязан тебя у тебя изъять, а тебя посадить на шесть месяцев.

— Страшно жить на свете, Джи-Си.

— Умеренность и аккуратность — краеугольные камни нашего благосостояния.

— Там еще осталось?

— По глотку.

Глава восьмая

День, когда Мэри наконец добыла льва, был чудо как хорош — главным образом потому, что Мэри добыла льва. В остальном это был самый заурядный день.

Ночью распустились белые цветочки, и в предрассветном полумраке луга напоминали снежное поле, озаренное луной. Солнце еще не взошло, а Мэри уже полностью экипировалась и даже правый рукав не забыла закатать. Когда мы с Джи-Си подошли, она осматривала свой «манлихер» и на наше приветствие хмуро отвечала, что чувствует себя неважно. Судя по всему, она не лгала, и мы решили воздержаться от шуток. Не представляю, что она могла иметь против Джи-Си; разве что его легкомыслие перед лицом серьезной и трудоемкой задачи. В том, что она дулась на меня, ничего необычного не было. Вот и славно, подумал я, будет метче стрелять. У меня была теория, что ее нелепые промахи обусловлены чрезмерной мягкостью сердца. Охотники бывают разные. Одни стреляют играючи, легко и непринужденно; другие бьют с чудовищной быстротой, за доли секунды успевая прицелиться и положить пулю

в цель с точностью опытного хирурга; третьи стреляют механически и отрешенно, как автоматы, пока процессу не помешает что-нибудь непредвиденное. В это утро Мэри, судя по всему, намеревалась стрелять с убийственной точностью, опираясь на презрение к легкомысленным субъектам, прикрываясь дурным самочувствием, на которое можно сослаться в случае промаха, и подпитываясь мрачной и твердой решимостью довести дело до конца. Это был новый подход, и меня он вполне устраивал.

Мы стояли возле джипа и ждали рассвета. Держались деловито и решительно, с некоторыми вариациями. Нгуи, ненавидевший ранние подъемы, был деловит, решителен и хмур. Чаро был деловит, решителен и сдержанно-весел, как дальний родственник на похоронах. Мтука был просто счастлив и любовался живописным восходом из защитного кокона своей глухоты.

Прирожденные охотники, мы предвкушали близкую охоту, и это было прекрасное чувство. О нем написаны горы околомистической чепухи, в которой тем не менее есть доля истины, ибо охота древнее, чем религия. Люди делятся на охотников и остальных. Мисс Мэри, несомненно, была охотницей, отважной и обаятельной, одна-

ко приобщилась к этому занятию не в детстве, а гораздо позже, и многие привычные нам ощущения были для нее шокирующим откровением, как первая течка для кошки. Она считала их неким сакральным знанием, которое доступно только нам, избранным.

Мы, четверо старых охотников, отслеживали ее рост с самого начала, ступень за ступенью, наблюдали превращение слабой женщины в эффективную смерть-машину, способную на протяжении многих месяцев неутомимо и самозабвенно охотиться за живым существом, невзирая на объективные трудности, — и теперь вели себя как квадрилья юного матадора. Если матадор серьезен, квадрилья тоже должна быть серьезной. Квадрилья знает слабые и сильные стороны своего матадора; она неоднократно в нем разочаровывалась, — и всякий раз ему удавалось вернуть доверие. Сейчас, сидя в машине и ожидая, когда рассветет и можно будет выступать, мы ждали начала корриды. Наш матадор был торжественно-серьезен, а значит, были торжественно-серьезны и мы, потому что, как ни странно, любили своего матадора. А матадор чувствовал себя неважно. Его следовало оберегать, поддерживать и по мере сил облегчать его

задачу. И в то же время, сидя в машине и окончательно избавляясь от остатков сна, мы были по-охотничьи счастливы. Возможно, это высшая форма счастья: предвкушение неизменно свежего, непредсказуемого нового дня, и Мэри, будучи охотником, не могла этого не чувствовать.

Ее, однако, тяготил добавочный груз: в благородном деле абсолютного убийства ее наставлял и опекал сам Отец. Она была его последней и любимой ученицей, и ему удалось привить ей особую этику, которую до сих пор не восприняла ни одна женщина; благодаря его учению Мэри охотилась на льва, руководствуясь не практическими соображениями, а неким идеальным шаблоном. Под хрупкой женской оболочкой старый мастер разглядел дух бойцового петуха и гуманного убийцы, единственный недостаток которого — некоторая непредсказуемость стрельбы, и Мэри, получив такое благословение, обязана была следовать Священному Пути. Увы, ассистировали ей я и Джи-Си, причем ни один из нас не разделял привитую ей этику в полной мере. И вот сегодня она вновь выходила на корриду, которая постоянно откладывалась.

Мтука кивнул, соглашаясь со мной, что уже достаточно светло. Мы тронулись и поехали через

спрыснутое белыми цветочками поле, еще вчера равномерно зеленевшее. По левую руку был перелесок с высокой жухлой травой на опушке; поравнявшись с ним, Мтука плавно затормозил. Не говоря ни слова, он повернул голову — показались стреловидные ритуальные шрамы на щеке. Я проследил направление его взгляда. Рассекая высокую траву, к нам неторопливо приближался исполинский черногривый лев. Плотная желтая трава скрывала его тело, возвышалась только огромная голова.

— Предлагаю тихонько проехать мимо и вернуться в лагерь, — шепнул я Джи-Си.

— Согласен, — шепнул он в ответ.

Пока мы говорили, лев развернулся и пошел в лес. Его движение можно было отследить по волнению травы.

В лагере за завтраком Мэри сказала, что понимает, почему мы вернулись, и вполне согласна с необходимостью такого решения. Ее корриду, однако, вновь отменили, и нам это очков не прибавляло. Самочувствие Мэри оставляло желать лучшего. Мне было жалко на нее смотреть, хотелось как-то снять напряжение. Говорить, что лев наконец сделал ошибку, смысла не было. И я, и Джи-Си понимали: теперь он в наших руках.

Всю ночь он ничего не ел, а утром вышел проверить, нет ли приманки. Теперь он лежит в чаще голодный и выйдет на охоту еще засветло, если целый день будет тихо. По крайней мере мы на это рассчитывали. Джи-Си должен был завтра уехать, оставив Мэри на мое попечение. Меня это не особо беспокоило: лев сделал грубейшую ошибку, поменял старый проверенный график, и я не сомневался, что мы его добудем. К тому же охотиться вдвоем с Мэри было даже приятнее, хотя с Джи-Си я чувствовал себя, конечно, надежнее: в конце концов, как справедливо заметил Джи-Си, от осложнений никто не застрахован, а я не был идиотом и не горел желанием оказаться в опасной ситуации наедине с любимой женщиной. В воображении я давно нарисовал и отточил до мелочей, как все произойдет: Мэри попадет аккурат куда следует, и лев послушно перекатится кверху лапами, как делали на моих глазах сотни застреленных наповал животных. Если попробует встать, я всажу в него две пули. Вот и все дела. Мэри будет счастлива, что сама убила великого льва, а мои выстрелы лишь сыграли роль пунтильи, и мы проживем много лет в любви и согласии и умрем в один день, аминь.

Через живописное поле, покрытое белыми

цветочками, в лагерь въехал здоровенный «ленд-ровер» одной из последних моделей, каких мы еще ни разу не видели. За рулем сидел красно-лицый человек среднего роста в выцветшей полицейской форме цвета хаки. Он был покрыт дорожной пылью, только белые лучики морщи-нок разбегались из углов глаз.

— Хозяева дома? — осведомился гость, войдя в столовую и сняв фуражку.

— Дома, — ответил я, разглядывая машину в дверной проем палатки. — Как поживаете, ми-стер Гарри?

— Отлично.

— Присаживайтесь, я распоряжусь насчет вы-пивки. Надеюсь, останетесь ночевать?

Он сел, вытянул ноги и с наслаждением повел плечами.

— Никакой выпивки. Нормальные люди в та-кую рань не пьют.

— Одну бутылочку.

— Ну, если составите компанию…

Я налил ему пива; мы чокнулись. Я с удоволь-ствием наблюдал, как в его смертельно уставших глазах зажигается улыбка.

— Ваши вещи отнесут к Пэту, вон в ту зеленую палатку. Она сейчас пустая.

Гарри Данн был скромен, трудолюбив, справедлив и беспощаден. Он любил Африку и хорошо понимал ее жителей. Расклад был прост: ему платили жалованье, чтобы он поддерживал порядок и беспрекословно выполнял приказы. Его характер был редким сплавом твердости с деликатностью, без примеси мстительности, ненависти, глупости или сентиментальности. В этой стране затаенных обид он ни на кого не таил обиды, и я ни разу не видел, чтобы он проявил мелочность. Стоя на страже закона во времена коррупции, истерии, ненависти и садизма, Гарри Данн каждый день выкладывался без остатка, не ожидая повышения по службе, потому что знал свое место и свой потолок. Мисс Мэри называла его ходячей крепостью.

— Как сафари? Не скучаете?

— Отнюдь.

— Слухами земля полнится. Что за история с леопардом, которого надо убить до Рождества?

— Это из-за статьи в иллюстрированном журнале. Мы ее сдали в сентябре, когда еще не были с вами знакомы. С нами был фотограф, он много наснимал, а я написал коротенький текст и подписи к фотографиям. Там был роскошный снимок леопарда, которого я убил. Только леопард был

не мой.

— Это как?

— Мы охотились на крупного льва, чертовски умного, — на другом берегу Ивасо-Ньиро, за Магади, в предгорьях.

— Не мой участок.

— Мы шли по следам, и мой друг взобрался с оруженосцем на небольшую скалу, чтобы сверху высмотреть льва. А лев предназначался Мэри, потому что мы с другом уже добыли каждый по льву. И вдруг я слышу, он начинает палить — бах-бах! В пыли кто-то заревел и упал. Оказалось, здоровенный леопард. А пыль такая густая, целая туча, ни черта не видно, только слышен рык. И непонятно, в какую сторону он выпрыгнет. Мейито, мой друг, дважды его задел со скалы. Я стреляю наугад в центр пылевого облака и быстро смещаюсь вправо, потому что по логике вещей он должен прыгнуть туда. И тут из пыли высовывается голова — рычит, матерится. Я ему бац в шею, он падает, пыль оседает. Прямо перестрелка на Диком Западе. Только у леопарда оружия не было. Зато он находился очень близко и запросто мог кого-нибудь порвать. Фотограф нащелкал снимков: сначала леопард и Мейито, потом групповой, потом леопард и я. Удачнее всех вышел

я, и журнал, естественно, захотел этот снимок напечатать. Я сказал «о'кей», но только после того, как я сам добуду аналогичного леопарда. Уже три раза пытался, пока безуспешно.

— Не знал, что у вас так строго.

— Увы, этика очень жесткая, практически закон. Право первой крови, все такое.

К полудню Арап Майна и младший егерь донесли, что две львицы и молодой лев успешно поохотились на дальней границе солончака. Приманка осталась нетронутой, только гиены ее слегка покусали, и два разведчика подняли мясо повыше. Вокруг на деревьях в изобилии сидели птицы, что было весьма кстати: до висящей приманки они добраться не могли, зато служили хорошим ориентиром для нашего льва. Всю ночь он ничего не ел, был голоден, и следовало ожидать, что если днем его не беспокоить, то вечером он непременно выйдет из укрытия.

За поздним обедом Мэри была весела и приветлива со всеми, а меня даже спросила, не хочу ли я добавки. Когда я вежливо отказался, она заметила, что лишний кусок мяса не повредит, ибо пьющий человек должен хорошо питаться. Эту старую как мир истину муссировали авторы большой статьи в номере «Ридерз дайджест»,

который мы прочли от корки до корки, потому что он лежал в туалете. Я отвечал, что решил честно и твердо следовать пути беззаветного алкоголика, не прибегая к дешевым уловкам, и в качестве примера привел Черчилля, который пил вдвое больше меня, если верить свидетельствам очевидцев, и в результате получил Нобелевскую премию по литературе. Если я возьму его за образец и поработаю над увеличением литража, то и мне, быть может, достанется высокая награда.

Джи-Си заявил, что Нобелевская премия, считай, у меня в кармане, причем ее присудят за одно бахвальство, поскольку Черчиллю она досталась главным образом за ораторское искусство. А если не за бахвальство, добавил он, то уж точно за вклад в развитие религии и заботу о местных жителях. Мэри предположила, что если я буду хоть иногда что-нибудь писать, то есть доля вероятности, что премию все же дадут за литературу. Меня это чрезвычайно растрогало, и я тотчас же поклялся, что, когда она добудет льва, я начну писать ежедневно, лишь бы ей угодить. Она ответила, что это ей, несомненно, будет приятно. Джи-Си поинтересовался, не намерен ли я написать эссе о мистической природе Африки на языке суахили, и прибавил, что уступит мне взаймы

англо-суахильский разговорник, незаменимую для серьезного писателя вещь. Мэри сказала, что разговорник у нас уже есть; тем не менее она настоятельно советует писать по-английски. Я возразил, что если в качестве тренировки регулярно конспектировать разговорник, то мой стиль несомненно улучшится. Она ответила, что, перепиши я хоть десять разговорников, все равно двух слов связать не смогу, что письменно, что устно. Я вынужден был признать ее правоту.

— Посмотри на Отца: прекрасно говорит на суахили! И Джи-Си тоже. А ты… просто позор! Ни разу не встречала человека, который бы прожил в стране столько времени и не удосужился выучить язык.

Я мог возразить в свое оправдание, что сперва делал неплохие успехи в суахили, однако мне не хватило ума остаться в Африке; вместо этого я зачем-то вернулся в Америку, где принялся различными способами заглушать ностальгию по Африке. А потом началась Испанская война, в которую я втянулся всерьез и надолго, и только спустя много лет мне удалось наконец вернуться в Африку, порвав путы ответственности, которые налипают на нас незаметно, как легкая паутина, но держат крепче стальных тросов.

За столом все смеялись, подтрунивали друг над другом, и я тоже шутил, стараясь держаться скромно и особо не дразнить мисс Мэри, чтобы не портить ей настроение перед охотой. При этом я налегал на сухой сидр «Балмер», замечательный напиток, большие квартовые фляги которого привозил из Каджиадо Джи-Си. Просыпаясь по ночам, я пил его вместо воды. Очаровательная кузина моей жены подарила нам две рукодельные квадратные подушечки, набитые сосновыми иголками; одну из них я обычно подкладывал под затылок. Она пахла штатом Мичиган, запах я помнил с детства, он придавал уют любому ночлегу, особенно вдали от дома. Сухой сидр тоже пах Мичиганом; я вспоминал старую яблокодробилку, дверь которой никогда не запирали, только подбивали деревянным клином; вспоминал запах мешков для отжима сока, развешанных для просушки на глубоких ваннах, где фермеры, привозившие фургоны яблок, оставляли долю дробильщика. Под плотиной был глубокий пруд, в мельничном колесе шумела вода, и при известном терпении можно было поймать форель; добычу я складывал в большую плетеную вершу, стоявшую в тени, и покрывал листьями папоротника, а потом шел внутрь, снимал с гвоздя

жестяную кружку, приподнимал мешковину над одной из ванн, зачерпывал густой сидр и пил.

Мэри наконец расслабилась, и я надеялся, что лев вечером выйдет на открытое место и она его уложит наповал и будет счастлива до конца своих дней. Мы закончили трапезу и дружно решили вздремнуть; я вызвался разбудить Мэри, когда придет время ехать на охоту.

Она уснула, едва коснувшись головой подушки. Полог палатки был откинут, и с вершины тянуло свежим бризом. Обычно мы спали ногами к выходу, но сейчас я перенес подушку на другую сторону, подмостил сверху подушечку с сосновыми иголками, разулся, снял штаны, взял книгу и улегся головой к свету. Книга была очень хорошей, ее написал Джеральд Хенли, автор другой очень хорошей книги под названием «Собрание на закате». Мой выбор был не случаен: книга рассказывала про льва, наделавшего много бед и убившего практически всех значимых героев. Мы с Джи-Си читали ее по утрам в туалете, чтобы зарядиться энергией на день. Пару-тройку второстепенных персонажей лев все-таки пощадил, однако их ждали другие несчастья, не менее жуткие, так что все было в порядке. У Хенли был безупречный слог, и его истории служили

отличной приправой к охоте на львов. Я только однажды видел, как лев нападает на человека, и это произвело сильное впечатление; мне и сейчас не по себе, когда вспоминаю. Я читал книгу очень медленно, растягивая удовольствие. Дело двигалось к развязке; мне хотелось, чтобы лев загрыз главного героя или, на худой конец, Старого Майора: оба были крайне положительными и благородными фигурами, а он уже давно не убивал персонажей первого эшелона. Мои надежды, можно сказать, оправдались: лев прикончил другого героя, не менее важного и положительного.

Я решил отложить финал на потом и, надев штаны и обувшись, отправился посмотреть, не проснулся ли Джи-Си. Перед входом в его палатку я покашлял, подобно Стукачу.

— Заходи, генерал, — отозвался Джи-Си.

— Подожду снаружи. Дом человека — его крепость, — сказал я. — Готов к встрече с кровожадным хищником?

— Рано еще. Мэри проснулась?

— Спит. Что читаешь?

— Линдберга. Отличная вещь. А ты?

— «Год льва». Готовлюсь к предстоящей встрече.

— Ты ее уже месяц читаешь.

— Шесть недель, если быть точным. Лучше расскажи о мистическом очаровании свободного полета.

Тогда мы оба отчего-то увлеклись мистическим очарованием свободного полета, и мне это было в новинку: на мистическое очарование свободного полета у меня сформировался стойкий иммунитет еще в 1945 году, когда я вернулся домой на древнем еле дышащем «Би-17».

В должное время я разбудил Мэри; наши оруженосцы достали из-под кровати ее винтовку и мое тяжелое орудие и проверяли боеприпасы: патроны с полуоболочечными и цельнооболочечными пулями.

— Вставай, дорогая, он вышел. Пора его брать.

— Уже так поздно…

— Не беспокойся ни о чем. Просто собирайся и садись в машину.

— Мне надо обуться!

Я помог ей зашнуровать ботинки.

— Где моя чертова шапка?

— Вот твоя чертова шапка. Иди к ближайшему «лендроверу». Пешком, не беги. И не думай ни о чем, только лев и твоя винтовка.

— Что-то ты разговорился. Оставь меня в покое.

Мтука сел за руль, Мэри и Джи-Си расположились рядом; Нгуи, Чаро и я залезли в открытый кузов, где сидел егерь. Я проверил заряды в патроннике, в магазине «спрингфилда» калибра 7,62 и у себя в карманах — и зубочисткой принялся выковыривать сор из апертуры целика. Мэри держала винтовку вертикально; я видел черный блестящий ствол с примотанной изолентой прицельной планкой и нелепую шляпу на затылке.

Заходящее солнце висело над холмами. Мы проехали цветочный луг и двигались на север по старой колее, идущей параллельно лесу. Где-то справа был наш лев. Машина остановилась, все вышли, только Мтука остался за рулем. Львиные следы уходили вправо к небольшой рощице, а дальше виднелось одинокое дерево, на котором висела приманка, скрытая листвой. Льва возле приманки не было; стервятников, впрочем, тоже — они сидели на соседних деревьях. Я посмотрел на низкое солнце: света оставалось минут на десять. Нгуи взобрался на муравейник и внимательно оглядывал окрестности. Держа руку возле самого лица, он едва заметно указал вперед и сбежал вниз.

— Хико-хуко. Совсем рядом. Мзури машина.

Джи-Си и я одновременно посмотрели на солн-

це.

Джи-Си помахал рукой, подзывая Мтуку. Мы забрались в машину, и Джи-Си показал, куда ехать.

— А где он? — спросила Мэри.

Джи-Си положил руку Мтуке на плечо; машина остановилась.

— Машину оставим здесь, — сказал Джи-Си, обращаясь к Мэри. — Он, по-видимому, сидит вон там, в рощице. Папа будет держать левый фланг, чтобы лев не ушел в лес. Мы с тобой пойдем прямо на него.

В свете солнца, еще не скрывшегося за холмами, мы двигались туда, где должен был сидеть лев. Нгуи следовал за мной. Справа от нас шла Мэри, за ней Джи-Си, а за ним Чаро. Они направлялись прямо к рощице, опушенной густым кустарником. Я уже видел льва и потихоньку забирал влево. Лев наблюдал за нами, и мне мельком подумалось, что на этот раз он влип по-настоящему. С каждым шагом я отрезал его от надежного укрытия, столько раз служившего ему верой и правдой. Вариантов у него было немного: бежать на меня либо атаковать Мэри и Джи-Си, чего он делать явно не собирался, пока не был ранен, либо искать убежища в рощице, лежавшей в

четырехстах пятидесяти ярдах к северу. Но тогда ему пришлось бы пересекать открытое место.

Я решил, что уже достаточно взял влево, и начал сокращать дистанцию. Лев стоял в кустах, доходивших ему до середины бедра; бросив взгляд в мою сторону, он опять сосредоточился на Мэри и Джи-Си. Чудовищная черная голова была под стать телу, мощному и необычайно длинному. Я не знал, насколько близко Джи-Си намерен подвести Мэри. На них я даже не смотрел: все внимание сосредоточилось на льве. Я ждал выстрела. Дистанция была идеальной: достаточно далеко, чтобы успеть его уложить, если он меня атакует, и в то же время достаточно близко, чтобы не промахнуться, если он вдруг решит броситься на них. Последнее, впрочем, было маловероятно: я не сомневался, что лев, будучи ранен, побежит в мою сторону, ведь спасительный лес был у меня за спиной.

Уже пора стрелять, думал я. Ближе, наверное, не стоит. Или Джи-Си хочет подвести ее ближе?.. Я скосил глаза, стараясь не потерять льва из виду. Мэри, похоже, хотела стрелять, но Джи-Си не давал. Ко льву они, впрочем, не приближались, из чего я сделал вывод, что на линии огня находится какая-то помеха — ветки или кусты. Солнце

напоролось на вершину холма, и окрас львиной шкуры тотчас изменился. Освещение было подходящим для стрельбы, но все понимали, что долго это не продлится. Лев едва заметно сдвинулся вправо, не спуская глаз с Мэри и Джи-Си. Выстрела все не было. Лев сместился еще немного — и тут я услышал грохот и сухой шлепок пули. Мэри не промахнулась. Лев прыгнул в кусты и тут же появился с другой стороны, направляясь на север, к дальней рощице. Мэри выстрелила вдогонку и, кажется, снова попала. Лев удирал большими прыжками, огромная голова моталась на бегу. Я выстрелил: пуля выбила фонтанчик пыли позади него. Взяв с упреждением, я выстрелил еще раз — опять недолет. Тут ударила двустволка Джи-Си, тоже подняв пыль. Я поймал зверя в прицел, сделал упреждение побольше — и увидел фонтанчик впереди. Лев бежал тяжело, в движениях чувствовалась обреченность, но дистанция увеличивалась, и шансы его росли. Взяв на мушку маленькое удаляющееся пятнышко, я плавно повел стволом вверх, нажал спуск — фонтанчика уже не было, и лев заскользил на брюхе, вздымая пыль передними лапами. Донесся шлепок пули. Нгуи хлопнул меня по спине и приобнял за плечи. Лев барахтался, пытаясь подняться, и Джи-Си

повалил его на бок ударом из двух стволов.

Я подошел к Мэри и поцеловал ее. Она счастливо улыбалась, но что-то было не так.

— Ты выстрелил раньше меня.

— Зачем ты так говоришь, дорогая? Первый выстрел был твой, и ты попала. Неужели я стал бы стрелять после всех этих месяцев ожидания!

— Ндио. Мемсаиб пига, — подтвердил подошедший Чаро.

— Вот видишь! Конечно, ты попала. Сначала в ногу, потом еще раз.

— Но убил его ты.

— Нельзя же было допустить, чтобы он, раненный, ушел в кусты.

— И все равно ты выстрелил первый. К чему отпираться?

— Неправда. Спроси у Джи-Си.

Мы шли к тому месту, где лежал поверженный лев. Идти было долго, и по мере приближения труп казался больше и мертвее. Солнце практически скрылось, быстро темнело, освещение уже не годилось для стрельбы. Я чувствовал себя выжатым как лимон и совершенно разбитым. И у меня, и у Джи-Си одежда промокла от пота.

— Конечно, ты была первой, Мэри! — говорил Джи-Си. — Папаша открыл огонь позже, когда

лев выбежал на открытое место. Ты в него попала дважды.

— А почему ты не дал мне стрелять, когда он стоял неподвижно и таращился на меня?

— На линии огня были ветки, пуля могла отклониться. Поэтому я велел подождать.

— А потом он отступил в сторону.

— Все правильно. Переместился, и ты смогла его подстрелить.

— Я правда была первой?

— Ну разумеется! Никому бы и в голову не пришло стрелять раньше тебя.

— Ты только так говоришь, чтобы я не огорчалась.

Чаро уже доводилось наблюдать подобные сцены.

— Пига! — крикнул он свирепо. — Пига, Мемсаиб! ПИГА!

Я пихнул Нгуи локтем и кивнул в сторону Чаро и Мэри. Он подошел к ним и пробурчал:

— Пига, пига, Мемсаиб! Пига били.

Джи-Си чуть приотстал, и мы пошли рядом.

— Что, в пот бросило? — спросил я.

— Какое же ты взял упреждение, сукин ты сын?

— Полтора фута. Может, два. Навесом, как из

арбалета.

— Надо будет дистанцию замерить, когда назад пойдем.

— Все равно никто не поверит.

— Ты поверишь, я поверю. Кто еще нужен?

— Иди к ней, убеди, что она стреляла первой.

— Пацаны уже убедили. А ведь ты ему хребет перебил.

— Я знаю.

— Заметил, какая была задержка между выстрелом и звуком удара?

— Да, да. Иди к ней.

Нас догнал «лендровер».

Мы стояли над убитым львом, который безраздельно принадлежал Мэри, — теперь она в этом убедилась и могла разглядеть, какой он рослый, смуглый и прекрасный. По шкуре ползали верблюжьи кровососки, желтые глаза еще не затуманились. Я запустил руку в тяжелую темную гриву. Мтука вылез из машины, подошел к Мэри, стоявшей возле льва на коленях, и пожал ей руку.

По равнине приближался грузовик: в лагере услышали стрельбу, и Кейти выехал со всем персоналом, оставив для охраны двоих часовых. Когда люди высыпали из кузова, распевая

«львиную песню», у Мэри не осталось никаких сомнений относительно того, кто добыл великого льва. На своем веку я повидал немало застреленных львов и посетил немало посвященных этому событию торжеств, однако сегодняшний случай был особым, и мне хотелось, чтобы Мэри испила чашу сполна.

До рощицы, где надеялся укрыться лев, было совсем близко, и я пошел туда, чтобы осмотреть ее, пока окончательно не стемнело. Забеги он в эти заросли, до которых ему оставалось каких-нибудь шестьдесят ярдов, и нам с Джи-Си пришлось бы его оттуда выкуривать, да еще в темноте. Думать об этом не хотелось, и я вернулся к машинам, где уже разгоралось празднество. Джи-Си щелкал фотоаппаратом, а Мэри позировала рядом с трупом в свете фар грузовика и «лендровера». Нгуи достал из «лендровера» «Джинни» и передал мне. Слегка пригубив, я вернул ему фляжку. Он отхлебнул и помотал головой:

— Пига!

Мы оба рассмеялись. Я взял у него фляжку и глотнул по-человечески, чувствуя, как отпускает напряжение, — словно старая кожа слезает со змеи. Вплоть до этого момента мне не верилось, что мы наконец добыли льва. Умом я, конечно,

все понял, как только с немыслимой дистанции навесным выстрелом перешиб ему хребет и Нгуи хлопнул меня по спине; однако, пока мы подходили к трупу и спорили с Мэри, моя душа пребывала в оцепенении, как после атаки. И только сейчас, выпив джина, я ощутил все разом, как будто включили свет и звук: и закипающее торжество, и дурацкую фотосессию, столь же ненавистную, сколь и необходимую, без должного освещения, без вспышки, без профессионального фотографа, который сумел бы великого льва обессмертить, и сияющее лицо мисс Мэри в свете фар, и невообразимо огромную, в обрамлении черной гривы, львиную голову, слишком тяжелую для Мэри, безуспешно пытающейся ее поднять, и жадную пустоту внутри, словно в квартире, откуда съехал жилец, и жутковато зияющую улыбку Кейти, который, склонившись, трепал роскошную мертвую гриву, и по-птичьи разноголосое улюлюканье на языке камба, и общую гордость и радостное осознание, что лев по праву принадлежит нам, и в первую очередь Мэри, потому что она охотилась за ним многие месяцы и попала в него сама, первым же выстрелом, без посторонней помощи, и теперь стоит в свете фар, скромно и тихо сияя, как светлый ангел, и все ее любят

даже больше, чем убитого льва, — и наконец позволил себе расслабиться.

Кейти, которому Чаро и Нгуи успели рассказать, как все произошло, подошел и пожал мне руку.

— Мзури сана, бвана! Учави ту.

— Просто повезло, — ответил я, искренне в это веря.

— Не везение, — возразил он. — Мзури, мзури! Учави кубва сана.

Тут я вспомнил свое пророчество, что лев умрет сегодня вечером, и подумал, что все завершилось и Мэри победила, и мы собрались в кружок — и Нгуи, и Мтука, и оруженосец Отца, и остальные последователи моего культа — и смеялись, качая головой, и Нгуи совал мне «Джинни». Сами они не пили, а лишь подносили фляжку к губам, откладывая удовольствие до возвращения в лагерь, где ждало пиво, но меня непременно хотели напоить. Мэри, уже закончившая фотосессию, увидела, чем мы занимаемся, и попросила фляжку. Отхлебнув, она передала ее Джи-Си. Когда «Джинни» вернулась ко мне, я хлебнул и улегся возле льва, и говорил с ним тихо по-испански, прося прощения за то, что мы его убили, и трогал его раны. Ран было четыре. Мэри попала сперва в лапу, потом в бедро. Моя пуля угодила

в спину. Джи-Си проделал большую дыру в боку, чуть позади плеча. Пока я лежал и извинялся по-испански и гладил его шкуру, верблюжьи кровососки потихоньку перебирались на меня; пришлось пальцем на песке нарисовать перед его носом рыбу, а потом затереть ладонью.

По пути в лагерь Чаро, Нгуи и я молчали. Мэри еще разок спросила Джи-Си, кто выстрелил первым, я или она. Он ответил, что льва добыла она, ее выстрел был первым, такие вещи никогда не проходят гладко и, когда зверь ранен, его непременно следует добить; нам еще крупно повезло, и надо радоваться, а не сомневаться. Я понимал, однако, что радость ее как пришла, так и уйдет, потому что случилось совсем не то, чего она так страстно хотела, боялась и ждала на протяжении последних шести месяцев. Я очень ее жалел, тем более что остальным было, в сущности, наплевать, а для Мэри это несоответствие было самым главным. И в то же время я знал, что ничего не изменить и, доведись нам еще раз пережить эту охоту, все произошло бы точно так же. Джи-Си подвел ее к цели так близко, как на его месте не отважился бы никто, но он был отличным стрелком и имел на это право. В случае нападения раненого льва Джи-Си успевал сделать только

один выстрел. Его огромная двустволка была столь же убийственна на коротких дистанциях, сколь бесполезна на длинных; на эту тему даже не шутили. Подводить Мэри на такое расстояние было чудовищным риском, который мы оба понимали, и я хорошо помнил, как на аналогичной дистанции она дала погрешность в восемнадцать дюймов при стрельбе по живой мишени. Сейчас было не время разбирать прошлые ошибки, однако тот эпизод помнили и Чаро, и Нгуи, а мне он стоил нескольких бессонных ночей. Так или иначе, лев сделал ставку на дальние заросли, где у него были неплохие шансы прихватить с собой хотя бы одного, и ему, надо сказать, едва не удалось сорвать банк. Он был не глуп и, уж конечно, не труслив; просто пытался перенести последний бой туда, где условия были в его пользу.

Вернувшись в лагерь, мы расселись вокруг костра на раскладных стульях, вытянули ноги к огню и пили из высоких стаканов. Кого нам не хватало, так это Отца. Я приказал Кейти выдать людям пива и принялся ждать неизбежного. И оно пришло, как пенный горный поток в пересохшее русло; пацанам надо было только решить, кто понесет мисс Мэри. Шумная танцующая волна вакамба нахлынула из-за палаток, и все

утонуло в звуке «львиной песни». Бой-поваренок и водитель грузовика принесли стул; Кейти, танцуя и хлопая в ладоши, усадил на него Мэри; стул вознесся и несколько раз проплыл вокруг костра в поющем хороводе; затем мою жену понесли к периметру, где лежал убитый лев, оттуда на кухню к большому общему костру, потом к навесу, под которым стояли джипы и грузовик, — людская змея извивалась, выкладывая узоры по всему лагерю. Молодые егеря обнажились, оставшись в коротких шортах; их примеру последовали все, кроме стариков. Я видел, как светлая фигурка Мэри покачивается над гибкими черными телами; они кружились и притопывали, то разбегаясь, то сходясь и протягивая к ней руки, — это был завораживающе красивый танец дикого льва. Наконец ее принесли обратно к нашему костру, поставили стул рядом со складным стульчиком, на котором она сидела, пожали ей по очереди руку и удалились. И опять стало тихо. Мэри была счастлива. Мы плотно поужинали и легли спать.

Среди ночи я проснулся и уже не мог уснуть. Над лагерем висела абсолютная тишь. Слушая ровное дыхание Мэри, я радовался, что больше не придется по утрам выводить ее на охоту. Потом мне стало жаль, что лев погиб не так, как

она хотела. Праздничный ужин, танец дикого льва, любовь друзей, демонстрация всеобщей преданности — все это было временной анестезией, однако я не сомневался, что многие десятки неудачных утренних выездов не прошли даром и разочарование скоро вернется. Мэри не догадывалась, какому риску она вчера подвергалась. А может, догадывалась, кто знает. Ни я, ни Джи-Си не испытывали никакого желания поднимать эту тему, потому что сами провели ее на волосок от опасной черты, и тот факт, что, несмотря на вечернюю прохладу, наши одежды вымокли от пота, тоже кое о чем говорил.

Мне вспомнились желтые глаза зверя, когда он мельком посмотрел на меня и сосредоточился на Мэри и Джи-Си. Я лежал и думал, что лев с места покрывает сто ярдов менее чем за три секунды. Он стелется низко по земле, быстрее, чем борзая, и прыгает в самый последний момент. Наш лев весил более четырехсот фунтов и был достаточно силен, чтобы перепрыгнуть через оплетенную колючей проволокой высокую бому, держа в зубах корову. На него многие пытались охотиться, и он обладал недюжинным умом. Но мы усыпили его бдительность и заставили совершить ошибку. Мне было приятно думать, что перед смертью он

царственно возлежал на желтом холме, вытянув хвост и покойно сдвинув могучие лапы, а перед ним простирались его земли, от синего леса на горизонте до драгоценных снегов на вершине великой горы. И я, и Джи-Си приготовились к тому, что Мэри уложит его первым выстрелом, а если только ранит, то он нападет на нас, и мы его добьем. Но лев решил разыграть свой финал. Первая рана, наверное, была для него не более чем коротким уколом. Вторая, прошившая мышцу бедра, когда он бежал к зарослям своей последней битвы, показалась резким толчком. Мне не хотелось думать, что он почувствовал, когда моя пуля, выпущенная на авось по широкой дуге, сломала ему позвоночник. Я понятия не имел, на что мог быть похож удар цельнооболочечной пули весом в 220 гран. Слава богу, спину ломать мне еще не доводилось. А потом Джи-Си великолепным выстрелом уложил его наповал, прервав мучения. И вот он мертв, и нам его будет не хватать.

Сна не было ни в одном глазу. В голове раскручивались варианты: я пытался представить, как бы мы действовали, если бы льву удалось добежать до зарослей, и вспоминал похожие случаи. А потом я сказал себе: к черту эту ерунду! О ней мы еще вдоволь наговоримся с Джи-Си и с Отцом.

Хорошо бы утром Мэри проснулась и сказала: «Я так рада, что наконец добыла льва!» Но это было бы слишком жирно, и часы уже показывали три. Я вспомнил, как Скотт Фицджеральд однажды написал: «В чем-то там души трам-тарарам три часа ночи». На протяжении многих месяцев три часа ночи означало, что через пару часов придется вставать, обуваться и выезжать с мисс Мэри на льва.

Выпростав руку из-под москитной сетки, я нашарил бутыль яблочного сидра. Она уже успела остыть. Я подмостил под голову подушечку, набитую сосновыми иголками, и начал думать о душе. Для начала следовало восстановить точную цитату из Фицджеральда. Она промелькнула в одной из его статей того периода, когда он отошел от ширпотребных идеек и начал называть себя треснувшей тарелкой. Порывшись в памяти, я вспомнил цитату. «В кромешных потемках души всегда три часа ночи».

Сидя без сна в кромешных потемках африканской ночи, я думал, что ничего не знаю о душе. Люди постоянно о ней говорят и пишут, но кто понимает, что это такое? Кто способен рассказать хоть что-нибудь вразумительное о природе души и о том, существует ли она вообще? Всеоб-

щая одержимость этим фантомом казалась мне странной; даже обладай я о душе какими-нибудь сведениями, как донести их, скажем, до Нгуи или Мтуки? Перед пробуждением мне снилось, что я кентавр с торсом человека и телом лошади, и во сне я недоумевал, почему этого до сих пор никто не заметил. Сон был выстроен очень логично и с должным правдоподобием освещал момент трансформации человека в лошадь. Мне было интересно, какую реакцию вызвал бы у окружающих рассказ об этом сне. Я уже давно проснулся, и холодный сидр приятно освежал горло, но в теле до сих пор жила мышечная память о конском крупе. Моим изысканиям о природе души это, однако, не способствовало, и я решил зайти в обход, через метафору. Скажем, свежий чистый поток, не иссякающий в засуху и не замерзающий зимой. Уже несколько лучше. Во времена моего детства в бейсбольной команде «Чикаго Уайт Сокс» на третьей базе играл некто Харри Лорд. Этот человек с библейской фамилией[43] мог стабильно выбивать фаул-болы до тех пор, пока не случалось одно из двух: либо выдыхался питчер противника, либо игру останавливали

---

[43] Примечания: 43
Lord (*янси*) — Господь.

из-за темноты. Я был еще мальчишкой и имел обыкновение все преувеличивать, тем не менее отчетливо помню, как начинало смеркаться (тогдашние бейсбольные поля не освещались электрическими прожекторами), и Харри Лорд продолжал отправлять фаул-болы за линию, словно заведенный, а болельщики скандировали: «Господь, подумай о душе!» Это остается для меня лучшей иллюстрацией того, как природа души проявляется в реальном измерении.

Еще был случай, когда я почувствовал, будто из меня вышибли душу, а потом она вернулась. Но в ту пору я был порядочным эгоистом, много читал о душе и наивно полагал, что она у меня есть. Если бы лев вчера загрыз кого-нибудь из нас, думал я, куда делась бы душа умершего? Отлетела бы в иные миры? Не очень-то верится. Смерть любого из нас ничем не отличалась бы от смерти льва, а кто сейчас думал о его душе? Самым неприятным была бы поездка в Найроби на опознание. Для Джи-Си моя гибель, как и гибель мисс Мэри, означала карьерный крах, да и собственная его гибель была крупным несчастьем. Для моего литературного будущего моя гибель тоже не сулила ничего хорошего. Ни Чаро, ни Нгуи, разумеется, не хотели погибнуть, и трудно даже вообразить,

каково было бы удивление Мэри, если бы лев ее убил. Смерть являлась безусловной неприятностью, которой следовало избегать во что бы то ни стало, и счастливы были те, кому не приходилось делать это ежедневно.

Однако какое это имело отношение к тому, что «в кромешных потемках души всегда три часа ночи»? Была ли душа у мисс Мэри? У Джи-Си? Наверняка. В Бога они, правда, не верили, насколько я знал, но если уж отказывать в наличии души таким людям, как мисс Мэри и Джи-Си, то у кого она есть? Чаро был убежденным мусульманином, ему душа полагалась по умолчанию. Оставались только я, Нгуи и лев.

Было три часа ночи. Я потянулся, разминая фантомные конские ноги, и подумал, что надо выйти на воздух и подождать рассвета возле дремлющих углей костра. Натянув ботинки и подпоясавшись кобурой, я выбрался из палатки. У кострища сидел Джи-Си.

— Почему не спишь? — спросил он тихо.

— Мне приснилось, что я конь. Очень яркий сон.

Я рассказал про цитату из Фицджеральда и поинтересовался, что он об этом думает.

— Когда просыпаешься среди ночи, один час

не лучше другого, — сказал Джи-Си. — Не знаю, почему он выбрал именно три. Звучит, конечно, хорошо, тут не поспоришь.

— Должно быть, всего понемножку: страх, беспокойство, сожаление.

— Нам с тобой этого добра не занимать.

— Это точно. Но его еще мучили больная совесть и отчаяние.

— Тебе ведь незнакомо отчаяние, Эрни?

— Пока нет.

— Значит, не грозит. Иначе бы уже проявилось.

— Пару раз оно смотрело мне в лицо. Но я отказывался от его услуг.

— Кстати, об отказах: пиво будешь?

— Я принесу.

Большая бутыль «Таскера» охлаждалась в бурдюке; я наполнил два стакана и водрузил бутыль на стол.

— Жаль, что мне уезжать, — сказал Джи-Си. — Думаешь, она будет переживать?

— Думаю, да.

— Ничего, справишься. Может, обойдется.

Глава девятая

Я заглянул в палатку, чтобы проверить, не проснулась ли Мэри. Она спала как убитая.

— Пусть отдыхает, — сказал я Джи-Си. — Можем стартовать хоть в полдесятого, какая разница.

Джи-Си хладнокровно читал Линдберга. У меня не было столько здоровья, чтобы после вчерашнего читать книгу с названием «Год льва», поэтому я штудировал справочник по птицам, последнее издание под редакцией Прейда и Гранта. Я понимал, что, проохотившись столько времени за одним и тем же зверем, мы упустили массу возможностей понаблюдать за птицами. Мне было неловко перед племенем пернатых. Не будь рядом зверей, мы с радостью сосредоточились бы на птицах. Мэри в этом отношении была гораздо лучше меня. Она всегда и везде примечала интересных пташек и вела дневник наблюдений, пока я сидел в шезлонге, бездумно глядя вдаль. Читая справочник, я укорял себя за глупость и лень.

Дома я любил наблюдать, сидя у бассейна, как королевские тиранны ныряют в воду за насекомыми. На их темно-белых грудках играли зеленые блики. Мне нравилось смотреть на го-

лубей, гнездящихся в трехгранных тополях, и слушать песни пересмешников. Увидев осенью или весной косяк перелетных птиц, я радовался, как ребенок. Выпь, присевшая у сточной канавы в поисках лягушек, дарила мне заряд хорошего настроения на весь день. Здесь же, в Африке, прекрасные птицы были на каждом шагу: сидели на деревьях, возились в колючих кустах, расхаживали по земле. Мне они казались смазанными цветными пятнами, зато Мэри знала их наперечет и очень любила. Мне было непонятно, как я мог так опуститься и одеревенеть.

На протяжении долгого времени из огромного царства пернатых я замечал лишь хищников, стервятников и птиц, годившихся в пищу. Впрочем, если перечислять по видам, то даже из этой ограниченной выборки набирался внушительный список, и совесть моя несколько успокоилась. Тем не менее я дал себе слово, что отныне буду обращать на птиц больше внимания и спрашивать Мэри обо всех неизвестных мне видах.

В этот опасный и весьма распространенный грех — смотреть и не видеть — скатиться очень легко. Утрата любопытства всегда предвестник чего-то более страшного. Человек не имеет права

жить в мире, красоты которого он не замечает. Я пришел к неутешительному выводу: мое наплевательское отношение к мелкой птице вызвано тем, что большую часть времени я либо читаю, пытаясь отвлечься перед серьезной охотой, либо пью, пытаясь расслабиться после нее. Мейито, находясь в Африке, почти не притрагивался к спиртному, чтобы ничего не забыть, и это вызывало мое восхищение. Мы с Джи-Си, однако, были людьми пьющими, и причина заключалась вовсе не в привычке и не в попытке убежать от реальности. Мы планомерно и целенаправленно притупляли алкоголем чрезмерную остроту восприятия, чтобы не засветить душу, как слишком чувствительную пленку. Объяснение было благородным, что и говорить, но правда заключалась в том, что нам просто физиологически нравилось опьянение, мы любили пьяное веселье, и мисс Мэри мало чем от нас отличалась. Надо проверить, подумал я, может, она уже проснулась.

Мэри еще спала. Она всегда была красива во сне; лицо не выражало ни счастья, ни печали, просто существовало. Сегодня, однако, морщины обозначились резче, и мне захотелось как-то помочь, разгладить их, однако единственное, что мне оставалось, — это дать ей выспаться.

Я вышел из палатки с птичьим справочником наготове и с ходу распознал сорокопута, скворца и щурку. Тут в палатке послышалась возня. Заглянув туда, я увидел, что Мэри сидит на кровати и обувает мокасины.

— Как себя чувствуешь, дорогая?

— Ужасно! Ты в моего льва пульнул первый. Видеть тебя не хочу!

— Ухожу, ухожу.

У периметра я разыскал Кейти и узнал, что наши егеря планируют большую нгому. Пригласили всю Шамбу. Пива и кока-колы между тем не хватало. Я сказал, что съезжу на джипе в Лойтокиток с Мтукой и Арапом Майной и все, кому надо что-нибудь купить, могут ехать с нами. Кейти попросил взять пошо; я пообещал привезти мешок или два, а также сахар. Вакамба были охочи до кукурузной каши, точнее, до той ее разновидности, какую доставляли из Каджиадо и продавали в Индийской дуке, владелец которой был почитателем Ага-хана. Другие сорта популярностью не пользовались. Я кое-как научился отличать нужный сорт по цвету, консистенции и вкусу, но вероятность ошибки существовала, и я надеялся на Мтуку. Кока-кола предназначалась для мусульман и женщин. Арапа Майну я

собирался высадить возле первой же масайской маньятты, чтобы он предложил масаи посмотреть на льва своими глазами и убедиться, что он на самом деле убит. На нгому их не приглашали, мероприятие было исключительно для вакамба.

Мы остановились на заправочной станции. Я передал винтовку оруженосцу Отца Мвенги, и тот замкнул ее в стойку для оружия, прикрепленную к спинке переднего сиденья. Кейти отправился в большой магазин при заправке. Я заявил, что пойду к мистеру Сингху за пивом и кока-колой, и приказал Мтуке заправить машину, а потом отогнать ее к лавке Сингха и поставить в тени.

В лавке мистера Сингха было прохладно. С кухни тянуло запахом еды, а с пилорамы — запахом свежих опилок. У хозяина нашлось только три ящика пива, однако он сказал, что возьмет еще два в магазине напротив.

Из соседнего питейного заведения, пользовавшегося дурной славой, вышли три пожилых масаи. Они были друзьями, и мы приветствовали друг друга со взаимным достоинством, к которому с их стороны примешивалась чуть ли не любовь, объяснявшаяся густым запахом шерри «Голден джип». В холодильнике у мистера Сингха стояло шесть бутылок, остальное пиво

было теплым; я купил три бутылки; одну взял себе, а две предложил старым масаи. Мы выпили за мисс Мэри и ее льва. Я сообщил, что у нас с мистером Сингхом есть дела, и, извинившись, ушел в подсобку.

Никаких дел у нас не было, просто мистер Сингх хотел, чтобы я с ним закусил и выпил виски с содовой. Он пытался мне что-то рассказать, но я ничего не понял, и мы послали за выпускником миссионерской школы. Выпускник явился в белой рубашке и брюках, заправленных в тяжелые ботинки с квадратными носами, — этот наряд был визитной карточкой его образования и приобщенности к цивилизации.

— Сэр, — сказал выпускник, — мистер Сингх имеет сообщить, что трое масайских вождей пользуются вашей добротой в корыстных целях по части выпивки. Они с утра ошивались в питейном притоне, именуемом «чайная», а как только завидели вас, сразу подбежали, чтобы выклянчить пива.

— Я знаю этих троих. Они вовсе не вожди.

— Слово «вожди» я употребил намеренно, как более привычное для европейского слуха, — сказал выпускник. — Так или иначе, наблюдение мистера Сингха соответствует истине. Они экс-

плуатируют вашу дружбу, чтобы разжиться пивом.

— Давай проясним одну деталь раз и навсегда. Я не европеец. Мы приехали из Америки.

— Позвольте, сэр, такой категории не существует. Согласно общепринятой классификации, вы европеец.

— Подобного рода классификацию следует немедля откорректировать. Я не европеец. Мы с мистером Сингхом братья.

Я долил в стакан содовой. Мистер Сингх последовал моему примеру. Мы чокнулись, выпили и обнялись. На висящей над нашими головами олеографии родоначальник всех Сингхов правой рукой удушал льва, а левой львицу. Момент был очень трогательный.

— Я полагаю, ты веришь в малыша Иисуса? — спросил я выпускника миссионерской школы.

— Я христианин, сэр, — отвечал он с достоинством.

Мы с мистером Сингхом обменялись понимающими взглядами и сокрушенно покачали головой. Затем мистер Сингх заговорил, обращаясь к переводчику.

— Мистер Сингх говорит, что отложит три оставшиеся бутылки холодного пива для вас и

ваших людей. Если вернутся старейшины масаи, он даст им вина.

— Отлично, — сказал я. — Сходи-ка посмотри, не стоит ли снаружи охотничий джип?

Паренек удалился. Мистер Сингх постучал себя пальцем по виску, извлек откуда-то квадратную бутылку виски «Белый вереск» и вручил мне. Он посетовал, что у нас нет времени закусить. Я посоветовал ему не гонять ночью по дорогам. Он спросил, понравился ли мне переводчик. Я заверил его, что переводчик выше всяких похвал, и особо отметил черные ботинки, красноречиво свидетельствующие о принадлежности их хозяина к христианской вере.

Переводчик вернулся и объявил:

— Двое ваших людей ожидают в охотничьем пикапе, сэр.

— Скорее в грузовике, — поправил я и вышел, чтобы позвать Мтуку в лавку.

Мтука вошел — рослый, сутулый, в клетчатой рубашке, с эффектными стреловидными шрамами на скулах — и почтительно поздоровался с миссис Сингх, стоявшей за прилавком над развалами бижутерии, лекарств, рулонов ткани и прочей мишуры. Мтука был сыном Кейти; его дед был каннибалом; самому ему было как минимум

пятьдесят пять лет. Мистер Сингх вынес нам по бутылке холодного пива. Мтука отпил треть и сказал:

— Остальное для Мвенги.

— Для него тоже отложили.

— Нам пока хватит. Пойду посижу снаружи.

— Есть еще две холодные бутылки, — сказал мистер Сингх, и Мтука кивнул.

— Угости переводчика апельсиновым соком, — попросил я.

Приняв от Сингха стакан сока, переводчик сказал:

— Пока ваши друзья масаи не вернулись, сэр, позвольте задать вам несколько вопросов.

— Задавай.

— Сколько у вас самолетов, сэр?

— Восемь.

— Вы, наверное, один из самых богатых людей в мире?

— Это так, — скромно ответил я.

— Зачем же вы тогда приехали к нам, сэр? Да еще и работаете простым егерем?

— Зачем люди ездят в Мекку? Зачем они вообще куда-то ездят? Ты хотел бы съездить в Рим?

— Я по вере не католик, сэр. Мне незачем ехать в Рим.

— М-да. По твоим ботинкам нетрудно догадаться.

— У нас с католиками много общего, сэр, но есть и различия. Мы не поклоняемся образам.

— Очень жаль. Некоторые из них удивительно красивы.

— Сэр, я хотел бы работать помощником егеря под вашим началом. Или под началом бваны старшего егеря.

Тут возвратились старики масаи — теперь уже впятером. Двух новых я прежде не видел, и старик из первой троицы пояснил, что они сильно потерпели от львов, таскавших у них не только крупный скот и ослов, но даже женщин. Теперь эти двое хотели, чтобы я и мисс Мэри приехали к ним и избавили от напасти. Все пятеро были здорово пьяны, а один из новых, похоже, намеревался грубить.

Я знал многих весьма достойных масаи, честных, порядочных и отважных, однако этому народу, в отличие от вакамба, пьянство было в диковинку, и его разрушительные последствия не замедлили сказаться. Старики еще помнили времена, когда племя масаи было не прогнившим от сифилиса антропологическим недоразумением, поклоняющимся крупному рогатому скоту,

а великим и грозным племенем воинов и разбойников. Сейчас еще не было одиннадцати, но «вожди» уже как следует заправились, а грубиян из новоприбывших явно искал приключений: это было ясно по его первому вопросу. Я решил общаться с ними через переводчика. Во-первых, мне хотелось сразу обозначить дистанцию, а во-вторых, все пятеро были вооружены длинными копьями-морани, что уже само по себе было дурным тоном, и я рассчитал, что первый удар достанется переводчику, так как обидные слова, буде таковые воспоследуют, слетят с его губ, а не с моих. Ссора с пятью пьяными масаи, да еще и вооруженными, да еще и в тесной лавочке, почти всегда кончается тем, что кого-то протыкают копьем. Присутствие переводчика, однако, давало мне шанс уложить из пистолета не одного-двух, но трех, а если повезет, то даже четырех противников. Передвинув кобуру на живот, я демонстративно подцепил застежку мизинцем и сказал:

— Эй, ботинки! Переводи, что они говорят. Да смотри, чтоб слово в слово.

— Этот человек, сэр, говорит, что слышал забавную вещь. Он слышал, что одна из ваших жен — точнее, он сказал «женщин» — убила льва. Он

спрашивает, правда ли, что в вашем племени охотой на львов занимаются женщины?

— Скажи этому достойному вождю, имени которого я не знаю, что женщинам моего племени вполне можно доверить охоту на львов. А вот юным воинам его племени, похоже, можно доверить только шерри «Голден джип». Многие из них еще не убили ни одного льва, зато пить уже умеют будь здоров.

Произнося эти слова, переводчик взмок. Атмосфера сгустилась. Рослый, красивый масаи, скорее всего мой ровесник, ответил, и парнишка перевел:

— Этот человек, сэр, просит передать, что если бы вы знали, что такое вежливость, и хотели беседовать, как беседуют вожди, то потрудились бы выучить язык. Тогда бы он поговорил с вами как с мужчиной.

Это уже был дешевый слив, ссора сдувалась, и я сказал:

— Ответь вождю, с которым я не имею чести быть знакомым, что у меня, к моему стыду, не было времени выучить язык его племени. Я был слишком занят исполнением своего долга, то есть охотой на львов. В этом мне помогала жена, которую я с собой привез. Вчера она убила льва.

А в холодильнике стоят две бутылки холодного пива, которые я приберег для своих людей. Я хочу распить одну из них с этим вождем, строго на двоих. Остальным мистер Сингх вынесет вина.

Парнишка перевел. Масаи, искавший приключений, подошел и пожал мне руку. Я застегнул кобуру и передвинул ее назад.

— И апельсиновый сок для переводчика, — сказал я мистеру Сингху.

Переводчик принял стакан, но тут его отозвал в сторонку масаи, с которым мы помирились, и что-то спросил негромко и очень внушительно. Парнишка отхлебнул сок и перевел:

— Вождь интересуется — разумеется, строго конфиденциально, — сколько вы заплатили за жену, которая убивает львов. Такая жена, говорит он, будет рожать отличных сыновей, и цена ей должна быть не меньше, чем доброму быку.

— Ответь вождю, в котором я сразу узнал человека острого ума, что эта жена обошлась мне в один большой самолет, два маленьких и сто голов скота.

Мы с масаи выпили пива, и он забормотал торопливо и серьезно.

— Вождь говорит, — перевел парнишка, — что такой выкуп за жену слишком велик и ни одна

женщина столько не стоит. По поводу же скота, о котором вы говорили, он хочет уточнить: стадо было с быком или только коровы?

Я пояснил, что большой нгедж был не новый, а прошедший войну; что же касается скота, то в стаде были одни коровы.

Масаи ответил, что это несколько меняет дело и все же ни одна женщина не стоит таких денег.

Я согласился, что цена необычайно высока, и заверил, что дело того стоило. Объявив затем, что нам надо возвращаться в лагерь, я заказал масаи еще вина и оставил новому знакомому недопитое пиво. Он протестовал. Мы с ним выпили еще по стакану, и я поставил свой на стойку вверх дном. Он настаивал, чтобы я выпил еще. Я налил полстакана и залпом осушил. Мы опять пожали друг другу руки; я уловил запах кожи, дыма, сухого навоза и пота — в целом даже приятное сочетание — и вышел из полутьмы на залитый резким солнечным светом двор, где в тени под деревом стоял наш джип. Мистер Сингх успел погрузить в багажник пять ящиков пива, и посланный им переводчик вынес завернутую в тряпицу последнюю бутылку. К бутылке прилагался счет за пиво и вино, выпитое масаи. Я расплатился и дал переводчику пять шиллингов.

— Я бы предпочел устроиться к вам на работу, сэр, — сказал он.

— Для тебя только работа переводчика, — ответил я. — И эти пять шиллингов ты заработал.

— Я согласен работать переводчиком, — сказал он.

— Ты владеешь языком зверей?

— Научусь, сэр! Я знаю суахили, масаи, чагу и, конечно, английский, как вы уже убедились.

— Знаешь ли ты язык племени камба?

— Нет, сэр.

— А мы на нем говорим.

— Освою в два счета, сэр! Давайте я научу вас правильно говорить на суахили, а вы научите меня охотиться и понимать язык животных! Не отказывайте мне только потому, что я христианин. Это ведь родители решили послать меня в миссионерскую школу.

— Тебе не понравилась миссионерская школа? Отвечай правду, Бог слышит каждое слово.

— Именно так, сэр. Я ненавидел миссионерскую школу. Христианином я стал по неведению и по принуждению.

— Хорошо, как-нибудь возьмем тебя на охоту. Но имей в виду: ты должен прийти босиком и в шортах.

— Терпеть не могу эти ботинки, сэр! Я должен носить их из-за бваны Мак-Кри. Если ему доложат, что я хожу без ботинок или провожу время с вами и с мистером Сингхом, то меня накажут. Даже если выпью кока-колы. Кока-кола — это первый шаг, говорит бвана Мак-Кри.

— Ну ладно, возьмем. Впрочем, ты ведь не из охотничьего племени. Какая тебе польза? Испугаешься, будешь ходить несчастный.

— Сэр, если вы обо мне не забудете, я докажу, что способен на многое. Ваши пять шиллингов я отдам в задаток за охотничье копье в лавке Бенджи. По ночам буду ходить босиком, чтобы огрубели пятки. Я докажу, что со мной можно иметь дело.

— Ты хороший парень, не хочу смущать твою веру. Мне нечего тебе предложить.

— Я докажу, сэр!

— Квиша, — сказал я и повернулся к Мтуке. — Квенда на дука.

В дуке был большой наплыв посетителей — кто покупал, кто просто пришел поглазеть. Масайские женщины разглядывали нас с головы до ног без тени смущения; юные воины с охряными волосами, забранными на затылке в тяжелые пучки, держались шумно и самоуверенно. Масаи

приятно пахнут, у их женщин прохладные ладони, и, если взять их за руку, они не торопятся высвободиться; наоборот, наслаждаются теплом твоей руки и осторожно исследуют ее. Лавка Бенджи была популярным местом и напоминала магазинчики в индейских резервациях в день получки или в воскресенье. Кейти закупил приличного пошо и кока-колы для предстоящей нгомы и теперь просил красивую и умную индийскую продавщицу, безнадежно влюбленную в Джи-Си, достать с верхней полки то одну, то другую безделушку — только чтобы полюбоваться на ее ноги. Мы все были поклонниками продавщицы и не раздумывая признались бы ей в любви, если бы питали хоть какую-то надежду на взаимность. Наблюдать, как Кейти любуется ее ногами, было приятно: это давало нам некое преимущество. Она спросила меня, как поживает мисс Мэри, и поздравила с добытым львом. Слушая нежный грудной голос и глядя на прекрасное лицо, я не мог не отметить, как серьезно запал на нее Кейти. Только сейчас я обратил внимание на его тщательно выстиранную и выглаженную одежду и свежий тюрбан.

Под руководством Мтуки приказчики начали выносить из дуки мешки с провизией и ящики

с кока-колой. Я расплатился, не забыв купить полдюжины свистков для нгомы. Кейти тем временем приобщился к погрузке, а я отправился стеречь ружья. Носить ящики мне было не в тягость, но на это посмотрели бы косо. На охоте, без посторонних глаз, мы работали, конечно, одинаково, однако в городе нас могли неправильно понять, поэтому я уселся на переднем сиденье с винтовкой между колен и принял делегацию масайских ходоков: они хотели прокатиться до вершины на джипе. Кузов охотничьего джипа стоял на раме от грузовика «шевроле», тормоза были в порядке, но с грузом бутылок и провизии мы могли взять максимум шестерых. Случалось, мы возили и по двенадцать человек, однако это было слишком опасно, к тому же на извилистой дороге масайских женщин иногда тошнило. Воинов мы возили только вверх, а вниз они спускались сами; хотя поначалу это вызывало недовольство, люди постепенно привыкли.

Наконец мы все погрузили, и женщины со своими мешками, баулами и прочим скарбом расселись по местам: четыре в кузове и три на заднем сиденье рядом с Кейти. Я, Мтука и Мвенги расположились впереди. Машина тронулась, провожающие махали ей вслед. Открыв холодное

пиво, по-прежнему завернутое в газету, я предложил его Мвенги. Он знаком попросил меня пить первым, а сам сполз пониже, чтобы не видел Кейти. Я отхлебнул и передал бутылку ему; он присосался к ней углом рта, чтобы не задирать донышко, затем вернул мне. Я предложил бутылку Мтуке.

— Потом, — сказал он.

— Когда женщин затошнит, — добавил Мвенги.

Мтука вел осторожно, привыкая к инерции груза на крутых поворотах. Обычно расклад был иным: одну из женщин, самую надежную, про которую было доподлинно известно, что ее не укачает, сажали впереди между мной и Мтукой; две других проходили проверку на заднем сиденье рядом с Мвенги и Нгуи. Сейчас, ко всеобщей досаде, все три пассажирки зря теряли время возле Кейти, которому было все равно. Одна из них была известной в округе красавицей: ростом едва не выше меня, прекрасно сложенная, с холодными как лед любознательными пальцами. Ее, как правило, сажали вперед; одной рукой она тихонько ласкала меня, а другой Мтуку, и наша реакция вызывала у нее заливистый смех. Она была красива в классическом смысле слова, и

такого понятия, как стыд, для нее, судя по всему, не существовало. Мне было известно, что Мтука и Нгуи не раз пользовались ее услугами. Я вызывал у нее любопытство; ей нравилось трогать меня и следить за реакцией. В маньятте, где она обычно сходила, с ней почти всегда оставался кто-нибудь из пацанов, чтобы потом вернуться в лагерь пешком.

Сегодня, однако, поездка вышла невеселой. Мы хмуро глазели по сторонам, и Мтука не решался даже глотнуть пива, потому что сзади сидел его отец. Я размышлял о морали и делил пиво с Мвенги; на газете мы процарапали отметку, ниже которой была доля Мтуки. Общепринятая мораль, думал я, не находила ничего зазорного в том, что два моих друга время от времени расслаблялись с красивой масаи, однако сделай это я, пока у меня был роман с Деббой, а испытательный срок перед вступлением в вакамба еще не кончился, — и меня заклеймили бы безответственным и легкомысленным человеком. С другой стороны, если бы я демонстративно игнорировал заигрывания хорошеньких женщин и не оказывал им знаков внимания, это было бы еще убийственнее для моей репутации. Такого рода экскурсы в племенную мораль придавали нашим поездкам в

Лойтокиток определенную пикантность и делали их несомненно поучительными, однако на первых порах были источником недоумения и досады, пока я не усвоил, что истинный вакамба никогда не покажет виду, что он растерян или раздосадован.

Наконец с заднего сиденья сигнализировали, что одну из женщин укачало, и Мтука затормозил. Мы знали, что Кейти не упустит случая отлить. Когда он с непринужденным достоинством удалился в придорожные кусты, я передал кварту пива Мтуке. Тот в несколько жадных глотков высадил свою долю и вернул нам остаток:

— Допивайте, пока холодное.

После этого мы сделали три остановки, высаживая пассажирок, а затем повернули в лагерь. В одном месте дорогу преградили импалы, и мы с Кейти вышли, чтобы их отогнать. На фоне зелени они казались красными, и молодой самец оглянулся, когда я тихо посвистел. Задержав дыхание, я потянул спуск и пробил ему шею. Кейти ринулся к нему, чтобы халяльно перерезать горло, а импалы длинными прыжками ускакали в чащу.

Я не торопился подходить к Кейти, оставляя халяльность процедуры на его совести, которая была не столь щепетильной, как, скажем, у Чаро.

Мне хотелось, чтобы мусульманам тоже досталось свежее мясо. Когда я наконец приблизился, приминая упругую траву, горло было уже перерезано, и Кейти улыбался во весь рот.

— Пига мзури, — сказал он.

— А может, учави?

— Хапана учави. Пига мзури сана.

Глава десятая

Под деревьями возле периметра было полно народа; женщины выделялись яркими разноцветными блузками, крупными белыми бусами и браслетами. Из Шамбы принесли большой барабан, и молодые егеря раздобыли еще три маленьких. Час был не поздний, но нгома уже набирала силу. Мы проехали через толпу и остановились в тени под деревом. К нам побежали детишки, чтобы поглазеть на разгрузку. Я отдал винтовку Нгуи и велел ее почистить, а сам прошел в столовую. С вершины дул бодрящий ветерок, в большой палатке было прохладно.

— Ты не оставил нам холодного пива, — приветствовала мисс Мэри. Выглядела она куда свежее, чем утром.

— Одну бутылку привез назад. Она где-то среди мешков. Как самочувствие?

— Мы с Джи-Си чувствуем себя отлично. Твоей пули не нашли, достали только его. Мой лев стал такой красивый, когда с него сняли кожу: белый, благородный. Не хуже, чем живой. Как Лойтокиток? Хорошо съездили?

— Купили все, что надо.

— Веди его к нам, мисс Мэри, — позвал Джи-Си. — Покажи, какая ты хозяйка. Пусть чувствует себя как дома. Знаете ли вы, что такое нгома, добрый человек?

— О да, сэр! — ответил я. — В наших землях тоже бывают нгомы. Мы очень-очень любим нгому.

— В Америке ее, кажется, называют бейсбол?

— О нет, сэр! Наша нгома похожа на праздник урожая с народными танцами. Примерно то же, что ваш крокет.

— Понимаю, о чем вы, — кивнул Джи-Си. — Однако наша нгома — нечто совершенно иное. Здесь танцуют только местные.

— Что вы говорите! Могу ли я в таком случае просить прекрасную леди, которую, я слышал, зовут мисс Мэри, составить мне партию на вашей нгоме?

— Увы, добрый человек, я уже ангажирована, — отвечала Мэри. — На нгому со мной идет мистер Чунго, что из егерей.

— Черта с два! — воскликнул Джи-Си.

— Не тот ли мистер Чунго, сэр, что имеет роскошные усы и мускулистый торс, носит узкие шорты и только что украсил свою прическу плюмажем из страусиных перьев? Весьма достойный молодой человек. Он ведь ваш коллега, не правда

ли? Должен признать, сэр, вы отлично умеете выбирать людей.

— Ах, я влюблена в мистера Чунго, — сказала мисс Мэри. — Мистер Чунго мой герой! Он открыл мне, что вы лжец, добрый человек. Вы ни разу не попали в моего льва, вот ведь штука! Весь лагерь знает, что вы лжец, а Нгуи и парочка других только делают вид, будто они ваши друзья, потому что вы их одариваете и совсем распустили дисциплину. Мистер Чунго сказал: вспомните, мисс Мэри, как этот лжец вернулся в лагерь пьяный и Нгуи сломал его любимый нож, за который в Париже было уплачено целое состояние.

— О да, конечно! — сказал я. — Как же я мог забыть! Старина Чунго и вправду был со мной в Париже. Теперь я вспомнил, да, да!

— О нет, нет! — замотал головой Джи-Си. — Только не мистер Чунго. Не может быть, чтобы и он… Нет, не верю!

— Боюсь, что да, сэр! Именно он, сэр!

— Мистер Чунго рассказал мне много интересного, добрый человек. Он рассказал, что Нгуи тайком носит вам яд, которым охотники камба покрывают наконечники стрел, и вы окунаете в него свои пули, так что вся эта показуха с рисаси моджа, все эти убийства одним выстрелом — не

что иное, как дешевое шарлатанство. Этот яд, сказал мистер Чунго, действует с такой чудовищной скоростью, что достаточно прикоснуться отравленным наконечником к ручейку крови, стекающему из пореза на ноге, чтобы человек упал замертво.

— Страшные, страшные вещи! Не думаете ли вы, сэр, что мне лучше отступить в тень и пусть мисс Мэри отправляется на нгому с вашим коллегой? Правда, это может показаться нарушением приличий — ну так что? В конце концов, она же Мемсаиб. Помните «Бремя белых» Киплинга?

— Мисс Мэри пойдет на нгому со мной, — отрезал Джи-Си. — Сделай-ка нам выпить, мисс Мэри. Или нет, я лучше сам.

— Спиртное разливать я еще не разучилась, — сказала Мэри. — И вообще, хватит друг друга шпынять.

Откуда столько злобы? Дама невинно пошутила, а они сразу завелись. Можно подумать, здесь разрешается шутить только Папе и его клевретам. Тоже мне силы ночи!.. Во сколько вы, кстати, проснулись?

— Не так уж и рано. Или это было вчера?

— Дни набегают один на другой, один на другой, один на другой, — продекламировала Мэри. —

Это мои стихи про Африку.

Мэри писала поэму про Африку — судя по всему, нечто грандиозное. Беда была в том, что она постоянно забывала записывать сочиненные куски и они таяли, как сны под утренним солнцем. То немногое, что она успевала положить на бумагу, держалось в строжайшем секрете. Мы верили в славное будущее поэмы; я, впрочем, верю и по сей день, хотя было бы проще, если бы Мэри ее действительно написала. В то время мы все увлекались «Георгиками» в переводе Сесила Дей-Льюиса. По рукам ходили два экземпляра, постоянно теряясь, всплывая и снова теряясь; на моей памяти еще ни одна книга не вела себя столь легкомысленно. К Баттисто Мантовано у меня только одна претензия: он утверждал, что любой образованный человек может писать сносные стихи. Данте, напротив, говорил, что образования мало, надо быть сумасшедшим. Тут ему, конечно, верить нельзя. Впрочем, верить нельзя никому, особенно если живешь в Африке. В Африке что на заре правда, то к полудню ложь, не стоящая и гроша, как то волшебное, в обрамлении спелых трав, лазурное озеро на окоеме пропеченного солончака; его только что протопал от края до края и ясно понимаешь, что никакого озера нет,

а оглянись — вот оно, живое и прекрасное.

— Это ты сама сочинила? — спросил я.

— А кто же еще!

— Надо над слогом поработать, а то похоже на описание автокатастрофы.

— Чужих львов убивать тебе мало? Принялся за чужие стихи?

Джи-Си слушал нас рассеянно, как изможденный играми мальчуган. Я решил его подбодрить и признался:

— Моя копия «Георгик» нашлась, можешь взять. И не смотри так, я точно знаю, что она моя. Там нет предисловия Луи Бромфилда.

— Я свою копию тоже знаю, на ней написано мое имя.

— Правильно. А еще в ней есть предисловие Луи Бромфилда.

— Что еще за Бромфилд? Имя какое-то… провокационное.

— Это такой американский писатель, известен главным образом своей скотоводческой фермой в штате Огайо. Про его ферму слышали даже в Оксфорде, поэтому и предложили ему написать предисловие. Он признался, что начал листать поэму и скотный двор Вергилия возник перед ним как живой, со всеми домашними животны-

ми, батраками и прочим. Как там он выразился?.. Грубые и уродливые черты. Или скоты? Уже не помню. Наверное, скоты, он все же фермер. Ни один, говорит, читатель не устоит перед чудовищной образной силой этой поэмы.

— Моя копия была однозначно без Бромфилда, — покачал головой Джи-Си. — Признайся, ты ее посеял в Каджиадо?

— Свою я тоже надписала, — заметила Мэри.

— Ну и молодец, — похвалил я. — Ты и свой суахильский разговорник надписала. А я таскаю его в заднем кармане, страницы уже от пота слиплись. Не беда, я тебе свой разговорник уступлю. Его тоже можешь надписать.

— Мне твой не нужен, я хочу свой, который ты пропитал мерзким ягодичным потом, непонятно зачем.

— Видимо, специально, чтобы испортить тебе впечатление от Африки. Впрочем, вот он, забирай. Хотя я на твоем месте взял бы чистый.

— Что мне чистый? В моем были комментарии на полях, я туда идиомы записывала…

— Ну ладно, извини. Я, наверное, утром впотьмах сунул в карман по ошибке.

— По ошибке? Ты ведь у нас никогда не ошибаешься. И вообще, чем в поту мариновать, лучше

бы его по назначению применил. Выучил бы язык. А то читаешь одни французские романы. Как будто мы не знаем, что ты умеешь читать по-французски. Стоило ли приезжать в Африку, чтобы читать французские романы?

— Может, и стоило. У меня раньше никогда не было полного собрания сочинений Сименона, и продавщица в книжном магазине в фойе «Ритца» очень помогла: оформила заказ, отправила коробки.

— А потом ты все оставил в Танганьике у Патрика, кроме нескольких книг. Думаешь, он их будет читать?

— Не знаю. Патрик загадочная личность, почти как я. Может, будет, а может, и нет. Но у него есть сосед, который женат на француженке. Ей точно пригодится. Хотя я уверен, Патрик сам будет читать.

— Скажи, ты французский изучал по-настоящему? С грамматикой, со всеми делами, чтобы говорить без ошибок?

— Нет.

— Ты безнадежен.

Джи-Си хмуро посмотрел на меня.

— Неправда, — сказал я. — Меня можно будет назвать безнадежным, когда я перестану наде-

яться. Вы это сразу заметите, не сомневайтесь.

— А на что ты надеешься? На свою интеллектуальную неряшливость? На книги, что воруешь у людей? На левые домыслы о том, куда побежит лев?

— Не люблю паразитных аллитераций: лев, левые… Просто скажи: домыслы.

Засыпаю с молитвой: о Боже мой.
Проспрягай «засыпаю» с моей женой.
И с любовью сладостной, неземной.

Проспрягай с цепочкой дней и ночей,
И с огнем – настоящим, не от свечей,
И с вершиной, светом моих очей.

В ожерелье веток могучий тис,
В снежной пудре отсвет костра погас.
Проспрягай со снегом хотя бы раз.

Почему вершина то далека,
То близка? И как проспрягать «люблю»
С кукурузой, что дарит твоя рука?

Мне, конечно, не стоило затевать литературный спор, особенно с теми, кто недавно читал Вергилия, но тут настало время обеда, этого ве-

ликого примирителя разногласий, и все, кому посчастливилось насладиться великолепным меню, чувствовали себя не хуже, чем средневековые нарушители закона под сводами церквей, то есть в абсолютной безопасности, хотя я не очень-то верю в надежность церквей как убежищ. Умиротворенные, мы убрали посуду, и Мэри отправилась вздремнуть. А я пошел на нгому.

Это была вполне обычная нгома, только общая атмосфера отличалась редким миролюбием, да молодые егеря, танцуя, лезли из кожи вон; каждый был в шортах и с четырьмя страусиными перьями в волосах, по крайней мере в начале. Два пера были белыми, а два выкрашены в розовый цвет. Крепились они при помощи хитроумных приспособлений: кожаных ремешков, шпилек и проволочек. К щиколоткам егеря привязали колокольчики. Хореография танца подчинялась строжайшей дисциплине: ритм держали три барабана, им подыгрывали на пустых жестянках и старых бензобаках. По крайней мере три танца были всем известной классикой, остальные — полной или частичной импровизацией. Женщины и дети держались в стороне: их очередь не подошла. Они тоже пританцовывали, но с егерями пока не смешивались; по их движениям

можно было заключить, что у себя в Шамбе они практиковали более жесткие и откровенные нгомы.

Мэри подошла с фотоаппаратом и принялась снимать на цветную пленку. Ее все поздравляли, пожимали ей руку.

Егеря показывали чудеса ловкости. Один трюк заключался в том, чтобы пройтись колесом над монеткой, наполовину утопленной в песок, и в верхней точке, когда ноги торчат вертикально, опуститься на руках, схватить монетку зубами и снова оказаться на ногах — без паузы, одним плавным движением. Дендже, самый спортивный из егерей, замечательный добряк и душка, проделывал этот трюк безукоризненно.

Я большей частью сидел в тени и подыгрывал на пустом бензобаке, отбивая ритм основанием ладони. Рядом со мной присел на корточки Стукач в неизменной шали и войлочной шляпе.

— Почему грустишь, брат? — спросил он.

— С чего ты взял?

— Все знают, что ты грустишь. Надо радоваться. Посмотри на свою невесту. Сегодня она королева нгомы.

— Убери руку с барабана. Заглушаешь.

— Ты барабанишь очень хорошо, брат.

— Черта с два. Вообще не умею барабанить. Попадаю в ритм, и то спасибо. А ты почему грустишь?

— Бвана старший егерь говорил со мной грубо и прогнал прочь. После всего, что я сделал, он назвал меня бездельником и собирается послать в места, где меня очень запросто могут убить.

— Убить могут везде.

— Да, но здесь я умру с пользой для тебя, а значит, не напрасно.

Танец между тем набирал обороты. Мне нравилось и не нравилось наблюдать за Деббой; похожие ощущения, наверное, испытывает каждый, кому показывают такого рода балет. Я знал, что Дебба танцует для меня: она была совсем близко и двигалась в такт моим ударам по бензобаку.

— Очень красивая девушка, — сказал Стукач. — Настоящая королева нгомы.

Я доиграл танец, а потом поднялся, отыскал Нгуили, надевшего по случаю зеленый халат, и распорядился, чтобы девушек обнесли кока-колой.

— Зайдем ко мне в палатку, — сказал я Стукачу. — Ты ведь нездоров?

— Я болен, брат, очень болен. У меня лихорадка.

Можешь измерить температуру.

— Я дам тебе атабрина.

Мэри все еще снимала, и девушки позировали, расправив плечи и выпятив груди под шарфами, похожими на скатерти. Мтука командовал, сбивая их в фотогеничную группу. Было ясно, что он ищет выигрышную позицию для Деббы. Наблюдая за ними, я отмечал, что Дебба рядом с Мэри держится скромно, потупив глаза и распрямив спину; не было и следа той заносчивости, какую она выказывала наедине со мной; перед Мэри она стояла, как солдат по стойке «смирно».

Язык у Стукача был белый как мел; надавив на него ложкой, я увидел на горле скверный бледно-желтый налет. Температура была 38,5.

— Ты болен, старик, — сказал я. — Выпей-ка пенициллина и отправляйся домой. Тебя подвезут на охотничьем джипе.

— Я же говорил, брат! А мне никто не верит. Нальешь выпить?

— С пенициллином можно. И для горла хорошо.

— Для горла очень хорошо, брат. Думаешь, бвана старший егерь разрешит мне остаться, если ты подтвердишь, что я болен?

— Пока ты болен, какая от тебя польза? Тебе

надо в госпиталь в Каджиадо.

— Нет, брат, пожалуйста, не надо! Я останусь здесь, ты меня вылечишь, и я тебе пригожусь. Буду твоими глазами и ушами. И правой рукой в бою.

Боже правый, подумал я, посмотрите на него! И это он говорит трезвый и больной, с гнойным тонзиллитом. Завидный боевой дух, пускай только на словах.

В высоком стакане я смешал сок лайма и виски в пропорции пятьдесят на пятьдесят, с учетом больного горла, и решил, что дам ему пенициллина, таблеток от кашля и сам отвезу домой.

После коктейля ему заметно полегчало, и боевой дух распустился пышным цветом.

— Я масаи, брат. Мне незнаком страх смерти. Я презираю смерть. Меня погубили развратные бваны и дурная женщина из Сомали. Она отняла у меня все: собственность, детей, честь.

— Я знаю.

— Но теперь ты купил мне копье, и я начну новую жизнь. Ты ведь послал на родину за лекарством, что возвращает молодость?

— Да, скоро должны получить. Но учти, оно помогает только тем, у кого в душе осталась молодость.

— Она во мне есть, брат! Я и сейчас чувствую, как она бурлит во всем теле.

— Это виски.

— Может быть. Но и молодость тоже!

— Сейчас дам тебе пенициллина и отвезу домой.

— Не надо, брат! Я приехал с Вдовой, с ней и уеду. А ей еще рано уходить. В прошлую нгому я ее на три дня потерял, теперь уж дождусь. Вернемся вместе на грузовике.

— Тебе надо лежать.

— Ничего, подожду. Ты не знаешь, брат, как опасна нгома для женщины.

Кое-какое представление об этом я имел, тема была интересной, но я решил ее не развивать: Стукачу с больным горлом не следовало много говорить.

— Можно выпить еще, брат? А потом лекарство?

— Ну ладно. С точки зрения медицины это приемлемо.

На сей раз я добавил в коктейль сахара и сдвинул пропорцию в пользу виски, рассудив, что если он собрался ждать Вдову, то это надолго, а солнце скоро опустится, и станет прохладно.

— Нас ждут большие дела, брат, — сообщил

Стукач, прикончив стакан в несколько глотков.

— Хм, не знаю. Может, в качестве подготовки совершим парочку больших дел порознь?

— Укажи большое дело, брат, и я его совершу.

— Придумаю что-нибудь, когда ты выздоровеешь. Есть несколько малых дел, но их я должен сделать сам.

— Могу я помочь в малом деле, брат?

— Эти надо делать в одиночку.

— Если мы с тобой совершим большие дела, брат, ты возьмешь меня в Мекку?

— В этом году я не поеду.

— А в следующем?

— На все воля Аллаха.

— Брат, ты помнишь бвану Бликсена?

— Разве можно забыть?..

— Люди говорят, что он не умер. Говорят, он скрылся, исчез, чтобы дождаться смерти кредиторов, а потом вернется, подобно малютке Иисусу. Понятно, что он не малютка Иисус, просто вернется тем же путем. Думаешь, есть в этом правда, брат?

— Думаю, что в этом нет правды. Бвана Бликсен на самом деле умер. Мои друзья своими глазами видели, как он лежал на снегу с пробитой головой.

— Так много великих людей ушло. Так мало нас осталось. Расскажи, брат, о религии, которую ты несешь. Какому богу ты отдал свою веру?

— Мы называем его Всемогущий Гитчи Маниту. Но истинное его имя другое.

— Понимаю. Он тоже был в Мекке?

— Для него съездить в Мекку — как для нас с тобой сходить в магазин.

— Я слышал, ты его прямой наместник?

— В той мере, в какой я этого достоин.

— Ты уполномочен действовать от его имени?

— Не тебе спрашивать об этом.

— Прости мое невежество, брат. Он говорит твоими устами?

— Если захочет.

— Может ли человек, который не…

— Довольно вопросов.

— Последний вопрос…

— Вот твой пенициллин, — прервал я. — Проглоти и ступай. Палатка не место для таких бесед.

Стукач смотрел на микстуру с недоверием, неуместным для потенциального вершителя великих дел. Впрочем, не исключено, что он ожидал укола и теперь досадовал об упущенном случае продемонстрировать отвагу перед иглой.

Вкус ему, однако, понравился, и он с удовольствием принял две столовые ложки. Я за компанию тоже принял две ложки: никогда не знаешь, что случится на ногме.

— Если у лекарства такой приятный вкус, разве оно может быть сильным, брат?

— Сам Великий Маниту использует это лекарство.

— Да свершится воля Аллаха. Когда мне принять остальное?

— Утром, как проснешься. Если ночью не сможешь спать, соси леденцы.

— Я чувствую себя гораздо лучше, брат.

— Иди присмотри за Вдовой.

— Иду.

Все это время снаружи доносились грохот барабанов, звон колокольчиков и резкие звуки свистков. Мне по-прежнему не хотелось танцевать, настроение не дозрело, и, когда ушел Стукач, я сделал себе джин с кампари, добавив немного содовой из сифона. Мне верилось, что в совокупности с двумя ложками пенициллина это возымеет должный эффект, пускай не основанный на чистой науке.

Эксперимент прошел удачно, барабанный гул сделался отчетливее. Я прислушался, стараясь

определить, изменился ли тембр свистков, и пришел к выводу, что не изменился. Посчитав такой результат положительным, я достал из бурдюка холодную кварту пива и вернулся к танцующим. Моим жестяным барабаном уже кто-то завладел, и я праздно уселся под деревом, где меня и отыскал дружище Тони.

Тони был прекрасным человеком и одним из моих лучших друзей. В танковых войсках он дослужился до сержанта, показав себя храбрым и умелым бойцом. Тони был если не единственным масаи в британской армии, то уж точно единственным сержантом-масаи. Он работал в охотоведческом хозяйстве под началом Джи-Си, что служило предметом моей постоянной зависти: Джи-Си всегда везло с людьми. Тони был отличным механиком, надежным работником, никогда не унывал, отлично говорил по-английски, по-масайски, немного на языке чагга и камба и, естественно, на суахили. По виду он совсем не был похож на масаи: коротконогий, широкогрудый, с мускулистой шеей и крепкими руками. Я обучил его боксу, и мы часто спарринговали.

— Отличная нгома, сар, — сказал Тони.

— Да, — согласился я. — Танцевать не будешь?

— Нет, сар. Это нгома для вакамба.

Егеря как раз начали очень сложный танец, и девушки присоединились к ним, совершая интенсивные совокупительные движения.

— Здесь много красивых девчонок. Какая тебе нравится, Тони?

— А вам, сар?

— Не могу решить. По крайней мере четыре очень хороши.

— Но одна лучше всех. Понимаете, о ком я?

— Прекрасная девушка. Откуда она?

— Она камба, сар, из соседней шамбы.

Девушка была действительно хороша, лучше не придумаешь. Мы с Тони не сводили с нее глаз.

— Ты видел мисс Мэри и капитана?

— Да, сар. Они недавно были здесь. Я очень счастлив, что мисс Мэри убила льва. Это ведь так давно началось! Помните, масаи с жвачкой заколол льва копьем? Еще в старом лагере под фиговым деревом. Долго же она охотилась за своим львом, сар! Сегодня утром я сказал ей масайскую пословицу. Она не говорила?

— Нет, Тони.

— Пословица такая: когда умирает большой бык, в мире наступает тишина.

— Очень верно схвачено. Слышишь, в мире и сейчас тихо. Даже среди шумной нгомы.

— Вы тоже заметили, сар.

— Конечно. У меня внутри со вчерашнего дня тишина. Пива выпьешь?

— Спасибо, сар, не надо. Мы будем сегодня боксировать?

— А ты хочешь?

— Если вы не против, сар. Здесь много новичков, их надо попробовать в деле. Может, завтра, после нгомы?

— Можем и сегодня.

— Завтра, наверное, лучше. Один из новичков, сар, очень грубый парень. Не плохой, нет. Просто грубый. Вы знаете, о чем я.

— Из городских?

— Вроде того.

— Боксировать умеет?

— Я бы не сказал. Но очень резкий.

— А удар?

— Хороший, сар.

— Кстати, что это за танец?

— Новый боксерский танец, сар. Вот смотрите: делают нырок и хук слева, как вы учили.

— Даже лучше, чем я учил.

— Значит, завтра?

— Завтра ведь ты уедешь.

— Ах да. Забыл, сар. Простите. Я совсем рассе-

янный, с тех пор как умер большой бык. Устроим бокс в следующий раз. Пойду проверю грузовик.

Я отправился на поиски Кейти и нашел его на периферии танцующей толпы. Он был весел и энергичен.

— Развези людей по домам, как стемнеет. Организуй грузовик, подключи Мтуку с охотничьим джипом. Мемсаиб устала, мы хотим пораньше поужинать и лечь спать.

— Ндио, — согласился он.

— Джамбо ту, — кивнул я. — Почему не танцуешь?

— Слишком много правил. Не мое.

— Аналогично.

Ужин в тот вечер был отменный: Мбебиа приготовил отбивные из льва, панированные в сухарях. Они удались на славу. В сентябре, когда мы впервые отведали львиных отбивных, это казалось чем-то эксцентричным, даже варварским, и вызвало немало споров. Некоторые отказались их есть, другие сочли деликатесом. Мясо было белым, нежным, похожим на телятину и совсем не отдавало дичью.

— Если такие отбивные подадут в хорошем итальянском ресторане, их никто не отличит от миланского шницеля, — заметила мисс Мэри.

У меня сомнений не было с самого начала: я понял, что мясо будет вкусным, впервые увидев освежеванную львиную тушу. Мкола, в ту пору мой оруженосец, подтвердил мою догадку, заявив, что не ел ничего вкуснее. Мы, однако, находились под жестким влиянием Отца, который пытался вылепить из меня нечто вроде «пук-касаиб», то есть абсолютного охотника, и я ни за что бы не отважился заказать нашему повару жареного львиного мяса. В этом году ситуация изменилась, и, когда мы убили первого льва, я попросил Нгуи отнести вырезку на кухню. Отец, конечно, заявил, что это варварство и ни один нормальный человек не ест львиного мяса, но в последнем сафари мы жалели уже не о сделанном, а о том, чего сделать не успели, поэтому оппозиция носила весьма условный характер. Мэри научила Мбебиа готовить панированные отбивные, и, когда Отец почуял божественный аромат и убедился, что мясо расступается под ножом, подобно нежнейшей телятине, и увидел, с каким наслаждением мы поедаем новое блюдо, он не устоял и попробовал кусочек.

— Ты ведь ел медвежье мясо в Америке, когда охотился в Скалистых горах, — комментировал я. — И кабана тоже ел, хотя он хуже, чем лев или

медведь.

— Иди к черту, — отвечал Отец. — Чего пристал? Видишь, я ем.

— Ну и как?

— Как, как. Вкусно. Не подначивай.

— Ах, мистер П., возьмите еще кусочек! — воскликнула Мэри. — Ну пожалуйста!

— Хорошо, хорошо, — буркнул он. И добавил, возвысив голос до бабьего фальцета: — Только прекратите на меня глазеть!

Сейчас, за ужином, мы вспоминали те времена, и мне нравилось говорить об Отце, пожалуй, моем лучшем друге, которого все любили. Мэри рассказала об их беседах с Отцом во время долгой поездки через Танганьику, когда мы охотились возле реки Руаха и на равнине Бохоро. Я слушал, мысленно заполняя Отцовы недомолвки, и мне казалось, что он сидит с нами, и на душе становилось легко — даже заочно, из рассказа Мэри, Отец помогал мне, распутывая и упрощая сложные ситуации.

Мне думалось, что и лев, чье мясо мы с таким аппетитом поедали, незримо присутствует на нашей трапезе, и это большое счастье — ужинать в столь достойной компании.

В эту ночь Мэри спала в своей кровати, со-

славшись на усталость. Я какое-то время лежал без сна, потом вышел посидеть у костра. Мысли кружились вокруг Отца: я жалел, что он не бессмертен, и радовался, что мне выпало счастье его знать и что вместе мы сделали пару-тройку интересных вещей, как в старые добрые времена, с шутками и разговорами, когда важно не дело, а люди, с которыми его делаешь, и под эти мысли меня начала одолевать сонливость, и я ушел спать.

Глава одиннадцатая

Проснувшись рано утром и наблюдая, как Нгуи легкой походкой шагает по траве, я думал, что мы с ним братья, и мне было странно, что я, белый человек, живу в Африке. Двадцать лет назад меня привели на проповедь к мусульманскому миссионеру: он объяснял слушателям преимущества темной кожи перед светлой. Я был дочерна загорелым и почти не выделялся из толпы.

— Посмотрите на белого человека! — говорил миссионер. — Он выходит из тени, и солнце тотчас же начинает его убивать. Кожа его краснеет и покрывается волдырями. Бедняга вынужден сидеть взаперти, разрушая себя алкоголем, он пьет из большого стакана или прямо из горлышка, чтобы заглушить ужасную мысль: завтра опять встанет солнце! Жалок, жалок белый человек, но посмотрите на его мванамуки, на его несчастную Мемсаиб! Коричневые пятна покрывают ее тело, как только она выйдет на солнце; уродливые пятна, подобные предвестникам проказы. Если она не убежит сразу в тень, то солнце заживо сорвет с нее кожу, превратив тело в багровый ожог…

Утро было слишком ясным, чтобы предаваться

такого рода воспоминаниям, да и многие смачные места из той проповеди я уже забыл. Один пассаж крепко засел в памяти: описание белого рая, жалкий прототип которого белый человек тщится воссоздать на земле, без устали ударяя маленькие мячики клюшкой или перебрасывая мячики побольше через сеть, похожую на рыболовецкий невод, пока солнце, воспылав праведным гневом, не загонит его обратно в сумрачный клуб, где он будет убивать себя алкоголем и хулить поносными словами малютку Иисуса, если рядом не будет его ванаваки.

Мы с Нгуи прогулялись к зарослям, где у знакомой кобры была нора. Кобры дома не оказалось: ушла по делам или съехала, не оставив адреса. Ни я, ни Нгуи толком не умели охотиться на змей; этим любил заниматься белый человек, и его можно было понять: змеи жалили его скот и верховых лошадей, и за каждую мертвую змею — кобру или гадюку — на ферме Отца давали шиллинг. Убивать змей за деньги — что может быть позорнее? Для нас змеи были быстрыми бесшумными существами, живущими в земляных норах, настолько узких, что неясно, как они туда пролезают; на эту тему много шутили. Ходили легенды о грандиозных мамбах, вставших на

хвост и преследовавших бедных колонистов и егерей, пеших и конных. Мы к этому не особо прислушивались, поскольку легенды приходили с юга, где по пустыням в поисках воды бродили бегемоты с человеческими именами и огромные змеи совершали библейские подвиги. У меня не было оснований не верить этим историям; в конце концов, их записали весьма уважаемые люди. Наши змеи, однако, вели себя иначе, а до чужих нам дела не было.

Наши змеи были либо глупыми и трусливыми, либо хитрыми и опасными. Я старательно делал вид, что охочусь на последних, но мои потуги никого не могли обмануть, кроме мисс Мэри. Одна кобра удостоилась особого внимания потому, что плюнула ядом в Джи-Си; ее-то мы и ходили проведать сегодня утром. Обнаружив, что нора пуста, я высказал предположение, что эта кобра — прабабушка нашего Тони, поэтому ее не следует обижать. Нгуи моя идея пришлась по душе: известно, что масаи ведут свой род от кобры. В развитие темы я заметил, что известная ему девушка из масайской маньятты — высокая, красивая и гибкая — обладает явным фамильным сходством со змеей. Пока Нгуи с жутковатым весельем размышлял о возможных предках своей

возлюбленной, я задал ему вопрос: не оттого ли у масайских женщин ладони и некоторые иные части тела постоянно холодны, что в их жилах течет змеиная кровь? Сперва он в этом усомнился, заявив, что масаи холоднорукие, ибо такова их природа; позже, когда мы возвращались в лагерь, по периметру которого застыли желтозеленые кроны деревьев, словно вычеканенные на коричневом морщинистом фоне снегоносной вершины, он сказал, что в моей теории есть разумное зерно. У итальянок, заметил Нгуи, ладони или горячие, или холодные, и меняются очень быстро: то морозят, как ледышка, то обжигают, как горячий источник, а другие части тела вообще кипяток. В любви, однако, они ничем не лучше масайских женщин. Может, у масаи и вправду змеиная кровь? В следующий раз, когда убьем какую-нибудь змею, предложил я, надо будет потрогать ее кровь, чтобы убедиться на деле. Мне до сих пор не доводилось трогать змеиную кровь, так как змеи внушали мне отвращение, и Нгуи был со мной солидарен. Во имя истины, однако, мы решили, что при первом же удобном случае потрогаем кровь змеи и попытаемся склонить к этому других, чтобы заручиться показаниями независимых свидетелей. Подобные антропо-

логические изыскания мы проводили чуть не на каждой прогулке; и сейчас, продвигаясь от частного к общему, постигая отвлеченные закономерности на примере мелких повседневных вопросов, мы одновременно приближались к лагерю, и под деревьями, горящими изумрудным огнем в лучах утреннего солнца, уже показались палатки егерей, и серые дымы костров, и сидящий в тени у огня Джи-Си с книжкой в одной руке и с бутылкой пива в другой.

Я отдал Нгуи винтовку, которую он положил на плечо рядом со своим стареньким ружьем, и направился к костру.

— Доброе утро, генерал! — приветствовал Джи-Си. — Что-то ты рано поднялся.

— Мы, охотники, всегда так, — ответил я. — Включаем голову, играем в открытую и крепко стоим на ногах, как бы ни легла карта.

— Я и гляжу, всю карту истоптали. Пиво будешь?

Он виртуозно наполнил стакан до краев, в последний момент предотвратив побег пены и осторожно добавив несколько контрольных капель.

— Праздным рукам шайтан занятие найдет, — прокомментировал я, приняв стакан, над

которым пенная шапка нависала, как лавина над ущельем, и благополучно препроводив его ко рту.

— Неплохо для горе-охотника, — похвалил Джи-Си. — Твердая рука и налитые кровью глаза — визитная карточка истого британца.

— Пьем, что горит, далее по тексту, — ответил я. — Ты когда через Атлантику переберешься?

— Уже над Ирландией прошел, зелененькая такая. Прямо по курсу огни Ле-Бурже. Господи, генерал, я умею летать!

— Многие так думают. Вопрос, красиво ли ты летишь?

— Легко и непринужденно, с гордо поднятой головой.

— Как бы ни легла карта?

— Вот именно.

— Похвально, сын мой. Ибо сказано: как жил человек, так и полетит.

— Пей пиво, Билли Грэм. Что ты будешь делать, когда я уеду? Надеюсь, обойдется без истерик? Без тяжелой моральной травмы? Смотри, еще не поздно обнажить фланг.

— Который из них?

— Да какая разница. Это один из немногих армейских терминов, что запали мне в душу.

Всегда хотел обнажить перед неприятелем фланг. По жизни мы постоянно держим какой-нибудь фланг, иногда хочется его обнажить.

— Mon flanc gauche est protégé par une colline, — сказал я, вспомнив молодость. — J'ai les mittrailleuses bien placés. Je me trouve trés bien ici et je reste.[44]

— Не ищи убежища в иностранном языке, — ответил Джи-Си. — Давай-ка еще по стаканчику, и съездим померяем твой выстрел, пока мои головорезы заканчивают утренний туалет и готовятся выйти на большую дорогу.

— Ты читал «Сержанта Шекспира»?

— Нет.

— Я тебе дам. Мне ее подарил Дафф Купер. Это его вещь.

— Не мемуары?

— Нет.

Мы тогда читали мемуары Купера по кусочкам, в журнальном варианте: тоненькие бумажные буклеты прибывали самолетами в Энтеббу, а оттуда в Найроби. Мне эта редакция не очень нравилась. А вот «Сержант Шекспир» пришелся по душе. Я вообще любил Даффа Купера, за вычетом

---

[44] Примечания: 44

Мой левый фланг прикрыт высотой. Митральезы расставлены стратегически верно. Позиция выгодная, буду держать (*фр.*).

его жены. Увы, в мемуарах концентрация жены была очень высока, и мы читали их через силу.

— Когда начнешь писать мемуары, Джи-Си? — спросил я. — Смотри, к старости все забудешь.

— Пока не планировал.

— А зря. Из старой гвардии уже почти никого не осталось. Начни с ранних событий, застолби первые несколько томов. «Детство в далекой Абиссинии», например, будет хорошим началом. Университет и богемный лондонский период можно пропустить. Переходи сразу к «Юности в племени Фузи-Вузи», затем к ранним годам на должности егеря. И не мешкай, а то все забудешь.

— Разрешишь позаимствовать твой чеканный стиль, отточенный в романе «Внебрачная мать итальянского фронта»? Это мой любимый, не считая повести «Под двумя флагами». Это ведь тоже твоя?

— Ты путаешь. Моя называлась «Смерть часового».

— Знаю, стоящая вещь. Настольная книга моего детства, определившая всю дальнейшую судьбу.

— Ты и правда хочешь ехать мерить мой выстрел? — спросил я с надеждой.

— Безусловно.

— Возьмем независимого свидетеля?

— Ни к чему. Шагами померяем.

— Ну так поехали. Я только посмотрю, не проснулась ли мисс Мэри.

Мэри спала как убитая. Губы ее были сомкнуты, лицо на фоне подушки казалось желтоватым. Дышала она почти бесшумно, но по легким движениям головы я понял, что ей снится сон.

Прихватив висевшую на ветке винтовку, я забрался в «лендровер» рядом с Джи-Си. Мы выехали на старую колею и нашли место, где мисс Мэри подстрелила льва. Здесь уже все выглядело по-другому, как это обычно бывает с полем битвы, однако нам удалось отыскать сперва гильзы Мэри, потом гильзы Джи-Си и, наконец, чуть левее, мои. Одну из них я подобрал и сунул в карман.

— Сейчас я подъеду туда, где он упал, а ты меряй шагами по прямой.

Он поехал прочь, я смотрел ему вслед. В его каштановых волосах путалось утреннее солнце. Сидевшая рядом с ним собака оглянулась и вновь повернула голову вперед. Когда «лендровер» встал, чуть-чуть не доехав до густой рощицы, я шагнул влево от гильзы, что лежала западнее остальных, и пошел к нему, считая шаги. Винтовку я положил на плечо и держал ее за ствол. До

джипа было далеко, он казался совсем маленьким. Джи-Си вышел и прогуливался взад-вперед, собака бегала вокруг. Они тоже казались маленькими, а собаку вообще было едва видно в высокой траве. Я подошел к машине и остановился там, где трава была примята.

— Сколько? — спросил Джи-Си.

Я ответил, и он покачал головой.

— «Джинни» не забыл?

— Держи.

Мы отхлебнули по глотку.

— Значит, так, — сказал Джи-Си. — Никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не рассказываем, за сколько шагов ты свалил льва. Пьяные или трезвые, в хорошей компании или в дерьмовой, — никогда.

— Договорились.

— Давай спидометр обнулим, и поезжай обратно по прямой. А я еще раз шагами померяю.

Наши замеры слегка отличались; между дистанцией в шагах и спидометром тоже был небольшой разброс. Мы решили скинуть четыре шага и, сев в машину, поехали обратно в лагерь. Впереди над горизонтом царила вершина, и было грустно, что до Рождества нам уже не придется охотиться вместе.

Джи-Си уехал, забрав своих людей, и я остался наедине с печалью мисс Мэри. Наедине — это не совсем точно, потому что, помимо печали, были еще сама мисс Мэри, и лагерь, и люди в лагере, и большая гора Килиманджаро, которую называли Кибо, и все животные и птицы, и поля юных цветов, и гусеницы, поедающие цветы. Еще были бурые орлы, что слетелись на гусениц и расхаживали по траве, словно куры, и орлы в коричневых брючках, и белоголовые орлы — все они паслись вместе, как на птичьем дворе. Из-за гусениц у птиц наступило перемирие. Огромные стаи европейских аистов опускались в луга, разом покрывая гектары цветущей травы. Увы, печаль мисс Мэри не боялась орлов, потому что орлы не значили для нее столько, сколько они значили для меня.

Она никогда не лежала с «винчестером» у горной тропы под куском можжевельника, чуть выше границы леса, поджидая орлов возле конского трупа, который успел послужить медвежьей приманкой и теперь временно работал приманкой для орлов, хотя скоро должен был вернуться к старой роли. Орлы парили на той же высоте, где ты их заметил, и не спешили спускаться. Ты залег под куст еще затемно и видел, как

они вылетели прямо из солнца, когда оно взошло над соседним пиком, точнее, над пологим травянистым холмом с каменной плешью на темени и редкой щетиной можжевельника по склонам. На этой высоте вся местность состояла из таких холмов, и бродить по ним было одно удовольствие. Орлы прилетали издалека, со снежных вершин, что вздымались на горизонте, но сейчас не были видны, так как ты лежал под кустом. Орлов было трое. Они купались в воздушных потоках, пропитанных солнечным светом; ты следил за ними до серых пятен в глазах, а потом опускал веки, но солнце все равно стояло перед тобой в багровом тумане, и ты снова смотрел вверх, где на границе слепящего диска кружили черные растопыренные когти, и треугольные хвосты, и внимательные круглые глаза. Утром в горах стояла прохлада. Из твоего укрытия был виден труп коня с обнаженными старыми зубами — чтобы их осмотреть, тебе приходилось задирать резиновую на ощупь верхнюю губу. Пять дней назад ты привел его сюда, к месту смерти, и отпустил поводья — он стоял неподвижно, как полагается, и, когда ты погладил черную холку с прошвой седых волос, он потянулся губами к твоей шее, с недоумением поглядывая вниз, на заседланную

лошадь, которую ты оставил на границе леса. Конь словно пытался понять, что происходит и в чем заключается новая игра. Ты вспоминал, как хорошо он видел в темноте, когда ты держал его за хвост, спускаясь ночью с крутого склона по каменистой тропе, в полушаге от обрыва. Он никогда не ошибался и на лету схватывал новые игры.

Ты привел его сюда, потому что кто-то должен был это сделать. Ты верил, что сможешь закончить все быстро и без мучений, а остальное не имело значения. Беда была в том, что конь решил, будто его собираются обучить новой игре, и пытался понять правила. Он снова ткнулся тебе в шею резиновыми губами и проверил, на месте ли вторая лошадь. Он знал, что из-за расколотого копыта на нем нельзя ездить верхом, и новая роль его интриговала.

— Прощай, Старик, — сказал я, потрепав его за ухом. — На моем месте ты поступил бы так же.

Он, конечно, не понял моих слов и попытался снова меня поцеловать, заверить, что все идет по плану, — и вдруг увидел пистолет, который я надеялся достать незаметно. Его глаза все поняли. Он стоял очень тихо, слегка подрагивая. Я выстрелил ему в голову, в пересечение воображаемых

линий, идущих крест-накрест от ушей к глазам; все четыре ноги разом подломились, тяжелое тело рухнуло и стало приманкой для медведя.

Теперь, когда я лежал под кустом можжевельника, моя скорбь еще не утихла. Я думал, что навсегда запомню Старика таким, каким он был, — и видел перед собой голову, с которой губы склевали орлы, и дыры вместо глаз, тоже съеденных, и дыру в животе, что успел выгрызть медведь, пока ему не помешали. Я поджидал орлов.

Один наконец решился: спикировал, как свист снаряда, и затормозил у самой земли, выставив растопыренные когти, словно собираясь еще раз убить мертвого Старика. Важно походив вокруг трупа, он подступил к дыре в брюхе и начал щипать. Его примеру последовали два других, и хотя приземлились они не столь стремительно, но крылья их были так же длинны, и шеи так же мощны, и на крупных головах красовались кривые клювы, и блестели круглые золотистые глаза.

Наблюдая, как орлы поедают надежного спутника и друга, убитого моей рукой, я думал, что в воздухе они красивее, чем на земле. Поскольку они были обречены, я дал им вволю поесть,

поссориться и потоптаться у трупа с лакомыми кусочками в клювах. Я жалел, что не было дробовика. Зато у меня был «винчестер» калибра 5,6 мм, и первого орла я убил аккуратно в голову, а второму дважды выстрелил в тело — он попытался взлететь, но не смог и упал, растопырив крылья, и полез вверх по склону, и пришлось его догонять. Другие животные, будучи раненными, бегут вниз, и только орлы стремятся вверх. Настигнув его, я обхватил ноги выше смертоносных когтей, наступил мокасином на шею и заломил назад крылья; он смотрел на меня глазами, полными ненависти и вызова, — ни один зверь, ни одна птица не смотрит так, как смотрит орел. Это был крупный красивый самец, способный унести снежного барашка, и держать его было тяжело. Глядя сейчас на орлов, мирно клюющих гусениц бок о бок с цесарками, я думал, что эти птицы никогда ни с кем не ходят рядом, и жалел свою жену с ее неизбывной печалью, но вряд ли смог бы ей объяснить, что значат для меня орлы и зачем я убил тех двух, причем последнему размозжил голову о дерево, и что мне дали за орлиный плюмаж в «Хромом олене» в индейской резервации.

Цесарок и орлов мы наблюдали из охотничьего джипа; они паслись на опушке того леса, что в

начале года был практически уничтожен огромным — более двухсот голов — стадом слонов. Мы надеялись найти здесь буйволов, а если повезет, то и леопарда, который жил ближе к болоту в уцелевших деревьях. Увы, нам не встретилось ничего интересного, кроме разливного моря гусениц и странного перемирия между птицами. Мэри осматривала деревья, подыскивая запасные кандидатуры на роль рождественской елки, а я думал об орлах и о старых добрых временах.

Бытует мнение, что в старые добрые времена жизнь была проще. Это не совсем так. Жизнь была жестче. Резервации — это жестче, чем шамбы. Впрочем, не исключено, что я ошибаюсь. Наверняка мне известно лишь одно: белый человек на протяжении своей истории отбирал землю у других народов, а людей сгонял в резервации, где они успешно погибали, как в концентрационных лагерях. Здешние резервации назывались заказниками, и немалые средства уходили на грамотное администрирование и поддержку местного населения. Охотникам, однако, запрещали охотиться, а воинам воевать. Джи-Си ненавидел собирателей; ему нужно было во что-то верить, и он решил верить в свою работу. Сам он, разумеется, считал, что никогда бы не выбрал

такую работу, если бы не верил в нее, и в этом тоже была правда. Даже Отец, активно участвуя в величайшем рэкете всех времен под названием «сафари», придерживался жесточайших этических норм. Клиентов полагалось выдаивать до последнего гроша, но взамен они должны были получить результат. Белые охотники весьма трогательно рассуждают, как они любят дикую природу и ненавидят бесцельное убийство, однако правда заключается в том, что дичь необходимо беречь для следующего клиента. Никому не интересно пугать животных беспорядочной стрельбой, и природу в заказниках следует сохранять в первозданном диком виде, на который столь падки богатые туристы.

Отец объяснил ситуацию много лет назад, когда мы рыбачили, закончив очередное сафари. Он сказал: «Понимаешь, ни у кого не хватит совести проделывать такие вещи дважды — если он, конечно, не полный мизантроп. Следующий раз, когда ты ко мне приедешь, особенно со своим транспортом, я тебе и людей найду, и места для охоты покажу, и обойдется все не дороже, чем дома».

На деле, однако, выходило, что богатым клиентам нравились чудовищные цены, и они

приезжали снова и снова, и каждый раз с удовольствием платили все больше, наслаждаясь мыслью, что обычным людям такой отдых не по карману. Старые богачи умирали, им на смену приходили новые, и поголовье дичи неуклонно сокращалось, и биржевые индексы росли. Для колонии сафари-бизнес был одной из основных статей дохода, и департамент охотоведческого хозяйства, под эгидой которого находились все устроители сафари, разработал и внедрил новые этические нормы, регулирующие каждый аспект их деятельности.

Сейчас, конечно, не было смысла думать ни об этике, ни о «Хромом олене», где ты сидел на шкуре мула перед вигвамом, разложив орлиные хвосты изнанкой наружу, чтобы видны были красивые белые кончики, и держал язык за зубами, пока они рассматривали товар. Старому шайенну, заинтересованному больше других, не нужно было в этой жизни ничего, кроме орлиных хвостов: остальные вещи он либо презирал, либо игнорировал за недоступностью. Живя в резервации, он вынужден был наблюдать орлов либо парящими в небе, либо сидящими на высоких серых камнях. Иногда к ним удавалось подобраться в буран, когда они прятались от ветра, прижавшись к

отвесной скале. Но старый шайенн был в бураны не ходок, этим занималась молодежь, пока не разъехалась.

Ты сидел и молчал, только изредка касался хвостов и поглаживал перья. Ты думал о своем коне и о втором медведе, что вскоре после убийства орлов вышел к трупу, вернувшемуся к роли медвежьей приманки. Ты лежал на границе леса, ветер был правильный, но уже начало темнеть, и ты взял прицел слишком низко: медведь кувыркнулся и встал во весь рост, рыча и шлепая себя огромными лапами, словно его что-то укусило, а потом опустился на четвереньки и попер на тебя враскачку, как сорвавшийся под откос тяжелый грузовик, и ты успел выстрелить дважды, второй раз почти в упор, так что запахло горелой шерстью. Ты думал и о первом медведе, с которого снял шкуру. Из нагрудного кармана ты достал связку длинных кривых когтей и положил рядом с перьями. Какое-то время все молчали, а потом началась торговля. Когтей гризли здесь не видели уже много лет, и ты не остался внакладе.

Сегодняшний день, напротив, начался бездарно; главным призом были аисты. До этого Мэри видела их всего дважды, в Испании. Первый раз — в небольшом кастильском городишке по пути

в Сеговию, куда мы направлялись через горы. Мы въехали на живописную центральную площадь в полдень и укрылись от палящего зноя под сводами гостиницы, чтобы наполнить вином бурдюки. В гостинице было прохладно, подавали отменное пиво. На центральной площади раз в году устраивали бесплатную корриду, и каждый желающий мог помериться силой с тремя быками, которых выпускали из деревянных коробов. Это было главное событие года, без смертей и увечий не обходилось почти никогда.

В тот день Мэри заметила гнездо аистов на церковной крыше, повидавшей на своем веку немало бычьей и человеческой крови. Жена владельца гостиницы повела ее в комнатку наверху, откуда можно было сфотографировать аистов, а я остался в баре с хозяином местной компании, занимавшейся грузовыми перевозками. Мы поговорили о кастильских городах и об аистах, которые испокон веков вьют гнезда на крышах церквей; из рассказов моего собеседника я понял, что это и сейчас не редкость. Аистов в Испании любят и никогда не обижают. Считается, что они приносят городу удачу.

Владелец гостиницы рассказал, что в городке находится мой соотечественник, некая разновид-

ность англичанина; большинство считало его канадцем. У него сломался мотоцикл, и он застрял здесь без гроша. Нужную деталь для мотоцикла он заказал и ожидал ее прибытия из Мадрида; деньги ему тоже должны были прислать, никто в этом не сомневался. В баре все отзывались о нем с любовью и жалели, что его нет. Он подрабатывал художником и отлучился по делам, но за ним могли послать: всем хотелось, чтобы я с ним встретился. Интересным было то, что он не знал по-испански ни единого слова, за исключением слова joder[45], и прозвали его соответственно мистер Йодер. Владелец гостиницы сказал, что я могу оставить для мистера Йодера записку. Я не знал, о чем написать неведомому соотечественнику со столь решительным именем, и в конце концов оставил ему 50 песет, сложив их особым способом, как делали в Испании в старину. Этот поступок был встречен всеобщим одобрением; меня заверили, что как минимум десять песет из пятидесяти мистер Йодер потратит тут же, не отходя от стойки.

Я поинтересовался, хороший ли художник мистер Йодер, и хозяин транспортной компании

---

[45] Примечания: 45
Трахать (*исп.*).

ответил:

— Поверь мне на слово, хомбре, он не Веласкес и не Гойя. И даже не Мартинес де Леон. Но времена изменились, и кто мы такие, чтобы критиковать?

Мисс Мэри спустилась в бар и сообщила, что сделала несколько снимков, хотя это баловство, так как у нее нет телескопического объектива. Мы расплатились, выпили за счет заведения холодного пива, покинули городок и поехали в Сеговию, навстречу ослепительному солнцу. На перевале я притормозил и посмотрел на город. Над ратушей по красивой дуге заходил на посадку аист. Он пролетел над рекой, где женщины стирали белье. В тот день нам пересек дорогу выводок попугаев, а ближе к вечеру, высоко в безлюдных и диких горах, мы видели волка.

С тех пор не прошло и года (в Испании мы остановились по пути в Африку), и сейчас мы смотрели на желто-зеленый лес, который слоны уничтожили как раз в то время, когда мы ехали в Сеговию. В мире, что меняется так быстро, у меня не было времени на печаль. Я был уверен, что никогда больше не увижу Испании, однако вернулся, чтобы показать жене Прадо. Испанские пейзажи я помнил до мельчайших деталей и лю-

бил их, как любят собственные вещи; мне не было нужды освежать их в памяти. Но я хотел показать их Мэри, причем без искажений и небрежностей. Я хотел, чтобы она увидела Наварру, и обе Кастилии, и волка в безлюдных горах, и аистов на башне. Еще была медвежья лапа, прибитая к церковной двери в Барко де Авиле, хотя наивно было бы надеяться, что она до сих пор цела. Мы без труда нашли аистов, и увидели волка, и полюбовались божественным видом на Сеговию, что открывается, когда подъезжаешь по незнакомой туристам дороге. В окрестностях Толедо таких дорог не осталось, а вокруг Сеговии еще есть, и мы видели ее всю как на ладони, и изучали сплетения улиц, словно карту незнакомого города, в котором с детства мечтали побывать.

Есть некая субстанция, сродни девственности, которую ты отдаешь красивому городу или гениальной картине, когда видишь их впервые. Разумеется, это только теория, в универсальность которой я не очень-то верю. Всем моим любимым вещам в момент первой встречи я дарил эту субстанцию, но особый восторг, конечно, в том, чтобы уже знакомой красоте, не ждущей от тебя ничего, дарить нового зрителя. Мэри полюбила и Испанию, и Африку; новое открывалось ей есте-

ственно и незаметно, без видимых усилий с ее стороны. Я старался ничего не объяснять, разве что сугубо технические или комичные моменты, и получал огромное удовольствие, наблюдая за ее открытиями. Ожидать, что любимой женщине понравится то же, что и тебе, по меньшей мере глупо, однако Мэри обожала море, маленькие суденышки и рыбалку, ценила живопись и без памяти влюбилась в Западное побережье Соединенных Штатов, куда мы отправились в наше первое совместное путешествие. Она никогда ничего не симулировала, и для меня это было подарком, ибо я только что расстался с грандиознейшей симулянткой — из тех, что отбивают у мужчины тягу к новизне и побуждают к одиночеству.

Мы искали проход в валежнике, оставленном слонами. Африканский день только разгорался, и студеный ветер с вершины еще не набрал силу. Прорубившись через несколько завалов и выбравшись на открытое место, мы увидели первую стаю аистов. Это были настоящие европейские аисты, черно-белые с красными ногами, и гусениц они зачищали методично, как зондер-команда. Мисс Мэри пришла в умиление, особенно после недавно прочитанной статьи, где

говорилось о критическом сокращении количества аистов. Теперь мы воочию убедились, что аисты и не думали вымирать; просто у них хватило ума переселиться в Африку, подобно нам. Печаль мисс Мэри, однако, устояла перед аистами, и мы повернули назад, в лагерь. Я не знал, что делать с такой печалью: у нее, в отличие от меня, был иммунитет на орлов и аистов. Видимо, это и вправду была нешуточная печаль.

— Ты все утро тихий, даже на себя не похож. О чем думаешь?

— О птицах, о странах. О том, какая ты у меня хорошая.

— Вот здорово, спасибо!

— Я не в качестве духовной практики.

— Не волнуйся за меня, это пройдет. Может, не так быстро, как хотелось бы. Из бездонной ямы одним прыжком не выскочишь.

— Хороший вид спорта, надо в следующую Олимпиаду включить.

— Тебе в нем равных не будет.

— У меня иные цели.

— Твои цели давно мертвы, как мой лев. Ты их пострелял навскидку, когда был в ударе.

— Смотри, еще аисты…

Африка — хорошее место для выращивания

долгоживущей печали, особенно когда в лагере вас двое, а в шесть часов вечера уже темно. Мы старались не говорить о львах, даже не думать о них, и пустота, в которой гнездилась печаль мисс Мэри, постепенно заполнялась странной и в то же время привычной рутиной, заволакивалась уютным туманом ранних сумерек. Когда костер догорел, я приволок длинное тяжелое бревно и положил на угли. Мы сидели на раскладных стульях и смотрели, как ночной ветер теребит костер, выдувая из-под дерева язычки пламени. Ветер был так легок, что казался прохладой неподвижного воздуха; мы видели его лишь благодаря огню. Есть много способов увидеть ветер, и самый красивый из них — смотреть на огонь.

— С костром не бывает одиноко, — сказала мисс Мэри. — Хорошо, что, кроме нас, никого нет. Бревна хватит до утра?

— Если ветер не поднимется.

— Так странно, что завтра не надо ехать за львом. У тебя ведь никаких забот на завтра?

— Никаких, — солгал я.

— Не скучаешь по прошлым проблемам?

— Нет.

— Может, наконец получится сфотографировать буйволов в цвете. Куда они ушли, как ты

думаешь?

— Наверное, в Чулус. Узнаем, когда Уилли прилетит на «сессне».

— Представляешь, много веков назад вулкан набросал камней, и некоторые места сделались недоступными. Туда вообще невозможно добраться, с тех пор как человек начал ездить на колесах.

— Современному человеку без колес нельзя. Местные уже не согласны работать носильщиками, а вьючных животных убивает муха цеце. Если в Африке еще и остались девственные места, так это благодаря мухе и пустыням. Муха цеце — лучший друг животных. Убивает только пришлых, своих не трогает.

— Странно, правда? Мы так любим животных — и в то же время почти каждый день убиваем их.

— Ничем не хуже фермеров, что любят домашнюю птицу. На завтрак они едят яйца, а на обед курятину.

— Это разные вещи.

— Принцип тот же. Сейчас поднялась новая трава, и дичи стало столько, что про львов мы в ближайшее время не услышим. Какой резон таскать скот у масаи, когда вокруг столько дичи?

— У масаи тоже скота навалом.

— Это точно.

— Иногда я думаю: дураки мы, что охраняем их скот.

— Если в Африке не чувствуешь себя дураком, то ты и есть дурак, — изрек я с дурацкой напыщенностью, что, впрочем, было простительно: наступил тот час, когда в ночном небе проклевываются первые звезды, а разговор начинают отягчать помпезные обобщения.

— Может, пойдем спать? — предложил я.

— Пойдем. И забудем все плохое, как примерные котята. Заберемся под одеяло, будем слушать ночь.

И мы ушли в палатку, и любили друг друга без печали, и слушали голоса ночи. Когда костер угас, возле самой палатки прошла гиена. Я полулежал под москитной сеткой, прислонившись спиной к брезентовой стене, чтобы Мэри было удобно в кровати. Гиена несколько раз крикнула — голос был странный, уходящий вверх. Ей ответила подруга, и вместе они убежали через лагерь к периметру. Налетел ветер, отсвет костра сделался ярче, и Мэри шептала:

— Вот лежим, как котята, а вокруг африканская ночь, горит наш верный костер, дикие звери занимаются своими делами… Ты правда меня

любишь?

— А как ты думаешь?

— Наверное, любишь.

— Наверное?

— Точно любишь.

Чуть погодя мы услышали кашель двух львов, вышедших на охоту, и гиены разом притихли. Потом далеко на севере, где страна геренуков переходит в каменистый лес, раздался львиный рык: тяжелый вибрирующий голос крупного зверя. Мэри прижалась ко мне, я обнял ее крепче.

— Слышишь: новый лев, — прошептала она.

— Про которого мы ничего не знаем. Если масаи начнут говорить о нем гадости, я не стану спешить с выводами.

— Мы о нем позаботимся, правда? Пусть он будет наш, как этот костер.

— Пусть лучше будет свой собственный.

Мэри быстро уснула. Я тоже уснул и чуть погодя проснулся от львиного рыка, но Мэри уже крепко спала, и ее дыхание было тихим.

Глава двенадцатая

— Мемсаиб болей? — спросил Мвинди, поправляя ее подушку и щупая надувной матрас, прежде чем ловко заправить под него край простыни.

— Немножко.

— Потому что лев кушай.

— Глупости. Мемсаиб болей еще до того, как мы… э-э, лев убивай.

— Лев быстро-быстро беги, очень быстро. Когда умирай, сильно сердись. Мясо яд получайся.

— Чушь!

— Хапана чушь, — мрачно возразил Мвинди. — Бвана капитан старший егерь тоже лев кушай. Теперь тоже болей.

— Бвана капитан старший егерь еще в Саленге той же болезнью болей.

— И в Саленга лев кушай.

— Мвинди чушь городи, — сказал я. — Бвана старший егерь заболей много раньше, чем я льва убивай. Я отчетливо помню. Хапана кушай льва в Саленга. Кушай уже здесь, после сафари. Когда лев Саленга убивай, сперва шкура сдирай, мясо разруби да коробка разложи, никто сразу не кушай. Твой память совсем дурной стал.

Мвинди пожал плечами.

— Бвана капитан старший егерь лев кушай — заболей. Мемсаиб лев кушай — заболей.

— А кто лев кушай и не заболей? Я не заболей.

— Шайтани! — ответил Мвинди. — Ты тоже болей, когда молодой. Мало-мало смерть не наступи, я сам смотри. Давно-давно, тоже лев тогда убивай, сильно заболей. Все люди помни, как ты умирай. Бвана помни, мемсаиб помни, ндедж помни.

— Я тогда ел львиное мясо?

— Нет.

— А заболел я раньше, чем убил льва?

— Ндио, — неуверенно сказал Мвинди. — Заболей, потом убивай.

— Знаешь, что я думаю? Мы с тобой слишком много болтаем.

— Ты мзи, я мзи. Мзи всегда много болтай.

— Квиша болтай, — отрезал я. Ломаный английский начал меня утомлять, и направление разговора тоже не нравилось. — Завтра прилетит ндедж, и мемсаиб отправится в Найроби. Там доктор хороший, быстро болезнь излечи. Вернется из Найроби здоровая и веселая. Квиша.

— Мзури сана, — кивнул Мвинди. — Пора вещи упакуй.

Выйдя из палатки, я увидел Нгуи: он ждал под деревом с моим ружьем.

— Я знаю место, где можно добыть двух квали для мисс Мэри. Пойдем.

Мэри еще не вернулась. Возле большого хинного дерева мы увидели двух купавшихся в пыли турачей, миниатюрных и красивых. Я махнул рукой, они побежали к кустам. Одного я снял на бегу, другого на взлете.

— Больше нет?

— Только два, — ответил Нгуи.

Я отдал ему ружье, и мы пошли в лагерь. В руке я держал двух жирных еще теплых птиц с прозрачными глазами; их перья ворошил ветерок. Раньше мне не доводилось видеть таких турачей, и я надеялся, что Мэри отыщет их в справочнике. Возможно, это была килиманджарская разновидность. Я решил, что один пойдет на бульон, а второй на жаркое. А для закрепления дам ей террамицина и хлородина. Террамицином, конечно, увлекаться не следовало, но до сих пор он не вызывал побочных реакций.

Сидя на удобном стульчике в прохладной столовой, я видел, как Мэри подошла к нашей палатке, помыла руки и нетвердой походкой направилась ко мне.

— О боже, — сказала она, опустившись на стул. — Никому не расскажем, ладно?

— Хочешь, будем возить тебя в туалет на джипе?

— Да ну его. Огромный, как катафалк.

— Прими вот это. И попытайся удержать внутри.

— А как насчет маленькой, для поддержания боевого духа?

— Вообще-то с алкоголем лучше не смешивать. Хотя я постоянно смешиваю, и ничего, пока жив.

— Ты-то жив, а я вот не очень.

— Ничего, оживешь.

Я смешал ей «буравчик» и сказал, что с таблетками можно не спешить, а лучше пойти полежать, почитать что-нибудь, или я почитаю вслух.

— Кого ты подстрелил?

— Пару мелких турачей. Похожи на попугаев, я позже покажу. Их приготовят на ужин.

— А на обед?

— Пюре и бульон из газели Томпсона. Мы тебя быстро на ноги поставим. Считается, что террамицин действует даже лучше ятрена, но с ятреном мне было бы спокойнее. Я мог поклясться, что он был в аптечке.

— Пить все время хочется.

— Не мудрено. Я покажу Мбебии, как делать рисовую воду. Нальем в бутылку, засунем в бурдюк с водой, чтобы не нагревалась, и пей сколько хочешь. И от жажды хорошо, и сил прибавится.

— Не понимаю, с чего я вдруг заболела. Все было так хорошо…

— Котенок, мало ли что бывает. Могла и малярию схватить.

— Ну уж нет. Я каждый вечер антималярийное лекарство принимаю. И тебе напоминаю постоянно. И противомоскитные сапоги мы обуваем, когда сидим у костра.

— Все правильно. Но помнишь, у болота, после буйволов, нас укусили раз сто.

— Ну, не сто, от силы десять.

— Кого как.

— Конечно, ты вон какой большой. Обними-ка меня покрепче.

— Нам, котятам, просто повезло. Обычно если уж попадешь туда, где ходит малярия, то обязательно заболеешь. А мы побывали в двух малярийных странах, и ничего.

— Дело не в везении, а в том, что я принимала антималярийное лекарство. И тебя заставляла.

— Ну хорошо, от малярии уберегли сь. А сонная

болезнь? Знаешь, сколько вокруг мух цеце?

— Да, у Эвасо-Нгиро от них было не продохнуть. Вечером идешь домой, а они кусают, как раскаленные пинцеты.

— Никогда не имел дела с раскаленными пинцетами.

— Я тоже, слава богу. Но именно так они кусались в тех гиблых местах, где мы видели носорога. Помнишь, носорог загнал Джи-Си и его собаку в реку? А лагерь там был хороший. Мы впервые стали охотиться сами, никто не мешал. Это в двадцать раз лучше, чем со всякими инструкторами. Помнишь, какая я была послушная?

— И к дичи можно было подходить почти вплотную, и лес такой зеленый, нетронутый, как будто там до нас вообще людей не было.

— И деревья высоченные, дремучие, даже солнечный свет не проникал. Помнишь, там был мох? Мы ходили бесшумно, как индейцы; ты меня вплотную подвел к импале, а она даже не заметила. А стадо буйволов помнишь? Такой был чудесный лагерь! А помнишь, леопард каждую ночь по лагерю бродил, как Бойз и мистер Уилли бродили по комнатам в нашей «Финке»?

— Помню, котенок. Ты у меня в два счета поправишься. От террамицина к вечеру полегчает,

а утром будешь совсем здоровая.

— Кажется, мне уже лучше.

— Доктор Куку говорил, что террамицин лучше ятрена и карбазона, а он зря болтать не болтает. От этих чудо-лекарств всегда состояние странное, пока не подействуют. Правда, ятрен в свое время тоже считался чудо-лекарством.

— Слушай, у меня идея.

— Какая, мой нежный котенок?

— Если Гарри прилетит на «сессне», вы с ним можете провести разведку, решить свои проблемы, а потом он отвезет меня в Найроби к хорошему доктору, который вылечит мою дизентерию или что там у меня, а заодно я куплю всем подарков на Рождество.

— Следи за терминологией: мы говорим «день рождения малютки Иисуса».

— Для меня это Рождество. И к нему нужно подготовиться, много чего купить. Что, слишком экстравагантно?

— Ну что ты, отличная мысль. Отправим запрос через Нгонг. Когда хочешь лететь?

— Как насчет послезавтра?

— Послезавтра — лучший из дней, что бывают после завтра.

— Я прилягу, пусть меня обдувает прохладный

ветер нашей вершины. Ты тоже отдохни, сделай себе выпить, почитай что-нибудь.

— Пойду научу Мбебию делать рисовую воду.

В полдень Мэри почувствовала себя лучше, и ей удалось немного поспать, а к вечеру у нее поднялось настроение и появился аппетит. Я был весьма доволен действием террамицина и отсутствием побочных эффектов. Постучав на всякий случай по деревянному прикладу, я сообщил Мвинди, что вылечил мисс Мэри при помощи тайного волшебного снадобья, но исцеление должен закрепить европейский доктор, поэтому послезавтра она полетит в Найроби.

— Мзури, — сказал Мвинди.

В тот вечер мы поужинали легко, но душевно, и лагерь вновь сделался счастливым местом; вызванная поеданием льва мистическая болезненная напряженность, столь отчетливо заявившая о себе утром, растворилась без остатка. Так было всегда: стоило случиться неприятности, как тут же появлялись объясняющие ее мистические теории, имевшие целью указать виновных.

Считалось, что мисс Мэри отмечена крайней неудачливостью — своеобразная повинность, которую она уже почти отбыла; в то же время окружающим Мэри приносила удачу. Любили

ее все без исключения, причем Чунго, первый помощник Джи-Си, был влюблен по-настоящему, а Арап Майна ее вообще боготворил. По мере того как религия, которую исповедовал Арап Майна, становилась все запутаннее, святого для него оставалось все меньше, и он с готовностью поклонился мисс Мэри; его чувство на пике экстаза опасно приближалось к насильственному обожанию. Джи-Си он тоже любил, но это было другое, сродни школьной привязанности пополам с преданностью. Он и меня окружил нежной заботой, заходившей достаточно далеко; несколько раз я даже вынужден был объяснять, что в известном смысле меня интересуют все-таки женщины, а не мужчины, хотя крепкую мужскую дружбу я ценю и ничего против нее не имею. Всю свою любвеобильность, все силы своей искренней и огромной, как Килиманджаро, души, одинаково щедрой на любовь — практически всегда взаимную — к женщинам, мужчинам, детям, животным, всем видам алкоголя и всем доступным растениям силы, список которых в Африке достаточно широк, — Арап Майна сосредоточил на обожании мисс Мэри.

Физической красотой он, честно говоря, не отличался, хотя была известная элегантность в его

солдатской выправке и в опрятности длинных наушников, которые он связывал на затылке в нечто вроде «пучка Психеи», как у греческих богинь. Его украшали прямота и искренность старого браконьера, ступившего на путь добра, и свою высокопробную праведность он готов был подарить мисс Мэри, как дарят девственность. В племени камба гомосексуализм не практикуется, а вот насчет племени лумбва я не уверен: единственным лумбвой, которого я хорошо знал, был Арап Майна, в равной степени интересовавшийся представителями обоих полов, и не последнюю роль в роковой эскалации его чувств к мисс Мэри сыграл, видимо, тот факт, что она удачно сочетала самую короткую в Африке стрижку с мальчишескими чертами чисто хамитского лица и пышными формами записной масайской красавицы. Арап Майна звал ее не «мама», что является типичным африканским обращением к любой замужней женщине в ситуациях, когда «Мемсаиб» звучит слишком формально. Он звал ее «мамаша». Мисс Мэри, которую раньше никто не называл мамашей, поначалу пыталась протестовать, однако обращение «мамаша» было высочайшей формой уважения, доступной Арапу Майне в английском языке, и он упорно звал

ее либо «мамаша мисс Мэри», либо «мисс Мэри мамаша», в зависимости от того, с кем из верных друзей он общался накануне — с растением силы или со старым добрым алкоголем.

Мы сидели вечером у костра и разговаривали о чувствах Арапа Майны. Я беспокоился, что целый день его не видел, и мисс Мэри заметила:

— Ужасно, когда все поголовно друг в друга влюблены, как в Африке. Ты не находишь?

— Не нахожу.

— Так и ждешь, что закончится чем-нибудь плохим.

— Плохое получается, когда в дело замешаны европейцы. Они слишком много пьют, заводят с кем попало интрижки и во всем обвиняют горную болезнь.

— Тут есть доля правды. Когда находишься на большой высоте, да еще на экваторе, это дает о себе знать. Я не знаю другого места, где неразбавленный джин пьется как вода. Факт налицо, тут не поспоришь. Должно быть рациональное объяснение: если не высота, то нечто подобное.

— Конечно, условия здесь необычные. Однако мы постоянно на ногах, работаем, охотимся, карабкаемся по чертовым склонам, весь алкоголь выходит через поры, можно не беспокоиться.

Дорогая, ты только за счет визитов в туалет набираешь километраж больше, чем иные женщины за всё сафари.

— Давай не будем о грустном. Там уже целая колея протоптана моими стараниями. И на полочке всегда свежая литература. Ты, кстати, дочитал книгу про льва?

— Откладываю до твоего отъезда.

— Ну-ну. Что-нибудь еще отложил?

— Только книгу, клянусь.

— Надеюсь, она научит тебя осторожности и добродетели.

— Этому меня учить не надо.

— Еще как надо. Вы с Джи-Си черт знает чем занимаетесь. Когда подумаю, что мой муж, известный писатель, пожилой уважаемый человек, по ночам в компании с Джи-Си вытворяет такое…

— Мы изучаем повадки ночных животных.

— Да что вы там изучаете?! Выпендриваетесь друг перед другом, кто круче!

— Ничего подобного, котенок. Немного развлекаемся, только и всего. Когда человек перестает развлекаться, он, считай, умер.

— Это не значит, что нужно постоянно рисковать жизнью и вести себя так, словно «ленд-

ровер» — верховая лошадь, а вы наездники на конной прогулке в национальном парке. И ладно бы еще хорошие наездники, а то ведь показуха одна.

— Истинная правда. Именно поэтому мы предпочитаем «лендровер», как и подобает двум скромным любителям консервативных форм отдыха.

— Ты хотел сказать, двум самым отпетым и лживым искателям приключений на свою задницу. Я уже давно не пытаюсь тебя перевоспитать, это безнадежно.

— Дорогая, не надо нас ненавидеть! Мы ведь не виноваты, что ты уезжаешь.

— С чего ты взял? Я просто беспокоюсь, мне жутко становится при мысли о ваших развлечениях. Хорошо, что Джи-Си уехал. Когда вы вдвоем, это вообще ужас какой-то.

— Поезжай спокойно в Найроби, дорогая. Сходишь к доктору, купишь все, что надо. О нашей маньятте не волнуйся, все будет в лучшем виде, без глупостей и ненужных рисков. Я лично прослежу, можешь мной гордиться.

— Лучше напиши что-нибудь, чем я могла бы гордиться.

— Может, и напишу.

— Насчет твоей невесты я не волнуюсь; главное, что меня ты любишь больше. Ты ведь любишь меня больше?

— Конечно, котенок. А когда вернешься, буду любить еще больше.

— Жаль, ты не летишь со мной.

— Терпеть не могу Найроби, ты же знаешь.

— Для меня там все в новинку, все так интересно, и люди очень милые.

— Ну вот и хорошо, поезжай, развейся. И возвращайся скорей.

— Даже не хочется уезжать. Правда, с Уилли на самолете будет здорово, а потом еще обратный полет, тоже здорово, а потом я вернусь к моему котенку, привезу всем подарки, это самое приятное. Смотри не забудь про леопарда. Ты обещал Биллу, что добудешь его до Рождества.

— Конечно, не забуду. Хотя с удовольствием бы уже подстрелил и забыл о нем.

— Просто хотела тебе напомнить.

— Не беспокойся, дорогая, я не забуду. И зубы буду чистить перед сном. И звезды на ночь гасить, и гиен выключать.

— Перестань! Я уезжаю, а он шутит.

— Наоборот, мне очень грустно.

— Ничего, я скоро вернусь, причем с сюрпри-

зами.

— Для меня лучший сюрприз — это увидеть моего котенка.

— Здорово, что у меня будет свой самолет. А сюрприз тебе понравится, обещаю, но это секрет.

— Тебе лучше лечь пораньше, дорогая. Таблетки, конечно, помогают, но отдых все равно нужен.

— Отнесешь меня в постель? Сегодня утром я думала, что вот-вот умру, и представляла, как ты понесешь меня на руках.

Я отнес ее в постель — и весила она ровно столько, сколько должна весить женщина, которую ты любишь, и была не слишком длинна и не слишком коротка, и длинные, как у цапли, ноги свисали неловко, как у типичных американских красоток. Она приникла ко мне, свернувшись уютным калачиком, и скользнула под одеяло, как роскошная яхта со стапеля.

— Хорошо в кровати, правда?

— Кровать — наше отечество.

— Это чьи слова?

— Мои, — с гордостью признался я. — По-немецки звучит более внушительно.

— Согласись, здорово, что нам не надо говорить по-немецки.

— Особенно если учесть, что мы не умеем.

— В Танганьике ты неплохо справлялся. Да и в Кортине.

— Мошенничал. Поэтому и звучало так внушительно.

— Люблю тебя — на простом английском.

— И я тебя. Спокойной ночи, котенок. Завтра все будет хорошо. Я тоже лягу, обнимемся, как два котенка, будем спать, проснешься совсем здоровой.

Услышав жужжание мотора над лагерем, мы поспешили к мачте, на верхушке которой безжизненно болтался сделанный из мешка ветровой конус, и с удовольствием посмотрели, как Уилли виртуозно сажает машину в белые цветы, заблаговременно примятые грузовиком. Самолет разгрузили, коробки сложили в охотничий джип, и я принялся разбирать почту. Мэри и Уилли болтали на переднем сиденье. Письма я разложил на две стопки — те, что были адресованы «мистеру и миссис…», отправились в стопку Мэри. Дурных телеграмм не было, а парочку можно было назвать обнадеживающими.

В столовой Мэри уединилась со своей почтой за отдельным столом, а мы с Уилли расположились бутылку пива, и я открыл письма, выглядевшие

хуже остальных. В них не было ничего, к чему не подошел бы метод игнорирования.

— Что на фронтах, Уилли?

— Продолжаем удерживать здание парламента.

— Гостиница «Торр»?

— Пока в наших руках.

— Отель «Нью-Стэнли»?

— Кровавая мясорубка! Согласно последним донесениям, там хозяйничает некто Джек Блок, но Джи-Си с отрядом стюардесс пытается закрепиться в баре.

— В чьих же руках Охотоведческое хозяйство?

— Трудно сказать. Переходит из рук в руки.

— Пошло по рукам?

— На войне как на войне. Я слышал, мисс Мэри добыла роскошного льва. Возьмем его с собой, мисс Мэри?

— Конечно, Уилли.

В полдень дождь прекратился, оправдав предсказания Уилли. Самолет улетел, и я остался в одиночестве. В город ехать не хотелось; лагерь с его привычными лицами, заботами и окружающим пейзажем казался уютнее. Мне, однако, было скучно без Мэри.

После дождя всегда чувствуешь себя одиноко,

но в этот раз у меня были письма. Я разложил их по датам, а заодно рассортировал и прессу: «Восточно-Африканский стандарт», почтовые версии газет «Таймс» и «Телеграф» на бумаге, похожей на луковую шелуху, литературный обзор газеты «Таймс» и почтовую версию журнала «Тайм». Письма были весьма скучными, и я порадовался, что нахожусь в Африке.

Одно из писем пришло от читательницы из штата Айова: редактор не поленился переслать его авиапочтой — надо полагать, за немалые деньги.

Центр Гатри, штат Айова.
27 июля 1953 года.
Мистеру Эрнесту Хемингуэю.
Гавана, Куба.

Несколько лет назад я прочла Ваш роман «За рекой в тени деревьев», публиковавшийся по частям в журнале «Космополитен». В начале идет восхитительное описание Венеции, и я ожидала, что остальное будет в том же духе, но книга меня разочаровала. У Вас был прекрасный шанс изобразить мерзость, ОТВЕТСТВЕННУЮ за развязывание вой-

ны, и заклеймить лицемерие, царящее в армии. Вместо этого Ваш офицер переживает из-за того, что с НИМ произошло ЛИЧНОЕ НЕСЧАСТЬЕ в виде потери людей, в результате чего он не получил повышения по службе. Практически НИЧЕГО не сказано о скорби по поводу гибели молодых людей. Книга на 90 процентов состоит из бесплодных попыток какого-то старика убедить себя и окружающих, что молодые хорошенькие и богатенькие женщины могут полюбить его как человека, а не как источник денег и высокого положения в обществе.

Потом вышла Ваша книга «Старик и море». Я спросила своего брата, человека эмоционально зрелого, проведшего четыре с половиной года на фронтах Второй мировой, не является ли она более зрелой по сравнению с «За рекой»? Он поморщился и ответил, что не является.

Я очень удивилась, когда Вам присудили Пулитцеровскую премию: это ведь коллективное решение. По крайней мере оно не было единогласным.

Вот вырезка из статьи Харлана Миллера, который ведет рубрику «За чашкой кофе» в газете «Де-Мойн реджистер». Я давно собиралась Вам ее послать. Остается только прибавить, что Хемингуэй ЭМОЦИОНАЛЬНО НЕДОЗРЕЛ И УЖАСНО СКУЧЕН, и перед нами готовая рецензия. У Вас ведь было четыре «жены». Если Вы так и не поняли, что такое мораль, то уж здравого-то смысла должны были набраться из опыта собственных ошибок. Соберитесь-ка с силами и напишите хоть ЧТО-НИБУДЬ достойное, прежде чем умрете.

Миссис Ж. С. Хелд.

Ну что ж, женщине не понравился роман, она в своем праве. Будь я сейчас в Айове, вернул бы ей деньги за книгу — в качестве награды за чудесный стиль и упоминание о Второй мировой. Вырезка из газеты гласила:

* * *

Может, я неоправданно строг к Хемингуэю, самому перехваленному писателю нашего времени, не лишенному, впрочем, известного

литературного дарования. Вот его основные недостатки: а) ущербное чувство юмора; б) реализм самого инфантильного пошиба; в) вопиющая идейная бедность; г) постоянное выпячивание волосатой груди…

Хорошо было сидеть в пустой столовой над кучей писем и представлять, как морщит лоб эмоционально зрелый брат, ковыряя мороженое где-нибудь на кухне или перед телевизором, где идет «Питер Пэн» с Мэри Мартин в главной роли, и я думал: надо же, какая милая женщина из штата Айова! Трудилась, писала длинное письмо, а братец ее, эмоционально зрелый, вообще прелесть, сюда бы его, в палатку, с его ухмылочками.

Уймись, старый писака, сказал я философски, всем не угодишь. Что выиграешь в шашки, то спустишь в поддавки. Тебе остается одно: оставить эмоционально зрелого братца с миром. Выбрось из головы и не думай о нем, серьезно тебе говорю. Переключись на деву Марию Айовскую.

Совет был дельный, я так и поступил, мысленно называя ее по-испански «нуэстра сеньора де свинопасос» и чувствуя себя при этом чуть ли не Уолтом Уитменом. Что угодно, только бы не возвращаться к любителю морщить лоб.

Заметка молодого талантливого литобозревателя тоже доставила много радости. В ней был простой, но ударный катарсис; шок узнавания, если пользоваться терминологией Эдмунда Уилсона. Я моментально распознал, какого рода талантом наделен бойкий юноша, которого, вне всяких сомнений, ожидало бы блестящее будущее в «Восточно-Африканском стандарте», родись он в Империи и обладай разрешением на работу. Тут мои мысли опять, словно слепец к бездонному обрыву, повернули к сморщенному лбу любимого братца; правда, в этот раз визуальная реализация была иной: вместо слегка светящегося потока абстрактной любви я увидел вполне конкретного эмоционально зрелого индивидуума, который сидел в ночи посреди кукурузного поля и слушал, как растут зеленые стебли. Кукуруза нашей Шамбы не уступала по высоте кукурузе американского Среднего Запада, однако ее роста по ночам никто не слышал, потому что ночи были холодными и кукуруза росла днем. Впрочем, расти она ночью, звук затерялся бы в криках гиен и шакалов, и в рычании львов, и в кашле леопардов.

Я подумал: к черту тупую айовскую сучку, что пишет письма незнакомым людям о незнакомых

ей вещах. Пожелав ей скорой и легкой смерти, я вспомнил последнее предложение письма, рекомендовавшее написать хоть ЧТО-НИБУДЬ достойное, прежде чем я умру, и мысленно добавил: «Расслабься, тупая сучка из Айовы! Уже написал и еще неоднократно напишу».

Беренсон чувствовал себя хорошо, что не могло не радовать, и в данный момент находился на Сицилии, что не могло не огорчать, ибо в отличие от меня он отлично знал, что делает. Марлен жаловалась на проблемы, однако в Лас-Вегасе ей сопутствовал успех (газетные вырезки прилагались). Дом на Кубе находился в порядке, хотя расходы были внушительные. Домашние животные пребывали в добром здравии. В нью-йоркском банке деньги еще остались, в парижском подходили к концу. Венецианские знакомые поживали хорошо, за исключением тех, кто страдал неизлечимой болезнью или томился в доме престарелых. Один мой приятель попал в серьезную автокатастрофу, и я вспомнил, как по утрам на побережье машина внезапно влетает в острова плотнейшего тумана, против которого бессильны любые фары. Из описания многочисленных переломов я понял, что ему не суждено больше взяться за ружье, а ведь он сильнее всего

на свете любил охоту. У женщины, которую я знал и любил, нашли рак и отмерили жизни три месяца. Другая, с которой я познакомился, когда она была восемнадцатилетней девчонкой, а потом дружил на протяжении восемнадцати лет, неизменно ее любя, — причем она за эти годы успела дважды сходить замуж, нажить четыре состояния благодаря своему уму, получить все мыслимые и немыслимые материальные ценности и растерять все нематериальные, — прислала письмо, исполненное новостей, сплетен, жалоб и стонов разбитого сердца. Новости были заслуживающими внимания, стоны искренними, а жалобы типично женскими. Это письмо расстроило меня больше остальных, потому что ее приезд в Африку, где она могла хотя бы две недели пожить по-настоящему, откладывался на неопределенный срок, то есть в этой жизни нам уже не суждено было увидеться, разве что муж пошлет ее ко мне в командировку. Она уже объездила все места, куда я обещал ее свозить. Иногда ее сопровождал муж, и тогда поездки получались нервными. У мужа всегда и везде был доступ к междугородной связи, это было жизненной необходимостью, как рассвет для меня или звездное небо для Мэри. Денег у них хватало. Она

могла покупать дорогие безделушки и питаться в лучших ресторанах, и Конрад Хилтон либо открыл, либо планировал в ближайшее время открыть отели во всех городах земного шара, где мы с ней мечтали побывать. Проблемы остались в прошлом. Ее быстровянущей красоте везде был готов комфортабельный ночлег, спасибо Конраду Хилтону, и междугородный телефон дежурил на прикроватном столике, и в любую минуту, даже проснувшись среди ночи, можно было узнать, что такое пустота и во что она ценится сегодня, а потом считать свои миллионы, пока не заснешь, и спать как можно дольше, оттягивая начало очередного дня. Я думал: может, Конрад Хилтон откроет отель в Лойтокитоке? Тогда она сможет приехать сюда и увидеть вершину, и профессиональный гид поведет ее на экскурсию в лавочку мистера Сингха или к Брауну и Бенджи, и на месте старой Бомы будет висеть мемориальная доска, и в магазине «Англо-Масай, Ltd» ей предложат сувенирное копье. В коридорах гостиницы будут ошиваться белые охотники всех мастей с ленточками леопардовой кожи на шляпах, а номера вместо Библии укомплектуют специальными экземплярами книг «Белый охотник, черное сердце» и «Кое-что ценное» — на хорошей

бумаге, с автографами авторов и с яркими иллюстрациями на суперобложках.

Мысленно разрабатывать проект и обставлять гостиницу в тематике 24-часового сафари с гарантированной добычей было чертовски увлекательно — кабельное телевидение в каждый номер, меню и брошюрки в соответствующих тонах, портье как на подбор ветераны спецподразделений по борьбе с мау-мау либо заслуженные белые охотники, всем постояльцам мелкие призы: в первый вечер символические комиссионные почетного егеря рядом с чашкой чаю, во второй, а еще лучше в последний — почетное членство в Восточно-Африканской ассоциации профессиональных охотников, и т. д. Оттачивать детали, однако, следовало сообща, и я решил дождаться мисс Мэри, Джи-Си и Уилли. Мисс Мэри, прирожденная журналистка, обладала неукротимым воображением. Я ни разу не слышал, чтобы она дважды рассказала одну и ту же историю одинаково: каждый пересказ был еще одной возможностью что-нибудь подредактировать. Отца я тоже намеревался пригласить: требовалось разрешение на установку в фойе гостиницы его мумифицированного тела — посмертно, разумеется. У семьи Персиваль могло быть иное мнение

на этот счет, поэтому следовало собраться, рассмотреть проект целиком и найти разумные компромиссы. Отец никогда не любил Лойтокиток, почитая его рассадником греха, и, насколько мне было известно, хотел, чтобы его похоронили на родине в горах, однако варианты можно было обсудить как минимум.

Памятуя, что лучшим средством от одиночества служат шутки, насмешки и презрение к наихудшему возможному исходу, а наиболее ценным видом юмора является черный юмор висельника, поскольку его образчики быстро забываются в силу зависимости от контекста и искаженного восприятия толпы, я весело смеялся, читая грустное письмо и думая о новом «Хилтоне» в Лойтокитоке. Солнце почти закатилось, и Мэри, должно быть, уже нежилась в ванне в гостинице «Нью-Стэнли». Я надеялся, что вечер в шумном городе ее развлечет. Мои излюбленные забегаловки ей не нравились, поэтому она скорее всего собиралась в какой-нибудь «Клуб путешественников» — слава богу, без меня.

Затем я подумал о Деббе и моем обещании свозить ее и Вдову за новыми нарядами ко дню рождения малютки Иисуса. Прилюдная, на глазах у полусотни масайских воинов и женщин, покуп-

ка платья для невесты, в присутствии ее матери, с выбором тканей и оплатой — на социальном небосклоне Лойтокитока это было, пожалуй, одним из самых значительных светских событий. Будучи писателем — статус, конечно, позорный, но временами удобный, — я задался вопросом, справился ли бы с такой ситуацией Генри Джеймс. Я помнил, как он курил хорошую сигару на балконе отеля, глядя на ночную Венецию и пытаясь понять, что происходит на узких улицах, где приезжему гораздо проще попасть в переделку, чем ее избежать. Эта картина всегда меня успокаивала: Генри Джеймс, грузно опершись на перила балкона, попыхивает душистым табаком, а внизу снуют люди со своими нуждами, обязанностями, заботами, маленькими экономиками и простым деревенским счастьем, и шумит хорошо налаженный механизм ночного канала, и мерцает огонек сигары бедного Джеймса, стоящего на балконе и не знающего, куда пойти. Лежа в африканской ночи и наслаждаясь свободой — могу спать, а могу бодрствовать, — я думал о Деббе и Джеймсе и в воображении вынимал успокоительную сигару у Джеймса изо рта и вручал Деббе, а та закладывала ее за ухо или передавала Нгуи, который научился курить сигары

в Абиссинии, когда служил пехотинцем в КАР и порой сражался против белых, захватывая их лагеря и перенимая привычки. Затем я оставил в покое Генри Джеймса с его успокоительной сигарой и живописный венецианский канал, который представлялся мне хмурым от ветра, помогавшего моим товарищам и братьям побороть прилив, и перед мысленным взором поблекла приземистая лысоголовая фигура, исполненная кабинетной важности и отягощенная предотъездными заботами, и ярче обозначилась фигура Деббы на фоне огромной кровати дымчатого цвета, пахнущей свежестью, покрытой кожей, со спинкой из полированного дерева, и возникли четыре бутылки сакраментального пива, уплаченные мной за доступ к этой кровати, с самыми честными намерениями, разумеется, и у пива, как заведено, было особое ритуальное название, нечто вроде «Пиво за право спать на тещиной кровати», и ценность его была эквивалентна ценности нового «кадиллака» в кругах Джона О'Хары, буде таковые еще сохранились. Я истово надеялся, что они сохранились, и мне виделся О'Хара: толстый, как питон, проглотивший годовую подписку Кольеровского еженедельника, и понурый, как мул, укушенный мухой цеце, он

брел в никуда, не догадываясь, что уже мертв, и я пожелал ему удачи, припомнив с улыбкой галстук-бабочку с белым кантом, что он надевал, устраивая светские приемы, и нервность его хозяйки, встречавшей гостей, и ее галантную надежду, что хозяин еще какое-то время простоит на ногах. Как бы скверно ни обстояли дела, всегда можно было поднять себе настроение, вспомнив О'Хару в эпоху его расцвета.

Я стал думать о наших планах на Рождество — мой любимый праздник, который мне довелось встречать в самых разных странах. Нынешнее Рождество обещало быть либо прекрасным, либо поистине чудовищным, поскольку, помимо камба, мы решили пригласить окрестных масаи; нгома такого масштаба, если ее неправильно организовать, могла положить конец всем нгомам. Во-первых, масаи хорошо понимали, какого рода «елку» присмотрела к Рождеству мисс Мэри, — в отличие от самой мисс Мэри. Я до сих пор не решил, стоит ли ей открыть, что симпатичное деревце обладает сверхмощными наркотическими свойствами, похожими на свойства марихуаны. Вопрос был тонкий. Мисс Мэри твердо решила, что именно это дерево послужит нам рождественской елкой, и вакамба приняли ее выбор

как часть неведомого им племенного обычая, куда относилась также необходимость убить льва. Арап Майна признался по секрету, что нам двоим такой «елки» хватило бы на несколько месяцев качественного кумара, а средних размеров слона, сожри он это деревце, интенсивно перло бы в течение нескольких дней.

Я не сомневался, что Мэри хорошо проведет время в Найроби: она была не дурочкой и понимала, что другого города рядом нет; к тому же в ресторане «Гриль» при отеле «Нью-Стэнли» подавали свежайшего копченого лосося, и старший официант был толковый парень, хоть и разгильдяй. Безымянная мелкая рыбка из Великих Африканских озер тоже пользовалась популярностью, да и разнообразные карри заслуживали внимания, но Мэри не стоило на них налегать сразу после дизентерии. После ужина она наверняка отправилась в какой-нибудь приличный ночной клуб. Оставив ее в покое, я стал думать о Деббе, и о покупке ткани для двух очаровательных холмиков, которые она несла по жизни с гордой скромностью, и о том, как новое платье их подчеркнет, к удовольствию хозяйки, и о множестве расцветок, и о масайских женщинах с их длинными юбками и сумасбродами мужьями,

словно сошедшими со страниц парикмахерского каталога, и как они будут следить за нами сквозь вуаль своей неутоленной дерзости и сифилитической холоднорукой красоты, а мы, камба, пусть без сережек в ушах, зато с презрительным высокомерием, основанным на массе вещей, о которых масаи понятия не имеют, будем щупать ткани и сравнивать расцветки, и приценяться к дорогим безделушкам, зарабатывая очки.

Глава тринадцатая

Когда Мвинди принес утренний чай, я сидел у прогоревшего костра, одетый в два свитера и шерстяную куртку: ночью сильно похолодало, и было неясно, какую погоду готовит день.

— Хочешь огонь? — спросил Мвинди.

— Небольшой, на одного.

— Я прикажу, — кивнул он. — Ты ешь. Когда Мемсаиб уезжай, ты еда забывай.

— Не хочу есть перед охотой.

— Может, охота долго продолжайся. Ты ешь сейчас.

— Мбебиа еще спит.

— Все старики уже просыпайся. Только молодые спи. Кейти приказывай, чтобы тебя корми.

— Хорошо, хорошо.

— Что ты будешь?

— Тефтели из трески с жареной картошкой.

— Будешь печень газели и бекон. Кейти говори, Мемсаиб таблетки малярия оставляй.

— Где же они?

— Здесь! — Он протянул пузырек. — Кейти говори, чтобы я наблюдай, как ты таблетки ешь.

— Ну вот, съел.

— Какая одежда хочешь сегодня?

— Низкие ботинки и теплую куртку на утро. Кожанку, если распогодится.

— Я быстро людей собери. Сегодня хороший день, очень хороший.

— Вот как?

— Все так говори, даже Чаро.

— Ну и хорошо. Я тоже так думаю.

— Какой сон приснись?

— Никакой. Абсолютно ничего.

— Мзури. Я сейчас Кейти доложи.

После завтрака мы направились прямиком к Чулусу по наезженной дороге, что вела через страну геренуков. От старой маньятты до холмов, у подножия которых паслись вернувшиеся на болото буйволы, дорога раскисла и сделалась опасной. Мы проехали сколько смогли, а потом оставили Мтуку в машине и продолжили путь пешком. Трава после дождя была свежей и влажной. Буйволов мы стрелять не собирались, однако оба ружья держали наготове: здесь водились носороги, позавчера с воздуха заметили троих. Буйволы должны были двигаться к новым пастбищам возле болота. Я намеревался их сосчитать, а если повезет, то и сфотографировать, особенно старого быка с роскошными рогами, которого

мы последний раз видели три месяца назад. Пугать их без нужды, впрочем, не хотелось: позже я намеревался привезти сюда Мэри, чтобы она сделала нормальные снимки.

Вскоре мы обнаружили огромное стадо, бредущее в низине прямо под нами. Там были и горделивые быки, и старые толстые коровы, и молодые бычки, и телята. Проплывали изогнутые рога, тяжелые складки жира, лепешки засохшей грязи, вытертые проплешины на коже — могучая черно-серая река, над которой мелькали птицы: мелкие, остроклювые, суетливые, как скворцы на лужайке. Буйволы двигались медленно, на ходу выщипывая траву, оставляя после себя голую землю; тяжелый запах скота достиг наших носов — и тут нас накрыли мухи. Натянув рубаху на голову, я насчитал сто двадцать четыре буйвола. Ветер был правильным, они нас не учуяли. Птицы тоже ничего не заметили: мы стояли слишком высоко. Выдать нас могли только мухи, но, по счастью, они не отличались болтливостью.

Время шло к полудню, жара набирала силу, и главная наша удача была еще впереди, хотя мы об этом не догадывались. Медленно проезжая через редколесье, мы внимательно осматривали каждое дерево — искали леопарда, известного

возмутителя спокойствия. Я намеревался его убить по просьбе жителей Шамбы, где он зарезал шестнадцать коз; охотоведческое хозяйство дало добро на отстрел, поэтому мы имели право преследовать зверя на колесах. Леопард, некогда считавшийся официальным вредителем, был недавно переведен в статус королевской дичи, однако не подозревал о своем повышении, иначе не совершил бы поступка, поставившего его вне закона и отбросившего назад в категорию вредителей. Шестнадцать коз за одну ночь было явным перебором, особенно если учесть, что съесть он мог всего одну. К тому же половина убитых коз принадлежала семье Деббы.

Мы выехали на живописную поляну; слева росло высокое дерево, раскинув две ветви в стороны, параллельно земле: одна ветвь простиралась над поляной, другая уходила в тень. Вершина и ствол прятались в густой листве.

— Вот идеальное дерево для леопарда, — сказал я Нгуи.

— Ндио, — тихо ответил он. — А вот и сам леопард.

Мтука заметил, что мы смотрим на дерево, и остановил машину, хотя не слышал, о чем мы говорим, и не видел леопарда. Я вышел со старым

«спрингфилдом» наготове. Зверь лежал на правой ветке, растянувшись во всю длину; листва шевелилась, и по пятнистой шкуре гуляли тени. Высота была где-то шестьдесят футов. Улегшись здесь отдохнуть в жаркий ясный полдень, он совершил еще большую ошибку, чем когда зарезал понапрасну шестнадцать коз.

Я поднял «спрингфилд», сделал вдох и на выдохе плавно потянул спуск, целясь в шею за ухом. Пуля прошла выше, даже не задев зверя; он тяжко припал к ветке. Я передернул затвор и влепил вторую ему в плечо — раздался шлепок, и леопард шумно рухнул, изогнувшись полумесяцем. Тело грузно ударилось о землю.

Нгуи и Чаро радостно хлопали меня по спине, Чаро пожимал руку. Старый оруженосец Отца тоже тряс мне руку и плакал: его взволновало эффектное падение леопарда. При рукопожатии он особым образом складывал пальцы — это было секретное приветствие камба. Свободной рукой я пытался перезарядить винтовку. Нгуи в возбуждении взял винтовку вместо дробовика, и мы осторожно приблизились к месту, куда упал леопард, зарезавший коз моего тестя. Леопарда не было.

На земле виднелось углубление, оставленное

упавшим телом. Кровавый след — яркий, со сгустками — уходил налево, в заросли кустарника. Заросли были густыми, как корни болотных мангров, и никто больше не поздравлял меня секретным рукопожатием камба.

— Джентльмены, — объявил я по-испански, — ситуация радикально изменилась.

Уроки Отца не прошли даром, я знал, что нам следует делать, но, когда речь идет об укрывшихся в кустах раненых леопардах, ни один случай не похож на другой. Звери ведут себя по-разному, общее лишь одно: рано или поздно они неизменно нападают — и бьются до последнего. Поэтому я и целился в шею за ухом. Теперь, однако, поздно сожалеть о промахах…

Нашей первой проблемой был Чаро. Во-первых, леопарды драли его уже дважды; во-вторых, он годился мне в отцы, хотя никто толком не знал, сколько ему лет. Чаро норовил первым полезть в кусты, буквально повизгивая от нетерпения.

— Так, отошел от кустов! Живо! Разберутся без тебя. Залезь на крышу машины и сиди.

— Хапана, бвана.

— Не хапана, а ндио. Ты понял? Ндио!

— Ндио, — процедил он, не добавив «бвана», что считалось прямым оскорблением.

Нгуи уже успел зарядить двенадцатизарядный помповый «винчестер» крупной картечью ССГ, с которой в Англии ходят на лося. Такого боеприпаса нам еще применять не доводилось, и меньше всего мне хотелось осечек, поэтому я распечатал новую коробку птичьей картечи № 8 и перезарядил оружие, а оставшиеся патроны рассовал по карманам. На коротких дистанциях мелкая картечь работает как литая пуля. Я видел ее эффект на человеке: небольшое входное отверстие с иссиня-черными краями и грудная клетка, полная свинца.

— Квенда, — сказал я, и мы двинулись по кровавому следу.

Нгуи шел впереди, глядя под ноги, я с дробовиком прикрывал его сзади. Оруженосец Отца остался с винтовкой в машине. Чаро на крышу не полез, а уселся на заднее сиденье, вооружившись лучшим из трех копий.

Нгуи нагнулся к кровяному сгустку и передал мне белый осколочек: фрагмент лопаточной кости. Я машинально положил его в рот. Не знаю, зачем я это сделал, но зверь сразу стал мне ближе; прикусив кость, я почувствовал вкус крови — совсем как человеческой — и понял, что леопард свалился с ветки не просто так. Мы с Нгуи дошли

по следу до того места, где он исчезал в сплетении мангровых корней. Листва была ярко-зеленой, и кровь отчетливо виднелась внизу, на уровне плеча зверя: очевидно, он ползком скрылся в зарослях.

Нгуи пожал плечами и покачал головой. Рядом не было Белого Человека, который спокойным голосом вещал бы о сложности ситуации или нетерпеливо покрикивал на нерасторопных «дикарей», науськивая их, как гончих собак. Был только раненый леопард, только что перенесший падение, после которого не выжил бы ни один человек, и выбравший для последней битвы труднодоступную позицию, где ему, при его изумительной кошачьей живучести, ничего не стоило убить или серьезно покалечить любого, кто отважится к нему подойти. Пожалев о глупости леопарда, неизвестно для чего зарезавшего злосчастных коз, и о своих обязательствах перед известным журналом, согласно которым я должен был его истребить, а потом сфотографироваться возле трупа, я изо всех сил прикусил осколок кости и махнул рукой, подзывая машину. Острый уголок поранил мне щеку, и ко вкусу леопардовой крови примешался знакомый вкус моей собственной.

— Твенди ква чуи, — приказал я, используя множественное повелительное, как и подобает настоящему лидеру. — Идем на леопарда.

Легко приказать, трудно сделать. У Нгуи были «спрингфилд» и отличное зрение; у оруженосца Отца — зрение не хуже и «штуцер» калибра 0,577, чья отдача гарантированно сажала его на задницу. У меня был старенький, проверенный, трижды менявший приклад, отполированный до глянца, быстрый, как кобра, двенадцатизарядный помповый «винчестер», сделавшийся за 35 лет совместных побед и поражений настоящим другом. Мы прошли вдоль зеленой стены слева направо, от кровавого следа до западной границы, откуда была видна машина, но леопарда не обнаружили. Затем ползком, заглядывая в просветы между корнями, добрались до восточной границы и вернулись к тому месту, где кровь на темно-зеленых листьях еще не подсохла. Леопарда не было. Оруженосец Отца отступил с большим ружьем наготове, а я сел на землю и принялся палить веером в переплетенные корни, ведя стволом слева направо. На пятом выстреле леопард взревел: судя по звуку, он засел глубоко в зарослях чуть левее кровавого следа.

— Видишь его? — спросил я Нгуи.

— Хапана.

Я дозарядил дробовик и дважды выстрелил в направлении рыка. Леопард снова взревел, затем кашлянул.

— Пига ту, — сказал я.

Нгуи тоже выстрелил два раза. Вновь раздался рык.

— Пига ту.

Я дважды выстрелил на звук.

— Я его вижу, — сказал оруженосец Отца.

Мы встали, и Нгуи сказал, что тоже видит леопарда. Я по-прежнему ничего не видел.

— Пига ту.

— Хапана, — ответил Нгуи. — Твенди ква чуи.

Мы полезли в чащу. Сразу начался небольшой подъем; дорогу указывал Нгуи, похлопывая меня то по правой ноге, то по левой. Наконец я заметил леопардово ухо и фрагмент пятнистой кожи на шее и плече. Я выстрелил туда раз, потом другой; леопард не двигался и не рычал. Мы вернулись на открытое место. Я перезарядил дробовик, и мы пошли к западной границе зарослей, где стояла машина.

— Куфа, — сказал Чаро. — Мзури кубва сана.

— Куфа, — поддержал Мтука.

И он, и Чаро видели леопарда, а я нет. Они вы-

брались из машины, и мы вместе полезли опять в чащу. Я попросил Чаро держаться сзади со своим копьем, но он ответил:

— Нет, бвана. Леопард мертв. Я видел, как он умер.

Нгуи принялся расчищать проход, а я прикрывал его с дробовиком. Он ожесточенно размахивал пангой, словно заросли были главным врагом. Вместе с оруженосцем Отца они выволокли труп леопарда из кустов и швырнули в кузов. Это был славный леопард, и мы охотились на него правильно и весело, как братья, без белых охотников, инспекторов и егерей, и он был настоящий камба, приговоренный к смерти за бессмысленную резню на незаконной Шамбе, где тоже жили камба, и все мы были вакамба, и требовалось срочно выпить.

Чаро выразил желание осмотреть нашу добычу вблизи, потому что он дважды бывал в когтях леопарда. Он показал мне, куда угодил заряд картечи: в плечо, рядом с раной от первой пули; остальные выстрелы, по-видимому, застряли в густых ветвях. Я рассеянно кивнул: на душе было радостно, день удался, мы потрудились на славу, и хотелось поскорее вернуться в лагерь, в тень, к холодному пиву.

Мы въехали в лагерь, беспрерывно гудя клаксоном; к нам бежали люди. Кейти светился от радости и гордости. Чаро остался смотреть, как свежуют леопарда, а мы пошли к палаткам.

Фотографироваться я не стал.

— Пига фото? — спросил Кейти, и я ответил:

— Пига шиш.

Нгуи с оруженосцем Отца занесли ружья в палатку и сложили на кровать мисс Мэри. Повесив фотоаппарат на крючок, я приказал Мсемби накрыть стол под деревом и принести холодное пиво и кока-колу для Чаро.

Мвинди сказал, что мне следует принять ванну, воду он нагреет мигом. Я ответил, что обмоюсь в рукомойнике, и попросил свежую рубаху.

— Тебе нужна большая ванна.

— Позже. Сейчас слишком жарко.

— Как же ты кровь отмывай, что от чуи?

В вопросе была тщательно скрытая ирония.

— Кровь с веток и листьев.

— Мойся хорошо, возьми голубое мыло. Я красная жидкость принеси.

Меркурохромом мы пользовались вместо йода, если удавалось его достать, хотя многие местные предпочитали йод, полагая, что чем сильнее жжется, тем лучше лечит. Я разделся и промыл

царапины, каждую из которых Мвинди аккуратно помазал.

Одеваясь в чистое, я думал, что Мтука, Нгуи, оруженосец Отца и Чаро сейчас делают то же самое.

— Чуи напал?

— Нет.

— Тогда почему люди такой веселый?

— Очень смешное шаури. Все утро сегодня смешное.

— Почему ты старайся живи как африканец?

— Хочу быть вакамба.

— Может быть.

— К черту может быть.

— Вот твои друзья.

— Братья.

— Братья… может быть. Чаро не брат.

— Чаро друг.

— Да, — грустно согласился Мвинди, подавая мне тапочки, которые были слишком малы, и наблюдая за моим лицом, чтобы понять, сильно ли они жмут. — Чаро хороший друг. Много невезение повидай.

— В смысле?

— Всякое невезение. А сам везучий человек.

Я присоединился к остальным за столом. Мсем-

би в зеленом халате и зеленой шапочке держал наготове выцветшее брезентовое ведерко с холодным пивом. Облака стояли высоко, и небо было самым высоким небом на свете, и я увидел, оглянувшись в сторону палатки, парящую над деревьями белоснежную вершину.

— Джентльмены, прошу! — сказал я.

Мы уселись на стулья белых бван. Мсемби наполнил пять больших стаканов: один кока-колой, а четыре пивом. Чаро за столом был самый старый, поэтому его обслужили первым. Ради торжественного случая он сменил тюрбан на более светлый и надел голубую куртку с бронзовыми пуговицами, застегнутыми под самое горло, и аккуратно чиненные шорты; на куртке красовался значок, мой подарок двадцатилетней давности.

— За королеву! — сказал я.

Мы выпили, и я сразу предложил второй тост:

— За мистера чуи, джентльмены! Как-никак королевская дичь!

Мы осушили стаканы жадно, но с достоинством. Мсемби тотчас освежил их, начав в этот раз с меня, а закончив Чаро — при всем его почтении к старости дважды пускать вперед безалкогольный напиток было бы неуважительно по отношению

к пиву.

– *A noi*, — кивнул я Нгуи, изучившему итальянский в борделях Аддис-Абебы. — Вакамба *rosa e la liberta*, вакамба *rosa triomfera*[46].

Мы снова выпили до дна, и Мсемби среагировал правильно.

Следующий тост был спорным, однако, учитывая дух времени и необходимость сообщить моей новой религии некую достижимую цель, что послужила бы ступенью на пути к высокому и благородному финалу, я провозгласил:

— Тунауа!

Мы встали и сдержанно выпили, хотя я заметил, что Чаро чувствует себя неловко. Когда все сели, я добавил, чтобы угодить исламскому электорату:

— На джихад ту!

Впрочем, угодить ему было нелегко; мы знали, что Чаро наш брат лишь формально, его политические взгляды не изменятся и он никогда не примкнет к нашей религии.

Мсемби вернулся к столу, наполнил стаканы и сообщил, что пиво квиша. Я ответил, что в гробу видал такую организацию застолья и что мы

---

[46] Примечания: 46

За розу и свободу, вакамба победитель (*искаж. ит.*).

тотчас седлаем коней и отправляемся в Лойтокиток за пивом. С собой возьмем холодного мяса и несколько банок консервов.

— Квенда на Шамба, — предложил Мтука.

Решили сперва заглянуть в Шамбу и реквизировать пиво, буде таковое найдется; это поддержит боевой дух и поможет дотянуть до Лойтокитока или до шамбы, где есть пивоварня. Нгуи посоветовал взять с собой невесту и Вдову и сообщил, что ни он, ни Мтука не будут возражать, если по пути в город мы дозаправимся в третьей по счету масайской шамбе. Оруженосец отца заявил, что он на все готов и лично присмотрит за Вдовой. Мы хотели пригласить и Мсемби, но нас уже было четверо, плюс моя невеста и Вдова, плюс еще по дороге наверняка подсядут масаи. В Лойтокитоке масаи хватало.

Я наведался в палатку, где Мвинди открыл для меня жестяной короб и извлек старый гонконгский твидовый пиджак, в нагрудном кармане которого лежали деньги.

— Сколько надо? — спросил он.

— Четыреста шиллингов.

— Большие деньги. Зачем столько? Жена покупать?

— Пиво покупать. Еще купим пошо, лекарства

для Шамбы, подарки на Рождество, новые копья, бензин, виски для парней из полиции. И копченой рыбки, конечно.

Копченая рыбка его позабавила.

— Возьми пятьсот. Монета шиллинг тоже надо?

Шиллинговые монеты хранились отдельно, в кожаном кошельке. Отсчитав тридцать, он спросил:

— Что надевай? Хорошая куртка?

Имелась в виду моя старая куртка наподобие жокейской, тоже приобретенная в Гонконге.

— Нет, кожанка надевай. Которая с молнией.

— Свитер надо под низ. Холод с вершина приходи.

— Одевай во что хочешь, — сдался я. — Только осторожнее, когда будешь обувать.

Он подал мне чистые хлопчатобумажные носки, которые я тут же натянул, и аккуратно обул меня в ботинки, оставив молнии незастегнутыми.

В палатку заглянул Нгуи в свежевыстиранных шортах и новой спортивной рубахе, которой я раньше не видел. Я сказал, что хочу взять только «спрингфилд». Он ответил, что патроны имеются, и спрятал большую винтовку под раскладушку,

наскоро протерев ствол: из нее сегодня не стреляли. При стрельбе из «спрингфилда» пользовались антикоррозионными капсюлями, поэтому с чисткой можно было подождать до вечера.

— Пистолет! — сурово потребовал Нгуи.

Я покорно шагнул правой ногой в петлю на кобуре, и он опоясал меня ремнем.

— «Джинни»! — не менее сурово сказал Мвинди и передал Нгуи тяжелый кожаный чехол для фляги.

— Деньги! — сказал Нгуи.

— Хапана, — ответил я. — Деньги квиша.

— Слишком много деньги, — проворчал Мвинди, убирая пиджак в жестяной короб и закрывая замок.

Мы подошли к машине. Кейти пребывал в благодушном настроении, и я спросил, что купить для лагеря. Он попросил привезти мешок пошо, если будет правильный сорт, который привозят дилижансом из Каджиадо. Мы отъехали. Кейти грустно смотрел нам вслед, склонив голову набок и улыбаясь своей неизменной безгубой улыбкой.

Мне стало совестно, что я не позвал его с нами, но машина уже вырулила на дорогу к Шамбе. Дорога была наезженной, и я подумал, что, прежде чем все закончится, ее наездят еще больше.

Глава четырнадцатая

Мтука практически не нарядился, если не считать чистой клетчатой рубашки и чистых же брюк с заплатками. Оруженосец Отца надел ярко-желтую спортивную рубашку без узора, отлично гармонирующую с красной, как тореадорская мулета, рубашкой Нгуи. Мой наряд, увы, был консервативен, однако за день до отлета Мэри я побрил голову под ноль, а потом забыл о ней, так что в моем обличье явно читалось нечто барочное, особенно если снять кепку. Следует сказать, что моя голова, будучи выбритой или выстриженной под машинку, напоминает историю затерянного племени, выраженную языком скульптуры. Речь идет не о чем-либо живописном, как Великая Рифтовая долина; просто некоторые детали ландшафта представляют определенный интерес как для археолога, так и для антрополога. Я понятия не имел, как отнесется к моему виду Дебба, но при мне была старая рыбацкая кепка с длинным козырьком, и душа моя пребывала в покое. Машина въехала на территорию Шамбы и остановилась в тени большого дерева.

Как я узнал позднее, Мтука заранее послал молодого парнишку по имени Нгуили, работавшего в лагере поваренком, но мечтавшего стать охотником, чтобы тот предупредил Вдову и мою невесту о нашем приезде и о последующем вояже в Лойтокиток за платьем ко дню рождения малютки Иисуса. По законам камба парнишка был нанаке и даже пива пить не мог, однако до Шамбы он добежал очень быстро, чтобы продемонстрировать свои способности, и сейчас стоял под деревом весьма довольный, поблескивая потом и стараясь дышать ровно.

Я вышел из машины, чтобы размять ноги и отблагодарить нанаке.

— Бегаешь лучше, чем масай.

— Я камба, — ответил он, изо всех сил сдерживая дыхание, и я попытался представить вкус монеток, которые он положил за щеку.

— Хочешь с нами на гору?

— Хочу. Но это против правил, и у меня есть обязанности.

С достоинством, покачиваясь на каблуках, к нам приблизился Стукач в неизменной шали.

— Добрый день, брат! — приветствовал он.

При слове «брат» Нгуи отвернулся и сплюнул.

— Добрый день, Стукач. Как здоровье?

— Лучше. Можно я поеду с вами на гору?

— Нельзя.

— Я буду переводчиком.

— Переводчик найдется на горе.

Сын Вдовы подбежал ко мне и боднул головой в живот. Я поцеловал его в макушку; он дал мне руку и стал рядом по стойке «смирно».

— Стукач, — сказал я, — не хочу просить пива у собственного тестя. Сходи, пожалуйста, принеси нам пива.

— Пойду посмотрю, что у них есть.

Пиво оказалось нормальным: обычное легкое пиво африканских шамб, по вкусу похожее на самодельный продукт времен «сухого закона». Я знал одного ветерана Первой мировой, славного парня — он варил такое же пиво и угощал нас у себя на веранде. Моя невеста вышла в сопровождении Вдовы и уселась на переднее сиденье рядом с Мтукой, почти не поднимая глаз, если не считать пары быстрых победоносных взглядов на других женщин; на ней было стираное-перестираное платье и вокруг головы красивый рукодельный шарф. Вдова поместилась между Нгуи и оруженосцем Отца. Мы велели Стукачу принести еще шесть бутылок пива, но в деревне осталось только четыре. Я отдал их тестю. Дебба

сидела прямо, никого вокруг не замечая; груди смотрели вперед под тем же углом, что и подбородок.

Мтука завел мотор, и мы оставили деревню со всеми ее ревнивцами и ревнивицами, со множеством детей, с козами, кормящими матерями, курами, собаками и моим тестем.

— Кве тал, ту? — спросил я Деббу.

— En la puta gloria[47], — ответила она по-испански.

Это была ее вторая излюбленная фраза. Смысл ее туманен, каждый переводит по-своему.

— Чуи тебя не поранил?

— Нет. Вообще ничего не было.

— Большой был?

— Не очень.

— Рычал?

— Неоднократно.

— И никого не поранил?

— Никого. Даже тебя.

Бедром она прижималась к моей кобуре, а левую руку держала там, где ей хотелось.

— Мими били чуи, — сказала Дебба.

Ни один из нас не был теоретиком суахили,

---

[47] Примечания: 47
По фигу трасса (*исп.*).

но я помнил двух леопардов на древних английских гербах. Видимо, люди уже тогда знали о леопардах.

— Бвана! — позвал Нгуи с грубой хрипотцой, что рождается от любви, гнева или нежности.

— Вакамба, ту! — ответил я в тон.

Он рассмеялся и сообщил нормальным голосом:

— Есть три бутылки пива. Мсемби утащил.

— Отлично. Сейчас заедем на склон и сделаем привал, закусим копченой рыбкой.

— Холодное мясо тоже хорошо.

— Мзури.

Гомосексуализм среди вакамба не распространен. Практиковавших его людей в старые времена предавали суду короля Койля — это когда племя собирается, чтобы приговорить кого-то к смерти, объяснил Мвин-ди — и сажали на несколько дней в реку или в яму с водой, чтобы мясо сделалось нежнее, после чего съедали. Многих наших драматургов, живи они тогда, постигла бы такая участь. В то же время считалось, что человек, отведавший гомосятины, пусть даже вымоченной в ключевой воде, рисковал навлечь на себя серьезные неудачи, а некоторые из моих старых друзей утверждали, что гомосексуалист на вкус

хуже водяного козла и что от него бывают язвы в паху и под мышками. Сношения с животными тоже карались смертью, однако не вызывали столь сильного отторжения, и тот самый М'Кола, которого все считали отцом Нгуи, поскольку свою непричастность я доказал математически, рассказывал, что паренек, трахнувший его овцу, на вкус был не хуже антилопы гну. Ни Кейти, ни Мвинди, кстати, не употребляли мяса антилопы гну, но моих антропологических познаний не хватало, чтобы разобраться в этом феномене.

Я размышлял о вопросах пола, диеты и доверия, параллельно любуясь Деббой — простой, традиционно ориентированной девушкой камба, наделенной аутентичной смесью скромности и высокомерия. Мтука тем временем остановил машину на плоском пятачке под деревом, и перед нами распахнулся грандиозный провал: далекий Лойтокиток сверкал жестяными крышами на фоне голубого склона, уходящего ввысь к белоснежной вершине, опоре нашей веры, матери наших надежд, а вокруг простиралась до горизонта любимая земля, и мы парили над ней, как на самолете, только без движения, стресса и затрат.

— Джамбо, ту, — сказал я Деббе.

– *La puta gloria*, — ответила она.

Банки с копченой рыбкой и голландским садковым лососем поручили открыть Деббе и Вдове; последняя чувствовала себя замечательно между красной рубахой Нгуи и желтой рубахой оруженосца Отца. С заданием женщины не справились, сломали на одной из банок язычок. На помощь пришел Мтука с плоскогубцами, и садковый лосось, гордость Голландии, увидел свет африканского дня. Мы ели, передавая друг другу ножи и бутылки пива. Прежде чем отпить из бутылки, Дебба отерла горлышко шарфом, но я заявил, что шанкрами тоже надо делиться, и после этого пили без церемоний. Пиво было скорее теплым, чем холодным, однако никто не жаловался, чему способствовали высота в восемь тысяч футов и великолепный пейзаж, над которым мы парили подобно орлам. Трапезу закончили холодным мясом. Бутылки взяли с собой, чтобы обменять на полные, а пустые жестянки сплющили, предварительно оторвав язычки, и положили под куст возле дерева. С нами не было егерей, променявших свои корни на сомнительное удовольствие помыкать собратьями; не было мисс Мэри, которую требовалось опекать и лелеять; не было щенков-полицейских — мы были абсолютно свободны и спокойно оглядывали места, куда

не ступала нога белой женщины, включая даже мисс Мэри, если, конечно, не считать того случая, когда мы затащили ее с собой, как заигравшиеся дети, в совершенно чуждый ей уголок, где мелкие житейские радости шли в особую цену, о которой она понятия не имела.

Холмы Чулу царили над горизонтом, по обыкновению синеватые и причудливые, и мы радовались, что мисс Мэри никогда там не бывала, а когда вернулись к машине, у меня хватило глупости сказать Деббе, что ей предназначена роль умной жены, а у нее хватило ума ответить, прижавшись к любимой кобуре и водрузив руку на законное место:

— Уж какая есть, лучше не стану.

Я поцеловал ее в наморщенный лоб, и мы поехали по красивой дороге, прихотливо петляющей по склону. Жестяные крыши города сверкали все ближе; уже показались эвкалипты, и тенистая центральная улица, с британской внушительностью ведущая к крепости, и здание тюрьмы, и дома отдыха, где чиновные люди, шуршавшие бумагами во имя Империи, отдыхали от бюрократических трудов, если у них не хватало средств для поездки на родину. Мы не собирались тревожить их досуг шумом мотора и проехали

стороной, упустив возможность лишний раз полюбоваться живописным садом камней и веселым источником, что много ниже по течению превращался в полноводную реку.

Львиный эпос мисс Мэри тянулся чертовски долго и успел здорово надоесть всем, за исключением ее единоверцев, поклонников и сочувствующих элементов. Чаро, не будучи ни первым, ни вторым, ни третьим, однажды сказал мне:

— Убей уже проклятого льва, выстрели вместе с ней, и делу конец.

Я в ответ покачал головой, поскольку был если не единоверцем, то уж точно сочувствующим и в свое время даже совершил паломничество в Компостеллу, о чем впоследствии не жалел. Чаро тоже покачал головой — с отвращением, как истинный мусульманин. Сегодня, слава богу, с нами не было мусульман. Не требовалось заботиться о том, чтобы правильно перерезать кому-нибудь горло. Мы просто искали новую веру, и первым стоянием крестного пути была галантерейная лавка Бенджи при бензоколонке. Именно здесь Дебба и Вдова планировали выбрать материю на платье ко дню рождения малютки Иисуса.

Следуя этикету, я не пошел с ними в магазин, хотя любил пестрые ткани, странные запахи и ма-

сайских женщин-ванаваки, зашедших поглазеть на товар, пока их рогатые мужья сидели рядом в распивочной с копьем в одной руке и стаканом шерри «Голден джип» в другой. Я точно знал, где искать этих рогоносцев, и прошел правой стороной тенистой улочки, чрезвычайно узкой, но все же достаточно широкой, чтобы проехать, не задевая крыльями стен, в чем мы не раз имели случай убедиться; я вошел в масайскую пивную, слегка прихрамывая, стараясь держаться без лишнего высокомерия, и сказал, не слишком выпячивая кобуру: «Сопа!», после чего пожал несколько холодных рук и вышел, ничего не выпив. Через восемь шагов я свернул в лавочку мистера Сингха. Мы с хозяином обнялись. Миссис Сингх протянула мне руку, которую я поцеловал — ей, туркане, это всегда нравилось, а руки я умел целовать весьма эффектно, и для нее это было как поездка в Париж, о существовании которого она не знала, хотя могла бы украсить его своим присутствием даже в солнечный день. Затем я послал за выпускником миссионерской школы.

— Как дела, мистер Сингх? — спросил я через переводчика.

— Неплохо. Бизнес идет.

— Как поживает очаровательная миссис Син-

гх?

— Должна родить через четыре месяца.

— Felicidades[48]! — Я снова поцеловал ей руку, сперва в стиле Алварито Каро, затем в стиле Маркеса из Вилламайора, испанского городка, который мы однажды взяли, но не смогли удержать. — Все Сингхи здоровы, я надеюсь?

— Кроме третьего мальчика. Он порезал руку на лесопилке.

— Хотите, я посмотрю?

— В церкви оказали помощь. Дали серу.

— Отличное средство для детей. А вот старикам, как мы с вами, разрушает почки.

Миссис Сингх рассмеялась душевным турканским смехом, а мистер Сингх сказал:

— Надеюсь, твоя Мемсаиб здорова. И дети здоровы. И самолет здоров.

Про самолет переводчик сказал «исправен», но я попросил его не быть педантом.

— Мемсаиб мисс Мэри сейчас в Найроби. Полетела туда на самолете и вернется на нем же. Дети здоровы. Самолет тоже здоров, слава богу.

— Мы слышали новость, — сообщил мистер Сингх. — Про льва и леопарда.

---

[48] Примечания: 48
Поздравляю! (*исп.*)

— Велика новость, застрелить льва или леопарда.

— Ведь это был лев мисс Мэри?

— Разумеется, — ответил я, с гордостью представив изящную, миниатюрную, вспыльчивую и великодушную мисс Мэри, ее египетский профиль, рубенсовскую грудь и сердце из Бемиджи, Уокера или Тиф-Ривер-Фолс — словом, из любого городишки, где зимой бывает ниже сорока. Идеальная температура для изготовления горячих сердец, что умеют быть ледяными.

— Проблема льва больше не стоит, — подытожил я, — спасибо мисс Мэри.

— Непростой был лев. От него многие пострадали.

— Родоначальник всех Сингхов душил таких голыми руками. У мисс Мэри был «манлихер» калибра 6,5.

— Маловато для крупного льва, — заметил мистер Сингх.

Я смекнул, что старого вояку не проведешь, и молча ждал продолжения. Мистер Сингх, однако, был не настолько глуп, чтобы продолжать, и мадам Сингх спросила:

— А что с леопардом?

— Любой здоровый мужчина может добыть

леопарда на завтрак.

— Кстати, о завтраке. Не хотите ли перекусить?

— С позволения мадам Сингх.

— О, пожалуйста! Какие пустяки.

— Пойдем в заднюю комнату. Но вы ничего не выпили!

— Выпьем вместе, если хотите.

Переводчик прошел с нами в заднюю комнату. Мистер Сингх принес бутылку виски «Белый вереск» и кувшин с водой. Переводчик снял миссионерские ботинки, чтобы продемонстрировать огрубевшие пятки.

— Я носил ботинки только по необходимости, если рядом были осведомители от религии, — доложил он. — О малютке Иисусе отзывался исключительно с презрением. Утреннюю молитву не творил, вечернюю тоже.

— Это все?

— Все.

— Присваиваю тебе звание обращенного, со знаком минус.

Он радостно боднул меня в живот, как делал сын Вдовы.

— Ежедневно думай о вершине и о Счастливых Охотничьих Угодьях. Малютка Иисус нам еще

пригодится, не говори о нем дурно. Какого ты племени?

— Того же, что и вы.

— А по метрике?

— Масаи и чага. Мы на границе.

— Многие достойные люди родились на границе.

— Да, сэр.

— Никогда не говори «сэр». Наша религия это запрещает.

— Так точно.

— Как ты перенес обрезание?

— Не лучшим образом, но вполне хорошо.

— Почему стал христианином?

— По невежеству.

— Могло быть и хуже.

— Мусульманином я не стал бы никогда в жизни… — Он хотел добавить «сэр», но я предостерегающе поднял палец.

— Тебе предстоит долгий и необычный путь, так что ботинки лучше оставить. Я подарю тебе другие, старые, но крепкие. Ты их быстро обносишь.

— Благодарю. Я смогу летать на самолете?

— Со временем. Самолет не для детей. И не для выпускников миссионерской школы.

Тут я хотел было извиниться, однако слова «извини» нет ни в суахили, ни в камба, и это вполне справедливо: сам язык как бы предупреждает, что за базар надо отвечать.

Переводчик поинтересовался происхождением моих царапин. Я сказал, что поранился о колючие кусты. Мистер Сингх кивнул и показал шрам на большом пальце: в сентябре он порезался пилой. Я помнил этот случай, шрам остался внушительный.

— Я слышал, утром вы сражались с леопардом, — сказал переводчик.

— Никто ни с кем не сражался. Леопард был среднего размера, его застрелили, потому что он зарезал шестнадцать коз в нашей шамбе. Он умер без боя.

— Люди говорят, вы с ним боролись врукопашную, а потом застрелили из пистолета.

— Люди лгут. Мы его ранили из винтовки, а потом добили из дробовика.

— Дробовик — это ведь для охоты на птиц?

Тут мистер Сингх рассмеялся, и я опять подумал о его прошлом.

— Ты смышленый парнишка, — сказал я переводчику, — хотя дробовик годится не только для птиц.

— Но в принципе же для птиц? Поэтому и говорят «ружье», а не «винтовка»?

— А что сказал бы гребаный бабу? — по-английски спросил я мистера Сингха.

— Бабу в земле, — усмехнулся мистер Сингх, впервые на моей памяти заговорив по-английски.

— Люблю я вас, мистер Сингх. И вашего предка, родоначальника всех Сингхов.

— Ваших славных предков я тоже уважаю, хотя вы о них не рассказывали.

— Было бы о чем рассказывать.

— В свое время я наверняка о них услышу, — сказал мистер Сингх. — Давайте выпьем. Эй, женщина! Туркана! Принеси-ка нам еды.

Переводчик алкал нового знания, верно почуяв его запах; он был хорошим парнем, наполовину чагой, с низкой, но хорошо развитой грудной клеткой.

— В приходской библиотеке есть книга, там говорится, что великий Карл Экли задушил леопарда голыми руками. Этому можно верить?

— Если очень хочется.

— Я спрашиваю серьезно, как юноша, желающий знать.

— С тех пор прошло много времени. Ты не пер-

вый интересуешься.

— Я хочу знать правду!

— В книгах ты ее не найдешь. Карл Экли был великим человеком, это факт.

Паренька невозможно было обескуражить, его вел запах той самой истины, крупицы которой ты добывал всю жизнь, промывая бедную породу фактов, имен и географических координат, разболтанных спьяну либо выбитых на допросе с пристрастием. Паренек снял ботинки и шаркал босыми пятками по деревянному полу, нетерпеливый, как борзая, не подозревая в своем стремлении к истине, что его упражнение по укреплению стоп смущает меня и мистера Сингха; от начальной геометрии ему хотелось перескочить к вещам гораздо более сложным, чем высшая математика.

— Вы осуждаете европейцев, которые берут в любовницы африканских девушек?

— Мы никого не осуждаем, это функция правоохранительных органов.

— Прошу вас, не шутите со мной, сэр.

— Ты знаешь, что «сэр» выше, чем «бвана»? В свое время у этого слова был вполне определенный смысл.

— И все же, сэр, можете вы принять отношения

такого рода?

— Если девушка действительно любит мужчину, если нет принуждения, я не считаю это грехом, коль скоро наследники одной очереди наследуют в равных долях, за исключением наследников, наследующих по праву представления.

Тирада соскочила с языка с неожиданной легкостью, к удовольствию мистера Сингха, и мне было приятно, что я сумел произнести ее, не изменившись в лице. Парнишка стушевался и отступил на позиции, по которым его более-менее подковали:

— В глазах Господних это грех.

— Ты всегда носишь их с собой? А если затуманятся, прочищаешь глазными каплями?

— Не смейтесь надо мной, сэр. Я все оставил, когда поступил в ваше распоряжение.

— Никаких распоряжений. Мы просто группа свободных людей, живем в стране, территориально сравнимой со штатом Коннектикут, и верим в довольно-таки затасканный лозунг.

— Позвольте узнать, в какой?

— Лозунги скучны, мой дорогой выпускник миссионерской школы. Мир, свобода, всеобщее процветание…

Заметив, что мистер Сингх подтянулся и уже

готов вербоваться на сверхсрочную, я решил вырулить из опасной темы и подытожил:

— Продолжай тренировать пятки. Следи за работой кишечника. И помни, что даже на чужбине всегда найдется место для кусочка Англии.

Парнишка, однако, упорствовал; сказывалась кровь чага, а может, и масайская.

— Сэр, вы же офицер, вы служите Короне!

— Формально и временно. Тебе что надо? Хочешь королевский шиллинг?

— Не откажусь, сэр.

Быть может, я поступал жестоко, но истина еще более жестока; к тому же за нее плохо платят. Достав из кармана шиллинг, я вручил его переводчику. Профиль королевы на серебряной монете смотрелся очень красиво.

— Назначаю тебя осведомителем… — Я осекся, увидев, что мистеру Сингху не по душе грязное слово. — Назначаю тебя временным переводчиком при охотоведческом хозяйстве. Гарантирую месячное жалованье семьдесят шиллингов, пока пост егеря сохраняется за мной; в случае моей отставки приказ о твоем назначении потеряет силу, и ты получишь одноразовую компенсацию в размере семидесяти шиллингов, выплаченную из моих личных средств, после чего обязуешь-

ся не предъявлять охотоведческому хозяйству претензий материального характера, равно и любых других, и т. д. и т. п. Храни тебя Бог. Как твое имя?

— Натаниель.

— В охотоведчестве будешь служить под именем Петр.

— Достойное имя, сэр.

— Твоего мнения никто не спрашивает. Ты должен беспристрастно и точно переводить — когда того потребуют старшие по должности. Твоим непосредственным начальником назначаю Арапа Майну, от него получишь дальнейшие инструкции. Желаешь получить аванс?

— Нет, сэр!

— Тогда свободен. Продолжай работу над пятками, за городом есть каменистые участки.

— Вы на меня не сердитесь, сэр?

— К чему сердиться? Повзрослеешь, сам поймешь, что сократовский метод познания устарел. Не приставай с вопросами, и людям не придется тебе лгать.

— Счастливо оставаться, мистер Сингх! — сказал новообращенный, обуваясь: снаружи могли сторожить миссионерские шпионы. — Счастливо оставаться, сэр!

Мистер Сингх кивнул, а я ответил:

— Ступай с миром.

Когда дверь за парнишкой закрылась, мистер Сингх рассеянно прошелся по комнате, вернулся к столу, налил в опустевшие стаканы виски «Белый вереск» и передал мне кувшин с водой.

— Еще один чертов бабу, — пробурчал он, усаживаясь поудобнее.

— По крайней мере не дерьмо.

— Не дерьмо, — согласился мистер Сингх. — Но вы напрасно теряете время.

— Почему мы раньше не говорили по-английски?

— Из взаимного уважения.

— Интересно, родоначальник всех Сингхов владел английским?

— Не знаю. Я тогда еще не родился.

— В каком звании служили, мистер Сингх?

— Номер части тоже интересует?

— Прошу прощения. В конце концов, виски ваше. Как же вы столько времени терпели экзотический язык?

— Мне на пользу. Если хотите, я буду на вас работать, строго на добровольных началах. В настоящее время я числюсь осведомителем в трех государственных агентствах, ни в одном из

которых нет ни порядка, ни нормальной связи.

— Взгляд со стороны иногда вводит в заблуждение. Империя функционирует уже достаточно долго.

— И нравится вам, как она функционирует?

— Я иностранец и гость, не мне судить.

— Хотите, чтобы я на вас работал?

— Будете пересылать мне копии ваших донесений?

— Никаких копий, все на словах, единственная форма записи — диктофон. У вас есть диктофон?

— С собой нету.

— Достаточно четырех диктофонов, чтобы повесить половину Лойтокитока.

— Я не собираюсь вешать половину Лойтокитока.

— Я тоже. Кто тогда будет ходить в лавку?

— Мистер Сингх, при грамотном подходе мы с вами запросто могли бы состряпать экономическую катастрофу, но сейчас мне надо вернуться к машине.

— Я вас провожу, если позволите.

— Ну что вы, не утруждайте себя.

— Пустое.

Я попрощался с миссис Сингх и добавил, что позже мы подгоним машину и заберем три ящика

пива «Таскер» и ящик кока-колы, а потом вышел на главную и единственную улицу Лойтокитока.

В населенных пунктах, имеющих только одну улицу, чувствуешь себя как на маленьком корабле, или в узком проливе, или в устье реки, или на горном перевале. После долгих блужданий по болоту, пустыне или безжизненным холмам Лойтокиток кажется оживленной столицей; бывают дни, когда он похож на улочку Рю-Рояль. Сегодня он был просто Лойтокитоком, напоминающим крошечные городишки штата Вайоминг, вроде Коди или Шеридана. Короткая прогулка в компании мистера Сингха была приятной. Рядом с машиной, стоявшей перед широким, как у западных магазинов, крыльцом лавки Бенджи, толпились масаи. Я подошел к Мвенги и предложил, что подежурю вместо него с винтовкой, а он, если хочет, может отлучиться в магазин или в питейную. Мвенги отказался. Я взошел на широкое крыльцо и попал в переполненную лавку.

Дебба и Вдова все еще рассматривали ткани, переворачивая образец за образцом, а Мтука им помогал. Процесс выбора вызвал у меня отвращение; отойдя к дальнему концу Г-образного прилавка, я принялся закупать необходимые медикаменты и туалетные принадлежности.

Когда добыча была уложена в коробку, я перешел к консервам: взял вяленой рыбы, сардин, креветок, несколько разновидностей садкового лосося и местной тушенки и, наконец, импортных южноафриканских консервов, по паре банок каждого вида, включая те, на этикетках которых было написано просто «РЫБА». Еще я прихватил полдюжины банок лангустов, бутылку мази «слоан» — она у нас заканчивалась — и полдюжины брусков мыла «спасательный круг». За нашими действиями наблюдала внушительная толпа любопытных масаи. Дебба не поднимала глаз и гордо улыбалась. Они с Вдовой пересмотрели уже почти все ткани, за исключением нескольких рулонов, но все никак не могли определиться.

Мтука подошел и доложил, что машина заправлена и что ему удалось найти правильный сорт пошо. Я дал ему стошиллинговую купюру и велел расплатиться за женщин.

— Скажи, пусть купят два платья: одно для камбии, второе для дня рождения малютки Иисуса.

Мтука знал, что ни одной нормальной женщине не нужно два новых платья; ей нужно одно новое и одно старое. Однако он послушно вернулся к ним и передал мои слова на кикамба. Дебба с Вдовой дружно опустили глаза, и все их высоко-

мерие сменилось детским солнечным восторгом, как будто я только что изобрел электричество и над всей Африкой воссиял яркий свет. Не глядя в их сторону, я продолжал закупать провизию: подошла очередь леденцов и шоколадок всех мастей.

Я уже не знал, укладываюсь ли в бюджет, но машина по крайней мере была заправлена, и пошо мы тоже купили. Родственник хозяина стоял за прилавком, ожидая распоряжений. Я сказал, что ненадолго отлучусь, и попросил его тщательно упаковать покупки и приготовить счет. Дебба и Вдова, таким образом, могли еще немного покопаться в тканях, а я тем временем хотел подогнать машину к лавке мистера Сингха и погрузить ящики с бутылками.

У мистера Сингха меня поджидал Нгуи. Ему удалось раздобыть сухих красок, чтобы покрасить мои рубашки и охотничьи жилеты в масайские цвета. Мы с ним распили бутылочку пива, а вторую взяли для Мвенги, который по-прежнему стоял на часах. В присутствии Нгуи мы с мистером Сингхом опять перешли на экзотический язык суахили.

Нгуи поинтересовался на кикамба, как я смотрю на то, чтобы вдуть миссис Сингх, и я был рад

убедиться, что мистер Сингх либо очень хороший актер, либо не удосужился выучить язык камба.

— Квиша мару, — сказал я, пытаясь закрыть тему.

– *Buona note*, — ответил он, и мы чокнулись бутылками.

— Пига ту.

— Пига ту.

— Пига чуи, ту, — объяснил Нгуи с легкой хмельной развязностью, повернувшись к мистеру Сингху. Тот поздравил нас вежливым поклоном и сообщил, что запишет три последних пива на счет заведения.

— Никогда! — воскликнул я по-венгерски. — *Nem, nem, soha!*

Мистер Сингх ответил что-то на экзотическом языке. Я знаками попросил счет. Он принялся его выписывать, а я сказал Нгуи по-испански:

— Vamonos. Ya es tarde.[49]

— Avanti Savoia[50], — ответил он. — Нунауа.

— Ну ты мерзавец!

— Хапана. Твой кровный брат.

Мы принялись грузить бутылки в машину;

---

[49] Примечания: 49
Пойдем. Это приказ (*исп.*).

[50] Примечания: 50
Вперед и с песней (*ит.*).

мистер Сингх и его сыновья нам помогли. Переводчик стоял в сторонке, и это было понятно: если бы выпускника миссионерской школы увидели с ящиком пива в руках, ему бы не поздоровилось. Вид у парня был весьма унылый; видимо, непонятное слово «нунауа» выбило его из колеи. Я сжалился и позволил ему понести ящик с кока-колой.

— Можно прокатиться с вами в машине?

— Почему бы нет?

— Я могу посторожить винтовку.

— Для первого дня службы это слишком ответственная задача.

— Извините. Я просто хотел помочь, сменить вашего брата камбу.

— Откуда ты знаешь, что он мой брат?

— Вы сами его так назвали.

— Правильно. Потому что он мой брат.

— Мне еще многому предстоит научиться.

— Это не повод для уныния, — утешил я, останавливая машину перед лавкой Бенджи. Здесь уже поджидали масаи, надеясь, что их покатают на джипе.

— Пошли они на три буквы, — сказал Нгуи по-английски.

Это была единственная английская фраза, ко-

торую он удосужился выучить. В здешних местах английский давно считался языком палачей, чиновников, лакеев и собственно бван. Это был красивый, но мертвый язык, в Африке его употребление терпели, но не поощряли. Поскольку сейчас на нем заговорил Нгуи, мой брат, я тоже ответил по-английски:

— Правильно. И тонкие, и толстые.

Нгуи смерил взглядом особо надоедливого пухлого масаи, которого в старые времена (впрочем, не такие уж и старые) он с удовольствием съел бы на обед, и задумчиво повторил:

— И толстые.

— Эй, переводчик! — позвал я. — То есть Петр. Будь добр, пойди в лавку и передай моему брату Мтуке, что мы готовы к погрузке.

— Как я узнаю вашего брата?

— Он камба, ту.

Нгуи не нравились ни переводчик, ни его ботинки, и он со сдержанным высокомерием безоружного камба прошел через толпу вооруженных масаи, реакция которых в целом была положительной, особенно реакция Вассермана.

Наконец все собрались, и покупки были погружены. Я уступил Мтуке место за рулем и пошел расплачиваться. Денег хватило в обрез: осталось

десять шиллингов. Я представил, какое будет у Мвинди лицо, когда я вернусь в лагерь с пустыми карманами. Мвинди был не только казначеем, но и моей самозваной совестью.

— Сколько масаи возьмем? — спросил я Мтуку.

— Только камба. И шесть остальных.

— Слишком много.

— Тогда четыре.

Мы объявили посадку; Нгуи и Мвенги отбирали кандидатов. Дебба пребывала в состоянии заносчивой восторженности и ни на кого не смотрела. Мы втроем уселись впереди, еще пятеро — только камба, как положено, — расположились сзади, причем Вдова по-прежнему сидела между Нгуи и Мвенги, а четверо фаворитов второй очереди устроились в кузове на мешках с пошо. При желании мы могли бы взять еще двоих, но на пути была пара мест, где масаи обычно тошнило.

Когда машина съехала с «холма» (так мы называли нижние предгорья вершины), Нгуи взялся открывать сакраментальное пиво, неотъемлемую часть жизни вакамба. Я спросил Деббу, как она себя чувствует. День выдался долгим и по большому счету трудным, с покупками, извилистой дорогой и быстрыми переменами высоты, поэтому она имела право чувствовать себя, как

ей заблагорассудится. Дебба покрепче сжала мою кобуру и ответила:

— En la puta gloria.

— Yo también[51], — сказал я и попросил у Мтуки щепотку снаффа.

Мтука протянул табакерку, которую я передал Деббе. Она тут же вернула ее мне. Снафф был хорош: не такой ядреный, как у Арапа Майны, но достаточно крепкий, чтобы почувствовать жжение под верхней губой. Не теряя гордой осанки, Дебба передала табакерку Вдове. Вдова угостилась как следует и пустила табакерку обратно: Деббе, потом мне, потом Мтуке.

— Не любишь снафф? — спросил я, заранее зная ответ и чувствуя себя идиотом. Вся сцена была первым некрасивым эпизодом за сегодняшний день.

— Я не могу, — ответила она. — Я тебе не жена. Не могу принять снафф.

Добавить было нечего. Дебба положила руку на кобуру, изготовленную в Денвере фирмой «Хайзер», и погладила цветочный орнамент, с изяществом которого не могла сравниться ни одна местная татуировка, — выцветший, вытертый

---

[51] Примечания: 51
Аналогично (*исп.*).

о седло и протравленный потом.

— Ты весь в этом пистолете, — сказала она. — Вот здесь, у меня в руке.

В ответ я сказал грубость. В племени камба отношения между мужчиной и женщиной построены на наглости и высокомерии, что весьма изнурительно — в отсутствие любви. Любовь тоже страшная вещь, не пожелаешь и врагу, и никуда не деться от этого праздника, который всегда с тобой. А такого понятия, как супружеская верность, вообще не существует; по крайней мере в мужском словаре. Исключением являются отношения в первом браке. Для меня это был первый брак, и я ничего не мог предложить, кроме того немногого, что у меня было. Это, впрочем, тоже чего-то стоило, и мы жили, не задумываясь о завтрашнем дне.

Глава пятнадцатая

Вечер прошел относительно спокойно. В лагере ни Дебба, ни Вдова не захотели принять ванну; очевидно, боялись заведовавшего горячей водой старого Мвинди и зеленой брезентовой ванны на шести ножках. К их отказу отнеслись с пониманием.

От пассажиров мы избавились по пути, высадив их в масайских маньяттах. Проявления бравады никого больше не интересовали: мы находились в темном спокойном месте, усталые, но довольные прошедшим днем. Я предложил Вдове ехать домой, ибо не был уверен, имела ли она право, согласно законам камба, остаться с дочерью. Она была доброй и вежливой женщиной с хорошими манерами, и любые права, которые давал ей закон камба, я намеревался соблюдать неукоснительно.

Стукач объявился и в суматохе опять пропал, утащив бутылку львиного жира. Мы с Деббой видели, как он ее крал. Бутылка была из-под виски «Гранд Макниш», и львиный жир особой ценности не представлял: все в лагере знали, что Нгуи разбавил его жиром антилопы канна,

превратив, образно говоря, пятидесятиградусное виски в сорокаградусное.

Мы проснулись и увидели, как Стукач крадет бутылку. Дебба беззаботно рассмеялась:

— Чуи ту!

– *No hay remedio*, — ответил я.

— En la puta gloria.

Разнообразием наш словарь не отличался, однако болтать мы не любили и в переводчике не нуждались, за исключением случаев, когда речь шла о законе камба. Первой воровство заметила Вдова, которая бдительно стерегла наш сон. Увидев, как Стукач потащил бутыль странной формы, наполненную подозрительно белым львиным жиром, она кашлянула, и этот звук нас разбудил.

Я решил распорядиться насчет ужина и вызвал стюарда Мсемби, хорошего крепкого парнишку. Он был камба, из потомственных охотников, но охотой не интересовался и после войны был разжалован в слуги. В том или ином смысле мы все были слугами; я, например, служил правительству, поскольку работал в охотоведческом хозяйстве, а еще служил мисс Мэри и журналу «Look». Моя служба у мисс Мэри временно приостановилась со смертью ее льва. Служба в журнале «Look» тоже приостановилась — и

тоже временно, хотя я надеялся, что постоянно. Мечтать не вредно. Так или иначе, мне и Мсемби служба была не в тягость — да мы, по правде говоря, не особо и утруждались.

Единственный закон, который что-либо значит, — это племенной закон, и согласно ему я был мзи, то есть стариком, все еще сохраняющим статус воина. Быть одновременно и тем и другим очень непросто, старшие товарищи не дадут соврать. Надо от чего-то отказаться, чтобы не потерять все. Этот урок мне преподали в местечке под названием Шнее-Айфель, где от нападения нам пришлось перейти к обороне. Бывает, что рубеж, занятый безумно дорогой ценой, оставляешь, словно он не стоит ни гроша, — и твоя обороноспособность сразу возрастает. Решиться на это нелегко, за такие дела часто расстреливают, но еще больше заслуживает расстрела неумение приспособиться к ситуации.

Я сообщил Мсемби, что ужинать будем через полтора часа, и попросил накрыть стол на троих, имея в виду себя, Деббу и Вдову. Он воодушевился и с энергией истинного камба ушел делать распоряжения. На деле, к сожалению, вышло иначе. Дебба с ее настроем *la puta gloria* была готова ко всему. Вдова понимала, что я много на себя

беру и Африку не покоришь за день, а тем более за вечер, однако согласна была примириться с неизбежным.

Затею прихлопнул Кейти, свято хранивший верность бванам, племени и исламу. Ему хватило отваги и такта не посылать ко мне подчиненных; постучав по стойке палатки, он сообщил, что хочет поговорить. Я мог бы его отослать, но в целом я послушный мальчик, спасибо Отцу и суровым жизненным урокам. Кейти с порога заявил, что я не имею права брать девчонку силой (тут он был не прав: насилия в наших отношениях не было никогда).

— Ожидай большие неприятности, — прибавил он.

— Ну добро, — сказал я. — Ты говоришь от лица всех мзи?

— Я самый старый.

— Тогда прикажи своему сыну, который старше меня, подогнать охотничий джип.

— Сын сейчас нет, — ответил Кейти.

Конечно, я знал ситуацию: и что Кейти своим детям не указ, и что Мтука не мусульманин, но все это было слишком сложно.

— Ладно, я сам поведу.

— Я прошу, вези девчонка дом, семья. Если

хочешь, я тоже поезжай.

— Со мной поедут девчонка, Вдова и Стукач.

Мвинди, одетый в зеленый халат и зеленую шапочку, подошел и стал рядом с Кейти, для которого разговор на английском был мучением.

Мсемби эта история не касалась, просто он любил Деббу, как и все мы. А Дебба лежала и притворялась спящей: идеальная жена, за которую каждый из нас не пожалел бы никаких денег, хотя все прекрасно понимали, что купить еще не значит обладать.

Мсемби был солдатом, и оба старых мзи помнили это, как помнили и о своем предательстве, которое они совершили, приняв ислам. Мсемби знал, что рано или поздно все становятся стариками, гордиться тут нечем, и торопливо выпалил, перемешивая устаревшие понятия и собственную интерпретацию закона камба:

— Наш бвана имеет право взять Вдову, поскольку он ее покровитель, и сын у нее есть.

Кейти кивнул, Мвинди тоже.

Мне стало жалко Деббу, которая после трудного и славного дня наконец пообедала и прилегла со мной, нарушив правила, как делала уже много раз, не спрашивая разрешения великолепных старцев, чей статус не опирался ни на что, кроме

возраста (хотя тут я не совсем справедлив), и, чтобы поставить точку, я сказал темноте внутри палатки:

– *No hay remedio*. Квенда на Шамба.

С этой минуты начался конец замечательного дня, подарившего мне столько шансов быть счастливым.

Глава шестнадцатая

Подчинившись воле стариков, я отвез Деббу, Вдову и Стукача в Шамбу и оставил мать и дочь разбирать подарки, которые я им купил. Подарки были важным пунктом: у обеих женщин теперь имелась материя для платьев. С тестем я не стал разговаривать и ничего ему не объяснял; мы вели себя так, будто возвратились из слегка затянувшейся поездки в магазин. У Стукача из-под шали торчало горлышко бутылки «Гранд Макниш», в которой плескался разбавленный львиный жир, но я не расстраивался. Это был не последний и далеко не лучший жир в лагере, да и пополнить запасы не составляло труда. Из мелких удовольствий нет ничего приятнее, чем наблюдать за воришкой, от писателя и выше, который тебя обокрал и думает, что остался незамеченным. Писателей вообще никогда, ни под каким видом нельзя ловить на воровстве: у них может не выдержать сердце, если оно есть, а у некоторых оно есть, хотя это деликатный момент, о котором лучше не говорить. Со Стукачом было сложнее, речь шла о его лояльности, и так находившейся под вопросом. Кейти Стукача ненавидел, при-

чем не без оснований: в старые добрые времена Стукач работал под его началом водителем грузовика — и частенько оскорблял его юношеской дерзостью и порочной развязностью, с которой он отзывался об известном благородном лорде. Кейти в ту пору служил у Отца. Как всякий камба, он не терпел гомосексуалистов, и мысль о масайском водителе, порочащем Белого Человека, была непереносима. Позже благородному лорду поставили памятник в Найроби, и местные шалопаи повадились каждую ночь красить статуе губы; Кейти, проезжая мимо, всякий раз отворачивался. Чаро, напротив, не отворачивался и смеялся вместе с нами, хотя был еще более строгим мусульманином, чем Кейти. Приняв однажды королевский шиллинг, Кейти намеревался хранить ему верность до конца дней. Он был истинным викторианцем, и мы, начавшие эдвардианцами, затем перековавшиеся в георгианцы, затем на время вернувшиеся к эдвардианству, чтобы через георгианство стать, наконец, елизаветинцами — разумеется, с поправкой на лень и племенную принадлежность, — имели с ним мало общего. Сейчас на душе у меня было скверно, и не хотелось копаться в происшедшем, чтобы не думать дурно о тех, кого я уважал, однако мне было ясно:

реакция Кейти вызвана не заботой о соблюдении племенного закона камба — в конце концов, он старый человек с пятью женами, одна из которых совсем молоденькая, и судить о чьем-либо моральном облике права не имеет, — а ужасом при мысли о том, что Дебба и Вдова сядут ужинать со мной за господский стол.

Я гнал машину через ночь, чтобы развеять горькие мысли, и думал о Деббе и о ситуациях, когда элементарное счастье абсолютно недостижимо, а людям наплевать, хотя они уже дожили до преклонных лет. В одном месте я чуть было не свернул налево, на красноватую дорогу, ведущую к известной шамбе, где сейчас отдыхали двое наших и где для меня нашлась бы масайская жена, не уступающая по крайней мере женам Лота и Потифара, и мы сыграли бы в любовь, поставив на кон фрамбезию. Но налево я не свернул. Вернувшись в лагерь, я сел в столовой читать Сименона. Мсемби очень за меня переживал. К счастью, ни он, ни я не любили пустой болтовни.

Одно весьма галантное предложение он все же сделал: спросил, не организовать ли грузовик и привезти мне Вдову. На это я ответил «хапана» и вернулся к Сименону.

Мсемби продолжал переживать, а Сименона

у него не имелось, поэтому он сделал очередное предложение: поехать вместе со мной в Шамбу и забрать Деббу. Он заверил, что закону камба это не противоречит и платить ничего не придется, только голый номинал. Кроме того, сказал он, Шамба незаконная, и никто нас к ответу не привлечет, а тестя я одарил более чем достаточно, да еще и леопарда убил.

Обдумав предложение, я ответил отказом. Не так давно я отважился на довольно дерзкий поступок: уплатил положенную цену за право спать в тещиной кровати. Откуда было Кейти об этом знать? Ему, конечно, полагалось присматривать за всем, но мы и так поддерживали в лагере весьма жесткий порядок, даже жестче, чем он думал. В последнем я, правда, сомневался. Мое уважение к Кейти сильно возросло после Магади. Тогда он был следопытом, шел за зверем неутомимо, даже когда не требовалось, — только две змеи грозно шевелились на лбу под тюрбаном. Меня он умотал вконец, Нгуи держался из последних сил. Охотились мы при сорока градусах в тени, согласно довольно точному лагерному термометру, но никакой тени вокруг не было, если не считать чахлого деревца, под которым я сидел в изнеможении, тяжело дыша, пытаясь прикинуть,

на сколько километров мы удалились от лагеря — райского места, где хранят прохладу фиговые деревья, и журчит хрустальный ручей, и бурюдки с водой сочатся холодным потом.

В тот день Кейти укатал нас, не выказав ни тени хвастовства, и мое уважение к нему возникло не на пустом месте. Сегодня, однако, я не мог до конца понять, зачем он вмешался. Эти люди всегда действуют для твоего же блага. Одно было ясно: я и Мсемби не должны ехать в Шамбу украдкой, как пара пьянчуг, чтобы продолжить банкет.

Считается, что африканцы никогда ни о чем не жалеют. Теорию, конечно, выдумали белые, временно оккупировавшие материк. Еще про африканцев говорят, что они не чувствуют боли — очевидно, потому, что они не плачут, по крайней мере в основной массе. Стоически переносить боль — это племенной обычай и своеобразная роскошь. У нас в Америке есть телевизоры, кинематограф, дорогие жены с холеными руками, ночной маской для лица и шубой из настоящей дикой норки где-нибудь в специальном холодильнике, откуда ее можно забрать по чеку, как из ломбарда. В Африке лучшие племена испокон веков знали единственную роскошь: не показывать боли. Мы — или то/, как говорил Нгуи, — не

знали лишений, кроме войны, которая не что иное, как скучная бродячая жизнь с редкими праздниками сражений и собачьей радостью мародерства, похожего на кость, брошенную равнодушным хозяином. Мы, то есть на данный момент я и Мсемби, знали не понаслышке, что значит разграбить город, и могли подробно рассказать, хотя никогда этого не делали, каким образом воплощаются в жизнь библейские фразы о мужчинах, преданных мечу, и женщинах, угнанных в рабство. Скорбные дела остались в прошлом, тем не менее все, кто в них участвовал, были братьями. Добрых братьев трудно отыскать, зато с дурными можно столкнуться в любом городе мира.

Стукач был моим братом, как он сам неоднократно заявлял. Я, однако, его не выбирал. В контексте нашего сафари обращение бвана считалось чуть ли не оскорблением, а мы с Мсемби считались добрыми братьями — и в эту ночь, не обменявшись ни словом, мы оба вспомнили, что первые работорговцы, пришедшие сюда морем, были мусульманами, и я подумал, что именно поэтому Мтука со своими стреловидными шрамами на щеках ни при каких обстоятельствах не примет модную веру, хотя в нее перешли и его

отец Кейти, и прямолинейный добряк Чаро, и честный опытный сноб Мвинди.

Мы с Мсемби сидели у костра и сообща предавались печали. Один раз к нам подошел Нгуили, скромный, как подобает нанаке, и предложил разделить нашу печаль, если будет позволено. Позволено ему не было, я только шлепнул его шутя по заднице и сказал:

— Morgen ist auch noch ein tag.[52]

Это старая немецкая поговорка, антипод фразы *no hay remedio*[53], тоже очень красивой и верной, хотя за ее введение в обиход мне до сих пор стыдно, как какому-нибудь пораженцу или коллаборационисту. С помощью Мсемби я тщательно перевел ее на камба — и вдруг почувствовал укол совести, какой часто испытывают любители красивых фраз, и попросил Нгуили принести мне копье, ибо я собираюсь пойти на ночную охоту, когда взойдет луна.

Заявление вышло более чем театральным. С другой стороны, Гамлет тоже весьма театрален. Все были глубоко тронуты, особенно я, хотя мне теперь предстояло отвечать за свои слова.

---

[52] Примечания: 52
Утро вечера мудренее (*нем.*).

[53] Примечания: 53
Нет лекарства (*исп.*).

Луна висела над черным плечом вершины, и я жалел, что при мне нет хорошей собаки, и ругал себя за публично озвученное намерение совершить поступок, ставивший меня выше Кейти. Однако сказанного не воротишь. Проверив копье, я переобулся в мягкие мокасины, поблагодарил Нгуили и покинул столовую. На дереве у входа сидели часовые с винтовками; их удаляющийся фонарь светил мне в спину, а луна висела над правым плечом.

Тяжесть копья радовала мышцы, его древко было обмотано пластырем, чтобы не скользила рука. Когда охотишься с копьем, подмышки и предплечья сильно потеют, и пот сбегает на древко. Мокасины приминали молодую траву, а затем я почувствовал под ногами гладкую колею — это была дорога, ведущая к аэродрому. С нее я скоро свернул на другую, которая называлась Большая северная дорога. Мне еще не доводилось в одиночку охотиться ночью с копьем, и я снова пожалел, что рядом нет хорошей овчарки. С ней можно не опасаться, что какой-нибудь зверь, сидящий в ближайших кустах, застанет тебя врасплох: почуяв опасность, овчарка сразу отстает и утыкается носом тебе под колено. С другой стороны, хорошая порция страха во время ноч-

ной охоты — это роскошь, за которую приходится платить, и, как любая истинная роскошь, она того стоит. Мэри, Джи-Си и я понимали толк в роскоши, и некоторые эпизоды наших биографий обошлись нам недешево, но мы никогда не жаловались на цену. Зато дурацкие рутинные дела, разъедающие душу изо дня в день, почти никогда не стоят того, что за них отдаешь, думал я, тыча копьем в черные кусты и осматривая мертвые деревья: там могли гнездиться кобры, и я боялся наступить на них в темноте.

В лагере я слышал двух гиен, но сейчас они хранили молчание. Со стороны старой маньятты донесся львиный рык, поэтому я благоразумно решил держаться оттуда подальше; в тех местах водились и носороги. Впереди на открытом месте спало нечто, облитое светом луны. Это была антилопа гну; я сделал крюк по траве, чтобы ее (точнее, его) не потревожить.

Вокруг перекликались ночные птицы, преимущественно зуйки; на пути попадались большеухие лисицы и зайцы. Их глаза не сверкали, потому что у меня не было ни фар, ни даже фонаря, а лунный свет не давал бликов. Луна уже вскарабкалась в зенит и ровно сияла, освещая мне дорогу. Я шагал, радуясь ночному миру и

не думая о возможных столкновениях. Чушь, связанная с Кейти, Деббой, Вдовой и нашим непродолжившимся банкетом, потеряла значение; оглядываясь, я уже не видел огней лагеря; лишь вершина белела плоским монолитом в свете луны. Я надеялся, что не встречу зверя, которого придется убивать. Конечно, я мог бы убить антилопу гну, но ее пришлось бы свежевать и охранять до утра, чтобы не растащили гиены, либо поднимать среди ночи лагерь, подгонять грузовик, выставлять себя дешевым выскочкой; к тому же только шестеро из нас употребляли в пищу мясо антилопы гну, и к приезду Мэри я намеревался добыть нормального мяса.

И вот я шел, облитый лунным светом, а в траве возились мелкие животные, и кричали птицы, взлетая из дорожной пыли. Я думал о Мэри: чем она занимается в Найроби, как выглядит новая стрижка, на которую она могла и не отважиться, почему она сложением напоминает Деббу, во сколько завтра прилетит самолет — я надеялся, что не позже двух.

К этому времени я уже почти добрался до места, где она убила льва. Слева раздался рык леопарда: он охотился у большого болота. Отсюда можно было пойти к солончакам, но там меня точно

задрал бы какой-нибудь зверь. Я не стал искушать судьбу и повернул к лагерю. Под ногами пружинила наезженная дорога, руку оттягивало копье; я шагал и любовался вершиной, уже ни на кого не охотясь.

Глава семнадцатая

Утром Мвинди принес чай. Я поблагодарил его и сел с кружкой у останков костра, думая и вспоминая, а потом оделся и пошел искать Кейти.

День обещал быть тихим, идеальным для чтения и созерцания, однако на деле вышло иначе. У входа в столовую стоял Арап Майна. Он лихо отдал честь и сообщил:

— Бвана, у нас проблемы.

— Какого рода?

— Ничего серьезного.

Моя «приемная» находилась сразу за кухонными кострами под сенью больших деревьев, и сейчас там ожидали мзи из двух масайских маньятт. Они были не вождями (вождь — это продажный человек, принимающий деньги или медальки от англичан), а просто старейшинами своих деревень, разнесенных на пятнадцать миль друг от друга. В обеих деревнях побезобразничал лев. Я уселся на стул перед палаткой, опершись на трость мзи, и стал урчать с вдумчивым достоинством в ответ на их жалобы, понять которые мне помогали Мвинди и Арап Майна. Масайская душа потемки, однако эти двое производили

впечатление серьезных людей, а их проблемы заслуживали внимания. У одного из них поперек плеча шли четыре глубоких борозды, будто нанесенные граблями, а у другого не было глаза и заросшую диким мясом глазницу пересекал тонкий шрам, спускаясь от линии волос до нижней челюсти.

Масаи обычно любят поговорить и поспорить, но эти двое были молчунами. Я заявил, обращаясь ко всем масаи, включая зрителей, которые стояли поодаль, что меры будут приняты. Говорить приходилось через Мвинди, он переводил мои слова Арапу Майне, а тот передавал клиентам. Я стоял, опираясь на трость мзи, в набалдашник которой был вколочен расплющенный серебряный шиллинг, и в нужных местах урчал на чистейшем масайском, напоминая при этом Марлен Дитрих, урчащую от любовной истомы либо от сопереживания, — звуки разные, но одинаково глубокие, с высокой нотой в конце.

Я пожал масаи руки, и Мвинди, обожавший сообщать дурные вести, сказал по-английски:

— Бвана, есть две женщины с вавами.

Вавой называют любое венерическое заболевание, а также фрамбезию, по поводу которой единого мнения не существует. Возбудителем ее

является спирохета, как и у сифилиса, однако способ передачи пока неясен. Считается, что можно заразиться от чужой посуды, в общественных туалетах или через поцелуй. За всю практику я ни разу не сталкивался с подобным невезением.

Фрамбезию я к тому времени знал досконально, как родную сестру; иными словами, видел ее постоянно и принимал как должное.

Обе масаи были весьма красивы и наглядно иллюстрировали мою теорию, что в Африке чем женщина красивее, тем чаще у нее находят фрамбезию. Мсемби обожал мои медицинские упражнения и без напоминаний принес необходимые средства. Пораженные участки я сперва почистил, бросив результат в еще живое пепелище, а затем помазал генцианвиолетом для психологического эффекта. Генцианвиолет своим чудесным золотисто-лиловым цветом оказывает волшебный эффект на боевой дух пациента, воодушевляет врача и веселит зрителей. Пользуя им женщин, я обычно не забываю и о мужьях, в завершение процедуры ставя им на лоб фиолетовую точку.

В этот раз я решил перестраховаться и опрыскал пациенток сульфатизолом, стараясь не дышать, а потом щедро помазал ауреомицином.

Пенициллин они приняли перорально и по чуть-чуть, в соответствии с моим методом. Обычно я выжидаю сутки после первого приема и, если улучшений нет, ввожу пенициллин в чудовищных количествах, сколько не жалко. Напоследок я извлек у себя из-под мышки порцию снаффа, разделил ее пополам и заложил каждой пациентке за ухо. Мсемби особенно любил эту часть. Спросив тазик горячей воды и брусок голубого мыла «Некко», я тщательно вымыл руки, так как здоровался с пациентками. Их ладони были нежны и прохладны. Если с масайкой здороваешься за руку, даже в присутствии мужа, она завладевает твоей рукой и не торопится ее отдавать. Может, это нечто этническое, а может, личное, связанное с моим статусом специалиста по фрамбезии. Я не мог спросить об этом Нгуи: нашего словаря было недостаточно, чтобы проработать тему. В благодарность за лекарские услуги масайка может презентовать тебе пару початков кукурузы, но это бывает нечасто.

Следующий пациент не вдохновил бы даже начинающего терапевта. Судя по зубам и гениталиям, он выглядел старше своих лет. Дыхание затруднено, температура под 40, язык покрыт белым налетом, в горле, если нажать на язык,

видны белые ямки. Когда я слегка пощупал печень, его буквально скрючило. Жаловался он на боли в голове, животе и груди и уже много дней — он сам не помнил сколько — страдал запором. Будь он животным, я бы его пристрелил. Однако он был моим африканским братом, и я дал ему хлорохина на случай, если это малярия, несильного слабительного и аспирина, чтобы снять боль, а затем мы прокипятили большой шприц, уложили беднягу на живот и вкатили полтора миллиона единиц пенициллина в его дряблую черную задницу. Все понимали, что это напрасная трата пенициллина, но глупо экономить, когда банкротство неизбежно; к тому же мы недавно обрели новую религию и жалели всех, кому повезло меньше, и вообще, зачем пенициллин, если за последней чертой ждут Счастливые Охотничьи Угодья?..

Мвинди, в зеленом халате и зеленой шапочке наблюдавший за приемом и считавший нас неверными шалопаями из племени камба, объявил:

— Бвана, еще один масай с вавой.

— Веди.

Этот оказался симпатичным юным воином и держался гордо, хотя и стеснялся своего недуга.

Случай был хрестоматийный: твердый шанкр, уже довольно застарелый. Ощупав его, я сложил в уме оставшийся пенициллин и напомнил себе, что мужчине паниковать не подобает и что самолет прилетит со дня на день. Мы принялись снова кипятить шприц, хотя парнишке в его состоянии уже нечего было бояться. Мсемби протер спиртом ягодицу — в этот раз плоскую и упругую, как и должно быть у мужчины. Я сделал укол и проследил, как стекает по коже маслянистая капелька, свидетельство моей криворукости и небрежного отношения к веществу, которое было для нас дороже гостии. Парнишка поднялся и взял копье. Через Мвинди и Арапа Майну я объяснил ему, когда надо прийти опять, и добавил, что визитов будет всего шесть, после чего ему следует обратиться в больницу с моей запиской. Рукопожатием мы не обменялись, потому что парень был моложе меня, однако на его лице играла улыбка и он гордился, что получил в задницу иглу.

К нам подошел Мтука. Происходящее его совершенно не касалось, однако ему было любопытно отправление медицинской практики, а главное, он надеялся, что кому-нибудь потребуется хирургическое вмешательство, ибо я делал опера-

ции, сверяясь по анатомическому справочнику, который Нгуи держал у меня перед носом. В справочнике были великолепные цветные картинки, как одиночные, так и двойные с разворотом, чтобы можно было видеть тело одновременно и спереди, и сзади. Операции любили все, но сегодня резать было некого, и Мтука приблизился — высокий, раскрепощенный, глухой, с эффектными шрамами, нанесенными давным-давно, чтобы произвести впечатление на девчонку, и предложил, одернув клетчатую рубашку, подарок Томми Шевлина:

— Квенда на Шамба.

— Квенда, — сказал я Нгуи. — Две винтовки. Ты, я и Мтука.

— Хапана халяль?

— Добро, позови Чаро.

— Мзури, — кивнул Нгуи. Добыть кусок доброго мяса и не забить его по правилам было бы оскорблением для стариков мусульман.

Кейти знал, что мы были плохишами, и все же относился к нам серьезно, с тех пор как я объяснил ему азы нашей новой религии, истоки которой были старше, чем вершина. При желании мы могли бы, наверное, перековать Чаро, хотя было жестоко лишать старика привычного

конфессионального убежища, организованного гораздо грамотнее, чем наше. Прозелитизм, однако, был нам чужд, и мы довольствовались тем, что Чаро уважал нашу веру.

Мисс Мэри страстно ненавидела все, что ей было известно о новой религии (а известно ей было немного), да никто и не стремился ее обратить. Будь она одной из нас по праву рождения, никто бы не возражал, но шансов примкнуть к нам на избирательной основе у нее, боюсь, не было. Конечно, ее группа поддержки, состоявшая из молоденьких егерей во главе с великолепным красавчиком Чунго, выбрала бы ее куда угодно, хоть королевой рая, однако среди нас молоденьких егерей не наблюдалось, и, хотя мы планировали отказаться от бичевания и смертной казни применительно к кому бы то ни было, кроме наших недругов, и намеревались подарить свободу всем невольникам, за исключением тех, кого сами взяли в рабство, а каннибализм запретить окончательно и бесповоротно, для тех, кто его не практикует, — мисс Мэри не набрала бы в нашем округе нужного числа голосов.

Мы въехали в Шамбу, и Нгуи сходил за Деббой. Она уселась на переднее сиденье, положив руку на мою кобуру. Мы укатили прочь; дети и старики

махали нам вслед, а Дебба принимала их приветствия благосклонно, как главнокомандующий на параде. В то время она делала жизнь с вырезок из цветных еженедельников, какими я ее в изобилии снабжал; следствием этого было истинно королевское высокомерие, свидетелями которого мы были в галантерейной дуке, когда покупали отрезы на платья. Не знаю, кто именно служил Деббе образцом для подражания. Выбирать ей было из кого: год выдался урожайным на выгодно заснятую помпезность. Я пытался обучить ее особому изгибу запястья и волнообразному движению пальцев, которым, бывало, греческая принцесса Аспасия приветствовала меня через накуренный гвалт «Гарри бара» в Венеции. Увы, в Лойтокитоке еще не открыли «Гарри бара».

Итак, Дебба благосклонно принимала приветствия толпы, а я сидел рядом, держась с чопорной благожелательностью. Машина выехала на дорогу и побежала вверх по склону к тем местам, где я надеялся, ко всеобщему удовлетворению, добыть зверя крупного, жирного и сочного.

Мы охотились усердно: лежали до темноты на старом одеяле, надеясь, что какой-нибудь зверь выбредет на открытое место. Не выбрел ни один. Когда пришло время возвращаться, я застрелил

газель Томпсона, чего нам было вполне достаточно. Мы с Деббой сидели на одеяле; я прицелился и положил ее палец на спусковой крючок поверх моего; сопровождая цель, я чувствовал легкое давление ее пальца; она приникла ко мне и старалась не дышать. Затем я скомандовал: «Пига!» — и ее палец напрягся одновременно с моим, точнее, на долю секунды позже, и газель, которая только что беззаботно паслась, подергивая хвостиком, повалилась, нелепо задрав к небу четыре ноги, и Чаро ринулся к ней в потертых шортах, синем пиджаке и старом тюрбане, чтобы перерезать горло.

— Пига мзури, — похвалил Нгуи.

Дебба повернулась к нему, попыталась выдержать королевскую мину — и расплакалась.

— Асанта сана, — сказала она сквозь слезы.

Она плакала, а мы сидели и ждали. Успокоилась она быстро, как ребенок. Чаро закончил дело, и к газели подъехал джип, вырулив из-за крутого холма. Мтука откинул задний борт, они с Чаро раскачали газель и забросили в кузов; их фигурки и большая машина казались игрушечными на таком расстоянии. Затем джип стал подниматься вверх по склону, увеличиваясь с каждой секундой. Мне хотелось замерить дистан-

цию выстрела, но это было баловство, настоящий мужчина должен поражать цель с любой дистанции, с поправкой на рельеф.

Дебба смотрела на зверя, как будто впервые в жизни увидела газель, и трогала пальчиком небольшое отверстие: пуля пробила обе лопатки. Я боялся, что она перемажется в крови. В кузове над полом были привинчены металлические полосы, чтобы под мясом циркулировал воздух; место было не самое чистое, несмотря на частые помывки.

Дебба оставила труп в покое и тихо сидела между мной и Мтукой; мы видели, что ей не по себе, но ничего не спрашивали, а она только крепче сжимала мою кобуру. Когда мы вернулись в Шамбу, она снова взяла королевский тон, однако мысли ее где-то блуждали. Нгуи разделал газель, бросил собакам требуху и легкие, затем вычистил желудок, сложил туда сердце, почки и печень и отдал мальчишке, наказав отнести Деббе. На порог вышел мой тесть, я ему кивнул. Он принял от мальчишки белый влажный мешок с красно-лиловым содержимым и скрылся в дверях своего дома — по-настоящему красивой постройки с конической крышей и красными стенами.

Я вышел из машины и помог выйти Деббе.

— Джамбо ту.

Она ничего не ответила и ушла домой.

Между тем стемнело, и, когда мы добрались до лагеря, там уже горел костер, и рядом стоял мой стул, и был приготовлен столик с выпивкой. Мвинди уже согрел воду для ванны; я хорошенько вымылся и надел пижаму, противомоскитные сапоги и тяжелый халат. Кейти ждал меня у костра.

— Джамбо, бвана.

— Джамбо, мистер Кейти. Мы добыли небольшого томми. Чаро все сделал как надо.

Он улыбнулся, и я понял, что мы снова друзья. Улыбка у него была замечательная, такой я ни у кого не встречал.

— Присядь, Кейти.

— Нет.

— Я тебе благодарен за вчерашнее. Ты был прав и сделал именно то, что следовало. Я уже давно объяснился с отцом, сделал нужные визиты и подарки. Понятно, что ты об этом не знал. Он никчемный человек.

— Я знаю. Шамбой управляют женщины.

— Если у девчонки будет от меня сын, я дам ему хорошее образование. Он сможет стать офицером, врачом или юристом. Если захочет стать

охотником, возьму его к себе и воспитаю, как своего сына. Ты все понимаешь?

— Да, бвана.

— Если будет девочка, я позабочусь о ее приданом. Она сможет жить со мной как дочь. Понятно?

— Понятно. Лучше, наверное, останься с мать.

— Я все сделаю по закону камба. Но жениться на девчонке и забрать ее домой я не могу — из-за наших дурацких законов.

— Кто-нибудь из братьев может женись, — сказал Кейти.

— Я знаю.

Тема, таким образом, была закрыта, и мы опять стали друзьями.

— Хочу с тобой ночная охота, с копьем, ты и я.

— Я только учусь, — сказал я. — Ничего толком не понимаю, и без собаки трудно.

— Никто не знает ночь. Ни я, ни ты. Никто.

— Я хочу научиться.

— Научишься. Только надо осторожно.

— Конечно.

— Никто не знает ночь. Только если на дерево заберись или безопасное место сиди. Когда ночь, зверь хозяин.

Кейти был слишком деликатен, чтобы обсуж-

дать со мной религиозные вопросы, но в его глазах светилась искушенная мудрость старика, побывавшего на вершине холма и видевшего все земные соблазны, и я напомнил себе, что мы не должны развращать Чаро. Мне было ясно, что наша берет и теперь я запросто могу пригласить Деббу и Вдову на официальный ужин с настоящим меню и гостевыми карточками. Чтобы закрепить успех, я надавил еще чуть-чуть:

— В нашей религии запретов практически нет.

— Да. Чаро рассказывай ваша религия.

— Хорошая религия. Небольшая, но очень древняя.

— Да.

— Ну, спокойной ночи, — сказал я. — В лагере порядок?

— Порядок.

Я еще раз попрощался, а он еще раз поклонился, и я позавидовал Отцу: ведь Кейти был его человеком. А с другой стороны, думал я, у тебя тоже есть люди, и хотя Нгуи нельзя сравнить с Кейти по целому ряду параметров, однако он жестче и веселее, и вообще времена изменились.

Я лежал в темноте, слушая голоса ночи и пытаясь понять, о чем они говорят. Кейти был прав: никто не знает ночь. Я намеревался познако-

миться с ней в одиночку, пешком. Делиться надо деньгами, а женщинами, например, не делятся; вот и ночь я ни с кем не собирался делить. Сон не шел, и снотворное принимать не хотелось: я еще не решил, выйду ли на охоту с восходом луны. Опыта обращения с копьем я не имел, поэтому идти одному не следовало; к тому же моим долгом и великим удовольствием было встретить мисс Мэри, когда она вернется в лагерь. Общаться с Деббой тоже было моим долгом и великим удовольствием, однако я знал, что до восхода луны она будет сладко спать, а потом, когда луна взойдет, нам всем предъявят счет за наши радости и печали. Я лежал в кровати, чувствуя бедром надежную твердость старого дробовика, и пистолет, мой лучший друг и строжайший судья моих рефлексов, удобно покоился между ног в инкрустированной кобуре, до блеска отполированной руками Деббы, и я был горд, что мисс Мэри вошла в мою жизнь и согласилась выйти за меня замуж, и счастлив, что меня любит мисс Дебба, королева Нгомы; с учреждением новой религии все стало проще и мы сами могли выбирать, что грешно, а что нет.

У Нгуи было пять жен — не вызывающий сомнений факт — и двадцать коров — факт, отнюдь

не подтвержденный. У меня жена была всего одна, спасибо американскому закону, однако люди помнили мисс Паулину — она прожила в Африке довольно долго, и все восхищались ею, особенно Кейти и Мвинди, и считали ее моей темной индейской женой, тогда как мисс Мэри, по всеобщему убеждению, была женой светлой — и тоже индейской. Считалось, что мисс Паулина присматривает за шамбой в Америке, пока мисс Мэри живет со мной здесь, и я молчал о том, что Паулина умерла: не хотелось никого не огорчать. Не рассказывал я и о другой жене, которую разжаловал в бывшие и которую здесь бы наверняка не приняли. В целом же бытовало мнение, что если у Нгуи пять жен, то у меня их должно быть по крайней мере двенадцать, исходя из разницы в финансовом положении.

Одной из них, как полагали в лагере, была мисс Марлен Дитрих — ее знали по моей корреспонденции, по письмам с фотографиями, и были убеждены, что она работает управляющей на принадлежащей мне небольшой развлекательной шамбе под названием Лас-Вегас. Мисс Марлен считалась автором песни «Лили Марлен», а некоторые думали, что она и есть Лили Марлен. Мы еще на первом сафари любили слушать ее

песню «Джонни» на стареньком патефоне с ручкой — «Голубая рапсодия» тогда только набирала популярность. Когда же мисс Марлен пела нам о шавках вокруг мокроты — так звучала на слух пацанов строка из песни «Снова влюбляюсь», — все просто сходили с ума. В те редкие минуты, когда меня одолевала грусть, Кейти, бывало, спрашивал: «Шавки вокруг мокрота?» — и мы крутили ручку патефона и с наслаждением слушали чувственный, грудной, слегка фальшивый голос моей очаровательной псевдожены.

Легенды, как известно, вырастают из сора, и цена им соответствующая. Тот факт, что одной из моих жен считалась Лили Марлен, нисколько не мешал становлению нашей религии. Я научил Деббу фразе vamonos a Las Vegas[54], которую она полюбила почти так же, как no hay remedio. Саму мисс Марлен она при этом боялась до смерти, хотя над ее кроватью был наклеен плакат Марлен Дитрих в наряде, практически неотличимом от наряда Евы, а рядом красовались рекламные проспекты стиральных машин, утилизаторов пищевых отходов, двухдюймовых бифштексов и разнообразной ветчины, а также висели рисунки

---

[54] Примечания: 54
Айда в Лас-Вегас (*исп.*).

мамонта и четырехпалого коня, вырезанные из журнала «Лайф». Таковы были чудеса ее нового мира, но боялась она лишь одного: мисс Марлен.

Сон улетучился совершенно; я опасался, что не засну до утра. Мысли крутились вокруг Деббы, мисс Марлен, мисс Мэри и еще одной девчонки, которую я когда-то очень любил. Она была пышной американкой и обладала парой тех пневматических райских полусфер, что так ценимы простаками, не знающими толку в маленьких крепких грудках. Вдобавок у нее были стройные негритянские ножки и ангельский нрав, слегка подпорченный тягой к постоянному нытью. О ней хорошо было думать одинокими ночами, и сейчас, слушая африканскую темноту, я думал о нашей хижине в Ки-Уэст и об игорных притонах, куда мы с ней любили захаживать, и о холодных рассветах высоко в горах, где мы охотились — в те времена ее интересовала охота не только за деньгами. Мужчина никогда не бывает одинок, и пресловутый ночной час, когда на циферблате вечное три, на самом деле лучшее время суток, если ты не алкоголик и не боишься наступающего дня. Я знал, что такое страх, и в свое время испытал его предостаточно, но с годами он выродился в юношескую глупость сродни долгам,

венерическим болезням и любви к сладостям. Страх — это детская дурная привычка, со всеми вытекающими последствиями: ему приятно предаваться, а еще приятнее его предвкушать; у взрослых, однако, нету времени на подобное баловство. Единственное, чего можно бояться, — это реальная и неминуемая угроза, игнорировать которую глупо, если ты в ответе за других; древняя рефлекторная реакция, поднимающая волосы дыбом; если ты ее утратил — значит, пора искать другую работу.

Я думал о мисс Мэри, которая вела себя очень отважно на протяжении девяноста шести долгих дней своей охоты вопреки малому росту, что лишал ее возможности видеть льва в высокой траве, вопреки недостатку опыта и неподходящему снаряжению; ее стальная воля каждое утро поднимала нас за час до рассвета, так что мы уже до тошноты ненавидели львов, особенно когда охотились в Магади, и даже престарелый Чаро, преданный мисс Мэри до гроба, говорил мне, устав от изнурительного марафона:

— Бвана, убей уже чертова льва, женщины не годятся для такой охоты.

Глава восемнадцатая

Погода была идеальной для полетов, и до вершины, казалось, рукой подать. Сидя под деревом, я наблюдал за играющими в траве птицами. Нгуи подошел узнать, какие будут распоряжения. Я велел ему и Чаро почистить и смазать стрелковое оружие и подточить копья. Кейти и Мвинди возились со сломанной кроватью — ее было решено перенести в пустующую палатку бваны Мышонка. Я поднялся, чтобы проследить за процессом. Повреждения оказались несерьезными: одна из перекрестных ножек дала в центре длинную трещину, и каркас для брезента в одном месте лопнул. Все это можно было легко починить, и я посоветовал срубить подходящее деревце и отвезти к мистеру Сингху, чтобы он его распилил по мерке и отполировал.

Кейти смотрел с воодушевлением; видимо, радовался, что мисс Мэри возвращается. Он предложил в качестве временной замены использовать раскладушку бваны Мышонка. Я кивнул и вернулся под дерево, к справочнику по орнитологии и недопитому чаю. Утро было свежее, как альпийский ручей, и меня не покидало

чувство неловкости, будто я слишком рано оделся для торжественного приема. Интересно, что нам готовит новый день, подумал я и отправился на кухню, чтобы узнать насчет завтрака. Новый день приготовил Стукача.

— Здравствуй, брат! — приветствовал он. — Как твое бесценное здоровье?

— Лучше не бывает. Что новенького?

— Могу я войти?

— Конечно. Завтракал уже?

— Несколько часов назад, на склоне горы.

— Почему так?

— Вдова меня довела, пришлось уйти и всю ночь бродить, как иногда делаешь ты, брат.

Было ясно, что он лжет.

— Бродить? Ты, верно, хочешь сказать, что вышел к дороге и поймал грузовик до Лойтокитока?

— Что-то в этом роде, брат.

— Добро. Какое же у тебя дело?

— Брат, надвигаются ужасные события.

— Налей себе тонизирующего и рассказывай подробно.

— Дело намечено на канун Рождества, брат. Похоже, грядет кровавая мясорубка.

Я хотел уточнить, для них или для нас, однако

сдержался.

— Говори толком.

Стукач соорудил на гордом шоколадном лице подходящую мину и поднес стакан канадского джина к серо-красным губам.

— Почему не «Гордон»? — поинтересовался я. — Дольше проживешь.

— Я знаю свое место, брат.

— «И место это в сердце моем», — процитировал я позднего Фэтса Уоллера.

У Стукача на глазах выступили слезы.

— Вернемся к вопросу, — сказал я. — Варфоломеевская ночь на Рождество. Они что, не уважают малютку Иисуса?

— Мясорубка, брат.

— И женщин с детьми не пощадят?

— Насчет этого никто ничего не сказал.

— А кто что сказал?

— Я слышал, люди говорили в лавке Бенджи. В масайских магазинах тоже говорили. И в чайной комнате.

— Намереваются истребить всех масаи?

— Нет. Масаи придут сюда, на большую нгому в честь малютки Иисуса.

— Про нгому много говорят? — спросил я, меняя тему и демонстрируя, что туманные слухи о

грядущих мясорубках не могут смутить человека, который прошел зулусскую войну, и в Мекку наведывается, словно в Атлантик-Сити, не будучи даже мусульманином, и уважает своих предков, сражавшихся под командованием Джорджа Армстронга Кастера у реки Литтл-Бигхорн.

— В предгорьях вершины это главная тема дня, — ответил Стукач, — если не считать мясорубки.

— А что сказал мистер Сингх?

— Он нагрубил мне, брат.

— Думаешь, примет участие в мясорубке?

— Скорее всего он один из организаторов.

Стукач бережно развернул шаль и извлек оттуда пакет. Это была бутылка виски «Белый вереск» в бумажной коробке.

— Подарок мистера Сингха, — пояснил он. — Советую изучить его как следует, прежде чем пить. Я никогда не слышал о такой марке.

— Очень жаль, брат. Марка, может, и неизвестная, но виски хорошее. Все новые марки поначалу следят за качеством.

— Хочу сообщить тебе информацию о мистере Сингхе, брат. Нет никаких сомнений, что в прошлом он подвизался на военной службе.

— В это трудно поверить.

— Я знаю наверняка. Только человек, служивший в Британской Индийской армии, мог обругать меня так, как обругал мистер Сингх.

— Полагаешь, мистер и миссис Сингх диверсанты?

— Я наведу справки.

— Должен заметить, брат, твое донесение не отличается ясностью.

— Это была трудная ночь, брат. Жестокосердие Вдовы, блуждание вокруг вершины…

— Выпей еще, брат. Ты говоришь как герой «Грозового Перевала».

— Это историческая битва?

— В некотором смысле.

— Когда-нибудь ты о ней расскажешь?

— Напомни, если забуду. А сейчас я хочу, чтобы ты вернулся в Лойтокиток. Проведешь там ночь трезвый, добудешь информацию, которой можно доверять. Переночуешь в гостинице «Браунс». Нет, лучше на веранде. Где ты спал прошлой ночью?

— На полу, брат. В чайной комнате, под бильярдным столом.

— Пьяный или трезвый?

— Пьяный, брат.

Чтобы забрать почту, Мэри должна была до-

ждаться, пока откроется банк. Погода стояла самая что ни на есть летная, на небе ни облачка, и я рассудил, что Уилли не будет торопиться с вылетом. Мы выехали к аэродрому, прихватив пару бутылок холодного пива. Впереди сидели я, Мтука и Нгуи, а сзади Чаро и Арап Майна. Последний выглядел так, словно собирался держать у самолета почетный караул: форма выстирана и выглажена, винтовка «ли-энфилд» 303-го калибра вычищена до блеска. Мы проехались через лужайку, чтобы распугать птиц, и вернулись в тень. Мтука заглушил мотор. Мы приготовились ждать. Чаро увязался с нами в последнюю минуту, потому что он был оруженосцем мисс Мэри.

Время уже перевалило за полдень. Я откупорил первую кварту «Таскера» и пустил по кругу. Пили только я, Мтука и Нгуи. Арапу Майне пить не позволялось после недавнего загула, однако позже я намеревался сделать для него послабление.

Я поведал Нгуи и Мтуке, что прошлой ночью видел сон, в котором мы молились солнцу: сперва на восходе, потом на закате.

Нгуи заявил, что новая религия — это хорошо, но он нипочем не станет на колени, как какой-нибудь христианин или погонщик верблюдов.

— На коленях стоять не обязательно. Просто

смотри на солнце и молись.

— О чем мы молились в твоем сне?

— Молились, чтобы храбро жить и храбро умереть, и после смерти отправиться в Счастливые Охотничьи Угодья.

— Мы и так храбрые, — сказал Нгуи, — зачем еще молиться?

— Молись о чем хочешь, если это нам не во вред.

— Я молюсь за пиво и мясо, и за новую жену с мозолями на руках. Жену можем разделить на троих.

— Хорошая молитва. А ты, Мтука?

— За эту машину. Чтобы осталась у нас.

— А еще?

— Пиво. Чтобы тебя не убили. Хороший дождь в Мачакосе. Счастливые Охотничьи Угодья.

— А ты за что? — спросил Нгуи.

— Африка для африканцев. Квиша мау-мау. Квиша все болезни. Хороший дождь везде, где его ждут. Счастливые Охотничьи Угодья.

— Чтобы было весело, — добавил Мтука.

— Чтобы вдуть миссис Сингх.

— Э, молимся только за хорошее!

— Забрать миссис Сингх в Счастливые Охотничьи Угодья.

— Слишком много народу хочет перейти в нашу веру, — заметил Нгуи. — Всех будем брать?

— Начнем с отделения. Затем возьмем взвод или, может, роту.

— Рота слишком много. Выберем совет, а командир ты. Никакой великий дух, никакой Маниту. Хапана король. Хапана королева. Хапана Эйч-И. Хапана Джи-Си. Хапана малютка Иисус. Хапана полиция. Хапана черная ведьма. Хапана охотоведческое хозяйство.

— Хапана, — согласился я.

— Хапана, — присоединился Мтука.

Я передал пиво Арапу Майне.

— Ты верующий, Майна?

— Крайне.

— А пьющий?

— Только пиво, вино и джин. И виски, конечно. А также цветные и бесцветные спиртные напитки.

— Пьяный напиваешься?

— Тебе лучше знать, Папа.

— Какую веру исповедуешь?

— На данный момент я мусульманин.

Чаро откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

— А раньше?

— Лумбва.

Плечи Мтуки подрагивали от смеха.

— Христианином не был никогда, — добавил Майна с достоинством.

— Ладно, слишком много говорим о религии. Я все еще работаю под началом бваны старшего егеря, и через четыре дня мы отмечаем день рождения малютки Иисуса. — Я посмотрел на часы. — Давайте разгоним птиц и допьем пиво, пока самолет не прилетел.

— Уже летит, — сказал Мтука, заводя мотор.

Я передал ему пиво, и он отпил треть от того, что осталось. Нгуи отпил вторую треть. Я отпил половину последней трети и отдал остаток Майне. Машина помчалась к взлетно-посадочной полосе, поднимая в воздух аистов; они сперва разбегались, затем подпрыгивали, выпрямляли длинные ноги, словно убирая шасси, и пускались в неуклюжий полет.

Самолет сделал круг над лагерем — серебристо-голубой, поджарый, стремительный — и камнем пошел на посадку, стрекоча прямо на нас, опустив закрылки, задорно задрав нос, — пронесся над головами и сел, ни разу не подпрыгнув, в тихую заводь белых цветов.

Мисс Мэри спустилась на землю с торопливым

изяществом. Я обнял ее и поцеловал, потом она за руку поздоровалась с остальными, в первую очередь с Чаро.

— Доброе утро, Папа! — приветствовал Уилли. — Одолжи-ка мне Нгуи, надо разгрузиться.

— Ты, я вижу, пол-Найроби скупила, — сказал я Мэри.

— На сколько денег хватило, — ответила она. — Клуб «Мутаига» не потянула.

— Зато отель «Нью-Стэнли» и «Торр» теперь ваши, — заметил Уилли. — Больше не придется искать свободные номера.

— А еще что?

— Хотела купить для меня «Комету», — продолжал Уилли. — Можно было взять относительно дешево.

По пути в лагерь мисс Мэри тихо сидела со мной на переднем сиденье, а Уилли сзади болтал с Нгуи и Чаро. В лагере Мэри попросила сложить покупки в палатку бваны Мышонка, а мне велела не подсматривать. При разгрузке самолета я получил такой же приказ и честно смотрел в сторону. Всю почту — письма, газеты, журналы и несколько телеграмм — я отнес в столовую. Потом мы с Уилли присели выпить пива.

— Как летелось?

— Без воздушных ям. Ночи сейчас холодные, земля не прогревается. Над Саленгой Мэри видела слонов. И огромную стаю диких собак.

К нам подошла мисс Мэри: ей уже засвидетельствовали почтение все, кому следует, и на лице ее светилась улыбка. В любви она ценила формальную сторону, и обращение «Мемсаиб» было ей особенно приятно.

— Я не знала, что у Мышонка кровать сломалась.

— Пустяки.

— Ах, что же я молчу, ты ведь леопарда убил! Дай поцелую. Джи-Си смеялся, когда получил твою телеграмму.

— Да, с леопардом покончено, всем спасибо, все свободны. Включая леопарда.

— Расскажи, как все было.

— Не сейчас. Как-нибудь покажу место.

— Ты уже смотрел письма? Дай, какие прочел.

— Бери все.

— Что с тобой? Ты, что ли, не рад, что я вернулась? В Найроби мне все были рады. Я каждый вечер куда-то ходила, отлично провела время.

— И мы немногим хуже. Чуть-чуть потренируемся, и почувствуешь себя как в Найроби.

— Папа, ну ладно тебе. Будь лапочкой. Ты же

знаешь, я летала подлечиться. И подарки к Рождеству купить. Ты сам хотел, чтобы я развеялась.

— Ну и отлично. Я рад, что ты вернулась. Давай-ка обними меня покрепче и поцелуй в стиле «анти-Найроби».

Ее костюмчик цвета хаки был опрятен и свеж, и тело под ним приятно упружило, и пахла она очень хорошо, и короткая светло-золотая стрижка ей шла, и я вернулся в лоно белой цивилизации легко и непринужденно, как наемник Генриха IV, убедившийся, что Париж стоит мессы.

Уилли наблюдал за мной с интересом и, дождавшись катарсиса, осведомился:

— Папа, кроме леопарда, новости есть?

— Нет.

— А проблемы?

— На дороге по ночам сумасшедший дом.

— Ничего удивительного. Они думают, раз пустыня, то и проехать нельзя.

Я послал за «седлом газели» для Уилли. Мэри ушла в палатку разбирать письма. Мясо принесли, мы погрузились и поехали на аэродром. Уилли поднялся в воздух под захватывающим дух углом, украсив наши лица улыбками, и самолет превратился в искру, и мы поехали назад.

Мэри была нежной и обаятельной, а Нгуи слег-

ка приуныл. В перспективе у нас был вечер, и журнал «Тайм», и британские газеты, и медленный закат, и костер, и наполненный стакан.

К черту, подумал я. Жизнь и так сложная, хватит усложнять. Сиди, листай «Тайм», рядом жена, костер потрескивает, в стакане коктейль, в столовой ужин накрывают. Мвинди готовил ванну для Мэри, потом была моя очередь. Смыть, отпарить все заботы, думал я, какое блаженство. Мвинди опорожнил ванну, вымыл ее и наполнил горячей водой из жестяных канистр, разогретых на костре. Я с наслаждением погрузился в воду и хорошенько намылился мылом «Спасательный круг».

Растершись полотенцем, я надел пижаму, старые противомоскитные сапоги, купленные в Китае, и халат. Со дня отъезда Мэри это была моя первая горячая ванна. Англичане, если позволяют обстоятельства, принимают ванну ежедневно; я же предпочитал несколько раз в день обмываться в тазике: первый раз утром, перед тем как одеться, затем по возвращении с охоты и, наконец, вечером перед сном.

Отец подобные вольности ненавидел и горячую ванну считал одним из немногих уцелевших обрядов классического сафари, поэтому в его

присутствии я старался соблюдать ванную традицию. Тазиковый метод, однако, хорош тем, что на теле легче обнаружить клещей; обычно я просил Нгуи или Мвинди снять тех, до которых не мог дотянуться сам. В старые добрые времена, когда мы с Мколой охотились вдвоем, клещи-краснотелки забирались нам под ногти на ногах, и каждый вечер мы садились друг напротив друга под фонарем, и я снимал его клещей, а он моих. Никакая ванна тут бы не помогла, да у нас и не было ванны.

В старые времена, думал я, мы охотились усерднее и по большому счету проще. Если ты вызывал самолет, это означало, что у тебя либо нестерпимо много денег, либо ты при смерти.

— С легким паром, дорогая! Теперь расскажи, что было в Найроби.

— О, все было замечательно. Доктор прописал те же лекарства, что я и принимала, плюс еще висмут. Там все такие добрые, любезные, но я все равно по тебе скучала.

— Выглядишь прекрасно. И прическа интересная, в стиле камба. Где же ты подстриглась?

— Здорово, да? С боков я сама подровняла.

— Так что Найроби?

— Ну, в первую ночь я познакомилась с очень

милым джентльменом, он повел меня в «Клуб путешественников», неплохо посидели, потом он меня проводил до гостиницы.

— А что за джентльмен?

— Ох, я даже не помню. Очень милый джентльмен.

— Так, а вторая ночь?

— Встретились с Алеком и его подружкой, пошли в какое-то место, там была ужасная толпа. Нас еще не пускали, потому что форма одежды парадная, а Алек был в затрапезном виде. Не помню, мы то ли остались, то ли пошли куда-то еще.

— Замечательно. Почти как в Кимане.

— А ты чем занимался?

— Да ничем. Съездили в пару мест с Нгуи, Чаро и Кейти. Что-то вроде церковного ужина. А что третья ночь?

— Ах, дорогой, я совсем не помню! Нет, погоди. Куда-то ходили с Алеком, его подружкой и Джи-Си. И Алек всем действовал на нервы. Зашли в одно заведение, потом в другое, потом они меня домой отвезли.

— Примерно то же, что и здесь. Только вместо Алека у нас Кейти всем настроение портил.

— А что это он?

— Я толком не разобрался. Какой «Тайм» бу-

дешь читать?

— Я вот этот начала. Или ты его хочешь?

— Мне без разницы.

— И ведь еще ни разу не сказал, что любишь меня… Что рад меня видеть…

— Я тебя люблю и очень рад тебя видеть.

— Ну и хорошо. Я тоже рада, что вернулась.

— А еще про Найроби?

— Тот джентльмен, что ходил со мной ужинать, я упросила его сводить меня в музей Кориндона. Боюсь, ему было скучно.

— Ела что-нибудь вкусненькое в «Гриле»?

— Рыба с Великих озер была превосходна. Филе вроде окуня или речной щуки. Что за рыба, они не сказали, называется самаки. Еще копченый лосось, импортный, и устрицы, кажется. Не помню точно.

— А сухое греческое вино?

— О, ну как же без него! Алеку оно, кстати, не понравилось. Он и в Греции бывал, и на Крите, с твоим дружком из РАФ, если я правильно поняла. Которого он тоже не любит.

— Что, Алек сильно нудил?

— Только по мелочам. Зато мы с тобой не будем занудами, верно?

— Верно. Хочешь еще выпить?

— Спасибо, дорогой. А вот и Кейти. Тебе что заказать?

— Кампари с джином.

— Хорошо быть снова дома! Давай сразу после ужина ляжем спать.

— Давай.

— Обещай, что никуда не уйдешь на ночь глядя.

— Обещаю.

После ужина я читал почтовую версию журнала «Тайм», а Мэри писала в дневник. Потом она взяла фонарик и ушла в туалет по протоптанной дорожке, а я потушил газовый рожок, повесил фонарь на дерево, разделся, аккуратно сложил одежду в изножье кровати и улегся, заправив москитную сетку под матрас.

Меня клонило в сон, хотя было еще не поздно. Мэри вошла в палатку, забралась в кровать, и я на время отложил другую Африку в сторонку, чтобы мы смогли вернуться в нашу Африку. Разница между Африками была существенной, и поначалу в груди возникло привычное чувство разлома, но потом я отключил мысли и отдался ощущениям, из которых самым приятным было тело Мэри. Мы занимались любовью трижды, последний раз — молча, хмуро, бездумно, сосредо-

точенно, после чего разом, как метеорный дождь в холодную ночь, провалились в сон. Метеорный дождь и впрямь мог случиться в эту ночь: она была достаточно холодна и безоблачна. Ближе к утру Мэри перебралась в свою кровать, и я прошептал ей вслед:

— Спокойной ночи, радость.

Проснулся я на рассвете. Натянул поверх пижамы противомоскитные сапоги, надел свитер, застегнул халат, опоясался пистолетом и вышел к костру, возле которого возился Мсемби. Мвинди уже позаботился о чайнике. Разложив газеты по датам, я взялся сперва за старые. Бега в Отёй и Ангьене должны были как раз закончиться, однако почтовые версии британских газет не освещали французских ипподромов. Я пошел проверить, не проснулась ли мисс Мэри, и обнаружил, что она уже умылась, оделась и закапывала глаза, лучезарно улыбаясь.

— Доброе утро, дорогой! Хорошо выспался?

— Отлично. А ты?

— Только что проснулась. Утром слышала, как Мвин-ди принес чай, а потом опять заснула.

Я обнял ее, почувствовав под свежей рубашкой упругое крепкое тело. Пикассо, помнится, называл ее «карманным Рубенсом», и это соот-

ветствовало правде — она действительно была карманным, точнее, спортивным Рубенсом весом всего в 55 килограммов; правда, лицо у нее было совсем не рубенсовское. Я сжал ее покрепче и зашептал на ухо.

— О да! — ответила она смеясь. — А ты?

— Я тоже.

— Хорошо, правда, когда нас в лагере только двое? Тут все наше: и вершина, и эта красивейшая страна, и никто нам не помешает.

Позавтракала мисс Мэри плотно: печень импалы, бекон, половина папайи с лимонным соком и две чашки кофе. Я ограничился кофе со сгущенкой и без сахара — всего одной чашкой, так как не знал, чем предстоит заняться, и не хотел, чтобы кофе плескался в животе.

— Скучал по мне?

— Конечно.

— Я тоже по тебе скучала. Надо было столько всего успеть… Ни одной свободной минуты, представляешь?

— Отца видела?

— Не сложилось. Он в город не выбрался, а у меня не было ни времени, ни транспорта, чтобы к нему съездить.

— А Джи-Си?

— Да, он с нами один вечер провел. Просил передать, чтобы ты действовал по своему усмотрению, ни на шаг не отступая от заранее оговоренного плана. Заставил запомнить слово в слово.

— И все?

— И все. Слово в слово, как он просил. Еще он пригласил к нам на Рождество Уилсона Блейка. Приедут вдвоем, за день до Рождества. Джи-Си просил передать, чтобы ты заранее настраивался любить его босса.

— Тоже заставил запомнить?

— Нет, просто сказал. Я уточнила: это приказ? Он ответил: дружеское предложение.

— Я открыт для предложений. Как у него дела?

— По крайней мере не ныл, как Алек. Но выглядел усталым. Сказал, что скучает по нас. И с людьми не особо церемонится.

— В смысле?

— Похоже, его вконец достали дураки. Он уже начинает им грубить.

— Бедняга Джи-Си.

— Вы с ним дурно влияете друг на друга.

— Может быть. А может, и нет.

— По крайней мере ты на него дурно влияешь.

— Тебе не кажется, что мы эту тему уже жевали? Причем не раз.

— Сегодня еще не жевали, вчера тоже. Ты хоть что-нибудь написал, пока меня не было?

— Нет. Хотя постой… Написал письмо Джи-Си.

— Чем же ты занимался?

— Всякой ерундой, рутиной, вспомнить нечего. Съездил в Лойтокиток, после того как мы убили несчастного леопарда.

— Ну ничего, сейчас привезем елку в лагерь, нарядим как следует, будет что вспомнить.

— Отлично. Только елка должна поместиться в джип. Грузовик я отослал.

— Привезем ту, что я выбрала.

— Пусть так. Ты знаешь, что это за дерево?

— Нет. Можно в справочнике посмотреть.

— Ладно, поехали.

Мы собрались и отправились за «елкой». С нами поехал Кейти. Взяли лопаты, панги, мешковину для корней, а также ружья, большие и малые, и прохладительные напитки: четыре бутылки пива и две кока-колы для мусульман. Все были исполнены решимости сделать доброе дело, и дело это, не считая природы дерева, которого крупному слону хватило бы на двое суток нешуточного кайфа, было настолько светлым и невинным, что я, пожалуй, еще напишу о нем эссе для религиозного журнала.

В пути вели себя примерно, следы животных если и примечали, то никак не комментировали. За ночь дорогу перешло много разных зверей. Я полюбовался рябками, вершившими волнообразный полет над водой, в сторону солончаков, и Нгуи тоже их заметил, но мы не обменялись ни словом. Прирожденные охотники, мы в это утро работали на лесничество Господа нашего малютки Иисуса, точнее, на мисс Мэри. Тема лояльности, таким образом, не затрагивалась: мы были простыми наемниками, и никто не считал мисс Мэри миссионером. Ее даже христианкой не считали, ибо она не ходила в церковь, подобно прочим Мемсаиб; «елка», как и черногривый лев, была ее личным шаури.

Машина пересекла густой лес, где между желтыми стволами с прошлого раза успела взойти ярко-зеленая трава, и выехала на поляну, поросшую редкими деревьями с серебристой листвой. Мы с Нгуи обошли место по периметру, двигаясь в противоположные стороны, и убедились, что самки носорога поблизости нет. Рядом паслись импалы, и на влажной земле я заметил след очень большого леопарда — он охотился на краю болота. Я померил ладонью диаметр следа и вернулся к «елке».

Копать всей толпой не имело смысла, а командирские должности сразу заняли мисс Мэри и Кейти, поэтому мы с Нгуи отошли к опушке и уселись в тени. Нгуи достал табакерку, мы угостились снаффом и принялись наблюдать за агролесомелиоративными работами. Все трудились в поте лица, за исключением мисс Мэри и Кейти. Поначалу казалось, что «елка» не поместится в кузов охотничьего джипа, однако, когда ее выкопали, стало понятно, что впечатление ошибочное, и мы с Нгуи поспешили на помощь. Дерево было колючим, и погрузить его оказалось нелегко, но человеческое упорство восторжествовало. Корни мы обернули мокрой мешковиной; примерно половина «елочки» торчала сзади.

— Назад той же дорогой ехать нельзя, — сказала Мэри. — Верхушка отломится на крутых поворотах.

— Поедем другим путем.

— А машина пройдет?

— Конечно.

Проезжая через лес, мы заметили следы четырех слонов и кучи свежего навоза. К счастью, следы вели на юг. Все слоны были крупными самцами.

Я положил заряженный дробовик на колени.

Эти же следы мы видели на северной дороге, когда ехали за елкой. Видимо, слоны шли от ручья, что впадал в болото Чулу.

— Теперь до лагеря прямая магистраль, — успокоил я мисс Мэри.

— Ну и хорошо. Довезем «елочку» в целости и сохранности.

В лагере Нгуи, Мтука и я отошли в сторонку, а многочисленные добровольцы принялись с энтузиазмом рыть яму для «елки». Затем Мтука подогнал машину, и дерево было успешно пересажено. Из палатки оно смотрелось празднично и красиво.

— Здорово, согласись? — сказала мисс Мэри.

Я согласился.

— Спасибо, что привез нас в лагерь прямой дорогой. И про слонов никому не сказал.

— Они все равно сюда не пойдут. Следы ведут к югу, там много хороших пастбищ и укромных мест. Нам опасаться нечего.

— Вы с Нгуи поступили умно.

— Это четыре самца, помнишь, которых мы видели с самолета. Кто умный, так это они. А мы так себе.

— Интересно, куда они пойдут?

— До вечера скорее всего пробудут в лесу воз-

ле Верхнего болота. А ночью перейдут дорогу и отправятся в то место на пути к Амбосели, где обычно пасутся слоны.

— Я хочу их посмотреть.

— Я тоже собирался поехать в ту сторону.

— Твоя невеста, кстати, ждет под деревом, и дуэнья при ней.

— Знаю. Они нам кукурузу принесли. Я их подвезу домой.

— Давай покажем ей «елочку».

— Боюсь, она не поймет.

— Останься обедать в Шамбе, если хочешь.

— Меня не приглашали.

— Значит, вернешься к обеду?

— Даже раньше.

Мтука подъехал к моей «приемной», и мы забрали Деббу с Вдовой и мальчишкой. Сын Вдовы, боднув меня в плечо, перебрался на заднее сиденье к матери. Дебба хотела тоже сесть сзади, но я вышел из машины и усадил ее вперед, между мной и Мтукой. В конце концов она явилась в лагерь сама, принесла кукурузу, ждала меня под деревом — на это требовалась определенная смелость, и я хотел, чтобы домой она вернулась на своем законном месте. Мисс Мэри, надо отдать ей должное, тоже вела себя достойно.

— Видела нашу елку? — спросил я Деббу.

Она хихикнула. Ей было хорошо известно, что это за дерево.

— Мы с тобой еще съездим пострелять.

— Ндио.

Когда мы подъехали к Шамбе, она выпрямила спину и расправила плечи. Джип остановился под большим деревом. Я вышел, чтобы проверить, не приготовил ли Стукач свежих ботанических образцов, но ничего не обнаружил. Видимо, он оставил их в гербарии. Когда я вернулся, Деббы уже не было. Мы с Нгуи уселись в машину, и Мтука спросил:

— Куда теперь?

— В лагерь, — ответил я. И добавил, подумав: — По большой дороге.

Мы находились в подвешенном состоянии, между новой, настоящей Африкой и старой, которую мы создали в наших мечтах. Причиной тому было возвращение мисс Мэри. А следом ожидалось возвращение Джи-Си с новыми егерями и великим Уилсоном Блейком, вершителем судеб, наделенным властью нас разогнать, пощадить или дать шесть месяцев ареста, что было для него не труднее, чем для нас отвезти кусок мяса в Шамбу. Никто особо не ликовал, но и не унывал;

все были расслаблены. К Рождеству следовало добыть хорошего мяса. Я хотел, чтобы Уилсон Блейк остался доволен визитом. Джи-Си надеялся, что я подружусь с его начальником, и мне не хотелось его подводить. При первой встрече Уилсон Блейк мне не понравился — скорее всего по моей вине. Я недостаточно старался. Видимо, уже становился стар, чтобы дружить с людьми через силу. Отец, например, вообще не старался. Просто держался в рамках приличий и смотрел сквозь собеседника своими водянисто-голубыми, покрасневшими, слегка припухшими глазами. Ждал, когда собеседник ошибется.

И вот, сидя в машине под высоким деревом, я решился сделать нечто особенное для Уилсона Блейка, чтобы показать свое расположение. В Лойтокитоке его ничто не могло удивить, сомнительные развлечения на незаконной масайской шамбе тоже отпадали: Уилсон Блейк был не тем человеком. К мистеру Сингху его вести не следовало, ибо они с мистером Сингхом вряд ли нашли бы общий язык. И тут я понял. Вот что будет идеальным подарком! Мы вызовем Уилли, и он прокатит босса на самолете, чтобы тот сверху мог оглядеть свои владения — я был уверен, что этого ему еще не доводилось делать. Идея была

действительно удачная, и я заранее полюбил мистера Блейка, присвоив ему в моей табели достаточно высокий ранг. Сам я решил остаться на земле, заняться каким-нибудь скромным и полезным делом: пофотографировать ботанические образцы, категоризировать зябликов — а Джи-Си, Уилли, мисс Мэри и мистер Блейк пусть насладятся роскошным видом.

— Квенда на лагерь, — приказал я Мтуке.

Нгуи откупорил очередное пиво, чтобы отметить переправу через ручей — это считалось хорошей приметой. Мы пустили бутылку по кругу и полюбовались шустрыми рыбешками, игравшими в заводи над каменистым бродом. В ручье, похоже, водилась хорошая треска, но ловить ее было лень.

Глава девятнадцатая

Мисс Мэри ждала под навесом у входа в столовую. Задний полог палатки был поднят, и между столами гулял прохладный ветер с вершины.

— Мвинди за тебя волнуется. Ходишь ночью на охоту, да еще и босиком.

— Мвинди ведет себя как старая бабка. Я разулся только один раз, чтобы не скрипели ботинки, а скрипели они потому, что он их как следует не смазал. Праведник нашелся.

— Человек о твоем благе печется, а ты его праведником ругаешь.

— Ладно, хватит.

— Ты обычно такой осторожный, все меры принимаешь, какие нужно и не нужно. А иногда, бывает, вообще о безопасности не думаешь.

— Потому что меры безопасности могут спровоцировать противника. Или спугнуть. Я всегда смотрю по ситуации.

— Особенно когда уходишь один на ночь глядя.

— Рядом с тобой всегда кто-то остается, и оружия в лагере хватает. Ты без охраны не сидишь.

— Но ты-то зачем ходишь по ночам?

— Мне надо.

— Почему?

— Потому что времени остается мало. Кто знает, когда мы в следующий раз сюда выберемся. И будет ли следующий раз.

— Я за тебя волнуюсь.

— Когда я ухожу, ты спишь, когда возвращаюсь, тоже спишь.

— Не всегда. Иногда щупаю кровать, а тебя нет.

— Я обычно жду, пока взойдет луна. А луна сейчас всходит поздно.

— Тебе действительно важны эти прогулки?

— Очень, дорогая. И я всегда оставляю с тобой охрану.

— Зато с собой никого не берешь.

— Это уже будет не то.

— Глупости, вот что. По крайней мере не пьяный ходишь?

— Нет, конечно. И моюсь перед выходом, и львиным жиром растираюсь.

— Хоть на том спасибо. Вода, наверное, по ночам жутко холодная?

— Там все холодное, разницы не чувствуешь.

— Давай я тебе выпить принесу. Чего тебе хочется? «Гимлет» пойдет?

— Вполне. Или кампари.

— Я нам обоим по «Гимлету» сделаю. Знаешь,

что я хочу на Рождество?

— Увы, не знаю.

— Может, не стоит тебе говорить? Я боюсь, это слишком дорого.

— Если денег хватит, то нормально.

— Я хочу увидеть Африку, понимаешь? По-настоящему увидеть. А то уедем домой и ничего не посмотрим. Я хочу слетать в Бельгийское Конго.

— А я не хочу.

— Ну почему ты такой безынициативный? Дай тебе волю, всю жизнь на одном месте просидишь.

— А чем тебе не нравится это место? Ты знаешь что-нибудь лучше?

— Нет. Но есть места, где мы еще не были.

— Мне кажется, лучше оставаться на одном месте, с полным погружением, а не метаться туда-сюда.

— Но мне хочется побывать в Бельгийском Конго! Разве я не имею права посмотреть место, о котором слышала всю жизнь, тем более что мы от него в двух шагах?!

— Положим, далеко не в двух.

— Ну, долетим на самолете! Пусть это будет авиаэкскурсия.

— Послушай, дорогая. Мы с тобой Танганьику

от края до края пересекли. И равнину Бохоро ты посетила, и реку Руаха посмотрела.

— Да, здорово было.

— И поучительно. Так же, как и Мбея, и Южные Высоты, где ты тоже побывала. И в горах ты жила, и на равнине охотилась, и здесь, у подножия вершины, и в рифтовой долине за Магади, и везде, чуть ли не до самого Нартона.

— А в Бельгийском Конго не была.

— Не была. Ты правда хочешь такой подарок на Рождество?

— Очень! Если это не слишком дорого. И не обязательно лететь сразу после Рождества. Можем повременить немного.

— Ну, спасибо.

— Ты даже не отпил ничего.

— Извини.

— И вообще, это некрасиво, когда даришь человеку подарок, а сам дуешься.

Я пригубил восхитительный неподслащенный напиток с привкусом лайма и подумал, что никуда не хочу отсюда уезжать.

— Не возражаешь, если мы вершину с собой возьмем?

— Там своих вершин хватает. Лунные горы, помнишь?

— Да, читал. И фотографию видел в журнале «Лайф».

— В африканском выпуске?

— В африканском выпуске. Тебе когда в голову пришло? Насчет Бельгийского Конго?

— Перед Найроби. Ну чего ты? С Уилли пообщаешься. Вы же любите вместе летать.

— Ладно, ладно. Уилли будет здесь через день после Рождества. Тогда и спланируем твою экскурсию.

— Полетим когда хочешь, никакой спешки. Заканчивай сперва свои дела.

Я постучал по дереву и опрокинул в рот остатки коктейля.

— Какие планы на сегодня?

— Не знаю, хотела побездельничать, пописать в дневник. Может, вечером куда-нибудь съездим.

— Замечательно.

Подошел Арап Майна, и я спросил его про обстановку на первой маньятте. Хищников было двое, доложил он, лев и львица, что не совсем обычно для этого времени года, и общий урон от них составил пять голов, плюс еще львица подрала человека во время последнего визита, когда звери перелезли через колючую бому; его жизнь вне опасности.

В тех местах никто не охотится, думал я, и передать предупреждение через Джи-Си я не смогу, пока мы с ним не увидимся, так что придется отрядить Стукача, чтобы тот оповестил людей о хищниках. Львы, вероятно, будут двигаться вниз по склону и в конце концов доберутся до нас, а может, уйдут к Амбосели, и тогда я подам рапорт Джи-Си и пусть он сам разбирается.

— Полагаешь, они еще вернутся на ту маньятту?

— Нет! — Арап Майна покачал головой.

— На вторую маньятту тоже они напали?

— Нет.

— Сегодня я поеду в Лойтокиток за бензином.

— Может, там узнаем что-нибудь новое.

— Может быть.

Я вернулся в палатку: задний полог был поднят, и Мэри сидела под ним с книгой.

— Дорогая, надо съездить в Лойтокиток. Поедешь с нами?

— Не знаю. Спать что-то хочется. Почему тебе вдруг приспичило ехать?

— Арап Майна сообщил о двух львах, что безобразничают в округе. Да и бензин для грузовика надо взять.

— Хорошо, сейчас проснусь, почищу перышки,

и поедем вместе. Шиллинги у нас остались?

— Мвинди сейчас принесет.

Мы проехали через местность под названием «парк» и вырулили на дорогу, ведущую к вершине, отметив по пути двух красивых самцов томми, что всегда паслись рядом с лагерем.

Мэри сидела сзади с Чаро и Арапом Майной, а Мвенги расположился в кузове на коробках. Мне было не по себе. Мэри сказала, что мы полетим, когда я захочу, а мне хотелось после Нового года пробыть в лагере по крайней мере недели три. Да и потом было чем заняться. Я знал, что наше место — лучшее из всех, где я когда-либо был, и жизнь моя интересна, хотя и не без осложнений, и каждый день я учусь чему-то новому; и меньше всего на свете мне хотелось срываться и лететь невесть куда через всю Африку. Ладно, разберемся, думал я, время есть.

Мне не советовали появляться в Лойтокитоке, однако сегодня мы ехали строго по делу, за бензином, провизией и сведениями о львах-мародерах, поэтому у Джи-Си не было повода для недовольства. Я решил, что с юношей-полицейским встречаться не буду, только пропущу стаканчик с мистером Сингхом да пополню запасы пива и кока-колы, как обычно. Арапу Майне я велел

пройтись по всем масайским лавочкам и обменяться новостями о львах.

У мистера Сингха сидели несколько знакомых масаи; приветствовав их, я засвидетельствовал свое почтение миссис Сингх. С мистером Сингхом мы поговорили при помощи разговорника суахили. Заметив, что масаи до смерти хочется выпить, я поставил им по пиву и сделал символический глоток из своей бутылки.

Петр явился и доложил, что машина прибудет с минуты на минуту. Я отослал его за Арапом Майной. Подъехал джип с бочонком бензина в кузове; на заднем сиденье мисс Мэри беззаботно болтала с Чаро. Нгуи и Мвенги выразили готовность грузить ящики с напитками; я отдал им свое пиво, и они прикончили его на двоих; глаза Мвинди при этом озарились незамутненным блаженством. Нгуи взял из ящика бутылку пива для Мтуки и кока-колу для Чаро.

Петр привел Арапа Майну, и тот забрался в кузов, где уже сидели на коробках масаи. Нгуи сел вперед рядом со мной, а Мэри, Чаро и Мвенги устроились на заднем сиденье. На прощание я помахал Петру. Машина вырулила на дорогу и растворились в закатном свете.

— Ты все купил, дорогой?

— Вроде да.

Я вспомнил предыдущую поездку за покупками. Мисс Мэри в ту пору была в Найроби, где для потребителя гораздо больше возможностей; я, однако, только начинал привыкать к Лойтокитоку и входить во вкус: здешние лавочки были похожи на магазины и почтовые отделения в Кук-Сити, штат Монтана.

В Лойтокитоке, правда, не было коробок с патронами устаревших калибров, из которых старожилы покупали поштучно три-четыре на осенний сезон, чтобы запасти мяса к зиме. Зато здесь продавались копья. Здесь в магазинчиках витал особый домашний уют, и любым вещам, лежавшим на полках или в корзинах, могло найтись применение в местном хозяйстве.

А сейчас был вечер очередного дня, и завтра, я знал, будет новый день, и никто еще не примял траву на моей могиле и на могилах тех, кто любовался закатом, сидя рядом со мной в съезжавшей по склону машине, и я вспомнил, что Мтуке давно пора промочить горло, и откупорил пиво, и обтер горлышко рукой, и мисс Мэри весьма справедливо заметила:

— А женам разве не хочется пить?

— Прости, дорогая. Нгуи откроет свежую.

— Я хочу из вашей.

Я передал ей бутылку; она отпила, сколько хотела, и вернула ее мне.

И все же правильно, думал я, что в здешнем языке не существует слова «извини», но эту мысль лучше не развивать, иначе она встанет между нами. Отпив из бутылки, чтобы очистить ее после мисс Мэри, я вытер горлышко носовым платком и передал пиво Мтуке.

Чаро, конечно, смотрел на происходящее с осуждением; ему хотелось, чтобы мы пили из стаканов, как следует. Но мы пили так, как мы пили, и я не стал развивать мыслей, которые могли бы встать между мной и Чаро.

— Хочу еще глоточек, — сказала мисс Мэри.

Я велел Нгуи открыть новую бутылку, рассудив, что мы с Мэри будем пить из нее, а Мтука, утолив жажду, сможет поделиться с Нгуи и Мвенги. Рассуждения эти я, конечно, оставил при себе.

— Не понимаю, зачем разводить такие церемонии вокруг бутылки пива, — сказала мисс Мэри.

— В следующий раз захвачу стаканы.

— Перестань усложнять. Зачем мне стакан, если я хочу выпить со своим мужем?

— Таковы племенные традиции. Я не пытаюсь сделать ничего сложнее, чем оно есть.

— Почему надо было так тщательно вытирать бутылку, после того как я из нее попила?

— Я же говорю: традиции.

— Почему именно сегодня?

— Фазы луны.

— Что-то ты слишком много внимания уделяешь племенным традициям.

— Может быть.

— Действительно веришь в них?

— Зачем? Просто соблюдаю.

— Ты даже их не знаешь толком.

— Мало-помалу учусь.

— Я уже устала от всего этого.

Когда мы съехали в долину, Мэри приметила крупного конгони в шестистах ярдах от дороги: он виднелся желтым пятном на пологом склоне. Его никто не заметил, пока она не показала. Мы остановили машину. Мисс Мэри с Чаро потихоньку пошли к зверю. Ветер был правильный, боковой, и конгони не чуял охотников. Он неторопливо удалялся, пощипывая травку. Опасных животных вокруг не наблюдалось, и мы оставались возле джипа, чтобы не мешать охоте.

Чаро вел мисс Мэри от одного укрытия к другому, и она старательно пригибалась, повторяя его движения. Конгони уже скрылся из глаз, но мы

видели, как Чаро замер. Мэри подошла к нему и подняла винтовку. Раздался выстрел, затем шлепок пули, и Чаро рванулся вперед, выхватив нож.

Мтука завел мотор, проехал через кусты, примяв белые цветочки, — и остановился возле мертвого зверя, над которым стояли Чаро и мисс Мэри. Конгони, или коровья антилопа, не отличается красотой ни при жизни, ни после смерти, но матерый жирный самец, которого добыла мисс Мэри, был в отличном состоянии. Его унылая длинная морда, остекленевшие глаза и перерезанное горло не вызывали отвращения у любителей свежего мяса. Масаи выбрались из кузова и возбужденно переговаривались: охота произвела на них впечатление. Они с боязливым уважением трогали мисс Мэри, словно не веря, что она настоящая.

— Я первая его заметила! — говорила мисс Мэри. — Наконец-то я вас всех опередила. А вы сидели и ничего не видели: ни ты, ни Мтука. Даже Нгуи не заметил. Даже Чаро и Мвенги.

— Ты самому Арапу Майне нос утерла, — вставил я.

— Майна не в счет, он на масаи глазел. А мы с Чаро сами все сделали. Подобрались, не спугнули,

он только оглянулся, а я ему — бац! — и попала как раз туда, куда целилась.

— Под левую лопатку, прямо в сердце.

— Я и говорю: куда целилась.

— Пига мзури, — сказал Чаро. — Мзури, мзури сана.

— Погрузим его в кузов. Женщины пересядут вперед.

— Не такой уж он красавец, — заметила Мэри. — Но это и к лучшему. Если кого и убивать на мясо, то некрасивых.

— Он великолепен, — сказал я. — А ты еще лучше.

— Нам ведь нужно было мясо. А я как раз заметила подходящую кандидатуру: жирный, крупный, почти как канна. Причем заметила сама, без вашей помощи, и подстрелила сама, вот! Так что давай-ка люби меня крепко-крепко и никуда не убредай один, даже в мыслях.

— Садись вперед, больше не будем охотиться.

— Можно глоточек пива? После хорошей охоты всегда пить хочется.

— Бери всю бутылку.

— Нет, ты тоже выпей — за то, что я его первая заметила. И чтобы мы с тобой помирились.

Мы славно поужинали и рано легли спать.

Ночью мне снились кошмары, и утром, когда Мвинди принес чай, я был уже одет и ждал его у костра.

После обеда мы объехали наши владения и обнаружили следы буйволов. Судя по всему, буйволы вернулись в лес у болота. Ведущая туда тропа была утром расквашена, как сельская дорога, по которой прошло стадо коров, однако к полудню грязь подсохла, и навозные жуки бодро катали свои шарики. Буйволов можно было понять: все поляны в лесу у болота заросли свежей сочной травой.

Мне нравилось следить за работой навозных жуков; я даже подумывал о том, чтобы включить их в нашу религиозную символику, ведь по сути они были священными египетскими скарабеями. Навоз подсыхал, и они трудились не покладая лапок, чтобы успеть запасти как можно больше. Глядя на них, я пытался сочинить слова для гимна жуку-навознику.

Нгуи и Мтука наблюдали за мной с терпеливым уважением: они поняли, что меня посетило откровение. Нгуи даже попросил у мисс Мэри фотоаппарат, на случай если мне захочется запечатлеть навозных жуков. Мисс Мэри, однако, не разделяла его энтузиазма.

— Эй, Папа, — сказала она, — когда тебе надоест глазеть на навозников, давай съездим куда-нибудь еще.

— Конечно. Можно, например, посмотреть носорога. А еще где-то поблизости ходят две львицы и лев.

— Откуда ты знаешь?

— Львов прошлой ночью видели несколько человек. А следы носорога пересекли тропу буйволов вон там.

— Скоро стемнеет, на цветную пленку не поснимаешь.

— Ну просто так посмотрим.

— Что ж, это более вдохновляюще, чем за навозниками наблюдать.

— Я не ищу вдохновения. Мне нужна мудрость.

— Да уж, не помешает.

Я сообщил Мтуке, что мы поедем искать носорога. Носорог придерживался определенных привычек, и найти его было нетрудно, тем более сейчас, когда он двигался и оставлял следы. Мы обнаружили его там, где и предполагали, но Мэри оказалась права: с имеющейся в нашем распоряжении пленкой фотографировать было уже поздно. Носорог был перемазан в светлой глине

— видимо, пришел с водопоя — и на фоне темных кустов казался белесым призраком.

Мы не стали его тревожить, лишь оставили в легком и живописном недоумении, когда стайка вспугнутых нами буйволовых скворцов снялась с его спины, шумно умчалась к болоту и, не долетев, опустилась на солончак. Ночь обещала быть практически безлунной, и я подумал, что львы обязательно выйдут на охоту, и попытался представить, что чувствует дичь накануне такой ночи. Дичь никогда не чувствует себя в безопасности, а в безлунные ночи особенно, и я вспомнил гигантского питона, выползающего из болота и терпеливо стерегущего добычу. Мы с Нгуи однажды прошли по его следу до самой воды, словно по колее одноколесного грузовика, и глубина местами была чуть не по колено.

На равнине вдоль тропы мы нашли следы двух львиц, одна из которых была довольно крупной, и постарались отыскать их лежбище, но безрезультатно. Самец, похоже, охотился возле заброшенной масайской маньятты. Не исключено, что именно он терроризировал масаи, которых мы навестили сегодня утром. Досужих домыслов, однако, было мало, чтобы санкционировать отстрел. Я решил, что ночью послушаю,

как охотится львиная семейка, и, если завтра утром львы попадутся нам на глаза, я смогу их опознать. Джи-Си, помнится, говорил, что в общей сложности нам придется уничтожить от четырех до шести львов, чтобы обезопасить район. На сегодняшний день мы убили трех, плюс еще масаи закололи одного и ранили второго.

— Не стоит подходить к болоту слишком близко, — сказал я, — а то буйволы нас учуют. Завтра они выйдут пастись на равнину, если их не спугнуть.

Мисс Мэри согласилась, и мы отправились обратно в лагерь. По пути я и Нгуи читали следы.

— Завтра встанем пораньше, дорогая, — говорил я. — Наверняка увидим буйволов на равнине.

— Давай тогда пораньше ляжем. Будем заниматься любовью и слушать ночь.

— Замечательный план.

Глава двадцатая

Мы лежали в кровати, закутавшись в одеяла; ночь выдалась прохладной. Я привалился спиной к брезентовому борту палатки и чувствовал себя уютно. Ночь нивелирует габариты, в постели все люди одного размера, если они любят друг друга. Мы лежали, грея одеяла своими телами, и перешептывались, и слушали гиен: первая разразилась внезапным фламенко, будто кричала в рупор совсем рядом с палаткой, а следом вступил хор за периметром, и я понял, что их взволновало вяленое мясо и близость буйволов. Мэри здорово умела им подражать, что и продемонстрировала тихонько под одеялом.

— Сейчас их полная палатка наберется, — сказал я.

К северу от старой маньятты раздался львиный рык, и в ответ хрипло прокашлялись львицы: семья вышла на охоту. Чуть позже взревел еще один лев — очень, очень далеко.

— Вот бы остаться в Африке на всю жизнь, — сказала мисс Мэри.

— Я тоже хочу остаться здесь навсегда.

— В кровати?

— Увы, в кровати не получится. В лагере.

— И мне здесь нравится.

— Так зачем нам куда-то ехать?

— Может, нас ждут новые чудесные места. Разве тебе не хочется увидеть как можно больше нового, пока ты еще жив?

— Нет.

— Ну что ж, сейчас мы здесь. Не будем думать о других местах.

— Не будем.

Гиена вновь подняла голос, забирая на немыслимую высоту и резко обрывая — раз, другой, третий.

Мэри передразнила ее, и мы засмеялись. Нам было уютно и спокойно, и узкая кровать казалась роскошным ложем.

— Когда я усну, — сказала Мэри, — вытянись во всю длину, не лежи скорчившись. Я пойду к себе в кровать.

— Я тебя закутаю.

— Не надо, спи. Я сама закутаюсь.

— Полежи со мной, радость.

— Хорошо. Но потом пойду к себе, а то для тебя места совсем мало.

— Ничего не мало. Закрывай глаза, спи.

— Ты тоже, любовь моя.

Сквозь дрему я слышал, как тихо ворчал ближний лев и протяжно ревел дальний. Мы обняли друг друга и заснули счастливым сном.

Я не заметил, как Мэри перебралась в свою кровать, и проснулся оттого, что лев прорычал у самого периметра. Казалось, он вот-вот ухватит зубами растяжки палатки. Я понимал, что он где-то за периметром, но низкое рычание доносилось так отчетливо, словно он гулял по территории лагеря. Затем лев снова прорычал, и стало ясно, что он действительно далеко — за дорогой, что вела к взлетной полосе. Я послушал, как он уходит прочь, а потом уснул.

Кто есть кто

Рассказчик. Автор, никогда в жизни не писавший дневников, ведет повествование от первого лица, отталкиваясь от реальных событий годовой давности. В беседе с третьей женой Мартой Геллхорн он однажды заметил: «Мы просто сидим на базаре, скрестив ноги, и те, кому не интересны наши истории, идут мимо».

Мэри. Четвертая и последняя жена Эрнеста Хемингуэя.

Филипп (он же мистер П., он же Отец). Филипп Персиваль. Наверное, самый опытный и мудрый из работавших в Африке профессиональных белых охотников. Прожил чрезвычайно долгую и насыщенную жизнь. Водил на сафари таких интересных личностей, как Тедди Рузвельт и Джордж Истман. Именно его внешностью Хемингуэй воспользовался, когда гримировал знаменитого барона Брора фон Бликсена под белого охотника в «Недолгом счастье Френсиса Макомбера».

Джи-Си (сокращенное *Gin Crazed*, то есть «ошалевший от джина»). Старший егерь округа Каджиадо в бывшей британской колонии Кения. Этот обширный округ простирался к югу от Най-

роби до границы с Танганьикой (ныне Танзания). Ни разу за сафари чета Хемингуэй не покинула пределов округа Каджиадо, за исключением того случая, когда они временно распустили лагерь и поехали в гости к сыну и невестке в Южную Танганьику.

Гарри Данн. Старший офицер полиции в округе Каджиадо.

Уилли. Профессиональный пилот-частник. Чрезвычайно благородный человек, как и все гражданские летчики, никогда не бомбившие мирных людей.

Кейти. Главный завхоз, ключевая фигура в лагере сафари. Его эдвардианские представления об идеальном европейце практически не отличались от взглядов дворецкого из наверняка знакомого большинству читателей кинофильма «Остаток дня» с участием Эммы Томпсон и Энтони Хопкинса.

Мвинди. Правая рука Кейти, начальник обслуживающего персонала.

Мсемби. Стюард.

Мбебиа. Старший повар лагеря. Крайне ответственная роль. Помню, дочь последнего губернатора Бельгийского Конго, приехавшая с мужем на мое сафари, заявила, что жареная

утка, которую она только что отведала, намного превосходит аналогичное блюдо из парижского ресторана «Тур д'Аргент». У сафари-поваров есть свои династии, родоначальники которых учились мастерству у европейских леди, знавших толк в кулинарии. Исаак Дайнесен хорошо описывает процесс такого обучения в книге «Из Африки».

Мтука. Водитель из местных. Новое поколение белых охотников, пришедшее в бизнес после Второй мировой, пользовалось охотничьими джипами собственной конструкции, изготовленными на заказ, однако в лагере Филиппа Персиваля дела обстояли иначе: он ездил на джипе, принадлежавшем организатору сафари, а водителем у него был Мтука. Когда руководство лагерем взял на себя мой отец, Мтука тоже перешел под его начало.

Нгуи. Следопыт и оруженосец Хемингуэя. На самом деле, конечно, ни один человек, обладающий достаточной физической подготовкой для охоты на крупную дичь, не доверит постороннему человеку свое оружие. Когда речь идет о сафари, термин «оруженосец» следует употреблять в значении «проводник из местных», как это делалось в графстве Мэн или в Канаде. Хоро-

ший оруженосец должен был обладать теми же навыками, что и герои Баден-Пауэлла и Эрнеста Сетон-Томпсона: разбираться в растениях, понимать повадки животных, уметь читать следы, особенно следы крови, знать азы выживания в африканской саванне — короче, Кожаный Чулок и Крокодил Данди в одном флаконе.

Чаро. Оруженосец Мэри Хемингуэй. На протяжении книги отец изо всех сил старается подчеркнуть зависимость этических кодов разных культур от обстоятельств места и времени. Западная культура, например, допускает полигамию и полиандрию, так сказать, в последовательном режиме, с размежеванием в виде развода или смерти одного из супругов, однако в каждый отдельно взятый момент человеку дозволяется иметь не более одного партнера. Мэри в момент написания рукописи находится замужем за человеком, расставшимся, посредством развода, с тремя женами, последней из которых вдобавок нет в живых. Сама Мэри тоже успела дважды побывать замужем. Западная этика успешно ограждает ее от параллельной полигамии мужа — тот не имеет права взять вторую жену — и в то же время оказывается бессильной против полигамии последовательной, поэтому Мэри

вынуждена искать иные методы защиты. Отсюда навязчивая необходимость убить льва не так, как это сделала Паулина двадцать лет назад, а по-настоящему. Оруженосцем Паулины, кстати, был не кто иной, как Чаро.

Мвенги. Оруженосец Филипа Персиваля.

Арап Майна. Младший егерь. Самая нижняя ступень в кенийской охотоведческой табели о рангах. Белых людей среди младших егерей не было (а среди старших егерей соответственно не было черных). По-видимому, следует считать совпадением тот факт, что молодого охотника из племени кипсигис, в компании которого знаменитая летчица Берил Маркхем ходила с копьем на африканского бородавочника, тоже звали Арап Майна (эпизод описан в ее книге «На запад, вслед за ночью», а молодой охотник впоследствии погиб на Первой мировой войне).

Чунго. Симпатичный молодой человек, приятный во всех отношениях, егерь под началом Джи-Си. Похож на героя Дензела Вашингтона из замечательной экранизации «Много шума из ничего».

Стукач. Полицейский осведомитель, как нетрудно догадаться. Хемингуэю довелось немало заниматься разведкой, — сперва на гражданской

войне в Испании, в результате чего английский язык обогатился испанским термином «пятая колонна», — затем во время Второй мировой на Кубе, где он помог разоблачить нескольких немецких шпионов, заброшенных в Гавану из Испании (одного из них впоследствии расстреляли). Хемингуэй, единственный из персонажей своей истории, испытывает к Стукачу жалость и симпатию.

Бвана Мышонок. Патрик, средний сын Хемингуэя по прозвищу Мышонок.

Бойз и Мистер Уилли. Коты Хемингуэев, обитатели кубинской усадьбы «Финка Вихия».

Вдова. Мать Деббы. Пользовалась сомнительным покровительством Стукача.

Дебба. Юная африканка. Хемингуэя одно время упрекали в неумении создать реалистичный женский образ. Для хорошего писателя это, конечно, серьезный упрек; все равно что упрекнуть старого художника в незнании анатомии. Хемингуэй вырос под одной крышей с четырьмя сестрами; наверное, у него была возможность кое-чему научиться. Современные критики упрекают его в неполиткорректности. По их мнению, искусство лишь инструмент социальной инженерии. В нацистской Германии политкорректным считалось

изображать евреев мерзкими осквернителями чистого арийского источника. Читателям, вне зависимости от их взглядов на социальную роль искусства, стоит получше присмотреться к Деббе.

Мистер Сингх. В старой колониальной Кении, название которой белые люди произносили как «Киния», население было административно поделено на европейцев, азиатов и африканцев, в зависимости от страны происхождения. Мистер Сингх считался азиатом. Он был сикхом, родом из Пенджаба; недовольство его соотечественников тактикой индийских властей при штурме Золотого храма привело к убийству Индиры Ганди. Сикхи отличаются знанием военного дела и механики, из них выходят отличные летчики, водители, полицейские и электрики. Моему знакомому сикху, инспектору полиции, довелось однажды арестовывать вреднейшую толстую старуху, подозреваемую в отравлении мужа ради страховки, и, хотя она обзывала его «провонявшим карри пердуном», он исполнил свой долг с безупречной вежливостью и профессионализмом.

Миссис Сингх. Очаровательная супруга мистера Сингха.

Словарь суахили

Аскари (сущ.) — солдат. [Заимствовано из турецкого.]

Бабу (сущ.) — предок, дедушка. [В Британской Индии похожим по звучанию словом называли продажных и ленивых местных бюрократов — см. беседу с мистером Сингхом в 14-й главе.]

Бвана (сущ.) — уважительная форма обращения к европейцу, не имеющему официального титула.

Били (числ.) — два. Искаженное *мбили*.

Бома (сущ.) — 1. Забор. 2. Огороженное пространство. 3. Здание городской администрации.

Бундуки (сущ.) — ружье. [Заимствовано из арабского.]

Вакамба (сущ.) — люди племени камба.

Ванаваки (сущ., множ.) — женщины.

Вату (сущ.) — народ.

Джамбо (междом.) — 1. Озабоченность. 2. Форма приветствия (как дела?). Типичный ответ — *сиджамба*, то есть «все в порядке» (*букв.*: озабоченности нет).

Дуды (сущ., множ.) — жучки. Множественное число, некорректно образованное от единствен-

ного (*дуда* — жучок).

Дука (сущ.) — магазин.

Думи (сущ.) — самец животного.

Канга (сущ.) — цесарка.

КАР (сокр.) — военизированное формирование «Королевские Африканские Ружья», офицерами которого были британцы, а рядовыми — местные жители.

Квали (сущ.) — турач, разновидность фазана.

Кве тал (фраза) — как дела.

Квенда (гл.) — ехать, идти.

Квиша (прич.) — закончено, сделано.

Кидого (прил.) — маленький.

Кикамба (сущ.) — язык племени камба.

Конгони (сущ.) — вид антилопы.

Кубва (прил.) — большой.

Кулета (гл.) — принести.

Купига (гл.) — стрелять, бить.

Кууа (гл.) — убить.

Куфа (гл.) — умереть.

Кухалал (гл.) — перерезать горло.

Маньятта (сущ.) — масайский эквивалент бомы.

Мафута (сущ.) — жир, сало.

Мбили (числ.) — два. [В разговоре с Деббой (глава 14) Хемингуэй намеренно употребляет ма-

логрaмотную форму «били» — возможно, чтобы фраза больше походила на рыцарский девиз.]

Мванамуки (сущ.) — женщина.

Мганга (сущ.) — колдун, добрый чародей.

Мемсаиб (сущ.) — вежливое обращение к европейской женщине, не имеющей официального титула.

Мзи (сущ.) — старик.

Мзури (нареч.) — хорошо.

Мими (местоим.) — я.

Минги (числ.) — много.

Моджа (числ.) — один.

Морани (сущ.) — солдат, воин. Масайский эквивалент аскари.

Мтото (сущ.) — ребенок.

Мчави (сущ.) — колдунья.

На (предл.) — предлог, указывающий направление движения, напр. «Квенда на Шамба».

Нанаке (сущ.) — сын, подросток, еще не мужчина.

Нгома (сущ.) — танец.

Нджедж (сущ.) — птица, самолет.

Ндио (част.) — да.

Ньяньи (сущ.). — бабуин.

Панга (сущ.) — мачете, тесак.

Пига (гл.) — стрелять.

Поли-поли (нареч.) — медленно.

Помбе (сущ.) — самодельное пиво.

Пошо (сущ.) — кукурузная каша.

Рисаси (сущ.) — пуля.

Самаки (сущ.) — рыба.

Сана (нареч.) — очень.

Симба (сущ.) — лев.

Сопа (част.) — универсальная форма приветствия.

Тембо (сущ.) — 1. Слон. 2. Крепкий спиртной напиток.

Ту (междом.) — только, вот и все.

Тунауа (гл., сущ.) — убить, убийство.

Укамбани (нареч.) — на территории племени камба.

Учави (сущ.) — колдовство.

Хапана (част.) — нет.

Хико-хуко (фраза) — он(о) там.

Ходи (междом.) — привет, алло.

Чай (сущ.) — чай.

Чакула (сущ.) — еда.

Чуи (сущ.) — леопард.

Шамба (сущ.) — 1. Деревня, ферма. 2. Небольшое возделанное поле. 3. Название поселка, где жили Дебба, Стукач и другие.

Шаури (сущ.) — дело, занятие, забота.

От переводчика

Неоконченная африканская рукопись Хемингуэя издавалась дважды: сперва в редакции Патрика Хемингуэя (этот вариант читатель сейчас держит в руках), а потом в первозданном виде, без каких-либо исправлений, под названием «Under Kilimanjaro» («У Килиманджаро»). Сравнивая две версии, можно заключить, что сын писателя, весьма основательно перекроив композицию и сократив объем, практически не тронул стиль черновика. Такое решение можно понять, однако с его последствиями сложно работать. Если на языке оригинала небрежный черновой стиль — с повторами, двусмысленностями, искажениями грамматики и т. п. — вполне приемлем и даже воспринимается как признак аутентичности, то при переводе «божественную корявость» практически невозможно сохранить (точнее, воспроизвести) без ущерба для читателя. При этом основной целью Патрика была, надо полагать, именно доступность: он хотел сделать рукопись отца более понятной и увлекательной. Чтобы не саботировать его усилий, я взял на себя смелость выправить наиболее явные грамматические

и стилистические аномалии — постаравшись при этом окончательно не «испортить телефон». Надеюсь, баланс соблюсти удалось, и читателю будет интересно; любители же буквальной точности всегда могут обратиться к полной версии.

Никита Красников

От редактора

Спасибо обладателю авторских прав на произведения Эрнеста Хемингуэя Майклу Катакису — от меня и от моих братьев — за поддержку нашей убежденности в том, что игра стоит свеч.

Спасибо персоналу библиотеки Джона Ф. Кеннеди, особенно Меган Деснойерс и Стефану Плоткину, чей профессионализм в работе с архивами так необходим исследователям, имеющим дело с рукописями Хемингуэя.

Спасибо редакторам издательского дома «Скрибнер», в первую очередь Чарлзу Скрибнеру-третьему и Гиллиану Блейку, за помощь благодарному дилетанту.

Отдельное спасибо любимой супруге Кэрол, верящей вместе со мной, что писательский труд почетен и нужен и что лучше один раз прочесть, чем семь раз увидеть.

Патрик Хемингуэй

Содержание

Зеленые холмы Африки. *Перевод В. Бернацкой* 5
Проблеск истины. *Перевод Н. Красникова* 211

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Хемингуэй Эрнест

ЗЕЛЕНЫЕ ХОЛМЫ АФРИКИ ПРОБЛЕСК ИСТИНЫ

*Романы*Художественный редактор *Е. Фрей*Технический редактор *Г. Этманова*Компьютерная верстка *О. Шувалова*Корректор *М. Смирнова*

ООО «Издательство АСТ» 129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5 Наш электронный адрес: **www.ast.ru** E-mail: neoclassic@ast.ru ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic «Баспа Аста» деген ООО 129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru E-mail: neoclassic@ast.ru Қазақстан Республикасында

дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.11.2016. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.

Тираж экз. Заказ.